

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

II ¹⁾.

Вопросъ о составленіи и печатаніи во всеобщее свѣдѣніе Свода изъ отчетовъ министерствъ.—Противодѣйствіе тому графа Чернышева, князя Меншикова и графа Канкринна.—Императоръ Николай и докторъ Енохинъ.—Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.—Основаніе нѣмъ училища Правовѣдѣнія.—Докторъ Мандтъ.—Отъѣздъ барона Корфа за границу.—А. Д. Боровковъ въ должности государственнаго секретаря.—Взглядъ императора на службу и обязанности.—Встрѣча архимандрита Фотія съ государемъ.—Петербургскій комендантъ Мартыновъ.—Обворожительныя черты характера Николая I.—Кончина графа Новосильцева и назначеніе графа И. В. Васильчикова председателемъ Государственнаго Совѣта.—Выговоръ императора Николая барону Корфу.—Графъ Н. С. Мордвиновъ.—Возвращеніе государя изъ за границы въ 1838 году.—Путешествіе на перекладной.—Императоръ Николай на гѣсахъ Исаакіевскаго собора.—Сватовство герцога Лейхтенбергскаго.—Возобновленіе Фельдмаршальской залы въ Зимнемъ дворцѣ.

тчеты почти всѣхъ министерствъ печатаются у насъ теперь въ общее свѣдѣніе. Косвенною тому причиною былъ я, или, точнѣе сказать, работа, сдѣланная мною и имѣвшая первоначально другое предназначеніе. Подробности всего этого дѣла едва ли кому-либо, даже изъ современниковъ памяtnыя, представляютъ довольно любопытную страницу для исторіи царствованія императора Николая и тогдашней нашей администраціи.

При первомъ образованіи министерствъ, въ 1802 году, каждому

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ 1899 г., май.

министру велѣно было отдавать Сенату ежегодный отчетъ какъ въ управленіи частью, такъ и въ ассигнованныхъ на нее суммахъ. Сенатъ, съ своей стороны, долженъ былъ, изслѣдовавъ (подлинныя слова закона) отчетъ въ присутствіи министра, требовать отъ него нужныхъ поясненій, слѣдить его показанія съ донесеніями разныхъ мѣстъ и разсматривать всѣ высочайшіе указы и повелѣнія, послѣдовавшія по его части въ теченіе года, и затѣмъ подносить отчетъ государю съ своимъ мнѣніемъ.

Этотъ, нѣкоторымъ образомъ конституціонный порядокъ, въ первые два или три года дѣйствительно соблюдался, хотя, впрочемъ, и не во всѣмъ министерствамъ; но потомъ разсмотрѣніе отчетовъ Сенатомъ превратилось въ одинъ письменный обрядъ, а наконецъ и самый этотъ обрядъ временемъ и силою обстоятельствъ пресѣкся.

Въ 1811 году, при новомъ образованіи министерствъ (дѣйствующемъ, какъ извѣстно, еще и теперь), отчеты раздѣлены на три части: 1) отчеты въ суммахъ, которые велѣно отдавать государственному контролю, 2) отчеты въ дѣлахъ, которые предназначено вносить для разсмотрѣнія въ Государственный Совѣтъ и потомъ печатать, и 3) отчеты о видахъ и предположеніяхъ къ усовершенію каждой части, которые велѣно министрамъ подносить непосредственно на высочайшее воззрѣніе, съ тѣмъ, чтобы они оставались у государя.

Оба послѣднія постановленія никогда вполнѣ выполняемы не были. Опала и удаленіе отъ дѣлъ творца министерскаго образованія 1811 г., Сперанскаго, отозвались и на этомъ предметѣ. Въ 1812 году поступило въ Совѣтъ только самое малое число отчетовъ, а съ 1813 года доставленіе ихъ совсѣмъ прекратилось. Одинъ графъ Канкринъ, принявъ министерство финансовъ въ 1823 году, внесъ, вдругъ за десять лѣтъ, отчеты, остававшіеся отъ его предшественника и съ тѣхъ поръ постоянно продолжалъ представлять въ Совѣтъ такіе же по своему управленію. Печатаемо не было рѣшительно ничего ¹⁾.

Третья эпоха въ порядкѣ министерскихъ отчетовъ началась съ царствованія императора Николая.

Рескриптомъ 30-го сентября 1826 года, на имя тогдашняго предсѣдателя комитета министровъ князя Лопухина, повелѣно было, чтобы къ 1-му января 1827 года каждый министръ представилъ его величеству, черезъ сей комитетъ, отчетъ о своей части за 1826 годъ, съ приложеніемъ и счетовъ денежныхъ суммъ. Потомъ, въ февралѣ 1828 года велѣно, чтобы министры поспѣшили представленіемъ своихъ отчетовъ

¹⁾ Печатаніе извѣстныхъ отчетовъ графа Кочубея по министерству внутреннихъ дѣлъ относится къ эпохѣ предыдущей и съ 1808 года тоже прекратилось.

тѣмъ же порядкомъ и за 1827 годъ, соблюдая сей порядокъ и на будущее время ⁴⁾).

Такимъ образомъ, средоточіемъ отчетовъ (кромѣ по министерству финансовъ) сдѣлался, вмѣсто Совѣта, комитетъ министровъ. Но какъ сей послѣдній, ни по составу его, ни по множеству текущихъ занятій, ни по самому порядку производства въ немъ дѣлъ, не могъ разсматривать отчетовъ, то все ограничилось одною формою: министры (не всѣ, однако же, какъ ниже видно будетъ) присылали свои отчеты при самыхъ краткихъ запискахъ, а комитетъ, не читая отчетовъ и, слѣдственно, не постановляя по нимъ и заключенія, подносилъ государю въ подлинникахъ. Потомъ, если были какія-нибудь замѣчанія или приказанія отъ самого государя, они приводились въ дѣйствіе черезъ комитетъ, а въ противномъ случаѣ, по возвращеніи отъ его величества, сдавались въ комитетскій архивъ.

Между тѣмъ, еще въ 1827 году государь собственноручною резолюціею указалъ, чтобы въ канцеляріи комитета ежегодно составляемъ былъ изъ всѣхъ министерскихъ отчетовъ общій Сводъ, по формѣ, въ какой представлялись тогда отчеты отъ управленія Царства Польскаго. Но впослѣдствіи это высочайшее повелѣніе, кажется, было забыто и какъ дальнѣйшихъ подтвержденій не послѣдовало, то управлявшій дѣлами комитета Гежелинскій, отъ обыкновенной ли его небрежности или по недостатку средствъ и времени, ни самъ за сказанное дѣло не принимался, ни другимъ его не поручалъ, такъ что ни тогда, ни послѣ не было сдѣлано и приступа къ исполненію высочайшей воли.

Въ началѣ 1831 года, когда, съ отрѣшеніемъ Гежелинскаго отъ должности, возложено было на меня привести въ порядокъ все имъ запущенное, въ бумагахъ его отыскалось и упомянутое высочайшее повелѣніе. По докладу моему о немъ, высочайше утвержденнымъ журналомъ комитета 7-го февраля 1831 года опредѣлено: «Поступившіе отъ нѣкоторыхъ министерствъ отчеты до 1830 года, какъ покрывающіеся уже отчетами, собственно, за сей годъ, оставить при дѣлахъ комитета безъ дальнѣйшаго производства; по поступленіи же всѣхъ отчетовъ за 1830 годъ составить изъ нихъ въ канцеляріи комитета, для представленія его величеству, одинъ общій». Но хотя съ 6-го мая 1831 года

⁴⁾ Сроки представленія отчетовъ неоднократно измѣнялись. Вмѣсто 1-го января, какъ велѣно было представить ихъ за 1826 годъ, потомъ установлено подносить ихъ къ 1-му марта. Но какъ и тутъ опытъ показалъ невозможность общаго исполненія, то въ 1834 году комитетъ признавалъ за необходимое, для полноты и большаго совершенства отчетовъ, продлить срокъ представленія по 1-е іюня. Государь, однако же, не изъявилъ на это согласія и, въ собственноручной резолюціи, приказалъ, чтобы отчеты представлялись не позже 1-го мая.

должность управляющаго дѣлами комитета была окончательно замѣщена мною, однако сіе положеніе также осталось безъ исполненія и не могло даже и быть исполнено, токъ какъ за 1830 годъ поступило въ комитетъ чрезвычайно мало отчетовъ.

Въ началѣ 1832 года я счелъ долгомъ снова напомнить объ этомъ дѣлѣ, и въ февралѣ предсѣдатель комитета министровъ, князь Кочубей, объявилъ, «что государю императору благоугодно было возобновить высочайшее повелѣніе, въ 1827 году данное, чтобы изъ всѣхъ отчетовъ, его величеству за 1831 годъ представляемыхъ, составленъ былъ въ комитетѣ министровъ одинъ общій отчетъ, возложивъ таковую работу въ особенности на управляющаго дѣлами комитета». вмѣстѣ съ тѣмъ, повелѣно было этотъ Сводъ отчетовъ «составить съ возможнымъ раченіемъ, на случай высочайшаго соизволенія предать оный тисненію». Наконецъ въ другомъ, тогда же состоявшемся объяснительномъ высочайшемъ повелѣніи, прибавлено, что «его величество, изъявляя высочайшую волю о составленіи и напечатаніи такового Свода, имѣтъ изволить двоякую цѣль: во-первыхъ, дабы собственно самому имѣтъ въ общемъ обзорѣ точное свѣдѣніе о дѣйствіяхъ и состояніи каждой части управленія, въ томъ наипаче отношеніи, что таковые своды доставятъ его величеству болѣе удобства обращать вниманіе на тѣ предметы, кои требуютъ могутъ особыхъ распоряженій или поощреній, такъ какъ министры имѣютъ обязанность въ отчетахъ своихъ не только излагать положеніе частей, имъ ввѣренныхъ, но и представлять о видахъ къ улучшенію оныхъ; во-вторыхъ, чтобы не оставлять безъ общей извѣстности той дѣятельности и того усерднаго старанія, которыя начальствующими разныхъ частей государственнаго управленія къ усовершенствованію оныхъ прилагаются, согласно волѣ его величества и постояннымъ его стараніямъ, дабы государство процвѣтало и подданные удостовѣрялись, что таково есть искреннее и непремѣнное желаніе его величества». Проектъ этого повелѣнія написалъ самъ князь Кочубей, со словъ государя, а прежде объявленія комитету еще разъ представлялъ эту бумагу на его утвержденіе.

Такое изъясненіе воли государя показало всю важность въ его глазахъ предположеннаго начинанія, и я принялся за работу съ пламеннымъ усердіемъ, со всѣмъ энтузіазмомъ молодого человѣка, съ полнымъ желаніемъ произвести что-нибудь не рядовое, а по возможности хорошее и отчетливое. Способы, которыхъ я потребовалъ для приведенія въ исполненіе высочайшей воли, были очень ограничены: испрашивалось всего только прибавки трехъ писцовъ къ штату комитетской канцеляріи, въ чемъ мнѣ, разумѣется, и не отказали. Но первое обозрѣніе матеріаловъ, имѣвшихся въ комитетѣ для общаго за 1831 годъ свода, тотчасъ обнаружило, что ихъ очень мало или совсѣмъ почти нѣтъ. От-

четы были получены лишь отъ почтоваго департамента, министерства просвѣщенія, государственнаго контроля и главнаго управленія путей сообщенія. Не доставало, слѣдственно, всего важнѣйшаго: отчетовъ обоихъ военныхъ управленій, министерствъ иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи, императорскаго двора, синодальнаго, жандармской части и множества разныхъ установленій, подъ особыми начальствами состоящихъ. Я немедленно представилъ объ этой скудости матеріаловъ, недозволявшей помышлять даже о первомъ приступѣ къ работѣ, и государь—доказательство сколько это дѣло привлекало его вниманіе—въ поднесенномъ мною реестрѣ сдѣлалъ собственноручно всѣ нужныя разрѣшительныя отиѣтки. Такимъ образомъ, министерство иностранныхъ дѣлъ было имъ совсѣмъ исключено; противъ министерства финансовъ отиѣчено, чтобы объясниться съ министромъ; противъ жандармской части: «кромѣ секретной»; къ установленіямъ особыхъ вѣдомствъ прибавлены учрежденія императрицъ Маріи и Александры. Сверхъ того, разослано было ко всѣмъ начальствамъ циркулярное повелѣніе: 1) чтобы, для составленія предположеннаго Свода, они не замедляли поднести его величеству свои отчеты, и 2) что, для успѣшнѣйшаго совершенія сей работы, мнѣ предоставляется требовать отовсюду всѣ нужныя дополнителныя свѣдѣнія.

Симъ положено было рѣшительное начало если еще не самой работѣ, то, по крайней мѣрѣ, собранію матеріаловъ. Но и это первое дѣйствіе должно было встрѣтить огромныя, казавшіяся почти неодолимыми, затрудненія и препятствія. Нѣкоторые министерства (напримѣръ оба военные и юстиціи) и разные отдѣльныя начальства до тѣхъ поръ не представляли никогда никакихъ отчетовъ (кромѣ денежныхъ въ контроль); другія ограничивали всю свою отчетность одними перечневыми вѣдомостями о нерѣшенныхъ дѣлахъ. Составленіе настоящаго, систематическаго отчета о дѣйствіяхъ представлялось, слѣдственно, для тѣхъ и другихъ, трудомъ совершенно новымъ, къ которому не было ни руководства, ни готовыхъ матеріаловъ, ни людей. Все это крайне замедляло присылку въ комитетъ частныхъ отчетовъ и нѣкоторые были получены уже въ позднюю осень, частью даже въ ноябрѣ. Сверхъ того, самъ я по крайне разстроенному здоровью, принужденъ былъ провести лѣтнее время на водахъ въ Ревелѣ. Оттого моя личная работа могла начаться не прежде августа и, за всѣмъ тѣмъ, этотъ, смѣю сказать, исполинскій трудъ совершенъ былъ въ четыре мѣсяца, ибо 5-го декабря онъ лежалъ уже готовый въ государевомъ кабинетѣ. Единственнымъ, но весьма полезнымъ мнѣ помощникомъ былъ нѣкто Теубель, въ то время начальникъ отдѣленія канцеляріи комитета министровъ, а впоследствии правившій должность статсъ-секретаря въ департаментѣ законовъ, чело-
вѣкъ очень умный, просвѣщенный и трудолюбивый. Большая часть

предварительной работы была подготовляема имъ по моему плану и безъ его трудовъ, не ослабѣвавшихъ при встрѣчѣ со всевозможными препятствіями, я едва ли бы успѣлъ сдѣлать то, чего мы вмѣстѣ достигли.

При томъ разнообразіи, какое являлось въ министерскихъ отчетахъ касательно болѣе или менѣе подробности содержавшихся въ нихъ свѣдѣній и самаго воззрѣнія на предметы, прежде всего надобно было заняться пополненіемъ матеріаловъ. Дополнительные свѣдѣнія сего рода, во многомъ, впрочемъ, не удовлетворявшія требованіямъ и ожиданіямъ, получались изъ министерствъ въ продолженіе самой работы, частью же собраны были мною непосредственно въ подлежащихъ департаментахъ. Этотъ мелочный трудъ былъ крайне обременителенъ. Незнаніе и недостатокъ доброй воли въ тѣхъ чиновникахъ, отъ которыхъ требовались данныя, заставляли меня рыться лично въ подлинныхъ дѣлахъ. Множество любопытнаго отыскано было также въ актахъ Государственнаго Совѣта, самаго комитета министровъ, разныхъ комитетовъ временныхъ, архивовъ старыхъ и новыхъ. Все мнѣ было открыто и я всѣмъ пользовался съ жадностью, не одинъ разъ проходя, по алфавитамъ, и всѣ 50 томовъ «Полнаго Собранія Законовъ», чтобы обнять послѣдовательную цѣпь всѣхъ измѣненій нашего законодательства и отыскать связь прошедшаго съ настоящимъ. Между тѣмъ и текущіе дѣла комитета должны были идти своимъ порядкомъ. Разумѣется, что въ эти четыре мѣсяца я не жилъ уже ни для семейства, ни для свѣта: работа брала у меня ежедневно по 15—16 и болѣе часовъ.

Вторая часть труда состояла въ совокупленіи собранныхъ матеріаловъ въ одно цѣлое, съ возможнымъ единствомъ плана и редакціи. Образцомъ, какъ выше сказано, данъ былъ отчетъ Царства Польскаго ⁴⁾. Но это значило втѣснить великана въ платье карлика! Сверхъ того, польскій отчетъ, которому предшествовали многіе за предыдущіе годы, обнималъ событія и распоряженія, собственно, одного года, а прежнее состояніе каждой части и всѣ постепенныя ея улучшенія предполагались уже извѣстными. У насъ, напротивъ, гдѣ никогда подобныхъ общихъ отчетовъ не бывало, представлялось необходимымъ, для общей связи и даже для самой вразумительности Свода, на случай его напечатанія, обращаться постоянно назадъ и указывать сперва начало и переходы каждаго предмета до настоящаго его положенія. Это было необходимымъ условіемъ перваго въ своемъ родѣ отчета, условіемъ, которое еще болѣе меня обременяло, но котораго исполненіе я самъ на себя добросовѣстно наложилъ, чтобы дать моему работѣ характеръ не

⁴⁾ Мнѣ присланъ былъ отчетъ за 1828 годъ, поданный въ 1830 году: онъ былъ послѣдній при конституціонномъ правленіи Польши.

только современной статистики и, но и послѣдовательной исторіи. Затѣмъ, для удобства въ размѣщеніи предметовъ и въ дополненіи частныхъ отчетовъ какъ взаимно между собою, такъ и изъ другихъ источниковъ, я далъ главнымъ частямъ заглавія, заимствованныя не отъ названій и раздѣленій министерствъ, а отъ рода предметовъ. Подраздѣленія истекли сами собою отъ естественной связи частей и отъ большаго или меньшаго обилія собранныхъ матеріаловъ. Ученые выводы, сравненія, умозаключенія, всѣ вообще формы, нисто-ученымъ твореніямъ свойственныя, казались мнѣ въ работѣ такого рода совершенно неумѣстными, и потому я принялъ образъ редакціи чисто-повѣствовательный. Тутъ не было ни критики существующаго, ни желаній лучшаго, ни видовъ и надеждъ для переду: изображалось одно только настоящее и, по связи съ нимъ, прошедшее, безъ указаній на будущее. Такъ какъ Сводъ предназначался къ напечатанію, а въ отношеніи къ публикѣ не могло быть ни отчета, ни свода отчетовъ, то мы съ княземъ Кочубеемъ долго также размышляли о причинѣйшемъ для этой работы наименованіи. Наконецъ, по общему совѣту, рѣшено было назвать ее: «Обозрѣніе всѣхъ частей государственнаго управленія въ 1831 году».

«Обозрѣніе» состояло изъ текста и изъ таблицъ ¹⁾.

Таблицъ было приложено 108; нѣкоторыя въ колоссальныхъ размѣрахъ. При министерскихъ отчетахъ не было и третьей ихъ части, но и тѣ всѣ пришлось переделывать и приспособить къ общему плану.

¹⁾ Содержаніе и раздѣленіе текста:

I. Духовныя дѣла. 1) Управленіе церкви грекороссійской. 2) Управленіе иновѣрныхъ исповѣданій.

II. Народное просвѣщеніе.

III. Полиція и внутреннія дѣла (въ обширѣйшемъ смыслѣ). 1) Общественное благочыніе. 2) Повинности. 3) Народное продовольствіе. 4) Колонія. 5) Разныя отрасли земледѣлія и домоводства. 6) Пути сообщенія. 7) Почты. 8) Медицинская полиція. 9) Общественное призрѣніе (со включеніемъ и всѣхъ благотворительныхъ заведеній разныхъ отдѣльныхъ вѣдомствъ). 10) Государственное благоустройство: а) Устройство мѣстныхъ управленій. б) Народосчисленіе. в) Составъ народонаселенія. г) Дворянскія общества. д) Города. е) Столицы. ж) Строительная часть въ губерніяхъ з) Селенія. и) Смыслы. н) Россійско-американскія колонія.

IV. Судъ. (Движеніе судебныхъ дѣлъ; новые законы 1831 года; судопроизводство).

V. Военныя силы. (Состояніе арміи и флота; исторія и состояніе военныхъ поселеній; военно-учебныя заведенія).

VI. Государственные доходы и расходы: 1) Разныя вѣтви и движеніе государственныхъ доходовъ. 2) Государственный кредитъ. 3) Казначейство или движеніе и оборотъ поступившихъ суммъ. 4) Ревизія счетовъ (контроль).

VII. Удѣлы.

Наружность работы соответствовала внутреннему богатству собранныхъ въ ней и частью никому дотолѣ недоступныхъ свѣдѣній. Все было переписано и переплетено съ невиданною у насъ прежде роскошью и даже украшено виньетками, работы одного изъ моихъ же чиновниковъ (Обыденнаго, вскорѣ послѣ умершаго). Въ такомъ видѣ я вручилъ мое произведеніе, 3-го декабря 1832 года, князю Кочубею, съ докладною отъ меня запискою государю, въ которой подробно описывалъ ходъ работы, ея расположеніе и матеріалы. Въ этотъ день я впервые, послѣ четырехъ мѣсяцевъ, насладился безцѣннымъ отдыхомъ!

5-го декабря, т. е. наканунѣ именинъ государя, трудъ мой поднесенъ былъ Кочубеемъ, при особомъ и отъ него докладѣ, въ которомъ: «свидѣтельствуя объ усердіи и особенномъ прилежаніи, съ коими дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ Корфъ исполнилъ возложенное на него порученіе, съ толикими трудностями по новости и сложности своей сопряженное», онъ представлялъ: не угодно ли будетъ государю повелѣть, чтобы отчеты министровъ военнаго, морского и финансовъ въ томъ видѣ, какъ они введены въ Сводъ, «были предварительно сообщены имъ, министрамъ, съ тѣмъ чтобы они могли еще ближе вникнуть, не нужно ли чего либо изъ оныхъ при печатаніи исключить, или представить иное въ другомъ видѣ». Онъ прибавлялъ далѣе, что «можно равнымъ образомъ и къ другимъ министрамъ отчеты ихъ препроводить, хотя впрочемъ въ сихъ послѣднихъ, какъ кажется, не находится ничего, что не могло бы имѣть полной гласности».

На сей докладъ имъ же, Кочубеемъ, объявлено было высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія:

- 1) Сводъ отчетовъ—напечатать.
- 2) Отчеты министровъ военнаго, морского и финансовъ препроводить предварительно къ нимъ, для разсмотрѣнія въ вышеозначенномъ смыслѣ.
- 3) О напечатаніи Свода отчетовъ снести съ начальствомъ типографіи II-го отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи.

Симъ, казалось, окончательно была опредѣлена участь этого важнаго дѣла. Но ему предстоялъ другой, тогда, конечно, совсѣмъ непредвидѣнный исходъ.

Министры военный (графъ Чернышевъ) и начальникъ главнаго морского штаба (князь Меншиковъ) отвѣчали, что доставленная имъ работа совершенно удовлетворительна, но напечатать, въ общемъ ея составѣ, отчеты ихъ частей вовсе неудобно. Первый, т. е. Чернышевъ, причиною къ тому приводилъ, что сколько ни полезно въ отчетахъ самому государю откровенное показаніе всѣхъ свѣдѣній о личномъ составѣ войскъ и о военномъ хозяйствѣ, столько же обнародованіе ихъ можетъ вести къ разнымъ неблагопріятнымъ сужденіямъ и заключеніямъ, внѣ

и внутри государства; если же исключить сіи свѣдѣнія изъ отчета, то онъ потеряетъ всю занимательность и всякое значеніе. Послѣдній, г. е. Меншиковъ, изъявлялъ опасеніе, чтобы ежегодное обнародованіе нашихъ морскихъ силъ и способовъ къ увеличенію ихъ по видамъ правительства, особенно въ Черномъ морѣ, не дало повода къ разнымъ вопросамъ со стороны иностранныхъ державъ.

Но всего любопытнѣе и сильнѣе былъ отвѣтъ министра финансовъ (графа Канкринъ). Обращаясь отъ своего отчета и къ прочимъ, онъ доказывалъ неудобство изданія въ свѣтъ общаго ихъ Свода главнѣйше слѣдующими доводами:

1) Не малая часть Свода состоитъ изъ статистическихъ свѣдѣній, которыя для общаго понятія о дѣлѣ могутъ быть необходимы, но иногда слишкомъ дробны, иногда неудовлетворительны, и вообще могутъ дать поводъ къ недоразумѣніямъ.

2) Нельзя ожидать, чтобы публика судила о сихъ отчетахъ хотя съ нѣкоторою справедливостію, а скорѣе должно предвидѣть критику и толки о томъ, что дѣйствія правительства были малозначительны. Это свойственно духу нашего времени, а притомъ, если отдѣлить отъ отчетовъ побочную часть статистики и дѣйствія текущія, то, собственно въ разрядѣ высшихъ административныхъ мѣръ, они и въ самомъ дѣлѣ едва ли представляютъ довольно улучшеній, чтобы удовлетворить увеличеннымъ требованіямъ умовъ. Посему напечатаніе отчетовъ скорѣе можетъ обратиться къ порицанію, нежели къ похвалѣ дѣйствій правительства. Если же напечатанное сообщить только не многимъ, то и тогда оно не останется тайною для большей части публики и многія несправедливыя сужденія распространятся по одной наслышкѣ.

3) Обращаясь въ частности къ отчету министерства финансовъ, нельзя не замѣтить, что много сказано о частяхъ подчиненныхъ, между тѣмъ какъ о главныхъ должно было выговариваться съ осторожностію; почему всякъ догадается, что сказано не все, а подобныя умолчанія не премѣнно возбуждаютъ и неправильныя догадки и неудовольствіе.

Вслѣдствіе того Канкринъ полагалъ, что если въ другихъ государствахъ сдѣлалось уже неизбѣжнымъ публиковать отчеты о дѣйствіяхъ правительства, то въ нашемъ монархическомъ правленіи обнародованіе ихъ, такъ сказать, въ массѣ едва ли еще не преждевременно. Можно, продолжалъ онъ, принять, напротивъ, гораздо полезнѣйшій видъ откровенности, печатая отдѣльно, въ полуофіціальномъ видѣ и въ разное время, отчеты по частнымъ предметамъ, по которымъ нельзя ни подозрѣвать умолчаній, ни видѣть общую связь управленія. Такимъ образомъ можно будетъ обходить цѣлые департаменты, не возбуждая въ публикѣ неудовольствій.

Въ заключеніе министръ присовокуплялъ нѣчто въ родѣ извиненія

или очистки передо мною въ томъ, что сказано имъ было болѣе по случаю, нежели на счетъ моей работы.

«Впрочемъ—писалъ онъ—такое мнѣніе мое отнюдь не относится къ порицанію самаго составленія Свода, которому я отдаю всю справедливость: трудъ, подъятый при семъ случаѣ составителемъ, будучи притомъ для него постороннимъ, заслуживаетъ вполне уваженія».

Всѣ эти отвѣты князь Кочубей представилъ государю и отсюда сдѣланъ былъ первый шагъ къ отмѣнѣ прежняго повелѣнія. Комитету объявлено, что государь, по разсмотрѣніи сказанныхъ отзывовъ, «не отвергая что въ отчетахъ, собственно лицу его представляемыхъ и служившихъ главными къ Своду матеріалами, конечно быть могутъ предметы, которые неудобно обнародовать во всеобщее свѣдѣніе, высочайше повелѣть изволилъ: какъ самый Сводъ, такъ и отзывы министровъ, внести въ комитетъ министровъ, съ тѣмъ чтобы, разсмотрѣвъ оныя немедленно, комитетъ представилъ его величеству заключенія свои о томъ, какія изъ частей помянутаго Свода могутъ быть напечатаны, и всѣ ли вмѣстѣ, или отдѣльно по каждой части?»

Для исполненія сего комитетъ тотчасъ собрался въ чрезвычайномъ засѣданіи. Заключение его уже нѣкоторымъ образомъ предопредѣлялось вышеизложенными отзывами министровъ и особенно министра финансовъ, который и въ самомъ этомъ засѣданіи былъ душою всѣхъ сужденій. Чернышевъ и Меншиковъ не пріѣхали, а для прочихъ членовъ это дѣло было совѣмъ новое. Кочубей съ своей стороны, прежде сильно настаивавшій на напечатаніи Свода, прочитавъ отвѣты министровъ, тотчасъ заколебался, а послѣ личныхъ съ ними объясненій и совѣмъ уже перемѣнилъ своя мысли. Такимъ образомъ вышелъ примѣчательный журналъ 6-го мая 1833 года.

Комитетъ начиналъ его замѣчаніемъ, что дѣло сіе сопряжено въ послѣдствіяхъ своихъ съ важнѣйшими государственными интересами; почему и необходимо вникнуть въ оное со всею внимательностію.

За тѣмъ вопросъ обсуживаемъ былъ съ двухъ сторонъ: 1) вообще касательно отчетовъ министерскихъ, 2) въ частности, касательно составленнаго мною изъ нихъ Свода.

Въ отношеніи къ первому предмету комитетъ находилъ, что воля государя,—чтобы движеніе разныхъ частей государственнаго управленія не оставалось безъ общей извѣстности и чтобы, черезъ гласность ихъ, подданные удостовѣрялись въ желаніи правительства о возможномъ ихъ усовершеніи, въ большей части министерствъ можетъ быть исполнена, безъ всякихъ неудобствъ, печатаніемъ частныхъ ихъ отчетовъ; причемъ умолчаніе о нѣкоторыхъ предметахъ не нарушитъ общей связи и самый отчетъ не утратитъ черезъ то существеннаго своего достоинства. Но распространить ту же мѣру на оба министерства воен-

ныя и на министерство финансовъ крайне затруднительно и даже едва ли не совершенно невозможно, ибо составъ военныхъ силъ, или все то, чѣмъ государство можетъ располагать для внѣшней обороны и охраненія внутренняго спокойствія, всегда составляло у насъ одну изъ важнѣйшихъ государственныхъ тайнъ, а ограничиться здѣсь одними частными умолчаніями, какъ въ отчетахъ прочихъ министерствъ—нельзя. Съ другой стороны, если въ кругу министерства финансовъ есть, конечно, цѣлыя части, не требующія тайны, и если въ немъ сосредоточиваются такія свѣдѣнія, которыхъ гласность даже весьма полезна, то все сіе и теперь уже печатается въ издаваемыхъ при разныхъ департаментахъ журналахъ, слѣдственно съ тою степенью officialности, которая достаточно обезпечиваетъ вѣрность сихъ свѣдѣній. Но есть, напротивъ, другіе предметы, и именно, подобно отчетамъ военнымъ, самыя важнѣйшіе, которыхъ обнародованіе невозможно. Таковы, на примѣръ, государственная роспись, обороты казначейства, состояніе недоимокъ, дефициты, ресурсы правительства и пр. Нѣкоторые и изъ этихъ предметовъ, правда, болѣе или менѣе извѣстны публикѣ, по частнымъ слухамъ и соображеніямъ, но самый сей способъ извѣстности отнимаетъ у нихъ всякую достовѣрность и всѣ сужденія обращаетъ въ одніи лишь догадки.

Вслѣдствіе сего комитетъ полагалъ:

- 1) Годичныя по каждой части отчеты вносить на высочайшее воззрѣніе, по прежнему, черезъ сей комитетъ.
- 2) Отчеты военныхъ управленій, по возвращеніи отъ его величества, хранить въ архивѣ комитета, безъ дальнѣйшей огласки.
- 3) Изъ отчетовъ министерства финансовъ предоставить министру печатать, какъ и прежде, въ издаваемыхъ при его департаментахъ журналахъ, тѣ части или статьи, которыхъ обнародованіе не можетъ, по его усмотрѣнію, сопряжено быть ни съ какими неудобствами.
- 4) Затѣмъ отчеты всѣхъ прочихъ министровъ, по возвращеніи отъ его величества, обращать къ нимъ, дабы, за исключеніемъ подлежащаго гласности и собственныхъ ихъ предположеній къ улучшенію части, все прочее было печатаемо въ общее извѣстіе.

Въ отношеніи ко второму предмету, то-есть къ составленному мною Своду, комитетъ противопоставлялъ обнародованію его въ общемъ составѣ два особенно важныя препятствія.

Во-первыхъ, въ Сводѣ изображены состояніе и дѣйствія всѣхъ частей управленія; слѣдственно, къ нему прилагается то, что сказано выше о невозможности печатанія отчетовъ военныхъ и финансоваго въ частности.

Во-вторыхъ, частныя отчеты порознь по каждому министерству, хотя бы они и были напечатаны, всегда сохранять видъ и форму

отчета, представленнаго государю его министромъ. Но въ какомъ видѣ и въ какой формѣ могъ бы быть изданъ, не для государя уже, а въ общее свѣдѣніе, слѣдственно для публики, Сводъ, составленный изъ совокупности всѣхъ отчетовъ и изъ многихъ другихъ актовъ?

Неудобствъ сихъ комитетъ считалъ возможнымъ избѣжать, обратясь къ указанной въ высочайшемъ повелѣніи другой мысли, именно, чтобы разныя статьи Свода напечатать по каждой части отдѣльно. Въ этомъ онъ находилъ ту выгоду, что обнародованныя, такимъ образомъ, съ нужными пропусками, выписки изъ работы, собственно для государя составленной, не раскроютъ того, что должно оставаться въ тайнѣ и вмѣстѣ не возродятъ и никакихъ неумѣстныхъ ожиданій на будущее время.

Посему комитетъ полагалъ:

1) Изъ составныхъ частей Свода напечатать: а) Управление духовныхъ дѣлъ; б) Народное просвѣщеніе; в) Полицію и внутреннія дѣла; г) Судъ; д) Изъ части о военныхъ силахъ—военно-учебныя заведенія; е) Удѣлы.

2) Вмѣстѣ съ текстомъ этихъ статей напечатать и ихъ таблицы.

3) Все это издать не въ общей массѣ, а порознь, по статьямъ, соображаясь со сродствомъ предметовъ, озаглавливая каждую статью такъ: «О состояніи такихъ-то частей государственнаго управленія, или такихъ-то заведеній и т. п. въ 1831 г.».

4) Печатаніе произвести по распоряженію и усмотрѣнію каждого министра, передавъ для сего каждому же списокъ съ его части изъ общаго Свода.

5) Прежде печатанія каждой части, повѣрить въ подлежащемъ министерствѣ содержащіяся въ ней свѣдѣнія и, буде нужно, дополнить оныя, такъ какъ нѣкоторые статьи, за неимѣніемъ еще позднѣйшихъ отчетовъ, представлены были въ Сводѣ по актамъ не 1831, а 1830 года; вмѣстѣ же съ тѣмъ выключить все неподлежащее гласности, если бы, за сдѣланными уже умолчаніями, еще гдѣ-нибудь такіе предметы оказались.

6) Такъ какъ планъ, составныя части и подробности Свода отчетовъ ближе всего извѣстны его редактору, то всѣ помянутыя дополненія и исключенія производить въ министерствахъ не иначе, какъ по предварительному съ нимъ сношенію.

Тяжко мнѣ было, въ качествѣ управляющаго дѣлами комитета, писать самому этотъ смертный приговоръ работѣ, стоявшей мнѣ столькихъ трудовъ и усилій; но какъ я тогда, во внутреннемъ сознаніи, самъ раздѣлялъ убѣжденіе членовъ комитета, противъ высочайшаго повелѣнія выговоренное, такъ и теперь остаюсь неизмѣнно при тѣхъ же мысляхъ. Къ тому, что сказано и можно еще было сказать въ журналѣ

комитета, прибавлю здѣсь два уваженія, на которыя тамъ только косвенно намекалось: 1) Въ министрѣ, печатающемъ свой отчетъ отдѣльно, можно предполагать побужденіемъ къ тому желаніе, основанное на благородномъ самолюбіи показать, что ввѣренная ему часть не бездѣйствуетъ, а идетъ впередъ. Онъ сообщаетъ публикѣ то, въ чемъ далъ отчетъ государю; слѣдственно, судъ публики можетъ упасть только на него лично. Но что значило бы печатанье отчета о государственномъ управленіи въ цѣломъ его составѣ, котораго главою есть одинъ монархъ? Не было ли бы это, нѣкоторымъ образомъ, отчетомъ самого государя своему народу и на кого тутъ обратились бы судъ публики? Ясно, что такой отчетъ возбудилъ бы сперва ожиданіе, а потомъ, можетъ быть, и требованіе, чтобы за нимъ слѣдовали ежегодно такіе же: понятія, не свойственныя образу нашего правленія, новизна, во всякомъ случаѣ болѣе опасная, чѣмъ полезная. Довольно здѣсь сослаться на примѣръ извѣстнаго *Compte-rendu* Неккера. 2) Каждому мыслящему наблюдателю извѣстно, что въ русскомъ народѣ, особливо въ полуобразованныхъ сословіяхъ и въ многочисленномъ классѣ чиновниковъ средняго и низшаго разряда, таится много, если не прямо оппозиціонныхъ началъ, то духа мелочной критики и порицанія правительственныхъ мѣръ. Каждое новое постановленіе, какая бы ни была его цѣль, тотчасъ подвергается въ канцеляріяхъ столько же строгимъ, сколько часто и неосновательнымъ пересудамъ, а посредствомъ многочисленнаго сонма чиновниковъ они находятъ свой отголосокъ и въ другихъ сословіяхъ. Какъ отдать на жертву этому придиричивому разбору картину всѣхъ жизненныхъ силъ государства, всѣхъ мѣръ, принятыхъ въ общемъ составѣ и ходѣ его управленія, всѣхъ сокровенныхъ пружинъ его движенія!

Сколько родилось бы тутъ нареканій не только противъ исполнителей, не только противъ матеріаловъ, но, повторяю, и противъ той власти, которую можетъ судить одинъ Богъ, и какая, наконецъ, была бы польза, еслибъ, сорвавъ вдругъ завѣсу съ организма нашей государственной жизни, Россію, грозную, могущественную Россію, сильную именно преданностью народа, подвергнуть, на непризванномъ судѣ, мелочному анализу и разложенію во внутреннихъ, не всегда благовидныхъ ея тайнахъ?

Какъ бы то ни было, но и императоръ Николай уступилъ благоразумнымъ и патріотическимъ убѣжденіямъ его совѣтниковъ. Заключение комитета удостоилось безусловнаго высочайшаго утвержденія и Сводъ отчетовъ 1831 года былъ—первымъ и послѣднимъ. Согласно сказанному заключенію, нѣкоторыя части его были напечатаны въ газетахъ и журналахъ, другія отдѣльно; но всѣ, будучи выпущены въ свѣтъ спу-

стя долгое время, отрывочно и безъ общей связи, прошли почти незамѣченные публикою.

Въ государственномъ отношеніи эта работа осталась, однако же, не совсѣмъ безплодною. Съ одной стороны въ министерствахъ, изъ примѣра Свода 1831 года, увидѣли, какъ надобно составлять отчеты. Послѣ истекшихъ съ тѣхъ поръ двадцати пяти лѣтъ, въ такую эпоху, гдѣ я смотрю на свой молодой трудъ съ хладнокровнымъ безпристрастіемъ посторонняго наблюдателя, смѣю сказать это безъ смѣшного самопоклоненія, ибо множество послѣдующихъ отчетовъ представляли, и въ системѣ и въ образѣ изложенія, одни живые сколки съ сообщенныхъ имъ выписокъ изъ моего Свода. Министерство юстиціи, которое, во время собиранія мною матеріаловъ, не могло удовлетворить ни одного изъ моихъ вопросовъ, дало, за 1833 годъ, первый правильный отчетъ, содержащій въ себѣ тѣ же самые вопросы, но на этотъ разъ уже и съ отвѣтами на нихъ. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, представлявшемъ дотогѣ, подъ именемъ отчета, одинъ исходящій реестръ своихъ предписаній и отношеній, возобновилась, по крайней мѣрѣ, по вышней формѣ, блистательная эпоха отчетовъ 1803 и 1804 годовъ. Наконецъ, военное министерство и многія отдѣльныя вѣдомства, которыя прежде не давали совсѣмъ никакихъ отчетовъ, съ тѣхъ поръ стали подносить ихъ государю постоянно, за каждый годъ. Другимъ полезнымъ послѣдствіемъ было—печатаніе съ этого времени годовыхъ министерскихъ отчетовъ, вполнѣ, или въ пространныхъ извлеченіяхъ по всѣмъ частямъ, не требующимъ особенной тайны; распространенія массу статистическихъ и историческихъ свѣдѣній, это не могло не оживить нѣкоторымъ образомъ и самого хода администраціи.

Въ поѣздку государя, въ 1834 году, по разнымъ губерніямъ, при немъ находились только генералъ-адъютантъ графъ Бенкендорфъ, управлявшій въ то время корпусомъ жандармовъ и III-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, статсъ-секретарь Позенъ и врачъ Енохинъ ¹⁾. Вотъ что, на одномъ изъ остановочныхъ пунктовъ, Позенъ слышалъ изъ сосѣдней съ государевымъ кабинетомъ комнаты.

Въ кабинетѣ съ государемъ одинъ Енохинъ. Государь веселъ и разговорчивъ.

— Ты, Енохинъ,—говорилъ онъ,—изъ духовнаго званія и слѣдственно вѣрно знаешь духовное пѣніе.

— Не только знаю, государь, но въ молодости часто и самъ пѣвалъ на клиросѣ.

¹⁾ Между гр. Бенкендорфомъ и Позеномъ прибавлено графъ В. Адлербергъ.

— Такъ спой же что-нибудь, а я буду припѣвать.

И вотъ они поютъ вдвоемъ церковныя стихиры.

— Каково, Енохинъ?

— Прекрасно, государь, вамъ бы хотъ самимъ на клиросъ пѣть.

— Въ самомъ дѣлѣ, у меня голосъ не дуренъ и еслибъ я былъ тоже изъ духовнаго званія, то, вѣроятно, попалъ бы въ придворныя пѣвчіе. Тутъ пѣлъ бы покамѣстъ не спалъ съ голоса, а потомъ... ну потомъ выпускаютъ меня, по порядку, съ офицерскимъ чиномъ хотъ бы въ почтовое вѣдомство. Я, разумѣется, стараюсь подбиться къ почтъ-директору и онъ назначаетъ меня на тепленькое мѣстечко, на примѣръ, почтъ экспедиторомъ въ Лугу. На мою бѣду, у лужскаго городничаго хорошенькая дочка. Я по уши въ нее влюбляюсь, но отецъ никакъ не хочетъ ее за меня выдать. Отсюда начинаются всѣ мои несчастія. Въ страсти моей, я уговариваю дѣвочку бѣжать со мною и похищаю ее. Объ этомъ доносятъ моему начальству, которое отнимаетъ у меня любовницу, мѣсто, хлѣбъ и напоследокъ отдаетъ меня подъ судъ. Что тутъ дѣлать, безъ связей и безъ протекцій?

Въ эту минуту вошелъ въ кабинетъ Бенкендорфъ.

— Слава Богу, я спасенъ: нахожу путь къ Бенкендорфу, подаю ему просьбу и онъ высвобождаетъ меня изъ бѣды!

Можно представить себѣ, какой неистощимый смѣхъ произвелъ въ слушателяхъ этотъ романъ ex abrupto, доказывающій, вмѣстѣ со многими другими анекдотами, веселую, обыкновенно, настроенность покойнаго государя и игривое его воображеніе.

Сынъ великой княгини, потомъ королевы Виртембергской Екатерины Павловны, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, родившійся въ 1812 году и пожалованный, при самомъ крещеніи (22-го октября) въ полковника лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и Андреевскимъ кавалеромъ, прибылъ въ Россію, по окончаніи воспитанія своего за границею, еще очень молодымъ человѣкомъ, и именно въ 1830 году. Сначала служба его была военная, то-есть фронтовая и онъ былъ назначенъ баталіоннымъ командиромъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, при которомъ оставался и послѣ производства его, въ 1832 году, въ генераль-маіоры и въ 1834 году въ генераль-лейтенанты. Потомъ онъ хотя и былъ назначенъ (6-го декабря 1835 года) шефомъ Стародубовскаго кирасирскаго полка, которому впослѣдствіи (14-го апрѣля 1840 года) повелѣно именоваться «Кирасирскимъ Его Свѣтлости Принца Петра Ольденбургскаго» ¹⁾, но это назначеніе было только по-

¹⁾ Титулъ императорскаго высочества пожалованъ принцу, вмѣстѣ съ его супругою (принцессою Терезією Нассаускою) уже позже, и именно въ 1845 году.

четнымъ, и дѣятельность принца была исключительно обращена къ гражданской службѣ, такъ что военнаго остался при немъ только мундиръ и чинъ (съ 16 го апрѣля 1841 года генераль-отъ-инфантеріи). Въ концѣ царствованія императора Николая главные титулы и обязанности принца были: предсѣдатель департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ, предсѣдатель опекунскаго совѣта и главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній и сенаторъ. Примѣчательнѣйшую страницу въ біографіи принца, принадлежащую вѣсть и исторіи Россіи, составляло, конечно, учрежденіе, по его мысли и съ значительнымъ отъ него пожертвованіемъ, Императорскаго училища Правовѣднія.

26-го октября 1834 года принцъ писалъ государю: «Всемиловѣйшее назначеніе присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, приемлемое драгоцѣннымъ знакомъ отеческаго обо мнѣ попеченія вашего, постоянно доставляетъ мнѣ случай вникать ближайшимъ образомъ въ порядокъ и ходъ гражданского судопроизводства. Недостатокъ образованныхъ и свѣдущихъ чиновниковъ въ канцеляріяхъ судебныхъ мѣстъ составляетъ неоспоримо одно изъ важнѣйшихъ неудобствъ, препятствующихъ возвести часть сію на ту степень благоустройства, на которой ваше императорское величество желаете поставить всѣ отрасли управленія. Учебныя заведенія, нынѣ существующія, не удовлетворяютъ сей потребности государства. Молодые люди, получивъ въ оныхъ образованіе на собственный счетъ и потому пользуясь свободою избирать родъ гражданской службы, обыкновенно стремятся въ министерскіе департаменты, гдѣ и виды честолюбія, и способы содержанія болѣе льстятъ ихъ надеждамъ. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ они перемѣщаются въ высшія званія по судебнымъ и исполнительнымъ мѣстамъ, и такимъ образомъ минуютъ канцелярскія должности, не получивъ надлежащаго свѣдѣнія о порядкѣ дѣлопроизводства. Для устройства канцеляріи, давно озабочивающаго правительство, полагаю необходимымъ, чтобы улучшеніе содержанія согласовано было съ образованіемъ людей, къ гражданской службѣ назначаемыхъ, и чтобы съ тѣмъ вѣсть учреждена была правильная для нихъ постепенность въ повышеніяхъ. Убѣжденіе въ сихъ истинахъ возродило во мнѣ мысль о пользѣ учрежденія особеннаго училища Правовѣднія. Многіе изъ опытнѣйшихъ и усерднѣйшихъ слугъ вашихъ помышляли и прежде меня о такомъ учрежденіи, но значительныя издержки, необходимыя для первоначальнаго устройства подобнаго заведенія, могли исполненію сей мысли препятствовать. Вамъ, государь, принадлежитъ все, что я имѣю, и самая жизнь моя! И еслибъ удѣленіемъ моего избытка могъ я содѣйствовать пользѣ службы вашего императорскаго величества, могъ быть полезенъ родинѣ, къ коей привязанъ душою, то почелъ бы себя безмѣрно счастливымъ. Побуждаемый

сими чувствами, я желалъ бы пожертвовать сумму, потребную на пріобрѣтеніе дома и на первоначальное обустройство училища Правовѣдѣнія».

Затѣмъ слѣдовало краткое изложеніе основаній, на которыхъ принцъ полагалъ учредить сіе училище и опредѣлить обязательную службу оканчивающихъ въ немъ курсъ; въ заключеніе же онъ предлагалъ, если мысль его будетъ принята, приступить къ составленію проекта положенія п штата.

Письмо это государь передалъ Сперанскому, съ слѣдующею надписью: «Благородныя чувства принца достойны уваженія. Прошу, прочитавъ, переговорить съ нимъ и мнѣ сообщить какъ ваши замѣчанія, такъ и то что съ принцемъ вами условлено будетъ». Составленные, вслѣдствіе того, по обоюдному ихъ соглашенію, проекты устава и штата внесены были въ Государственный Совѣтъ, гдѣ подверглись, однако, подробному разбору и многимъ перемѣнамъ, пока были, наконецъ, утверждены 29-го мая 1835 года и изданы при указѣ, въ которомъ сказано было, что государь вмѣняетъ себѣ въ пріятную обязанность воздать справедливость побужденіямъ, на коихъ основано предположеніе принца, пріемля оныя доказательствомъ примѣрнаго его усердія къ общему благу и наслѣдственнаго ему глубокаго чувства любви къ отечеству». Принцъ на покупку и перестройку дома (на Фонтанкѣ, противъ Лѣтнаго сада, бывшій Неплюева), съ нужнымъ обустройствомъ, пожертвовалъ болѣе милліона (ассигнаціями) рублей. За все это, черезъ два дня послѣ подписанія указа (31-го мая) ему данъ былъ рескриптъ, въ которомъ государь говорилъ, сколь много цѣнить и достоинство мысли принца в образъ ея исполненія — мысли, въ ушешной наслѣдственною любовію къ отечеству, тогда какъ предложенный образъ исполненія означаетъ готовность содѣйствовать его пользамъ, не щадя достоянія» ¹⁾).

Въ февралѣ 1837 года, послѣ болѣзни, едва не положившей меня въ гробъ и въ продолженіе которой императоръ Николай безпрестанно присылалъ навѣдываться о моемъ здоровьи и наконецъ, поручилъ меня искусству доктора Арндта, бывшаго въ то время его врачомъ, я явился благодарить государя за его милостивое участіе. Принявъ меня съ распростертыми объятіями и съ вопросомъ: «Ну что, оправился немножко, любезный мой Корфъ?» онъ велѣлъ разсказать себѣ весь ходъ моей болѣзни подробно, отъ начала до конца. Когда я коснулся разстроеннаго состоянія моихъ нервовъ, государь съ усмѣшкою возразилъ:

— Полно тебѣ въ наши лѣта такъ бабиться!

¹⁾ Указъ былъ написанъ мною, а рескриптъ Сперанскимъ, и я не безъ нѣкотораго самодовольствія увидѣлъ, что подчеркнутыя здѣсь слова были заимствованы имъ изъ моей редакціи.

Но потомъ опять съ участіемъ соблаговолилъ спрашивать, не болитъ ли у меня грудь, правда ли что пострадала моя память и пр., изъявляя надежду, что «все это поправится, на новую, такую же полезную службу мнѣ, какъ и до сихъ поръ». Далѣе онъ обратилъ рѣчь къ плану заграничнаго путешествія, которое врачи признавали необходимымъ для полнаго моего выздоровленія.

— Куда же ты ѣдешь: на Рейнъ или въ Богемію?

На отвѣтъ мой, что я думаю еще посоветоваться съ Мандтомъ, который, не задолго передъ тѣмъ пріѣхавъ изъ за границы, пользовалъ императрицу Александру Ѳеодоровну, онъ сказалъ:

— И прекрасно сдѣлаешь: Мандтъ очень искусный человѣкъ и тѣмъ больше искусный, что умѣетъ дѣйствовать не только на физику, но и на воображеніе. Съ моею женою онъ сдѣлалъ, просто, чудеса и мы оба отъ него въ восхищеніи. Не вѣрь здѣшнимъ докторамъ, если они его бранятъ: это оттого что онъ въ тысячу разъ умнѣе и ученѣе ихъ. Советуйся съ нимъ однимъ и одному ему довѣрай.

Поговоривъ за тѣмъ о недовѣріи своемъ вообще къ врачамъ и къ медицинѣ и о томъ, что противъ болѣзней хроническихъ, онъ считаетъ самыми вѣрными средствами: воды, климатъ, и развлеченіе, сопряженное съ заграничнымъ путешествіемъ государь вдругъ спросилъ:

— Но кто же заступитъ тебя на такое долгое время (на шесть мѣсяцевъ) по Совету?

— Государь, мнѣ объявлена уже ваша воля по этому предмету. Вамъ угодно было приказать, чтобы мою должность исправлять старшій по мнѣ въ государственной канцеляріи.

— Да, да, чтобы не пускать чужого козла въ огородъ. Но довольно ли надеженъ Боровковъ? Можно ли повѣрить ему такіа важныя обязанности?

— Онъ — человѣкъ надежный и по правиламъ и по знанію дѣла, хотя и не совсѣмъ отличный редакторъ, въ чемъ прошу ваше величество имѣть къ нему милостивое снисхожденіе. Дѣла при немъ, смѣю надѣяться, пойдутъ къ удовольствію вашего величества. Я вообще очень счастливъ товарищами: всѣ они люди благородные, знающіе, пользующіеся довѣріемъ членовъ Совета и публики. Получивъ уже единожды должное направленіе, каждый изъ нихъ будетъ дѣлать свое дѣло.

Тутъ государь удивилъ меня своимъ знакомствомъ съ личнымъ составомъ государственной канцеляріи. Спрашивая порознь о каждомъ изъ высшихъ ея чиновниковъ, онъ называлъ ихъ по фамиліямъ и входилъ въ подробности объ ихъ способностяхъ, свѣдѣніяхъ и надежности. Я отвѣчалъ, отдавая каждому заслуженную справедливость.

— У тебя такой напѣвъ, какой я рѣдко слышу отъ другихъ; каждый

какъ бы похвалить себя, а другихъ по-ниже. Но полно: я знаю, что все это и держится и идетъ тобою и очень боюсь твоего отсутствія, а между тѣмъ еще разъ благодарю за то, что ты такъ поднялъ и облагородилъ, сперва канцелярію комитета министровъ, а теперь государственную канцелярію. Мы съ тобою еще не сосчитались!

Когда, между прочими отзывами насчетъ чиновниковъ, я въ особенности рекомендовалъ Башудкаго (правившаго тогда должность статсъ-секретаря въ гражданскомъ департаментѣ, послѣ сенатора) за благородство правилъ и высокое безкорыстіе, государь возразилъ:

— Сначала, я никакъ не могъ вразумить себя, чтобы можно было хвалить когонибудь за честность и меня всегда взрывало, когда ставили это кому въ заслугу; но послѣ пришлось, по неволѣ, свыкнуться съ этою мыслию. Горько подумать, что у насъ бываетъ еще противное, когда и я и всѣ мы употребляемъ столько усилій, чтобы искоренить это зло!

— Государь, отвѣчалъ я,—въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, Россія, въ ваше царствованіе, все таки далеко ушла противъ прежняго. Служивъ около десяти лѣтъ при императорѣ Александрѣ, я могу судить по сравненію. Теперь хоть въ высшихъ по крайней мѣрѣ степеняхъ, все чисто какъ ваши намѣренія, и если кто изъ насъ когда грѣшитъ, то по ошибкамъ, а конечно уже не по злой волѣ.

— О васъ и я такъ думаю. Но что еще дѣлается внизу, что въ серединѣ! Тамъ точно надо еще хвалить за безкорыстіе и вмѣнять въ достоинство то, что слѣдовало бы считать только за отсутствіе зла. Но объ этомъ можно бы толковать еще цѣлый часъ, а я и такъ замучилъ тебя, полубольного, этимъ длиннымъ разговоромъ.

Остальная часть бесѣды относилась уже ко мнѣ, къ моей женѣ, къ нашимъ домашнимъ дѣламъ и потому могла бы принадлежать скорѣе къ личной моей біографіи, чѣмъ къ предмету настоящихъ записокъ.

Въ нашей духовной іерархіи въ первой четверти настоящаго столѣтія явилось лицо, чрезвычайно примѣчательное въ разныхъ отношеніяхъ, именно архимандритъ Юрьевъ Новгородскаго монастыря Фотій. Сынъ простого дьячка, обязанный всѣмъ самому себѣ, Фотій умѣлъ приобрѣсти не простую пріязнь, а полную дружбу графа Аракчеева, свергнуть (въ 1824 г.), при помощи митрополита Серафима, генералъ-адъютанта Ѳедора Петровича Уварова и того же Аракчеева,—князя Александра Николаевича Голицына съ поста министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; внушить слѣпое, рабское къ себѣ повиновеніе графини Орловой, дочери знаменитаго героя Чесменскаго; наконецъ

возвести на высшую степень благолѣпія и богатства древнюю Юрьевскую обитель, столь славную въ нашихъ лѣтописяхъ, но прошедшую, отъ разныхъ причинъ, въ запустѣніе и совершенную нищету. Жизнь его была всегда жизнью истиннаго отшельника, преисполненною всѣхъ возможныхъ лишеній для самого себя и щедрыхъ даваній бѣднымъ новгородскимъ монастырямъ и церквамъ, равно какъ множеству частныхъ лицъ. Несмотря однако же на все это, онъ былъ почти ненавидимъ въ обществѣ, которое называло его іезуитомъ, Тартюфомъ, волкомъ въ овечьей шкурѣ и пр. Этому нерасположенію способствовали, конечно, съ одной стороны, общая ненависть къ другу его Аракчееву, а съ другой—и то несоотвѣтственное иноческому званію дерзкое высокоміріе, которое Фотій ко всѣмъ оказывалъ, встрѣчая каждаго, безъ различія пола, лѣтъ и званія, хотя бы то былъ и высшій сановникъ, грубымъ «ты». Императоръ Николай, вѣроятно по нерасположенію къ Аракчееву, можетъ быть отчасти и по наговорамъ приближенныхъ лицъ, никогда не благоволилъ къ юрьевскому архимандриту. Въ 1835 году, когда государь впервые посѣтилъ его монастырь, Фотій лично самъ еще болѣе усилилъ это нерасположеніе. Онъ вышелъ на встрѣчу государя безъ облаченія и протянулъ неспрошенно руку свою для цѣлованія. Государь обернулся къ провожавшему его графу Бенкендорфу и сказалъ по-французски:

— Vous conviendrez que je sais me maîtriser,—потомъ поцѣловалъ протянутую ему руку и пошелъ осматривать монастырь.

Но на другой день велѣно было вытребовать Фотія въ Петербургъ и здѣсь наставить его, какимъ образомъ должно встрѣчать императора. Его въ то время продержали и промучили въ Александро-Невской лаврѣ три недѣли и сказываютъ, что кромѣ смертельной раны, нанесенной его самолюбію, этотъ урокъ и разрѣшеніе возвратиться въ свою обитель, стоили ему до 30.000 рублей ассигнаціями.

Несмотря на то, въ февралѣ 1838 г., узнавъ о тяжелой болѣзни Фотія, государь явилъ заносчивому архимандриту особенный знакъ вниманія, тотчасъ отправивъ къ нему изъ Петербурга лейбъ-медика Маркуса, на рукахъ котораго онъ и умеръ.

Въ февралѣ 1838 года, скоропостижно, послѣ бала въ Аничкиномъ дворцѣ, умеръ петербургскій комендантъ, нѣкогда командиръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Мартыновъ, человѣкъ безъ образованія, безъ высокаго ума, но правдивый, честный и добрый. Государь очень былъ огорченъ смертью этого преданнаго и вѣрнаго слуги.

— Мы были съ нимъ знакомы тридцать лѣтъ,—сказалъ онъ,—и я у него бралъ первые уроки военной службы.

На мѣсто умершаго Мартынова назначенъ былъ петербургскимъ комендантомъ генералъ Захаржевскій, человѣкъ до безобразности туч-

ный. На замѣчаніе, что такой толстякъ едва ли пригоденъ для должности, требующей безпрестанной дѣятельности, даже и физической, государь отвѣчалъ:

— Напротивъ, отъ такого неповоротливаго меньше будетъ дразгъ чѣмъ отъ другого проворнаго, который сталъ бы бѣгать ко мнѣ за всякою бездѣлицею, вмѣсто того, чтобы самому расправляться. Мнѣ не нужно знатъ всѣхъ мелочныхъ шалостей молодыхъ офицеровъ и не мое, а коменданта дѣло d'y mettre le holà.

Царствованіе императора Николая было богато безчисленными чертами, то гениальными и потрясавшими душу какъ электрическая искра, то трогательными и умилительными, но всегда проявлявшими высокую, свѣтлую, поэтическую его душу. И тѣломъ и духомъ онъ былъ рожденъ повелѣвать, но кромѣ того и быть любимымъ и едва ли, не говоря уже о монархахъ, была когда-либо и обворожительная женщина, которая имѣла бы такое множество фанатическихъ, изступленныхъ обожателей. Но зато какъ и умѣлъ онъ владѣть умами и сердцами!

Въ февралѣ 1838 г. государь посѣтилъ, какъ дѣлывалъ часто и прежде и послѣ, Пажескій корпусъ, гдѣ, подобно прочимъ военно-учебнымъ заведеніямъ, выставляются всегда, на одной доскѣ, имена воспитанниковъ, отличившихся добрымъ поведеніемъ, а на другой имена впавшихъ въ какую-нибудь погрѣшность. Подозвавъ прежде отличившихся пажей, онъ хвалилъ и благодарилъ ихъ и заключилъ словами: «Будьте увѣрены, что я и впередъ вашихъ именъ не забуду». — Потомъ дошла очередь до провинившихся. Пожуривъ ихъ отечески, онъ вдругъ беретъ губку и стираетъ имена ихъ съ черной доски.

— На этотъ разъ, — говоритъ онъ, — я отношу ваши шалости къ легкомыслію и, въ надеждѣ, что впередъ будете лучше, всю вину вашу беру на себя; но помните же, что ужъ теперь я за васъ отвѣчаю и не выдайте меня.

Слова и анекдоты въ подобномъ родѣ повторялись въ продолженіе тридцатилѣтняго царствованія ежедневно.

8-го апрѣля, въ 6 часовъ послѣ обѣда, мнѣ, по званію моему государственнаго секретаря, дали знать о кончинѣ предсѣдателя Государственнаго Совѣта графа Новосильцева, которую, при тяжелой его болѣзни, мы уже нѣсколько дней ожидали. Я тотчасъ поскакалъ къ нему въ домъ, гдѣ, пригласивъ ближайшаго изъ родныхъ я наслѣдника его сенатора Огарева, запечаталъ вмѣстѣ съ нимъ двери кабинета покойнаго, а оттуда поѣхалъ съ донесеніемъ о моихъ распоряженіяхъ къ государю, который въ то время, по случаю возобновленія сгорѣвшаго Зимняго дворца, жилъ въ Аничкиномъ дворцѣ. Почти у воротъ послѣдняго нагналъ

меня фельдъегерь съ запискою, собственноручно написанною государемъ: «Статсъ-секретарю барону Корфу». Вскрываю и нахожу, что я предварилъ высочайшую волю. «По случаю кончины Николая Николаевича Новосильцева,—писалъ государь,—нужнымъ считаю приказывать вамъ ¹⁾ немедленно опечатать бумаги, у него хранившіяся, что вы učinите сейчасъ, вмѣстѣ съ тѣми изъ родныхъ, которые при немъ; по исполненіи мнѣ донести. Н.» 8-го апрѣля 1838 года.

По докладѣ государю о моемъ пріѣздѣ онъ принялъ меня въ ту же минуту и сказалъ:

— Я счелъ нужнымъ запечатать бумаги покойнаго о графа, не потому что между ними могутъ быть дѣла Совѣта или комитета министровъ, а болѣе потому, что тутъ должна находиться переписка его съ братьями Александромъ и Константиномъ, которыхъ довѣренностію онъ долго пользовался и, можетъ статься, другія еще бумаги въ такомъ же родѣ. Разбери все это хорошенько и потомъ представь мнѣ подробныя описи по категоріямъ, а я назначу куда что передать.

Затѣмъ послѣ нѣсколькихъ словъ о послѣднихъ минутахъ графа, о находившихся при немъ родственникахъ и пр., я спросилъ, не будетъ ли какихъ приказаній относительно погребенія, въ тайной надеждѣ, что можетъ быть это поведетъ къ вопросу о положеніи, въ какомъ остались дѣла покойнаго и родственниковъ его (у нихъ почти ничего не было), а вслѣдствіе того будетъ приказано похоронить его на казенный счетъ. Но государь отвѣчалъ равнодушно и почти холодно:

— Ну, что-жъ, братецъ, вѣдь намъ въ это не мѣшаться; пусть родные дѣлаютъ какъ хотятъ; впрочемъ, разумѣется, что по наружному церемониалу должно быть соблюдено все приличіе, и по нарядамъ и пр. ты сдѣлаешь какъ было при похоронахъ прежняго предсѣдателя Совѣта князя Лопухина, потому что князь Кочубей умеръ въ Москвѣ и слѣдовательно не можетъ тутъ служить примѣромъ ²⁾.

Вообще я предполагалъ найти болѣе сочувствія, или по крайней мѣрѣ вида сочувствія, къ смерти графа, хотя и зналъ, что прямого, искренняго расположенія къ нему не было, а особеннаго уваженія, при гласности въ цѣломъ Петербургѣ довольно безнравственной частной жизни покойнаго, также быть не могло ³⁾. Но всего замѣчательнѣе было за-

¹⁾ Говоря всѣмъ, не только приближеннымъ, но и вообще извѣстнымъ ему „ты“, императоръ Николай на бумагахъ никогда не называлъ никого иначе, какъ „вы“.

²⁾ Государь потомъ лично присутствовалъ при погребеніи Новосильцева въ Невскомъ монастырѣ.

³⁾ Новосильцевъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, послѣ смерти князя Кочубея, лѣтомъ 1834 года и первая мысль о семъ назначеніи его была подана государю великимъ княземъ Михаиломъ Павло-

ключеніе этой бесѣды, при которомъ государь выразилъ откровенное свое мнѣніе насчетъ окружавшихъ его въ ту эпоху людей.

— Богѣ всего,—сказалъ онъ,—озабочиваетъ меня теперь вопросъ о преемникѣ графу. Есть человѣкъ, душевно преданный мнѣ и Россіи, высокихъ чувствъ, всѣми любимый и уважаемый, но отъ котораго по слабости здоровья, почти совѣстно потребовать такой жертвы, да едва ли и самъ онъ согласится,—это графъ (послѣ князь) Илларионъ Васильевичъ (Васильчиковъ); бѣда еще и въ томъ, что онъ глухъ, смертельно глухъ! Всѣхъ способнѣе къ этой должности былъ бы, конечно, во всѣхъ отношеніяхъ Михайло Михайловичъ (Сперанскій); но боюсь, что къ нему не имѣли бы полной довѣренности: онъ мой редакторъ ¹⁾ и потому его стали бы подозрѣвать въ пристрастіи ко мнѣ. Графъ Литта тоже человѣкъ съ высокими достоинствами, которымъ я отдаю полную и душевную справедливость, но у него не русское имя и притомъ онъ католикъ. Князь Александръ Николаевичъ (Голицынъ) не годится ни по способностямъ, ни по лѣтамъ. Оставался бы еще графъ Петръ Александровичъ (Толстой); но этотъ тяжелъ, лѣнивъ и тоже не годится. Вообще надо еще хорошенько подумать, а вѣдь между тѣмъ дѣла не останавливаются у васъ и въ теперешнемъ промежуточномъ порядкѣ.

Когда государь кончилъ свою рѣчь, я осмѣлился замѣтить, что обязанности предсѣдателя становятся съ каждымъ днемъ обременительнѣе, по множеству и безпрестанно увеличивающейся важности вновь поступающихъ дѣлъ.

— О, подожди только до будущей зимы — возразилъ государь — тогда мы внесемъ къ вамъ работы самыя важныя: поясненія и дополненія къ Своду, которыя надо будетъ разсматривать съ особенною внимательностію, можетъ быть даже въ экстренныхъ засѣданіяхъ.

Въ тотъ же день, вслѣдъ за моею аудіенціею былъ вечеръ у вдовы предшественника Новосильцова, княгини Кочубей, на которомъ присутствовала и вся царская фамилія. Увидя тутъ Васильчикова, государь отвелъ его въ сторону и, послѣ многихъ убѣжденій, согласилъ принять упразднившуюся должность Новосильцова ²⁾. Такимъ образомъ, по особенному стеченію обстоятельствъ, въ самый день смерти предсѣ-

виемъ, какъ я самъ отъ него неоднократно слышалъ. Новосильцевъ, долго состоявъ при цесаревичѣ Константиѣ Павловичѣ, пользовался полною его довѣренностію, а извѣстно, что мнѣніе и взглядъ цесаревича были всегда закономъ для младшаго изъ его братьевъ.

¹⁾ Сперанскій управлялъ въ то время II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, въ которомъ не задолго передъ тѣмъ окончено было, подъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ государя, бессмертное созданіе «Свода» и изготовлялись разные законодательные проекты.

²⁾ Указъ о семъ былъ подписанъ на другой день, 9-го апрѣля.

дателя Государственнаго Совѣта былъ у вдовы его предшественника вечеръ, на которомъ назначенъ ему преемникъ.

— Я принялъ это званіе — говорилъ мнѣ потомъ графъ Васильчиковъ — съ тяжкимъ сознаніемъ своей малоспособности, съ увѣренностію даже, что оно разрушить послѣдніе остатки слабаго моего здоровья; но принялъ и счелъ противнымъ долгу совѣсти отказаться отъ него собственно въ виду тѣхъ ничтожностей, которыя находилъ вокругъ себя въ числѣ кандидатовъ.

Изъ этого заключаю, что въ разговорѣ съ нимъ государь не называлъ, какъ мнѣ, Сперанскаго, потому что Васильчиковъ принадлежалъ къ числу ревностѣйшихъ почитателей его ума и государственныхъ достоинствъ.

Разборъ бумагъ графа Новосильцова былъ оконченъ мною въ нѣсколько недѣль, но по своимъ результатамъ не оправдалъ предвидѣній государя. Переписка съ императоромъ Александромъ I и съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ и всѣ важнѣйшія изъ другихъ бумагъ, которыя могли бы представить особенный интересъ, были расхищены въ Варшавѣ, во время мятежа 1830 года. Затѣмъ между оставшимися послѣ его смерти (бумагами) найдено было очень мало: большею частію беспорядочные отрывки, копія, незначущія подлинныя дѣла. Въ представленной мною подробной описи государь сдѣлалъ отмѣтки противъ каждой статьи: иное велѣно было сжечь, другое разослать, по роду дѣлъ, въ министерства, и только три вещи представить ему самому: 1) разные отрывочные матеріалы, по-русски и по-французски, для «конституціонной хартіи Россіи» плодъ одного изъ филантропическихъ мечтаній императора Александра въ первой половинѣ его царствованія, 2) собственноручную записку покойнаго графа съ разборомъ статьи: «L'Empereur Nicolas», появившейся не задолго передъ тѣмъ въ «Revue de Paris», статьи, которая въ то время у насъ почти всѣхъ восхищала, но въ которой Новосильцовъ видѣлъ не иное что какъ самый ѣдкій пасквиль, прикрытый личиною похвалы и просто-сердечія, 3) копію съ польскаго письма, которымъ великій князь Константинъ Павловичъ въ 1824 году спрашивалъ кого то въ Берлинѣ о здоровьи своего брата — но котораго? по содержанію письма не было видно.

Я имѣлъ счастье сдѣлаться лично извѣстнымъ императору Николаю по законодательнымъ работамъ во II отдѣленіи собственной Его канцеляріи, на которыя онъ обращалъ въ первое время такое заботливое вниманіе, что ему подавались еженедѣльно подробныя вѣдомости о занятіяхъ каждаго изъ чиновниковъ отдѣленія поименно. Былъ пожалованъ, за сія работы, въ одинъ и тотъ же день, въ коллежскіе

совѣтники, въ званіе камергера и значительнымъ денежнымъ награжденіемъ, я впервые представлялся его величеству на Елагиномъ острову, въ іюлѣ 1827 года, и могу сказать, что съ самой этой минуты, при каждомъ свиданіи, при каждомъ случаѣ къ награждѣ, государь не переставалъ осыпать меня милостями и ласками, а позже счастливить меня и частыми знаками высокаго, особаго довѣрія. Въ длинный рядъ слѣдовавшихъ за тѣмъ лѣтъ его царствованія, состоявъ съ 1831 года управляющимъ дѣлами Комитета министровъ и съ 1834 года государственнымъ секретаремъ, слѣдственно въ должностяхъ самыхъ приближенныхъ къ особѣ монарха, я только одинъ разъ имѣлъ несчастіе подпасть его гнѣву, и вотъ по какому случаю:

Въ первыхъ дняхъ мая 1838 года государь предполагалъ отправиться за границу, а между тѣмъ 22-го апрѣля окончено было въ Государственномъ Совѣтѣ разсмотрѣніе огромнаго проекта учрежденій мѣстныхъ управленій государственныхъ имуществъ, внесеннаго министромъ (тогда еще не графомъ) Киселевымъ. Какъ при поступленіи этого дѣла, а именно 25-го марта, предсѣдатель графъ Новосильцовъ объявилъ мнѣ высочайшую волю о разсмотрѣніи его въ Совѣтѣ сколь можно поспѣшнѣе, то оно и было окончено, при всей его обширности, менѣе, нежели въ мѣсяцъ, и всѣ эти обстоятельства, представляя 26-го апрѣля государю проектъ, я изложилъ въ приложенной отъ меня докладной запискѣ. Но вмѣсто ожиданнаго изъявленія удовольствія за такую быстроту, на другой день возвратилась отъ государя одна моя докладная записка, съ слѣдующею собственноручною его надписью: «вы забыли, кажется, что я привыкъ читать, а не просматривать присылаемыя бумаги, и для того приказалъ, чтобъ всѣ вѣдомства прислали мнѣ всѣ важныя бумаги не позже 15-го апрѣля, дабы успѣть прочесть; вамъ слѣдовало тоже исполнить, ежели же сего невозможно было, то испросить повелѣніе, что дѣлать съ симъ положеніемъ, когда оно будетъ готово: ибо мнѣ нѣтъ никакой возможности его читать, за близкимъ отъѣздомъ».

Упрекъ обожаемаго государя поразилъ меня тѣмъ болѣе, что я въ глазахъ его являлся тутъ какъ бы неисполнившимъ его волю и за тѣмъ, хотя съ увѣренностію въ своей безвинности, но съ стѣсненнымъ сердцемъ, я тотчасъ отвѣчалъ слѣдующею запискою.

«Вслѣдствіе сей часъ полученнаго мною высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія осмѣливаюсь всеподданнѣйше донести:

1) Высочайшая воля, чтобы всѣ важныя бумаги поднесены были вашему величеству не позже 15-го апрѣля, никѣмъ мнѣ объявлена не была и я узналъ о ней впервые изъ послѣдовавшей сегодня на всеподданнѣйшей моей запискѣ высочайшей резолюціи.

2) Генераль Киселевъ въ подносимомъ у сего письмѣ отъ 25-го апрѣля ¹⁾ увѣдомилъ меня, напротивъ, что ваше величество ожидать изволите представленія его проекта, для сколь можно скорого прочтенія до отъѣзда. Посему, поднеся тотъ проектъ тотчасъ на другой день, я думалъ въ точности исполнить священную волю вашего величества.

И что же? Тотъ самый Николай, котораго невѣжественные иностранцы и злонамѣренные крикуны старались всегда изображать такимъ непогрѣшимымъ и неподвижнымъ въ изъясненіяхъ своей воли, возвратилъ мнѣ эту объяснительную записку въ ту же минуту, съ слѣдующею новою надписью:

«Ежели такъ, то вы не виноваты, ибо приказаніе до васъ не дошло, видно, по ошибкѣ. Положеніе сіе, по огромности, требуетъ много времени для прочтенія и я никакъ не надѣюсь прочесть до отъѣзда, ибо и безъ того дѣлъ много, и возьму съ собой и приплю когда будетъ можно». При этомъ еще замѣчу одинъ знакъ нѣжной внимательности государя: записки мои съ его надписями, и первая и вторая, были высланы мнѣ не черезъ I-е отдѣленіе Собственной канцеляріи, какъ въ дѣлахъ Совѣта всегда и безъ изъятія дѣлалось, а прямо въ собственныя руки, съ его фельдъегеремъ. Государь явно изъявлялъ этимъ волю свою оставить дѣло, такъ сказать, домашнимъ и тайномъ между нами двумя. Подобныя черты драгоцѣнны для историка!

За всѣмъ тѣмъ это дѣло, начавшееся такъ для меня худо, хотя и безъ моей вины, должно было окончиться еще хуже, и на этотъ разъ, къ несчастію, уже прямо по моей винѣ.

Упомянутый выше проектъ, или, лучше сказать, цѣлое собраніе проектовъ, содержалъ въ себѣ около 800 листовъ, и не видя, при страшной поспѣшности, никакого средства переписать ихъ, по сдѣланнымъ со стороны Совѣта поправкамъ и перемѣнамъ, въ маленькой государственной канцеляріи, я просилъ Киселева возложить это на многочисленныхъ его чиновниковъ, но съ тѣмъ, чтобы они приняли уже на себя и всю отвѣтственность за вѣрность переписки: ибо даже перечитать и провѣрить всѣ эти огромные фоліанты мнѣ, среди множества другихъ, тоже спѣшныхъ занятій, не было никакой возможности. Киселевъ обѣщалъ исполнить это со всею точностію, а правителю его канцеляріи, при отдачѣ ему бумагъ, я повторилъ еще разъ, что вѣрность переписки обратится на личную и непосредственную его отвѣтственность. Такимъ образомъ, будучи успокоенъ въ этомъ отношеніи и получивъ переписанные проекты обратно лишь за два дня до поднесенія ихъ государю, когда нельзя уже было и помышлять о какой нибудь повѣркѣ съ моей стороны, я отправилъ

¹⁾ Слѣдственно наканунѣ отсылки мною проекта къ государю.

ихъ не читавши. Но государь, еще до своего отъѣзда, успѣлъ прочесть все и высылалъ мнѣ тетради постепенно, съ собственноручными поправками замѣченныхъ описокъ, которыхъ было не мало; наконецъ 1-мая, наканунѣ выѣзда изъ Петербурга, онъ возвратилъ мнѣ и послѣднюю тетрадь, съ надписью: «Много описокъ; кто повѣрялъ столь небрежно, посадить на сутки на гауптвахту».

Что было мнѣ дѣлать по этой резолюціи, мнѣ, который, въ званіи государственнаго секретаря, отвѣтственнаго за все, что происходитъ и дѣлается въ канцеляріи Совѣта, хотя бы и другими, чувствовалъ и сознавалъ вполнѣ свою вину въ этомъ случаѣ? Я поѣхалъ къ графу Васильчикову, только за три недѣли передъ тѣмъ, по смерти Новосильцова, назначенному предсѣдателемъ Совѣта; объяснилъ ему весь ходъ дѣла и просилъ довести до свѣдѣнія государя, что въ государственной канцеляріи нѣтъ и не можетъ быть никого виноватаго кромѣ одного меня; почему я и ожидаю дальнѣйшихъ повелѣній его величества на мой счетъ. Графъ въ ту же минуту самъ отправился къ государю и вотъ что потомъ мнѣ передалъ:

Государь крайне разгнѣванъ. Онъ не хотѣлъ принять никакихъ оправданій слѣшностью дѣла и множествомъ другихъ проектовъ, также важныхъ, которые были поднесены ему на этой же недѣлѣ и гдѣ не нашлось ни одной описки.

— Если Корфъ—сказалъ онъ—не успѣлъ приготовить и прочесть бумагъ какъ слѣдовало, то долженъ былъ мнѣ донести, и я далъ бы ему отсрочку, а въ такомъ видѣ бумагъ мнѣ не представляютъ. Я люблю Корфа безъ души и самъ его вывелъ, съ нимъ никогда этого не случилось, а видно онъ теперь подумалъ, что, за скорымъ отъѣздомъ, я только проглажу бумаги и не стану ихъ читать. Я доказалъ ему противное. Но именно потому, что этого никогда съ нимъ не случилось, надо принять мѣры, чтобъ это было и въ первый и въ послѣдній разъ.

— Je vous assure—продолжалъ Васильчиковъ—que j'ai dû fortement batailler pour votre défense et que ce n'est qu'après bien des objections de ma part qu'il a voulu s'arrêter à une mesure plus douce. Онъ приказалъ мнѣ сдѣлать вамъ завтра (это было въ воскресенье, а день общаго собранія Совѣта—въ понедѣльникъ) замѣчаніе въ присутствіи Государственнаго Совѣта, но велѣлъ вмѣстѣ пожурить и Киселева.

Все это было высказано почтеннымъ старцемъ почти со слезами и онъ истинно тронулъ меня своимъ участіемъ.

— Что для меня всего тутъ больнѣе—отвѣчалъ я—это то, что такой случай, первый со мною въ восьмой годъ, что я состою при государѣ, долженъ былъ встрѣтиться именно на первыхъ порахъ моего съ вами сослуженія и я такъ худо вамъ рекомендую. Впрочемъ и

несчастіе пмѣять свою хорошую сторону; это мнѣ урокъ на цѣлую жизнь: не полагаться никогда на другихъ, а чужою опытностію уметь не будешь: надо все испытать самому!

Въ это время явился приглашенный графомъ (Васильчиковымъ) Киселевъ. Побывъ съ нимъ нѣсколько минутъ наединѣ, графъ позвалъ меня опять въ кабинетъ. Тутъ я нашелъ Киселева обратившимся всего къ сочувствію. Блѣдный какъ полотно, онъ почти плакалъ о наведенной на меня непріятности; говорилъ, что если я могу казаться виноватымъ передъ государемъ, то передо мною истинно виноватъ одинъ онъ, Киселевъ; проклиналъ свою канцелярію, прибавляя, что если бы меня послали на гауптвахту, то онъ самъ отдалъ бы свою шпагу и пришелъ бы сидѣть со мною; превозносилъ какое то мнимое мое благородство въ томъ, что я принялъ всю вину на себя, тогда какъ такъ легко могъ сложить ее на другихъ; увѣрялъ, что если только увидить еще государя передъ его отъѣздомъ, то совершенно меня очистить и пр. Всѣ мы трое были крайне смущены и взволнованы.

Въ понедѣльникъ я явился въ Совѣтъ совсѣмъ уже приготовленный къ предстоявшей мнѣ непріятной сценѣ и, вмѣстѣ, къ отвѣту, когда сдѣлано мнѣ будетъ замѣчаніе: «что вижу въ немъ одно особенное монаршее снисхожденіе къ непростительной моей винѣ». Но пріѣхавшій въ слѣдъ за мною графъ Васильчиковъ, отозвавъ меня въ другую комнату, объявилъ наединѣ, «что беретъ на свою отвѣтственность не дѣлать мнѣ указаннаго замѣчанія, ибо не видитъ моей вины; что Киселевъ поступилъ благородно и вчера же въ письмѣ къ государю принялъ всю вину на себя; что вслѣдъ за этимъ и онъ, Васильчиковъ, собирается сей часъ послать къ государю (который, простясь со всѣми передъ отъѣздомъ, былъ уже въ Царскомъ Селѣ) нарочнаго съ донесеніемъ, что если виноватъ я, то виноватъ я онъ, подписавшій проекты безъ прочтенія ихъ; наконецъ, что онъ не сомнѣвается въ снисхожденіи государя ко всѣмъ этимъ совокупнымъ объясненіямъ». Такъ и сдѣлалось и я счастливо миновалъ перваго наказанія, которое должно было постигнуть меня послѣ двадцати одного года службы.

Записка къ государю Киселева, который имѣлъ любезность сообщить мнѣ съ нея копію, написана была очень правдиво, но вмѣстѣ и довольно искусно. Изъяснивъ ходъ составленія и потомъ переписки проектовъ въ министерствѣ, онъ прибавлялъ, что, по данному ему отъ его чиновниковъ завѣренію о исправности корректуры, онъ объявилъ тоже самое и мнѣ, прося не задерживать болѣе сихъ проектовъ, дабы государь, до отбытія въ дальній путь, удостовѣрился въ окончаніи дѣла, высочайшею довѣренностію на него, Киселева, возложеннаго; что, при обращеніи вниманія на редакцію передѣланныхъ по указаніямъ Совѣта статей, описки ускользнули отъ корректоровъ, на которыхъ окончательно возло-

жено было это дѣло, и что я, основываясь на его завѣреніи, представилъ государю проекты, совѣтомъ уже одобренные, но въ которые, къ прискорбію, вкрались погрѣшности въ перепискѣ, единственно до его министерства относящіяся. Всю бумагу эту, довольно пространную, Киселевъ заключалъ такъ: «какъ министерство сіе высочайше вѣрено моему вѣдѣнію, то, не изъема я себя отъ отвѣтственности за упущенія по оному и сдѣлавъ надлежащее съ кого слѣдуетъ взысканіе, я повергаю сіе всеподданнѣйшее мое объясненіе на всемилостивѣйшее воззрѣніе, осмѣливаясь надѣяться, что ваше величество, во вниманіи къ сему откровенному объясненію, не поставитъ въ вину барона Корфа упущенія, происшедшаго по довѣрію его къ моему завѣренію».

Записки графа Васильчикова я не видалъ; но на другой день онъ объявилъ мнѣ, что государь отмѣнилъ повелѣніе о сдѣланіи мнѣ замѣчанія и что такимъ образомъ все это останется между нами однимъ. И дѣйствительно, въ городѣ никто о томъ не узналъ.

Престарѣлый графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ, переставъ уже нѣсколько лѣтъ, за дряхлостію и болѣзнями, участвовать въ собраніяхъ Государственнаго Совѣта, въ 1838 году сталъ наконецъ просить объ увольненіи его отъ званія предсѣдателя гражданскаго департамента. Онъ состоялъ въ службѣ съ 1766 года, полнымъ адмираломъ съ 1797 года, членомъ Совѣта съ 1801 года и въ этотъ промежутокъ времени занималъ еще нѣсколько лѣтъ постъ морского министра. Не входя въ разсмотрѣніе, всегда ли онъ дѣйствовалъ правильно, безпристрастно и даже благоразумно, нельзя, однако же, было не отдать справедливости многимъ, отличавшимъ его высокимъ качествамъ, главное же не имѣть въ виду, что ему былъ 87-й годъ и что изъ нихъ 72 протекло на службѣ. Владѣя увлекательнымъ перомъ, онъ писалъ очень много въ своей жизни, особенно мнѣній по дѣламъ Совѣта, большею частью въ либеральномъ направленіи и въ оппозиціонномъ духѣ противъ мивистровъ, послѣ чего самъ распространялъ эти мнѣнія въ публикѣ и успѣлъ пріобрѣсти черезъ нихъ чрезвычайную популярность, какъ никто другой въ Россіи. Но правительство съ своей точки зрѣнія всегда смотрѣло на Мордвинова, можетъ быть и не безъ основанія, какъ на опаснаго болтуна и если иногда его и отличало, то единственно изъ уваженія къ его сану и, можно сказать, безконечной службѣ. Вообще, не говоря о массѣ, въ высшемъ нашемъ административномъ словѣ мнѣнія о немъ были очень раздѣлены. Тогда какъ одни видѣли въ старомъ адмиралѣ человѣка высшаго ума и просвѣщенія, дѣйствовавшего, если иногда и ошибочно, то по крайней мѣрѣ всегда добросовѣстно и съ желаніемъ общаго блага, съ истинною любовію къ Россіи, другіе, не признавая въ немъ никакихъ государственныхъ достоинствъ, считали его за тщеславнаго крикуна, дорожившаго лишь собственными интересами,

и возбуждали даже подозрѣнія относительно его безкорыстія за время когда онъ управлялъ морскимъ министерствомъ. Какъ бы то ни было, государь тотчасъ согласился на его просьбу объ увольненіи; но согласился, вмѣстѣ, и на представленіе Васильчикова, чтобы угасающему сановнику дать, при этомъ случаѣ, для утѣхи и оживленія его, милостивый рескриптъ. Написать его было поручено мнѣ. Имѣя въ виду богатую фактами служебную дѣятельность графа, а равно высокое мнѣніе о немъ огромнаго большинства публики, я думалъ, что тутъ нужно нѣчто необыкновенное, нѣсколько разительное,—такой актъ, въ которомъ Мордвиновъ являлся бы болѣе лицомъ идеальнымъ, выражающимъ собою образъ почти столѣтняго слуги царя и отечества в поставленнымъ вѣдъ разнообразныхъ о немъ сужденій. Въ этомъ смыслѣ я почти съ плеча написалъ слѣдующій проектъ: «Графъ Николай Семеновичъ! Съ истиннымъ прискорбіемъ узналъ я о желаніи вашемъ сложить съ себя должность предсѣдателя департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта,—должность, столь давно вами носимую и въ которой вы явили столько новыхъ доказательствъ вашего высокаго усердія къ престолу и отечеству и вашей нелицепріятной правоты. Но желая и съ моей стороны, при преклонныхъ лѣтахъ вашихъ, доставить вамъ успокоеніе послѣ многолѣтняго служебнаго поприща, всегдашнимъ неизмѣннымъ моимъ и моихъ предшественниковъ довѣріемъ ознаменованнаго, я не могъ не удовлетворить вашей просьбѣ. Вы сохраняете званія члена Государственнаго Совѣта, съ самаго учрежденія его на васъ возложенное, члена комитета финансовъ и наконецъ особаго комитета объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи, по мысли вашей воспріявшаго свое начало. Мнѣ же остается желать, да продлитъ благое Провидѣніе маститую и прекрасную старость вашу, на пользу и честь вашей любезной Россіи, привыкшей болѣе семи десятилѣтіи считать васъ среди самыхъ ревностныхъ и доблестныхъ сыновъ своихъ».

Васильчиковъ былъ чрезвычайно доволенъ этимъ проектомъ, который и отправилъ тотчасъ къ государю. Но государь продержалъ его у себя до личнаго свиданія съ графомъ.

— Я не могу одобрить этого проекта—сказалъ онъ тогда:—и поведеніе и служба Мордвинова были всегда двусмысленны, а послѣ такихъ великолѣпныхъ фразъ, что же осталось бы мнѣ сказать, въ подобномъ случаѣ, какому нибудь знаменитому фельдмаршалу? Я велѣлъ рескриптъ передѣлать.

И точно, рескриптъ былъ пересочиненъ, вѣроятно въ I-мъ отдѣленіи Собственной канцеляріи, и вышелъ самымъ обыкновеннымъ.

Императоръ Николай чрезвычайно любилъ море и морскія путешествія, хотя они почти никогда не сходили для него благополучно. Такъ, въ турецкую кампанію 1828 года, на переѣздѣ его изъ Варны въ Одессу, отъ жестокой бури корабль «Императрица Марія» едва не погибъ со всѣми бывшими на немъ. Другой разъ, въ 1838 году, при возвращеніи изъ за-границы съ императрицею и великими князьями, на везшемъ ихъ изъ Штетина пароходѣ «Геркулесъ» сломалось колесо, и они должны были пристать къ Ревелю, откуда прибыли въ Петербургъ уже сухимъ путемъ. Такихъ случаевъ бывало съ государемъ множество и не даромъ онъ говаривалъ *«qu'il était amoureux de la mer, mais qu'elle ne lui payait de retour»*.

Упомянутое возвращеніе изъ Ревеля совершилось довольно оригинальнымъ образомъ. На пароходѣ находилось только три царскихъ экипажа: двѣ кареты и коляска. Одну карету государь назначилъ подъ императрицу, другую подъ великихъ князей, а коляску предоставилъ камеръ-юнгферамъ. Въ чемъ же ѣхать самому? Рѣшено—на перекладныхъ. Но государь непремѣнно требуетъ, чтобы съ нимъ ѣхалъ такимъ же образомъ и графъ Орловъ. Въ 7-мъ часу вечера—это было въ послѣднихъ дняхъ сентября—подъѣхала къ Екатерининскому дворцу телѣжка, въ которую они усѣлись вдвоемъ. Если вспомнить колоссальность этихъ двухъ лицъ, не широкія эстляндскія почтовые телѣжки и бугроватую каменистую станцію отъ Ревеля до Іегелехта, то легко представить себѣ всю прелесть ихъ поѣздки. Рисковавъ нѣсколько разъ выпасть, они должны были, наконецъ, сидѣть рука объ руку и въ Іегелехтѣ порѣшили взять каждому по особой телѣжкѣ. Такъ они ѣхали всю ночь—мрачную, холодную сентябрьскую ночь, вдоль берега моря или вблизи отъ него, въ повозкахъ, которыя ничѣмъ не защищали ихъ отъ пронзительнаго вѣтра! Только къ разсвѣту, въ Іеве, на соединеніи большого заграничнаго тракта съ Ревельскимъ, въ 172-хъ верстахъ отъ Ревеля, они пересѣли въ коляску Орлова, возвращавшуюся изъ Берлина и остановленную тутъ передовымъ фельдъегеремъ государя.

26-го октября государь поднялся на лѣса новостроющагося Исаакіевского собора, для личнаго обозрѣнія работъ, и остался всѣмъ вполне доволенъ. Онъ долго любовался открывавшимися съ этой высоты видами на цѣлый Петербургъ и сожалѣлъ только объ одномъ, именно, что памятникъ Петра Великаго стоитъ нѣсколько въ сторонѣ отъ церкви, чѣмъ нарушается симметрія.

— *Malgré cela*—сказалъ онъ окружавшимъ его членамъ комиссіи о построеніи собора—*jamais je n'oserai toucher à ce monument sacré et je me flatte que tout de même aucun de mes successeurs n'y mettra la main. Il m'est arrivé ces jours ci un jeune homme, un tout jeune homme de*

21 ans¹⁾, auquel, en lui montrant la ville, j'ai fait observer cette irrégularité. J'espère pourtant, me répondit il, que jamais personne ne s'avisera de faire reculer Pierre le Grand. A ce mot seul déjà je me suis convaincu que le jeune homme était digne d'entrer dans ma famille.

По случаю обрученія герцога Лейхтенбергскаго съ великою княжною Марією Николаевною появилась въ «Сѣверной Пчелѣ» статья объ этомъ союзѣ, въ которой доказывалось, что онъ основанъ не на политическихъ соображеніяхъ и не на видахъ увеличенія и усиленія Россіи, въ чемъ она, при могуществѣ своемъ, не нуждается, а единственно на обоюдныхъ чувствахъ и на произвольномъ сердечномъ выборѣ. Статья, разумѣется, поднесена была на предварительный просмотръ государя и въ одномъ мѣстѣ, гдѣ сказано было: «нашъ великій и добрый государь», онъ вымаралъ оба эпитета.

Въ ночь съ 9-го на 10-е ноября государь уѣхалъ съ нареченнымъ своимъ зятемъ герцогомъ Лейхтенбергскимъ въ Москву. Оттуда они воротились 18-го числа, совершивъ путь частію въ саняхъ, частію на колесахъ. Государь пріѣхалъ въ 1-мъ часу по полудни, въ тотъ же день передъ обѣдомъ катался въ саняхъ съ великою княжною Марією Николаевною, а вечеромъ былъ въ театрѣ, хотя двѣ ночи провелъ въ дорогѣ и наконецъ, несмотря на все это, на слѣдующее утро выслалъ мнѣ огромные фоліанты совѣтскихъ дѣлъ, отправленные въ Москву, но тамъ его уже не заставшіе. Дѣятельность его, и физическая и моральная, всегда превосходила, казалось, силы обыкновенныхъ людей.

17-го декабря 1838 года государь имѣлъ удовольствіе отпраздновать годовщину бѣдственнаго пожара Зимняго дворца особеннымъ образомъ. Пожаръ начался въ Фельдмаршальской залѣ и потому, среди изумительной быстроты, съ которою вообще нашъ фениксъ возрождался изъ своего пепла, вѣрно было къ 17-му числу возобновить именно эту залу непременно въ прежнемъ видѣ. Въ исполненіе царской воли, она воскресла опять какъ была годъ передъ тѣмъ и недоставало только люстръ и окончателной политуры на стѣнахъ. Въ день годовщины собрались туда вся царская фамилія, съ небольшою свитою, строительная коммиссія и отрядъ конной гвардіи, занимавшій тутъ караулъ въ роковой день, при томъ же офицерѣ (моемъ племянникѣ Мирбахѣ).

— Прошлаго года, ребята, — сказалъ государь привѣтствуя солдатъ, — вы въ этотъ день были первыми свидѣтелями начавшагося здѣсь пожара. Мнѣ хотѣлось, чтобы вы же были и первыми свидѣтелями возобновленія этой залы въ Зимнемъ дворцѣ.

Потомъ былъ совершенъ тутъ благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Герцогъ Максимилианъ Лейхтенбергскій, за нѣсколько дней передъ тѣмъ помолвленный съ великою княжною Марією Николаевною.

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

III).

1839 годъ.

Родство всѣхъ предсѣдателей Государственнаго Совѣта.—Привилегіи Остзейскихъ губерній.—Кончина графа М. М. Сперанскаго.—Мнѣніе о немъ императора Николая I.—Капитанъ-лейтенантъ Васильевъ на дежурствѣ въ халатѣ.—Портретъ А. Бестужева (Марлинскаго).—Folle jougnée въ Аничкинскомъ дворцѣ.—Концертъ патріотическаго общества.—Пожаръ въ Обуховской больницѣ.—Князья Юсуповъ и Щербатовъ.—Три студента подъ арестомъ.—Освященіе возобновленнаго Зимняго дворца.—Медаль рабочимъ и острога актера Григорьева.—Генералъ-адъютантъ Деллингсгаузенъ.—Военный генералъ-губернаторъ графъ Эссенъ опоздавшій на пожаръ.—Разговоръ о нервныхъ людяхъ.—Дѣло о лажѣ въ Государственномъ Совѣтѣ.—Спускъ корабля „Россія“.—Каммергеръ Пельчинскій въ Петергофскомъ маскарадѣ.—Просьба А. П. Ермолова объ увольненіи его изъ Государственнаго Совѣта.—Кадетъ, просящійся въ ссылку вмѣсто отца.—Присутствіе наследника цесаревича въ Государственномъ Совѣтѣ.—Д. В. Дашковъ.—Болѣзни великой княгини Ольги Николаевны.—Празднованіе 14-го декабря.—Покупка подарковъ къ Рождеству.

Въ началѣ 1839 года, всѣ предсѣдатели въ Государственномъ Совѣтѣ были въ родствѣ между собою. Князь Васильчиковъ, предсѣдатель общаго собранія, графъ Левашовъ, предсѣдатель департамента экономіи, и Дашковъ, предсѣдатель департамента законовъ и исправлявшій ту же должность въ департаментѣ дѣлъ Царства Польскаго, были женаты на родныхъ сестрахъ (Пашковыхъ). Въ департаментѣ военномъ состоялъ предсѣдателемъ графъ Толстой, ихъ дядя, и наконецъ въ департаментѣ гражданскомъ занималъ эту должность Кушниковъ, также близкій ихъ род-

*) См. „Русск. Старину“ іюнь, 1899 г.

ственникъ. Это дало поводъ одному шутнику сказать, что «le Conseil de l'Empire» преобразился «dans un Conseil de famille».

Князь Васильчиковъ объяснялся съ государемъ по бывшему передъ тѣмъ въ разсмотрѣніи Комитета министровъ вопросу о мѣрахъ къ распространенію въ Остзейскомъ краѣ русскаго языка; причемъ рѣчь коснулась и привилегій этого края, которыя, вмѣстѣ со Сводомъ мѣстныхъ законовъ, должны были въ то время подвергнуться окончательному разсмотрѣнію. Васильчиковъ былъ русскимъ въ душѣ, однако русскимъ благоразумнымъ и потому жаркимъ защитникомъ этихъ привилегій, освященныхъ царскимъ словомъ столькихъ монарховъ и, какъ завѣтъ предковъ и старины, дорогихъ тамошнимъ жителямъ, всегда отличавшимся преданностію правительству и Россіи.

— Что касается до этихъ привилегій,—сказалъ государь,—то я, и теперь и пока живъ, буду самымъ строгимъ ихъ оберегателемъ и пусть никто и не думаетъ подбираться ко мнѣ съ предложеніями о перемѣнѣ въ нихъ, а въ доказательство, какъ я ихъ уважаю, я готовъ былъ бы самъ сейчасъ принять дипломъ на званіе тамошняго дворянина, еслибъ дворянство мнѣ его поднесло.

Потомъ, оборотаясь къ находившемуся тутъ же наслѣднику цесаревичу, онъ прибавилъ:

— Это я говорю и для тебя: возьми за непремѣнное и святое правило всегда держать то, что ты обѣщалъ.

Предсмертная болѣзнь Михаила Михайловича Сперанскаго началась собственно еще въ 1838 году и хотя потомъ онъ нѣсколько оправился и сталъ опять заниматься дѣлами и выѣзжать, но полнымъ здоровьемъ уже не пользовался до самой смерти, постигшей его вечеромъ 11-го февраля 1839 г. Во время первой болѣзни императоръ Николай нѣсколько разъ его навѣщалъ, сложилъ съ него ссуду, незадолго передъ тѣмъ выданную ему изъ государственнаго казначейства для покупки дома, и наконецъ, пожаловалъ его въ графы. Между тѣмъ въ ту же первую болѣзнь, князь Васильчиковъ ¹⁾ тайно объявилъ мнѣ волю государя, чтобы, въ случаѣ кончины больного, немедленно запечатать его бумаги. Ссылаясь на это повелѣніе, князь повторилъ мнѣ то же самое и поутру 11-го февраля, когда возобновившіеся припадки болѣзни уже отняли всякую надежду спасти жизнь Сперанскаго. Но вечеромъ, въ ту минуту когда, по извѣстію, что все кончено, я садился въ карету, чтобы ѣхать въ домъ покойнаго, вдругъ является ко мнѣ фельдъегерь отъ Васильчикова, съ приглашеніемъ заѣхать прежде къ нему. Причиною сего зова было сомнѣніе князя, должно ли теперь приступать къ опечатанію бумагъ,

¹⁾ Ему былъ пожалованъ княжескій титулъ въ одинъ день съ графскимъ Сперанскому—1-го января 1839 г.

ибо повелѣніе о томъ дано было въ первую еще болѣзнь Сперанскаго, и государь съ тѣхъ поръ могъ переимѣнить свою волю. Въ этомъ колебаніи онъ сѣлъ было, при мнѣ, писать докладную записку, но потомъ, передумавъ, попросилъ меня лучше съѣздить къ государю, для скорѣйшаго полученія отвѣта. Меня тотчасъ ввели въ кабинетъ (въ Анничкинскомъ дворцѣ).

— Знаю уже, къ сожалѣнію, зачѣмъ ты ко мнѣ пріѣхалъ—сказалъ, государь,—и сейчасъ писалъ къ князю Иллариону Васильевичу, чтобы онъ передалъ тебѣ приказаніе запечатать бумаги покойнаго. И я, и ты, по близкимъ къ нему отношеніямъ, и всѣ мы понесли потерю ужасную, неизмѣримую!

Потомъ бесѣда его, очень продолжительная, была вся, можно сказать, исполнена сочувствія къ покойному, въ разительную противоположность тому, что я видѣлъ послѣ смерти графа Новосильцова. Не упоминая о томъ, что было сказано тутъ милостиваго и лестнаго собственнo для меня, при воспоминаніи какъ именно черезъ Сперанскаго я впервые сдѣлался извѣстнымъ государю, отмѣчу здѣсь только другіе главнѣйшіе моменты.

— Сперанскаго,—говорилъ государь,—не всѣ понимали и не всѣ довольно умѣли цѣнить; сперва и я самъ, можетъ быть больше всѣхъ, былъ виноватъ противъ него въ этомъ отношеніи. Мнѣ столько было наговорено о его либеральныхъ идеяхъ; клевета коснулась его даже и по случаю исторіи 14-го декабря! Но потомъ всѣ эти обвиненія разсыпались какъ пыль. Я нашелъ въ немъ самаго вѣрнаго, преданнаго и ревностнаго слугу, съ огромными свѣдѣніями, съ огромною опытностію. Теперь всѣ знаютъ чѣмъ я, чѣмъ Россія ему обязаны—и клеветники умоляли. Единственный упрекъ, который могъ бы я ему сдѣлать, это чувство его къ покойному брату; но и тутъ, конечно...

Государь остановился, не кончивъ своей мысли, въ которой, вѣроятно, заключалось тайное, невольное оправданіе Сперанскаго.

— А твое дѣло,—продолжалъ государь,—оставаться вѣрнымъ его школѣ: служи по-прежнему; не обращай вниманія на то, что слышишь вокругъ себя; иди своимъ путемъ, какъ ведутъ честь и совѣсть; словомъ, дѣйствуй въ духѣ и правилахъ покойнаго—и мы останемся всегда друзьями, и ты будешь полезенъ не только мнѣ, но и Сашѣ.

Была рѣчь и о разстроивавшемся тогда все болѣе и болѣе здоровьи князя Васильчикова, и о помощникѣ Сперанскаго, статсъ-секретарѣ Болугьянскомъ (прежнемъ учителѣ государя):

— Я уже Богъ знаетъ какъ давно не видалъ моего Михайла Андреевича (Болугьянскаго),—прибавилъ онъ,—но слышу со всѣхъ сторонъ, что онъ совсѣмъ уже опустился, даже впадаетъ въ ребячество.

Бумаги Сперанскаго государь велѣлъ мнѣ только запечатать, а для

разбора ихъ изъявилъ мысль назначить особую комиссію ¹⁾ (какъ было послѣ князя Кочубея), предполагая въ нихъ особенную важность.

— Въ этихъ бумагахъ,—замѣтилъ онъ,—надо будетъ, вѣроятно, различить три эпохи: одну—до 1812 года и потомъ до кончины брата Александра; другая должна содержать въ себѣ бумаги, относящіяся лично до меня и совѣмъ не касающіяся службы: эти особенно важны (ближе на сей счетъ государь не изъяснился); наконецъ, въ третій разрядъ войдутъ его бумаги по вашему совѣту, по законодательной части и пр. Все это надо будетъ подробно разобрать и многое, вѣроятно, придется мнѣ взять къ себѣ.

Потомъ, обращаясь еще нѣсколько разъ, съ особеннымъ чувствомъ, къ этой невозвратимой потерѣ, государь сдѣлалъ, наконецъ, какъ бы самому себѣ вопросъ: кѣмъ бы можно было хоть сколько-нибудь замѣстить Сперанскаго?

— Къ вѣщему несчастію, — сказалъ онъ, — эта потеря застигла насъ въ ту минуту, когда такъ много еще оставалось намъ съ нимъ дѣлать. Польша, Финляндія, Остзейскій край ждутъ еще своихъ сводовъ; уголовные наши законы необходимо требуютъ пересмотра, къ которому мы было уже и приступили: кѣмъ я замѣню во всемъ этомъ умъ, знаніе и дѣятельность Сперанскаго? Покаместъ мысли мои останавливаются только на Дмитріи Васильевичѣ Дашковѣ ²⁾; онъ одинъ кажется мнѣ способнымъ къ этому дѣлу, да и просто нѣтъ больше никого. Но сладить ли и онъ, возьмется ли даже за такой трудъ? Посмотримъ: надо съ нимъ переговорить, подумать...

Результатъ, который я вынесъ изъ этой аудіенціи, состоялъ въ томъ, что императоръ Николай истинно, глубоко скорбѣлъ о Сперанскомъ, какъ едва ли когда скорбѣлъ о другомъ изъ своихъ наперсниковъ. Онъ чувствовалъ какъ тѣсно связалось это имя съ исторіею его царствованія, какъ велико было содѣйствіе Сперанскаго къ его славлѣ, какъ высоко онъ стоялъ надъ другими нашими государственными людьми той эпохи. Если бы понадобились другія еще доказательства сокрушенія государя, то они представлялись въ достопамятной запискѣ его къ Васильчикову, о которой было упомянуто въ разговорѣ и съ которою встрѣтилъ меня князь, когда я воротился къ нему изъ Аничкина дворца. Я тутъ же попросилъ дозволенія списать ее, какъ величественнѣйшую эпитафію къ надгробному камню покойнаго. Вотъ подлинныя ея слова:

¹⁾ Она была впоследствии составлена изъ статей-секретарей Дашкова, Тавѣва и меня.

²⁾ Д. В. Дашковъ, въ то время министръ юстиціи, дѣйствительно и былъ назначенъ на мѣсто Сперанскаго; но онъ умеръ въ ноябрѣ того же 1839 г. Преемникомъ ему государь избралъ графа Дмитрія Николаевича Блудова, заступившаго сперва мѣсто Дашкова въ министерствѣ юстиціи.

«A l'instant même je viens d'apprendre la fin de notre respectable Spéransky. Vous vous direz aisément, mon cher ami, ce que cette perte irréparable pour moi me fait éprouver de cruels regrets. Mais que la volonté de Dieu soit faite: c'est une épreuve de plus et des plus pénibles pour moi; il faut s'y soumettre! Je crois nécessaire de Vous engager à envoyer de suite Korff mettre les scellés sur les papiers. A demain le reste».

Записка эта была подписана какъ всегда подписывался императоръ Николай въ частныхъ сношеніяхъ съ княземъ Васильчиковымъ: «Tout à Vous pour la vie. N.».

Прибавлю здѣсь, что Сперанскій умеръ 68-ми лѣтъ отъ роду. Съ нимъ угасъ начатый имъ родъ, съ нимъ же угасло и пожалованное ему графское достоинство. Сынъ дѣлъ своихъ, онъ явился безъ предковъ и исчезъ безъ потомства! ¹⁾ Послѣ него остались 2.900 душъ, домъ, передъ тѣмъ подаренный ему государемъ и болѣе 600.000 руб. (ассигн.) долгу!

Императоръ Николай, болѣе въ видахъ здоровья, чѣмъ для удовольствія, очень много хаживалъ пѣшкомъ и во время длинныхъ петербургскихъ ночей прогуливался не только днемъ, но и прежде восхода солнца и по его заходѣніи, притомъ не по одиѣмъ многолюднымъ улицамъ, но и по отдаленнымъ частямъ города.

Однажды поздно вечеромъ, онъ вдругъ является на Адмиралтейскую гауптвахту, ведя за собою человека въ шинели и въ фуражкѣ, вызываетъ передъ себя караульнаго офицера и сдаетъ ему приведеннаго, съ приказаніемъ задержать его на гауптвахтѣ впредь до приказанія. Оказалось, что это былъ главный дежурный по адмиралтейству, капитанъ-лейтенантъ Васильевъ, которому вздумалось прогуляться по Адмиралтейскому бульвару въ фуражкѣ и въ халатѣ, поверхъ котораго была надѣта шинель. Въ такомъ видѣ онъ былъ встрѣченъ государемъ, который, узнавъ его при лунномъ сіяніи, остановилъ и опросилъ его. Черезъ часъ явился на гауптвахту флигель-адъютантъ, чтобы отвести Васильева къ начальнику главнаго морского штаба князю Меншикову въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ его встрѣтилъ государь.

Этотъ анекдотъ я слышалъ тогда же отъ командира гвардейскихъ саперовъ Витовтова, котораго баталіонъ занималъ въ тотъ день караулъ.

Извѣстно, что Александръ Бестужевъ, одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ заговора, обнаружившагося событіями 14-го декабря 1825 года, былъ сосланъ въ Сибирь, а потомъ, переведенный рядовымъ на Кавказъ,

¹⁾ Т. е. безъ мужескаго. Единственная его дочь была въ замужествѣ за дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Фроловымъ-Багріевымъ.

продолжалъ и во время ссылки писать повѣсти, которыя выходили въ свѣтъ подъ псевдонимомъ Марлинскаго. Многіе тогда восхищались произведеніями его бойкаго, хотя всегда жеманнаго пера, но никто, однако, не смѣлъ печатно поднять завѣсы съ его псевдонима, и фамиліи Бестужева въ литературномъ мірѣ, такъ же какъ и въ мірѣ политическомъ, давно болѣе не существовало. Вдругъ, въ 1839 году, въ изданномъ книгопродавцемъ Смирдинымъ, уже послѣ смерти Бестужева, сборникѣ подъ заглавіемъ «Сто русскихъ литераторовъ» при одной изъ оставшихся послѣ него повѣстей, напечатанной съ прежнею вымышленною фамиліею «Марлинскій», издатель приложилъ портретъ автора, съ выгравированною подъ нимъ подписью въ facsimile: «Александръ Бестужевъ». Государь, до свѣдѣнія котораго это дошло, крайне разгнѣвался, на что, конечно, имѣлъ полное основаніе: ибо такимъ образомъ черты и подпись государственнаго преступника, умершаго и политически и физически, увѣковѣчивались въ потомствѣ, въ виду правительства и какъ бы въ насмѣшку надъ правосудною его карою. Обратились, натурально, прежде всего къ цензору; но онъ, въ отношеніи къ выпуску помянутаго портрета, сослался на разрѣшеніе, полученное имъ пзъ III-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи, а по справкѣ въ III-мъ отдѣленіи оказалось, что разрѣшеніе дано было статсъ-секретаремъ Мордвиновымъ, который въ то время управлялъ этимъ отдѣленіемъ. Государь, и прежде уже не жаловавшій Мордвинова, приказалъ тотчасъ его отрѣшить и только по убѣжденіямъ главнаго его начальника, графа Бенкендорфа, это наказаніе было замѣнено увольненіемъ отъ службы ¹⁾.

Императоръ Николай, былъ вообще очень веселаго и живого нрава, а въ тѣсномъ кругу даже и шаловливъ (*espiègle*). Съ самыхъ первыхъ годовъ его царствованія до тѣхъ поръ, пока позволяло здоровье императрицы, при дворѣ весьма часто бывали, кромѣ парадныхъ баловъ, небольшіе танцевальныя вечера, преимущественно въ Аничкинскомъ дворцѣ или, какъ онъ любилъ его называть, Аничкинскомъ домѣ, составлявшемъ личную его собственность еще въ бытность великимъ княземъ. На эти вечера приглашалось особенное привилегированное общество, которое называли въ свѣтѣ *la Société d'Anitchkoff* и котораго составъ, опредѣлявшійся не столько лѣстницею служебной іерархіи, сколько приближенностію къ царственной семьѣ, очень рѣдко измѣнялся. Въ этомъ

¹⁾ Вскорѣ за тѣмъ Мордвиновъ былъ опредѣленъ опять на службу ватскимъ гражданскимъ губернаторомъ, и впослѣдствіи назначенъ присутствовать въ Сенатѣ; но званіе статсъ-секретаря никогда уже болѣе ему возвращено не было.

кругу оканчивалась обыкновенно масляница и на прощанье съ нею, въ «folle jougnée» ¹⁾ завтракали, плясали, обѣдали и потомъ опять плясали. Въ продолженіе многихъ лѣтъ принималъ участіе въ танцахъ и самъ государь, котораго любимыми дамами были: Бутурлина, урожденная Комбурлей, княгиня Долгорукая, урожденная графиня Апраксина и, позже, жена поэта Пушкина, урожденная Гончарова. Въ одну изъ такихъ «folle jougnée», которыя начинались въ часъ пополудни и длились до глубокой ночи, именно въ 1839 году, государь часу во 2-мъ напомнилъ, что время кончить танцы; императрица смѣясь отвѣчала, что имѣеть разрѣшеніе отъ митрополита танцовать сколько угодно послѣ полуночи; что разрѣшеніе это привезъ ей синодальный оберъ-прокуроръ (гусарскій генералъ графъ Протасовъ) и что, въ доказательство того, онъ и самъ танцуетъ. За попури, когда дамы заняли всѣ стулья, государь, также танцовавшій, предложилъ кавалерамъ сѣсть возлѣ своихъ дамъ на полъ и самъ первый подалъ примѣръ. При исполненіи фигуры, въ которой одна пара пробѣгаетъ надъ всѣми наклонившимися кавалерами, государь присѣлъ особенно низко, говоря, что наученъ опытомъ, потому что съ него такимъ образомъ сбили уже однажды тупей. Здѣсь кстати замѣтить, что императоръ Николай рано сталъ терять волосы и потому долго носилъ тупей, который снялъ въ послѣдніе только годы своей жизни.

14-го марта былъ данъ обыкновенный годичный концертъ Патриотическаго общества, въ которомъ исполнителями были одни любители и любительницы, безъ участія записныхъ артистовъ. Въ немъ должна была пѣть и супруга сардинскаго посланника графа Росси, прежняя знаменитая Зонтагъ, не поступившая еще тогда вновь на сцену, и въ этотъ вечеръ государь явилъ опять примѣръ воодушевлявшаго его всегда высокаго чувства—предпочтенія долга всѣмъ удовольствіямъ. Страстный почитатель таланта графини Росси, онъ передъ самымъ выходомъ ея на эстраду оставилъ залу по первому докладу, что загорѣлось въ Обуховской больницѣ и, отъ ожидаемаго наслажденія, поспѣшилъ — на пожаръ!

Князь Борисъ Николаевичъ Юсуповъ, сперва церемоніймейстеръ высочайшаго двора, потомъ гофмейстеръ и наконецъ, въ послѣдніе годы своей жизни, бывшій почетнымъ опекуномъ, составлялъ, въ свое время, нѣчто типическое въ петербургскомъ обществѣ. Кромѣ хорошенькой жены (урожденной Нарышкиной) одной изъ самыхъ модныхъ нашихъ дамъ, которую очень любили и баловали и государь и императрица, несмѣт-

¹⁾ Впослѣдствіи эти „folle jougnée“ праздновались обыкновенно также въ присутствіи царской фамилии, у оберъ-церемоніймейстера графа Воронцова-Дашкова.

ное богатство, блестящее имя, разныя причудливыя странности и репутація ограниченнаго ума усвоили Юсупову какое-то исключительное положеніе въ свѣтѣ и дали ему особенный колоритъ, совершенно отличавшій его отъ другихъ нашихъ вельможъ, по крайней мѣрѣ петербургскихъ. Онъ ничѣмъ не стѣснялся въ выраженіи своихъ мыслей и понятій, ни въ свѣтѣ, ни даже въ разговорахъ съ государемъ и позволялъ себѣ такую непринужденную откровенность изъясненій, которой не спустили бы никому другому. Одно время онъ совсѣмъ оставилъ службу, по непріятностямъ съ княземъ Волконскимъ, министромъ императорскаго двора, пользовавшимся всею довѣренностію императора Николая. Года уже три спустя по выходѣ Юсупова такимъ образомъ въ отставку, государь спросилъ его, зачѣмъ онъ не поступаетъ снова на службу и «долго ли станетъ еще блажить?»

— До тѣхъ поръ, государь, пока будетъ при васъ Волконскій.

— Ну, такъ подождемъ.

Къ числу нашихъ вельможъ-ветерановъ, не блиставшихъ геніемъ, но служившихъ съ честію и отличіемъ во всѣхъ кампаніяхъ, принадлежалъ князь Алексѣй Григорьевичъ Щербатовъ, человѣкъ, извѣстный военными своими доблестями и притомъ добрый и любимый въ обществѣ. Бывъ генераль-адъютантомъ еще во времена императора Александра, онъ съ 1832 года состоялъ предсѣдателемъ генераль аудиторіата, какъ вдругъ ему нанесли политическій ударъ: другой, тоже александровскій генераль-адъютантъ, князь Трубецкой, еще уступавшій Щербатову по уму и не имѣвшій его военныхъ заслугъ и репутаціи, былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Щербатовъ не скрылъ своей досады и тотчасъ подалъ въ отставку, которая была дана ему безъ всякихъ объясненій. Съ тѣхъ поръ прошло года три и въ продолженіе ихъ государь не переставалъ его отличать: онъ, по прежнему, приглашался на всѣ придворныя балы, большіе и малые, даже и на вечера, бывавшіе въ Аничкинскомъ дворцѣ; но объясненій между тѣмъ все никакихъ не было и государь обходился съ нимъ какъ-бы ничего не случилось, никогда даже самыми отдаленными намеками не вызывая князя къ выраженію причинъ, побудившихъ его оставить службу. Во всѣ салоны Щербатовъ пріѣзжалъ во фракѣ, а во дворецъ хотя и въ генеральскомъ мундирѣ, но, въ качествѣ отставнаго, безъ эполетъ; лѣто онъ проводилъ въ своемъ имѣніи, а на зиму возвращался въ Петербургъ. Часто видаясь съ нимъ въ свѣтѣ, мы встрѣтились и на большомъ дворцовомъ балѣ 23-го апрѣля (1839 г.). Онъ объявилъ мнѣ, что черезъ день уѣзжаетъ въ деревню, гдѣ останется до глубокой осени, и просилъ не забывать его по случаю одного его процесса, производившагося тогда въ Государственномъ Совѣтѣ. Вдругъ, спустя нѣсколько дней, я читаю въ газетахъ, что выѣхалъ изъ Петербурга «генераль-отъ-

нифантеріи князь Щербатовъ, шефъ Костромскаго пѣхотнаго полка». Что значила эта внезапная перемена послѣ недавняго, можно сказать накануне, свиданія и разговора моего съ отставнымъ Щербатовымъ? Мнѣ объяснилъ это уже потомъ князь Васильчиковъ, питавшій къ нему всегда особенную дружбу ¹⁾, и вотъ подробности дѣла, мало кому и въ то время сдѣлавшіяся извѣстными.

За нѣсколько дней передъ сказаннымъ баломъ былъ разводъ на площадкѣ передъ Зимнимъ дворцомъ. Князь Щербатовъ имѣлъ надобность сказать что-то генераль-адъютанту Нейдгардту, а какъ солдаты стояли вольно, ружье у ноги, то полагая, что государь еще не прибылъ, онъ вошелъ въ оцѣпленіе, куда допускаются одни только военные. Но государь былъ уже на площадкѣ и, замѣтивъ Щербатова, послалъ военнаго генераль-губернатора сказать ему, что въ статскомъ платьѣ тутъ никому не мѣсто. Встревоженный этимъ замѣчаніемъ, Щербатовъ, по возвращеніи домой, поспѣшилъ написать къ графу Бенкендорфу письмо, въ которомъ изъяснилъ происшедшее недоразумѣніе, прибавивъ, что безъ того никогда не отважился бы нарушить извѣстныхъ ему по прежней службѣ военныхъ правилъ. На это ему отвѣчали, въ очень благосклонныхъ выраженіяхъ, что и государь не подозрѣвалъ никакого 'умышленнаго съ его стороны нарушенія порядка и что его величеству всегда пріятно будетъ видѣть князя на разводѣ, если онъ станетъ являться, по общему порядку, въ мундирѣ. За этою перепискою непосредственно слѣдовать упомянутый мною выше придворный балъ. Государь, увидѣвъ здѣсь Щербатова, самъ подошелъ къ нему и повторилъ изустно написанное Бенкендорфомъ, сказать:

— Я знаю, что ты на меня дулся и все еще дуешься; напрасно: надо было тогда же объясниться и все бы развязалось.

— Государь, я и былъ готовъ на такое объясненіе, въ случаѣ, если бы вы изволили меня къ себѣ призвать; но надежда моя на это не сбылась и въ сознаніи, что я служилъ не хуже другихъ, которые меня обошли, я не могъ, при такомъ знакѣ нерасположенія вашего величества, поступить иначе и долженъ былъ оставить службу.

— Ну, теперь это статья конченная, а въ доказательство, что съ моей стороны нѣтъ нерасположенія, скажу тебѣ, что искренно поражаюсь, если ты опять пойдешь въ службу, и буду только ждать перваго твоего слова, чтобы дать тебѣ то мѣсто, котораго пожелаешь.

Щербатовъ поклонился въ молчаніи, тѣмъ и пресѣкся разговоръ; но на другое утро рано онъ пріѣхалъ къ Васильчикову, за совѣтомъ и наставленіемъ, и хотя настаивалъ на томъ, что ему необходимо ѣхать по дѣламъ въ свое имѣніе и что онъ одурачится передъ цѣлымъ

¹⁾ Впослѣдствіи сынъ Васильчикова женился на дочери Щербатова.

свѣтомъ, если, дувшись три года, вдругъ воротится опять, безъ всякой причины, къ тому же самому чѣмъ былъ прежде. Однако Васильчиковъ, пользовавшійся неограниченнымъ надъ нимъ вліяніемъ, вразумилъ его, что все это надо было высказать государю тутъ же; что теперь слишкомъ поздно раздумывать и что, уклоняясь отъ вызова государя, онъ рискуетъ впасть, уже на всегда, въ совершенную немилость. И такъ Щербатовъ написалъ государю, что принимаетъ съ благодарностію милостивое его предложеніе и готовъ на всякую должность, какую его величеству угодно будетъ назначить—въ эполетахъ или безъ эполетъ—лишь бы позволено ему было, по крайней его надобности, отлучиться теперь на нѣкоторое время въ деревню. Вслѣдствіе того государь въ ту же минуту велѣлъ написать о немъ особое дополнение къ отданному уже на тотъ день приказу, и такимъ образомъ 24-го апрѣля Щербатовъ былъ уже снова генераломъ-отъ-инфантеріи въ эполетахъ, съ почетнымъ званіемъ шефа Костромского полка, но безъ аксельбанта, потому что при императорѣ Николаѣ alexандровскіе генералъ-адъютанты, единожды оставлявшіе службу, уже невозвратно теряли прежнее свое званіе. Впрочемъ безъ опредѣленныхъ занятій князь Щербатовъ оставался недолго. 1-го іюля того же года исполнилось его давнишнее желаніе: онъ былъ пожалованъ членомъ Государственнаго Совѣта, а вскорѣ за тѣмъ, и именно 14-го апрѣля 1844 года, государь утвердилъ его, послѣ смерти князя Дмитрія Владиміровича Голицына, въ должности московскаго военнаго генералъ-губернатора, которую временно онъ исправлялъ съ іюня 1843 года. Отъ этого важнаго поста князь Щербатовъ былъ уволенъ, по болѣзни, въ маѣ 1848 года, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, послѣдовавшей 15-го декабря того же года.

Три студента изъ уроженцевъ Остзейскихъ губерній, только что поступившіе въ Петербургскій университетъ, плохо знавшіе по-русски и почти ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ еще незнакомые въ столицѣ, встрѣтили на Невскомъ проспектѣ государя въ саняхъ и, не зная его, не поклонились. Государь остановился, подозвалъ ихъ къ себѣ, назвалъ и внушилъ имъ, что если они и не знали его, то должны были отдать ему честь какъ генералу, велѣлъ всѣмъ тремъ идти тотчасъ на главную гауптвахту въ Зимнемъ дворцѣ. Тамъ они пробыли нѣсколько часовъ, въ продолженіе которыхъ пообѣдали съ караульными офицерами, а оттуда присланнымъ за ними фельдъегеремъ потребованы были въ Аничкинъ дворецъ. При входѣ камердинеръ государя спросилъ, что ѣдятъ они: постное или скоромное (это было въ Великомъ посту) и, несмотря на отвѣтъ, что они уже поѣли, имъ подали цѣлый обѣдъ, по окончаніи котораго провели въ кабинетъ къ государю. Здѣсь онъ ихъ порядкомъ пожурилъ, сперва по-русски, а потомъ, видя, что они

мало его понимаютъ ¹⁾, по-нѣмецки и наконецъ, принявъ совершенно отеческій тонъ, обнявъ расцѣловалъ и отпустилъ по домамъ.

Въ 1839-мъ году съ многозначительнымъ для христіанъ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія соединено было, по поэтической идеѣ императора Николая, торжество и другого еще рода: освященіе давно возставшихъ изъ пепла, менѣе нежели въ полтора года, чертоговъ русскаго царя. Наканунѣ, въ великую субботу, которая въ этомъ году совпала съ днемъ Благовѣщенія (25-го марта) освященъ былъ дворцовый соборъ, а въ самый Свѣтлый праздникъ въ немъ уже совершались и «утренняя глубока» и пасхальная обѣдня, со всѣмъ обычнымъ блескомъ и великолѣпіемъ придворнаго священнослуженія. Предварительно, всѣхъ насъ собрали въ походную церковь армитажа, уцѣлѣвшаго, какъ извѣстно, отъ пожара, а потомъ, къ полуночи, оттуда двинулся крестный ходъ, въ сопровожденіи царской фамиліи и двора, черезъ шепелевскій дворецъ, прямо въ соборъ, гдѣ немедленно началось богослуженіе. Послѣ обѣдни та же процессія пошла черезъ всѣ главнѣйшія залы, до внутреннихъ покоевъ, гдѣ государь съ семьєю своею раскланялись и удалились; всѣмъ же присутствовавшимъ, отъ мала до велика, числомъ болѣе 3-хъ тысячъ человѣкъ, подано было, на накрытыхъ въ огромныхъ залахъ столахъ, богатое розговѣнье, котораго для публики во дворцѣ никогда не бываетъ. Обыкновеннаго «христосованія» съ государемъ въ эту ночь не было, но мы и такъ развѣхались изъ дворца гораздо позже трехъ часовъ.

Ночное шествіе царственной семьи, въ сопровожденіи блестящаго двора, многочисленнаго духовенства съ крестами и святою водою и огромнаго хора пѣвчихъ, по этимъ сіяющимъ палатамъ, такъ недавно еще представлявшимъ одніи обгорѣлыя развалины, было въ высшей степени величественно и поразительно. Запустѣніе и пепелъ смѣнились ликующею жизнію; пожиравшее пламя—огнями радости! Въ Бѣлой залѣ процессія двигалась между двумя длинными рядами главныхъ мастеровыхъ, участвовавшихъ въ возобновленіи дворца—болѣею частью русскихъ мужичковъ съ бородами и въ кафтанахъ. Многіе, кланяясь почти до земли, плакали. Государь казался чрезвычайно довольнымъ и веселымъ. По случаю этого дня выбита была особая медаль, на одной сторонѣ которой красовалось царское слово «благодарю», а на другой находилась надпись: «Усердіе все превозмогаетъ». Три главные члена строительной комиссіи: министръ императорскаго двора князь Волконскій, оберъ-штабмейстеръ князь Долгоруковъ и дежурный генералъ Клейнмихель получили

¹⁾ На вопросъ одному: откуда онъ? тотъ отвѣчалъ: „изъ университета“. И государь долженъ былъ объяснить ему, уже по-нѣмецки, что спрашиваетъ: откуда онъ родомъ?

эту медаль осыпанную брильянтами ¹⁾, чиновникамъ, архитекторамъ, художникамъ и пр., всего двумстамъ, пожалована золотая, наконецъ всѣмъ мастеровымъ и рабочимъ, числомъ до 7,000, роздана та же медаль серебряная. Ее установлено носить въ петлицѣ на Андреевской лентѣ. Въ тотъ же день перенесены были торжественно изъ Аничкина дворца въ обновленный Зимній знамена и штандарты гвардейскихъ полковъ. Императорскій флагъ, знаменующій присутствіе государя въ столицѣ и поднятый, послѣ пожара, на Аничкинскомъ дворцѣ, съ этой же достопамятной ночи развился опять надъ Зимнимъ. Въ часъ былъ разводъ въ Михайловскомъ манежѣ (по случаю лежавшаго еще на улицахъ и на площади передъ дворцомъ снѣга) и тутъ государь исполнилъ частью то, что прежде дѣлалъ всегда ночью, т. е. перецѣловался со всѣми генералами и гвардейскими офицерами. За вечернею императрица цѣловалась, по обыкновенію, съ дамами. Мнѣ рассказывалъ ульяновскій священникъ, что вечеромъ того дня возвращавшіеся изъ Петербурга въ Петергофъ драгунскіе солдаты остановили на дорогѣ одного мастерового, уже украшеннаго новою медалью, разспрашивали его, разглядывали медаль и, съ восторгомъ прикладываясь къ ней какъ къ иконѣ, кричали, что отдали бы послѣднюю копейку за царское «благодарю». При всемъ томъ эта медаль не избѣжала и насмѣшекъ, разъ даже публично, на театрѣ. Актеръ Григорьевъ мастерски и совершенно съ натуры передавалъ на сценѣ бородатыхъ купцовъ, и мѣщанъ и къ мелкимъ пьесамъ и фарсамъ, которые именно для него сочинялись въ этомъ родѣ, подбавлялъ еще иногда и отъ себя. Въ самый годъ возобновленія дворца поставлена была на сцену подобная бездѣлка, подъ заглавіемъ: «Купецъ третьей гильдіи», и Григорьевъ, занимавшій въ ней первую роль, вставилъ съ своей стороны слѣдующій діалогъ, котораго не было въ оригиналѣ. Является купецъ съ голубою ленточкою въ петлицѣ—самъ Григорьевъ; между разговоромъ одинъ изъ его товарищей замѣчаетъ это украшеніе и съ любопытствомъ спрашиваетъ:

- Что это, вѣрно за Бородино?
- Нѣтъ-съ, это такъ-съ!
- Какъ такъ-съ?
- Да такъ-съ, по искусственной части.
- Что-жь это значить?
- Да мы вывели фунтиковъ тридцать мусору-съ.

Хохотъ публики былъ, разумѣется, неудержимый; но Григорьева послали придумывать другія, болѣе пристойныя остроты на гауптвахту,

¹⁾ Долгорукову пожалована была еще Андреевская лента, а Клейнмихелю данъ графскій титулъ. Медаль Волконскаго стоила 40 тысячъ, а каждая изъ остальныхъ—14 тысячъ руб., по тогдашнему счету, ассигнаціями.

гдѣ онъ просидѣлъ недѣлю. Послѣ государь самъ со смѣхомъ разсказывалъ, что при слѣдующемъ представленіи этой пьесы, на вопросъ «вѣрно это за Бородино»; Григорьевъ отвѣчалъ: «нѣтъ-съ, это дѣло постороннее мое почтеніе», и ретировался со сцены.

Форейторъ—тогда всѣ ѣздили еще четвернею—генераль-адъютанта Деллингсгаузена (находившагося адъютантомъ при императорѣ Николай еще въ бытность его великимъ княземъ) при какомъ то разѣздѣ, ударилъ жандарма, обращавшаго его къ порядку, плетью по лицу. Форейтора, разумѣется, взяли въ полицію, а Деллингсгаузенъ завязалъ переписку съ полицейскимъ начальствомъ, для оправданія своего человѣка. Все это крайне разгнѣвало государя и вслѣдъ за симъ прокисшею разнесли по всѣмъ домамъ въ Петербургѣ печатное объявленіе, за подписаніемъ военнаго генераль-губернатора, что государь императоръ, слыша съ неудовольствіемъ о неповиновеніи, оказываемомъ жандармамъ при разѣздахъ, публичныхъ церемоніяхъ, гуляньяхъ и пр., повелѣваетъ жандармовъ и другихъ полицейскихъ чиновъ, разставленныхъ по мѣстамъ, считать наравнѣ съ военными часовыми, вслѣдствіе чего оказывающихъ имъ послушаніе курьеровъ, форейторовъ и лакеевъ отдавать въ рекруты безъ зачета. Вскорѣ послѣ того, при общемъ христосованіи съ военными, въ Свѣтлое Воскресеніе, въ Михайловскомъ манежѣ, государь не поцѣловался съ Деллингсгаузеномъ и, отведя его рукою, сказалъ, что онъ «не цѣлуется съ нарушителями порядка». Несчастіе рѣдко приходитъ одно. На второй день праздника, Деллингсгаузенъ былъ дежурнымъ и на разводѣ лошадь подъ нимъ такъ разупрямилась, что лягнула государеву въ грудь. Тутъ государь опять сказалъ, что неумѣющему ѣздить верхомъ лучше бы ходить пѣшкомъ. Наконецъ, спустя два или три дня послѣ того, Деллингсгаузенъ получилъ изъ Эстляндіи извѣстіе о смерти его отца. Когда онъ, по этому случаю, сталъ проситься въ отпускъ для устройства своихъ дѣлъ, то государь, соизволивъ на его просьбу, пригласилъ его до отъѣзда къ себѣ отобѣдать и здѣсь послѣдовало примиреніе, въ выраженіяхъ, доказывающихъ какимъ даромъ очарованія владѣлъ императоръ Николай.

— Тебѣ,—сказалъ онъ,—какъ вспыльчивому нѣмцу, еще туда-сюда было разгорячиться; но мнѣ, какъ хладнокровному русскому человѣку, отнюдь уже этого не слѣдовало и я вполне винюсь.

Въ концѣ апрѣля 1839 года, въ 3-мъ часу ночи, вспыхнулъ гдѣ-то пожаръ, на который государь пріѣхалъ гораздо прежде военнаго генераль-губернатора графа Эссена. Онъ встрѣтилъ опоздавшего словами:

— Ну, Петръ Кирилловичъ, мы порядкомъ за тебя похлопотали и, благодаря Бога, свое дѣло сдѣлали; теперь нечего уже беспокоиться: огонь дальше не пойдетъ.

Когда я благодарилъ государя за пожалованную мнѣ Владимірскую

звѣзду, онъ, между прочимъ, очень много распространялся въ похва-лахъ князю Васильчикову.

— Теперь двадцать два года,—говорилъ онъ,—что мы съ нимъ знакомы и я привыкъ любить и уважать его, сперва какъ начальника, а теперь какъ совѣтника и друга. Это самая чистая, самая благородная, самая преданная душа; дай Богъ ему только здоровья!

На замѣчаніе мое, что князь всегда чувствуетъ себя лучше подь вечеръ, государь отвѣчалъ, что это бываетъ обыкновенно съ людьми нервными.

— Вотъ, въ доказательство, моя жена, которая утромъ никуда не годится, а къ вечеру всегда разгуляется и оправится.

Тогда какъ во всѣхъ государствахъ исключительнымъ знакомъ цѣнности вещей приняты драгоценные металлы, у насъ, съ 1812 года, мѣсто ихъ заступили представители только сего знака—ассигнаціи. Ихъ единственно узаконено было принимать въ казенные и банковые платежи; только на нихъ должны были совершаться всѣ сдѣлки и условія, производиться купля и продажа. Отсюда серебро перешло въ рядъ простого товара и вытѣснилось изъ народнаго обращенія и у насъ не стало и монетной единицы, потому что рубль сдѣлался счетомъ воображаемымъ. Къ этому неудобству скорѣ присоединилось новое: признавъ ассигнаціи исключительною платежною монетою и поставивъ, черезъ то, всѣ состоянія въ необходимость пріобрѣтать ихъ для взносовъ въ казну и въ кредитныя установленія, правительство, въ то же время, извлекло изъ обращенія почти цѣлую треть ихъ и не открыло ни одного новаго источника свободнаго промѣна. Отсюда, при недостаткѣ въ ассигнаціяхъ, произошла зависимость народа отъ мѣняль и спекулянтовъ, съ чѣмъ вмѣстѣ родилось и зло престонародныхъ лажей, или счета на монету, такъ долго и такъ изнурительно тяготѣвшее надъ Россією, зло, котораго пространству и объему теперь, когда все это живетъ лишь въ преданіи, едва можно повѣрить. Государственные платежные знаки, перейдя изъ орудій сдѣлокъ и потребностей общежитія въ предметъ торга, безпре-станно мѣнялись въ цѣнѣ своей, и эти измѣненія были такъ много-различны, что каждый почти городъ, каждое мѣсто имѣли свой особенный денежный курсъ ассигнацій, серебра, золота и даже мѣдной монеты. Если, при такомъ порядкѣ вещей, для сословій торговаго и ремесленнаго существовала возможность возмѣщать потери отъ лажа, болѣе или менѣе, на покупщикахъ, возвышая цѣну товаровъ и издѣлій, и если могли еще выигрывать на томъ откупщики и капиталисты, то всѣ прочіе классы: чиновники, жившіе единственно жалованьемъ; владѣльцы имѣній, особенно оброчныхъ; крестьяне, которымъ не доступны были тонкости курсовыхъ расчетовъ; работники, получавшіе поденную плату

и вообще простой народъ терпѣли ежедневно такія стѣсненія и потери, которыя выразились наконецъ не только общимъ желаніемъ благотворной перемены, но даже и общимъ, повсемѣстнымъ ропотомъ.

Высшее правительство давно уже обращало заботливое вниманіе на этотъ важный предметъ; но какъ, съ одной стороны, самое происхождение зла можно было отнести частію къ долговременному бездѣйствію министерства финансовъ, а имъ пятнадцать уже лѣтъ управляло одно и то же лицо—графъ Канкринъ; съ другой же стороны, мѣры исправленія требовали операціи весьма сложной и огромной, можетъ быть даже перестроенія всей нашей финансовой системы: то графъ Канкринъ долго и всемѣрно старался отклонить всякій коренной пересмотръ вопроса, приписывая существованіе лажа только обстоятельствамъ временнымъ, преходящимъ, и вообще смотря на этотъ предметъ, или по крайней мѣрѣ стараясь, чтобы другіе смотрѣли на него, какъ на нѣчто маловажное и второстепенное.

Въ такомъ положеніи, при равнодушіи и явномъ даже противодѣйствіи министра финансовъ, дѣло оставалось бы, можетъ быть, еще долгое время неподвижнымъ, если бы не явился вдругъ равносильный министру боецъ, поднявшій весь вопросъ, такъ сказать, отъ его корня. Этотъ боецъ, былъ князь Ксаверій Францовичъ Друцкой-Любецкій, до польскаго мятежа министръ финансовъ Царства, а въ это время членъ нашего Государственного Совѣта, безъ всякихъ другихъ служебныхъ обязанностей. О личности его и вліяніи на ходъ финансоваго нашего управленія я уже говорилъ очень подробно въ другомъ мѣстѣ¹⁾. Здѣсь же повторяю только, что въ теченіе двухъ лѣтъ (1837—1839) онъ одинъ, безъ сторонней помощи, безъ канцеляріи, даже безъ писца, совершилъ огромныя работы, которыя навсегда останутся памятникомъ его знаній, трудолюбія и благонамѣреннаго патріотизма. Многія изъ его мыслей были отвергнуты, не столько впрочемъ по убѣжденію, сколько по трудности предписать исполнителю—министру финансовъ, такія правила, которымъ онъ впередъ предсказывалъ рѣшительную неудачу; но все же одному Любецкому Россія была обязана тѣмъ, что дѣло двинулось съ мѣста; одна его настойчивость и энергическая дѣятельность заставили всѣхъ очнуться и самого министра невольно извлекли изъ апатіи. Окончательныя соображенія по дѣлу о лажѣ происходили въ концѣ 1838-го и въ 1839-мъ году и въ семь послѣднемъ были приведены въ исполненіе. Акты дѣла состояли изъ письменныхъ мнѣній адмираловъ графа Мордвинова и Грейга и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ

¹⁾ Въ сочиненіи подъ заглавіемъ „Императоръ Николай въ совѣщательныхъ собраніяхъ“. См. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества, т. 98.

князя Любецкаго и графа Сперанскаго ¹⁾, изъ разныхъ записокъ и замѣчаній министра государственныхъ имуществъ, шефа-жандармовъ, сенатора графа Кушелева-Безбородко (впослѣдствіи государственнаго контролера) и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, и изъ возраженій и объясненій министра финансовъ. Все это составило многія сотни листовъ и образовало пеструю смѣсь мнѣній и взглядовъ самыхъ разнородныхъ и частію совершенно противоположныхъ, такъ что одна канцелярская работа—изготовление этихъ бумагъ къ слушанію—завяла продолжительное время. Дѣло должно было разсматриваться въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и экономіи, составъ которыхъ, собственно для этого дѣла, былъ еще усиленъ тремя министрами: государственнымъ канцлеромъ графомъ Нессельродомъ, начальникомъ главнаго морского штаба княземъ Меншиковымъ и министромъ государственныхъ имуществъ графомъ Киселевымъ; но, по какой-то странности, которой я не умѣлъ объяснить себѣ и въ то время, къ этому разсмотрѣнію не было приобщено главнаго возбудителя всего вопроса, князя Любецкаго. Департаменты посвятили этому дѣлу тринадцать продолжительныхъ засѣданій и, несмотря на то, не могли придти къ единогласному заключенію. Мѣры, придуманныя къ отвращенію на будущее время лажа, состояли въ фиксаціи курса ассигнацій; въ установленіи размѣна ихъ, по этому курсу, всякому желающему, отъ правительства; въ принятіи за монетную единицу серебрянаго рубля; въ переложеніи затѣмъ всѣхъ казенныхъ и частныхъ платежей на серебро и въ постепенномъ извлеченіи изъ обращенія выпущенныхъ дотолѣ ассигнацій, съ замѣномъ ихъ сперва, отчасти, депозитными билетами, а потомъ, вполнѣ, ассигнаціями серебряными. Разногласіе состояло въ томъ, что министр финансовъ и съ нимъ три члена полагали фиксацію курса начать съ 1840 года и курсъ ассигнацій установить по среднему биржевому (онъ былъ въ то время 349½ коп. за рубль), а 9 членовъ предпочитали приступить къ фиксаціи немедленно ²⁾ и курсъ опредѣлять по существовавшему въ то время казенному, т. е. установленному для взноса податей (360 к.). Сверхъ того всѣ вообще члены хотѣли назначить курсъ серебряной копейки въ 4 мѣдныя, а министр финансовъ требовалъ назначенія ея курса въ 3½ коп. Составленный на сихъ основаніяхъ огромный журналъ былъ внесенъ, въ началѣ іюня, въ общее со-

¹⁾ Графъ Сперанскій скончался 11-го февраля 1839 г., а мнѣніе его было подаво 7-го числа того же мѣсяца. Государственная дѣятельность не оставила его и на краю гроба.

²⁾ Разница состояла всего въ семи мѣсяцахъ, потому что это заключеніе послѣдовало 31-го мая 1839 г., но 3 члена и министр не могли согласиться на немедленную фиксацію курса потому, что она нмѣняла казенный или податной курсъ, установленный 1-го января 1840 года.

бране Государственнаго Совѣта и тамъ раскрыть для всѣхъ тѣхъ членовъ, которые желали предварительно съ нимъ ознакомиться. Самыя засѣданія въ общемъ собраніи Совѣта, по изъявленному государемъ желанію видѣть все оконченнымъ до вакантнаго времени (оно должно было вачаться 15-го іюня), были назначены чрезвычайныя, сперва 10-го и вслѣдъ за тѣмъ опять 12-го іюня. Каждое продолжалось часовъ по пяти и здѣсь повторилось опять то же самое разногласіе, какое было въ соединенныхъ департаментахъ. Графъ Канкринъ, измѣнивъ нѣсколько первоначальную свою мысль, именно предполагая курсъ ассигнацій вмѣсто установленія его по среднему биржевому за 1839 годъ, извлечь изъ бывшаго съ 1-го мая 1838 г. по 1-е мая 1839 г., давалъ разумѣть, что онъ этотъ вопросъ считаетъ за *vôte de conscience* за *question ministérielle* и что если его предложеніе не пройдетъ, то онъ броситъ министерство. Несмотря на то, послѣ продолжительныхъ и довольно безпорядочныхъ преній, съ Канкринымъ согласились только 7 членовъ, а 17, въ числѣ ихъ и предсѣдатель князь Васильчиковъ, приняли мнѣіе, имѣвшее за себя большинство и въ департаментахъ. Хотя между тѣмъ наступили уже вакаціи, но назначено было вновь собраться 19-го іюня, съ одной стороны для подписанія журнала, съ другой—для выслушанія проекта манифеста, который надлежало представить государю вмѣстѣ съ журналомъ, на случай утвержденія имъ мнѣія большинства. Этотъ проектъ, вмѣстѣ съ совѣтскою меморіею, я отослалъ къ государю 23-го числа; но прошло нѣсколько дней, а бумаги все не возвращались. Такое замедленіе тотчасъ дало поводъ къ разнымъ слухамъ. Говорили, что государь не желаетъ принять рѣшенія такого важнаго и щекотливаго дѣла на себя лично; что, при убѣжденіи въ правильности мнѣія большинства, онъ останавливается кончить дѣло противъ министра, что онъ соберетъ особый комитетъ передъ своимъ лицомъ и т. п. На самомъ же дѣло было не совсѣмъ то. Подстрекаемый ли откупщиками, или движимый честолюбіемъ и упорствомъ, графъ Канкринъ, въ то же время, какъ отъ меня была отправлена совѣтская меморія, послалъ государю личную отъ себя записку, въ которой предлагалъ, для соглашенія происшедшаго разногласія: 1) непремѣнный курсъ установить въ 350 коп., обнародовавъ и введя его немедленно; но курсъ податной, какъ уже объявленный на 1839 годъ въ 360 коп., оставить въ семъ размѣрѣ по 1-е января 1840 г., для всѣхъ приходовъ и расходовъ; 2) на семъ основаніи, съ нѣкоторыми другими еще, впрочемъ маловажными, перемѣнами, завершить дѣло между нимъ, Канкринымъ, Васильчиковымъ и мною, окончательнымъ соглашеніемъ въ редакціи манифеста. Государь съ своей стороны отозвался (въ собственноручной резолюціи), что тѣмъ болѣе доволенъ сею мыслию, что, для соглашенія мнѣій, именно ее самъ

хотѣлъ предложить Совѣту; почему и предоставляетъ министру соотвѣтственно тому распорядиться. Но какъ скоро эта вѣсть дошла до князя Васильчикова, онъ пришелъ въ сильное раздраженіе.

— Не быть—повторялъ онъ мнѣ и потомъ самому Канкрину—этому безъ новаго разсмотрѣнія опять въ Совѣтѣ. Теперешняя мысль совсѣмъ новая, средняя между бывшими тамъ мнѣніями; она идетъ не отъ государя, а отъ министра, и потому порядокъ требуетъ предварительнаго ея обсужденія, котораго я никакъ не намѣренъ брать на себя лично. Пока есть Совѣтъ, нельзя имъ такъ играть, и министръ не въ правѣ самовольно забѣгать къ государю съ своими предложеніями, по дѣламъ, рѣшеннымъ въ Совѣтѣ; предсѣдатель же долженъ, по такимъ дѣламъ, принимать повелѣнія отъ государя непосредственно, а не черезъ министра.

Словомъ, князь поѣхалъ въ Петергофъ и возвратился съ извѣстіемъ, что государь приказалъ «сдѣланное министромъ новое предложеніе разсмотрѣть въ Совѣтѣ и представить его величеству о заключеніи онаго». Вслѣдствіе сего разосланы были повѣстки о назначеніи собранія Совѣта на 30-е іюня, въ полдень, такъ какъ государь изъявилъ желаніе подписать манифестъ непременно 1-го іюля, т. е. въ день рожденія императрицы. Но тутъ разгнѣвался въ свою очередь графъ Канкринъ и, при свиданіи моемъ съ нимъ наканунѣ засѣданія, разлился передо мною обыкновенными своими фразами.

— Это есть величайшее оскорбленіе самодержавной власти: государь изъявилъ уже однажды свою волю, а его заставляютъ теперь передать ее опять на судъ Совѣта. Совѣтъ—мѣсто совѣщательное, куда государь посылаетъ только то, что самому ему разсудится, а тутъ изъ Совѣта хотятъ сдѣлать камеры и мѣсто соціалъствующее, ограничивающее монарха въ его правахъ, но этому не бывать, по крайней мѣрѣ пока я тутъ—и тому подобныя родомонтады и брани на Совѣтъ, на которыя онъ никогда не скупился ни передъ пріятелями, ни въ публикѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ объявилъ мнѣ, что именно на 30-е іюня, въ 11-ть часовъ, ему назначена аудіенція у государя (переѣхавшаго въ это время изъ Петергофа на Елагинъ) и потому онъ, можетъ быть, нѣсколько опоздаетъ въ Совѣтъ, гдѣ впрочемъ «ему нѣтъ охоты слушать коммеражи этихъ господъ». Сквозь всю его бесѣду просвѣчивало однако изъ-подъ личины какой-то защиты правъ самодержавія—явное опасеніе, что и новое его предложеніе будетъ Совѣтомъ отвергнуто. То же самое опасеніе было, очевидно, и поводомъ къ попыткѣ его кончить дѣло помимо Совѣта. Между тѣмъ, 30-го іюня, къ опредѣленному времени, Совѣтъ собрался въ полномъ комплектѣ. Но въ ту самую минуту, какъ князь Васильчиковъ готовился открыть засѣданіе предложеніемъ новой мысли Канкринъ къ дальнѣйшему обсужденію, является

фельдгегерь, съ слѣдующею собственноручною запискою къ нему государя: «Желательно мнѣ, чтобъ принято было среднее между двухъ мнѣній, и полагаю, опредѣливъ курсъ въ 350 коп., нынѣ же издать о семъ манифестъ съ нужными перемѣнами, податной же курсъ оставить до 1-го января 1840 г.». Князь обомлѣлъ. Весь его планъ дѣйствія, все, чего онъ достигъ у государя, было разрушено и, вмѣсто предмета къ разсужденію, оставалось объявить Совѣту только высочайшую волю къ исполненію. И все это было, очевидно, плодомъ стараній Канкринна, воротившагося отъ государя въ одно почти время съ фельдгегеремъ! Послѣ жаркой съ нимъ тутъ же, въ другой комнатѣ, сцены, при которой Канкринъ старался увѣрить, что онъ нисколько не причастенъ къ послѣдовавшей резолюціи, Васильчиковъ открылъ засѣданіе прочтеніемъ ея, и потомъ, когда, на его вопросъ, всѣ члены признали, что въ ней выражена уже прямо воля его величества, требующая одного безмолвнаго исполненія, Совѣтъ перешелъ къ второстепеннымъ подробностямъ, которыя пройдены были очень легко и скоро, такъ что все засѣданіе продолжалось менѣе часа. Неудовольствіе было общее, потому что многіе изъ членовъ готовились возражать противъ означенной средней мѣры, еслибъ ее предложили отъ имени министра, на судъ Совѣта.

Состояніе духа Васильчикова въ особенности было таково, что я боялся пораженія его нервнымъ ударомъ. Обманутое желаніе лучшаго; сокрушеніе, что государь принялъ лично на себя рѣшеніе такого важнаго, жизненнаго вопроса; огорченное самолюбіе; видимое торжество министра финансовъ; наконецъ сѣтованіе на наговоры послѣдняго противъ Совѣта—все это вмѣстѣ окончательно потрясло послѣднія силы слабаго старца. Вечеромъ, въ 8 часовъ, Совѣтъ опять собрался, для подписанія журнала, который я успѣлъ къ тому времени приготовить. Потомъ мнѣ надлежало немедленно отослать къ государю меморію и передѣланный проектъ манифеста; но Васильчиковъ отозвался, что хочетъ на другой день, т. е. 1-го іюля, самъ везти всѣ эти бумаги къ государю. Сколько я ни убѣждалъ его, по чувству преданности къ нему, не дѣлать этого, когда самой вещи пособить уже нельзя, онъ остался при своемъ и только уже въ полночь, «обдумавъ хорошенько дѣло» (какъ мнѣ писалъ), выслалъ опять всѣ бумаги обратно, для представленія ихъ обыкновеннымъ порядкомъ. Это могло быть исполнено мною, разумѣется, уже не прежде слѣдующаго утра—и государь тотчасъ все подписалъ. Послѣ было объясненіе, и письменное и словесное. Первое заключалось въ самой лестной и нѣжной французской запискѣ, въ которой государь, называя Васильчикова, по обыкновенію, «*Son cher ami*», благодарилъ его за окончаніе этого важнаго и труднаго дѣла и приписывалъ весь успѣхъ главнѣйше его содѣйствію и усиліямъ. Объясненіе сло-

весное (князь, отправясь къ государю на Елагинъ, разѣхался съ помянутою запискою) было, кажется, довольно жаркое. Донося, съ какою готовностію и безмолвною покорностію члены Совѣта приняли желаніе государя, вопреки личному ихъ убѣжденію, и признали его, тотчасъ, за положительное изъявленіе его воли, хотя оно и не было прямо облечено въ форму высочайшаго повелѣнія, князь особенно настаивалъ на томъ, сколько преступны намѣренія и дѣйствія людей, старающихся внушить, своими наговорами, подозрѣніе и недовѣріе къ Совѣту; было говорено, повидимому, и многое другое, что возбудило отчасти неудовольствіе государя.

— Государь!—сказалъ тогда Васильчиковъ—кой-часть (любимое выраженіе князя) вы начинаете гнѣваться, я перестаю говорить. Вы сами поставили меня на такую степень, гдѣ откровенность передъ вами есть мой долгъ: долгъ этотъ я свято исполняю теперь, какъ и всегда привыкъ исполнять его въ 48-ми лѣтнюю мою службу.

Впрочемъ, по разсказу князя, къ концу свиданія они были опять на мирной ногѣ и все окончилось новыми увѣреніями во всегдашней дружбѣ и уваженіи. Манифестъ о лажѣ и принадлежавшій къ нему указъ о депозитной кассѣ, подписанные 1-го іюля 1839 года, были обнародованы Сенатомъ на другой же день. Перемѣна монетной системы не могла обойтись безъ нѣкоторыхъ судорожныхъ колебаній въ народѣ и отозвалась на всѣхъ сословіяхъ. Всѣмъ намъ пришлось учиться новому счету денегъ, а никакая школа не обходится безъ дурныхъ учениковъ. Первымъ результатомъ новой системы было переложеніе всѣхъ счетовъ на серебро, операція также весьма трудная и сложная, но которая совершена была вполне къ концу того же 1839 года. Дальнѣйшимъ послѣдствіемъ ея, отъ установленія слишкомъ большой монетной единицы, было, къ сожалѣнію, непредвидѣнное тогда возвышеніе цѣнъ на всѣ предметы; но по крайней мѣрѣ народъ увидѣлъ, какъ говорится, свѣтъ Божій и пересталъ быть жертвою спекулянтовъ и ажіотеровъ. Просто-народные лажи были навсегда истреблены. Того же 1-го іюля князь Любецкій получилъ алмазные знаки къ ордену св. Александра Невского, знакъ вниманія тѣмъ болѣе его польстившій, что въ этотъ день не было никакихъ другихъ наградъ по гражданскому вѣдомству. Спустя нѣсколько дней, государь, увидясь съ графомъ Киселевымъ, сказалъ ему:

— Я очень радуюсь послѣднему вашему засѣданію: оно поставило въ надлежащую ясность мои сношенія съ Совѣтомъ и показало, какъ мы должны другъ друга понимать.

5-го іюля спущено было въ Петербургъ, въ присутствіи всей царской фамилии, новое огромное судно, 120-ти пушечный линейный корабль «Россія». Для постройки судовъ подобнаго размѣра нѣтъ, или по крайней мѣрѣ тогда не существовало, здѣсь соотвѣтственныхъ доковъ и, по волѣ

государя, этотъ корабль былъ построенъ въ такомъ докѣ, гдѣ между его сторонами и ребрами корабля оставалось пустоты не болѣе нѣсколькихъ вершковъ. Такъ какъ потому при спускѣ угрожала очевидная опасность и судну и долженствовавшему находиться на немъ экипажу, то посему наряжена была особая комиссія экспертовъ, которая рѣшила, что «спускъ возможенъ, но сопряженъ съ чрезвычайнымъ рискомъ». Несмотря на это, государь захотѣлъ и—совершилось! «Россія» сошла со стапелей лучше всѣхъ, прежде строившихся кораблей, а экипажъ, спустившійся на ней между жизнію и смертію, былъ примѣрно награжденъ.

Полякъ, камергеръ Пельчинскій, служившій по министерству финансовъ и извѣстный изданіемъ нѣсколькихъ брошюръ, преимущественно политико-экономическаго содержанія, былъ на Петергофскомъ маскарадѣ, 11-го іюля, дежурнымъ при великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, не за долго передъ тѣмъ вступившей въ бракъ съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ. Она послала его пригласить на польскій австрійскаго посла графа Фикельмона, съ которымъ разговаривалъ въ это время государь. Пельчинскій, подойдя къ послу, сказалъ ему: «*La Duchesse de Leuchtenberg vous prie, Monsieur le Comte, de lui faire l'honneur de faire un tour de polonaise avec elle*». Едва только Фикельмонъ удалился, государь вскричалъ: «*Sachez, Monsieur, qu'il n'y a pas de Duchesse de Leuchtenberg en Russie; que c'est Son Altesse Impériale la Grande Duchesse Marie, auprès de laquelle vous êtes de service, et qu'en tout cas l'honneur appartient ici non à Son Altesse, mais bien à l'Ambassadeur*». И за тѣмъ, когда Пельчинскій сталъ на мѣстѣ, какъ пораженный громомъ, государь, оборотясь къ близъ стоявшимъ сказалъ:

— Вотъ какими людьми меня окружаютъ; надѣюсь, однако, что этотъ не будетъ хвастать моимъ разговоромъ съ нимъ.

Министру императорскаго двора велѣно было сдѣлать Пельчинскому строгій выговоръ и на будущее время не наряжать его къ придворнымъ дежурствамъ. Вскорѣ послѣ того было годичное представленіе, черезъ комитетъ министровъ, о наградахъ по министерству финансовъ. Государь утвердилъ всѣ и только Пельчинскаго, который былъ представленъ въ статскіе совѣтники, собственноручно исключилъ изъ проекта указа.

Однажды, въ мартѣ 1839 г., прохаживаясь по Англійской набережной, я встрѣтилъ государя, шедшаго тоже пѣшкомъ. Остановивъ меня шутивымъ вопросомъ: «откуда изволите шествовать?» онъ прибавилъ:

— А я скажу тебѣ преинтересную вещь: я сейчасъ отослалъ къ князю Иллариону Василевичу письмо, полученное мною отъ одного изъ вашихъ членовъ, который просится вонъ изъ Совѣта, приводя въ при-

чину, что не чувствуетъ себя способнымъ къ этому званію. Предоставляю тебѣ отгадать кто се ѣй господинъ?

Съ этими словами государь хотѣлъ уже идти далѣе, но я успѣлъ назвать Алексѣя Петровича Ермолова..

— C'est cela, — отвѣчалъ онъ, — vous l'avez deviné, и отоидя уже нѣсколько шаговъ, прибавилъ: «vous l'avez parfaitement jugé».

Смышленость или догадка моя въ этомъ случаѣ нисколько не была удивительна. Генераль Ермоловъ, по оставленіи имъ Кавказскаго края и послѣ жестокаго его слова о своемъ преемникѣ и о начальникѣ главнаго штаба ¹⁾, совершенно удалившійся съ политическаго поприща и жившій постоянно въ Москвѣ, или въ своей Подмосковной, на зиму, 1837—1838 года, пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь вдругъ сталъ постоянно присутствовать въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта. Какимъ образомъ это сдѣлалось, не знаю, но едва-ли по доброй волѣ; по крайней мѣрѣ онъ всѣмъ жаловался на непріятность вынужденнаго своего пребыванія въ Петербургѣ, и, уѣзжая опять на лѣто въ Москву, самому мнѣ говорилъ, что нарочно избѣгаетъ прощанья съ государемъ, чтобы не подпасть затруднительному вопросу: когда онъ думаетъ воротиться въ Петербургъ?

— Чувствую, — прибавилъ онъ при этомъ разговорѣ, — что я здѣсь совсѣмъ лишній человѣкъ: ко двору не гожусь, а въ Совѣтѣ совсѣмъ бесполезенъ, et croyez que ce n'est pas pour mendier un compliment que je vous le dis. Я отжилъ свой вѣкъ!

Дѣйствительно, въ Совѣтѣ онъ никогда не возвышалъ голоса и даже большую часть времени дремалъ. Соображая все это, зная вообще характеръ Ермолова и слышавъ о пріѣздѣ его опять въ Петербургъ (въ Совѣтѣ въ этотъ разъ мы его еще не видали), я безъ труда могъ догадаться, кого разумѣлъ государь въ своемъ разсказѣ.

Письмо Ермолова было весьма страннаго содержанія. Намекнувъ, съ одной стороны, на ничтожность тогдашняго личнаго состава Государственнаго Совѣта, онъ, съ другой, изъявлялъ удивленіе свое «благодати государя, уполномочивающаго нѣсколькихъ избранныхъ подданныхъ разбирать и оцѣнять существующіе законы и сочинять новые, съ предоставленіемъ себѣ одного утвержденія ихъ мнѣнія», и затѣмъ заключалъ просьбою объ увольненіи его отъ званія члена сего Совѣта, какъ превышающаго его свѣдѣнія и способности. Государь, приславъ письмо къ князю Васильчикову, въ первомъ порывѣ неудовольствія приказалъ, чтобы оно предложено было общему собранію Государственнаго Совѣта, которому постановить свое о немъ заключеніе, со справкою, бывали-ли

¹⁾ „Посмотримъ, какъ Россія выѣдетъ на Ванькахъ!“ Извѣстно, что и графъ Дибичъ и князь Паскевичъ оба были Иваны.

прежде когда подобные случаи? Князь, всегдашній оберегатель достоинства Совѣта и вмѣстѣ очень нелюбившій Ермолова, поѣхавъ къ государю, объяснилъ, что посредствомъ такой мѣры первый достигъ бы вѣроятной своей цѣли: произвести шумъ и соблазнъ; что *puisque l'Empereur avait jugé nécessaire de le mettre une fois dans la boue, il fallait l'y enfoncer*, и что поэтому лучше, не давая дѣлу гласности и не увольняя Ермолова въ отставку, объявить ему, что онъ воленъ жить гдѣ захочетъ и дѣлать, что ему угодно. Князь успѣлъ въ своихъ убѣжденіяхъ и вслѣдствіе того, Ермолову было отвѣтствовано, черезъ военнаго министра, что государь назначилъ его членомъ Государственнаго Совѣта, имѣвъ въ виду долговременное его управленіе обширнымъ и важнымъ краемъ и, слѣдственно, предполагая въ немъ соединеніе свѣдѣній и опытности по всѣмъ частямъ администраціи и законодательства; но какъ теперь онъ самъ сознается въ неимѣніи нужныхъ для сего званія способностей, то ему и предоставляется полная свобода присутствовать или не присутствовать въ Совѣтѣ, по его усмотрѣнію. Вслѣдствіе этого отъѣзда, Ермоловъ вскорѣ уѣхалъ въ Москву, не бывъ допущенъ передъ отъѣздомъ къ личному съ государемъ свиданію. Позже, въ томъ же 1839 году, онъ присутствовалъ на знаменитыхъ Бородинскихъ маневрахъ и во время послѣдняго ихъ момента, изображавшаго самую битву, находился, вмѣстѣ князьями Михайломъ Семеновичемъ Воронцовымъ и Дмитріемъ Владиміровичемъ Голицынымъ, при государѣ, который много разговаривалъ съ ними о подробностяхъ сраженія. Но въ Государственномъ Совѣтѣ, сохраняя, попрежнему, званіе его члена, онъ никогда уже болѣе не засѣдалъ.

При представленіи государю выпущенныхъ изъ кадетскихъ корпусовъ молодыхъ офицеровъ, одинъ изъ нихъ, когда дошла до него очередь, выступилъ впередъ и сказалъ, что имѣетъ просьбу.

— Говори, что такое?

— Государь! Отецъ мой за такую-то вину осужденъ въ Сибирь на поселеніе; онъ старъ и отецъ семейства, а я молодъ и одинокъ: позвольте мнѣ идти за него.

Государь съ чувствомъ потрепалъ его по плечу:

— Ты добрый сынъ: и ты и отецъ твой останетесь у меня въ памяти!

Дѣло велѣно было пересмотрѣть и вновь доложить.

Въ ноябрѣ императоръ Николай объявилъ князю Васильчикову о желаніи своемъ, чтобы наслѣдникъ цесаревичъ присутствовалъ въ Государственномъ Совѣтѣ, но на первое время безъ голоса, только чтобы слушать и учиться. Къ этому онъ прибавилъ, что такъ какъ за-

сѣданія Совѣта бывають по понедѣльникамъ—русскій черный день—то ему не хотѣлось бы, чтобы наслѣдникъ началъ посѣщать Совѣтъ именно съ этого дня. И точно, какъ бы по желанію государя, случилось, что понедѣльникъ 20-го ноября пришелся въ день табельный и оттого засѣданіе было отложено на четвергъ, 23-го числа. Мы долго думали съ княземъ Васильчиковымъ о томъ, какъ написать высочайше повелѣніе, которое извѣстило бы публику, что наслѣдникъ будетъ присутствовать въ Совѣтѣ безъ голоса; но государь разсѣкъ этотъ узелъ, повелѣвъ, чтобы его воля по этому предмету объявлена была Совѣту княземъ просто на словахъ. Наконецъ для приѣма наслѣдника запрещенъ былъ и всякій церемоніаль. Все ограничилось общимъ повѣщеніемъ всѣхъ членовъ, которые, въ томъ числѣ и великій князь Михаилъ Павловичъ, съѣхавшись благовременно, ожидали августѣйшаго гостя въ аванзалѣ, тогда какъ я встрѣтилъ его на порогѣ совѣтскаго помѣщенія.

Государь наслѣдникъ прибылъ въ сопровожденіи князя Васильчикова, принца Ольденбургскаго и князя Волконскаго и, по приказанію государя, занялъ то мѣсто, которое занималъ, при посѣщеніяхъ Совѣта, самъ его родитель, т. е. между докладчикомъ и предсѣдателемъ департамента законовъ. Потомъ Васильчиковъ вставъ сказалъ, что его величество велѣлъ ему объявить Совѣту словесно, чтобы государь наслѣдникъ цесаревичъ присутствовалъ въ немъ, не принимая, впредь до времени, участія въ рѣшеніи дѣлъ. Вслѣдъ затѣмъ, начались чтенія журналовъ и докладъ дѣлъ въ обыкновенномъ порядкѣ.

Дмитрій Васильевичъ Дашковъ, преемникъ графа Сперанскаго въ званіяхъ главноуправляющаго II-мъ отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи и предсѣдателя департамента законовъ, бывъ назначенъ въ эти должности въ февралѣ 1839 года, занималъ ихъ очень недолго. Уже въ концѣ августа того же года, при открывшемся у него сильномъ кровоточеніи горломъ, врачи предсказали, что оно будетъ имѣть исходомъ чахотку или водяную, и что больной, при разстроенномъ прежними недугами здоровьи его, не будетъ въ силахъ перенести этой болѣзни. Съ тѣхъ поръ Дашковъ уже не выдвигался. Государь навѣстилъ его 20-го ноября, а въ ночь съ 25-го на 26-е его уже и не стало. Скончавшись въ цвѣтѣ мужескихъ лѣтъ, на 52-мъ году, Дашковъ оставилъ мало людей, которые его любили; но всѣ, даже имѣвшіе дѣйствительныя причины его не любить, питали къ нему невольное уваженіе. Въ царствованіе императора Александра онъ занималъ должности совѣтника нашего посольства въ Константинополѣ и потомъ члена совѣта комиссіи составленія законовъ; но настоящая роль его на государственномъ поприщѣ началась уже при императорѣ Николаѣ, познакомившемся съ нимъ черезъ его друга графа Блудова,

котораго самого свелъ съ императоромъ Карамзинъ. Человѣкъ съ высокимъ образованіемъ, литературнымъ и ученымъ, съ свѣтлымъ и обширнымъ умомъ, въ которомъ было много ироническаго воззрѣнія на жизнь, съ прямодушіемъ, обратившимся у насъ въ пословицу, съ увлекательнымъ даромъ слова, ставившимъ его, несмотря на заніаніе, въ рядъ истинныхъ ораторовъ, наконецъ съ прекраснымъ перомъ, уступавшимъ развѣ только перу Сперанскаго, Дашковъ соединялъ въ себѣ всѣ качества, чтобы быть полезнымъ и, при всемъ томъ, принесть очень мало существенной пользы. Какъ, съ одной стороны, высокія его достоинства парализовались непреодолимою, классическою лѣнностію, останавливавшею всѣ добрыя начинанія и недопускавшею довести что-либо до конца, такъ, съ другой, вся плѣнительность его ума исчезала подъ оболочкою недоступной заносчивости, высокомерія, рѣдко свойственнаго людямъ гениальнымъ, и совершенной дикости или нелюдимости—плода, частію, той же физической и моральной лѣни, а частію, думаю, презрѣнія къ тѣмъ пигмеямъ, посреди которыхъ осудилъ его жить нашъ вѣкъ посредственности. Проходили дни, недѣли, даже мѣсяцы, въ продолженіе которыхъ Дашковъ сидѣлъ, или, лучше сказать, лежалъ въ своемъ кабинетѣ, запершись отъ всѣхъ, даже самыхъ приближенныхъ, погруженный въ чтеніе романовъ, или другихъ произведеній легкой литературы, въ полной апатіи къ дѣламъ и къ людямъ. «*Le qu'en dira-t-on*» для него не существовало: онъ пренебрегалъ всѣми обыкновенными приличіями общежитія, не отдавалъ никогда никому визитовъ, принималъ у себя, даже людей самыхъ значительныхъ, не иначе какъ съ величайшими затрудненіями, рѣдко шелъ наперекоръ всѣмъ мнѣніямъ, не совпадавшимъ съ его собственнымъ, не щадилъ ничего убѣжденія и вообще, въ нашей придворной и свѣтской жизни, поставилъ себя безнаказанно въ какое-то исключительное, ни отъ кого независимое положеніе. Его не выдвигали нигдѣ по мѣсяцамъ, и вдругъ онъ пріѣдетъ въ Государственный Совѣтъ, прогремитъ сильною, краснорѣчивою рѣчью, увлечетъ за собою всѣхъ слушателей, и потомъ запрется опять въ свой кабинетъ, отдыхать—за романами. Въ десятилѣтнее почти управленіе министерствомъ юстиціи онъ былъ часто превосходнымъ судьей и юристомъ, но никогда не былъ хорошимъ администраторомъ, еще менѣе законодателемъ, потому что то и другое требуетъ труда ежедневнаго, постояннаго, усидчиваго, а къ такому труду Дашковъ не былъ ни склоненъ, ни способенъ. Судебная часть нисколько въ его управленіе не поднялась.

Мѣстные и высшіе суды, канцелярія Сената, все осталось при немъ какъ было, если не сдѣлалось еще хуже; порядокъ дѣлопроизводства нисколько не облегчился и не ускорился; безпорядки, злоупотребленія, лихоимство, также ни мало не уменьшились и, при неприкосновенной

чистотѣ самого министра, все кругомъ его брало болѣе чѣмъ когда-либо; наконецъ законы наши, какъ собственно юридическіе, такъ и по судебной администраціи, не были имъ подвинуты ни на шагъ впередъ: онъ все что-то общалъ, что-то сулилъ въ будущемъ и лѣнивое бездѣйствіе свое прикрывалъ одними громкими словами. Министръ юстиціи, по своему званію и кругу дѣйствія, долженъ быть самымъ популярнымъ изъ всѣхъ министровъ, а Дашковъ, напротивъ, недоступностію, холодностію и высокоуміемъ запугалъ и отвратилъ отъ себя всѣхъ, большихъ и малыхъ. Наконецъ, въ девятимѣсячное предсѣдательство свое въ департаментѣ законовъ, бывъ почти все время боленъ, онъ естественно не могъ ничего сдѣлать, а во II-мъ отдѣленіи даже рѣшительно ни за что не принимался.

Здоровье его, всегда шаткое, въ особенности разстроилось послѣ внезапной смерти старшаго его сына, умершаго въ 1838 году, лѣтъ 8-ми или 9-ти, въ одни сутки. Самъ онъ, послѣ долгихъ страданій, угасъ тихо, потребовавъ книги еще за полчаса до смерти и изъявляя желаніе, чтобы наступающее утро было свѣтлое и ясное и дало ему возможность прокатиться. Потеря его, во всякомъ случаѣ, была потерей государственною, если не столько потому, что онъ, дѣйствительно, былъ, то потому, чѣмъ онъ могъ бы быть. Мое личное знакомство съ нимъ началось еще въ прошедшее царствованіе, когда и онъ и я были политически совершенными ничтожностями; но особенно скрѣпилось оно и даже превратилось въ близкую связь, когда я въ 1831 году былъ назначенъ управляющимъ дѣлами комитета министровъ и такимъ образомъ былъ поставленъ въ ежедневныя съ нимъ служебныя сношенія. Его дверь, почти для всѣхъ герметически закрытая, мнѣ всегда была отворена; онъ не отказывалъ мнѣ никогда въ совѣтѣ и помощи и, проводивъ у него нерѣдко по часамъ въ непрерывномъ разговорѣ, я всегда восхищался его умною, живою, часто глубокомысленною бесѣдою. Не менѣе очаровательны были и частныя его записочки, которыхъ сохранилось у меня нѣсколько сотъ: почти каждая содержала въ себѣ какую-нибудь оконченную мысль и всѣ были образцомъ слога и даже почерка.

Въ концѣ 1839 года, великая княжна Ольга Николаевна, не бывшая еще тогда въ супружествѣ, впала въ болѣзнь, принявшую самый опасный характеръ. Врачи не разъ отчаявались въ ея жизни и только на 28-й день послѣдовалъ рѣшительный кризисъ, съ котораго началось и постепенное, хотя очень медленное, выздоровленіе. Стоявшій во главѣ многихъ врачей при ея леченіи лейбъ-медикъ Маркусъ съ благоговѣніемъ рассказывалъ мнѣ о попеченіяхъ и заботливости императора Николая Павловича во время этой болѣзни. Не довольствуясь семью или восемью посѣщеніями въ теченіе дня, онъ часто и по ночамъ подхо-

диль къ дверямъ больной и со слезами прислушивался къ болѣзненнымъ ея стenanіямъ.

— Когда,—продолжалъ Маркусъ,—при наступленіи 28-го дня я объявилъ, что ожидаю въ продолженіе его благотворнаго кризиса, онъ почти цѣлые сутки не отходилъ отъ постели и послѣ моихъ словъ, что благодаря Всевышнему, опасность миновала, тотчасъ хотѣлъ поднести великой княжнѣ давно приготовленный имъ тайно отъ нея подарокъ—двѣ драгоцѣнныя жемчужины *Sévigné*. Опасаясь, однако же, для едва спасенной отъ смерти всякаго волненія, я не позволилъ этого сдѣлать, и тогда онъ цѣлую недѣлю носилъ свой подарокъ при себѣ въ карманѣ, выжидая минуты, когда я сниму мое запрещеніе. Впослѣдствіи, когда больная уже стала оправляться, я неоднократно былъ свидѣтелемъ; какъ государь стоялъ у ея кровати на колѣняхъ и кормилъ ее изъ своихъ рукъ, строго наблюдая, чтобы не перейти за предписанную мною мѣру въ пищу.

Со времени происшествій 14-го декабря 1825 года, императоръ Николай неизмѣнно праздновалъ ихъ годовщину, считая всегда это число днемъ истиннаго своего восшествія на престолъ. Всѣ лица, принимавшія прямое или косвенное участіе въ подвигахъ достопамятнаго дня, были собираемы ко двору, гдѣ, или въ малой церкви Зимняго дворца, или въ церкви Аничкина, совершалось благодарственное молебствіе, при которомъ, послѣ обыкновеннаго многолѣтія, были возглашаемы сперва вѣчная память «рабу Божию графу Михаилу (Милорадовичу) и всѣмъ, въ день сей за вѣру, царя и отечество убиеннымъ», а, въ заключеніе, многолѣтіе «храброму всероссійскому воинству». Затѣмъ, всѣ присутствовавшіе допускались къ рукъ императрицы и цѣловались съ государемъ, какъ въ свѣтлый праздникъ. Много лѣтъ сряду государь пріѣзжалъ еще, въ этотъ день, въ Конногвардейскій и въ Преображенскій полки, которые, какъ извѣстно, прибыли первыми на площадь къ охраненію праваго дѣла, и эти царственныя посѣщенія онъ прекратилъ тогда лишь, когда въ составѣ упомянутыхъ полковъ не осталось уже никого изъ ветерановъ 14-го декабря ¹⁾. Въ прежнее время въ это число бывалъ всегда и маленькій балъ въ Аничкинскомъ дворцѣ.

Передъ праздникомъ Рождества Христова въ 1839 году, государь неожиданно зашелъ въ англійскій магазинъ и въ извѣстную тогда кондитерскую à la *Rénommée*—«pour acheter des étrennes pour les siens».

¹⁾ При этихъ посѣщеніяхъ государь обыкновенно спрашивалъ, сколько остается еще въ полку изъ людей, бывшихъ въ его рядахъ 14-го декабря 1825 г. Въ 1839 г. въ Конной гвардіи, какъ разсказывалъ мнѣ полковой командиръ Эссенъ, считалось ихъ всего уже только 11 унтеръ-офицеровъ и 8 рядовыхъ.

Въ англійскомъ магазинѣ, хотя онъ и накупилъ тамъ не мало, ничто особенно его не соблазняло. Онъ находилъ, что все ему показываемое есть уже у императрицы, и уходя поручилъ хозяину (Плинке) передать великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, когда она пріѣдетъ, его упрекъ въ неаккуратности, потому что она опоздала къ условленному между ними часу rendez-vous. Кондитерская à la Réputée болѣе его удовлетво-рила и онъ купилъ въ ней множество вещицъ, въ томъ числѣ статуйку славившейся у насъ въ то время французской актрисы Бурбье.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

IV ¹⁾.

1840 годъ.

Римско-католическій митрополитъ Павловскій на дворцовомъ выходѣ.—Расправа съ будочникомъ и нозовщикомъ.—Девизъ на гербѣ князя Васильчикова.—Императоръ Николай на публичныхъ маскарадахъ.—Дѣло калмыковъ въ Государственномъ Совѣтѣ.—Капитанъ Шульцъ.—Дѣло о дворовыхъ людяхъ.—Секретный комитетъ для обсужденія управленія финансовою частью по поводу болѣзни министра Канкрина.—Разсмотрѣніе положенія о товарищахъ министровъ въ особомъ комитетѣ.—Подробности пожалованія аренды князю Васильчикову.—Братья Пашковы.—Мнѣніе императора Николая о Государственномъ Совѣтѣ и объ Европѣ.—Дѣло въ комитетѣ о распространеніи на западныхъ губерніяхъ общихъ русскихъ законовъ.—Созваніе княземъ Васильчиковымъ въ отсутствіи государя и безъ его разрѣшенія экстреннаго собранія министровъ по поводу повсемѣстнаго неурожая въ Россіи и безпорядковъ, отъ того происшедшихъ.—Кокошники придворныхъ дамъ.

Митрополитъ римско-католическихъ церквей въ Россіи, при дворцовыхъ выходахъ въ торжественные дни, всегда видѣлъ царскую фамилію и былъ ею видимъ, наравнѣ съ другими особами, имѣющими пріѣздъ ко двору, т. е. при шествіи ея черезъ парадныя залы. Но въ первый день новаго, 1840 г., занимавшій тогда эту должность Павловскій, по окончаніи литургіи, подошелъ къ государю, къ общему удивленію, въ самой церкви, вслѣдъ за нашими архіереями и прочими членами Синода. Такое нововведеніе произвело непріятное

¹⁾ См. „Русск. Старину“ 1899 г. іюль.

впечатлѣніе на умы нашего духовенства. Кіевскій митрополитъ Филаретъ, при свиданіи со мною вскорѣ послѣ того, изъяснялся объ этомъ, какъ о вещи, совершенно неслыханной и неожиданной, которую, по его мнѣнію, можно было приписать только особенной протекціи къ римско-католическому духовенству герцога Лейхтенбергскаго, не за долго передъ тѣмъ вступившаго въ бракъ съ великою княгинею Марією Николаевною. Дошло ли это неудовольствіе до государя, или по другимъ причинамъ, только подобное приравненіе, въ православномъ храмѣ, главы римско-католическаго духовенства съ нашими іерархами впоследствии никогда уже болѣе не повторилось.

Во время пребыванія императора Николая въ петербургской столицѣ, оберъ-полиціймейстеръ ежедневно, въ часъ, являлся къ нему съ донесеніями и за приказаніями. Разъ, прочитывая, при такой аудіенціи, дневную записку о случившихся наканунѣ происшествіяхъ, государь спросилъ: дошло ли до полиции свѣдѣніе о собственныхъ его въ тотъ день похожденіяхъ? На отрицательный отвѣтъ онъ разсказалъ, что, во время вечерней прогулки (это было въ декабрѣ, слѣдственно, въ ночную темноту), встрѣтилъ ѣхавшаго въ извозчичьихъ саяхъ будочника. И послѣдній, и извозчикъ спорили и кричали во весь голосъ и, завидѣвъ офицера (т. е. неузнаннаго ими, или имъ неизвѣстнаго государя), обратились къ нему съ просьбою ихъ разсудить.

Дѣло состояло въ томъ, что извозчикъ проѣзжалъ мимо будки погруженный въ сонъ, что заставило бдительнаго стража разбудить его, но разбудить по-полицейски, т. е. толчками въ бокъ, а это такъ не полюбилось очнувшемуся извозчику, что онъ съ своей стороны сталъ отвѣчать кулаками; конецъ же драмы былъ тотъ, что они ѣхали на расправу къ ближайшему квартальному надзирателю.

— Не знаю уже,—прибавилъ государь,—распорядился ли я въ точную силу Городоваго положенія; но поступокъ извозчика показался мнѣ нарушеніемъ дисциплины и, вмѣстѣ, двойнымъ нарушеніемъ порядка, такъ что, выдавъ себя за принадлежащаго тоже къ полиціи, я велѣлъ будочнику тотчасъ отвезти извозчика къ частному приставу, уже не на расправу, а просто для наказанія.

Извѣстно, что знаменитая французская фамилія Монморанси—les premiers Barons de la chrétienté—имѣетъ въ своемъ гербѣ древній девизъ: «mon âme à Dieu, mon corps au Roi, mon honneur à moi». Когда Васильчиковъ возведенъ былъ въ княжеское достоинство и, вмѣстѣ съ дипломомъ, надлежало составить для него гербъ, князь совѣтовался о девизѣ въ гербѣ съ Сперанскимъ, который предложилъ ему принять Монморансіевскій. На совѣтѣ съ родственниками и друзьями нашими, однако, что, въ полномъ русскомъ переводѣ, онъ былъ бы какъ-то неловокъ, и потому придумали слѣдующее подражаніе: «Жизнь царю,

честь никому». Этотъ девизъ не совсѣмъ нравился только зятю князя, министру юстиціи Дашкову, который находилъ его «черезчуръ уже либеральнымъ», что, однако, не остановило ни князя его принять, ни государя его утвердить.

Императоръ Николай чрезвычайно любилъ публичныя маскарады и рѣдко ихъ пропускалъ, давались ли они въ театрѣ, или въ дворянскомъ собраніи. Государь и вообще мужчины, военные и статскіе, являлись тутъ въ обычной своей одеждѣ; но дамы всѣ безъ изъятія были переодѣты, т. е. въ домино и въ маскахъ, или полумаскахъ, и каждая имѣла право взять государя подъ-руку и ходить съ нимъ по заламъ. Его забавляло, вѣроятно, то, что тутъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, онъ слышалъ множество такихъ анекдотовъ, отважныхъ шутокъ и проч., которыхъ никто не осмѣлился бы сказать монарху безъ щита маски. Но какъ острота и умъ, составляющія привлекательность разговора, не всегда бываютъ удѣломъ высшаго общества, да и вообще русскія наши дамы, за немногими исключеніями, малосродны къ этой особеннаго рода игрѣ, то и случалось обыкновенно, что государя подхватывали такіе дамы, которыя безъ маски никогда и нигдѣ не могли бы съ нимъ сойтись. Одинъ изъ директоровъ дворянскаго собранія сказывалъ мнѣ, что на тамошніе маскарады раздавалось до 80-ти даровыхъ билетовъ актрисамъ, модисткамъ и другимъ подобныхъ разрядовъ француженкамъ, именно съ цѣлію интриговать и занимать государя.

Въ 1839 году, когда Василій Алексѣевичъ Перовскій былъ только еще оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ, производилось въ Государственномъ Совѣтѣ одно дѣло по этой губерніи, само по себѣ не весьма важное, но которое прибавило однако же разныя любопытныя черты къ характеристикѣ окружавшихъ императора Николая сановниковъ и къ его личной, послуживъ вмѣстѣ съ тѣмъ новымъ доказательствомъ, что, даже и при монархѣ самомъ энергическомъ и самостоятельномъ, оборотъ и направленіе дѣла могутъ иногда зависѣть отъ образа доклада. По случаю споровъ между бузулуцкими калмыками и занявшими часть ихъ земель казенными крестьянами, Сенатъ въ 1836 году предписалъ тѣхъ изъ крестьянъ, которые окажутся дѣйствительно уже поселившимися на калмыцкихъ земляхъ, оставить тамъ безъ перевода на другія мѣста. Вслѣдствіе того, оренбургскій военный губернаторъ предположилъ оставить на калмыцкихъ земляхъ 41 семейство крестьянъ, какъ прочно уже водворившееся, а 108 семействъ перевести въ другія мѣста. Но Сенатъ, усмотрѣвъ изъ представленія главнаго начальства государственныхъ имуществъ, основаннаго на полученной имъ надворной описи, что и изъ числа этихъ 108 семействъ почти всѣ обзавелись на калмыцкихъ земляхъ домами и хозяйствомъ, въ 1837 году новымъ указомъ предписалъ перевести на другія мѣста только тѣхъ крестьянъ,

которые не имѣютъ еще хозяйственнаго заведенія, или живутъ въ чужихъ домахъ, всѣхъ же прочихъ оставить на мѣстахъ ихъ водворенія. Вопреки сему, Перовскій распорядился о сводѣ съ калмыцкихъ земель всѣхъ предположенныхъ имъ первоначально къ переводу 108 семействъ: при чемъ (какъ они показывали) были разобраны въ ихъ домахъ печи, порѣзана дворовая птица и захвачены засѣянные поля; когда же крестьяне, войдя съ жалобою на сіе въ министерство государственныхъ имуществъ и извѣстясь, что по ней заведена переписка, опять было возвратились на прежнія жилища, то Перовскій снова велѣлъ ихъ выслатъ. Между тѣмъ по упомянутой жалобѣ крестьянъ министръ государственныхъ имуществъ собралъ нужныя свѣдѣнія и, увидя изъ донесенія палаты, какъ равно и изъ отзыва самого Перовскаго, что въ числѣ высланныхъ съ калмыцкихъ земель 108-ми семействъ у 99-ти были ужъ тамъ собственныя жилища и разработанныя поля, призналъ распоряженія военнаго губернатора противными сенатскимъ указамъ; почему и представилъ Сенату объ отмѣнѣ сихъ распоряженій и о возвращеніи тѣхъ 99-ти семействъ, по-прежнему, на занятые ими калмыцкія земли. Сенатъ, согласясь съ такимъ заключеніемъ министра, вошелъ о томъ съ докладомъ, который поступилъ по порядку въ Государственный Совѣтъ, въ началѣ 1839 года, въ то время, когда находился въ Петербургѣ и самъ Перовскій, не имѣвшій еще тогда званія члена Совѣта.

Такимъ образомъ, подлежавшій разсмотрѣнію фактъ заключаетъ въ себѣ обвиненіе военнаго губернатора въ дѣйствіи, противномъ указамъ Сената, которые, по нашимъ законамъ, считаются равносильными именнымъ.

Подсудимымъ являлся государевъ генераль-адъютантъ и, что еще болѣе, бывший нѣкогда адъютантъ великаго князя Николая Павловича, которому всегда открытъ былъ свободный доступъ къ государю. Судьями надлежало быть, въ первой степени, членамъ департамента экономіи Государственнаго Совѣта, предсѣдателемъ котораго состоялъ не задолго передъ тѣмъ назначенный графъ Левашовъ, обнаружившій, съ первой минуты облеченія его въ это званіе, весьма упорный и самовластный характеръ и, такъ сказать, одинъ рѣшавшій дѣла въ своемъ департаментѣ. Другимъ еще, въ нѣкоторомъ отношеніи также подсудимымъ, былъ графъ Киселевъ, ибо предлежало рѣшить, кто изъ двухъ виноватъ: Перовскій ли въ неисполненіи сенатскихъ указовъ, или Киселевъ въ неправильномъ его въ томъ обвиненіи? Всякое среднее рѣшеніе, которое оправдывало бы обоихъ, представлялось, по свойству дѣла, невозможнымъ, а Киселевъ былъ первый другъ Левашова, во многомъ его руководитель. Наконецъ, подъ рукою могъ еще дѣйствовать и, безъ сомнѣнія, и дѣйствовалъ, человекъ, хотя не принадлежавшій къ составу департамента экономіи, но не совсѣмъ посторонній дѣлу, ибо имъ пропущено

было опредѣленіе Сената, обвинившее оренбургскаго военнаго губернатора. Говорю о министрѣ юстиціи Дашковѣ, личномъ врагѣ Перовскаго, какъ онъ нисколько въ томъ не таился, и зятѣ Левашова ¹⁾).

При такой обстановкѣ Перовскому трудно было выиграть свой процессъ, даже если бы онъ былъ и правъ. Департаментъ экономіи не только вполне утвердилъ докладъ Сената, но и прибавилъ еще, чтобы «во вниманіе къ убыткамъ, понесеннымъ крестьянами, какъ отъ неправильно допущеннаго двукратнаго ихъ переселенія, такъ и отъ притѣснительныхъ дѣйствій со стороны отряженныхъ для переселенія ихъ чиновниковъ, произведено было на законномъ основаніи изслѣдованіе и по оному сдѣлано крестьянамъ, на счетъ виновныхъ, надлежащее за убытки ихъ вознагражденіе».

Въ общемъ собраніи Совѣта это заключеніе прошло единогласно, безъ малѣйшей перемѣны. Князь Васильчиковъ былъ весь вооруженъ въ его пользу, и я не припомню дѣла, въ которомъ онъ имѣлъ бы такое сильное убѣжденіе. Нѣкоторые члены шептали даже что-то о выговорѣ военному губернатору, но это было обойдено. Между тѣмъ и Перовскій не терялъ времени. Зная заключеніе Сената, узнавъ, разумеется, тотчасъ и о заключеніи Совѣта, онъ предварилъ поднесеніе совѣтской меморіи подачею государю обширной записки, въ которой, изложивъ подробности дѣла (съ своей точки), описалъ руководившіе его виды и побужденія и оперся главнѣйшие, съ одной стороны, на неудобство и невозможность исполненія послѣдовавшихъ отъ Сената указовъ, а съ другой,—на томъ, что возвращеніе крестьянъ снова на калмыцкія земли совсѣмъ уронило бы въ общемъ мнѣніи власть главнаго мѣстнаго начальника и поощрило бы cadaго изъ жителей къ самовольному впредь упорству. Потому, продолжая оправдывать свои дѣйствія, Перовскій просилъ, если бы они за всѣмъ тѣмъ были признаны неправильными, подвергнуть его какой угодно отвѣтственности, но крестьянъ оставить тамъ, куда онъ перевелъ ихъ тому назадъ уже два года. Послѣдствіемъ этого было, что меморію совѣтскую государь остановилъ, а записку Перовскаго прислалъ, частнымъ образомъ, къ Васильчикову, съ надписью, свидѣтельствовавшей, что она вполне убѣдила его величество въ правотѣ Перовскаго, и изъявлявшей надежду, что она такимъ же образомъ убѣдитъ и его, Васильчикова. Послѣ долгихъ колебаній, князь рѣшился на средній путь, не противорѣчившій его личному убѣжденію, не прекословившій прямо высочайшему мнѣнію и, наконецъ, не унижавшій достоинства Совѣта. Онъ послалъ государю докладную записку, въ которой изъяснилъ, что хотя главный фактъ, именно неисполненіе мѣстнымъ

¹⁾ Она была жената на двухъ сестрахъ, рожденныхъ Дашковыхъ, третья была за предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта княземъ Васильчиковымъ.

начальствомъ сенатскихъ указовъ, остается, и послѣ всѣхъ новыхъ объясненій, очевиднымъ и неопровергнутымъ; однако, какъ записка Перовскаго содержать въ себѣ разныя подробности, могущія ближе пояснить сущность дѣла; какъ его величеству благоугодно уже было удостоить его изъясненія высочайшаго вниманія, и какъ Оренбургское казачье войско, къ которому Бузулукскіе калмыки принадлежатъ, вѣдается военнымъ министерствомъ: то, для возможнаго обезпеченія правильности рѣшенія, удобнѣе было бы предоставить военному министру, потребовать отъ Перовскаго всѣ нужныя объясненія и снести потомъ съ министромъ государственныхъ имуществъ, представить Государственному Совѣту окончательное ихъ къ развязкѣ сего дѣла заключеніе ¹⁾. На этомъ докладѣ государь написалъ своею рукою: «будетъ совершенно справедливо». Вслѣдствіе чего князь объявилъ Совѣту написанное соотвѣтственно резолюціи высочайшее повелѣніе, а я, какъ государственный секретарь, сообщилъ его военному министру для исполненія, и министру юстиціи для свѣдѣнія. Такимъ направленіемъ дѣла, къ числу дѣйствовавшихъ лицъ присоединилось еще новое—военный министр. Князь, тогда еще графъ Чернышевъ, бывалъ у государя съ ежедневнымъ докладомъ и, чтобы не являться съ пустыми руками, возилъ нерѣдко, за недостаткомъ матеріаловъ, не только всякія мелочи, но иногда даже и такія бумаги, которыя, въ общемъ порядкѣ, не подлежатъ совсѣмъ его непосредственному докладу. Такъ и, вѣроятно, изъ тѣхъ же побужденій, потому что съ его стороны не было видно никакого особеннаго расположенія къ Перовскому, онъ поступилъ и въ настоящемъ случаѣ, не взвѣсивъ личной важности этого дѣла и не объясняясь даже предварительно съ предсѣдателемъ Государственного Совѣта. Словомъ, въ одно утро, вмѣсто ожидаемаго общаго отъ Чернышева и Киселева представления въ Государственный Совѣтъ, князь Васильчиковъ получилъ бумагу одного перваго, который сообщалъ ему (буквально), что «государь императоръ, разсмотрѣвъ съ особеннымъ вниманіемъ вытребованныя имъ, Чернышевымъ, по положенію Государственного Совѣта, объясненія Перовскаго, поручить ему изволилъ увѣдомить князя, что его величество, по зрѣломъ обсужденіи сего дѣла, изволилъ находить, что разсмотрѣннымъ въ Государственномъ Совѣтѣ рѣшеніемъ общаго собранія Сената очевидно было бы нарушено неоспоримое законное право собственности Оренбургскаго войска на занятыя казенными крестьянами, ему принадлежащія, земли. Въ огражденіе сего права, которое необходимо и во всѣхъ случаяхъ должно быть неприкосновеннымъ, его

¹⁾ Слова эти подчеркнуты мною здѣсь потому, что къ нимъ, или къ сохраненію ихъ, относится все послѣдующее.

величество повелѣть изволилъ: 1) оставить на земляхъ калмыцкихъ только тѣ 41 семейство, которыя военнымъ губернаторомъ признаны были прочно поселившимися, причисливъ ихъ навсегда къ казачьему войску; 2) остальныхъ крестьянъ, уже выведенныхъ, не переводя обратно, оставить въ настоящемъ положеніи; 3) впредь воспретить строжайше казенныхъ крестьянъ и вообще выходцевъ изъ внутреннихъ губерній допускать къ поселенію на казачьихъ земляхъ, иначе какъ по истребованіи предварительнаго заключенія военного губернатора и по испрошеніи высочайшаго разрѣшенія и 4) дѣло о переселеніи упомянутыхъ крестьянъ, по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ оно производится, считать за симъ рѣшительно оконченнымъ». Этой бумагѣ, столь уже щекотливой для князя по ея содержанію, Чернышевъ, или чиновники его канцеляріи сочли нужнымъ придать, какъ бы нарочно, не менѣе щекотливости и по внѣшней формѣ, заключивъ ее такъ: «монаршую волю сію сообщая вамъ, милостивый государь (отчего же именно ему, а не подлежащимъ министерствамъ?) для зависящаго исполненія, имѣю честь быть» и проч.

Я сказалъ выше, что не помню дѣла, въ которомъ князь Васильчиковъ имѣлъ бы такое сильное убѣжденіе; теперь прибавлю, что не помню и случая, въ которомъ видѣлъ бы его до такой степени раздраженнымъ. Изъ всегда добраго, кроткаго и незлобиваго онъ превратился въ разъяреннаго льва.

— Совѣтъ заплеванъ!—кричалъ онъ,—я заплеванъ; самъ государь себя уронилъ, а мнѣ его честь и слава дороже, чѣмъ мои собственныя, не такъ, какъ тѣмъ, которые играютъ его волею и его священнымъ словомъ. Или я научу этихъ господъ впередъ меня бравировать тамъ, гдѣ я дѣйствую добросовѣстно по долгу званія, или тотчасъ же оставляю службу, которой продолжать на такомъ основаніи не могу. Я никогда не позволялъ себѣ присвоивать своему лицу вліянія на рѣшенія государя по совѣтскимъ дѣламъ; но гдѣ идетъ рѣчь объ охраненіи неприкосновенности собственной его воли и правъ Совѣта, дѣйствующаго его именемъ, тамъ я долженъ вступиться всѣми своими силами, или все бросить и уйти!

Эта буря запальчивости продолжалась, я думаю, съ полчаса. На другой день князь поѣхалъ къ государю и возвратился въ полномъ торжествѣ. Бесѣда ихъ, какъ онъ мнѣ рассказывалъ, была живая и съ обѣихъ сторонъ настойчивая. Главнымъ убѣжденіемъ послужили, кажется, три вещи: 1) что государя ввели тутъ въ заблужденіе черезъ смѣшеніе формы съ существомъ дѣла—неисполненія сенатскаго указа, о чемъ одномъ только и судилъ Совѣтъ, съ самою правильностію сего указа, которая могла бы подлежать сужденію только въ послѣдствіи, по полученіи объясненій Перовскаго; 2) что сообщенное Чернышевымъ

высочайшее повелѣніе поставило бы Васильчикова въ самое двусмысленное положеніе передъ цѣлымъ Совѣтомъ, который, не имѣя свѣдѣнія ни о прежней докладной его, Васильчикова, запискѣ, ни о послѣдовавшей на ней резолюціи, знаетъ только объявленную имъ высочайшую волю и теперь вдругъ увидитъ объявляемую Чернышевымъ, совершенно прежней противоположную, слѣдственно, какъ бы уничтожающую достоверность слышанной прежде отъ него, Васильчикова, и 3) что отъ государя, разумѣется, всегда зависѣтъ будетъ рѣшить это дѣло по его благоусмотрѣнію, но тогда, когда оно придетъ къ нему въ порядкѣ, имъ самимъ указанномъ, и со всѣхъ сторонъ обсуженное, а не по одному изъясненіямъ Перовскаго. Какъ бы то ни было, но въ тотъ же самый день Васильчиковъ отправилъ къ Чернышеву бумагу слѣдующаго содержанія: «государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему объ отношеніи ко мнѣ вашего сіятельства (касательно того-то), высочайше повелѣтъ изволилъ дѣло сіе возвратить въ тотъ порядокъ, какой указанъ оному былъ монаршею волею, объявленною мною Государственному Совѣту и сообщенною вамъ въ отношеніи государственнаго секретаря, именно чтобы ваше сіятельство, снесясь, по полученнымъ отъ генераль-адъютанта Перовскаго объясненіямъ, съ министромъ государственныхъ имуществъ, окончательное къ развязкѣ дѣла сего заключеніе внесли въ Государственный Совѣтъ. Сообщая вамъ о таковой высочайшей волѣ, для зависящаго къ исполненію оной распоряженія, имѣю честь быть» и проч.

Окончательное, по мнѣнію Государственного Совѣта, рѣшеніе сего дѣла, послѣдовавшее уже въ 1841 году было, такъ сказать, примирительное. Рѣшено: 1) оставить на калмыцкихъ земляхъ тѣ семейства крестьянскія, которыя находятся тамъ уже водворенными; 2) тѣхъ изъ нихъ, которыя пожелаютъ вступить въ казачье сословіе, надѣлать 30-ти десятинною пропорціею, прочихъ же оставить въ прежнемъ званіи, съ 15-ти десятинною пропорціею; 3) выселеннымъ по распоряженію Перовскаго предоставить всѣ тѣ льготы и пособія, какія вообще даруются переселенцамъ. Только одинъ Чернышевъ остался при томъ мнѣніи, которое было выражено имъ, въ приведенной выше бумагѣ къ Васильчикову, въ видѣ высочайшаго повелѣнія; но государь утвердилъ общее заключеніе Совѣта. Вопросъ о личной виновности Перовскаго въ неисполненіи сенатскихъ указовъ былъ обойденъ молчаніемъ.

Императоръ Николай, ограничившій представленія къ наградамъ за обыкновенныя отличія по службѣ извѣстными сроками, установившій не давать орденовъ прежде полученія знака отличія безпорочной службы и строго наблюдавшій за сохраненіемъ постепенности въ награжденіяхъ, охотно и щедро отступалъ отъ всѣхъ сихъ правилъ, когда шло дѣло о подвигахъ чрезвычайныхъ. Такъ, между разными другими изытціями

можно упомянуть о тѣхъ частыхъ и совершенно выходившихъ изъ обыкновеннаго порядка милостяхъ, которыми, въ первые годы его царствованія, когда создавался безсмертный памятникъ свода законовъ, осыпавы были употребленные къ этому дѣлу чиновники II-го отдѣленія собственной его канцеляріи. То же самое, и даже въ большей еще степени, бывало при особенныхъ отличіяхъ военныхъ. Воспитанникъ артиллерійскаго училища, окончившій свое образованіе въ военной академіи и перешедшій потомъ въ генеральный штабъ, Шульцъ, въ польскую кампанію оказалъ подвиги львиной, неслыханной храбрости, но еще болѣе проявилъ ее въ дѣлахъ противъ горцевъ. Здѣсь получивъ въ одномъ сраженіи нѣсколько ранъ, онъ, съ пробитою челюстью, съ вышибленными зубами, не оставилъ своего поста, пока не упалъ въ безпамятствѣ. Бывъ тогда капитаномъ, онъ произведенъ въ подполковники; но въ томъ же самомъ приказѣ государь приписалъ своею рукою: «подполковникъ Шульцъ въ полковники». Не довольствуясь, однакоже, сею безпримѣрною наградю, онъ пожаловалъ ему еще Владиміра 4-й степени съ бантомъ и велѣлъ тотчасъ предложить о подвигѣ Шульца въ чрезвычайномъ собраніи георгіевской думы, по удостоенію которой далъ ему 4-го Георгія. Какъ между тѣмъ Шульцу необходимо было ѣхать лечиться отъ своихъ ранъ за границу, то онъ, сверхъ всѣхъ исчисленныхъ наградъ, получилъ еще на путевыя издержки 1.500 червонцевъ.

Тунеядный, распутный, не имѣющій настоящей осѣдлости и, при всемъ томъ, огромный (свыше 1 милліона душъ) классъ дворовыхъ людей—этотъ зародышъ той безпокойной и всегда готовой къ волненіямъ массы, изъ которой въ Парижѣ составляется «la canaille», давно уже озабочивалъ наше правительство, и въ царствованіе императора Николая вопрось о немъ нѣсколько разъ возобновлялся. Сперва, въ 1827 году, онъ составлялъ одинъ изъ предметовъ разсужденій извѣстнаго комитета 6-го декабря 1826 года; потомъ, въ 1830 году, имъ занимался и Государственный Совѣтъ; но операція надъ этою язвою государственною всегда казалась такою трудною, опасною и даже страшною, что ни одно начинаніе не было приведено ни къ чему положительному. Въ 1840 году у государя еще настойчивѣе прежняго возобновилась мысль если не о совершенномъ уничтоженіи, то по крайней мѣрѣ о возможномъ уменьшеніи сословія дворовыхъ людей. Онъ приказалъ статсъ-секретарю графу Блудову обработать ее и полученные отъ него записку и проектъ указа вручилъ князю Васильчикову, съ тѣмъ чтобы, пересмотрѣвъ еще разъ все дѣло совокупно съ Блудовымъ и съ министромъ юстиціи, онъ поднесъ указъ къ подписанію. Но Васильчиковъ, какъ всегдашній ревностный оберегатель достоинства Государственного Совѣта, не рѣшился принять сей воли къ безусловному исполненію. Онъ

возразилъ, что совершеніе такой важной государственной мѣры помимо Совѣта уронить вѣсъ и значеніе послѣдняго; что если въ дѣлахъ финансовыхъ, по свойству ихъ, необходима иногда тайна, то едва-ли она нужна въ дѣлахъ чисто законодательныхъ, гдѣ разглашеніе предполагаемаго закона за нѣсколько дней до его обнародованія не можетъ имѣть никакихъ вредныхъ послѣдствій; что, при извѣстности ему, Васильчикову, взгляда на этотъ предметъ членовъ Совѣта, онъ нисколько не сомнѣвается въ принятіи предлагаемой мысли если не всѣми единогласно, то по крайней мѣрѣ огромнымъ ихъ большинствомъ; наконецъ, что желательнѣе не совращать этого дѣла съ обыкновеннаго указываемаго законами пути уже и для того, чтобы избѣжать всякаго вполнѣдствіи противодѣйствія со стороны высшей аристократіи; ибо если мѣра сія примется въ совѣщаніи тридцати или болѣе членовъ Совѣта, то вполнѣдствіи, конечно, никто уже изъ нихъ не станетъ говорить противъ нея, тогда какъ въ противномъ случаѣ изъ этого числа много найдется порицателей, даже и изъ одного чувства огорченнаго самолюбія.

— Да неужели же,—возразилъ съ своей стороны государь,—когда самъ я признаю какую-нибудь вещь полезною или благотвѣтельною, мнѣ непременно надо спрашивать на нее сперва согласіе Совѣта?

— Не согласіе,—отвѣчалъ Васильчиковъ,—но мнѣніе непременно, потому что Совѣтъ для этого и существуетъ, или надо его уничтожить, или охранять тотъ законъ, который сами вы для него издали.

Преніе по этому случаю, какъ рассказывалъ самъ Васильчиковъ, было длинное и жаркое, и на послѣдокъ кончилось тѣмъ, что, вмѣсто трехъ лицъ, государь приказалъ составить особый комитетъ изъ двѣнадцати членовъ Государственнаго Совѣта (большею частію министровъ), которому разсмотрѣть какъ самую сущность дѣла, такъ и вопросъ: должно ли потомъ провести это дѣло еще черезъ общее собраніе Совѣта? Мѣры, предложенныя графомъ Блудовымъ, были имъ болѣею частію заимствованы изъ предложеній, состоявшихся въ 1827 и 1830 годахъ. Но тогда мѣры сіи предлагались не отдѣльно, а въ составѣ общаго закона о состояніяхъ, заключавшаго въ себѣ сверхъ того многіе другіе, гораздо важнѣйшіе предметы, посреди которыхъ и, такъ сказать, подъ ихъ щитомъ постановленія о дворовыхъ людяхъ прошли бы едва замѣченными. Настоящее положеніе дѣла, когда имѣлось въ виду выпустить одну только эту часть упомянутаго закона, было другое, и потому большая часть членовъ сначала думали или совсѣмъ ничего не предпринимать, или ограничиться развѣ однѣми полумѣрами. Пока правительство не рѣшалось приступить къ коренному преобразованію, говорили они, всякая частная переиѣна въ соотношеніяхъ между помѣщиками и крѣпостными ихъ людьми, давая поводъ къ столкновенію правъ однихъ съ обязанностями другихъ и открывая въ крестьянахъ новыя понятія и

новый кругъ мыслей, котораго расширенія никакая человѣческая предусмотрительность угадать не въ силахъ, угрожаетъ самыми опасными послѣдствіями, не только для благосостоянія одного класса, но и для общественнаго спокойствія. Послѣ долгихъ и шумныхъ пререканій, возникли постепенно три главныхъ мнѣній. Одно, графа Чернышева, состояло въ томъ, что въ настоящее время безопаснѣе и полезнѣе не предпринимать совсѣмъ ничего въ отношеніи къ дворовымъ людямъ. Эта мысль, соотвѣтствовавшая и убѣжденію большинства, была, однакоже, отклонена въ виду положительно изъясленной высочайшей воли. Другимъ мнѣніемъ, графа Киселева, предлагалось учредить по городамъ цехъ слугъ, какъ притонъ для класса вольноотпущенныхъ, съ присоединеніемъ къ тому же классу, не теперь, а когда-нибудь впослѣдствіи, и тѣхъ дворовыхъ людей, которые остаются еще въ крѣпостной зависимости. Комитетъ принялъ часть этой мысли. Наконецъ, третье мнѣніе, князя Васильчикова, заключалось въ томъ, чтобы принять цифры дворовыхъ людей по послѣдней народной переписи нормою, дагѣ которой не можетъ уже быть увеличиваемо число дворовыхъ людей и, сверхъ того, употребленіе впредь крестьянъ въ личную помѣщичью прислугу ограничить извѣстными условіями и правилами. Это мнѣніе было принято вполнѣ. Образовавшееся изъ всѣхъ сихъ разсужденій и частныхъ мнѣній общее заключеніе комитета состояло, кратко, въ слѣдующемъ. При сохраненіи нынѣшней системы крѣпостнаго права, два только способа представляются къ уменьшенію числа дворовыхъ людей: во-первыхъ, облегчить и побудить, всѣми зависящими отъ правительства средствами, переходъ ихъ въ другія состоянія и къ другому роду жизни, и во-вторыхъ, пресѣчь новыя перечисленія изъ крестьянъ въ дворовые, сколько то совмѣстно съ огражденіемъ правъ и власти владѣльцевъ. Въ отношеніи къ первому предмету полезно будетъ: 1) дозволить, при увольненіи двороваго человѣка на волю, постановлять въ отпускной условія не только о единовременномъ или срочномъ платежѣ извѣстной капитальной суммы, но и объ опредѣленіи, взамѣнъ того, или срочнаго оброка, или личной, также на срокъ, службы прежнему владѣльцу, 2) помѣщика, при отпускѣ имъ двороваго своего человѣка, обязывать къ платежу за него податей не до новой ревизіи, а только на одинъ годъ, въ продолженіе котораго этотъ человѣкъ обязанъ избрать себѣ родъ жизни, и 3) вольноотпущенныхъ, по припискѣ ихъ къ другому состоянію, увольнять отъ всякихъ податей на три года, а отъ рекрутства—до новой ревизіи. Въ отношеніи ко второму предмету достаточно будетъ постановить, или, лучше сказать, вывести изъ смысла существующихъ уже постановленій: 1) что въ числѣ дворовыхъ людей имѣютъ на будущее время оставаться только тѣ, которые самими владѣльцами показаны въ этомъ разрядѣ при послѣдней народной переписи; 2) что

если помѣщикъ пожелаетъ впредь употребить въ личную свою прислугу кого-либо изъ крестьянъ, то сіе можетъ быть дѣлаемо не иначе, какъ брать на брата, т. е. такимъ образомъ, чтобы одно тягло изъ семейства, изъ котораго крестьянинъ берется, было освобождено отъ всякихъ на владѣльца работъ и оброка и чтобы его участокъ оставался въ его семьѣ. Вмѣстѣ съ симъ и въ видѣ введенія къ упомянутымъ мѣрамъ, необходимо: 1) учредить во всѣхъ городахъ особый цехъ слугъ и 2) предоставить приписываться къ сему цеху, сверхъ отпущенныхъ на волю вполнѣ или условно, и тѣмъ дворовымъ людямъ, которые будутъ отпускаемы изъ оброка, для приискиванія себѣ мѣстъ въ услуженіи. Всѣ сіи мѣры должно ввести въ дѣйствіе не вдругъ, а постепенно, и именно начать съ учрежденія цеха слугъ, потомъ издать указъ о новыхъ правилахъ для обращенія крестьянъ въ личную прислугу владѣльцевъ и наконецъ заключить другимъ указомъ, касательно льготъ при отпущеніи дворовыхъ людей на волю. Но какъ устройство цеха слугъ требовало еще ближайшаго соображенія подробностей, то комитетъ полагалъ предметъ сей предоставить министру внутреннихъ дѣлъ соединить съ приводившимся уже тогда къ окончанію проектомъ новаго образованія столичныхъ Думъ и цеховъ вообще и внести все сіе вмѣстѣ въ Государственный Совѣтъ, проекты же упомянутыхъ выше двухъ указовъ (составленные въ самомъ комитетѣ), если они удостоятся предварительнаго высочайшаго одобренія, обратить къ тому же министру, для поднесенія въ свое время къ высочайшему подписанію, также черезъ Государственный Совѣтъ. Сіимъ окончились занятія особаго комитета. Государь, въ мартѣ 1840 года, утвердилъ его предположенія, и они тогда же были переданы къ исполненію въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Но этому дѣлу предлежало опять возобновиться и придти къ дальнѣйшему своему совершенію гораздо уже позже, и именно въ 1844 году. Подробности, тогда его сопровождавшія, описаны въ сочиненіи моемъ: «Императоръ Николай въ совѣщательныхъ собраніяхъ» ¹⁾).

Съ начала 1840 года здоровье министра финансовъ графа Канкрина все болѣе и болѣе разстраивалось. Государь почасту утѣшалъ и ободрялъ заслуженнаго старца своими посѣщеніями и непремѣнно требовалъ, чтобы онъ, съ наступленіемъ благопріятнѣйшаго времени года, ѣхалъ за границу на воды. Канкринъ какъ-то заикнулся при этомъ объ отставкѣ.

— Ты знаешь, — отвѣчалъ государь, — что насъ двое, которые не можемъ оставить своихъ постовъ, пока живы: ты да я.

Между тѣмъ государственная роспись на 1840 годъ сведена была

¹⁾ См. „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества“, томъ 98.

лишь при крайнихъ усиліяхъ; дефицитъ, простиравшійся до 21¹/₂ мил. руб.; необходимость для покрытія его въ займѣ вѣншемъ или внутреннемъ; повсемѣстный недостатокъ въ разнѣнной монетѣ и затруднительное положеніе кредитныхъ установленій сильно озабочивали нашихъ государственныхъ людей и, между ними, преимущественно князя Васильчикова. Въ безпрестанномъ волненіи своего патріотическаго и преданнаго царю сердца, не находя покоя ни днемъ, ни ночью, онъ, послѣ долгихъ колебаній, рѣшился, наконецъ, подать государю записку о жалкомъ положеніи нашихъ финансовъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, говорилъ онъ, очистить свою совѣсть. Въ этой запискѣ было изъясняемо, что министерство финансовъ вмѣсто того, чтобы изыскивать новые источники доходовъ и разрабатывать прежніе, для уравниванія ихъ съ расходами, обращалось всегда къ мѣрѣ, простой въ исполненіи, но опасной въ послѣдствіяхъ, и именно къ покрытію дефицитовъ долгами; что сперва возросли до огромной цифры займы заграничныя, потомъ исчерпана значительная часть капиталовъ банковыхъ установленій и, наконецъ, при истощеніи и этого пособія, ухватились за выпускъ векселей, или билетовъ государственнаго казначейства; что такимъ образомъ система добраго финансоваго хозяйства замѣнилась однимъ заклеиваніемъ щелей и въ то время, какъ количество однихъ только процентовъ, ежегодно уплачиваемыхъ казною, возросло до 88 мил. руб., массѣ билетовъ казначейства, съ каждымъ годомъ увеличивающейся, не полагается никакихъ средствъ къ своевременному ихъ выкупу; что отдѣльное разрѣшеніе важныхъ финансовыхъ вопросовъ и мѣрѣ столько же вредно, сколько и поспѣшность, съ которою до сихъ поръ Государственный Совѣтъ всегда принужденъ былъ разсматривать годичный бюджетъ; наконецъ, что необходимо обратить на всѣ эти предметы ближайшее вниманіе, особенно же теперь, когда болѣзнь графа Канкринна не позволяетъ надѣяться надолго сохранить его для государства, а между тѣмъ къ замѣщенію сто не имѣется въ виду никакого опытнаго и искусившагося въ финансовомъ дѣлѣ. Считая, вслѣдствіе того, настоятельно нужнымъ приступить къ соображенію, какимъ образомъ устроить управленіе финансовъ имперіи на случай усугубленія болѣзненнаго состоянія графа Канкринна, или его отъѣзда въ чужіе края, Васильчиковъ предлагалъ составить, изъ не большаго числа членовъ по высочайшему избранію, особый секретный комитетъ, которому: во-первыхъ, опредѣлить, какія именно части министерства финансовъ должны и впредь оставаться въ его составѣ и какія, напротивъ, удобнѣе было бы отдѣлить къ другимъ вѣдомствамъ; во-вторыхъ, обсудить, не полезнѣе ли существующій финансовый комитетъ замѣнить особымъ, независимымъ отъ министра, финансовымъ совѣтомъ, какъ для составленія общаго плана устройства этой части, такъ и для предварительнаго обсуживанія бюджетовъ, отчетовъ и всѣхъ во-

обще важнѣйшихъ финансовыхъ вопросовъ и мѣръ, и въ-третьихъ, при представленіи его величеству своихъ о семъ предположеній, присовокупить и мнѣніе о тѣхъ лицахъ, которыхъ можно и полезно было бы назначить членами новаго финансоваго совѣта. Государь долго не рѣшался принять эту мысль, изъ уваженія къ Канкрину, и убѣдился, наконецъ, только тѣмъ, что разсужденія и соображенія предположеннаго Васильчиковымъ предварительнаго комитета останутся совершенною тайною и для самого Канкрина, и для всей публики, пока въ физическомъ положеніи министра не послѣдуетъ такой перемѣны, которая неизбежно заставила бы ихъ огласить. Вслѣдствіе того, государь надписалъ на запискѣ князя: «Составить секретный комитетъ, подъ вашимъ предсѣдательствомъ, изъ графа Чернышева, графа Нессельрода, князя Меншикова, графа Левашова и графа Киселева, не приобщая къ нему, для производства дѣлъ никого, кромѣ барона Корфа».

Чтобы имѣть какое-нибудь основаніе или исходную точку для дальнѣйшихъ сужденій этого комитета, мною приготовлены были: историческій взглядъ на финансовое наше управленіе, сравнительное обозрѣніе организации сей части въ Англіи, Франціи, Пруссіи и Австріи, и сводъ разныхъ сужденій по тому же предмету, происходившихъ въ знаменитомъ нѣкогда комитетѣ 6-го декабря 1826 года. Потомъ нашъ комитетъ имѣлъ нѣсколько продолжительныхъ засѣданій, которыя происходили у князя Васильчикова на дому, по вечерамъ, въ глубокой тайнѣ до такой степени, что велѣно было каретамъ нашимъ становиться на дворѣ, а постороннимъ, которые пріѣхали бы въ это время къ князю, сказывать, что его нѣтъ дома. Написано было нѣсколько обширныхъ журналовъ и проектовъ, въ томъ числѣ и проектъ инструкціи для временнаго управленія финансовою частію на случай отсутствія графа Канкрина. Между тѣмъ, послѣдній видимо сталъ поправляться въ здоровьи, а государь, при рыцарскомъ его духѣ и возвышенномъ образѣ чувствъ, продолжалъ какъ бы совѣститься, что все это сочиняется тайкомъ отъ его министра, о чемъ неоднократно говорилъ и Васильчикову, и другимъ. Словомъ, когда пришлось подписывать составленные, по заключеніямъ комитета, бумаги, члены вскорѣ убѣдились, что многіе предметы, легко высказываемые въ секретномъ совѣщаніи, трудно и страшно повторять на бумагѣ и укрѣплять своею подписью. Какъ выдти изъ этого положенія, не оставивъ, однако, безъ исполненія высочайшей воли, въ силу которой комитетъ былъ учрежденъ? Графъ Киселевъ, самъ возбудившій этотъ вопросъ, самъ же, въ ловкомъ умѣ своемъ, тотчасъ нашелъ и предложить средство къ его развязкѣ.

— Соображенія наши,—говорилъ онъ,—начались во время опасной болѣзни графа Канкрина, а теперь ему гораздо лучше, и быть можетъ, что онъ и долго еще проживетъ и никуда не поѣдетъ; тогда все, что

предположено нами на случай его отсутствія, останется втунѣ. И такъ, составимъ журналъ за общимъ подписаніемъ о томъ только предметѣ, который независимъ отъ болѣзни министра и можетъ быть приведенъ въ исполненіе во всякое время, именно о лучшемъ образованіи финансоваго комитета, а все прочее вы, князь Иларіонъ Васильевичъ, поднесете государю въ видѣ частныхъ, никѣмъ не подписанныхъ записокъ, изъ которыхъ можно будетъ сдѣлать употребленіе въ свое время, если оно когда наступитъ и если государь уважитъ наши предположенія.

Прочіе члены очень обрадовались такому исходу, и бумаги, на семь основаній составленныя, князь Васильчиковъ отвезъ къ государю, который оставилъ ихъ у себя. Пока такимъ образомъ комитетъ размышлялъ сперва о цѣломъ преобразованіи нашей финансовой системы, потомъ только уже о временномъ распорядкѣ на случай отсутствія министра и, наконецъ, единственно лишь о нѣкоторыхъ перемѣнахъ въ устройствѣ финансоваго комитета, дѣло приняло совсѣмъ другое направленіе. Государь и прежде требовалъ, и теперь еще сильнѣе настаивалъ, чтобы министръ финансовъ выбралъ себѣ товарища, который могъ бы заступитъ его во время отсутствія. Канкринъ предложилъ особаго рода комбинацію, именно: чтобы, по отъѣздѣ его за границу, управленіе финансами вѣрить совокупно двумъ старожиламъ его министерства: директору кредитной части Вронченко и директору общей канцеляріи Дружинину. Когда жъ государь съ неудовольствіемъ отвергъ мысль такого двойственнаго управленія, какъ совершенно новую и казавшуюся ему нелѣпою, то Канкринъ послалъ письмо, въ которомъ довольно прямо высказалъ, что, при такомъ къ нему недоувѣріи и при той всегдашней оппозиціи, которую представленія его встрѣчаютъ со стороны Государственного Совѣта, ему лучше бы, можетъ быть, совсѣмъ оставить свое мѣсто. Письмо это не произвело, однако, того дѣйствія, котораго онъ, вѣроятно, ожидалъ. Государь отвѣтилъ уклончиво, нѣжно, но въ то же время съ обыкновенною своею энергіею вновь потребовалъ отъ министра непремѣннаго и немедленнаго исполненія его воли, т. е. выбора себѣ товарища. Канкринъ, отъ котораго я самъ прежде не разъ слыхивалъ, что если ему дадутъ товарища, то онъ и двадцати-четыреихъ часовъ не останется министромъ, долженъ былъ покориться. Онъ предложилъ на постъ товарища двухъ кандидатовъ: упомянутаго выше Вронченко и бывшаго въ то время посланникомъ нашимъ при прусскомъ дворѣ барона Мейендорфа. Едва это предложеніе сдѣлалось извѣстнымъ Васильчикову, какъ онъ возсталъ противъ Вронченко всѣми силами, и тотчасъ, при мнѣ же, написалъ государю письмо, въ которомъ, въ весьма сильныхъ выраженіяхъ, говорилъ, что если Вронченко имѣетъ за себя опытность и неукоризненную честность правилъ, то, въ замѣнъ, онъ не пользуется никакимъ довѣріемъ и уваженіемъ въ публикѣ, есть больше

чиновникъ въ смыслѣ подъячаго, чѣмъ человѣкъ способный къ государственному дѣлу и, при извѣстной распутности своего поведенія, совершенно уронилъ бы важный санъ товарища. Государь отвѣчалъ, что жалѣеть о позднемъ полученіи этого предостереженія, потому что выборъ его изъ двухъ представленныхъ министромъ кандидатовъ остановился именно на Вронченко и о немъ уже подписанъ указъ. Когда Канкринъ съ своей стороны объявилъ Вронченко о новомъ его званіи, то сей послѣдній также написалъ государю, что никогда не готовилъ себя къ такому посту; что, напротивъ, по старости и слабому здоровью, хотѣлъ даже просить о пристроеніи его къ болѣе спокойному мѣсту, чѣмъ то, которое онъ занималъ, и, что, по всему этому, ходатайствуетъ объ отъѣздѣ сего назначенія. Но и это письмо осталось безъ послѣдствій. Въмѣсто того объявлено было высочайшее повелѣніе, чтобы въ случаѣ, когда министръ финансовъ не можетъ лично присутствовать, мѣсто его заступалъ товарищъ въ Комитетѣ Министровъ по всѣмъ дѣламъ, а въ Государственномъ Совѣтѣ по дѣламъ его вѣдомства. Такъ какъ послѣ всего этого министерство финансовъ воспріяло опять обыкновенный свой ходъ, то предположенія нашего секретнаго комитета сами собою рушились: имъ никогда и послѣ не было дано дальнѣйшаго движенія, а Вронченко въ то же лѣто, по случаю отъѣзда графа Канкрина за границу, вступилъ временно въ управленіе министерствомъ.

Первая инструкція товарищамъ министровъ дана была въ общемъ учрежденіи министерствъ 1811 года, и тогда цѣль назначенія ихъ состояла единственно въ томъ, чтобы управлять министерствомъ въ отсутствіе или во время болѣзни министра, при личномъ управленіи котораго они были совершенно безгласны и могли дѣйствовать только по его порученіямъ и уполномочіямъ. Но при вступленіи на престолъ императора Николая, когда личный составъ министерствъ найденъ былъ въ самомъ жалкомъ положеніи и во всѣхъ министерскихъ постахъ состояли отживавшіе свой вѣкъ старцы, оказалось необходимымъ, изъ личныхъ собственно уваженій, усилить власть и значеніе товарищей. Въ должность эту были опредѣлены выступавшіе тогда на высшее административное поприще: къ министру внутреннихъ дѣлъ Дашковъ, къ министру народнаго просвѣщенія Блудовъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ изданы (30-го декабря 1826 года) дополнителныя о должноти товарищей правила, которыми было уже постановлено въ ихъ обязанность облегчать министра въ его занятіяхъ и способствовать безостановочному ходу дѣлъ. При такомъ новомъ кругѣ дѣйствія, товарищи получили и нѣкоторую отдѣльную самостоятельность, свой особый голосъ, право совѣщаній и даже, въ нѣкоторой степени, право протеста противъ своихъ министровъ. Съ теченіемъ времени упомянутыя личныя уваженія миновались: бывшіе товарищи давно сами стали министрами; ими были довольны и не

предстояло необходимости ихъ смѣнять; наконецъ вообще оставался на лицо всею одинъ только товарищъ, и именно при военномъ министрѣ. Вдругъ государь разсудилъ воскресить снова это, почти умершее, установленіе и, настоявъ сперва, чтобы выбралъ себѣ товарища министръ финансовъ, въ томъ же 1840 году приказалъ послѣдовать его примѣру и прочимъ министрамъ, въ особенности же потребовалъ сего отъ министра государственныхъ имуществъ графа Киселева, предполагавшаго ѣхать лѣтомъ въ Карлсбадъ. Киселевъ отвѣчалъ, что готовъ исполнить высочайшую волю, если сперва пересмотрѣны и исправлены будутъ правила о товарищахъ, совершенно связывающія руки министрамъ. Государь на сіе соизволилъ и, для предполагаемаго пересмотра Положенія о товарищахъ министровъ, приказалъ составить особый комитетъ изъ всѣхъ министровъ, подъ предсѣдательствомъ князя Васильчикова, назначивъ меня для производства дѣлъ. Комитетъ, принявъ въ соображеніе, что прежнія обстоятельства измѣнились и что нынѣ государь не дастъ уже министрамъ товарищей, а предоставляетъ каждому изъ нихъ избрать самому себѣ такого, призналъ полезнымъ и для избѣжанія всякихъ столкновеній и пререканій власти, даже и необходимымъ возвратиться къ правиламъ 1811 года. Противнаго сему мнѣнія былъ одинъ только министръ юстиціи графъ Панинъ, утверждавшій, что въ такомъ случаѣ товарищъ будетъ лицомъ бесполезнымъ и излишнимъ; но противъ этого мнѣнія, хотя сначала поддерживалъ его нѣсколько графъ Блудовъ, писавшій правила 1826 года, всѣ прочіе министры сильно возстали, говоря, что если надъ ними поставленъ будетъ, въ лицѣ товарища, контролеръ, то никто не захочетъ оставаться министромъ и всякій предпочтетъ опуститься опять въ товарищи, званіе, въ которомъ, пользуясь правами, властію и почетомъ, будетъ свободенъ отъ всякой отвѣтственности. Графъ Панинъ къ слѣдующему засѣданію представилъ свое мнѣніе письменно, но и тутъ не могъ никого убѣдить. Государь, противъ своего обыкновенія, продержалъ у себя окончательный журналъ цѣлую недѣлю. Онъ долго колебался между общимъ заключеніемъ комитета и особымъ мнѣніемъ Панина; но наконецъ утвердилъ первое; вслѣдствіе чего изданы были новыя о товарищахъ правила 9-го апрѣля 1840 года.

Однажды, въ концѣ великаго поста 1840 года, государь обѣдалъ вдвоемъ съ министромъ государственныхъ имуществъ графомъ Киселевымъ. Зашла рѣчь о князѣ Васильчиковѣ и о томъ, что въ тамбовскомъ его имѣніи пало нѣсколько тысячъ барановъ.

— Но вы не знаете, государь, прибавилъ Киселевъ — что въ прошломъ году у него пропалъ и не такой еще баранъ.

— Какъ такъ?

Тутъ Киселевъ разсказалъ, что ужъ годъ, какъ у князя окончился

срокъ двухъ арендъ, приносившихъ ему, вмѣстѣ, 5.000 руб. серебромъ годового дохода, и что онъ грозилъ ему, Киселеву, разрывомъ дружбы, если бы тотъ осмѣлился когда-нибудь упомянуть объ этомъ государю.

— *Comme je reconnais là mon Wassiltchikoff!*—отвѣчалъ государь: однако, надо положить этому конецъ и дать ему гораздо болѣе прежняго—то, что слѣдуетъ по теперешнему его званію.

И вслѣдствіе того велѣно было приготовить указъ о пожалованіи Васильчикову аренды въ 12.000 руб. серебромъ на 24 года. Киселевъ, получивъ это приказаніе, поспѣшилъ обрадовать князя доброю вѣстію; но старикъ разсердился не на шутку и объявилъ Киселеву, что напрямикъ отказывается отъ милости, которая только свяжетъ ему руки, когда онъ давно уже думаетъ оставить службу, или по крайней мѣрѣ сложить настоящее званіе. Онъ написалъ ему даже въ такомъ смыслѣ письмо, прислалъ сына для личнаго объясненія и, когда все это не подѣйствовало, потому что Киселевъ, считая себя тутъ только исполнителемъ высочайшей воли, отказался отъ всякаго дальнѣйшаго вмѣшательства, то самъ поѣхалъ къ государю и, представя, что состояніе его довольно обезпечено, объяснилъ, что не можетъ принять назначенной милости, тѣмъ болѣе, что самъ неоднократно докладывалъ о затруднительномъ положеніи нашихъ финансовъ и говорилъ о томъ гласно, въ разныхъ комитетахъ. Такой аргументъ не убѣдилъ, однакоже, государя и даже ему не понравился. Утверждая, что не понимаетъ, откуда князя преслѣдуетъ вѣчная мысль о затруднительномъ положеніи нашихъ финансовъ и что, впрочемъ, судить объ этомъ дѣло не другихъ, а его, онъ настоялъ на своемъ и—указъ былъ подписанъ въ день Пасхи.

Къ высшему нашему обществу принадлежали три брата Пашковы, сыновья роднаго дяди княгини Васильчиковой. Старшій изъ нихъ, Андрей, умный, даровитый, тогда прекрасный музыкантъ, а впослѣдствіи стяжавшій себѣ большую извѣстность своими магнетическими лѣченіями, ославилъ себя, вмѣстѣ, большою склонностію къ ябедѣ и разными дѣйствіями, малосвойственными благородному человѣку. Служивъ до генеральскаго чина въ лейбъ-гусарахъ, а потомъ бывъ назначенъ въ егермейстерскую должность ко двору, онъ здѣсь вскорѣ поссорился съ тогдашнимъ оберъ-егермейстеромъ Нарышкинымъ, подавъ на него доносъ, который не оправдался, и принужденъ былъ оставить службу. Два другіе его брата, отставные коллежскій совѣтникъ Николай и штабс-ротмистръ Сергѣй, издавна жили въ Москвѣ, гдѣ прежде вели большую игру и были замѣшаны въ разные непріятныя исторіи. Андрей имѣлъ множество сомнительныхъ процессовъ, и ни личныя связи, ни родство его жены, дочери очень приближеннаго къ императору Николаю графа Модена, не могли способствовать ему къ выигрышу этихъ процессовъ,

какъ равно не были въ состояніи поддержать его въ общемъ мнѣніи, въ которомъ онъ глубоко упалъ.

Вънцомъ всѣхъ этихъ нечистыхъ дѣлъ была многолѣтняя тяжба между братьями о раздѣлѣ наслѣдственнаго послѣ отца имѣнія. Съ одной стороны Андрей, съ другой стороны Николай и Сергѣй взаимно выставили себя, съ крайнимъ ожесточеніемъ, въ самыхъ черныхъ краскахъ. Сперва предложенъ имъ былъ мировой разборъ, который, однако, ничѣмъ не кончился; потомъ они приступили было къ фамиліиной сдѣлкѣ, но Андрей, добровольно на нее согласившійся, потомъ отказался ее призвать, подъ предлогомъ, что она — написана на гербовой бумагѣ ниже узаконеннаго достоинства! Впослѣдствіи и мать, жившая въ Москвѣ съ обоими младшими сыновьями, принесла государю писменно самыя жестокия жалобы на Андрея. Наконецъ, послѣ ея смерти, взаимная ненависть братьевъ дошла до крайнихъ предѣловъ, и не только всѣ присутственныя мѣста, но и самъ государь, многократно обременяемы были обоюдными ихъ притязаніями и совсѣмъ не родственными ругательствами. Въ 1840 году дѣло объ ихъ раздѣлѣ вторично достигло до Государственнаго Совѣта, который, видя, что всѣ способы примиренія уже истощены, заключилъ прибѣгнуть къ строгимъ судебнымъ мѣрамъ, именно обратить дѣло къ разбору съ нижней инстанціи, а спорное имѣніе взять въ опеку, устранивъ отъ его управленія всѣхъ трехъ братьевъ. Меморія объ этомъ возвратилась, въ свое время, съ слѣдующею грозною резолюціею, служившею новымъ доказательствомъ, сколько императоръ Николай чтилъ святость и неприкосновенность семейныхъ отношеній: «справедливо; но при семъ нужнымъ считаю велѣть объявить братьямъ Пашковымъ, что мнѣ весьма прискорбно видѣть рѣдкій примѣръ раздора семейнаго въ такомъ званіи, которое должно бы служить образцомъ всѣхъ доблестей. Сіе касается въ особенности до Андрея Пашкова; ему не должно забыть, что на немъ лежитъ неизглаженное пятно¹⁾: жалобы ко мнѣ его матери на неслыханные его поступки. Послѣ того я не считаю приличнымъ, чтобъ онъ всюду показывался въ благородномъ обществѣ, доколѣ ясно не докажетъ свою совершенную невинность». Меморія съ этою резолюціею пришла ко мнѣ во время засѣданія Государственнаго Совѣта и хотя заключеніе послѣдняго, давшее поводъ, состоялось подъ предсѣдательствомъ не князя Васильчикова, устранившаго себя отъ обсужденія дѣла Пашковыхъ за родствомъ, а князя Голицына; однако я тотчасъ вызвалъ перваго изъ собранія, для прочтенія ему вышеписаннаго. Князя, хотя онъ и презиралъ Андрея Пашкова не менѣе, чѣмъ другіе,

¹⁾ Подчеркнутое здѣсь было подчеркнуто и въ собственноручной резолюціи.

чрезвычайно встревожили какъ содержаніе резолюціи, такъ и ея форма, и въ немъ родилась мысль ѣхать къ государю съ просьбою о ея отмѣнѣ, что мнѣ удалось отклонить лишь съ большимъ трудомъ, главнѣйше тѣмъ доводомъ, что, при близкомъ его свойствѣ съ Пашковымъ, всякое возраженіе могло бы быть принято въ видѣ родственнаго ходатайства. Но тутъ предсталъ другой вопросъ: черезъ кого и въ какомъ порядкѣ объявить эту высочайшую волю Пашковымъ, и въ особенности Андрею, ибо должно было опасаться, что, если сдѣлать сіе, въ обыкновенномъ порядкѣ, черезъ Сенатъ, то онъ, по своимъ формамъ, напечатаетъ все въ общее свѣдѣніе, а это, можетъ быть, превзошло бы уже высочайшія намѣренія. Съ этимъ вопросомъ Васильчиковъ поѣхалъ къ государю послѣ засѣданія и получилъ повелѣніе: резолюцію всю прочесть непременно, въ первомъ собраніи Совѣта, въ общее услышаніе, и затѣмъ объявить ее Пашковымъ лично у себя, не публикуя черезъ Сенатъ, только изъ уваженія къ дворянскому сословію.

Въ бытность мою еще государственнымъ секретаремъ, осенью 1840-го года, я, по возвращеніи изъ заграничнаго отпуска, представлялся императору Николаю въ Царскомъ Селѣ. Во время этой аудіенціи, онъ замѣтилъ, между прочимъ, что составъ Государственнаго Совѣта очень одряхлѣлъ.

— Васильчиковъ—продолжалъ онъ—тоже все отъ меня оттягивается; но я настоятельно писалъ ему, чтобы онъ воротился (Васильчиковъ былъ тогда въ отпуску въ деревнѣ). Мнѣ рѣшительно не кѣмъ замѣстить его: князь Александръ Николаевичъ (Голицынъ), при всѣхъ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, никогда не былъ способенъ къ этой должности, а теперь еще болѣе, чѣмъ когда-нибудь опустился.

При исчисленіи членовъ Совѣта, уѣзжавшихъ (на лѣтнее время) и воротившихся, когда рѣчь коснулась князя Любецкаго, государь сказалъ:

— Этого я страшно боюсь; особенно теперь, въ отсутствіе Егора Францовича (Канкринъ), онъ совсѣмъ насъ загоняетъ!

Много также было говорено о подробностяхъ и послѣдствіяхъ моей поѣздки, а отъ этого рѣчь перешла къ общему взгляду на Европу:

— Скучно, государь—сказалъ я—за границею: меня измучила тоска по отчизнѣ, и я воротился мѣсяцемъ прежде срока отпуска.

— Это—отвѣчалъ онъ—обыкновенный результатъ того, когда выѣзжаютъ за границу люди нашихъ лѣтъ и нашихъ понятій; посмотришь, поразсудишь и убѣдишься, что если тамъ что и лучше, то у насъ оно выкупается другимъ словомъ: что наше несовершенство во многомъ лучше ихъ совершенства. Вообще, если мы и можемъ учиться у иностранцевъ чему-нибудь въ жизни вѣншей, то, конечно, уже не во внутренней,—я разумѣю семью, домъ, «home», какъ гово-

рять англичане, а тутъ неволю и потянетъ домой. Но молодежь можетъ думать и смотрѣть на вещи иначе, увлекаясь наружностію и живя тамъ болѣе на распахку. Много ли ты встрѣчалъ въ чужихъ краяхъ нашей молодежи?

— Чрезвычайно мало, государь, почти никого.

— Все еще слишкомъ много. И чему имъ тамъ учиться? Не говорю уже о Франціи: этотъ край виѣ всякихъ правилъ, потому что тамъ, по моему понятію, все еще продолжается революція 1789-го года. Но посмотри и на Англію: въ Лондонѣ выбираютъ теперь въ лордъ-меры человѣка, не только оглашеннаго своимъ строптивнымъ и безпокойнымъ нравомъ, не только отъявленнаго врага всякаго законнаго порядка, но и публично издѣвавшагося надъ всѣмъ, что должно быть священнымъ въ глазахъ порядочныхъ людей, называвшаго даже письменно свою королеву «восковою куклою». На Рейнѣ я не былъ 18 лѣтъ и долженъ сказать, по правдѣ, что теперь нашелъ тамъ перемѣну къ лучшему; по крайней мѣрѣ мѣсто минималиберальныхъ идей заступила у нихъ осторожная выжидательность, но и это не отъ убѣжденія, или чувства, а просто отъ страха, возбужденнаго въ нихъ примѣромъ. Они были ежедневными свидѣтелями тѣхъ бѣдствій, которыя накликала на себя Франція подъ вліяніемъ тамошняго безразсуднаго направленія умовъ и— въ-время остановились. Остается Австрія; но объ этой для меня задача даже то, какъ она можетъ идти и какъ совсѣмъ еще не развалилась! Монархъ безгласный; совѣтъ управленія, въ которомъ всѣ члены отъ сердца другъ друга ненавидятъ и готовы бы одинъ другаго разорвать, а во главѣ этого совѣта—эрцгерцогъ Людвикъ, человѣкъ можетъ быть умный и знающій, но безъ всякаго характера, безъ всякой воли—сухая баба. Къ тому же если и нѣтъ въ Австріи класса настоящихъ адвокатовъ, людей, по моему понятію, самыхъ вредныхъ и опасныхъ, то есть сильная бюрократія, которая минируетъ государство и ставитъ умы въ вѣчную борьбу съ правительствомъ.

Былъ также вопросъ, много ли мнѣ попадалось за границею поляковъ? Я отвѣчалъ, что изъ лицъ примѣчательныхъ видѣлъ только въ Краковѣ, на улицѣ, Хлопицкаго.

— Да—отвѣчалъ государь—я знаю, что онъ живетъ тамъ въ большомъ уединеніи и одиночествѣ;—но болѣе о немъ не распространялся.

Императрица въ 1840-мъ году проводила лѣто на Эмскихъ водахъ, куда ѣздила, для свиданія съ нею, и государь. Въ послѣднее время передъ его отъѣздомъ было много важныхъ дѣлъ по существовавшему въ то время особому комитету западныхъ губерній и, между ними одно, самое важное: о распространеніи на эти губерніи общихъ русскихъ законовъ, съ отмѣною дѣйствія Литовскаго статута и конституцій и со введеніемъ, въ производствѣ дѣлъ, повсемѣстно русскаго языка и рус-

скихъ формъ. Эта мысль, родившаяся первоначально отъ кievскаго генералъ-губернатора Бибикова, была схвачена и сильно поддержана государемъ, который собралъ даже комитетъ, по этому случаю, подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ. Князь Васильчиковъ, при обыкновенномъ горячемъ стремленіи къ благу Россіи въ томъ смыслѣ, какъ онъ его понималъ, съ своей стороны сильно сопротивлялся введенію этой мѣры, считая ее, во всѣхъ отношеніяхъ, скорѣе вредною, нежели полезною, особенно же потому, что ею должно было неизбежно еще болѣе возбудиться непріязненное противъ насъ расположеніе умовъ въ западныхъ губерніяхъ. Преданный государю и Россіи всѣми чувствами и помыслами, прямодушный, правдивый, настоящій рыцарь безъ страха и безъ упрека, онъ часто говаривалъ мнѣ, что идетъ всегда отъ того начала, что государь разсердится, покосится и—пройдетъ, но при тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ государь поставилъ къ себѣ его, Васильчикова, противно было бы его совѣсти, изъ видовъ сохраненія царской милости, жертвовать истинными выгодами Россіи. Слѣдуя тому же правилу и въ настоящемъ случаѣ, онъ простеръ свое сопротивленіе до самой крайней степени, и указъ 25-го іюня, распространившій на западныя губернія русскіе законы и русскій языкъ, былъ подписанъ при явной оппозиціи нашего предсѣдателя, послѣ разныхъ непріятныхъ объясненій и сценъ. Но и доблестный князь имѣлъ своихъ враговъ. Кромѣ слышаннаго лично отъ него самого, государю перенесено было и то, что онъ говорилъ и дѣлалъ въ комитетѣ, а все это въ совокупности не могло не возродить нѣкотораго огорченія, такъ что, когда въ это время пріѣхалъ сюда князь Варшавскій, то государь прямо жаловался ему на противодѣйствіе комитета его видамъ. Вскорѣ послѣ того, государь уѣхалъ, подъ этими впечатлѣніями, въ чужіе края. Въ слѣдъ за его отъѣздомъ, начали доходить въ Петербургъ самыя непріятныя вѣсти изъ внутри Россіи. Плодороднѣйшія наши губерніи были поражены губельнымъ, повсемѣстнымъ неурожаемъ, и печальное впечатлѣніе, произведенное симъ бѣдствіемъ, выразалось тѣмъ сильнѣе, что государь находился внѣ имперіи, слѣдственно, при несуществованіи въ то время телеграфовъ, рука помощи была далека. Васильчиковъ, видя необходимость въ немедленномъ принятіи хотя нѣкоторыхъ предварительныхъ мѣръ; почитая себя обязаннымъ къ тому по самому своему званію предсѣдателя двухъ верховныхъ установленій въ имперіи: Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ; наконецъ, разсчитывая, сколько прошло бы драгоценнаго, при такихъ обстоятельствахъ, времени, если бъ писать за границу и ждать оттуда отвѣта, рѣшился составить у себя чрезвычайное совѣщаніе изъ министровъ. Тутъ были положены на мѣру нѣкоторыя, нетерпѣвшія отлагательства распоряженія и, по приведеніи ихъ тотчасъ въ дѣйствіе, Васильчиковъ донесъ о всемъ томъ государю, съ изъясне-

ніемъ и причинъ, побудившихъ его къ такой рѣшительности. Въ этомъ, очевидно, сдѣланы были двѣ ошибки. Одна заключалась въ самой сей рѣшительности, которая, безъ особаго уполномочія, при всей чистотѣ побужденій, не могла быть угодна государю. Другая состояла въ томъ, что къ министерскому совѣщанію не былъ призванъ управлявшій въ то время, за отсутствіемъ Канкрина, министерствомъ финансовъ Вронченко, — тотъ самый, противъ назначенія котораго товарищемъ министра Васильчиковъ незадолго передъ тѣмъ такъ сильно протестовалъ. Первая ошибка могла показаться государю притязаніемъ непризванно устанавливать, въ его отсутствіе, нѣчто въ родѣ временнаго правительства; вторая должна была утвердить его въ мысли объ упорной оппозиціи, устранившей избраннаго имъ министра отъ составленнаго Васильчиковымъ совѣщанія только потому, что онъ не правился сему послѣднему. Какъ бы то ни было, но донесеніе долго не возвращалось, гораздо долѣе, чѣмъ слѣдовало при обыкновенномъ движеніи заграничныхъ сношеній съ государемъ. Наконецъ самъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и тогда только бумага была выслана обратно къ Васильчикову, съ сухою надписью, изъявлявшею единственно удивленіе, что въ сказанное совѣщаніе князь не пригласилъ Вронченко. Затѣмъ, не далѣе какъ на другой день, созваны были въ Царское Село всѣ министры, кромѣ Васильчикова, и тутъ же послѣдовало повелѣніе, изъявъ дѣла о продовольствіи постигнутыхъ неурожаемъ губерній изъ вѣдѣнія Комитета Министровъ, учредить для нихъ особый временный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ военнаго министра Чернышева. Такимъ образомъ, не только предварительныя распоряженія не получили прямого утвержденія; не только созывъ Васильчиковымъ министерскаго совѣщанія остался безъ одобренія; но и самъ онъ поставленъ былъ на будущее время внѣ всякаго дальнѣйшаго участія и вліянія по этому важному предмету, съ порученіемъ дѣла, мимо него, руководству и надзору другаго лица. Прошло нѣсколько дней, и Васильчикова не приглашали въ Петергофъ. Наступилъ и его обыкновенный докладный день, вторникъ; но тутъ самъ онъ уклонился подъ предлогомъ нужныхъ дѣлъ по Комитету Министровъ, собиравшемуся въ тотъ же день; вслѣдствіе чего послѣдовало ему приказаніе явиться въ четвергъ. Что именно происходило при этомъ свиданіи, осталось для всѣхъ неизвѣстнымъ; но домашніе князя рассказывали мнѣ (я былъ тогда еще за границею), что никогда не видали князя столь разстроеннымъ, какъ послѣ этой поѣздки; что онъ ни о чемъ другомъ не говорилъ, какъ объ отставкѣ и что хотя на слѣдующее воскресенье его позвали въ Царское Село обѣдать, однако онъ воротился немногимъ веселѣе и вслѣдъ за тѣмъ уѣхалъ въ деревню, въ обыкновенный свой осенній отпускъ. Все это было въ іюль, а во второй половинѣ октября, уже при мнѣ, князь

воротился изъ деревни. Приѣхавъ ночью, онъ тотчасъ на слѣдующее утро былъ приглашенъ въ Царское Село и оставленъ тамъ на весь день. Разсказъ его мнѣ объ этомъ свиданіи съ государемъ заключался въ слѣдующемъ. Недѣли за двѣ передъ тѣмъ онъ, изъ деревни, прислалъ государю письмо, въ которомъ прямо и откровенно просился въ отставку, какъ потерявшій его довѣріе ¹⁾. Въ отвѣтъ на это его потребовали непременно въ Петербургъ. Тема разговора, происходившаго въ Царскомъ Селѣ, состояла, со стороны Васильчикова, главнѣйше въ томъ, что распоряженія его могли показаться неугодными развѣ лишь по подозрѣнію въ нихъ какого-нибудь тайнаго замысла (регентства и проч.); но какъ сердце государево, конечно, неспособно, въ отношеніи его, Васильчикова, къ подобной мысли, то она и могла родиться единственно отъ постороннихъ злонамѣренныхъ внушеній. Государь отвѣчалъ, что никогда подобной мысли не имѣлъ, а слѣдственно и подозрѣніе въ какихъ-нибудь внушеніяхъ само собою отпадаетъ. Далѣе говорено было, что какъ дѣла о продовольствіи вѣдались прежде въ Комитетѣ Министровъ, подъ предсѣдательствомъ его, Васильчикова, а теперь отдѣлены въ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ другаго лица, то онъ заключаетъ, что служба его болѣе не нужна. На это отвѣтствовано было фактомъ: въ особомъ комитетѣ, гдѣ предсѣдательствовалъ дотошн. Чернышевъ, велѣно предсѣдательствовать—Васильчикову. Такъ окончилось это дѣло, и едва-ли отношенія между почтеннымъ старцемъ и императоромъ Николаемъ не сдѣлались съ тѣхъ поръ еще искреннѣе, еще тѣснѣе. Эти два благородныя сердца, неизмѣнно стремившіяся къ одной цѣли, вполне понимали другъ друга, и случайныя между ними неудобольствія имѣли всегда болѣе видъ—размолвки между двумя любовниками. Васильчиковъ видѣлъ въ Николаѣ тотъ идеалъ, то олицетвореніе монархическаго начала, которое въ то время считалъ столь нужнымъ и для Россіи и для Европы—и боготворилъ его. Николай любилъ и уважалъ Васильчикова какъ преданнаго друга, какъ благородную и возвышенную душу, какъ олицетвореніе праводушія, столько самому ему свойственнаго и—прощалъ своему другу его вспышки и напоминанія, зная, что они истекали единственно отъ желанія славы монарху и блага его державѣ. Вскорѣ послѣ этой минутной размолвки, графъ Киселевъ сказывалъ мнѣ, что былъ свидѣтелемъ, какъ государь, получивъ при немъ упомянутое выше письмо, въ которомъ Васильчиковъ просилъ объ отставкѣ, сокрушался о томъ и горевалъ, что недоразумѣніе можетъ подорвать основанія дружбы и пріязни, столько лѣтъ ихъ связывающей.

При нашемъ дворѣ издавна существовалъ, для парадныхъ выходовъ,

¹⁾ Къ этому, безъ сомнѣнія, относился слова государя мнѣ, что Васильчиковъ отъ него „оттагивается“.

особенный дамскій костюмъ, называвшійся русскимъ платьемъ, но въ сущности очень далекій отъ своего названія и составлявшій нѣчто среднее между нарядомъ польскимъ и татарскимъ. Въ царствованіе императора Николая этотъ костюмъ былъ болѣе сближенъ съ народнымъ и единообразенъ въ покроѣ и вышивкахъ, съ установленіемъ также одинаковой формы для кокошниковъ и поязковъ. Между тѣмъ на большомъ дворцовомъ балѣ 6-го декабря 1840 года нѣкоторыя дамы позволили себѣ отступить отъ этой формы и явились въ кокошникахъ, которые, вмѣсто бархата и золота, сдѣланы были изъ цвѣтовъ. Государь тотчасъ это замѣтилъ и приказалъ министру императорскаго двора князю Волконскому строго подтвердить, чтобы впредь не было допускаемо подобныхъ отступленій. Волконскій же, вмѣсто того чтобы ограничиться распоряженіемъ по двору, сообщилъ эту высочайшую волю къ исполненію с.-петербургскому военному генералъ-губернатору графу Эссену, никогда ни отличавшемуся ни особенною разсудительностію, ни высокимъ тактомъ. И что же вышло? Черезъ нѣсколько дней всѣ наши знатнѣйшія дамы и дѣвицы были перепуганы набѣгомъ квартальныхъ надзирателей, явившихся къ нимъ съ письменнымъ объявленіемъ помянутой высочайшей воли и съ требованіемъ, чтобы каждая изъ нихъ росписалась на томъ же самомъ листѣ въ прочтеніи сего объявленія! Государь, до котораго это, разумѣется, тотчасъ дошло, сначала очень посмѣялся надъ такимъ деликатнымъ распоряженіемъ полиціи, но потомъ не оставилъ сдѣлать строгое замѣчаніе и князю Волконскому, и графу Эссену.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

V¹).

1841 годъ.

Балетъ „Зефиръ и Флора“.—Дѣло Дубенскаго.—Переходная ступень къ образованію министерства государственныхъ имуществъ.—П. Д. Киселевъ.—Внутренность кабинета императора Николая I.—Любовная интрига въ большомъ свѣтѣ.—Н. Наз. Муравьевъ.—Двойной приговоръ крестьянину, произнесшему дерзкія выраженія противъ государя.—Балъ у графини Канкриной.—Кн. А. Н. Голицынъ.—Ночлегъ императора у динабургскаго коменданта Гельвига.—Нѣмецкая просьба.—Генералъ-адъютантъ Микулинъ.—Паденіе потолка Георгіевской залы.—Наслѣдникъ цесаревичъ правитель имперіи во время отъѣзда государя на маневры въ Ковно и Варшаву.—Императоръ Николай играетъ на домашнемъ театрѣ въ Гатчинѣ.—Большіе дворцовые балы.

19-го апрѣля былъ торжественный спектакль по случаю празднованія бракосочетанія государя наслѣдника. Давали давно забытый балетъ «Зефиръ и Флора», утомительный, скучный, съ устарѣлою музыкою, но назначенный на этотъ день именно по волѣ государя потому, что этотъ же самый балетъ давали, 24 года передъ симъ, при собственномъ его бракосочетаніи.

Государственные имуществъ, до учрежденія для управленія ими особаго обширнаго министерства, вѣдались въ одномъ небольшомъ департаментѣ, принадлежавшемъ къ общему составу министерства финансовъ. Начальникомъ этого департамента многіе годы, еще со временъ императора

¹) См. „Русскую Старину“ августъ 1899 г.

Александра, былъ сенаторъ Николай Порфиріевичъ Дубенскій, человѣкъ немногому учившійся, но съ чрезвычайно свѣтлымъ и вѣрнымъ взглядомъ на дѣла. Сверхъ того, служивъ до полковника въ армейскихъ полкахъ, съ которыми часто переходилъ съ одной стоянки на другую, и бывъ потомъ долго вице-губернаторомъ, губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ, онъ приобрѣлъ очень много опытности и зналъ Россію, какъ мало кто изъ тогдашнихъ нашихъ государственныхъ людей. Вообще если онъ и не былъ охотникомъ до нововведеній и рѣдко помышлялъ о томъ, чтобы отъ частнаго идти къ общему, т. е. отъ разрѣшенія текущихъ дѣлъ къ усовершенію законодательства и къ улучшенію самой части, то по крайней мѣрѣ со стороны критическаго ума, дѣятельности, распорядительности и желѣзной энергіи онъ имѣлъ мало соперниковъ. Но всѣ отличныя качества Дубенскаго помрачались его характеромъ. Холодный и надменный эгоистъ, неумолимый деспотъ въ кругу своихъ подчиненныхъ¹⁾, не только пользовавшійся вполне своею властію какъ строгій начальникъ, но и злоупотреблявшій ею для колкихъ и ядовитыхъ насмѣшекъ надъ тѣми изъ подчиненныхъ, которые имѣли несчастье ему не нравиться, онъ оставался вѣренъ той же самой язвительной насмѣшливости и въ отношеніи къ равнымъ, къ высшимъ себя, къ администраторамъ, къ правительству, даже къ священному лицу монарха. Острый и ѣдкій языкъ его никого не щадилъ, и если иногда Дубенскій расточалъ свои насмѣшки не прямо въ лицо, то всегда и предпочтительно передъ самыми приближенными къ тѣмъ, надъ которыми онъ издѣвался. Все это, естественно, навлекло ему безчисленное множество враговъ; а какъ къ прочимъ его свойствамъ присоединялись еще, собственно по службѣ, подъ видомъ охраны казенныхъ интересовъ, всевозможныя притѣсненія каждому, кто имѣлъ до него дѣло, самое грубое и жестокое обхожденіе, и наконецъ преднамѣренныя дѣйствія наперекоръ людямъ сильнымъ, чтобы доказать свою власть или свое безстрашіе: то я не зналъ никого, кромѣ развѣ, можетъ быть, графа Аракчеева, кто былъ бы вообще такъ ненавидимъ всѣми слоями публики. Даже непосредственный начальникъ Дубенскаго, графъ Канкринъ, который держалъ его и испрашивалъ ему частыя награды единственно по убѣжденію приносимой имъ пользы, внутренно его терпѣть не могъ. Отголоски этой публичной ненависти не могли не дойти и до престола, а тутъ къ порицаніямъ заслуженнымъ прибавились присоединиться и клевета.—Дубенскаго выставили въ глазахъ государя человекомъ, жертвующимъ государственными интересами для личныхъ сво-

¹⁾ Вѣстѣ съ департаментомъ имуществъ Дубенскій управлялъ долго и департаментомъ податей и сборовъ, гдѣ, бывъ при немъ три года начальникомъ отдѣленія, я имѣлъ случай подробно изучить этого чрезвычайно тяжелаго, но все-таки примѣчательнаго человѣка.

ихъ выгодъ, предателемъ благодѣтеля своего Канкрина, не имѣющимъ ничего святаго, осуждающимъ все, что дѣлаетъ правительство, даже противодѣйствующимъ его распоряженіямъ,—словомъ, въ самыхъ черныхъ краскахъ, и именно въ такихъ, которыя наиболѣе должны были взволновать благородную и возвышенную душу императора Николая. Пронски эти не остались тайною и для города. Стали говорить, что Дубенскаго отрѣшаютъ отъ должности, предають суду и пр. Небольшое число его доброжелателей совѣтовало ему, въ отвращеніе грозившей бури, добровольно оставить службу. Но полагаясь, вѣроятно, на чистоту служебныхъ своихъ дѣйствій, или по крайней мѣрѣ на огражденіе ихъ безукоризненнымъ формализмомъ, онъ смѣялся надъ всѣми благонамѣренными совѣтами и продолжалъ оставаться при своей должности.

Около этого времени, къ вѣщшей пагубѣ Дубенскаго, выступалъ у насъ на государственную сцену одинъ новый человѣкъ съ обаятельнымъ умомъ, съ необыкновеннымъ искусствомъ покорять себѣ людей, съ блестящими формами, человѣкъ, исполненный воображенія, кипучей жизни, дальновидныхъ государственныхъ замысловъ и отваги. Бывъ сперва начальникомъ штаба 2-ой арміи и потомъ, послѣ турецкой кампаніи 1828—29 годовъ, полномочнымъ правителемъ Молдавіи и Валахій, гдѣ память о немъ живетъ и донынѣ, Павелъ Дмитриевичъ Киселевъ, въ роли рядоваго члена Государственнаго Совѣта ¹⁾ не могъ находить достаточной пищи своей дѣятельности. Ему необходимъ былъ кругъ дѣйствія болѣе обширный, болѣе выпуклый, особенно такой, гдѣ, являсь исправителемъ старыхъ упущеній и вмѣстѣ вводителемъ новизны и улучшеній, онъ могъ бы стяжать себѣ блестящую славу. Управление государственныхъ имуществъ представляло для всего этого самое странное поле.

Какъ въ частной жизни бываютъ иногда лица, противъ которыхъ особенно устремляются злословіе и клевета, такъ и въ администраціи всегда есть части, которыя, по предубѣжденію ли, по обдуманному ли плану, или просто по привычкѣ, дѣлаются мѣтою какихъ-то особенныхъ, систематическихъ нападокъ. Къ числу такихъ общепорицаемыхъ частей у насъ издавна принадлежало управление казенными крестьянами, оброчными статьями и пр. Оно, дѣйствительно, шло худо, но едва-ли хуже нѣкоторыхъ другихъ частей: только видимость предмета и, такъ сказать, осязательность его для каждаго были причиною, что управление это оуждали болѣе всѣхъ прочихъ.

Еще при императорѣ Александрѣ, а потомъ и при его преемникѣ, неоднократно учреждаемы были высшіе комитеты для преобразованія

¹⁾ Онъ былъ возведенъ въ это званіе 6-го декабря 1834 года, въ одинъ день съ назначеніемъ меня государственнымъ секретаремъ.

этой части, но все, что ни придумывалось ими, встрѣчало противодѣйствіе и отъ Канкрина, по общей ненависти его ко всему, чего не самъ онъ былъ творцомъ, и отъ Дубенскаго, какъ врага, по системѣ, всякихъ нововведеній и немилосерднаго критика всѣхъ идей, заимствованныхъ изъ одной теоріи. При томъ предубѣжденіи и, можно сказать, нравственномъ презрѣніи, которое питалъ императоръ Николай къ Дубенскому, и при блестящихъ качествахъ Киселева, не трудно было внушить государю, съ одной стороны, что пока эта часть находится въ рукахъ у упорнаго Канкрина и его директора, до тѣхъ поръ нельзя ожидать ничего хорошаго, съ другой, что для кореннаго преобразованія и улучшенія необходимъ и способенъ одинъ только бывшій правитель княжествъ, который изъ царствовавшего тамъ хаоса успѣлъ, въ нѣсколько лѣтъ, создать образецъ порядка и благоустройства.

И вотъ насталъ роковой январь 1837 года.

Въ ночь съ 6-го на 7-е число Канкринъ разбудили указомъ, павшимъ на него и на массу людей, какъ снѣгъ на голову, но давно предвидѣннымъ людьми наблюдательными. Дѣла о государственныхъ имуществѣхъ были изъяты изъ министерства финансовъ; для завѣдыванія ими учреждено новое, V-е отдѣленіе въ составѣ Собственной Его Величества канцеляріи, по которому назначенъ докладчикомъ Киселевъ, а прежнимъ департаментомъ вѣлно управлять особому Временному Совѣту, за учрежденіемъ котораго Дубенскій пересталъ быть директоромъ, хотя указъ лично о немъ прошелъ молчаніемъ ¹⁾. Съ сей эпохи открылось уже прямое и гласное преслѣдованіе его. Сначала, подъ видомъ ревизіи дѣлъ департамента имуществъ, приступлено было къ обслѣдованію личныхъ дѣйствій бывшаго его директора. Это обслѣдованіе возложили на стараго подъячаго и отъявленнаго врага Дубенскаго, сенатора Болгарскаго, подъ благовиднымъ предлогомъ, что онъ нѣкогда самъ управлялъ тѣмъ же департаментомъ, и на генераль-адъютанта Деллингсгаузена, человѣка съ нѣкоторою военною репутаціею, но совершенно несвѣдущаго въ гражданской части ²⁾. Естественно, что такая ревизія, подъ вліяніемъ личной вражды и при стремленіи угодить предполагаемому свыше желанію, произведена была не только со всею строгостію и съ самою мелочною подробностію, нисходившею до порядка внесенія бумагъ въ реестры, переписки черновыхъ отпусковъ, скрѣпы ихъ и пр., но и со всевозможною придирчивостію. Обвиненія ревизоровъ съ перваго взгляда представлялись столько же странными, сколько, по боль-

¹⁾ Министерство государственныхъ имуществъ было образовано уже позже, въ концѣ года; но Киселевъ получилъ портфель, какъ уже упомянуто, съ самой минуты удаленія Дубенскаго.

²⁾ Позже Деллингсгаузенъ замѣстилъ князя Голицына, назначенный впоследствии статсъ-секретаремъ у принятія прошеній.

шей части, и несовмѣстными. По множеству статей были сдѣланы произвольные выводы отъ частныхъ къ общему, т. е. отъ безпорядковъ, усмотрѣнныхъ по нѣсколькимъ дѣламъ, выводилось заключеніе о бездѣйствіи, небреженіи или упущеніи департаментомъ своихъ обязанностей вообще. Сверхъ сего Дубенскому, и всегда только ему одному, вѣнялось въ вину и то, что по закону лежало прямо на обязанности его подчиненныхъ, и то, что дѣлалъ и предписывалъ министръ, и то, что было разрѣшено Сенатомъ, наконецъ даже такія упущенія и дѣйствія, которыя относились къ времени, предшествовавшему его управленію. Словомъ, бывшаго директора представили какимъ-то исключительнымъ лицомъ, на котораго одного должна была пасть отвѣтственность по цѣлой части, какъ будто бы не существовало ни надъ нимъ министра, ни подъ нимъ чиновъ департамента, и какъ будто бы онъ былъ не только самостоятельнымъ во всемъ распорядителемъ, но и контролеромъ дѣйствій своего начальника. Въ такомъ видѣ обвинительные пункты, возросшіе до 33-хъ статей, были, по высочайшей волѣ, предъявлены Дубенскому, и тутъ наступило для него новое, самое горькое уничтоженіе. Съ цѣлю извлеченія нужныхъ къ оправданію матеріаловъ, ему открыты были всѣ дѣла департамента, но не иначе, какъ въ самомъ департаментѣ. Такимъ образомъ сенатору, Александровскому кавалеру и прежнему самовластному и высокоумному начальнику, надлежало всякій день являться въ департаментъ, самому пріискивать всѣ нужныя для него свѣдѣнія и бумаги, дѣлать лично всѣ выписки и пр.; и все это въ глазахъ и посреди прежнихъ подчиненныхъ, которымъ не было уже надобности его беречь и которыхъ малоскываемыя глумленія такъ тяжело должны были язвить его самолюбіе...

Обвиненія ревизоровъ, вмѣстѣ съ оправданіями Дубенскаго, поступили въ 1-й департаментъ Сената. Здѣсь всѣ выведенныя первыми упущенія признаны были или такими, которыя, по связи ихъ съ мѣрами общими, не зависѣли отъ одного департамента имуществъ, или же такими, за которыя директоръ могъ бы подлежать развѣ лишь высканію административному. Только одинъ предметъ обвиненія: о пріобрѣтеніи Дубенскимъ отъ нѣкоторыхъ лицъ правъ на пожалованныя земли, показался довольно важнымъ, чтобы подвергнуть его судебному разбору. Вслѣдствіе того Дубенскій преданъ былъ суду въ V-мъ департаментѣ, съ объявленіемъ секретно высочайшей воли, чтобы, до окончанія суда, онъ не присутствовалъ въ Сенатѣ¹⁾.

V-й департаментъ, обвинявъ подсудимаго лишь по весьма немногимъ

¹⁾ Государь въ такой степени обращалъ вниманіе на это дѣло, что приказалъ доносить себѣ о ходѣ его каждыя двѣ недѣли. За всѣмъ тѣмъ оно пролежало въ V-мъ департаментѣ и въ министерствѣ юстиціи около года, а всего, отъ начала его до окончанія, длилось болѣе четырехъ лѣтъ.

статьямъ, заключилъ тѣмъ, чтобы считать его уволеннымъ отъ должности директора; но потомъ, на основаніи даннаго министромъ юстиціи (графомъ Панинымъ) предложенія, измѣнилъ свою резолюцію и хотя по десяти статьямъ совсѣмъ отвергнулъ обвиненія ревизоровъ, а по нѣкоторымъ другимъ нашелъ ихъ маловажными; однако, при общемъ соображеніи остальныхъ, призналъ Дубенскаго виновнымъ въ бездѣйствии власти, невниманіи къ государственнымъ пользамъ и употребленіи начальническаго вліянія для своекорыстныхъ видовъ. Затѣмъ, принявъ въ основаніе къ смягченію приговора недостатокъ средствъ бывшаго управленія столь обширнымъ вѣдомствомъ, исполненныя и предполагаемыя при Дубенскомъ въ послѣдніе годы улучшенія и наконецъ пятидесятилѣтнюю его службу, V-й департаментъ опредѣлялъ: считать его отрѣшеннымъ отъ должности директора, о чемъ, равно какъ и о винѣ его, публиковать повсемѣстно печатными указами. Графъ Панинъ, съ своей стороны, внося это дѣло въ Государственный Совѣтъ, прибавилъ, что, за силою такого приговора, онъ не считаетъ уже приличнымъ оставлять Дубенскаго и въ званіи сенатора.

Докладъ V-го департамента поступилъ въ Совѣтъ въ половинѣ марта; но огромность его (въ немъ было около 1.500 страницъ) не позволила изготавить дѣла къ слушанію прежде половины мая. Въ этотъ промежутокъ времени послѣдовало бракосочетаніе государя наслѣдника, сопровождавшееся изданіемъ милостиваго манифеста, котораго вліяніе должно было простираться и на участь настоящаго дѣла. Въ гражданскомъ департаментѣ Совѣта сталъ на стражу интересовъ Дубенскаго одинъ изъ немногихъ друзей его, Лонгиновъ, съ которымъ согласились три другіе члена: принцъ Петръ Ольденбургскій, Грейгъ и Оленинъ; но за то тѣмъ съ большою запальчивостію вооружился противъ Дубенскаго Бутурлинъ, который остался однако же одинъ. Между тѣмъ, какъ обвиненія ревизоровъ и V-го департамента, или, лучше сказать, министра юстиціи, котораго мнѣніе сенаторы приняли, были, въ наибольшей части статей, слишкомъ притязательны, чтобы согласиться съ ними безусловно, даже и при явномъ недоброжелательствѣ къ обвиняемому, то изъ числа 33-хъ статей по 31-й состоялось въ гражданскомъ департаментѣ единогласное заключеніе, которымъ Дубенскій или вполнѣ оправдывался, или извинялся разными обстоятельствами, и разномысліе произошло только по двумъ статьямъ. Одна касалась того, что въ представленіи Комитету министровъ объ отдачѣ въ частную аренду Онежскихъ лѣсопильныхъ заводовъ было умолчано о возраженіяхъ противъ сей мѣры мѣстнаго начальства, которыя, можетъ быть, дали бы другое направленіе дѣлу, представлявшему важный казенный интересъ. Бутурлинъ относилъ сіе къ винѣ Дубенскаго, а прочіе четыре члена оправдывали его тѣмъ, что отдача заводовъ приказана была собственноручною

резоллюціею министра, слѣдственно, Дубенскому, какъ исполнителю, нельзя было и представленіе Комитету изложить въ иномъ смыслѣ. Другая статья была гораздо важнѣе. Дубенскій скупилъ отъ разныхъ лицъ права на пожалованныя имъ земли (болѣе 18-ти тыс. десятинъ) и выбралъ сіи послѣднія въ такомъ участкѣ Оренбургской губерніи, который за восемь мѣсяцевъ передъ тѣмъ, предписаніемъ министра финансовъ, за скрѣпою самого его, Дубенскаго, велѣно было оставить для казенныхъ крестьянъ, съ запрещеніемъ раздачи въ частное владѣніе. При назначеніи сихъ земель Дубенскому, нѣкоторыя смежныя селенія изъявили желаніе оставить ихъ за собою; но ни это желаніе, ни послѣдующія просьбы и жалобы крестьянъ не были уважены министерствомъ. Наконецъ въ представленіи министра Сенату объ утвержденіи означенныхъ земель за Дубенскимъ сокрыты были какъ сіи просьбы и жалобы, такъ и предшешее запрещеніе раздавать тотъ участокъ въ частныя руки. Пятый департаментъ вывелъ изъ сего и Бутурлинъ воплѣ съ нимъ согласился, «что въ дѣйстви департамента государственныхъ имуществъ по выбору и отводу земель директору онаго Дубенскому обнаруживается преступленіе предѣловъ власти въ своекорыстныхъ видахъ, по которому Дубенскій не можетъ уже впредь имѣть довѣрія въ порученіи ему какого-либо государственнаго управленія». Но тутъ былъ и оборотъ медали. Дубенскій имѣлъ осторожность совершенно устранить себя отъ управленія департаментомъ по всему производству этого дѣла и, всегда и вездѣ, являлся и дѣйствовалъ въ немъ какъ постороннее частное лицо; онъ подавалъ только просьбы, а всѣ распоряженія исходили отъ министра, за скрѣпою вице-директора (Энегольма). Слѣдственно, по строгости, Дубенскій могъ, въ качествѣ частнаго лица, просить и беззаконнаго, т. е. отвода ему такихъ земель, которыя за 8 мѣсяцевъ, прежде, при участіи его въ качествѣ директора, запрещено было раздавать въ частное владѣніе, а дѣло уже министра или департамента было въ томъ отказъ, какъ равно и включить въ представленіе Сенату тѣ обстоятельства, которыхъ пропускъ вмѣненъ былъ послѣ въ вину, безъ всякаго основанія, самому Дубенскому. Выведа подробно всѣ сіи обстоятельства въ своемъ мнѣніи и присовокупивъ еще, что преступленіемъ и проступкомъ законъ велитъ считать только то, что запрещено имъ подъ страхомъ наказанія, а покупка правъ на пожалованныя земли нигдѣ директору департамента имуществъ не возбранена, четыре члена признали Дубенскаго по сей статьѣ невиннымъ. Къ этому мнѣнію принцъ Ольденбургскій приписалъ еще, въ черновомъ проектѣ, собственноручно: «Хотя же Дубенскому и надлежало бы отклонить отъ себя малѣйшую даже тѣнь подозрѣнія; но за намѣренія онъ можетъ подлежать одному суду совѣсти и суду Божию; судъ же человѣческій тре-

буетъ доказательствъ юридическихъ, формальныхъ, а Дубенскій по сей статьѣ всѣ формы соблюдены».

Когда дѣло, съ такимъ разногласіемъ, перешло въ общее собраніе Государственнаго Совѣта, враги подсудимаго и вообще тѣ, которыхъ интересовалъ исходъ суда надъ нимъ, начали усердно дѣйствовать противъ него. Предсѣдатель Совѣта князь Васильчиковъ лично совѣтъ не зналъ Дубенскаго, а по репутаціи зналъ его тоже очень мало, но тѣмъ болѣе знали нравственную сторону характера самого Васильчикова искавшіе предрасположить его. Дубенскій былъ выставленъ въ его глазахъ своекорыстнымъ человѣкомъ, который пожертвовалъ для своихъ выгодъ казеннымъ интересомъ, а потомъ умылъ себѣ руки, сложивъ всю вину на министра, всегдашняго его благодѣтеля, и на вице-директора, который былъ единственно слѣпымъ и раболѣпнымъ его орудіемъ. Этого довольно было, чтобы вооружить все праводушіе князя и, при первомъ моемъ съ нимъ объясненіи, я увидѣлъ, что Дубенскій—потерянъ: ибо именно въ этомъ дѣлѣ, по направленію сужденій въ ту или другую сторону, личный взглядъ предсѣдателя былъ особенно важенъ. Такъ и случилось. До засѣданія нѣкоторые изъ членовъ, въ частныхъ разговорахъ, очевидно, склонялись въ пользу подсудимаго; но ихъ испугали «соболезнованіями о его судьбѣ», говоря, что государь крайне противъ него разгнѣванъ и, какое ни послѣдовало бы заключеніе въ Совѣтѣ, непременно его осудить. Графъ Канкринъ въ то время былъ за границею, а управляющій за него министерствомъ Вронченко въ засѣданіе не явился, подъ предлогомъ нездоровья, но безъ сомнѣнія избѣгая необходимости или осудить прежняго товарища (оба долго вмѣстѣ были директорами) или коснуться дѣйствій своего министра. Киселевъ также не пріѣхалъ, бывъ въ то утро съ докладомъ у государя. Затѣмъ въ самомъ засѣданіи (9-го іюня), едва прочли дѣло, предсѣдатель, вопреки своему обыкновенію и даже, нѣкоторымъ образомъ, вопреки если не законамъ, то преданіямъ Совѣта, первый началъ говорить.

— Всѣмъ,—сказалъ онъ,—довольно, я думаю, извѣстно, что не въ моихъ правилахъ кого-либо утѣснять; но въ настоящемъ случаѣ мнѣ кажется долгомъ cadaго вѣрноподданнаго, тѣмъ еще болѣе cadaго изъ насъ, сказать государю правду, а по моему глубокому убѣжденію она состоитъ въ томъ, что сенаторъ—помните законъ: «честность должна быть его дружбою»—что сенаторъ, который наложилъ на себя пятно даже въ своихъ намѣреніяхъ, хотя бы по дѣйствіямъ оградилъ себя формою, не можетъ уже болѣе оставаться въ этомъ званіи. Сверхъ того я предлагаю Совѣту другой еще вопросъ: должны ли неправильно отданныя г. Дубенскому земли, если онѣ окажутся нужными для казны, оставаться его собственностію?

Разумѣется, что первая апострофа князя увлекла и тѣхъ чле-

новъ, которые могли еще втайнѣ благоволить къ подсудимому. Въ томъ же смыслѣ начали тотчасъ говорить графъ Панинъ, Бутурлинъ и графъ Блудовъ; четыре члена гражданского департамента защищались слабо, и общимъ результатомъ при отобраніи, наконецъ, голосовъ было, что при высказанномъ въ департаментѣ мнѣніи остались они одни, а всѣ остальные 19 членовъ заключили: Дубенскаго, освободивъ отъ наказанія единственно силою манифеста, уволить отъ званія директора ⁴⁾. Относительно же предложеннаго Васильчиковымъ втораго вопроса сіи 19 членовъ рассуждали, что, въ смыслѣ юридическомъ, вопросъ сей не могъ быть разрѣшенъ иначе, какъ отрицательно, за непростетіемъ еще законной давности отъ утвержденія земель за Дубенскимъ; но въ смыслѣ административномъ необходимо предусмотрѣть и охранить здѣсь и другіе еще предметы, именно: возможность и удобство выселенія тѣхъ крестьянъ, которые могли быть водворены тамъ Дубенскимъ; дѣйствительную надобность въ этихъ земляхъ для казенныхъ крестьянъ, или для другихъ потребностей казны наконецъ и слѣдующее Дубенскому вознагражденіе, такъ какъ самага права на отводъ земель въ томъ или другомъ мѣстѣ, основаннаго на законной покупкѣ, отнять у него нельзя. Вслѣдствіе того положено было поручить министру государственныхъ имуществъ, собравъ о всемъ этомъ ближайшія свѣдѣнія, войти съ особымъ представленіемъ въ Комитетъ министровъ.

Мнѣніе 19-ти членовъ было утверждено государемъ безусловно. Извергнутый, такимъ образомъ, изъ службы Дубенскій, и въ то время уже весьма престарѣлый, прожилъ, однако, еще нѣсколько лѣтъ, не выѣзжая изъ Петербурга, гдѣ у него былъ собственный домъ, у Таврическаго сада. Изъ этого дома, почти за 30 лѣтъ передъ тѣмъ, и именно въ мартѣ 1812 года, ночью, тайно отъ всѣхъ, полицейскій офицеръ вывезъ Сперанскаго, въ кибиткѣ, въ нижегородское заточеніе. Здѣсь же, спустя 10 лѣтъ, въ 1851 году случилось самоубійство товарища министра внутреннихъ дѣлъ Сениявина...

Сыновья Дубенскаго служили съ отличіемъ въ военной службѣ, и одинъ изъ нихъ, уже генералъ, палъ славною смертію отъ раны, полученной имъ въ 1854 году, при переправѣ черезъ Дунай у Браилова.

⁴⁾ Замѣчательно одно въ этомъ рѣшеніи: что не было заключено ни потребовать объясненія отъ министра финансовъ, какимъ образомъ онъ могъ отдать Дубенскому такой участокъ земли, который самъ, 8 мѣсяцевъ передъ тѣмъ, запретилъ обращать въ частное владѣніе, ни отъ вице-директора о томъ, почему допущены были имъ всѣ умолчанія и отступленія, давшія дѣлу о семъ участкѣ незаконное направленіе. Въ естественномъ негодованіи Совѣта противъ главнаго виновнаго, который, для достиженія своихъ цѣлей, употребилъ во зло нравственное свое вліяніе надъ подчиненными ему лицами, все относящееся не къ нему лично было оставлено безъ вниманія или обойдено

Императоръ Николай только въ самыя послѣдніе годы своей жизни переселился въ тотъ маленькій кабинетъ (въ Зимнемъ дворцѣ), гдѣ предопредѣлено ему было окончить свои дни смертію праведника. Преступный его кабинетъ былъ въ самомъ верхнемъ этажѣ надъ этимъ маленькимъ, окнами къ Адмиралтейству. При засѣданіи въ 1841 году одного изъ собиравшихся у государя комитетовъ, въ которомъ и я участвовалъ въ качествѣ производителя дѣлъ, я успѣлъ, во время продолжительнаго, имъ самимъ, чтенія извѣстныхъ уже мнѣ бумагъ, подробно высмотрѣть эту «мастерскую вѣчнаго работника на тронѣ», къ чему болѣе имѣлъ удобства въ этотъ разъ, нежели въ другіе, когда я призывался предъ государя одинъ. Немедленно по возвращеніи изъ комитета домой, я бросилъ на бумагу изображеніе этого кабинета, и вотъ какъ оно вылилось у меня тогда изъ-подъ пера. Вокругъ всей комнаты идутъ полушкафы, на которыхъ лежатъ книги и портфели. По срединѣ ея два огромныхъ письменныхъ стола, въ параллельномъ направленіи; третій поперегъ комнаты, съ приставленнымъ къ одной оконечности его пюпитромъ ¹⁾. Въ цѣломъ—порядокъ удивительный: ничего не нагромождено, не валяется; всякая вещь кажется на своемъ мѣстѣ. Засѣданіе комитета было вечеромъ, и на ближайшемъ ко входной двери столѣ, на которомъ хозяинъ обыкновенно работаетъ, лежало нѣсколько невскрытыхъ пакетовъ, вѣроятно только-что присланныхъ, потому что императоръ Николай никогда не ложился, не вскрывъ всего имъ полученнаго. Во всей комнатѣ только два, но огромныхъ, какъ ворота, окна и въ простѣвкѣ между ними большіе малахитовые часы съ такимъ же циферблатомъ. Вся безъ изъятія мебель, стулья и кресла, корельской березы, обитая зеленымъ сафьяномъ; одинъ только диванъ и ни одного вольтера. Поданные на столъ, у котораго мы сидѣли, подсвѣчники были серебряные, самыя низенькіе, въ формѣ подушечекъ, и сверхъ того на полушкафахъ стояли двѣ обыкновенныя столовыя лампы; небольшая бронзовая люстра не была зажжена. На каминѣхъ и на столахъ разставлены восковыя и гипсовыя ²⁾ статуэтки солдатиковъ въ полной формѣ, а на одномъ изъ полушкафовъ четыре такія же фигурки, побольше, подъ стеклянными колпаками. На продольной стѣнѣ, противъ входа, огромная картина Ладюрнера, изображающая парадъ на Царицыномъ лугу; на противоположной стѣнѣ картина, такого же размѣра, Крюгера, представляющая парадъ въ Берлинѣ. Затѣмъ на поперечной стѣнѣ, тоже между двумя большими картинами, которыхъ я не могъ хорошенько разглядѣть ³⁾, грудной портретъ Петра Вели-

¹⁾ Императоръ Александръ II, читавшій эти записки, дѣлалъ на поляхъ свои замѣчанія, которыя и приводятся здѣсь въ выводахъ.—Передъ словомъ „пюпитромъ“ онъ написалъ „бюро“.

²⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „свинцовыя раскрашенныя“.

³⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Полтавскаго сраженія“.

каго, а подъ нимъ и вокругъ него, на уступахъ двухъ каминовъ и на письменныхъ столахъ, также множество портретовъ, большихъ и миниатюрныхъ, бюстовъ и бюстиковъ членовъ нашего, прусскаго и нидерландскаго царственныхъ домовъ, живыхъ и умершихъ. Одного только нѣтъ, или по крайней мѣрѣ при всѣхъ поискахъ я не могъ найти, — изображенія Екатерины II. Извѣстно, что императоръ Николай, для котораго душевная чистота была высшимъ изъ всѣхъ качествъ, никогда не принадлежалъ къ числу ея почитателей и нисколько не таилъ своей неприязни къ ея памяти.

Одинъ молодой человекъ изъ высшаго общества давно уже состоялъ на замѣчаніи тайной полиціи по либеральнымъ своимъ идеямъ; но долгое время были въ виду именно все одні только идеи, а не факты, за которые можно было бы ухватиться. Наконецъ слѣдалось извѣстнымъ, что онъ имѣетъ любовную связь съ одною замужнею дамою, принадлежавшею также къ высшему обществу, и что кромѣ свиданій между ними есть и постоянная переписка. Черезъ подкупленную прислугу эта переписка вскорѣ перешла въ руки тайной полиціи. Сначала были все только идилліи; но въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ болтливый любовникъ, рассказывая, какъ все ему наскучило, какъ онъ недоволенъ правительствомъ, какъ все у насъ худо идетъ, какъ необходима перемена, между разными вздорными патріотическими возгласами объявлялъ прямо, что, жертвуя собою для пользы общей, онъ рѣшается убить государя. Разумѣется, что послѣ такого открытія вся переписка представлена была на высочайшее воззрѣніе. Государь отвѣчалъ графу Бенкендорфу: «возврати этому молодцу его письма и скажи ему, что я ихъ читалъ, да вразуми его, моимъ именемъ, что когда имѣешь любовную связь съ порядочною женщиною, то надо тщательно оберегать ея честь и не давать валяться ея и своимъ письмамъ»¹⁾. Неужели же этимъ все и кончилось? Именно этимъ однимъ —

Николай Назарьевичъ Муравьевъ, пользовавшійся, въ званіи новгородскаго губернатора, особеннымъ расположеніемъ графа Аракчеева, былъ потомъ назначенъ статсъ-секретаремъ въ состоявшую подъ управленіемъ графа Собственнаго Его Величества канцелярію и остался въ этой должности и по вступленіи на престолъ императора Николая, но уже безъ посредствовавшей между нимъ и государемъ власти. Но въ 1831 году, возвратясь изъ даннаго ему отпуска, онъ повѣстилъ всѣхъ о вступленіи своемъ снова въ должность, безъ спроса на то предварительнаго высочайшаго соизволенія. Это отступленіе отъ того общаго порядка, по которому всякій подчиненный, послѣ отпуска, всту-

¹⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Никогда объ этомъ не слыхалъ“.

пасть въ прежнія свои обязанности не иначе, какъ съ разрѣшенія своего начальства, прогнѣвало государя и—Муравьевъ былъ смѣненъ Татищевымъ. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ безъ службы, въ своемъ селѣ Покровскомъ, недалеко отъ Петербурга, по Шлиссельбургской дорогѣ, и оттуда не переставалъ громить публику разными философическими трактатами, подъ названіемъ его «Досуговъ», публикаціями о своихъ хозяйственныхъ изобрѣтеніяхъ и усовершенствованіяхъ, о «ржи муравьевкѣ», колоссальномъ картофелѣ, исполинской капустѣ, и пр.; наконецъ самого государя—диссертаціями и утопіями по разнымъ частямъ государственнаго управленія. Во всемъ этомъ, съ притязаніемъ на глубокую мыслительность появлялись всегда—однѣ высокопарныя нелѣпости, выраженные самымъ дикимъ и неуклюжимъ языкомъ. «Досуги» Муравьева, не менѣе чѣмъ и хозяйственныя объявленія, смѣсь безвкусія, какихъ-то, почти ребяческихъ полумыслей и, при крайней самоувѣренности, отсутствіе всякаго такта, морили публику со смѣха. При всемъ томъ императоръ Николай, снисходя къ «коньку» старика, не запрещалъ ему писать къ себѣ обо всемъ, что приходило ему въ голову: хотя потомъ написанный имъ вздоръ оставлялъ безъ вниманія или изрѣдка сообщалъ кому-либо изъ приближенныхъ, чтобы вмѣстѣ посмѣяться. Такъ однажды, въ 1841 году, государь вручилъ князю Васильчикову полученное отъ бывшаго своего статсъ-секретаря новое произведение, съ приказаніемъ, въ шутку, передать его мнѣ, въ образецъ слога для государственныхъ бумагъ. Одно вычурное заглавіе показывало уже достаточно направленіе и содержаніе сочиненія. Оно было названо: «Созерцаніемъ будущаго распространенія русскихъ народностей» и начиналось такъ: «Нынѣшнее отдѣленіе народа русскаго, посвящающее себя службѣ царской, родовое дворянство, хотя и расплождается, но не въ той степени, какъ народъ русскій. А состояніемъ своимъ оно рѣшительно упадетъ; смышленіемъ же, язычествуя, очевидно попячивается къ смышленію народа, смышленію, быстро впередъ подвигающемуся: для этого не нужно болѣе русской грамоты и счета, или природнаго смышленія слушать того, кто ее читаетъ». Въ такомъ же родѣ продолжалось все и далѣе, точно сонный бредъ спящаго. Тутъ шла рѣчь и о конституціи, и о желѣзныхъ дорогахъ, и о томъ, что новые законы дурны, и о старикѣ, «всесторонне надломленномъ порывами вихрей его жизни», и объ окружающихъ государя «льстивыхъ и одностороннихъ должностяхъ», и о «чуждыхъ водакахъ», и хотя сочинитель заключалъ произведеніе свое «искреннимъ желаніемъ, чтобъ подобные листы письменъ его сохранились въ его неотдаленное потомство, дабы прахъ его былъ въ немъ покоенъ», однако, при всемъ этомъ наборѣ словъ, никакой человѣческій умъ не могъ бы понять цѣли бумаги и вообще того, что мерещилось при ея изложеніи «всесторонне надломленному старику». А между тѣмъ, императоръ На-

колай имѣлъ терпѣніе пробѣгать такіе «листы письменъ», или по крайней мѣрѣ не запрещалъ автору утруждать его ими подѣ страхомъ заключенія въ домъ умалишенныхъ!

Въ концѣ 1841-го года въ Государственномъ Совѣтѣ разсматривался докладъ Сената объ одномъ крестьянинѣ, который, въ пьяномъ видѣ, произнесъ дерзкія выраженія противъ государя. Сенатъ, присудивъ его къ ссылкѣ въ каторжную работу, представилъ вмѣстѣ съ тѣмъ о помилованіи, т. е. о замѣнѣ каторги, въ уваженіе къ невѣжеству и пьяному состоянію преступника, ссылкой на поселеніе. Государственный Совѣтъ нашелъ, что въ преступленіяхъ такой важности и Сенату и самому Совѣту слѣдуетъ присуждать наказаніе по всей строгости законовъ, а смягченіе можетъ зависѣть единственно отъ монаршаго милосердія; почему, съ прописаніемъ впрочемъ и всѣхъ этихъ разсужденій, представилъ заключеніе о ссылкѣ того крестьянина въ каторгу. По дѣламъ подобнаго рода, когда не было стеченія другихъ еще преступленій, императоръ Николай обыкновенно и, можно сказать, всегда даровывалъ виновнымъ совершенное прощеніе; но на этотъ разъ меморія, противъ общаго членія, возвратилась съ безусловнымъ утвержденіемъ, которое и было объявлено Совѣту въ присутствіи наслѣдника цесаревича ¹⁾. Въ слѣдующее, однако, засѣданіе его высочество возвѣстилъ мнѣ волю государя, чтобы исполненіе по этому дѣлу остановить и представить его вновь, для прощенія осужденнаго. Вечеромъ, на балѣ у графа Воронцова, государь, увидѣвъ меня, лично подтвердилъ мнѣ то же самое приказаніе, прибавивъ, «что не понимаетъ, какъ это дѣло могло у него проскочить». Такимъ образомъ уже на самыхъ первыхъ порахъ обнаружились благотворныя послѣдствія присутствія наслѣдника въ Совѣтѣ.

Графъ Канкринъ имѣлъ системою почти ежегодно страшать всѣхъ оставленіемъ имъ министерства, особенно пока трудно было предполагать, чтобы назначеннаго ему въ товарищи Вронченко сочли способнымъ и достойнымъ занять его мѣсто. Въ концѣ 1841 года я какъ-то заѣхалъ къ графу, и тутъ онъ торжественно увѣрялъ меня, что ничѣмъ уже не убѣдятъ его остаться министромъ; что здоровье его совершенно разстроено, но что еще болѣе побуждаютъ его бросить службу общіе противъ него нападки, происки враждебной партіи, интриги его непріятелей и пр.; что онъ уже купилъ себѣ домъ (графа Кушелева на Дворцовой набережной), чтобы жить въ немъ частнымъ человѣкомъ; что, при увольненіи, не будетъ просить ни пенсіи, ни другой награды, а

¹⁾ Его высочество пожалованъ былъ въ члены Государственного Совѣта, собственнымъ указомъ августѣйшаго его родителя, 16-го апрѣля 1841 года, въ день его бракосочетанія, но не утромъ, а поудно вечеромъ, такъ что это пожалованіе можно было считать какъ бы относившимся къ слѣдующему уже числу—дню рожденія его высочества.

хочетъ просто покоя, и тому подобное. II дѣйствительно, онъ послалъ просьбу объ отставкѣ; но государь сперва лично къ нему пріѣхалъ, а потомъ прислалъ — по выраженію графа Орлова — «любовное» письмо и — старикъ остался, даже болѣе чѣмъ остался: онъ объявилъ гласно своимъ приближеннымъ, что, послѣ всего сказаннаго и написаннаго ему государемъ, считаетъ обязанностію служить до послѣдняго его дыханія. Впрочемъ, по увѣренію тѣхъ же приближенныхъ, истинною причиною прежней его рѣшимости оставить службу были не столько приведенныя имъ мнѣ обстоятельства, сколько огорченное тщеславіе его жены: она давно уже оскорблялась, что ее не жалуютъ въ статсъ-дамы, чего, однако же, она не удостоилась и до конца своихъ дней. Графиня Екатерина Захарьевна (урожденная Муравьева, дочь эконома въ Смольномъ монастырѣ) была женщина добрая, но вѣтренная и не всегда осторожная на языкъ, и императоръ никогда ея не жаловалъ. За нѣсколько передъ тѣмъ лѣтъ графъ давалъ большой балъ и, когда государя спросили, будетъ ли онъ тамъ?

— Помилуйте, — отвѣчалъ онъ, — да развѣ вы не знаете, что графиня терпѣть меня не можетъ: она, пожалуй, выгонитъ меня изъ дому.

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, хотя и не пользовался особенно высокимъ мнѣніемъ императора Николая относительно государственныхъ его достоинствъ, однако же всегда былъ чрезвычайно имъ любимъ и уважаемъ, какъ одинъ изъ приближеннѣйшихъ людей къ Александру I-му, какъ чрезвычайно добрый, можно даже сказать добродѣтельный человекъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ необыкновенно пріятный собесѣдникъ, обладавшій неистощимымъ запасомъ воспоминаній и анекдотовъ о старинѣ. Полнота довѣрія къ нему выражалась, между прочимъ, и тѣмъ, что, при многочисленныхъ развѣздахъ государя и императрицы, Голицынъ всегда, и въ дѣтствѣ и въ первой молодости государя и наслѣдника, оставался главнымъ его пѣстуномъ и блюстителемъ надъ его воспитаніемъ и воспитателями ¹⁾. Вслѣдствіе этого государь избралъ день бракосочетанія наслѣдника, чтобы ознаменовать свое благоволеніе къ Голицыну особенною милостію. Въ такую минуту, когда мы не имѣли ни одного дѣйствительнаго тайнаго совѣтника 1-го класса, онъ былъ возведенъ въ этотъ чинъ, обойдя 13-тъ старшихъ (считая въ томъ числѣ и военныхъ генераловъ), и при томъ не обыкновеннымъ, а написаннымъ, отъ начала до конца, собственною рукою государя указомъ. Этотъ драгоценный знакъ внимательности глубоко растрогалъ старика:

— Я полагалъ, — говорилъ онъ, — что для меня уже не можетъ быть никакой награды (дѣйствительно, онъ уже имѣлъ и всѣ ордена и государевъ портретъ), а государь не только придумалъ ее, да и исполнилъ

¹⁾ Впослѣдствіи то же самое было въ отношеніи и къ прочимъ дѣтямъ царскимъ.

еще такимъ образомъ, что одно уже это исполненіе превыше всякой награды! ¹⁾).

Это мнѣ припоминаетъ, что въ 1837 году, при посѣщеніи императоромъ Николаемъ, съ нѣкоторыми изъ членовъ царственной его семьи, южнаго берега Крыма, они были и въ Гаспрѣ, замѣкъ князя. Подъ находившимся тамъ его портретомъ государь подписался собственноручно такъ:

«Радъ видѣть портретъ; но оригинала здѣсь видѣть никогда не желаю: ибо кого душевно любишь, съ тѣмъ не расстаешься вѣчно; не такъ ли?

Николай».

Гаспра, 18-го сентября 1837.

Тутъ же приписались: «Александра ²⁾ Согласна».

«Александръ ³⁾ 18 сентября 1837».

«Елена ⁴⁾ 18 сентября».

«Марія» ⁵⁾).

Динабургскій комендантъ, генералъ-лейтенантъ Гельвицъ, былъ заслуженный, опытный и вообще отличный инженерный офицеръ, но съ тѣмъ вмѣстѣ большой взяточникъ, чтò едва-ли не дошло, подъ рукой, и до императора Николая, впрочемъ очень его жаловавшаго. Другимъ, также извѣстнымъ свойствомъ Гельвица было чрезвычайное его отвращеніе къ женскому полу. Въ проѣздъ государя ⁶⁾ въ 1841 году ⁷⁾, вмѣстѣ съ императрицею и бывшею тогда еще великою княжною Ольгою Николаевною ⁸⁾, черезъ Динабургъ, помѣщеніе для нихъ отведено было въ комендантскомъ домѣ, какъ лучшемъ въ цѣломъ городѣ. Приѣхавъ туда, государь, съ свойственнымъ ему, когда хотѣлъ, строгимъ выраженіемъ лица, объявилъ Гельвицу, что имѣетъ переговорить съ нимъ наединѣ и, отведя его въ особую комнату, вдругъ спросилъ его, тоже очень строгимъ тономъ:

— Гельвицъ, я долженъ сдѣлать тебѣ вопросъ по совѣсти; но дай честное слово, руку на сердцѣ, что отвѣтишь сущую правду?

¹⁾ Князь Голицынъ, послѣ этого пожалованія, завелъ себѣ новыя визитныя карточки, которыя показались всѣмъ немножко вычурными. На нихъ напечатано было, безъ фамиліи просто: „дѣйствительный тайный совѣтникъ 1-го класса“. Правда, что онъ въ то время былъ одинъ въ этомъ чинѣ, но все же титулъ его былъ не должностію, а только чиномъ.

²⁾ Государыня императрица.

³⁾ Наслѣдникъ цесаревичъ.

⁴⁾ Великая княгиня Елена Павловна.

⁵⁾ Великая княгиня Марія Николаевна.

⁶⁾ Императоръ Александръ II прибавилъ: „Съ государемъ наслѣдникомъ“.

⁷⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: „въ 1840 году“.

⁸⁾ Императоръ Александръ II прибавилъ: „И невѣстою государя наслѣдника принцессою Марією гессенскою“.

Можно себя представить, что «на ворѣ шапка загорѣлась», и что онъ, между жизнью и смертію, ожидалъ грознаго допроса и потомъ приговора за обнаруженное свое лихоимство. Но, послѣ минутнаго молчанія, государь продолжалъ:

— Правда ли, что ты ненавидишь женщинъ?

— Во всякомъ правилѣ есть изъятіе,—пролепеталъ ожившій Гельвингъ,—и ваше величество, конечно, не изволите подумать... ¹⁾

— Ну, извини же, что я навязалъ тебѣ жену и дочь; когда онѣ выйдутъ, ты можешь обмыть и обкурить свой домъ, чтобы и духу ихъ не осталось.

Курляндскій помѣщикъ, отставной подполковникъ Фитингофъ вознамѣрился, при проѣздѣ государя черезъ Динабургъ, подать просьбу по тяжбному своему дѣлу и, выбравъ для того минуту, когда государь выходилъ изъ церкви, упалъ передъ нимъ на колѣни, держа бумагу въ рукахъ. Государь съ гнѣвомъ приказалъ ему подняться.

— Развѣ вы не знаете, сударь, что на колѣни становятся только передъ Богомъ!

Между тѣмъ онъ развернулъ, однако, поданную просьбу, но еще болѣе разгнѣвался, увидавъ, что она написана по-нѣмцки.

— Стыдитесь, сударь, дослужившись въ русской службѣ до подполковничьяго чина, не знать довольно русскаго языка, чтобы подавать нѣмецкую просьбу.

— Но, ваше величество, по нашимъ курляндскимъ правамъ...

— А по нашимъ русскимъ правамъ за такія вещи сажаютъ на гауптвахту, куда я прошу васъ сейчасъ отправиться.

Дѣло въ томъ, что хотя дѣйствительно Курляндія пользовалась правомъ употреблять въ судопроизводствѣ нѣмецкій языкъ, однако едва-ли могло быть что-нибудь нелѣпѣе, какъ примѣнить такое право къ просьбѣ, подаваемой монарху русскимъ офицеромъ, и гнѣвъ государя, при столь вздорномъ отвѣтѣ на его замѣчаніе, былъ совершенно естественъ. Впрочемъ Фитингофъ просидѣлъ на гауптвахтѣ не болѣе часа.

Въ іюлѣ умеръ генералъ-адъютантъ Микулинъ, еще въ цвѣтѣ лѣтъ. Человѣкъ желчный и съ самымъ тревожнымъ самолюбіемъ, онъ командовалъ, при событіяхъ 14-го декабря 1825 года, 1-мъ баталіономъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, потомъ былъ долгое время командиромъ этого полка и наконецъ выдвинулся нѣсколько впередъ по участію своему въ усмирении безпокойствъ, возникшихъ въ 1830 году, во время холеры, въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ. Немногимъ кому

¹⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „онъ отвѣчалъ по-французски: *Sir c'est une calmie, вмѣсто calomnie*“.

извѣстно, что онъ былъ нѣкогда невольною причиною переменъ въ нашихъ орденскихъ постановленіяхъ. По присоединеніи ордена св. Станислава къ русскимъ, кавалеры 1-й его степени продолжали носить звѣзду и по полученіи 1-й степени Анны, а лента Станислава надѣвалась, въ такомъ случаѣ, по камзолу, подъ мундиромъ. Такъ сдѣлалъ и Микулинъ, когда ему послѣ Станислава, въ 1833 году, пожалована была Анненская лента. Былъ ли онъ первымъ¹⁾, который въ этой формѣ попался на глаза, или по чему другому, только, увидѣвъ его въ двухъ звѣздахъ, государь изъяснилъ свое удивленіе, откуда у него другая и, узнавъ, въ чемъ дѣло, приказалъ, чтобы впредь, по полученіи Анненской звѣзды, звѣзда и лента Станислава были снимаемы и кавалеры замѣняли ихъ крестомъ на шеѣ. Впослѣдствіи это повелѣніе вошло и въ орденскій статутъ.

Въ ночь съ 9-го на 10-е августа обрушился въ Зимнемъ дворцѣ потолокъ Георгіевской залы и увлекъ въ паденіи своемъ часть стѣнъ и колоннъ, сооруженныхъ изъ каррарскаго мрамора. Потолокъ упалъ отъ того, что подломились чугунныя балки, на которыхъ онъ былъ утвержденъ. Утромъ того же дня собиралась въ этой залѣ кавалерская дума ордена св. Станислава, которой засѣданіе окончилось въ половинѣ пятиго, а съ небольшимъ за три мѣсяца передъ этимъ происшествіемъ кипѣлъ тутъ народный маскарадъ, данный, въ присутствіи всего императорскаго дома, по случаю бракосочетанія государя наследника... Толкамъ городскимъ по случаю этого печальнаго событія не было конца.

— Въ нынѣшнее царствованіе, — говорили, — сгорѣлъ дворецъ, стоявшій семьдесятъ лѣтъ, и возобновленный обрушается, провалилась тронная зала....

Но болѣе всего было вопля противъ главнаго строителя, графа Клейнмихеля. Говорили — и громко, во всѣхъ сословіяхъ, — что если успѣхъ построенія дворца обращенъ былъ въ личную ему заслугу, то и неудачу должно точно также обратить на личную его отвѣтственность, и что если прежде онъ былъ осыпанъ наградами, то теперь надо подвергнуть его наказанію. Впрочемъ Георгіевская зала не впервые уже подвергалась подобной участи. Года за два или за три до пожара, въ ней осыпалась съ потолка штукатурка, и при томъ тотчасъ послѣ собранія Георгіевской Думы, въ которой присутствовалъ великій князь Михаилъ Павловичъ.

Великій князь Николай Павловичъ никогда не зналъ положительно ни объ отреченіи Константина Павловича отъ своихъ правъ на наследованіе престоломъ, ни о томъ, что преемникомъ Александра будетъ —

¹⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Это было общимъ обыкновеніемъ“.

онтъ, Николай Павловичъ. При сохраненіи въ глубокой тайнѣ тѣхъ актовъ, которыми приуготовлена была эта перемѣна въ порядкѣ наслѣдія русскаго престола, великаго князя хотя и могъ наводить иногда на мысль о томъ разговоръ съ нимъ императора Александра I, въ 1819 году, въ Красносельскомъ лагерѣ ¹⁾, но ничто во внѣшнемъ образѣ дѣйствія императора не обнаруживало намѣренія привести въ исполненіе выраженную тогда мысль. Великій князь не былъ приобщаемъ ни къ какимъ высшимъ правительственнымъ соображеніямъ, не былъ ознакомливаемъ съ дѣлами государственными и вообще былъ совершенно удаляемъ отъ всего, что выходило изъ официальной его сферы—дивизионнаго командира въ гвардейскомъ корпусѣ и начальника инженерной части. Наученный опытомъ, императоръ Николай начерталъ себѣ совсѣмъ другой образъ дѣйствія въ отношеніи къ своему сыну. Цесаревичъ Александръ Николаевичъ съ первой молодости присутствовалъ при всѣхъ министерскихъ докладахъ, прочитывалъ всѣ восходившіе къ его родителю акты государственныхъ установленій и присутствовалъ, сперва слушателемъ, а потомъ и членомъ въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Комитетѣ министровъ. Наконецъ въ августѣ 1841 года, при отъѣздѣ государя на маневры въ Ковно и Варшаву, послѣдовалъ рескриптъ, которымъ возлагалось на князя Васильчикова объявить Комитету министровъ, что рѣшеніе по его дѣламъ въ высочайшемъ отсутствіи поручается Наслѣднику. Этотъ примѣръ нѣкоторымъ образомъ соцарствія, едва-ли не первый въ нашей исторіи, свидѣтельствовалъ вновь и о высокой предусмотрительности императора Николая, и о святой чистотѣ того сердечнаго союза, который связывалъ его съ сыномъ-преемникомъ.

Упомянутый рескриптъ объявленъ былъ Комитету въ чрезвычайномъ собраніи, созванномъ въ четвергъ, тогда какъ засѣданія его бывають всегда по вторникамъ. Преднамѣреніе государя содержано было такъ тайно или родилось такъ внезапно, что и для приближенныхъ представило совершенную неожиданность. Такъ, напримѣръ, военный министръ князь Чернышевъ, всякій день видѣвшій государя, передъ самымъ тѣмъ засѣданіемъ Комитета, къ которому члены были приглашены особыми повѣстками, для выслушанія высочайшаго повелѣнія, сказывалъ одному изъ своихъ чиновниковъ, что оно касается, вѣроятно, отобранія недвижимыхъ имѣній у католическаго духовенства о чемъ тогда шла рѣчь.

Вотъ подлинныя слова рескрипта, подписаннаго въ Царскомъ Селѣ,

¹⁾ См. сочиненіе мое подъ заглавіемъ: „14 декабря 1825 года“, напечатанное въ 1854 году, въ 25 экземплярахъ. См. также статью: „Императрица Александра Ѳеодоровна въ своихъ воспоминаніяхъ“ съ 1817 по 1820 „Рус. Стар.“ 1896 г. т. 88, № 10, стр. 5—60.

20 августа: «князь Илларионъ Васильевичъ! Признавъ за благо въ отсутствіе мое поручить любезнѣшему сыну моему, наслѣднику цесаревичу и великому князю Александру Николаевичу, рѣшеніе по дѣламъ Комитета министровъ, предлагаю вамъ о семъ объявить Комитету. Тѣ дѣла, по коимъ слѣдовать будутъ указы, представлять особо на мое разсмотрѣніе».

Рескриптъ этотъ, впрочемъ, никогда не былъ опубликованъ и сохранился всегда въ нѣкоторой тайнѣ. Въ утверждаемыхъ наслѣдникомъ цесаревичемъ и передаваемыхъ къ исполненію въ подлежащіе министерства положенія Комитета по-прежнему означено было, что они «высочайше утверждены», и весь этотъ временный распорядокъ оставался только домашнимъ, такъ сказать, дѣломъ. Подъ заключеніями Комитета, гдѣ государь, въ случаѣ утвержденія ихъ, ставилъ, подъ каждою журнальною статьею, особый знакъ, цесаревичъ, вмѣсто того, выставлялъ букву А; послѣ чего, въ концѣ всего журнала, онъ писалъ: «за отсутствіемъ государя императора цесаревичъ Александръ».

Во второй половинѣ октября дворъ провелъ недѣлю въ Гатчинѣ, и петербургскую публику очень занимали слухи о готовившемся тамъ на это время спектаклѣ. Предполагалось играть двѣ пьесы: забавный фарсъ Каратыгина: «Ложа 1 яруса на послѣдній дебютъ Тальони», и французскую старинную комедію: «L' hôtel garni», въ которой императоръ Николай въ 1820 году, въ бытность еще великимъ княземъ, но уже супругомъ, исполнялъ, на домашнемъ спектаклѣ у императрицы Маріи Ѳеодоровны, роль трактирщика. Въ обоихъ пьесахъ—такъ гласила городская молва—долженъ былъ играть самъ государь: во французской прежнюю роль, а въ русской роль нѣмца, сбиваемаго съ ногъ, у кассы русскимъ купцомъ и потомъ просящаго у него же въ этомъ прощенія.

На репетиціяхъ, дѣйствительно, государь занималъ эту роль (русскаго купца представлялъ флигель-адъютантъ Катенинъ)¹⁾; но въ настоящій спектакль было иначе. Сначала, въ субботу, 18-го октября, играли одну вышеупомянутую французскую пьесу, въ самомъ тѣсномъ кружкѣ, составленномъ, сверхъ царской фамиліи, только изъ княгини Барятинской (матери), графини Бобринской, графовъ Орлова и Бенкендорфа и генералъ-адъютанта князя Лобанова-Ростовскаго. Тутъ, въ воспоминаніе юношескихъ забавъ, государь, дѣйствительно, занималъ прежнюю роль трактирщика. Затѣмъ русскую пьесу играли въ воскресенье, 19-го, при публикѣ нѣсколько болѣе многочисленной; но въ этомъ представленіи государь уже не участвовалъ, и роль, которую онъ исполнялъ на репетиціяхъ, была передана адъютанту наслѣдника Мердеру. Прочія важнѣйшія роли выполняли: мужскія: придворные кавалеры Никита

¹⁾ Императоръ Александръ написалъ: „Не помню“.

Всеволожскій и два брата графы Віельгорскіе п преображенскій офицеръ Вонлярлярскій ¹⁾, а женскія: фрейлины графиня Тизенгаузенъ, Бартенева и Нелидова.

Большіе дворцовые балы, бывавшіе при императорѣ Николаѣ обыкновенно въ Николинъ день (6-го декабря), а иногда и въ другіе высокоторжественные дни, изъ году въ годъ имѣли одинаковый, строго классическій, но именно потому и чрезвычайно грандіозный характеръ. Танцы, ограничавшіеся въ прежнее время только одними полонезами, къ которымъ впослѣдствіи присоединились вальсъ, кадрили и пр., происходили въ той залѣ, которая до пожара называлась Бѣлою и потомъ переименована въ Золотую галерею ²⁾; въ карты играли въ Георгіевской залѣ, а ужинали въ большомъ Аванъ-залѣ (теперь Николаевская зала). Приглашенія на эти балы были по классамъ, и всѣ, военные и статскіе, являлись на нихъ въ парадныхъ мундирахъ и въ башмакахъ. Въ 1841 году балъ, данный для празднованія государева тезоименитства, на другой день его (7-го декабря), отличался отъ предшедшихъ ему въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ играли въ карты въ Портретной галлерей, а не въ Георгіевской залѣ, гдѣ не за долго передъ тѣмъ обрушился сводъ и дверь въ которую была заставлена роскошнымъ буфетомъ изъ стариннаго золота и серебра; во-вторыхъ не танцующимъ военнымъ впервые позволено было явиться въ сапогахъ, съ нѣкоторыми однако же, очень небольшими изытіями, лично указанными самимъ государемъ, болѣе для шутки. Такъ, напримѣръ, дивизионному генералу старику Дохтурову, котораго государь называлъ не иначе, какъ «мое пузо» — именно велѣно было пріѣхать на балъ, по прежней формѣ, въ башмакахъ.

— Я думалъ,—сказалъ ему государь,—что ты станешь танцовать, и соотвѣтственно тому опредѣлилъ и твой нарядъ.

¹⁾ Въмѣсто словъ „преображенскій офицеръ Вонлярлярскій“ императоръ Александръ написалъ: „Ив. Матв. Толстой и многіе другіе“.

²⁾ Императоръ Александръ зачеркнулъ слова „золотую галерею“ и написалъ „Гербовую“.

VI.

1842 годъ.

Подметныя записки поручика Филиппова.—Богоявленская церемонія.—Депутатія отъ купцовъ по случаю утвержденія проекта Московской желѣзной дороги.—Статсъ-секретарь Вилламовъ.—Статья парижскаго журнала „*Minerve*“ объ императорѣ Николаѣ.—Церемоніальная пикировка съ французскимъ дворомъ.—Афросимовъ и „Саша“.—Графъ Толь.—Кончина герцога Орлеанскаго.

Назначенный на 1-е января 1842 года большой выходъ былъ отмѣненъ повѣстками, разосланными только наканунѣ, уже поздно вечеромъ, и государь въ этотъ день не былъ, противъ обыкновенія, ни на балѣ у оберъ-церемоніймейстера графа Воронцова, ни на публичномъ маскарадѣ въ театрѣ. Придворные приписывали это случившемуся у императрицы нервическому припадку, а лица, считающія себя за глубокихъ мыслителей и политиковъ, утверждали, что выходъ, къ которому приглашается въ новый годъ и весь дипломатическій корпусъ, отмѣненъ въ избѣжаніе повторенія со стороны французскаго посольства такой же непріятности, какая послѣдовала 6-го предшедшаго декабря ¹⁾. Истинная причина была совсѣмъ другая и ее, и въ то время и послѣ, узнали лишь очень не многіе.

31-го декабря фельдфебелями четырехъ гвардейскихъ полковъ были получены по городской почтѣ безыменныя записки возмутительнаго содержанія, въ которыхъ обращалось ихъ вниманіе «на худое вообще управленіе, на расточительность государя, занявшаго 200 милліоновъ Богъ знаетъ на чтò и бросающаго деньги на содержаніе нѣмцевъ, тогда какъ гвардія остается безъ своевременнаго удовлетворенія жалованьемъ» ²⁾. Въ этомъ духѣ и, при томъ въ очень сильныхъ выраженіяхъ, гвардейскому корпусу напоминалось 14-е декабря 1825 года, и чины его приглашались къ бунту. Фельдфебели, однако, тотчасъ представили полученные ими записки полковымъ командирамъ, а эти корпусному командиру, великому князю Михаилу Павловичу, который вмѣстѣ съ ними поѣхалъ къ государю. Здѣсь, послѣ приказанія о строгомъ розыскѣ, положено было отмѣнить выходъ 1-го января, чтобы, на всякій случай, офицеры оставались при своихъ полкахъ. Тѣмъ, впрочемъ, все и кончилось, и никакого дѣйствительнаго покушенія къ возмущенію не обнаружилось, а самъ государь ни съ кѣмъ изъ постороннихъ о томъ не говорилъ и

¹⁾ Объ этомъ будетъ говорено ниже.

²⁾ Жалованье, которое прежде обыкновенно раздавалось нижнимъ чинамъ жъ празднику, въ этотъ разъ, дѣйствительно, получено было въ полкахъ 31-го декабря и, при размыкѣ этихъ записокъ, оставалось еще нерозданнымъ.

обѣдавшимъ у него на другой день Васильчикову и Левакову сказать, что не поѣхалъ на балъ Воронцова просто «изъ лѣни» ¹⁾.

Дерзкаго или, лучше сказать, несчастнаго, отважившагося нарушить покой царственнаго нашего дома своими безыменными письмами, вскорѣ открыли. Это былъ отставной поручикъ Филипповъ, сынъ одного петербургскаго архитектора, воспитывавшійся въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, выпущенный оттуда, въ 1832 году, за болѣзнію, въ статскую службу, но перешедшій потомъ въ военную и наконецъ уволенный, по просьбѣ, въ отставку только передъ самымъ этимъ происшествіемъ. Онъ былъ открытъ по тождеству почерка въ письмѣ его къ одному изъ товарищей (о совершенно постороннемъ предметѣ) съ почеркомъ записокъ, отправленныхъ къ фельдфебелямъ, и схваченъ по указанію лавочника, въ лавкѣ котораго отдавалъ свои пакеты на городскую почту. По неосторожности, съ которою онъ написалъ безыменные свои записки обыкновеннымъ своимъ почеркомъ и даже самъ отнесъ ихъ на почту, тотчасъ было выведено заключеніе объ его помѣшательствѣ, которое подтвердилось потомъ и при допросѣ его въ III отдѣленіи. Сначала онъ запирался, но когда разложили передъ нимъ и стали читать вслухъ его записки, онъ закричалъ, что ихъ «надо читать со всѣмъ съ другою интонаціею» и, принявшись самъ за чтеніе въ самомъ патетическомъ тонѣ, во всемъ повинился. На вопросъ о побужденіяхъ къ такому гнусному поступку, онъ не умѣлъ привести ничего иного, какъ чувство мести за то, что его выпустили изъ корпуса и послѣ перевели въ военную службу съ низшимъ, чѣмъ будто бы слѣдовало, чиномъ, и за то, что, при отставкѣ, не дали ему пенсіи, на которую, по числу лѣтъ службы, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго права. Послѣ кратковременнаго заключенія, единственно для ближайшаго удостовѣренія въ умственномъ его разстройствѣ, въ крѣпости, онъ былъ переведенъ въ больницу умалишенныхъ. Впослѣдствіи одинъ изъ врачей этой больницы сказывалъ мнѣ, что сѣумасшествіе Филиппова было уже давнее и началось едва-ли не съ самаго выпуска его изъ корпуса; но что, впрочемъ, онъ велъ себя очень тихо и скромно, занимаясь почти исключительно математическими выкладками.

При императорѣ Александрѣ I 6-го января, въ праздникъ Богоявленія, всегда бывалъ, не смотря на степень мороза, большой парадъ ²⁾, съ пушечною пальбою и съ бѣглымъ ружейнымъ огнемъ во время погруженія креста въ «Иорданъ», которая устраивалась на Невѣ, противъ посланническаго подъѣзда. При императорѣ Николаѣ сохранилось

¹⁾ Противъ этихъ словъ императоръ Александръ II написалъ: „Все это дѣйствительно было; но выходъ былъ не потому отказанъ, а дѣйствительно по нездоровью матушки“.

²⁾ Императоръ Александръ II прибавилъ: „Въ первые годы царствованія“.

только послѣднее, т. е. Иорданъ съ выходомъ двора на Неву; а парадъ замѣненъ сборомъ военно-учебныхъ заведеній и небольшого отряда войскъ внутри дворца ¹⁾. Въ 1842 году, однако, государь приказалъ возобновить въ день крещенія Господня прежній обычай и собрать къ церемоніи всѣ войска, если будетъ менѣе 5° холода; но какъ морозъ въ этотъ день возвысился до 7°, то ограничились опять внутреннимъ парадомъ. Въ этотъ разъ была и одна новинка по духовной части. Къ процессіи на Иорданъ, для которой собирается все приходское духовенство, прежде приносили отъ каждой церкви лучшія, какія гдѣ были, ризы, что производило непріятную для глазъ пестроту. Въ 1842 году къ празднику Богоявленія по волѣ государя изготовлено было ²⁾ для всего духовенства, впрочемъ на собственный счетъ каждой церкви, совершенно единообразное облаченіе, чѣмъ чрезвычайно украсилась процессія. Это облаченіе, въ которомъ ризы и подрясники изъ серебрянаго, а оплечье изъ золотого газета, впервые тутъ показавшееся, съ тѣхъ поръ стало уже постоянно употребляться при всѣхъ церемоніяхъ, на которыя является духовенство отъ разныхъ церквей.

25-е января ознаменовалось рѣдкимъ въ нашей административной исторіи событіемъ. По случаю утвержденія проекта желѣзной дороги между столицами, с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ представлялъ императору Николаю депутацію, состоящую изъ семнадцати почетнѣйшихъ кушцовъ, избранныхъ изъ среды торгующаго сословія для принесенія его величеству всеподданнѣйшей благодарности за этотъ новый знакъ монаршаго попеченія о пользахъ и процвѣтаніи коммерціи. Къ краткому о томъ извѣстію и къ поименному списку лицъ, составившихъ депутацію, газеты наши присовокупили слѣдующее:

«Государь императоръ, благоволивъ всемилостивѣйше принять искреннее выраженіе чувствъ всеподданнѣйшей благодарности, изволилъ въ то же время отозваться купечеству, что построеніе желѣзной дороги будетъ произведено въ дѣйство успѣшно, бывъ поручено ближайшему и непосредственному попеченію его императорскаго высочества государя цесаревича наслѣдника престола. Слова сіи возбудили во всѣхъ, слышавшихъ оныя, искреннюю, душевную радость». — Газеты, разумѣется, и не могли сказать болѣе; но чего онѣ не въ силахъ и не въ правѣ были передать, это — того поэтическаго приѣма, который государь сдѣлалъ депутаціи; того, отличавшаго его въ высшей степени дара сердечнаго краснорѣчія, который онъ снова проявилъ тутъ во всей полнотѣ; того восторга, которымъ одушевились всѣ эти добрые русскіе люди при его мощномъ и истинно русскомъ словѣ; тѣхъ слезъ бла-

¹⁾ Императоръ Александръ II замѣтилъ: „възводовъ отъ военно-учебныхъ заведеній и полковъ гвардіи со знаменами“.

²⁾ Императоръ Александръ прибавилъ: „по примѣру Москвы“.

годарности, которыя лились у нихъ даже и послѣ, при пересказываніи подробностей этой аудіенціи, продолжавшейся болѣе четверти часа. На другой день я видѣлся съ нѣкоторыми изъ нихъ, и они все еще были въ какомъ-то восторженномъ состояніи. Императоръ Николай зналъ и любилъ Русь, какъ зналъ и любилъ ее до него развѣ одинъ только Петръ Великій, а знаніе народа, согрѣтое любовью, всегда дѣйствуетъ съ электрическою силою. Онъ принялъ депутацію въ своемъ кабинетѣ, въ сюртукѣ, за-просто, по-домашнему, что съ первой уже минуты произвело самое пріятное впечатлѣніе. Прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ выговорить слово, онъ началъ съ изъясненія своей благодарности за вниманіе купечества къ попеченіямъ его объ этомъ дѣлѣ.

— Мнѣ надо было,—продолжалъ онъ,—бороться съ предубѣжденіями и съ людьми; но когда самъ я разъ убѣдился, что дѣло полезно и необходимо, то ничто уже не могло меня остановить. Петербургу дѣлали одно нареканіе: что онъ—на концѣ Россіи и далекъ отъ центра имперіи; теперь это исчезнетъ; черезъ желѣзную дорогу Петербургъ будетъ въ Москвѣ и Москва въ Кронштадтѣ.

Потомъ, обратясь къ цесаревичу наслѣднику, онъ прибавилъ:

— Но человѣкъ смертенъ и потому, чтобы имѣть увѣренность въ довершеніи этого великаго дѣла, я назначилъ предсѣдателемъ комитета желѣзной дороги вотъ его: пусть онъ и додѣлаетъ, если не суждено мнѣ.

Аудіенція заключилась призывомъ къ купечеству содѣйствовать благотѣльнымъ попеченіямъ правительства своею дѣятельностію и честностію.

7-го февраля умеръ статсъ-секретарь по дѣламъ учреждений императрицы Маріи, Григорій Ивановичъ Вилламовъ. Сынъ директора Петропавловской школы и извѣстнаго въ свое время нѣмецкаго стихотворца. не смотря на звуки своей фамиліи нѣмецъ и лютеранинъ, онъ достигъ высшихъ степеней и чиновъ въ имперіи, а что еще болѣе—десятки лѣтъ пользовался полнымъ довѣріемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, которымъ былъ, какъ-бы преемственно, удостоенъ и отъ императора Николая. При глубокой старости, онъ сохранялъ еще видъ человѣка среднихъ лѣтъ, въ полномъ цвѣтѣ силъ и здоровья; но, бывъ пораженъ, въ первой половинѣ января апоплексическимъ ударомъ, послѣ того цѣлый мѣсяцъ уже не жилъ, а только мучился. Нѣкоторые изъ нашихъ государственныхъ людей, особенно графъ Канкринъ, считали его чрезвычайно умнымъ человѣкомъ; но, бывъ съ нимъ семь лѣтъ въ Государственномъ Совѣтѣ и въ разныхъ комитетахъ, я не видѣлъ въ немъ ни одного проблеска высшаго ума, ни одной мысли, которая походила бы на гениальную, а въ совѣщаніяхъ о важнѣйшихъ государственныхъ интересахъ былъ свидѣтелемъ совершеннаго его равнодушія и невнимательности, такъ что въ Совѣтѣ упорное его хладнокровіе и молчаніе были

замѣчены даже великимъ княземъ Михайломъ Павловичемъ, неоднократно и съ негодованіемъ мнѣ о томъ говорившимъ. Послѣ этого умъ Вилламова не заключался ли преимущественно въ нѣкоторой тонкости и въ особенности въ искусствѣ заставить многихъ вѣрить въ существованіе такого ума? По своей специальной части онъ, черезъ сорокалѣтнія занятія ею, приобрѣлъ, разумѣется, огромную рутину и, при отличной памяти, зналъ ее, какъ свои пять пальцевъ; но и тутъ имѣлъ еще особенную странность: все, исходившее изъ его канцеляріи, не только доклады государю и императрицѣ, но и записки въ Совѣтъ и Комитетъ министровъ, форменныя отношенія, словомъ, всякую бумагу онъ всегда переписывалъ всю собственною своею рукою! По моральному характеру Вилламовъ стоялъ—но тутъ уже не въ одномъ моемъ личномъ, а въ общемъ понятіи—также невысоко. Подъ личиною какого-то добродушнаго простосердечія у него была холодная и черствая душа. Ежедневныя сношенія съ императрицею Марією—этимъ ангеломъ доброты и высшаго сердоболія — остались безъ всякаго симпатичнаго на него вліянія. У самаго истока добра, со всѣми средствами изливать его ежедневно, онъ умѣлъ оттолкнуть отъ себя умы и сердца всѣхъ и, кромѣ семейства, едва-ли кто пожалѣлъ объ его смерти.

Жена Вилламова, а по ней и ихъ дѣти, были православнаго исповѣданія, и это побудило его, чтобы нѣкогда лечь имъ вмѣстѣ, присоединиться, уже на смертномъ одрѣ, къ нашей церкви. Императоръ Николай, посѣтившій его за нѣсколько дней до кончины, пожелалъ, чтобы переписка его съ императрицею Марією была передана его величеству. Сверхъ того послѣ Вилламова остались и мемуары, которые также взяты были государемъ къ себѣ ¹⁾.

Въ парижскомъ журналѣ «*Minerve*» явилась, въ мартѣ 1842 года, статья, содержавшая въ себѣ, подъ заглавіемъ: «*Coup d'oeil sur Ré-térsbourg*», взглядъ на нашъ дворъ, на нѣкоторыя значительнѣйшія лица въ составѣ нашего управленія и на петербургское высшее общество. Сочинитель этой статьи (оставшійся мнѣ неизвѣстнымъ), иностранецъ, по приѣздѣ въ Петербургъ, пожелалъ представиться императору Николаю и былъ допущенъ къ тому при публичномъ выходѣ, въ рядахъ дипломатическаго корпуса. Потомъ онъ напечаталъ (въ упомянутой статьѣ) слѣдующій отчетъ о своихъ впечатлѣніяхъ: «Я ждалъ минуты выхода императора, признаюсь, не безъ нѣ котораго внутренняго волненія. Въ залѣ царствовало какое-то тревожное молчаніе, будто предвѣстіе великаго событія. Для меня увидѣть императора было дѣломъ великой

¹⁾ Выдержки изъ этихъ мемуаровъ напечатаны въ „Русской Старинѣ“ настоящаго года №№ 1—3.

важности. Я не умѣлъ отдѣлить въ моихъ мысляхъ человѣка отъ идеи о его власти, ни идеи власти отъ человѣка, и потому ожидалъ въ Николаѣ какъ бы олицетворенія его исполнинской монархіи. Онъ вошелъ. Я увидѣлъ черты, какими изображаютъ намъ героевъ древности: высокій лобъ, проникательный взглядъ, исполненный достоинства, ростъ и формы Ахяда. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, онъ поклонился на обѣ стороны, однимъ протянулъ руку, другихъ привѣтствовалъ милостивою улыбкою, съ нѣкоторыми сталъ бесѣдовать то по-русски, то по-французски, то по-нѣмецки, то по-англійски, и все одинаково свободно. Когда пришла моя очередь, онъ много и долго говорилъ со мною о чужихъ краяхъ. Ему все было извѣстно: мысль и рѣчь его переходили отъ востока къ западу, отъ юга къ сѣверу; замѣчанія его о разныхъ странахъ и о различныхъ ихъ отношеніяхъ были такъ тонки и обличали такое глубокое знаніе, что, забывъ монарха, я дивился въ немъ только мыслителю. Откуда находится у него время, чтобы имѣть обо всемъ такія вѣрныя и положительныя свѣдѣнія и о каждой вещи произносить такое справедливое и основательное сужденіе? Цѣлая администрація колоссальной имперіи въ немъ сосредоточивается; ни одно, сколько-нибудь важное дѣло не рѣшается безъ него; просьба послѣдняго изъ его подданныхъ восходить на его усмотрѣніе; каждое утро, съ раннихъ часовъ онъ работаетъ съ своими министрами, каждая ночь застаётъ его опять за рабочимъ столомъ!...

Все, что можно сказать объ этомъ портретѣ, это то, что онъ былъ— все еще ниже истины. Французъ, и при томъ тогдашній французъ, привыкшій къ конституціоннымъ королевкамъ, не могъ вполнѣ судить о бремени, лежащемъ на самодержавномъ монархѣ огромной Россіи; а кто несъ это бремя добросовѣстнѣе, благоразумнѣе, могущественнѣе Николая! Независимо отъ высшихъ качествъ, которыя могли быть оценены одними русскими, и изъ нихъ, преимущественно, одними приближенными, въ наружности, въ осанкѣ, въ бесѣдѣ, во всѣхъ приемахъ императора Николая были, дѣйствительно, какое-то обаяніе, какая-то чаровавшая сила, которыхъ вліянію не могъ не подчиниться, увидавъ и услышавъ его, даже и самый лютый врагъ самодержавія.

Съ самаго вступленія на французскій престолъ короля Людовика Филиппа, императоръ Николай первый и постоянный охранитель законности, не таясь, оказывалъ, во всѣхъ сношеніяхъ съ парижскимъ дворомъ, непріязнь свою и къ лицу монарха и къ его династіи. Такъ, при формальныхъ тамъ траурахъ, изъ числа всѣхъ посланниковъ одиень нашъ освобождалъ себя отъ ихъ соблюденія; послѣ повторявшихся нѣсколько разъ покушеній на жизнь короля, всѣ дворы изъявляли, черезъ нарочныхъ, или по крайней мѣрѣ посредствомъ писемъ, радость свою

о неудачахъ преступныхъ замысловъ, а нашъ всегда безмолвствовалъ; то же самое было при рожденіи графа Парижскаго, при бракахъ дочерей и сыновей королевскихъ и пр. Въ противоположность сему, Людовикъ Филиппъ съ своей стороны не измѣнялъ никогда уважительнаго поведенія въ отношеніи къ нашему двору, не смотря на вопли сильной партіи, видѣвшей въ поступкахъ русскаго императора оскорбленіе національной гордости, и, вопреки настояніямъ Тьера и другихъ министровъ.

Въ концѣ 1841-го года нашъ посоль графъ Паленъ оставилъ Парижъ и пріѣхалъ въ Петербургъ не за долго до дня рожденія короля. Въ газетахъ тотчасъ нашли этому причину. Принято было въ этотъ день являться передъ королемъ всему дипломатическому корпусу, при чемъ старшій изъ наличныхъ пословъ привѣтствовалъ его поздравительною, отъ имени всѣхъ, рѣчью. Роль эту издавна исполнялъ австрійскій посоль графъ Аппони; но въ 1841-мъ году онъ былъ въ отпуску, и мѣсто его приходилось заступить, по старшинству, графу Палену, а онъ — вдругъ оставилъ Парижъ: слѣдственно, уѣхалъ, чтобы не поздравлять короля, чтó истолковано было какъ новое оскорбленіе, нанесенное лично послѣднему, а съ нимъ вмѣстѣ цѣлой Франціи. Того же мнѣнія было и министерство и при необходимости, въ виду приближавшагося открытія камеръ, поддержать его, Людовикъ Филиппъ нашелся вынужденнымъ, уступивъ общимъ настояніямъ, выйти изъ своего пассивнаго положенія. 6-го декабря, въ день тезоименитства императора Николая, дипломатическій при нашемъ дворѣ корпусъ приглашенъ былъ собраться во дворецъ, для принесенія поздравленій, послѣ обѣдни, т. е. къ 12-ти часамъ. Не ранѣе какъ въ 10 часовъ утра того же дня въ министерство иностранныхъ дѣлъ принесли записку французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Казимира Перрье (посоль Барантъ былъ тогда въ отпуску), которою онъ извѣщалъ, что, по случаю «*d'une indisposition subite*», какъ самъ онъ, такъ и всѣ чины французскаго посольства не могутъ явиться ни къ поздравленію, ни къ назначенному на слѣдующій день придворному балу, — чтó, дѣйствительно, и было ими исполнено, хотя потомъ 8-го числа Перрье и всѣ его чиновники гуляли публично по Невскому проспекту, а вечеромъ явились даже въ театръ. Разумѣется, что сколько этотъ случай былъ непріятенъ государю, столько же онъ произвелъ шуму и толковъ въ нашей публикѣ, и что чины французскаго посольства этимъ, невольнымъ съ ихъ стороны дѣйствіемъ, тотчасъ исключили себя изъ круга нашего высшаго общества, т. е. что всѣ единодушно согласились никуда ихъ болѣе не приглашать. Одна только графиня Воронцова ¹⁾, это своевольное и шаловливое дитя,

¹⁾ Жена оберъ-церемоніймейстера, урожденная Нарышкина, которой домъ считался въ то время однимъ изъ первыхъ въ нашемъ высшемъ кругу.

говорила: «qu'elle ne se mêle pas de politique et qu'elle engage à ses soirées les personnes qui lui font plaisir, sans regarder à leur conduite diplomatique» ¹⁾).

Этотъ остракизмъ не могъ, однакоже, разумѣться, простираться на публичныя мѣста, куда доступъ свободенъ всякому. Такъ Перрье явился на балъ дворянскаго собранія, бывшій 16-го декабря. Государь, который стоялъ съ статсъ-дамою баронессою Фредериксъ, увидѣвъ его, сказалъ ей по-нѣмецки: «Da ist er!» и потомъ прошелъ мимо съ тѣмъ царственнымъ, самодержавнымъ величіемъ, въ которое такъ умѣлъ при случаѣ облекаться, не удостоивъ его ни однимъ взглядомъ. Дальнѣйшія извѣстія объ этомъ непріятномъ столкновеніи публика наша—разумѣя тѣхъ ея привилегированныхъ членовъ, для которыхъ нѣтъ цензуры—получала только черезъ иностранныя газеты.

Первый заговорилъ «Moniteur Parisien», журналъ хотя и неофициальный, однако принадлежавшій министерству. «Сказываютъ, что г. Киселевъ, русскій посланникъ (т. е. повѣренный въ дѣлахъ) въ Парижѣ,—писали тамъ,—въ Новый годъ не явился въ Тюльери къ общему представленію дипломатическаго корпуса. По собраннымъ нами свѣдѣніямъ оказывается слѣдующее. Русскій посолъ во Франціи, графъ Паленъ, въ ноябрѣ былъ отозванъ въ Петербургъ, и предполагаемая, не осприваемая причина (motif non contesté) сего отозванія заключалась въ нежеланіи императора, чтобы графъ, какъ старшій членъ дипломатическаго корпуса, привѣтствовалъ короля. 18-го (6-го) декабря, въ день рожденія императора, г. Перрье и прочіе чины французскаго посольства занемогли и не явились въ Зимній дворецъ. 1-го января занемогъ въ свою очередь г. Киселевъ и не явился въ Тюльери».

«Preussische Staats-Zeitung», помѣстивъ на своихъ страницахъ означенную статью, прибавила, что, по общимъ слухамъ она была послѣдствіемъ весьма горячаго объясненія между Киселевымъ и Гизо. «При всей важности предмета—продолжала прусская газета—отданное обоимъ посольствамъ приказаніе быть въ извѣстный день больными и, еще болѣе, публичное оглашеніе этого приказанія кажутся всѣмъ частію очень забавными, частію же недостойными державы столь могущественной, какова Франція. Дипломаты говорятъ, что если такія вещи иногда и приказываются, то никогда однако же не публикуются. Утверждаютъ, впрочемъ, что помянутая статья дотого прогнѣвила русское посольство, что г. Киселевъ тотчасъ отправилъ курьера въ Петербургъ за новыми инструкціями и извѣстилъ г. Гизо, что, въ ожиданія ихъ, прекращаетъ всѣ дипломатическія сношенія съ французскимъ кабинетомъ».

¹⁾ Что она не смѣшиваетъ политику и приглашаетъ на свои вечера лицъ, которые доставляютъ ей удовольствіе, не обращая вниманія на ихъ дипломатическое поведеніе.

На другой день послѣ вышеприведенной статьи «*Moniteur Parisien*» напечатано было въ «*Journal des Débats*»: «Мы прочли вчера извѣстие, сообщенное одною вечернею газетою о причинахъ, воспрепятствовавшихъ русскому повѣренному въ дѣлахъ явиться въ Новый годъ въ Тюльери, и не придаемъ ему никакого особеннаго значенія. Намъ не вѣрилось и теперь не вѣрится въ его официальность. Что графа Палена отозвали въ Петербургъ, чтобы не привѣтствовать короля іюльской революціи, это очень вѣроятно; что его намѣстникъ, г. Киселевъ, занемогъ въ тотъ день по приказанію, это тоже возможно. Но мы не знаемъ и не вѣримъ, чтобы французское правительство, въ видѣ возмездія, прибѣгло къ той же системѣ и велѣло и своему агенту въ Петербургѣ занемочь въ день рожденія императора. Подобная война между могущественными державами была бы для насъ непонятна. Если бы Франція почла себя оскорбленною поведеніемъ русскаго кабинета, то отозвала бы своихъ агентовъ, на что имѣетъ и право и обязанность; но къ такой мелочной тактикѣ не обращаются для ратоборства между собою два сильныя правительства: это было бы ребячествомъ и уничтоженіемъ. Мы понимаемъ заботу и подозрѣнія, возбужденныя въ Европѣ іюльскою революціею; понимаемъ также и опасеніе, которое долженъ былъ ощутить русскій императоръ при перемѣнѣ нашей династіи, и потому въ первую минуту не могли требовать отъ него ни довѣрія, ни пріязни. Но время взяло свое: Пруссія, Австрія, Англія, всѣ державы при каждомъ случаѣ доказываютъ ту высокую довѣренность, которую внушаетъ имъ наше правительство и нашъ король. Зачѣмъ же только русскому императору оставаться при прежнемъ своемъ нерасположеніи? Зачѣмъ ему одному упорствовать въ непризнаніи заслугъ, оказанныхъ нашимъ правительствомъ дѣлу монархизма и общаго мира? Зачѣмъ ему одному, систематическою непріязнью, протестовать противъ нашей славной и неизбежной революціи? Но чѣмъ болѣе мы жалѣемъ, что монархъ великой державы идетъ такимъ путемъ, тѣмъ болѣе мы должны избѣгать совпаденія съ нимъ на этомъ пути. Если, чего мы впрочемъ не думаемъ, дружественная и взаимно вѣжливая связь съ русскимъ кабинетомъ впредь уже не возможна, то, повторяемъ, Франціи не остается ничего иного, какъ прервать всякое официальное сношеніе. Лучше совсѣмъ отозвать отъ чужестранныхъ дворовъ нашихъ агентовъ, чѣмъ, вмѣсто назначенія ихъ быть вѣстниками мира и доброй пріязни, оставлять ихъ при одной только роли переносчиковъ обоюдной щекотливости. Такой разрывъ не былъ бы еще войною, тогда какъ нынѣшнія двусмысленныя отношенія безпрестанно грозятъ миру. А мы только и желаемъ мира, мира постояннаго и честнаго, равно охраненнаго какъ отъ страстей народныхъ, такъ и отъ капризовъ владыкъ».

Но между тѣмъ, пока французскіе журналы такъ ораторствовали,

дѣло улаживалось само собою. 7-го января 1842 года на балъ въ концертной залѣ приглашены были, въ составѣ дипломатическаго корпуса, и пріѣхали Перрье съ женою. Естественно, что, послѣ цѣлаго мѣсяца опалы, общее вниманіе было обращено на нихъ. Государь, проходя мимо Перрье, сказалъ: «Ah, Monsieur se porte donc bien à présent!» и только. Императрица спросила, скоро ли возвратится Барантъ. Впрочемъ, одно обстоятельство, которое въ другое время прошло бы незамѣченнымъ, въ этотъ вечеръ всѣхъ поразило: Перрье съ женою уѣхали хотя послѣ ужина, но во время продолжавшихся еще въ присутствіи государя и всей царской фамилии танцевъ. Пока это происходило у насъ, подобное же и въ то же время повторилось и въ Парижѣ. Сперва Киселевъ пріѣхалъ на вечеръ къ Гизо и былъ принятъ самымъ предупредительнымъ образомъ. Спустя день онъ явился и на Тюльерійскій балъ, при чемъ во французскихъ журналахъ тотчасъ провозгласили, что «король, увидѣвъ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, который, какъ кажется, совсѣмъ оправился отъ послѣдняго своего нездоровья, подошелъ къ нему и нѣсколько минутъ съ нимъ бесѣдовалъ». Еще до этого парижскія газеты писали: «National»: «окончанія нашей этикетной распри должно ожидать въ непродолжительномъ времени, отозваніемъ г. Перрье, который перешелъ данныя ему инструкціи. Ему приказано было только проѣхать верхомъ мимо дворца, во время торжественнаго тамъ выхода, а онъ показался и въ театрѣ; поѣтому г. Гизо совсѣмъ отъ него отречется: ибо никогда не имѣлъ въ виду нанести формальное оскорбленіе русскому двору, а хотѣлъ только произвести маленькій «scandale»; теперь же, видя, какой серьезный оборотъ приняло это дѣло, самъ перепугался, а «quand Mr. Guizot a peur, il est terrible», и бѣдному Перрье придется дорого заплатить. Впрочемъ, совершеннаго примиренія, даже и при пожертвованіи господиномъ Перрье, ожидать еще нельзя. Извѣстно, что въ высшемъ петербургскомъ кругу объ орлеанской династіи отзываются въ такихъ выраженіяхъ, которыхъ ни одинъ французскій журналъ не отважился бы повторить, и что именно отсюда всѣ европейскіе дворы заражены «брачною блокадою» (*blocus conjugal*) противъ принцевъ нашей младшей линіи».

Въ «La Presse» писали: «Г. Перрье не употребитъ, безъ сомнѣнія, никакихъ новыхъ респрессалій въ день Новаго года, и мы надѣемся, что положеніе вещей, только посрамляющее оба двора, не продолжится».

«А мы—возражалъ «National»—этого не надѣмся, или по крайней мѣрѣ не желаемъ: ибо если въ теперешнемъ положеніи вещей посрамленіе обоюдное, то никакъ не должно отступать; иначе весь ущербъ падетъ на долю одной Франціи».

Перрье оставался однакоже въ Петербургѣ еще до слѣдующаго

сентября (1842 года), да и тогда не былъ отозванъ, а самъ отпросился въ отпускъ, за болѣзнію своей жены, и при увольненіи получилъ орденъ почетнаго легіона и обѣщаніе перваго вакантнаго министерскаго поста.

За отсутствіемъ начальника 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи Гурко, должность его, въ зиму съ 1841 на 1842 годъ, исправлялъ генералъ Афросимовъ, а съ наступленіемъ весны она была поручена наслѣднику цесаревичу. Объявляя объ этомъ на разводѣ, государь, шутя, сказалъ Афросимову, что надѣется, что онъ не вызоветъ за то «Сашу» на дуэль, и во всякомъ случаѣ теперь же заявляетъ, что онъ, государь, съ своей стороны, отказывается быть секундантомъ.

23-го апрѣля умеръ главноуправлявшій путями сообщенія и публичными зданіями генералъ-адъютантъ графъ Карлъ Ѳедоровичъ Толь. Въ немъ Россія потеряла одно изъ примѣчательнѣйшихъ въ военномъ отношеніи и, конечно, историческихъ лицъ. Не распространяясь здѣсь о тѣхъ обстоятельствахъ славной его жизни, которыя можно найти и въ послужномъ его спискѣ и въ разныхъ печатныхъ біографіяхъ, ни объ участіи его въ окончаніи печальнаго возстанія 14-го декабря 1825 года, уже рассказаннаго въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, передамъ здѣсь преимущественно то, что слышалъ о немъ изъ достовѣрныхъ источниковъ и что зналъ лично, изъ моихъ съ нимъ сношеній, въ теченіе почти девяти лѣтъ, по Комитету министровъ и Государственному Совѣту.

Наружность графа Толя очень мало обѣщала. Невысокаго роста, но плечистый и ширококостный, такъ что казался довольно объемистымъ; съ лицомъ, хотя не безобразнымъ, однако очень простымъ, которое оживлялъ лишь огненный его взглядъ; въ полурыжемъ гладкомъ парикѣ, который онъ снялъ только послѣ поразившаго его въ 1839 году апоплексическаго удара; наконецъ съ ухватками и пріемами, заимствованными нѣсколько отъ стариннаго хвастовства, ничто въ его фигурѣ не намекало на что-нибудь геніальное. Между тѣмъ всѣ, слѣдившіе за его военнымъ поприщемъ, всѣ, видѣвшіе его на полѣ сраженія, единогласно называли его однимъ изъ первостепенныхъ полководцевъ нашего вѣка. При львиной личной храбрости, онъ былъ отличный стратегикъ, обладалъ огромными свѣдѣніями тактическими и имѣлъ весь огонь, весь геній истиннаго военачальника. Въ 1812 году, по отступленіи арміи отъ границы къ Дриссѣ, онъ, еще въ полковничьемъ чинѣ, назначенъ былъ генералъ-квартирмейстеромъ главной дѣйствующей арміи, а по прибытіи князя Смоленскаго—генералъ-квартирмейстеромъ всѣхъ дѣйствовавшихъ противъ непріятеля войскъ. Знаменитое движеніе на Калугу было плодомъ его соображеній; Мюратъ былъ разбитъ

¹⁾ „14-го декабря 1825 года“. С.-Петербургъ 1854.

при Чернишней по начертанному имъ плану; наконецъ въ Польскую кампанію, Толь рѣшительно содѣйствовалъ къ одержанію побѣды подъ Остроленкою, искуснымъ расположеніемъ главной батареи, а въ дѣлѣ подъ Варшавою, послѣ полученной княземъ Паскевичемъ въ самомъ ея началѣ контузіи, 26-го августа, одинъ командовалъ арміею до самаго утра 27-го числа и, послѣ заключенной капитуляціи, одинъ же ввелъ войска въ городъ. Вспыльчивый до бѣшенства въ обычной жизни, онъ, въ началѣ дѣла, становился вдругъ ледовито-хладнокровнымъ, и это хладнокровіе не оставляло уже его ни на минуту во все продолженіе сраженія; но съ послѣднимъ пушечнымъ выстрѣломъ возвращалась къ нему опять и вся запальчивая его горячность. Князь Смоленскій былъ всегда искреннимъ его другомъ и почитателемъ его дарованій; но не таковы были отношенія къ нему графа Дибича и потомъ Паскевича. Князь Васильчиковъ, одинъ изъ усерднѣйшихъ цѣнителей талантовъ Толя и близко знавшій и его и Дибича, рассказывалъ мнѣ, что они оба издавна соперничествовали другъ съ другомъ и не таили взаимной своей ненависти. Передъ началомъ Польской кампаніи государь собралъ у себя родъ военнаго совѣта изъ него, Васильчикова, князя Волконскаго и графа Толстаго. Тутъ, когда положено было послать главнокомандующимъ Дибича, родился вопросъ: кого дать ему въ начальники главнаго штаба? Государь самъ предложилъ Толя; но общее мнѣніе было, что это значило бы соединить воду съ огнемъ, т. е. въ самыя тѣсныя, требующія совершеннаго единодушія отношенія, поставить двухъ отъявленныхъ враговъ. Государь отвѣтилъ, что онъ призывалъ уже къ себѣ Толя и что послѣдній, въ сознаніи опасности отечества, обѣщалъ не только безусловно подчиниться Дибичу, но и дѣйствовать во всемъ какъ вѣрнѣйшій и преданнѣйшій его другъ. И дѣйствительно, онъ рыцарски сдержалъ свое слово! ¹⁾ Но съ преемникомъ Дибича, Паскевичемъ, Толь не сошелся съ первой минуты и до конца жизни оставался въ явной враждѣ. Толь считалъ Паскевича ниже себя по военнымъ достоинствамъ, а тщеславный Паскевичъ ненавидѣлъ въ немъ нескрываемое превосходство. Вскорѣ по вступленіи Паскевича въ командованіе арміею, дѣйствовавшею противъ польскихъ мятежниковъ, Толь писалъ къ графу (теперь князю) Орлову (я слышалъ это лично отъ графа), прося его довести до высочайшаго свѣдѣнія, что новый главнокомандующій дѣйствуетъ не въ своемъ умѣ, что всѣ его поступки и распоряженія превратны и что, если они такъ продолжатся, то нельзя отвѣчать ни за исходъ кам-

¹⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Не совѣтъ мѣ, ибо въ самое тяжкое время войны просилъ увольненія отъ должности, на что отвѣтъ государя былъ полученъ уже послѣ смерти графа Дибича и прочтенъ самимъ графомъ Толемъ, въ присутствіи незадолго передъ тѣмъ присланнаго въ армію графа Ал. Гр. Орлова“.

паніи, ни даже за спасеніе арміи. Письмо это Орловъ представилъ государю, и Толю сдѣланъ былъ, по выраженію графа, «строгій нагоній». Послѣ это заглушилось удачами кампаніи и взятіемъ Варшавы; но современная лесть ¹⁾ несправедливо отнесла послѣднее къ заслугѣ Паскевича ²⁾; самъ же Паскевичъ, достигшій между тѣмъ апогея величія, еще болѣе возненавидѣлъ соглядатая его дѣйствій и соперника въ раздѣлѣ славы. Толь, впадъ если не въ явную немилость, то по крайней мѣрѣ въ полужабненіе, никогда уже не могъ оправиться при дворѣ, гдѣ, говоря, что отдають справедливость его достоинствамъ, наблюдали въ отношеніи къ нему не болѣе какъ одно холодное уваженіе ³⁾.

Получивъ за штурмъ Варшавы Андреевскую ленту, графъ Толь вслѣдъ за тѣмъ, и именно 5-го сентября 1831 года, былъ уволенъ «по разстроенному здоровью и собственному желанію» отъ званія начальника главнаго штаба дѣйствующей арміи и спустя два года, 1-го октября 1833 года, перешелъ на гражданское поприще, бывъ назначенъ главнымъ управляющимъ путями сообщенія и публичными зданіями. Съ сего времени почти прекратились для него и вѣшніи почести. Въ восемь съ половиною лѣтъ, онъ получилъ только алмазы къ Андреевскому ордену (7-го апрѣля 1835 г.) и майоратство въ царствѣ Польскомъ (1-го января

¹⁾ Императоръ Александръ написалъ: „Не лесть, а безпристрастная справедливость, хотя честь послѣдняго штурма во многомъ принадлежитъ графу Толю“.

²⁾ Я помню, что вскорѣ послѣ того показывали въ Петербургѣ панораму съ объявленіемъ въ афишахъ, что она представляетъ „взятіе Варшавы графомъ Толемъ“; но и афиши эти и самую панораму тотчасъ запретили.

³⁾ Въ 1839 году, когда дѣлались сборы къ Бородинскимъ маневрамъ и всѣ лица, участвовавшіи сколько-нибудь въ славной Бородинской битвѣ, особенно были туда приглашаемы, графъ Бенкендорфъ, въ разговорѣ объ этомъ въ Петергофскомъ дворцѣ, спросилъ Толя, почти съ удивленіемъ: „А развѣ и вы туда собираетесь?“ Я случился возлѣ нихъ, и Толь, отойдя отъ своего собесѣдника, вылилъ мнѣ все нервное свое сердце. „Вотъ,—сказалъ онъ, раскраснѣвшись,—какъ трактуютъ насъ люди, которые сами не оставили по себѣ странички въ исторіи; въ Бородинскомъ дѣлѣ я, въ чинѣ полковника, былъ генераль-квартирмейстеромъ всей арміи и первый занялъ позицію, а спрашиваютъ: собираюсь ли я на маневры; и кто же? Тотъ, кто былъ тогда ничтожнымъ поручикомъ, кто самъ однако считаетъ долгомъ туда ѣхать и кому поручено завѣдывать приглашеніями!“ При этомъ случаѣ сильно также досталось Данилевскому за его исторію войны 1812 года. „Это не исторія,—продолжалъ разсерженный старикъ,—а просто придворный календарь: кому теперь хорошо при дворѣ, того имя гремитъ на каждой страничкѣ, хотя бы онъ не получилъ и парашюки, а о другихъ, настоящихъ дѣйствителяхъ, сошедшихъ по обстоятельствамъ со сцены, или не пользующихся особенною милостію при дворѣ, и помину нѣтъ. Такъ время затемняетъ исторію, а лесть совсѣмъ ее стѣраетъ“. Дѣйствительно, о блистательныхъ подвигахъ Толя въ отечественную кампанію въ сочиненіи Данилевскаго упоминается вездѣ только очень кратко и какъ бы вскользь и нехотя.

1837 г.). Но что еще хуже, въ новой своей должности онъ помрачилъ прежнюю свою славу. Не имѣя никакихъ свѣдѣній въ порученной ему части, онъ, съ самаго начала вступленія въ должность, слѣпо вѣрился одному изъ генераловъ того же корпуса Девятину, котораго потомъ возвелъ въ званіе своего товарища и который былъ человекъ очень умный и тонкій, но нѣчто въ родѣ военного подъячаго. Ненавидимый подчиненными за вспыльчивое и грубое обращеніе, водимый по произволу своихъ любимцевъ, со всѣхъ сторонъ обманываемый, Толъ доказалъ на опытѣ, что можно быть отличнымъ полководцемъ и очень плохимъ администраторомъ. Кругомъ его и волѣ него все воровало и мошенничало, какъ ни по какой другой части, а онъ, самъ въ высшей степени честный и благородный и потому не подозрѣвавшій лжи и въ другихъ, вездѣ и передъ всѣми запальчиво отстаивалъ офицеровъ своего корпуса именно со стороны чистоты ихъ правилъ! Въ Совѣтѣ и въ Комитетѣ министровъ Толъ былъ тоже всегда совершенно рядовымъ членомъ. По-русски онъ и говорилъ и писалъ прекрасно, даже такъ, какъ мало кто изъ современныхъ ему государственныхъ людей нашихъ; но, мало знакомый съ гражданскими дѣлами, онъ возвышалъ свой голосъ въ тѣхъ лишь рѣдкихъ случаяхъ, когда обсуживались дѣла его вѣдомства, и тутъ горячился обыкновенно до такой степени, что, послѣ засѣданія, долженъ былъ отхаживаться и отпаиваться водою, пока могъ сѣсть въ карету, не опасаясь простуды. Впрочемъ, въ послѣднее время и этого уже болѣе не было. Удрученный тяжкимъ недугомъ, онъ сидѣлъ не только не говоря самъ, но, кажется, и не слушая другихъ.

Отецъ трехъ сыновей и двухъ дочерей (жена его была дочь генерал-отъ-инфантеріи Штрандмана), графъ Толъ былъ отличный семьянинъ, обожаемый женою и дѣтьми. Въ домашнемъ своемъ хозяйствѣ, при очень небольшомъ состояніи, онъ отличался не только бережливостію, но даже и скупостію. Занимая присвоенный его должности казенный домъ (бывшій Юсуповскій), онъ сберегалъ значительную часть суммы, отпускавшейся ему на содержаніе и ремонтъ этого дома, и, обитая въ истинно-царскихъ палатахъ, велъ образъ жизни болѣе чѣмъ скромный. Разсказывали даже, будто бы изъ находящихся при томъ домѣ обширныхъ садовъ и оранжерей ни одна ягодка не шла къ его столу, и все продавалось на Щукинъ дворъ.

Замѣчательно, что смерть постигла графа Толя именно въ день Георгія Побѣдоносца, столько разъ покровительствовавшего ему на полѣ брани. Онъ дожилъ до 66-го года.

Вѣсть о страшной кончинѣ герцога Орлеанскаго — онъ, какъ извѣстно, умеръ отъ ушиба, полученнаго при паденіи изъ разнесенной лошадыи коляски — пришла въ Петербургъ, съ газетами, 13-го іюля; но дворъ и

приближенные узнали объ этомъ происшествіи еще 11-го числа, сперва черезъ варшавскій телеграфъ, хотя еще въ довольно неопредѣлительныхъ выраженіяхъ, а потомъ черезъ курьера, присланнаго отъ нашего посольства на гаврскомъ пароходѣ. Не смотря на непріязнь свою къ Людовику Филиппу, государь принялъ живое участіе въ несчастіи, столь неожиданно поразившемъ королевскую фамилію. Симпатія родительскихъ, высшихъ чувствъ одержала верхъ надъ политическою антипатіею. Назначенный уже на 11-е число, по случаю именинъ великой княжны Ольги Николаевны, балъ въ Знаменскомъ былъ немедленно отмѣненъ. На другой же день, т. е. 12-го, послѣдовало повелѣніе наложить придворный трауръ на 12-ть дней. Наконецъ, въ первый разъ съ Іюльской революціи, государь отправилъ къ королю французовъ письмо съ изъявленіемъ своего участія и, сверхъ того, отъѣзжавшему отъ насъ въ то время во Францію живописцу Горасу Верне, который находился въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ Людовику Филиппу, поручено было еще лично передать послѣднему душевное соболѣзнованіе къ постигшему его тяжкому удару.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

VII).

Графъ Киселевъ отказывается отъ господства Валахскаго.—Княгиня Варшавская и контрабанда.—Царскосельскій карусель.—Двадцатипятилѣтіе шефства.—Псаломщикъ Никонъ.—Статья „Водовозъ“.—Фельдъегерь изъ Берлина, фракъ и брюки.—Плачущій чиновникъ на дворцовой набережной.—Графъ Огинскій, безвинно посаженный въ крѣпость.—Императоръ Николай, переписчикъ резолюцій барона М. А. Корфа.—Генералъ-губернаторъ графъ Эссенъ.

Въ тѣхъ поръ какъ графъ Киселевъ, послѣ турецкой кампаніи 1829 года, управлялъ, отъ имени нашего правительства, Молдавіею и Валахіею, государь приказалъ всѣ депеши по дѣламъ этихъ княжествъ, по мѣрѣ ихъ полученія, передавать изъ министерства иностранныхъ дѣлъ предварительно графу и потомъ вносить въ докладъ, всегда съ его мнѣніемъ. На этомъ основаніи поступлено было и съ депешою нашего генеральнаго консула въ Букарестѣ Дашкова, которою доводилось до свѣдѣнія, что, за послѣдовавшимъ лишеніемъ князя Гика господарскаго сана, всѣ мнѣнія избирателей склоняются въ пользу Киселева, и испрашивалось дальнѣйшихъ на сей предметъ инструкцій. Киселевъ далъ мнѣніе такого содержанія, что какъ Гика свергнуть по вліянію русскаго правительства, и это вліяніе, гласное въ цѣломъ краѣ, осталось небезызвѣстнымъ и прочей Европѣ, то было бы несовмѣстно и противно политическимъ видамъ замѣстять его русскимъ кандидатомъ; а какъ при томъ въ гос-

*) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1899 г.

подари можетъ, по мѣстнымъ законамъ, выбранъ быть только коренной валахскій бояръ, или, по крайней мѣрѣ, сынъ получившаго индигенатъ бояра, онъ же, Киселевъ, получилъ этотъ индигенатъ первый изъ своего рода: то объ избраніи его не можетъ быть и рѣчи. По одобреніи государемъ сего мнѣнія, оно было принято за основаніе и къ отклоненію самаго выбора, и къ отзывамъ на запросы о томъ разныхъ европейскихъ дворовъ, начинавшихъ уже, по свѣдѣніямъ о расположеніи умовъ въ Букарестѣ, обнаруживать нѣкоторую тревогу. Спустя нѣсколько дней послѣ такого «отреченія» Киселева, императрица, на маленькомъ вечерѣ во дворцѣ, спросила у него:

— Eh bien, vous n'avez pas voulu de la Royauté?

— Il n'aurait pas dû, si même il avait voulu ¹⁾—отвѣтилъ государь и разсказалъ сохранившееся у него въ памяти обстоятельство объ индигенатѣ.

— На это возраженіе, однако,—передавалъ мнѣ потомъ самъ Киселевъ—я, въ первомъ жару, тутъ же отозвался, что не принялъ господства только потому, что не хотѣлъ; обстоятельство же объ индигенатѣ послужило лишь отговоркою, такъ какъ это правило относится только до возведенныхъ просто въ боярскій санъ, а я, получивъ такъ называемый «grand indigenat», стою выше этихъ ограниченій и, хотя я первый изъ своего рода валахскій бояръ, могъ бы тотчасъ быть выбранъ въ господа. Впрочемъ—продолжалъ онъ—ошибаются тѣ, которые думаютъ, что постъ, или, пожалуй, престолъ валахскаго господаря позволяетъ, лежа съ трубкою, предаваться кейфу. Въ теперешнихъ обстоятельствахъ, при совершенной деморализаціи и вельможъ и народа, при упадкѣ края, между владычествомъ и вліяніемъ Турціи и Россіи, подъ подозрительнымъ лазутничествомъ всѣхъ кабинетовъ Европы,—это одно изъ труднѣйшихъ управленій, требующее полного самопожертвованія и самоотверженія. И Гика главнымъ образомъ отъ того упалъ, что хотѣлъ сибаритничать, а не работать. Если бъ мнѣ было еще лѣтъ 30-ть, я, можетъ статься, и согласился бы надѣтъ на себя это ярмо; но теперь, когда мнѣ близко 54-хъ, скорѣе можно думать о томъ, чтобы освободиться и отъ настоящаго бремени, чѣмъ налагать на себя еще новое. Къ тому же у меня нѣтъ дѣтей, да и достоинство господарское не наследственное, а пожизненное. Словомъ, Богъ съ нимъ: мое здоровье безъ того плохо, а въ мои лѣта здоровье гораздо дороже, чѣмъ удовлетвореніе тщеславію.

Какъ бы то ни было, но очевидно, что направленіе умовъ въ Валахіи, общій газетный шумъ и, наконецъ, роль добровольно отрекшагося

¹⁾ — И такъ вы не хотѣли царствовать?—Онъ не могъ бы, если бы даже и захотѣлъ.

отъ господарскаго сана очень льстили самолюбію графа Киселева, и онъ никакъ не захотѣлъ бы, чтобы эта великолѣпная страница выпала изъ его біографіи. И дѣйствительно, она одна уже упрочила за нимъ мѣсто въ современной исторіи.

Княгиня Варшавская (супруга генералъ-фельдмаршала) прислала въ Петербургъ изъ чужихъ краевъ двумъ зятьямъ своимъ: Балашову и князю Волконскому, разнаго гостинцу, т. е. накупленныхъ тамъ для нихъ вещей. На пограничной таможенѣ, по нерѣдкому въ подобныхъ случаяхъ снисхожденію, ящики были запломбированы, съ тѣмъ чтобы подвергнуть ихъ таможенному досмотру въ Петербургѣ. Но Балашовъ и Волконскій, или по незнанію, или понадѣявшись на свои связи, по полученіи ящиковъ, вздумали сами снять пломбы и вскрыть посылку безъ таможеннаго чиновника, такъ что, когда послѣдній явился для досмотра, то узналъ, что дѣло обошлось безъ него, и министръ финансовъ нашелся вынужденнымъ войти объ этомъ съ докладомъ, прибавивъ, что по коносаментамъ слѣдуетъ пошлинныхъ и штрафныхъ денегъ 17.000 руб. сер. Государь приказалъ—непремѣнно взыскать эту сумму, говоря, что чѣмъ выше званіе, тѣмъ болѣе должно подавать примѣръ уваженія къ законамъ.

Въ великій постъ 1842 года, въ которомъ, по сравненію съ предшедшими годами, было и концертовъ какъ-то чрезвычайно мало, и раутовъ въ большомъ свѣтѣ всего лишь два или три, государь, для развлеченія, устроилъ у себя домашній карусель. Во время поста происходили, впрочемъ, только репетиціи, а настоящее представленіе дано было уже въ концѣ апрѣля. Карусель состоялъ въ изображеніи, верхомъ на лошадяхъ, фигуръ разныхъ танцовъ. Кавалерами были государь, цесаревичъ наслѣдникъ и всѣ другіе члены царской фамиліи (кромѣ великаго князя Михаила Павловича)¹⁾; дамами—великія княжны (кромѣ также великой княгини Елены Павловны и ея дочерей, о которыхъ великая княгиня отозвалась, что онѣ не довольно еще хорошо ѣздить верхомъ) и нѣсколько придворныхъ дамъ и дѣвицъ. Репетиціи происходили иногда по утрамъ, иногда по вечерамъ, въ Михайловскомъ манежѣ, гдѣ послѣ данъ былъ и самый карусель, разумѣется безъ всякой посторонней публики. Потомъ, 23-го мая, подобный же карусель повторился въ Царскомъ Селѣ, но съ тою разницею: во 1-хъ, что въ немъ участвовала и императрица, во 2-хъ, что онъ былъ не въ манежѣ, а на площадкѣ передъ Александровскимъ дворцомъ и въ 3-хъ, что кавалеры, вмѣсто обыкновенныхъ своихъ костюмовъ, явились въ полномъ нарядѣ старинныхъ рыцарей и при томъ не

¹⁾ Императоръ Александръ написалъ: „Кажется, напротивъ и онъ участвовалъ“.

въ какихъ-либо подражаніяхъ, а въ подлинныхъ доспѣхахъ, взятыхъ изъ арсенала и пригнанныхъ только на мѣрку каждого. Всего было 16 паръ, которыя, въ предшествіи музыкантовъ, такимъ же образомъ одѣтыхъ, черкесовъ въ блестящихъ кольчугахъ и оруженосцевъ ¹⁾, конныхъ и пѣшихъ (роль пажей исполняли младшіе великіе князья), сперва проѣхали торжественнымъ маршемъ, а потомъ составили кадрили, шены и пр., что продолжалось отъ 7-ми часовъ вечера за половину 9-го. Императрица участвовала только въ маршѣ, послѣ котораго сѣла, вмѣстѣ съ своимъ кавалеромъ (генераль-адъютантомъ графомъ Апраксинымъ) между зрителями. Послѣднихъ было очень мало и почти одни только родственники участвовавшихъ въ каруселѣ лицъ, а постороннихъ никого не впускали на площадку, хотя впрочемъ нѣсколько любопытныхъ и нашли себѣ потаенныя мѣстечки, откуда все видѣли. Шествіе открывалъ герольдъ, состоявшій при наслѣдникѣ генераль Юрьевичъ, а за нимъ ѣхали императрица съ своимъ кавалеромъ; черный рыцарь (генераль Мейендорфъ) ²⁾; наслѣдникъ съ одною изъ великихъ княженъ; государь съ графинею Воронцовою; герцогъ Лейхтенбергскій ³⁾ и такъ далѣе—фрейлины, придворныя дамы и флигель-адъютанты. Государь и наслѣдникъ въ рыцарскомъ одѣяніи были величественно-безподобны ⁴⁾. Непривычный, по своей тяжести, нарядъ однако же очень утомилъ нѣкоторыхъ изъ кавалеровъ. У самого государя шла кровь носомъ ⁵⁾, а герцогъ Лейхтенбергскій, сходя съ лошади, едва не упалъ въ обморокъ ⁶⁾. Великій князь Михаилъ Павловичъ провелъ этотъ день въ Новгородѣ, гдѣ осматривалъ расположенныя тамъ войска, а великая княгиня Марія Николаевна оставалась по недорозумѣю въ Сергіевкѣ.

5-го апрѣля праздновались два совокупленныя въ одинъ день торжества, именно двадцатипятилѣтіе со дня обрученія государя ⁷⁾ и двадцатипятилѣтіе же со дня назначенія его шефомъ прусскаго Кирасирскаго полка его имени ⁸⁾. Празднество началось обѣдней, впрочемъ

¹⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Выдумка“.

²⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Съ великою княгинею Александрою Николаевною“.

³⁾ Императоръ Александръ II прибавилъ: „Принцъ Александръ Гессенскій“.

⁴⁾ Вскорѣ послѣ того былъ награвированъ и вездѣ продавался эстампъ, изображавшій ихъ величества и высочества въ нарядахъ этого каруселя.

⁵⁾ Императоръ Александръ написалъ: „Вадоръ“.

⁶⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Потому что былъ боленъ“.

⁷⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Не правда. День обрученія былъ 25-го іюня 1817 г., а день помолвки 23-го октября 1815 г.“

⁸⁾ Назначеніе великаго князя Николая Павловича шефомъ этого полка послѣдовало собственно не 5-го апрѣля, а 18-го (30-го) марта; но при дворѣ оба празднества были отправлены въ одинъ день.

въ малой Дворцовой церкви и безъ торжественнаго выхода; затѣмъ состояло въ разводѣ и въ обѣдѣ, и кончилось тѣмъ, что вечеромъ игралъ во дворцѣ, въ присутствіи довольно многочисленнаго собранія, знаменитый піанистъ Листъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ пріѣхавшій въ Петербургъ. Всему этому, впрочемъ, приданъ былъ особенный характеръ прибытіемъ сюда изъ Берлина депутаціи отъ помянутаго полка, состоявшей изъ полковаго командира фонъ-Ганнекена, двухъ штабъ и двухъ же оберъ-офицеровъ, которые всѣ находились уже въ полку въ день назначенія государя его шефомъ ¹⁾. Съ ними пріѣхалъ еще и одинъ вахмистръ, единственный изъ нижнихъ чиновъ, оставшихся на лицо отъ того времени. Всѣхъ ихъ помѣстили въ частной гостиницѣ, но на полномъ содержаніи отъ двора, и на время пребыванія въ Петербургѣ были назначены къ нимъ одинъ изъ генераловъ государевой свиты (Гринвальдъ) и еще одинъ конногвардейскій офицеръ (графъ Крейцъ), которые ѣздили съ ними вездѣ, какъ при осмотрахъ, такъ и при визитахъ. На обѣдѣ 5-го числа былъ посаженъ за придворный столъ и вахмистръ, между двумя нашими дворцовыми гренадерами. Въ тотъ же день государь вручилъ депутаціи, для передачи въ полкъ, великолѣпную вазу, сдѣланную на казенномъ фарфоровомъ заводѣ. Сверхъ портрета покойнаго прусскаго короля, на ней изображены были фамиліи всѣхъ офицеровъ, находившихся въ полку какъ за 25 лѣтъ передъ тѣмъ, такъ и въ 1842 году.

Двадцатипятилѣтіе начальствованія государя прусскимъ Кирасирскимъ полкомъ было праздновано особеннымъ торжествомъ и въ самой Пруссіи, въ г. Бранденбургѣ, гдѣ стоялъ тотъ полкъ и куда, къ этому дню, пріѣхалъ самъ король. Отъ нашего двора былъ посланъ туда, съ рескриптомъ на имя Ганнекена, генераль-адъютантъ Мансуровъ.

При церквяхъ Зимняго дворца въ продолженіе 60-ти лѣтъ (съ 1782 года) состоялъ, все въ одной и той же должности, псаломщикомъ, Никонъ, который, несмотря на свои 80 лѣтъ, продолжалъ отправлять обязанности своего званія наравнѣ съ младшими товарищами. Чтеніе его, при спавшемъ голосѣ и сбитомъ языкѣ, походило уже болѣе на какой-то невнятный переливъ, по камнямъ, далекаго водопада, или, лучше сказать, ни на что не походило; но, въ уваженіе къ его

¹⁾ Въ числѣ этихъ офицеровъ былъ одинъ, котораго фамилія давала поводъ ко множеству проказъ и двусмысленностей, при упорствѣ нашихъ газетъ именовать его *Montéton*, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ онъ назывался *Montelou*. Съ этою фамиліею шулуя Воронцова сама попала въ просакъ, едва-ли, впрочемъ, непреднамеренный. Какъ-то разговаривая съ государемъ о прусскихъ офицерахъ, она спросила: „*Et comment Vous plait Montéton (mon téton—мой сосокъ) Sire?*“—„*Mais lequel, Comtesse?*“

многочисленной службѣ, все еще онъ одинъ имѣлъ привилегію читать въ присутствіи царской фамилии въ церкви пареміи, стихиры и пр. ¹⁾ Хотя это чтеніе возбуждало иногда невольныя улыбки государя и другихъ слушателей. Императоръ Николай никакъ не хотѣлъ огорчить и, такъ сказать, уничтожить старика, лиша его этой привилегіи, пока, наконецъ, великимъ постомъ 1842 года, самъ онъ, почувствовавъ совершенное разслабленіе, добровольно отпросился отъ чтенія. Этотъ, въ своемъ родѣ историческій Никонъ былъ, несмотря на маловажную его должность, человѣкомъ примѣчательнымъ по своей образованности. Онъ воспитывался нѣкогда въ Петропавловскомъ училищѣ, вмѣстѣ съ Вилламовымъ, впоследствии статсъ-секретаремъ и членомъ Государственнаго Совѣта, очень хорошо говорилъ по-французски и по-нѣмецки и превосходно зналъ древніе языки. При дворѣ Никонъ пользовался особымъ уваженіемъ. Императоръ Николай и всѣ члены царскаго дома всегда отличали старика, сколько и чѣмъ можно было въ его званіи, а придворное духовенство почитало его какъ бы своимъ старшиною и головою. За то и Никонъ имѣлъ своего рода честолюбіе и никогда, напримѣръ, не цѣловалъ руки ни у одного архіерея, говоря, что если бы въ свое время пошелъ въ монахи, то самъ уже давно былъ бы митрополитомъ.

Въ числѣ начавшихъ появляться у насъ съ сороковыхъ годовъ иллюстрированныхъ, или, какъ ихъ тогда называли, роскошныхъ изданій, одно изъ первыхъ мѣстъ, и едва-ли даже не самое первое, занялъ сборникъ подъ заглавіемъ: «Наши», начатый, въ подражаніе: «*Les Français peints par eux mêmes*», служившимъ въ то время помощникомъ статсъ-секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ Башуцкимъ, человѣкомъ съ очень пріятнымъ литературнымъ и артистическимъ талантомъ. Сочинитель нѣсколькихъ романовъ, издатель двухъ или трехъ журналовъ и пр., онъ, по стеченію разныхъ неблагопріятныхъ случайностей, всегда подвергался, во всѣхъ своихъ литературно-меркантильныхъ предпріятіяхъ, какимъ-то особеннымъ несчастіямъ и наиболѣе потерпѣлъ ихъ при изданіи замѣчательной своей книги: «Панорама С.-Петербурга», отъ крушенія корабля, везшаго въ Россію изготовленные для нея въ Лондонѣ доски и оттиски гравюръ. Такое же особенное несчастіе остановило, почти въ самомъ началѣ, и упомянутое изданіе его «Наши». Въ первыхъ выпускахъ помѣщена была статья «Водовозъ», въ которой вѣрными и живыми, но именно отъ того и очень рѣзкими, красками описывалась труженическая, каторжная и сопряженная со всевозможными лишеніями и бѣдствіями жизнь

¹⁾ Императоръ Александръ прибавилъ: „И псалтырь во время великопостныхъ службъ“.

этого класса людей. Эта статья, несмотря на пропускъ ея цензурою, возбудила противъ себя большое неудовольствіе государя. Графъ Бенкендорфъ, призвавъ Башуцкаго, объявилъ ему, что государь, хотя любить и уважаетъ его талантъ, но велѣлъ сдѣлать ему строгое замѣчаніе за упомянутую статью, изображающую такими мрачными красками бѣдственное положеніе нижнихъ слоевъ народа, въ такую эпоху, когда умы и безъ того расположены къ волненію.

Спустя нѣсколько дней появилась въ «Сѣверной Пчелѣ» статья «Водоносъ», которую велѣно было сочинить Булгарину въ видѣ antidota «Водовозу» и въ которой онъ, стараясь парализировать впечатлѣніе, произведенное сею послѣднею, представилъ жизнь и занятія своего героя въ самыхъ розовыхъ и идиллическихъ краскахъ.

Въ половинѣ 1842 года послѣдовало всѣмъ заграничнымъ нашимъ миссіямъ строжайшее, отъ высочайшаго имени, подтвержденіе прежняго запрещенія не отправлять съ фельдъегерями, везущими въ Россію казенныя депеши, никакихъ частныхъ вещей и посылокъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ октябрѣ, когда царская фамилія имѣла пребываніе въ Гатчинѣ, несоблюденіе этого приказанія со стороны берлинской миссіи дало поводъ къ слѣдующему трагикомическому происшествію. Въ то время совершился бракъ наслѣднаго принца Веймарскаго съ принцессою Нидерландскою и, по прибытіи молодой четы въ Веймаръ, великая княгиня Марія Павловна отправила къ нашему двору съ извѣстіемъ о томъ нарочнаго фельдъегеря, который на пути черезъ Берлинъ заѣхалъ въ тамошнее наше посольство; здѣсь его навьючили пятью тяжеловѣсными тюками, адресованными на имя графа Нессельрода, но «по канцеляріи», т. е. для вскрытія непосредственно въ сей послѣдней, безъ передачи графу. Пріѣхавъ прежде въ Гатчину и принимаясь къ пакетомъ отъ великой княгини на дворцовую лѣстницу, фельдъегерь случайно встрѣтилъ сходявшаго государя, который спросилъ, есть ли еще другіе пакеты?

— Есть.

— Сколько?

— Пять.

— На чье имя?

— Графа Нессельрода.

— Давай сюда.

И вдругъ, въ первомъ изъ этихъ пакетовъ или тюковъ, вскрытомъ тутъ же самимъ государемъ, оказались фракъ и брюки! Тогда, оставивъ и этотъ тюкъ и прочіе у себя, государь вытребовалъ въ Гатчину, черезъ того же фельдъегеря, начальника петербургской таможни Ильина, съ двумя досмотрщиками. По прибытіи туда, всѣ тюки были вскрыты ими въ присутствіи государя. Добыча заключалась въ разныхъ нарядахъ и

другихъ вѣщахъ, которыя, подъ прикрытіемъ надпися: «по канцеляріи», были адресованы на имя двухъ, очень близкихъ ко двору дамъ: вдовы генераль-адъютанта князя Трубецкаго и фрейлины Адлербергъ, дочери главноначальствующаго надъ Почтовымъ Департаментомъ. Таможенные правила подвергали все это конфискаціи и, сверхъ того, провозителя штрафу въ 630 руб. сер. Такъ точно государь и приказалъ распорядиться, обративъ взысканіе штрафа на посланника нашего въ Берлинъ, барона Мейендорфа. На графа Нессельрода, за слабую команду, государь тоже очень разгнѣвался, и вице-канцлеръ, имѣвшій, въ обыкновенномъ порядкѣ, еженедѣльно по два доклада, послѣ этого двѣ недѣли не былъ призываемъ. Что же касается до роковыхъ фрака и брюкъ, то назначеніе ихъ осталось—вѣчною тайною: втораго адреса на нихъ не было, а неизвѣстный ихъ владѣлецъ не разсудилъ за благо явиться за ними.

Въ концѣ 1842 года государь, гуляя по Дворцовой набережной, увидѣлъ идущаго передъ собою человѣка, судя по верхней его одеждѣ, порядочнаго, но который, продолжая свой путь, казалось, всхлипывалъ. Государь нагналъ его и увидѣлъ, что, точно, все лицо у него омочено слезами.

— О чемъ вы плачете?—спросилъ онъ съ участіемъ.

Спрошенный, не подозрѣвая, что за нимъ идетъ государь, и еще менѣе ожидая удостоиться его бесѣды, сперва оробѣлъ, но потомъ, ободренный дальнѣйшими разспросами, отвѣчалъ, что онъ чиновникъ сенатской канцеляріи, получающій всего 500 руб. жалованья и что у его сестры, при четырехъ дѣтяхъ, 1.500 руб. долгу, за который грозятъ ее посадить въ тюрьму. Отчаяніе его происходило отъ невозможности ей помочь.

— Хорошо—сказать государь—ступайте ко мнѣ на верхъ, напишите тамъ все, что вы мнѣ говорили, и ждите, пока я приду.

— Но, ваше величество, кто же меня туда пустить? Да я и не знаю, куда идти.

Тогда государь подозвалъ жандарма и приказалъ проводить чиновника во дворецъ, отъ его имени. При возвращеніи своемъ, найдя записку уже написанною, онъ отпустилъ просителя съ милостивымъ ободреніемъ, а записку тотчасъ отослалъ къ министру юстиціи, съ приказаніемъ по ней справиться. Обнаружилось, что чиновникъ сказалъ и написалъ одну правду и что онъ на хорошемъ счету у своего начальства. Государь приказалъ выдать ему 1.500 руб.

Послѣ открытія заговора Канарскаго въ западныхъ губерніяхъ, внимательность правительства къ расположенію тамъ умовъ усилилась, разумѣется, еще болѣе, а отъ сего родились новые доносы, новыя изысканія и новая строгость, которая, при излишнемъ усердіи мѣстнаго

начальства, а иногда и изъ другихъ побужденій, менѣ чистыхъ, переходила не разъ за предѣлы умѣренности и даже справедливости. Такъ, при назначеніи генераль-губернаторомъ въ Литву, на смѣну князю Долгорукому, Мирковича, взведено было обвиненіе на нѣкоторыхъ помѣщиковъ Виленской губерніи, что они очень худо обходятся съ расположенными въ ихъ помѣстьяхъ солдатами, всячески ихъ утѣсняютъ и подвергаютъ разнымъ истязаніямъ имѣя въ то же время непозволительныя сношенія съ лицами, живущими за границею. Обвиненіе сіе показалось столь важнымъ, что одинъ изъ числа тѣхъ, которые наиболѣе ему подпали, камеръ-юнкеръ, коллежскій ассессоръ графъ Ириней Огинскій, былъ схваченъ, привезенъ въ Петербургъ и заключенъ въ крѣпостной казематъ, а для ближайшаго изслѣдованія дѣла на мѣстахъ отправили находившагося въ то время при наслѣдникѣ цесаревичѣ флигель-адъютанта Назимова. Но тутъ обнаружилось совсѣмъ другое. Одинъ солдатъ, умирая, на духу покался священнику, что имъ и его товарищами взведены были на помѣщиковъ небылицы; что послѣдвіе никогда ни въ чемъ ихъ не утѣсняли; что, напротивъ, сами войска дѣлали помѣщикамъ крестьянамъ всякія прижимки, и что всѣ противныя сему показанія солдатъ были или вынуждены, или куплены. Священникъ поспѣшилъ довести о томъ до свѣдѣнія Назимова, который съ своей стороны явилъ примѣръ высокаго гражданскаго мужества. Вмѣсто того, чтобы, изъ угодничества, скрыть это показаніе, какъ сдѣлали бы, вѣроятно, многіе другіе, онъ произвелъ новое, по содержанію его, розысканіе и представилъ въ Петербургъ о результатахъ его, подтверждавшихъ безвинность помѣщиковъ. При такомъ направленіи дѣла, противномъ прежнимъ удостовѣреніямъ мѣстнаго начальства и видамъ многихъ сильныхъ, противъ слѣдователя тотчасъ вооружилась могущественная партія, которая умѣла такъ оклеветать его «въ приверженности къ полякамъ», что государь, при проѣздѣ въ то время черезъ Ковно, гдѣ дожидался Назимовъ, даже не удостоилъ его принять. Между тѣмъ свидѣтельство Назимова было слишкомъ настойчиво, чтобы не дать ему дальнѣйшаго хода; почему для новаго на мѣстахъ переслѣдованія командированъ былъ въ концѣ 1841 года генераль-адъютантъ Кавелинъ, котораго донесенія вполне подтвердили все показанное Назимовымъ. Мирковичу на семь основаній сдѣлано было строгое внушеніе, а дѣло передано на судебное разсмотрѣніе, окончившееся въ 1842-мъ году совершеннымъ оправданіемъ подсудимыхъ. Тогда на Огинскаго, тотчасъ, разумѣется, освобожденнаго изъ его заключенія, излился отъ правосудной души императора Николая цѣлый потокъ милостей, который не могъ не удивить массы, не знавшей вышеизложенныхъ подробностей. Въ одномъ и томъ же номерѣ «Сенатскихъ Вѣдомостей» были напечатаны три о немъ указа: одинъ 11-го ноября,

о производствѣ его «въ вознагражденіе за долговременное нахожденіе подъ слѣдствіемъ и судомъ», въ надворные совѣтники; другой, 24-го ноября, о пожалованіи его въ коллежскіе совѣтники; наконецъ третій, 29-го ноября, о пожалованіи его, «не въ примѣръ другимъ», въ камергеры, въ которые, не за-долго передъ тѣмъ, установлено было не жаловать никого, прежде достиженія чина статскаго совѣтника.

Въ продолженіе долговременной моей службы, однажды былъ и такой случай, что императоръ Николай сдѣлался моимъ переписчикомъ.

Въ маѣ 1842 года слушалось въ Государственномъ Совѣтѣ дѣло объ устройствѣ каспійскихъ рыбныхъ промысловъ, весьма важное и для государственныхъ и для частныхъ интересовъ. Оно слагалось изъ множества разнородныхъ и трудныхъ вопросовъ; но во главѣ ихъ стоялъ одинъ, отъ котораго зависѣло, прямо или косвенно, разрѣшеніе всѣхъ прочихъ, — вопросъ о правѣ собственности прибрежныхъ владѣльцевъ на земли, а отсюда и на рыбныя ловли. Указами 1802 и 1803 годовъ повелѣно уже было отобрать эти земли въ казну и рыболовство сдѣлать общимъ или вольнымъ. Но указы сіи, за множествомъ мѣстныхъ затрудненій и неудобствъ, оставались еще безъ исполненія, и въ 1831 году послѣдовало даже Высочайшее повелѣніе пересмотрѣть дѣло во всѣхъ его отношеніяхъ; вслѣдствіе чего оно и поступило изъ Сената, какъ сказано, въ 1842 году, въ Совѣтъ. Здѣсь, въ соединенныхъ департаментахъ гражданскомъ и экономіи, одни члены отзывались, что какъ вопросъ рѣшенъ уже положительно въ указахъ 1802 и 1803 годовъ, то и должно земли и воды признать имуществомъ государственнымъ, оставивъ ихъ только во временномъ пользованіи нынѣшнихъ владѣльцевъ, до пріисканія удобнѣйшихъ и выгоднѣйшихъ способовъ къ устройству каспійскаго рыболовства; другіе члены, напротивъ, признавали, что какъ въ 1831 году велѣно пересмотрѣть дѣло, во всѣхъ его отношеніяхъ, то указы 1802 и 1803 годовъ, черезъ сіе самое, уже потеряли свою силу; а какъ права прибрежныхъ владѣльцевъ основаны всѣ на законныхъ способахъ укрѣпленія, то и должно оставить ихъ неприкосновенными. Въ общемъ сообрашеніи Совѣта мнѣнія также раздѣлились, и 19 членовъ (въ томъ числѣ предсѣдатель князь Васильчиковъ) стали за неприкосновенность правъ собственности, а 8 за неприкосновенность силы указовъ. Затѣмъ, для уразумѣнія нижеслѣдующаго, я долженъ сказать, что мнѣніе 19-ти членовъ состояло изъ трехъ частей, и означить, хотя кратко, содержаніе каждой изъ нихъ. Въ первой объяснялось, что Государственный Совѣтъ всегда не только въ правѣ, но и обязанъ представлять о неудобствахъ или затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ въ законахъ, и что если сіи послѣдніе, пока они существуютъ, должны быть свято исполняемы, то однако одно существованіе закона

никогда не почиталось препятствіемъ къ упомянутому представленію о его неудобствахъ, въ чемъ, напротивъ, заключается, отчасти, самое назначеніе Совѣта. Во второй части 19 членовъ приводили, что, въ настоящемъ собственно случаѣ, вопросъ этотъ представляется еще въ тѣснѣйшихъ предѣлахъ, или, лучше сказать, совсѣмъ отпадаетъ: ибо рѣшенъ уже повелѣніемъ 1831 г. Когда симъ повелѣніемъ указанъ пересмотръ дѣла во всѣхъ отношеніяхъ, то ясно, что должны быть пересмотрѣны и указы 1802 и 1803 годовъ, а если требовать приведенія ихъ въ дѣйствіе, безъ убѣжденія въ ихъ пользѣ и справедливости, потому лишь, что они законы существующіе, то останется неисполненнымъ повелѣніе 1831 года,—законъ, точно также существующій и еще болѣе обязательный, потому что онъ позднѣйшій. Наконецъ, въ третьей части доказывалась важность тѣхъ помѣщичьихъ правъ, которыя потрясены были указами 1802 и 1803 годовъ, и необходимость охранить эти права въ полной ихъ силѣ. На сихъ основаніяхъ 19 членовъ полагали: пересмотрѣть дѣло и постановить нужныя къ его разрѣшенію мѣры, единственно въ видахъ справедливости и общественной пользы, не стѣсняясь упомянутыми указами. Меморія о семъ разногласіи возвратилась отъ государя на другой же день съ слѣдующею собственно-ручною резолюціею: «Права помѣщиковъ немедленно пересмотрѣть, съ тѣмъ чтобы дѣло было непременно кончено къ 1-му сентября. Касательно же обязанности Совѣта представлять о неудобствахъ существующихъ законовъ, нужнымъ нахожу замѣтить, что рѣшеніе, которое по сему послѣдовать можетъ, разрѣшаетъ сей вопросъ только для будущихъ случаевъ, представиться могущихъ, но никогда не должно и не можетъ измѣнить рѣшенія дѣла, возбуждавшаго подобнаго рода представленіе, которое рѣшиться должно по точному смыслу существующаго въ то время закона. Обратнаго дѣйствія никакой законъ имѣть не можетъ».

Эта резолюція не могла не поставить и меня п князя Васильчикова, которому я тотчасъ о ней доведъ, въ крайнее недоумѣніе. Обѣ ея части, взятыя отдѣльно, были вполне логичны и правильны; но совокупное приложеніе ихъ къ настоящему собственно дѣлу, очевидно, представлялось невозможнымъ: ибо пересмотрѣть права владѣльцевъ нельзя было иначе, какъ нестѣсняясь указами 1802 и 1803 годовъ, а рѣшить дѣло по закону существующему значило оставить означенныя права безъ пересмотра, такъ какъ они были уже уничтожены тѣми указами, составляющими еще, покаместъ, законъ существующій. Отъ сего объявленіе этой резолюціи Совѣту грозило новымъ разногласіемъ, уже не о существѣ дѣла, а о собственномъ ея (резолюціи) значеніи. Ею могли бы истолковать въ свою пользу: по первой ея части 19, а по второй 8 членовъ, и обѣ стороны были бы нѣкоторымъ образомъ правы. Васильчиковъ находился въ совершенной нерѣшимости, рисковать ли

на такое непристойное новое разногласіе, по которому дѣло опять пошло бы къ государю уже съ вопросомъ: въ чемъ собственно состоятъ его воля? или же, остановивъ объявленіе резолюціи Совѣту, лично передоложить снова дѣло. Наконецъ, князь рѣшился на послѣднее и съ стѣсненнымъ сердцемъ поѣхалъ въ Царское Село; но все обошлось гораздо легче, чѣмъ мы предполагали. По первому слову князя государь сказалъ, что самъ замѣтилъ возможность недоразумѣнія отъ его резолюціи, но тогда уже, когда она была отослана.

— Впрочемъ,—продолжалъ онъ,—самъ я имѣю очень ясную мысль по этому предмету. Сколько я ни уважаю память и волю покойнаго брата (въ указахъ 1802 и 1803 годовъ); но здѣсь не могу съ нимъ согласиться и хочу, чтобы каждому отдано было свое: слѣдственно, по этому дѣлу совершенно раздѣляю мнѣніе 19 членовъ; а что я написалъ далѣе, то относится не сюда, а къ той части (второй) вашего заключенія, гдѣ вы разсуждаете о порядкѣ представленія касательно неудобствъ законовъ вообще. Одно идетъ прямо къ настоящему дѣлу, а другое къ общему порядку.

Отозвавшись, что Совѣтъ, въ предметахъ тяжбныхъ, всегда такъ и поступаетъ, Васильчиковъ прибавилъ, что хотѣлъ только сперва удостовѣриться въ точномъ разумѣ высочайшей воли, чтобы при объявленіи ея Совѣту сообразно тому вразумить членовъ.

— Нѣтъ, этого мало: резолюцію надо перемѣнить, чтобы въ ней самой не было неясности.

— Такъ, не угодно ли вашему величеству прибавить только на верху, что вы соглашаетесь съ 19-ю членами?

— Опять таки нѣтъ: это дѣло надо хорошенько сообразить; пришли мнѣ, что вы придумаете съ Корфомъ, я то и напишу.

Возвратясь изъ Царскаго Села, князь прислалъ за мною и, рассказавъ вышеприведенный разговоръ, поручилъ написать новую резолюцію, взаимнѣе прежней, я при томъ тутъ же, у него въ кабинетѣ, для немедленной отсылки къ государю. Дѣло было не легкое, и князь клалъ меня на Прокустово ложе. Надлежало сказать тѣми же словами—другое, сохранивъ, по возможности, прежнюю редакцію, не укорачивая и не распространяя ее и придавъ вообще всему тотъ видъ, какъ будто бы оно вытекло изъ-подъ быстраго государева карандаша. Послѣ долгаго размышленія, я придумалъ написать такъ:

«Въ отношеніи къ настоящему дѣлу соглашаюсь съ мнѣніемъ 19-ти членовъ; почему и разсмотрѣть немедля права помѣщиковъ, не стѣняясь указами 1802 и 1803 годовъ, съ тѣмъ, чтобы дѣло было непременно кончено къ 1-му сентября. Касательно же обязанности Государственнаго Совѣта представлять о неудобствахъ существующихъ законовъ вообще, нужнымъ нахожу замѣтить, что заключенія его объ ис-

правленіи или пополненіи сихъ законовъ должны всегда разрѣшать встрѣтившійся вопросъ только на будущее время, но никогда не должны и не могутъ имѣть вліянія на рѣшеніе дѣла, возбужденнаго подобнаго рода представленіе: ибо какъ никакой законъ обратнаго дѣйствія имѣть не можетъ, то и всякое такое дѣло должно рѣшиться по точному смыслу существовавшаго въ то время закона».

Эту редакцію, чтобы придать дѣлу возможно меньшую формальность, я переписалъ на листкѣ почтовой бумаги, своею, извѣстною государю, рукою, и она была отправлена въ Царское Село, при коротенькой запискѣ Васильчикова. Отвѣтъ не заставилъ себя долго ждать. Государь выслалъ меморію со стертою прежнею резолюціею и написанною взаимѣнъ ея новою по моей редакціи, въ которой онъ сдѣлалъ одну только перемѣну, и именно вмѣсто словъ: «касательно же», написалъ: «но касательно», безъ сомнѣнія для большей противоположности съ первою частію. Въ такомъ видѣ резолюція была объявлена Совѣту и не дала уже повода ни къ какому сомнѣнію; но важнѣйшее здѣсь—черта для исторіи. Императоръ Николай, самодержавный, безотчетный властелинъ полусвѣта, доступенъ былъ всякой правдѣ, всякому добросовѣстному убѣжденію, любилъ первую (какъ неоднократно высказывалъ то и передъ Совѣтомъ, и передъ разными комитетами) и покорялся послѣднему. И любовь его къ правдѣ была не однимъ словомъ, а дѣломъ и истиною! Многіе ли и изъ министровъ нашихъ согласились бы такъ уничтожить произнесенное единожды приказаніе и замѣнить его другимъ, не отъ нихъ самихъ исшедшимъ? И что сказали бы иностранные газетные врали, узнавъ такую черту къ характеристикѣ ослабленнаго ими деспота Николая?

Высшее управленіе Петербургской столицы, при императорѣ Николаѣ, находилось весьма долгое время въ рукахъ такого человѣка, котораго менѣе всего можно было признать къ тому способнымъ. Я говорю о военномъ генералъ-губернаторѣ графѣ Петрѣ Кирилловичѣ Эссенѣ. Послужный списокъ этого, въ то время уже старца, представлялъ такія блестящія страницы, что, перейди въ потомство однѣ эти страницы, исторія должна была бы поставить Эссена въ рядъ самыхъ примѣчательныхъ людей его вѣка. Изумительно - быстрая карьера, важныя назначенія, самыя щедрыя милости, изливавшіяся на него во все продолженіе его службы,—все это намекало на необыкновенныя дарованія и доблести, на испытанныя опытомъ искусство и знаніе дѣла, даже почти на нѣкоторую геніальность. А между тѣмъ мы, современники, которымъ вполнѣ извѣстна была степень его умственной высоты, искали и находили причину этой необыкновенной карьеры единственно въ счастливомъ стеченіи обстоятельствъ и въ своевольной игрѣ фортуны, такъ часто отворачивающейся отъ людей истинно

даровитыхъ и дѣльныхъ п осыпающей своими дарами ничтожность и пустоту. Исторія должна быть неумолима и безпощадна, и потому, при всемъ уваженіи къ памяти человѣка, по своему характеру добраго и незлобиваго, можетъ быть отчасти и храбраго воина, не могу не сказать со всею искренностію, что Эссенъ, въ сущности, былъ самою злою каррикатурою на письменный его формуляръ, а карьера его была самою язвительною насмѣшкою надъ людьми, которые мечтаютъ приманить къ себѣ счастье—одними достоинствами.

Родомъ изъ бѣдной и незначущей Лифляндской фамиліи (совсѣмъ другой, нежели извѣстная Эстляндская фамилія Эсеновъ), нашъ Петръ Кирилловичъ былъ въ 1777 году, пяти лѣтъ отъ роду, записанъ по тогдашнему обыкновенію вахмистромъ въ Лейбъ-Кирасирскій баталіонъ,—игрушку, отданную Екатериною II въ полное распоряженіе наслѣдника престола, великаго князя Павла Петровича, и послужившую разсадникомъ такъ называемымъ Гатчинскимъ, его любимцамъ и созданіямъ. Кратковременное царствованіе императора Павла, заставшее Эссена секундъ-маіоромъ, оставило его, въ 28 лѣтъ отъ роду, генералъ-лейтенантомъ, Выборгскимъ военнымъ губернаторомъ, инспекторомъ финляндской инспекціи и шефомъ гарнизоннаго полка, съ Анненскою лентою, и владѣльцемъ пожалованныхъ ему двухъ сотъ крестьянъ. Все это онъ получилъ безъ другихъ видимыхъ заслугъ, кромѣ мажорнаго участія въ Швейцарскомъ походѣ 1799 года. Замѣчалъ ли Павелъ въ человѣкѣ, котораго такъ быстро возвышалъ, что-нибудь необыкновенное, или только желалъ вознаградить въ немъ Гатчинскую преданность и, съ тѣмъ вмѣстѣ, возвышеніемъ его уничижить Екатерининскихъ временщиковъ? Послѣднее гораздо болѣе вѣроятно: ибо отъ умнаго императора не могла укрыться совершенная бездарность и ограниченность человѣка, который при томъ ничему никогда не учился и ничего не зналъ кромѣ нѣмецкой и русской грамоты, обѣ въ самой жалкой степени. Весьма примѣчательно еще одно обстоятельство: въ эти четыре года столь же быстрыхъ паденій, какъ и возвышеній, когда никто почти изъ извѣстныхъ императору лицъ не избѣгнулъ исключенія и отрѣшенія, хотя бы на короткое время, Эссенъ шелъ своимъ путемъ — дорогою, не бывъ даже ни разу отставленъ. Ему, въ отрицательности его, вѣроятно нечѣмъ было даже и прогнѣвить Павла. Послѣ перемѣны царствованія, бывъ назначаемъ сперва шефомъ разныхъ, попеременно, полковъ и потомъ начальникомъ разныхъ дивизій, онъ участвовалъ въ первой Французской, въ Турецкой и въ началѣ Отечественной кампаніи и во все это время также былъ осыпалъ непрерывными наградами, доведшими его, не далѣе февраля 1812 года, до Владимірской ленты. Въ концѣ 1816 года онъ былъ отчисленъ состоять по арміи, но не на долго: 19-го января 1817 года его назначили на важный админи-

стративный постъ, именно оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ, командиромъ Отдѣльнаго оренбургскаго корпуса и управляющимъ гражданскою тамъ частію и пограничнымъ краемъ. Въ томъ званіи Эссень былъ пожалованъ: 1819 года января 1-го въ генералы-отъ-инфантеріи и декабря 31-го «за сбереженіе болѣе 1.300.000 руб. отъ продовольствія войскъ», милостивымъ рескриптомъ и 10.000 десятинами земли въ Оренбургской губерніи, а въ 1826 году еще аренду въ 3.000 р. сер. на 12 лѣтъ. Наконецъ въ 1830 году февраля 7-го карьера Эссена была блистательно увѣнчана назначеніемъ его с.-петербургскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ и, въ слѣдъ за тѣмъ (апрѣля 18-го), членомъ Государственнаго Совѣта. Въ этихъ званіяхъ онъ пожалованъ: въ 1831 году табакеркою съ портретомъ государя, въ 1832 году перстнемъ также съ портретомъ, въ 1833 году «въ ознаменованіе особеннаго благоволенія за долговременную, отлично усердную и ревностную службу государю и отечеству» графскимъ достоинствомъ, въ 1834 году орденомъ св. Андрея, въ 1839 году производствомъ, вмѣсто аренды, въ теченіе 12 лѣтъ по 5.000 руб. сер. и наконецъ въ 1841 году алмазами къ Андрею. А между тѣмъ этотъ человекъ, безъ знанія, безъ энергіи, почти безъ смысла, упрямый лишь по внушеніямъ, состоялъ неограниченно въ рукахъ своего, привезеннаго имъ съ собою изъ Оренбурга, правителя канцеляріи Оводова, человекъ не безъ ума и не безъ образованія, но холоднаго мошенника, у котораго все было на откупъ и котораго дурная слава гремѣла по цѣлому Петербургу. Эссень лично ничего не дѣлалъ, не отъ недостатка усердія, а за совершеннымъ неумѣніемъ, даже не читалъ никакихъ бумагъ, а если и читалъ, то ничего въ нихъ не понималъ; Оводовъ же, избалованный долговременною безотвѣтственностію, давалъ движеніе только тому, что входило въ его интересы и расчеты. Приносить просьбы или жалобы военному генераль-губернатору по такимъ дѣламъ, по которымъ его правитель канцеляріи не былъ особо заинтересованъ, ни къ чему не вело, и въ такомъ случаѣ можно было ходить и переписываться цѣлые годы совершенно понапрасну. Зато едва-ли и встрѣчался когда-нибудь въ высшемъ нашемъ управленіи человекъ съ такою отрицательною популярностію, какую пріобрѣлъ Эссень, сдѣлавшійся, постепенно, мѣтою общаго презрѣнія и явныхъ насмѣшекъ, выражавшихся иногда—разумѣется иносказательно,—даже и въ печати ¹⁾. Все это, однако, относясь болѣе къ распорядку внутреннему или, такъ сказать, бумажному, оставалось, повидимому, сокрытымъ отъ государя, который, въ отношеніи къ вѣншему поряд-

¹⁾ Такъ въ изданіи, выходившемъ въ 1842 году: „Сплетни“, была статья: „Всевидающее око“—прямая сатира, направленная противъ Эссена.

ку столицы, входилъ самъ во все и, при бодрственной внимательности своей, представлялъ своимъ лицомъ истиннаго высшаго начальника Петербургской столицы.

Въ 1829 году, когда въ Оренбургской губерніи впервые появилась холера, болѣзнь, въ то время еще совершенно новая и неслыханная въ Россіи, туда командированъ былъ флигель-адъютантъ Игнатьевъ. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ донесъ государю о совершенной неспособности Эссена къ управленію столь важнымъ краемъ, для администраціи котораго преимущественно потребна была умная и сильная воля. Государь подумалъ и назначилъ Эссена с.-петербургскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ, зная, что здѣсь мало куда годный старикъ будетъ подъ его рукою и непосредственнымъ надзоромъ, а затѣмъ только терпѣлъ его, по уваженію къ его лѣтамъ, безконечной службѣ, и—Андреевской лентѣ. Сверхъ того внутреннія дѣйствія Петербургской полиціи, извѣстныя дотолѣ лишь ихъ жертвамъ, начали подвергаться болѣе строгому контролю и обслѣдованію только со времени вступленія въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Перовскаго. Обревизовавъ лично управу благочинія, новый министръ удостовѣрился въ невѣроятныхъ въ ней безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ и написалъ очень строгую по этому поводу бумагу оберъ-полицеймейстеру Кокшину. Потомъ онъ обратился къ самому Эсену и, ссылаясь на дурную репутацію Оводова, изъяснилъ, сколько необходимо было бы, для отвращенія дальнѣйшихъ нареканій, удалить послѣдняго отъ должности. Наконецъ, по докладу Перовскаго объ оставленіи безъ отвѣта со стороны военнаго генераль-губернатора семнадцати, по одному и тому же дѣлу, отношеній министерства, государь, въ іюнѣ 1842 года, приказалъ сдѣлать Эсену строгій выговоръ, а Оводова посадить на гауптвахту на три дня, изъ числа которыхъ онъ просидѣлъ, впрочемъ, только одинъ ибо на слѣдующій день праздновалось рожденіе императрицы (1-го іюля), чтò послужило поводомъ его выпустить. Дѣло стало проясняться. Вскорѣ на образъ управленія столицы долженъ былъ пролиться, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ одной его части, судебной.—новый еще, всѣхъ ужаснувшій свѣтъ.

По замѣченному въ обоихъ департаментахъ С.-Петербургскаго наднаго суда чрезвычайному, отъ собственной ихъ вины, накопленію дѣлъ, въ 1837 году признано было за нужное опредѣлить въ сіи департаменты новый комплектъ членовъ и секретарей, а изъ прежнихъ учредить два временные департамента, 3-й и 4-й, на такомъ основаніи, чтобы они окончили всѣ старыя дѣла въ теченіе двухъ лѣтъ, если же сего не исполнять, то продолжали бы свои занятія до совершеннаго окончанія тѣхъ дѣлъ, безъ жалованья.

Двухлѣтній срокъ истекъ въ апрѣлѣ 1839 года и хотя, по оставле-

ни затѣмъ членовъ и секретарей 3-го и 4-го департаментовъ при прежнихъ ихъ должностяхъ безъ окладовъ, надлежало ожидать, что дѣла будутъ скорѣе окончены, однако вышло совершенно противное. Въ 1840 и 1841 годахъ оба департамента были обревизованы вновь назначеннымъ въ Петербургъ гражданскимъ губернаторомъ Шереметевымъ и однимъ изъ высшихъ чиновниковъ министерства юстиціи, и ревизія ихъ, внесенная графомъ Панинымъ, въ концѣ 1842 года, въ Государственный Совѣтъ, представила такую картину, которую достаточно будетъ изобразить здѣсь и въ однихъ слѣдующихъ, главнѣйшихъ и наиболѣе разительныхъ чертахъ ея.

Въ 3-мъ департаментѣ оказалось нерѣшенныхъ дѣлъ 375, а неисполненныхъ рѣшеній и указовъ болѣе 1.500. Изъ числа трехъ присутствовавшихъ, судья, по старости лѣтъ и слабому здоровью, занимался чрезвычайно мало, одинъ засѣдатель умеръ, а другой постоянно рапортовался больнымъ и почти никогда не бывалъ въ судѣ. Изъ числа двухъ секретарей одинъ также умеръ, а другой, видя себя обреченнымъ служить неизвѣстное время безъ жалованья и не находя никакихъ средствъ къ пропитанію большой семьи, упалъ духомъ и при томъ рѣшительно не могъ ничего дѣлать, какъ отъ бездѣйствія и недостатка членовъ, такъ и отъ неповиновенія канцеляріи, которой безнравственность, по выраженію ревизоровъ, превзошла всякое вѣроятіе.

Въ 4-мъ департаментѣ нерѣшенныхъ дѣлъ оставалось до 600, а счета неисполненнымъ рѣшеніямъ и указамъ никто не зналъ; повѣрить же ихъ число не было возможности, потому что всѣ реестры, книги и проч. находились въ совершенномъ разстройствѣ. Секретарей не было совсѣмъ, и должность ихъ правила понытчики; нравственность канцеляріи была едва-ли лучше, чѣмъ въ 3-мъ департаментѣ; члены, хотя и находились на лицѣ, но ревизоры замѣчали, что они «ни мало не стѣсняются обязанностию служить безъ жалованья и готовы оставаться въ семь положеній еще на весьма долгое время». Въ обоихъ департаментахъ нѣсколько двигались тѣ дѣла, по которымъ просители имѣли ежедневное и настоятельное ходженіе, прочія же лежали безъ всякаго производства и разбора, вокругъ канцелярскихъ столовъ. Въ дѣлахъ конкурсныхъ публикаціи дѣлались, вмѣсто того же самого дня, когда признана была несостоятельность, черезъ нѣсколько послѣ того лѣтъ, а между тѣмъ департаменты распоряжались имуществомъ должника по своему произволу и съ такимъ же произволомъ дѣлили деньги между кредиторами, такъ что нѣкоторые успѣвали исхоратайствовать себѣ полное удовлетвореніе, тогда какъ другіе, при тѣхъ же самыхъ правахъ, не получали ничего. Денежная отчетность была въ такомъ порядкѣ, что о находившейся въ судѣ частной суммѣ до 650.000 руб. потерянъ былъ всякій слѣдъ, кому именно она принадлежала и, слѣд-

ствіе того, ее хранили подъ названіемъ суммы «неизвѣстныхъ лицъ»! Наконецъ, за всѣ эти дѣйствія, члены 3-го департамента были преданы суду три, а члены 4-го—двадцать четыре раза!

Картина эта, здѣсь только очерченная, была тѣмъ ужаснѣе, что мѣсто дѣйствія происходило въ столицѣ, въ центрѣ управленія, почти окно въ окно съ царскимъ кабинетомъ и еще въ энергическое правленіе Николая; и послѣ взгляда на нее, конечно, уже трудно было согласиться съ тѣми, которые находили явившіяся не задолго передъ тѣмъ «Мертвыя души» Гоголя одною лишь преувеличенною каррикатурою. Сколько долговременный опытъ ни закалилъ престарѣлыхъ членовъ Государственнаго Совѣта противъ всевозможныхъ административныхъ ужасовъ, однако и они, при докладѣ этого печальнаго дѣла, были сильно взволнованы и, такъ сказать, внѣ себя. Чтѣ же должна была ощущать тутъ юная, менѣе еще ознакомленная съ человѣческими мерзостями душа цесаревича наслѣдника! Слушая нашъ докладъ съ напряженнымъ вниманіемъ, онъ безпрестанно мѣнялся въ лицѣ.... Общее негодованіе увеличивалось еще тѣмъ, что виновные, за всѣ грѣхи ихъ до 16-го апрѣля 1841 года, покрывались щитомъ милостиваго манифеста, и кара закона могла коснуться ихъ только за позднѣйшія ихъ дѣйствія

Графъ Панинъ, доводя о всемъ вышенъизложенномъ до свѣдѣнія Совѣта, предлагать: 1) 3-й и 4-й департаменты соединить въ одно присутствіе, наименовавъ его временнымъ надворнымъ судомъ (онъ мотивировалъ это тѣмъ, что въ одно присутствіе легче прискаты людей, чѣмъ въ два); 2) членовъ ихъ и секретарей уволить отъ службы, съ преданіемъ, за всѣ ихъ дѣйствія послѣ манифеста, суду; 3) увеличить штатъ, а назначеніе новыхъ членовъ и секретарей предоставить губернатору; 4) канцелярію составить изъ прежнихъ чиновниковъ (чтобы не ввѣрять дѣла лицамъ новымъ, вовсе съ ними незнакомымъ), уполномочивъ губернатора увольнять отъ службы тѣхъ изъ нихъ, которыхъ новые члены найдутъ неспособными или неблагонадежными; 5) временному суду о ходѣ своихъ занятій доставлять мѣсячныя вѣдомости въ министерство и въ губернское правленіе; 6) для окончанія всѣхъ дѣлъ назначить ему трехгодичный срокъ и если порученіе сіе окончено будетъ съ успѣхомъ, то помѣстить чиновниковъ, въ свое время, къ другимъ соотвѣтственнымъ должностямъ и представить объ ихъ наградахъ.

Департаментъ законовъ принялъ эти мѣры безусловно, а общее собраніе Государственнаго Совѣта прибавило къ нимъ только, чтобы министръ юстиціи: во 1-хъ, удостовѣрясь, были ли со стороны губернскаго правленія и губернскаго прокурора употребляемы должныя настоянія къ прекращенію описанныхъ безпорядковъ и, въ случаѣ безуспѣшности такихъ настояній, ограждали ли они себя отъ отвѣтственности надлежащими донесеніями по начальству, довелъ объ открывшемся до свѣ-

дѣнія Совѣта, и во 2-хъ, сообразилъ, не нужно ли принять особенныхъ мѣръ для ближайшаго надзора за дѣйствіями новаго суда, опредѣленіемъ ли къ губернскому прокурору особаго товарища, или иначе. Во все время происходившихъ объ этомъ сужденій нашъ простодушный военный генералъ-губернаторъ, по обыкновенію своему, совершенно безмолвствовалъ; но это никого не удивило. Чѣмъ могъ сказать старикъ, всякій день и отовсюду обманываемый, менѣе знавшій о своемъ управленіи, чѣмъ многіе посторонніе, никогда не помышлявшій о мѣрахъ исправленія и, можетъ быть, тутъ лишь впервые услышавшій объ этихъ ужасахъ? Уже только послѣ засѣданія, когда большая часть членовъ разбѣжалась, онъ замѣтилъ мнѣ наединѣ, «что могъ бы сказать многое, да не хотѣлъ напрасно тратить словъ; что и во всѣхъ другихъ здѣшнихъ судахъ такіе же безпорядки; что главною причиною—недостатокъ чиновниковъ, которые не являются даже по вызовамъ черезъ газеты, и что въ управѣ благочинія, можетъ статься, еще хуже».

Между тѣмъ журналъ былъ написанъ мною со всѣмъ жаромъ того справедливаго негодованія, которое выразилось между членами, и я съ горестнымъ любопытствомъ ожидалъ, когда и какъ сойдетъ меморія отъ государя, скорби впередъ о впечатлѣніи, которое она произведетъ на его сердце. Дѣйствительно, посвятить всю жизнь, всѣ помыслы, всю энергію мощной души на благо державы и на искорененіе злоупотребленій; неуклонно стремиться къ тому въ продолженіе 17-ти лѣтъ; утѣшаться мыслию, что достигнуть хотя какой-нибудь успѣхъ, и вдругъ—вмѣсто плода всѣхъ этихъ попеченій, усилій, цѣлой жизни жертвъ и заботъ—увидѣть себя передъ такою зіяющею бездною всевозможныхъ мерзостей, бездною, открывшеюся не сегодня, не вчера, а образовавшеюся постепенно, черезъ многіе годы, невѣдомо ему, передъ самымъ его дворцомъ—тутъ было отъ чего упасть рукамъ, лишиться всякой бодрости, всякаго рвенія, даже впасть въ челоуѣкопекенавидѣніе.... Это глубокое сокрушеніе и выразилось, хотя кратко, но со всѣмъ негодованіемъ обманутыхъ чаяній, въ собственноручной резолюціи, съ которою возвратилась наша меморія.

«Неслыханный срамъ!—написалъ государь—безпечность ближняго начальства немовѣрна и ничѣмъ не извинительна; мнѣ стыдно и при-
скорбно, что подобный безпорядокъ существовать могъ почти подъ глазами моими и мнѣ оставаться неизвѣстнымъ».

Сверхъ того въ проектѣ указа, гдѣ говорилось (пунктъ 3-й), чтобы прежнихъ членовъ и секретарей «уволить» отъ службы, государь замѣнилъ это слово: «отставить». За всѣмъ тѣмъ, при характерѣ государя, мнѣ казалось, что эта резолюція—какъ-то безъ конца, т. е. безъ полнаго результата или развязки и что за нею должно послѣдовать еще что-нибудь другое, независимо отъ окончанія дѣла по Совѣту. Такъ,

дѣйствительно, и было. Государь, получивъ совѣтскую меморію 2-го декабря и прочитавъ ее вечеромъ, въ ту же минуту послалъ за военнымъ министромъ княземъ Чернышевымъ и велѣлъ ему внести въ приказъ объ увольненіи графа Эссена отъ должности. Все это сдѣлано было еще въ тотъ же вечеръ 2-го числа, такъ что когда меморія дошла до меня на слѣдующій день, Эссенъ былъ уже всемілостивѣйше уволенъ отъ должности военного генераль-губернатора, съ оставленіемъ только членомъ Государственнаго Совѣта; при чемъ не употребили даже обыкновенныхъ смягчительныхъ выраженій: «по просьбѣ», или «по болѣзни». Гнѣвъ государя былъ очень понятенъ, какъ равно и то, что онъ обрушился собственно на Эссена. Шереметевъ состоялъ губернаторомъ всего только еще второй годъ, и по его именно ревизіи и были открыты всѣ эти ужасы; главные виновники, члены и секретари, безъ того уже оставлялись и предавались суду, а степень отвѣтственности губернскаго прокурора могла опредѣляться только черезъ предназначавшееся Государственнымъ Совѣтомъ изслѣдованіе. Государь говорилъ многимъ, что винить не Эссена, а себя, за то, что онъ такъ долго могъ его терпѣть и оставлять на такомъ важномъ постѣ. Бывшій военный генераль-губернаторъ, послѣ увольненія своего, являлся во дворецъ два раза; но былъ допущенъ только во второй.

— Я ничего не имѣю противъ тебя лично — сказалъ государь — но ты былъ ужасно окруженъ.

Между тѣмъ 6-го числа, въ день своего тезоименитства, государь, добрый и въ самой строгости и всегда признательный къ долговременной, неомраченной никакими произвольными винами службѣ — глупость и бездарность не отъ насъ зависятъ — утѣшилъ бѣднаго старика пожалованіемъ ему, при милостивомъ рескриптѣ, своего шифра на эпюлеты и оставленіемъ при немъ всего прежняго содержанія, т. е. по 6.000 руб. въ годъ.

Разсказывая мнѣ самъ обо всемъ этомъ 6-го числа во дворцѣ, Эссенъ заключилъ такъ:

— Признаюсь, что милость царская искренно меня порадовала, снявъ тотъ срамъ, которымъ я былъ покрытъ передъ публикою. И скажите, ради Бога, зачѣмъ все это обрушилось на мнѣ одномъ, когда есть и губернское правленіе, и губернскій прокуроръ, и министръ юстиціи? При моей аудіенціи я объяснилъ мою невинность и выстѣ трудность, въ которой находился дѣйствовать безъ чиновниковъ, которыхъ, какъ я вамъ сказывалъ, нельзя было дозваться даже чрезъ газеты. Вѣроятно, государь нашелъ мои доводы достаточными, потому что возстановилъ теперь опять мою честь. Но представьте, какіе есть злые люди въ свѣтѣ: государю донесли, что когда это дѣло слушалось въ Совѣтѣ, то я ничего не говорилъ. «Видно — сказалъ онъ мнѣ — ты ничего не нашелъ къ сво-

ему оправданію, потому что смолчалъ въ Совѣтъ; а вѣдь вы сами вспомните, что я говорилъ съ вами послѣ засѣданія; Совѣту же что жъ мнѣ было еще объяснять, когда я самъ обо всемъ представилъ министру юстиціи и онъ лично тутъ находился? Впрочемъ, слава Богу, что моя должность перешла къ доброму и честному человѣку (генералъ-адъютанту Кавелину), настоящему христіанину, а мнѣ ужъ и такъ жить недолго.

Невозможно передать на бумагѣ того простодушнаго тона, съ которымъ все это было сказано, но разговоръ былъ неподобенъ своею наивностью.

— Теперь—прибавилъ Эссенъ—на свободѣ я могу прилежнѣе читать ваши совѣтскія записки, къ чему до сихъ поръ у меня не доставало времени.

Я совѣтовалъ ему не пріѣзжать на слѣдующій день въ Совѣтъ, гдѣ должна была объявляться резолюція государева. Онъ однакожъ не согласился.

— Какъ же мнѣ это сдѣлать? Вѣдь можно бы только подъ предлогомъ болѣзни; если же сказаться больнымъ, то нельзя пріѣхать и на дворцовый балъ вечеромъ (онъ былъ назначенъ, вмѣсто 6-го числа, 7-го), а тутъ, пожалуй, подумаютъ, что я обижаюсь.

На балѣ 7-го декабря, куда Эссенъ не преминулъ явиться, и императрица, и супруга наслѣдника цесаревича и всѣ великія княжны ходили съ нимъ польское, а государь, въ виду всѣхъ, почтилъ его продолжительною и милостивою бесѣдою.

Этимъ окончились судьбы графа Эссена, вскорѣ послѣ того (въ 1844 г.) умершаго; и какъ бы для сохраненія послужному его списку, до самаго конца, вида фантазмагорическаго призрака, столь противоположнаго дѣйствительности, надо же было, чтобы онъ заключился милостивымъ рескриптомъ и важною наградою (шифръ на эполеты) въ ту самую минуту, когда героя его удаляли отъ мѣста за признанною неспособностію.

VIII.

1843 годъ.

Пятидесятитѣ службы князя Васильчикова и князя Волковскаго. — Балы въ концертной залѣ. — Маскарадныя разговоры. — Маскарадъ у князя Волковскаго — Уголовное дѣло Лагофета. — Второе изданіе Свода законовъ. — Министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій. — Сумасшедшій полковникъ Богдановъ. — Постройки въ Петербургѣ.

1-го января 1843 года исполнилось 50 лѣтъ службы въ офицерскихъ чинахъ двумъ государственнымъ сановникамъ: министру императорскаго

двора князю Петру Михайловичу Волконскому и предсѣдателю Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ князю Иларіону Васильевичу Васильчикову. Послѣднему нѣкоторые члены Государственнаго Совѣта думали было дать въ этотъ день обѣдъ отъ лица сего учрежденія; но государь отклонилъ ихъ мысль, отозвавшись, что такимъ образомъ праздновались до тѣхъ поръ юбилеи только врачей и ученыхъ. Засимъ все должно было ограничиться лишь однимъ церемоніальнымъ поздравленіемъ. Къ 10-ти часамъ утра вся государственная канцелярія и вмѣстѣ съ нею я, какъ ея начальникъ, собрались у предсѣдателя, въ парадной формѣ. Въ вестибюлѣ былъ поставленъ, по приказанію государя, почетный караулъ отъ Ахтырскаго гусарскаго полка ¹⁾ (состоявшій изъ отряда образцоваго полка, расположеннаго въ Павловскѣ), которымъ нѣкогда командовалъ юбиляръ. Мы были первыми поздравителями, и князь, принявъ привѣтствія чиновниковъ канцеляріи, удалился со мною въ свой кабинетъ. Вскорѣ, пока мы оставались еще вдвоемъ съ нимъ, доложили о фельдъегерѣ отъ военнаго министра. Въ привезенномъ имъ пакетѣ находился приказъ, которымъ Ахтырскому полку велѣно было именоваться впредь полкомъ «князя Васильчикова». Тутъ почтенный старецъ, уже и при нашей встрѣчѣ боровшійся съ умиленіемъ, не могъ болѣе удержаться отъ слезъ. Дѣйствительно, быть свидѣтелемъ и дѣятелемъ этого полустолѣтія, которое по важности совершившихся въ немъ событій равнялось нѣсколькимъ вѣкамъ; отслужить полвѣка неукоризненно, съ честію, популярностію и славою, достигнуть этой рѣдкой въ человѣческой жизни грани съ не совсѣмъ еще угасшими силами, всѣми уважаемому и любимому; видѣть, наконецъ, среди общаго сочувствія, выразившагося еще наканунѣ многочисленными поздравленіями, данъ признательности могущественнѣйшаго монарха въ мірѣ — во всемъ этомъ было много высокой, истинной поэзіи!...

Около половины 11-го бѣгутъ съ извѣстіемъ, что ѣдетъ государь. Онъ прибылъ вмѣстѣ съ наслѣдникомъ цесаревичемъ, великимъ княземъ Михайломъ Павловичемъ, обоими младшими своими сыновьями и многочисленною свитою андреевскихъ кавалеровъ, со всѣмъ, что было въ то время знатнѣйшаго и почетнѣйшаго въ нашей администраціи. Владыка полвселенной, окруженный своими дѣтьми и сановниками, пришелъ самъ привѣтствовать старшаго изъ своихъ подданныхъ съ полувѣковымъ совершеніемъ славнаго поприща. Князь встрѣтилъ его на лѣстницѣ, а я съ канцеляріею въ аванзалѣ. Вслѣдъ за пріѣздомъ государя комнаты мгновенно наполнились генералами, всѣми офицерами гвардейскаго корпуса, которымъ нѣкогда также начальствовалъ юбиляръ, и

¹⁾ Императоръ Александръ прибавилъ: „когого князь Васильчиковъ былъ тефомъ“.

множествомъ стороннихъ посѣтителей. Нѣкоторые послѣ мнѣ сказывали, что принуждены были воротиться съ лѣстницы, за невозможностію обратиться на верхъ. Улица передъ домомъ представляла тоже любопытное зрѣлище: множество экипажей густо покрывало всю широкую Литейную, а на тротуарахъ толпилось еще большее число любопытствовавшихъ зрителей. Все имѣло видъ какого-то народнаго торжества... Государь пробылъ у князя минутъ десять, разговаривая то съ хозяиномъ, то съ гостями, а передъ отъѣздомъ нѣсколько разъ обнялъ и расцѣловалъ перваго. Приѣмъ гостей, безпрестанно вновь пріѣзжавшихъ, продолжался все утро. Обѣдать Васильчиковъ званъ былъ къ государю, и въ этотъ день младшая его дочь, ребенокъ лѣтъ десяти, пожалована во фрейлины, а одинъ изъ сыновей переведенъ изъ кирасировъ въ конную гвардію.

Ничто подобное было и съ другимъ юбилеемъ, княземъ Волконскимъ. За тѣсною помѣщенію, которое онъ занималъ въ зимнемъ дворцѣ, гвардейскій корпусъ привѣтствовалъ его въ Гербовой (Бѣлой) залѣ, а высшія особы прочіихъ вѣдомствъ — въ залѣ Петра Великаго. Государь самъ привелъ его туда, передъ тѣмъ какъ ѣхать къ Васильчикову. У него тоже былъ почетный караулъ отъ Бѣлозерскаго полка, которымъ онъ нѣкогда командовалъ ¹⁾ и который тоже названъ въ этотъ день полкомъ «князя Волконскаго». Внуку его по дочери, шестилѣтній сынъ камергера Дурново, пожалованъ въ камеръ-пажи, а дочь старшаго сына, дитя трехъ мѣсяцевъ, получила званіе фрейлины. Разумѣется, что и этотъ юбилей обѣдалъ у государя.

Спустя нѣсколько дней появилась въ газетахъ небольшая статейка, описывавшая оба юбилея, къ сожалѣнію очень ничтожная и сухая. Не дурнаго было въ ней только нѣсколько словъ о томъ, какъ князь Васильчиковъ принялъ поздравленіе государя. «Слезы на лицѣ посѣдѣлаго воина, безстрашно встрѣчавшаго смерть въ тысячахъ битвъ, несвязныя выраженія признательности изъ устъ, краснорѣчивыхъ и смѣлыхъ, когда надлежитъ сказать правду другу или врагу, были единственною данью въ отвѣтъ на милостивое вниманіе государя». И что довольно оригинально: князь сильно негодовалъ на эту статью за то, что въ ней было сказано, будто бы у него появились «слезы на лицѣ».

— Вотъ еще выдумали! — сказалъ онъ мнѣ — слезы: точно будто бы я расплакался; желалъ бы знать, кто видѣлъ эти слезы!

Можно было бы повѣрить словамъ старика, если бы онъ увѣрялъ въ томъ другихъ, а не меня, который точно видѣлъ эти слезы, и при томъ очень крупныя, и прежде прибытія государя, и во время его посѣщенія, и послѣ!

¹⁾ Императоръ Александръ II прибавилъ: „и заслужилъ св. Георгія 3-й степени; веда его лично въ атаку подъ Аустерлицемъ“.

Король прусскій, узнавъ о юбилеѣ обоихъ князей, прислалъ имъ брильянтовые знаки къ ордену Чернаго Орла, при собственноручныхъ рескриптахъ на французскомъ языкѣ, очень лестныхъ и прекрасно написанныхъ. Это дало поводъ къ презабавному анекдоту со стороны Васильчикова, начинавшаго, въ послѣдніе годы своей жизни, страдать частыми припадками разсѣянности и забывчивости. Волконскій показалъ свой рескриптъ императрицѣ, которая пожелала видѣть, за тѣмъ, и пожалованный Васильчикову. Однимъ утромъ, получивъ сперва приказаніе явиться къ князю для объясненій по нѣкоторымъ дѣламъ, я позже былъ увѣдомленъ, что онъ сейчасъ отправляется къ императрицѣ, а оттуда самъ ко мнѣ заѣдетъ. Онъ точно и пріѣхалъ, но въ положеніи самомъ разстроеномъ, проклиная свою разсѣянность, отсутствіе памяти и пр.

— Что такое?

— Представьте себѣ, что, пріѣхавъ къ императрицѣ, чтобы показать ей мой рескриптъ, я, уже на половинѣ дворцовой лѣстницы, вспомнилъ, что оставилъ его дома. Ради Бога, пошлите за нимъ къ моей женѣ, а я покажусь у васъ посижу.

Такъ и было сдѣлано, но, разумѣется, что въ этихъ пересылкахъ прошло много времени, въ продолженіе котораго императрица все напрасно ждала приглашеннаго ею къ себѣ гостя.

При императорѣ Николаѣ давались, обыкновенно по нѣскольکو разъ въ зиму, балы въ Концертной залѣ (это былъ офиціальныи ихъ титулъ), составлявшіе середину между большими парадными балами и домашними вечерами аничкинскаго общества. На эти балы приглашались не по выбору, означавшему степень милости или приближенности, а по званіямъ и степенямъ службы. Сверхъ дипломатическаго корпуса, всей «*maison militaire*», гвардейскихъ генераловъ и нѣсколькихъ полковыхъ офицеровъ, назначавшихся по наряду, въ списокъ лицъ на балы Концертной залы стояли: первые и вторые чины двора, министры, члены Государственнаго Совѣта, статсъ-секретари и первоприсутствующіе сенаторы департаментовъ и общихъ собраній. Изъ числа камергеровъ и камеръ-юнкеровъ приглашались только назначенные въ дежурство при дамахъ императорской фамиліи. Всѣ званые пріѣзжали въ мундирахъ. Балы начинались полонезами, въ которыхъ ходили государь съ почетнѣйшими дамами, а императрица, великія княгини и княжны съ почетнѣйшими кавалерами, и оканчивались, послѣ всѣхъ обыкновенныхъ танцовъ, ужиномъ (иногда танцы продолжались еще и послѣ ужина), съ музыкою, въ большой аванзалѣ (Николаевской залѣ), или въ Помпеевой галлерей, Арапской комнатѣ и ротондѣ, но въ такомъ случаѣ уже безъ музыки. Особенную прелесть такихъ баловъ, кромѣ возможной непринужденности, составляло то, что на время ихъ открывались и всѣ вну-

треннія комнаты императрицы: кабинетъ, почивальня, купальня и пр., верхъ роскоши и вкуса.

На послѣднемъ публичномъ маскарадѣ въ дворянскомъ собраніи передъ постомъ, одна дама, интригуя государя, спросила:

— *Quelle ressemblance il y avait entre un bal masqué et un chemin de fer?*

— *C'est que tous deux ils rapprochent*, отвѣчалъ онъ, ни на минуту не задумавшись ¹⁾.

Находчивость императора Николая въ частномъ разговорѣ была вообще очень замѣчательна, и молодыя женщины не могли не находить особенной прелести въ его бесѣдѣ. Какой-то иностранецъ сказалъ о немъ, что онъ никогда не искалъ нравиться. Если бъ и признать это правдою, то нельзя не сознаться, что сама природа дѣйствовала за него, и онъ не только нравился, но и обворожалъ каждого, кто видѣлъ и зналъ его въ короткомъ кругу, тѣмъ болѣе въ семейной и домашней жизни.

Сверхъ баловъ собственно въ государевыхъ дворцахъ, при императорѣ Николаѣ бывали еще и полупридворные балы у министра императорскаго двора князя Волконскаго. Въ техническомъ языкѣ нашего большаго свѣта ихъ называли «*bals des appanages*», потому что они давались въ домѣ министра удѣловъ, гдѣ въ прежніе годы жилъ министръ финансовъ графъ Гурьевъ, соединявшій въ своемъ лицѣ и званіе министра удѣловъ. Въ его время эти палаты бывали полны гостей 364 дня въ году, потому что Гурьевъ принималъ всякій день кромѣ страстной субботы. Но когда, послѣ его смерти, министерство удѣловъ вошло въ общій составъ министерства императорскаго двора и князю Волконскому отведено было помѣщеніе въ Зимнемъ дворцѣ, прежній домъ остался только для чрезвычайныхъ пріемовъ, а прочее время стоялъ пустой и только что не на-глухо заколоченный. Впрочемъ, на удѣльныхъ балахъ, князь Волконскій хотя и давалъ свой титулъ и свою фамилію для пригласительныхъ билетовъ и разыгрывать роль хозяина, но, по-настоящему, принадлежалъ также къ числу гостей; ибо все тутъ было на иждивеніи двора: угощеніе, освѣщеніе, музыка, прислуга, даже и надѣтая на прислугу фамильная ливрея Волконскихъ. Прежде подобные балы повторялись каждую зиму, но впослѣдствіи они прекратились и уже только лѣтъ черезъ семь или восемь возобновились, въ 1843 году блестящимъ маскарадомъ, для заключенія ряда масляничныхъ празднествъ, въ тотъ годъ необыкновенно многочисленныхъ. Мы были званы—число всѣхъ приглашенныхъ простиралось до 500—къ 8-ми

¹⁾ — Какое сходство между маскированнымъ блгомъ и желѣзной дорогой?

— То, что они оба сближаютъ.

часамъ въ домино и маскахъ; но потомъ это было отмѣнено, и тѣ, которые не участвовали собственно въ маскированіи, явились въ обыкновенномъ бальномъ нарядѣ. Маскарадъ состоялъ изъ полонеза, разныхъ кадрилией—индѣйцевъ, маркизовъ, швейцарцевъ и смѣшанныхъ, всѣхъ въ костюмахъ, но безъ масокъ—въ заключеніе которыхъ шли всѣ царственныя дамы и наконецъ сама императрица, въ богатѣйшихъ средневѣковыхъ нарядахъ, осыпанныхъ брильянтами и жемчугомъ. Этотъ полонезъ прошелъ нѣсколько разъ по заламъ, и потомъ начались танцы, впрочемъ не характерныя, а обыкновенныя, и не по кадрилямъ, а въ пестрой смѣси. Изъ кавалеровъ были костюмированы только статскіе, потому что военнымъ общій нашъ порядокъ запрещаетъ другую одежду кромѣ форменной. Впрочемъ, государь и наслѣдникъ были также въ полукостюмѣ, если не прямо маскараднымъ, то по крайней мѣрѣ рѣдко на нихъ виданномъ: первый въ пунцовомъ жупанѣ линейныхъ казаковъ (собственнаго его конвоя), наслѣдникъ въ пунцовомъ же съ синимъ жупанѣ казаковъ черноморскихъ. Оба младшіе великіе князя были одѣты пажами среднихъ вѣковъ и, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими мальчиками въ такомъ же нарядѣ, участвовали въ характерномъ полонезѣ. Такимъ образомъ изъ всѣхъ членовъ царской фамиліи въ обычномъ своемъ костюмѣ были только великіе князья: Михаилъ Павловичъ, въ артиллерійскомъ мундирѣ, и Константинъ Николаевичъ, въ уланскомъ. Танцевали въ двухъ смежныхъ залахъ, но съ особымъ въ каждой оркестромъ. Кромѣ того въ сѣняхъ передъ лѣстницею игралъ еще военный оркестръ, для приѣма гостей. Звуки этой разнохарактерной музыки; ослѣпительныя наряды дамъ, которыя, въ маскарадныхъ своихъ костюмахъ, казались другими и новыми; роскошно разсыпанные вездѣ цвѣты и зелень; великолѣпные буфетовъ, убранныхъ царскимъ золотомъ и серебромъ—все это вмѣстѣ придавало празднику особую жизнь и особый колоритъ. Чтобы не затанцоваться въ постъ, государь, уже во время бала, вдругъ велѣлъ тайно переставить всѣ стѣнные и столовые часы часомъ назадъ; такимъ образомъ ужинать подали въ половинѣ 12-го, а разѣзжаться стали въ началѣ 1-го, но въ сущности все это происходило часомъ позже. Для ужина пробить былъ проходъ въ смежное зданіе удѣльнаго училища и, сверхъ того, были еще накрыты столы въ нижнемъ этажѣ главнаго дома, такъ что всѣ 500 приглашенныхъ ужинали сидя.

Забылъ сказать, что много позабавилъ на этомъ вечерѣ и царскую фамилію и всю публику находившійся тогда въ Петербургѣ знаменитый французскій живописецъ Горасъ Верне. Уже во время полного разгара бала онъ вдругъ явился въ вывезенномъ изъ Египта ¹⁾ одѣяніи тамошняго

¹⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: „Алжира“.

солдата, съ подкрашенными лицомъ и шеею, съ ружьемъ, трубою, ма-
веркою и запасомъ лучинокъ, хлѣба, моркови и пр. Какъ живописецъ,
онъ умѣлъ мастерски гримироваться, а костюмъ его такъ полюбился
Михаилу Павловичу, что Верне тутъ же упросилъ великаго князя при-
нять, послѣ маскарада «*sa défilé*».

Въ Государственномъ Совѣтѣ производилось дѣло объ отставномъ
корнетѣ Лагофетѣ, который, живя и распутствуя у себя въ деревнѣ (въ
Тульской губерніи), растлялъ 16-ти лѣтнюю крѣпостную свою дѣвку.
Три члена, не находя требуемыхъ закономъ доказательствъ, чтобы при
растлѣніи употреблено было насиліе, полагали: Лагофета, за нарушеніе
помѣщичьей власти и развращенную нравственность, лишить чина и
дворянства, съ отдачею въ солдаты или съ ссылкой, въ случаѣ неспособ-
ности, на поселеніе. Но 28 членовъ (въ томъ числѣ и наслѣдникъ
цесаревича) находили, что если не доказано прямаго насилія при самомъ
актѣ растлѣнія, то однако жъ вполне доказана насильственность дѣй-
ствій, предшествовавшихъ этому акту и его приготовившихъ: увлеченіе дѣвки
изъ дому послѣ сопротивленія ея родителей, не уперствовавшихъ долѣе
лишь изъ покорности къ помѣщику, побои отцу и угрозы всему се-
мейству, наконецъ уклоненіе дѣвки, и потому они полагали: подсудимаго,
лишивъ чина и дворянства, сослать въ каторгу. Первое мнѣніе было
написано мною (въ званіи государственнаго секретаря) со всею силою
юридическихъ доводовъ, которые дѣйствительно склонялись въ пользу
Лагофета: ибо буква закона требуетъ доказательствъ насильственнаго
растлѣнія, а здѣсь ничего этого не было, хотя, впрочемъ, по отноше-
ніямъ крѣпостной къ помѣщику едва-ли и быть могло. Но второе
мнѣніе я написалъ со всѣмъ сердечнымъ увлеченіемъ, внушеннымъ мнѣ
омерзѣніемъ къ гнусному поступку Лагофета. Тутъ упоминалось, между
прочимъ, что «если не было съ его стороны прямаго посягательства
силы физической, то было, очевидно, преступленіе едва-ли еще не
важнѣйшее—употребленіе во зло власти, ввѣренной помѣщику для
охраненія благосостоянія своихъ крѣпостныхъ, а не для удовлетворенія
преступныхъ его похотей». Далѣе говорилось, что эти члены «признаютъ
полнѣ соответственнымъ цѣли и разуму закона подвергнуть подсуди-
маго высшей степени опредѣленнаго наказанія, считая сіе необходимымъ
и въ видѣ примѣра: ибо подобные случаи обращенія помѣщиками без-
защитныхъ крестьянокъ въ жертву ихъ сладострастія, къ стыду чело-
вѣчества, все еще не рѣдко повторяются». По образу мыслей императора
Николая и извѣстному взгляду его на дѣла этого рода, я ни минуты не
сомнѣвался, что онъ утвердитъ послѣднее мнѣніе. Такъ и случилось,
но форма утвержденія еще превзошла мои ожиданія. Меморія возвра-
тилась съ слѣдующими собственноручными его замѣтками: противъ
первой изъ вышеприведенныхъ фразъ: «Святая истина, и это обстоя-

тельство одно составляетъ важность преступленія», и противъ послѣдней: «мнѣ весьма пріятно видѣть, что Государственный Совѣтъ взираетъ на дѣло съ настоящей точки. При существующемъ положеніи нашего гражданскаго устройства, необходимо, чтобъ помѣщичья власть обращена была единственно на благо своихъ крѣпостныхъ; злоупотребленіе же сей власти влечетъ за собою униженіе благороднаго званія и можетъ привести къ пагубнѣйшимъ послѣдствіямъ». Наконецъ на мнѣніи Совѣта, поднесенномъ къ собственноручной конфирмаціи, безъ которой никто не можетъ быть лишенъ дворянства, государь написать: «мнѣніе это переписать такимъ образомъ, чтобъ злоупотребленіе помѣщичьей власти было поставлено главною причиною приговора».

Первоначальное изданіе Свода законовъ (1832 года) было рассмотрѣно или по крайней мѣрѣ обсуждено въ его идеѣ Государственнымъ Совѣтомъ, въ присутствіи государя и съ необыкновенною торжественностію, какъ рассказано въ сочиненіи моемъ: «Императоръ Николай въ совѣщательныхъ собраніяхъ» ¹⁾. Новое (второе) изданіе (1842 года) не имѣло этой торжественности и было ведено другимъ порядкомъ. Только нѣкоторые отдѣльные законодательные вопросы, встрѣтившіеся при ближайшемъ соображеніи статей, были внесены въ Государственный Совѣтъ и также только нѣкоторые отдѣльные уставы и учрежденія обращены, прежде напечатанія, на рассмотрѣніе подлежащихъ министерствъ; все прочее дѣлалось исключительно въ стѣнахъ II-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи, отъ котораго, помимо Совѣта, поднесены были и проекты указовъ, подписанные 4-го марта 1843 года. Долго работали надъ этимъ изданіемъ, хотя, въ сущности, оно составляло лишь сводъ продолженій съ первоначальнымъ текстомъ; долго также и печатали его, хотя типографія II-го отдѣленія, по составу своему, есть многочислѣнная въ имперіи. Въ техническомъ отношеніи, второе изданіе вышло, впрочемъ, гораздо лучше и, особенно, компактнѣе перваго. Указы, какъ я уже сказалъ, были подписаны 4-го марта 1843 года, и съ того же времени началась разсылка экземпляровъ; оно названо «изданіемъ 1842 года», потому, что всѣ источники заключены этимъ годомъ, хотя и изъ числа вышедшихъ въ продолженіе его указовъ очень многіе, за разновременнымъ и частію уже давнимъ отпечатаніемъ нѣкоторыхъ томовъ, не могли войти въ это изданіе. Такимъ образомъ, если бы даже на другой день послѣ его выпуска собрать вышедшее, въ продолженіе его печатанія, то составилъ бы порядочный томъ. Это особенно было замѣтно въ тѣхъ частяхъ, гдѣ именно въ то время шла совершенная ломка,

¹⁾ См. «Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества», т. 98

напримѣръ, въ уставахъ по главному управленію путей сообщенія и публичныхъ зданій. Второе изданіе свода представляло образованіе этого вѣдомства, какъ оно существовало еще при графѣ Толѣ, тогда какъ при его преемникѣ, графѣ Клейнмихелѣ, въ истекшіе съ тѣхъ поръ полгода, все было съизнова перестроено.

Левъ Алексѣевичъ Перовскій, по назначеніи его (въ 1842 году) министромъ внутреннихъ дѣлъ, обратилъ неутомимую, можно сказать, лихорадочную свою дѣятельность преимущественно на Петербургскую столицу. Вникая во всѣ не только подробности, но и мелочи, онъ сталъ устанавливать таксы на хлѣбъ и мясо; заводить торговую и рыночную полицію, независимую отъ городской; слѣдить за булочниками, мясниками, аптекарями и даже лавочниками и подвергать ихъ безпрестаннымъ штрафамъ; ревизовать ремесленные управы; расцѣпывать скотъ на скотопригонной площадкѣ; запрещать продажу товаровъ, къ увеличенію ихъ вѣса, въ толстой оберткѣ; выгонять органы изъ трактировъ; раздавать извозчикамъ нумера и даже обязывать подписками ломовыхъ извозчиковъ взнуздывать лошадей,—словомъ, входитъ во многое, что должно было лежать собственно на квартальномъ, или городскомъ, такъ что многіе недоумѣвали, остается ли у министра, за этими мелочами, сколько-нибудь времени для высшихъ государственныхъ его обязанностей. Если отъ всѣхъ этихъ распоряженій и истекала какая-нибудь польза, то, разливаясь на одинъ классъ, она парализировалась и подавлялась для него другими, противодействовавшими ей мѣрами, которыя имѣли въ виду опять пользу втораго класса, точно также стѣснявшася предназначенными для третьяго, и такъ далѣе. Такимъ образомъ Перовскій, оказавшій важныя заслуги по управленію удѣлами, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, успѣлъ напротивъ составить себѣ, въ короткое время, огромную отрицательную популярность. Начальствующіе ненавидѣли его за стараніе отнять у нихъ хотя и противузаконный, но какъ бы освященный временемъ хлѣбъ, а промышленники—за то, что онъ стѣснялъ ихъ промыселъ. Въ Петербургѣ же, въ низшихъ слояхъ его населенія, почти каждый потребитель есть, вмѣстѣ, и промышленникъ, а высшія сословія слишкомъ мало рассчитливы, чтобы оцѣнять такія добрыя намѣренія и начинанія, и невольно приходило иногда на мысль сказанное какъ-то, задолго еще передъ тѣмъ, слово Канкрива, что если въ другихъ государствахъ революціи происходили отъ финансовъ, то въ Россіи онѣ когда-нибудь родятся отъ полиціи... Надобно, впрочемъ, прибавить, что Перовскій дѣйствовалъ, во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ, не черезъ обыкновенную городскую полицію, которую онъ терпѣть не могъ и всячески преслѣдовалъ, а черезъ свою контръ-полицію, составленную имъ, неофициально и негласно, изъ разныхъ чиновниковъ особыхъ порученій и мелкихъ по-

служниковъ, между которыми онъ успѣлъ, какъ думалъ и всѣмъ говорилъ, найти много людей честныхъ и дѣльных. Но и они, однако же, были люди, а Перовскому не было дано волшебной силы однимъ велѣніемъ своимъ пересоздать цѣлое поколѣніе. «Это, бацька, лишній съ насъ баранъ», сказалъ одинъ мордвинъ, когда въ земскій судъ, для удобства мѣстныхъ дѣйствій, прибавили новаго засѣдателя, а въ Петербургѣ было тогда, вмѣсто одной полиціи, цѣлыхъ три: прежняя, по городскому штату, полиція III-го отдѣленія собственной канцеляріи и контръ-полиція министра внутреннихъ дѣлъ. Военный генераль-губернаторъ Кавелинъ, старинный пріятель Перовскаго, бывшій съ нимъ на ты и между тѣмъ низведенный его дѣйствіями на степень лица безъ образа, говорилъ всѣмъ и каждому, что военный генераль-губернаторъ въ Петербургѣ—власть совершенно ненужная, которая правительству стоитъ только денегъ, а для дѣлъ и просителей составляетъ одно промедленіе, образуя лишнюю инстанцію. Оберъ-полиціймейстеръ Кокошкинъ былъ у Перовскаго не только не въ милости, но и въ явномъ гоненіи и послѣ всевозможныхъ придирокъ, почти ежедневно повторявшихся, министромъ было заведено, наконецъ, въ 1843 году, такое дѣло, которое направлялось, повидимому, къ рѣшительнымъ послѣдствіямъ. Если воровство и мошенничество не дошли еще въ то время въ Петербургѣ до такого классическаго развитія, какъ въ Парижѣ и Лондонѣ, то, однако же, сіи промыслы быстро распространялись и совершенствовались, а между тѣмъ къ ихъ пресѣченію или противодѣйствію имъ не принималось никакихъ энергическихъ мѣръ. Отъ городской полиціи мало было помощи: она обыкновенно не находила ни положительныхъ, ни положительныхъ, и призваніе ея помощи вело обокраденнаго только къ новымъ тратамъ и хлопотамъ. Въ публикѣ она потеряла всякое къ себѣ довѣріе, особенно со времени разнесшихся по городу анекдотовъ, истинныхъ или вымышленныхъ, о томъ, что нѣкоторыя изъ числа краденныхъ вещей находимы были позже въ квартирахъ или на самихъ чинахъ полиціи. Перовскому удалось открыть, посредствомъ тайныхъ его агентовъ, цѣлая шайка мошенниковъ, давно уже промышлявшая своимъ дѣломъ, если не прямо подъ покровомъ, то по крайней мѣрѣ при терпимости полиціи. По распоряженію и докладу его схвачено и заключено было въ крѣпость, впредь до слѣдствія и суда, около ста человѣкъ подозрительныхъ и учреждена особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ жандармскаго генерала Полозова (честнаго и благороднѣйшаго человѣка) изъ трехъ флигель-адъютантовъ и нѣсколькихъ чиновниковъ со стороны министерства и военнаго генераль-губернатора. Ей поручено было удостовѣриться въ степени виновности каждаго изъ числа захваченныхъ, развѣдать ихъ связи и сообщниковъ, стараться получить отъ нихъ путеводную нить къ дальнѣйшимъ открытіямъ и при-

вести въ ясность, на какомъ основаніи нѣкоторые изъ этихъ людей, уже содержавшіеся въ полиціи по явному изобличенію въ воровствѣ, были выпущены оттуда безъ всякихъ послѣдствій. Этими дѣйствіями, несмотря на ихъ самовластіе, Перовскій пріобрѣлъ болѣе благодарности публики, чѣмъ распоряженіями касательно промышленности, и должно сказать, что агенты министерства дѣйствовали смысленно и успѣшнѣе полицейскихъ. Въ томъ же 1843 году обокрали магазинъ ювелира Шенка на 100.000 р. Друзья совѣтовали ему, разумѣется, заявить объ этомъ полиціи; но онъ махнулъ рукою и пошелъ прямо къ министру внутреннихъ дѣлъ. Перовскій позвалъ его къ себѣ въ кабинетъ и, отобравъ у него тутъ же разныя нужныя свѣдѣнія, велѣлъ явиться черезъ день; и—черезъ день все украденное было возвращено ему въ цѣлости и сполна. Такихъ анекдотовъ рассказывалось много.

Полковникъ Богдановъ, служившій прежде въ корпусѣ путей сообщенія, а потомъ перешедшій въ департаментъ военныхъ поселеній, человекъ очень умный и со свѣдѣніями, постепенно потерялъ расуздокъ отъ несправедливостей и притѣсненій, истинныхъ или казавшихся ему такими, перенесенныхъ имъ еще во время управленія путями сообщенія графа Толя. Это, въ апрѣлѣ 1843 года, дало поводъ къ трагикомической сценѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Перовскимъ. Богдановъ явился къ нему съ двумя пистолетами и кинжаломъ.

— Ваше превосходительство,—сталъ онъ говорить,—преслѣдуете и истребляете мелкихъ мошенниковъ, а между тѣмъ терпите безнаказанно главныхъ государственныхъ воровъ, какъ-то: Клейнмихеля и тому подобныхъ. Я пришелъ предложить вамъ мои услуги и содѣйствіе противъ нихъ и—вотъ оружіе, которымъ намѣреваюсь дѣйствовать: примите меня только поскорѣе подъ ваше начальство.

По самому свойству предложенія, Перовскій, разумѣется, тотчасъ догадался, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, но не бѣжалъ, а очень искусно обезоружилъ Богданова.

— Душевно радъ воспользоваться вашимъ предложеніемъ и сейчасъ же вручу вамъ записку къ вашему начальнику (директору департамента военныхъ поселеній генералу барону Корфу), чтобы онъ поскорѣе уволилъ васъ для причисленія къ моему министерству. Отнесите ее къ нему сами. Только, чтобы не угадали вашихъ намѣреній и чтобы не подвергнуться неприятностямъ, если вы явитесь на улицѣ съ запрещеннымъ оружіемъ, совѣтую вамъ ваши пистолеты и кинжалъ оставить пока здѣсь.

Богдановъ согласился и прямо отправился къ Корфу съ мнимомъ запискою о скорѣйшемъ своемъ увольненіи; но дорогою ему вздумалось ее прочесть, и онъ увидѣлъ—чистый лѣстъ бумаги! Тогда Богдановъ въ бѣшенствѣ отправился на первый унтеръ-офицерскій караулъ, по-

требовалъ тамъ, именемъ государя, часоваго съ заряженнымъ ружьемъ и прѣвѣжалъ съ нимъ къ Перовскому; когда же дежурный не пустилъ его въ кабинетъ, а Перовскій, выглянувъ оттуда на произведенный ихъ перемолвкою шумъ, заперся, то Богдановъ, протолкавъ дежурнаго въ другую комнату, затворилъ его на ключъ, часоваго же приставилъ къ кабинету, съ приказаніемъ стрѣлять по каждому, кто попытается туда войти, или оттуда выйти. Устроясь такимъ образомъ, самъ онъ побѣжалъ въ Зимній дворецъ и, по дорогѣ мимо Энгельгардтова дома, передъ которымъ, по случаю концерта въ немъ, находилась полиція, забралъ—опять именемъ государя—четырехъ жандармовъ и въ сопровожденіи ихъ явился на главную гауптвахту, требуя немедленнаго допуска къ государю. Только послѣ долгихъ переговоровъ, явно обнаружившихъ его помѣшательство и имѣвшихъ послѣдствіемъ посылку за оберъ-полиціймейстеромъ, а потомъ за комендантомъ, удалось совладать съ нимъ и положить конецъ всей суматохѣ отсылкою его въ больницу. Между тѣмъ Перовскому стоило величайшихъ хлопотъ высвободиться изъ-подъ ружья приставленнаго къ нему часоваго, и потомъ онъ самъ очень живо и комически рассказывалъ мнѣ всѣ подробности этой продѣлки.

Часто, ходя и ѣздя по Петербургу, я ставлю себя на мѣсто прѣзжаго иностранца и, смотря на все его глазами, не могу довольно наслаждаться нашимъ великаномъ-красавцемъ. Но когда возвращаюсь опять на свою русскую точку, на точку зрѣнія Петербургскаго старожилы, то, къ восторгу моему отъ этихъ художественныхъ чудесъ, присоединяется и удивленіе всему тому, что выросло тутъ въ наше время, на нашихъ глазахъ, въ одно продолженіе 17-ти-лѣтняго царствованія императора Николая. Петербургъ конца 1825 и Петербургъ начала 1843 годовъ—два другіе города. И въ 1825 г., конечно, Петербургъ уже пѣзмялъ своими размѣрами и нѣкоторыми сооруженіями. Зимній дворецъ, академія художествъ, гранитная одежда Невы и каналовъ, рѣшетка Лѣтняго сада и разныя другія публичныя зданія и въ то время поражали всякаго. Но домъ княгини Лобановой-Ростовской, гдѣ теперь военное министерство, считался чудомъ и по огромности, и по архитектурѣ, а домъ Звѣркова у Кокушкина моста—чуть-чуть не египетскою пирамидою, теперь же едва-ли кто объ нихъ и упомянетъ въ числѣ чрезвычайнаго. Не говоря о томъ, что еще предположено или частію и начато, о томъ, что кончится черезъ пять лѣтъ, черезъ годъ. завтра—не станетъ ни бумаги, ни памяти для одного только исчисления всего уже оконченнаго въ этотъ коротенькій періодъ времени, не равняющійся, по числу лѣтъ, даже періоду одного человѣческаго поколѣнія, а между тѣмъ славный, кромѣ произведеній зодчества, и

столькими колоссальными событіями. Постараюсь перечестъ лишь кое-что важнѣйшее, впадающее мнѣ теперь на память, расположивъ мой перечень, для какого-нибудь порядка въ немъ, по фамиліямъ архитекторовъ:

Монферанъ. Александровская колонна.

Исаакіевскій соборъ, хотя еще неоконченный, но подвинутый такъ далеко, что онъ составляетъ уже нѣчто цѣлое.

Мельниковъ. Старообрядческая церковь святителя Николая на Грязной (нынѣ Николаевской).

Такая же церковь на Волковскомъ кладбищѣ.

Стасовъ. Преображенскій соборъ, возобновленный послѣ пожара.

Троицкій соборъ въ Измайловскомъ полку.

Соборъ всѣхъ учебныхъ заведеній въ Смольномъ монастырѣ.

Тріумфальныя ворота на Московскомъ шоссе.

Такія же у Нарвской заставы.

Дворецъ принца Ольденбургскаго.

А. Брюловъ. Михайловскій театръ.

Евангелическая церковь св. Петра на Невскомъ проспектѣ.

Зданіе главнаго штаба и министерства иностранныхъ дѣлъ на Дворцовой площади.

Пулковская обсерваторія.

Сверхъ того, совокупными трудами его и Стасова, баснословное возобновленіе Зимняго дворца.

Росси. Александрийскій театръ.

Зданія Сената и Синода.

Огромныя два зданія отъ Александрийскаго театра до Чернышева моста, вмѣщающія въ себѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и театральныя дирекцію и школу.

Александръ Тонъ. Домъ военнаго министра въ Малой Морской.

Константинъ Тонъ. Церковь Введенія въ Семеновскомъ полку.

Церковь св. Екатерины близъ Калинкина моста.

Церковь Вознесенія на Аптекарскомъ острову.

Памятникъ Кутузову и Барклаю передъ Казанскимъ соборомъ.

Набережная съ пристанью передъ Академіею художествъ.

Щедринъ. Пересооруженіе зданія 12-ти коллегій подъ университетъ и пр.

Императорская публичная бібліотека.

Павловъ. Совершенная перестройка зданій Воспитательнаго дома, составляющихъ почти цѣлый городъ.

Штакеншнейдеръ. Дворецъ великой княгини Маріи Николаевны.

Жако. Домъ дворянскаго собранія.

Кавось. Перестройка Большаго театра.

А если причислить еще къ этому списку обстройку цѣлой улицы, какова Михайловская, съ принадлежащею къ ней площадью; Аничкинъ мостъ; таможенные пакгаузы и весь кварталъ около биржи; множество зданій для больницъ, богоугодныхъ и учебныхъ заведеній; дома Петровской и Голландской церквей и частные дома въ родѣ: Жако, на углу Большой Морской и Кирпичнаго переулка; Лѣсникова, наискось оттуда; Лерхе, на углу Большой Морской и Гороховой; Безобразова, на Фонтанкѣ у Симеоновскаго моста и множество другихъ, большихъ и меньшихъ, размѣстившихся по всѣмъ концамъ и угламъ Петербурга, то по истинѣ не вѣрится, чтобы все это возникло въ одномъ городѣ, и при томъ всего—въ 17 лѣтъ!

(Продолженіе слѣдуетъ)

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

IX).

1843 годъ.

Моя аудіенція у императора Николая I. — Алексѣй Николаевичъ Оленинъ. — Больныя статсъ-дамы и фрейлины. — Записка императора Николая I. — Кончина князя Витгенштейна. — Александровскій паркъ. — Полюстровскіе и невскіе омнибусы. — Шлиссельбургскіе пароходы. — Путешествіе государя въ Берлинъ. — Семь выстрѣловъ по экипажу императора въ Познани. — Присяга трехъ великихъ князей у колыбели новорожденнаго великаго князя Николая Александровича. — Двѣ императорскія свадьбы и брачныя вѣнцы. — Женить, привязанный къ елкѣ. — Армянскій патріархъ Нерсесъ. — Графъ Иппскій. — Новыя каски на выходѣ 25-го декабря. — Обрученіе великой княжны Александры Николаевны.

11-го апрѣля я былъ пожалованъ въ члены Государственнаго Совѣта и вскорѣ за тѣмъ удостоился благодарить государя за эту милость въ общей аудіенціи съ преемникомъ моимъ въ званіи государственнаго секретаря Бахтинымъ и съ назначеннымъ на его мѣсто управляющимъ дѣлами Комитета министровъ Ханыковымъ. Когда мы вошли, государь, обратясь ко мнѣ, съ пожатіемъ руки сказалъ:

— Ваше превосходительство, низайше поздравляемъ: надѣюсь, что ты и въ новой своей должности будешь тѣмъ же и такимъ же, какъ въ прежнихъ, а тебѣ (къ Бахтину) желаю быть такимъ же государственнымъ секретаремъ, какимъ былъ твой предшественникъ. Кромѣ добросовѣстности и отличной редакціи, я долженъ еще особенно отдать ему

¹⁾ См. „Русскую Старину“, октябрь 1899 г.

справедливость въ томъ, что, при изложеніи имъ разногласій въ Совѣтѣ, я нигдѣ не видѣлъ и не могъ замѣтить собственнаго его мнѣнія, а это и большое мастерство, и большая побѣда надъ самимъ собою, потому что и не имѣющему голоса нельзя же не имѣть своего убѣжденія.

На эту тему государь распространился еще нѣсколько минутъ, вращая ее съ разныхъ сторонъ и изъяснивъ, между прочимъ, какъ такое безпристрастіе канцеляріи было полезно и для него самого, оставляя его, при окончательномъ рѣшеніи дѣла, свободнымъ отъ вліянія сильнѣйшаго или слабѣйшаго изложенія мнѣнія той или другой стороны.

— Это дѣлаетъ тебѣ,—прибавилъ онъ,—главную честь, и за то тебѣ мое особенное искреннее спасибо.

Потомъ, протянувъ руку Ханыкову, онъ сказалъ:

— Ну, а ты, мой старый слуга, мы съ тобой ужъ 18 лѣтъ работаемъ и намъ не вновь знакомиться ¹⁾.

Отъ него государь перешелъ опять ко мнѣ:

— Что, какъ теперь твое здоровье?

— Слава Богу, ваше величество.

— Ну такъ стало тебѣ нынче куда не надо ѣхать.

— А ты (къ Бахтину), мнѣ сказывали, что ты собираешься въ путь, и на отвѣтъ, что ему предписанъ Маріенбадъ, распространился о пользѣ тамошнихъ водъ, о благодѣтельномъ вліяніи, которое онъ производили на него самого, и о томъ, какъ и теперь онъ жаждетъ начать опять поскорѣе лѣтній свой курсъ.

Бахтинъ замѣтилъ, что эти воды (государь намѣревался пить ихъ въ Петергофѣ) гораздо дѣйствительнѣе, если употреблять ихъ на мѣстахъ.

— Не знаю,—отвѣчалъ государь,—мнѣ онъ и здѣсь чрезвычайно полезны, а можетъ статься, лучше пить въ самомъ Маріенбадѣ отъ того, что тамъ нѣтъ дѣловыхъ заботъ, которыя, признаюсь, не способствуютъ никакому лѣченію.

— А ты (ко мнѣ) пивалъ ли Маріенбадскія воды?

— Нѣтъ, государь, я употреблялъ только эмскія и карлсбадскія.

— Эмскихъ не пробовалъ, а карлсбадскія для меня не годятся. Я ихъ началъ-было пить, но принужденъ былъ оставить: отъ нихъ слишкомъ бросается кровь въ голову.

Этотъ предметъ далъ поводъ еще къ нѣсколькимъ фразамъ, послѣ чего государь перешелъ къ дѣламъ и спросилъ Ханыкова, много ли

¹⁾ Ханыковъ служилъ, еще при императорѣ Александрѣ, въ собственной канцеляріи, откуда и поступилъ въ новую свою должность. Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ, прямо изъ нея, членомъ Государственнаго Совѣта, но, по болѣзни, вскорѣ кончившейся его смертію, ни разу въ Совѣтѣ не присутствовалъ.

ихъ въ Комитетѣ. Тотъ отвѣчалъ что много и безпрестанно вновь прибываетъ.

— Да,—продолжалъ государь,—и я съ 1826 года не запомню ни одного, гдѣ бы такъ доставалось бѣднымъ моимъ глазамъ, какъ нынче; пропасть дѣлъ и въ Совѣтѣ, и въ Комитетѣ, и въ разныхъ временныхъ комитетахъ, и прямо изъ самихъ министерствъ. Послѣднія слишкомъ стали мучить меня непосредственными докладами и отъ того—это было еще при тебѣ (обратясь ко мнѣ)—я подтвердилъ, чтобы о всѣхъ законодательныхъ предметахъ они представляли впредь не иначе какъ черезъ Совѣтъ. Въ совращеніи отъ этого порядка виною, впрочемъ, отчасти, я самъ; но меня вынуждала къ тому необходимость. Нѣкоторые части, получившія новыхъ начальниковъ, оказались въ такомъ запущеніи, что всякое представленіе о перемѣнѣ или исправленіи, обнаруживъ прежнее состояніе, само собою приняло бы видъ укора или нареканія прошедшему, а этого мнѣ не хотѣлось оглашать, изъ личныхъ уваженій. Такъ напримѣръ, по путямъ сообщенія мнѣ необходимо приходилось все разсматривать и поправлять самому непосредственно. Покойный графъ Толъ былъ человекъ честнѣйшій, благороднѣйшій, съ самыми лучшими намѣреніями, но окружающіе безсовѣстно пользовались его добродушіемъ и поставили все вверхъ дномъ. Надѣюсь, что теперь, при Клейнмихелѣ, этого уже не будетъ.

При прощаніи, государь отпустилъ насъ съ общею фразою: «прошу же и надѣюсь, господа, что вы будете помнить о чемъ я васъ просилъ».

17-го апрѣля умеръ, 78 лѣтъ отъ роду, одинъ изъ нашихъ вельможъ, который, подобно графу Эссену, по формуляру былъ едва не великимъ, а въ сущности весьма мелкимъ и пустымъ человѣчкомъ, съ тою, однако, разностію противъ Эссена, что умѣлъ или успѣлъ стяжать себѣ, сверхъ всѣхъ внѣшнихъ почестей, нѣкоторую репутацію, даже нѣкоторую популярность. Я говорю объ Алексѣѣ Николаевичѣ Оленинѣ, лилипутъ и ростомъ, и высшими административными дарованіями. Мать его была сестра извѣстнаго въ двадцатыхъ годахъ своими причудами и каррикатурнымъ подражаніемъ странностямъ Суворова, генераль-аншефа князя Григорія Волконскаго. Но отцомъ, подъ именемъ и прикрытіемъ статскаго совѣтника Оленина, былъ церемоніймейстеръ екатерининскаго двора Капшталинскій, славный въ свое время распутствомъ, картежною игрою и—маленькимъ ростомъ, перешедшимъ въ наслѣдство къ его сыну. Послѣдній былъ не выше 12-ти-лѣтняго ребенка, такъ что у стула его въ Государственномъ Совѣтѣ всегда ставился табуретъ для его ногъ, безъ чего онѣ болтались бы на воздухѣ. При всемъ томъ черты лица его были довольно оригинальныя и во всякомъ случаѣ многозначительнѣе обитавшаго въ немъ духа. Кромѣ множества бюстовъ

и портретовъ, фізіономія его довольно вѣрно сохранена на одномъ изъ фронтоновъ Исаакіевскаго собора, рядомъ съ чертами князя Петра Михайловича Волконскаго. Бывъ зачисленъ, еще въ 1774 году, въ пажы, нашъ Оленинъ обучался, съ 1780 года, въ Дрезденской артиллерійской школѣ «воинскимъ и словеснымъ наукамъ», числился потомъ, съ 1783 года, капитаномъ по артиллеріи, въ 1788 году вышелъ въ отставку маіоромъ, а спустя нѣсколько дней опять поступилъ подполковникомъ въ Псковскій драгунскій полкъ; съ 1795 же года, перейдя, по пожалованіи его въ полковники, совѣтникомъ въ ассигнаціонный банкъ съ чиноу коллежскаго совѣтника, онъ пошелъ, при покровительствѣ Волконскихъ, такъ быстро, что къ концу царствованія Павла I былъ уже дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, оберъ-прокуроромъ въ Севастѣ, управляющимъ юнкерскою школою, кавалеромъ ордена св. Анны 2-й степени и командоромъ Іоанна Іерусалимскаго, съ пожизненною пенсією. При переводѣ же его, въ самомъ началѣ царствованія Александра I, экспедиторомъ въ канцелярію Государственнаго Совѣта, удостоился званія статсъ-секретаря. Въ 1803 году онъ былъ опредѣленъ товарищемъ министра удѣловъ; съ 1806 по 1808 г. исправлялъ должность дежурнаго генерала въ тогдашнемъ земскомъ войскѣ (милиціи), за что дано ему право носить милиціонный мундиръ (съ оберъ-офицерскими эполетами), которымъ онъ и замѣнялъ до конца своей жизни всѣ другіе, и пожалована Анненская лента. 1-го января 1810 года, при преобразованіи Государственнаго Совѣта, его назначили статсъ-секретаремъ въ гражданскій департаментъ, а въ 1811 году, при той же должности, и директоромъ Императорской публичной библіотеки. Взявъ тутъ мимоходомъ брильянты къ Анненской звѣздѣ и 2-го Владимира, онъ въ 1812 году, послѣ паденія Сперанскаго, былъ возведенъ на его мѣсто, въ званіе государственнаго секретаря, которое носилъ до пожалованія его, къ 1827 году, въ члены Государственнаго Совѣта, продолжая забирать, по дорогѣ, и другія мѣста и всѣ возможные награды. Такъ въ 1816 году ему дали одновременно 50 т. р. ассиг. и аренду въ 2.500 р. сер., а въ 1824 г. Александровскую ленту; въ 1817 году назначили президентомъ Академіи художествъ и въ 1822 г. членомъ коммиссіи о построеніи Исаакіевскаго собора.

Всѣ эти мѣста, вмѣстѣ съ званіемъ директора библіотеки, онъ удержалъ за собою до своей смерти, не утомляясь въ полученіи наградъ и послѣ пожалованія въ его члены Государственнаго Совѣта. Черезъ два всего мѣсяца отъ этого пожалованія, ему дали одновременно окладъ по прежнему званію государственнаго секретаря; потомъ въ 1828 году новую аренду въ 4.231 р. сер.; въ 1830 году чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника; въ 1834 году опять новую аренду въ 4.000 р. сер.; въ томъ же

году алмазы къ Александровской звѣздѣ, наконецъ въ 1841 году Владимірскую ленту.

Вотъ рамка, въ которой вмѣщались подвиги Оленина; но въ чемъ заключались самыя эти подвиги? Въ 15-ти-лѣтнее отправленіе должности государственнаго секретаря онъ доказалъ вполне свою бездарность. Страшно и смѣшно посмотрѣть, какъ тогда велись дѣла Совѣта и какъ писались его журналы и другіе акты! Старожилы помнятъ, что, при докладѣ сколько-нибудь затруднительнаго дѣла, государственный секретарь всегда хватался за шляпу и, подъ предлогомъ необходимости быть въ Библиотекѣ, или въ Академіи, оставлялъ дѣло на попеченіи глухого председателя князя Лопухина и своихъ подчиненныхъ, между которыми малоспособность и особенно безнравственность были въ то время вещью самую обыкновенною. Императоръ Александръ смотрѣлъ на все это съ равнодушіемъ, которое отличало вторую половину его царствованія; всемогущій Аракчеевъ мало думалъ о томъ, какъ рѣшаются дѣла въ Совѣтѣ, потому что окончательное рѣшеніе все же зависѣло отъ него одного; публика терпѣла и безмолвствовала, а Оленинъ, въ Совѣтѣ, также безмолвствовалъ, и словомъ, и перомъ, но очень бойко возвышалъ голосъ тогда, когда дѣло шло о личныхъ ему наградахъ и отличіяхъ. Онъ умѣлъ рисовать карандашемъ легенькіе эскизы, выдавалъ себя за знатока и мецената въ художествахъ, написалъ какое-то археологическое разсужденіе о Тмутараканскомъ камнѣ, и за это его пожаловали президентомъ Академіи художествъ, которою онъ управлялъ почти такъ же, какъ государственною канцеляріею, т. е. самъ ничего не дѣлая, отдалъ всю власть секретарю академической конференціи Григоровичу, который съ своей стороны даже въ публичныхъ собраніяхъ Академіи нисколько не скрывалъ, что истинный президентъ Академіи—онъ, обходясь съ носившимъ это званіе, въ глазахъ всѣхъ посѣтителей, какъ съ мальчишкою.

Оленинъ покровительствовалъ Крылова, Гнѣдича и Греча, которые почти жили на его хлѣбахъ, былъ немножко библиофиломъ и выдавалъ себя библиографомъ, любилъ собирать у себя литераторовъ болѣе изъ тщеславія, чѣмъ по вкусу къ литературнымъ занятіямъ, и его назначили директоромъ Императорской публичной библиотеки, которой, при слабой и малоразумной его администраціи, не было дано ни жизни, ни общепользнаго направленія и, въ 30-ти-лѣтнее его завѣдываніе, не успѣли составить каталоговъ, а въ написанныхъ напослѣдокъ по строгимъ настояніямъ императора Николая, для нѣкоторыхъ частей, забыли бездѣлицу—означить мѣста, гдѣ стоятъ внесенныя въ каталогъ книги! Наконецъ, какъ членъ Государственнаго Совѣта, Оленинъ всегда былъ совершенною, полною, отчаянною ничтожностію. Если изъ числа другихъ членовъ не всѣ говорятъ въ засѣданіяхъ Совѣта, то по край-

ней мѣръ они разсуждаютъ между собою о дѣлахъ и прилагаютъ, каждый по своимъ силамъ, нѣкоторое стараніе выкнутъ въ нихъ; Оленинъ, напротивъ, никогда не разсуждалъ и не думалъ ни объ одномъ дѣлѣ, даже ни одного и не слушалъ. «Во многоглаголаніи нѣсть спасенія», было его любимую поговорку, которую онъ усердно прилагалъ отъ глаголанія о дѣлахъ и къ слушанію ихъ. Вообще, за исключеніемъ нѣкоторой пріятности въ легкой бесѣдѣ, нѣкоторой начитанности и большой памяти на старые анекдоты и коммеражи, онъ былъ человѣкъ въ высшей степени отрицательный, съ какими-то опрокинутыми понятіями и сужденіями о вещахъ, безъ энергіи, безъ разсудительности, тѣмъ болѣе безъ государственнаго ума. И этотъ человѣкъ, повторяю, умѣлъ однако составить себѣ нѣчто въ родѣ репутаціи, такъ что наши газеты воспѣли ему, послѣ его смерти, слѣдующій панегирикъ: «Просвѣщенный любитель и знатокъ изящныхъ искусствъ, отечественной литературы, исторіи и древностей; ревнитель добрыхъ и общепользныхъ дѣлъ въ отечествѣ; доступный, пріятливый и гостепріимный покровитель дарованій и усердныхъ трудовъ; чадолубивый и нѣжный семьянинъ; пламенный сынъ Россіи, вѣрный слуга своихъ государей; истинный христіанинъ—Оленинъ вѣчно будетъ жить въ благодарной памяти своихъ приближенныхъ, друзей и подчиненныхъ, и не одна слеза искренней признательности взысканныхъ и облагодѣтельствованныхъ имъ падетъ на его надгробный камень». Въ этомъ пышномъ наборѣ словъ все, — за исключеніемъ развѣ достоинствъ Оленина въ частной жизни, — или преувеличеніе, или ложь, и писавшій эти строки, самъ, я думаю, вмѣсто «слезъ искренней признательности», внутренно смѣялся надъ своимъ хитросплетеннымъ похвальнымъ словомъ.

Вскорѣ послѣ смерти Оленина стертъ былъ съ лица земли и знаменитѣйшій изъ оставленныхъ имъ по себѣ памятниковъ: сочиненная имъ надпись на цоколяхъ подъ тридцативѣковыми гранитными сфинксами, вывезенными изъ Египта и поставленными на Невской набережной передъ Академіею художествъ. Она начиналась такъ: «Сіи огромные сфинксы», хотя то же самое было повторено на каждомъ изъ пьедесталовъ. Лѣтъ десять эта надпись возбуждала раздумье, насмѣшки и остроты каждаго проходящаго и обратилась въ Петербургѣ даже въ поговорку. Это извѣстно было и государю, который, однако же, по всегдашней нѣжной бережливости къ старымъ слугамъ, щадилъ въ надписи ея сочинителя. Со смертію Оленина, когда всѣ личныя уваженія прекратились, твореніе его исчезло вслѣдъ за сочинителемъ и, взамѣнъ, подъ «симп огромными сфинксами» явилась другая, приличнѣйшая надпись.

Въ Вербное воскресенье наши придворныя дамы какъ-то заѣдѣлись, и къ дворцовому выходу явилось очень мало не только статсъ-дамъ, но и фрейлинь. Государь сильно за это разгнѣвался и тотчасъ послѣ обѣдни послалъ спросить у каждой о причинѣ неявки. Всѣ, разумеется, не нашли никакой другой отговорки, кромѣ нездоровья. Тогда, начавъ съ понедѣльника, ежедневно стали являться придворныя ѣдовы, чтобы навѣдываться о здоровьи: къ фрейлинамъ по одному, а къ статсъ-дамамъ даже по два раза въ день, и такимъ образомъ всѣ эти бѣдныя дамочки по неволѣ принуждены были засѣсть дома, пока приличіе позволило каждой отозваться, что болѣзнь ея прошла.

Графъ Киселевъ рассказывалъ мнѣ, что у него не разъ заходила рѣчь съ императоромъ Николаемъ о томъ, какъ интересно и полезно было бы записывать его дѣйствія, равно какъ и замѣчанія и наблюденія о всемъ происходящемъ и о всемъ его окружающемъ, создавая такимъ образомъ если не исторію его царствованія, то по крайней мѣрѣ самые полные и достовѣрные для нея матеріалы. Безъ подобнаго подготовленія многое забывается и пропадаетъ, съ людьми умираютъ преданія, а что я уплыветъ, то явится потомству въ искаженномъ или неполномъ видѣ. Государь отвѣчалъ, что онъ нѣсколько разъ принимался за такія современныя, разумеется самыя коротенькія замѣтки, но принужденъ былъ отказываться отъ веденія ихъ, даже и въ такомъ видѣ, за недостаткомъ времени и досуга. Было время, что онъ хотѣлъ употребить къ этому великую княжну Марію Николаевну, но она вышла замужъ, пошли дѣти, и такимъ образомъ и этотъ планъ не осуществился. Думалъ онъ также поручить Первому отдѣленію собственной своей канцеляріи вести по крайней мѣрѣ общій современный реестръ всему важнѣйшему, что случается и выходитъ у насъ въ мірѣ законодательномъ и административномъ; но послѣ ему показалось, что такая голая номенклатура была бы слишкомъ суха и даже бесполезна, представляя одни лишь результаты, а не пружины, не тайныя нити, не *dessous des cartes*, часто гораздо интереснѣйшія результатовъ. Между тѣмъ время утекаетъ, и до сихъ поръ все ничего не сдѣлано, такъ что у государя остается всего только написанный имъ самимъ подробный рассказъ о событіяхъ и первыхъ послѣдствіяхъ 14-го декабря 1825 года.

Лѣтомъ 1843 года смерть постигла одну изъ знаменитостей 1812 года: князя Петра Христіановича Витгенштейна, «защитника Петрова града», того героя, который въ свое время былъ увѣнчанъ столькими лавровыми вѣнками, который воспѣвался въ народныхъ пѣсняхъ, былъ кумиромъ всей Россіи п—умеръ уже давно полузабытый, уже давно удаленный со всякаго дѣятельнаго поприща, хотя и числившійся еще, для почета, членомъ Государственнаго Совѣта. Достигнувъ 80-ти лѣтъ отъ роду и переживъ свою славу, Витгенштейнъ скончался въ Лембергѣ, на

возвратномъ пути въ богатые свои помѣстья въ Подольской губерніи. По полученіи извѣстія о его смерти, государь почтилъ минувшее его величіе всѣми возможными знаками вниманія. Отданъ былъ приказъ, чтобы «въ ознаменованіе памяти къ знаменитымъ заслугамъ князя престолу и отечеству, всѣмъ войскамъ сухопутнаго вѣдомства носить трехдневный трауръ», и вдовѣ его пожалованъ прекрасный рескриптъ, въ которомъ, изъявляя «сердечное участіе въ понесенной ею потерѣ», государь, между прочимъ, говорилъ: «знаменитое поприще вашего супруга и, въ особенности, славные его подвиги въ незабвенную эпоху 1812 года останутся однимъ изъ лучшихъ украшеній нашей отечественной исторіи; я же съ своей стороны сохраняю навсегда искреннюю признательность къ его доблестному служенію престолу и отечеству и истинное уваженіе къ высокимъ добродѣтелямъ, его украшавшимъ». Полку его имени велѣно, однако же, принять прежнее названіе Мариупольскаго.

Тѣмъ же лѣтомъ петербургскіе жители были обрадованы разными новинками. Прежде, при переездѣ на прелестные наши «острова», въ глаза всегда очень непріятно бросался крѣпостной гласисъ, обширное неведиrowанное поле, заросшее низкою травой и испещренное во всѣхъ направленіяхъ тропинками, которыя были проложены пѣшеходами. Мѣсто этой безобразной пустыни занялъ обширный паркъ, устроенный по мысли и подъ непосредственнымъ надзоромъ министра финансовъ графа Канкрина, съ обширнымъ зданіемъ для новаго заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ, которое открылось 6-го іюня.

Другая новинка касалась удобствъ загородныхъ сообщеній. При постепенно усиливавшемся въ Петербургѣ навыкѣ переселяться на лѣто за городъ, навыкѣ, проникшемъ почти во всѣ классы, многіе, особенно изъ числа мелкихъ чиновниковъ, для которыхъ дачи во всякой другой мѣстности были бы слишкомъ дороги, стали нанимать крестьянскіе домики въ деревнѣ Полюстровѣ, на Невѣ, близъ Безбородкинской дачи. Прежде они принуждены были ѣздить туда на гадкихъ нашихъ извозчикахъ, за дорогую цѣну. Съ лѣта 1843 года учредился красивый омнибусъ съ надписью: «Невскій проспектъ—Полюстрово», который сталъ ходить туда и назадъ, въ опредѣленные часы по нѣскольку разъ въ день, съ платою по 15-ти коп. съ каждаго пассажира. Это былъ прародецъ всѣхъ нашихъ, впоследствии столько размножившихся загородныхъ омнибусовъ. Наконецъ въ то же самое лѣто началось впервые пароходное сообщеніе по Ладожскому озеру, отъ Шлиссельбурга до Сердоболя, съ остановками въ монастыряхъ Коневскомъ и Валаамскомъ. Первый пароходъ, который совершилъ этотъ рейсъ, назывался «Валаамъ». Путь въ оба конца требовалъ трехъ дней, и за переездъ до Сердоболя положена была плата, въ первыхъ мѣстахъ по 3, а во вторыхъ по 2 р.

Въ слѣдовавшую за симъ зиму (съ 9-го декабря) появились и пер-

вые омнибусы внутри города. Въ то время это были огромныя кареты, съ надписью: «Аничковъ мостъ—Васильевскій островъ», на 20 человекъ, заложеныя четвернею и возившія всякій часъ, за 10 коп. съ пассажира, отъ Гостиного двора къ углу 5-й линіи у Средняго проспекта на Васильевскомъ островѣ. Но бывъ начато зимою, когда городъ безъ того наполненъ множествомъ дешевыхъ извозчиковъ, это предпріятіе не удалось, и кареты ѣздили всегда почти пустыми.

Въ концѣ августа государь уѣхалъ въ Берлинъ, для отдачи визита прусскому королю, пріѣзжавшему въ 1841 году въ Варшаву и въ 1842 году въ Петербургъ и вмѣстѣ для присутствованія на тамошнихъ маневрахъ. По случаю этой поѣздки, всѣмъ главнымъ начальствамъ сообщено было повелѣніе, чтобы въ высочайшемъ отсутствіи «во всѣхъ непредвидимыхъ случаяхъ испрашивать разрѣшеніе государя наслѣдника». Прощаясь съ военнымъ министромъ княземъ Чернышевымъ, государь сказалъ, указывая на цесаревича: «Въ случаѣ, если я не возвращусь, вотъ вашъ командиръ». Въ это же отсутствіе государя велѣно было представлять на разрѣшеніе и утвержденіе цесаревича, сверхъ дѣлъ Комитета министровъ, впервые и дѣла Государственнаго Совѣта, которыя прежде, при отлучкахъ государя, всегда были отсылаемы непосредственно къ нему.

По окончаніи прусскихъ маневровъ, государь, на возвратномъ пути изъ Берлина въ Варшаву (тамъ еще не было въ то время желѣзной дороги), въ Познани, 7-го (19-го) сентября, узналъ, что хоронятъ генерала Грольмана, который былъ ему лично извѣстенъ. Пожелавъ отдать ему послѣдній долгъ, онъ вышелъ изъ коляски и приказалъ всѣмъ экипажамъ ѣхать далѣе и ждать его на извѣстномъ пунктѣ, а самъ пошелъ пѣшкомъ къ кладбищу ¹⁾. Между тѣмъ, при переѣздѣ черезъ какой-то мостъ, экипажи были встрѣчены ружейными выстрѣлами, и семь пуль попали именно въ тотъ, въ которомъ, по предположенію, долженъ былъ сидѣть государь. Въ такомъ видѣ первое извѣстіе о семъ разнеслось, 13-го сентября, въ Царскомъ Селѣ и на другой же день передано было мнѣ оберъ-шенкомъ графомъ Віельгорскимъ, присутствовавшимъ при бывшемъ тамъ, у императрицы, благодарственномъ молебствіи за дивное, Богомъ посланное помазаннику его, спасеніе. Но эти вѣсти были преувеличены.

20-го сентября (2-го октября) первая печатно заговорила объ этомъ

¹⁾ Императоръ Александръ II замѣтилъ: «Несправедливо. Государя, для набѣжанія стѣсненія на улицахъ, по случаю похоронъ генерала Грольмана, провезли кружною дорогою; прочіе же экипажи слѣдовали обыкновеннымъ путемъ, при чемъ и послѣдовали выстрѣлы въ коляску, въ которой сидѣли Суковкинъ и чиновникъ походной канцеляріи Кириллинъ».

происшествіи «Allgemeine Preussische Zeitung», въ статьѣ изъ Познани, очень смышленной, дипломатической, накидывавшей какой-то таинственный на него покровъ, но все однакожъ подтверждавшей самый фактъ. Вотъ она:

«Нѣсколько лишь дней тому назадъ сдѣлалось здѣсь извѣстнымъ, что 19-го (7-го) сентября, спустя нѣсколько часовъ послѣ проѣзда русскаго императора, поздно вечеромъ, въ то время, какъ одна изъ принадлежавшихъ къ императорской канцеляріи каретъ проѣзжала черезъ предмѣстье Вавлишей, по близости отъ нея раздался выстрѣлъ. Это дало поводъ къ изслѣдованію, которое производится подлежащими властями съ особенною дѣятельностью. Но, сколько извѣстно, этимъ изслѣдованіемъ не открыто еще до сихъ поръ ни того, кто выстрѣлялъ, ни такихъ обстоятельствъ, изъ которыхъ можно бы съ достовѣрностью заключить, былъ ли произведенъ этотъ выстрѣлъ съ предумышленіемъ, или изъ шалости, или же по одной неосмотрительности. Нѣкоторые изъ обывателей сосѣднихъ домовъ хотя и слышали его, но въ предположеніи, что это такъ-называемый «Vivatschuss», не обратили на него вниманія. Оттого и все происшествіе сначала оставалось здѣшней публикѣ совершенно неизвѣстнымъ; между тѣмъ, въ другихъ мѣстахъ (auswärts) разнеслись о немъ слишкомъ, какъ кажется, преувеличенные слухи, измѣнявшіе при томъ сущность самаго факта, слухи, которымъ настоящій простой рассказъ можетъ служить наилучшимъ опроверженіемъ».

Вслѣдъ затѣмъ опубликованъ былъ, въ Познани, приказъ тамошняго оберъ-президента слѣдующаго содержанія: «Извѣстно, что 19-го сентября, при проѣздѣ одного изъ экипажей, принадлежавшихъ къ свитѣ его величества русскаго императора, сдѣланъ былъ, на углу Вавлишейскаго предмѣстья и Малой улицы, ружейный выстрѣлъ. Для поясненія этого событія допрошены были разные лица, находившіяся въ то время на улицѣ. Показанія ихъ не привели, однако же, ни къ какому положительному результату. По словамъ нѣкоторыхъ, во время выстрѣла стояли, близъ водоема на томъ углу, три прилично одѣтыхъ человѣка, которые, когда раздался выстрѣлъ, отошли къ домамъ. Въ предположеніи, что отъ этихъ трехъ человѣкъ можно было бы получить самыя опредѣлительныя свѣдѣнія о сопровождавшихъ выстрѣлъ обстоятельствахъ, полиція употребила всѣ мѣры къ ихъ отысканію, но до сихъ поръ безуспѣшно. Будучи увѣренъ, что каждому изъ жителей нашего города весьма желательно пояснить такое происшествіе, которое уже породило многочисленные толки, я избираю настоящій путь гласности, для вызова къ добровольному о семъ дѣлѣ показанію какъ упомянутыхъ трехъ человѣкъ, такъ и всѣхъ тѣхъ, которые, оставшись еще недопрошенными, могли бы дать какое-нибудь пояснительное свѣдѣніе».

Между тѣмъ, въ Аугсбургской «Allgemeine Zeitung» появилась статья

«Съ польской границы», въ которой увѣрили, что въ экипажи государя и его свиты произведено было до двадцати выстрѣловъ; что этотъ градъ пуль, какъ бы чудомъ, никого не ранилъ, и что, впрочемъ, ночная темнота не допустила схватить ни одного изъ виновныхъ. Вслѣдствіе того въ прусской газетѣ было напечатано: «Ссылаясь на обнародованный приказъ познанскаго оберъ-президента, мы можемъ самымъ положительнымъ образомъ удостовѣрить, что означенное извѣстіе не имѣетъ никакого основанія. Выстрѣлъ, какъ мы уже и прежде говорили, былъ всего одинъ и тотъ вблизи экипажа съ государевою канцеляріею, прослѣдовавшаго черезъ Познань спустя нѣсколько часовъ послѣ проѣзда государя».

Наконецъ, нѣсколькими днями позже, та же прусская газета напечатала еще слѣдующее:

«Аугсбургская *Allgemeine Zeitung*» увѣдомляетъ, по письмамъ изъ Познани, что императоръ Николай проѣхалъ черезъ этотъ городъ въ семью часамъ прежде своей свиты; что поэтому, во время покушенія, его не было въ императорской каретѣ; что всѣ выстрѣлы въ нее попали въ то мѣсто, которое онъ обыкновенно занимаетъ, и что сидѣвшій тамъ адъютантъ его величества раненъ въ ногу. Это извѣстіе почерпнуто, очевидно, изъ очень мутнаго источника. Во-первыхъ, не можетъ быть рѣчи о «выстрѣлахъ». Всего былъ лишь одинъ, да и тотъ не по императорскому экипажу, а вблизи коляски, слѣдовавшей спустя нѣсколько часовъ послѣ государя и его свиты, и не съ его адъютантами, а съ чиновниками канцеляріи. Раненыхъ не было никого. Во-вторыхъ, по всѣмъ произведеннымъ доннымъ изысканіямъ, отнюдь еще нельзя назвать этого событія покушеніемъ (*attemptat*), такъ какъ не извѣстно, былъ ли выстрѣлъ послѣдствіемъ легкомыслія, шалости или злаго умысла».

Вотъ все, что было напечатано объ этомъ таинственномъ событіи въ газетахъ; а вотъ самыя достовѣрныя извѣстія изъ первыхъ рукъ. въ томъ видѣ, какъ тогда же передалъ ихъ мнѣ, по возвращеніи въ Петербургъ, сопровождавшій государя графъ Орловъ.

Государь пріѣхалъ въ Познань съ Орловымъ, сидѣвшимъ въ одной съ нимъ коляскѣ, передъ сумерками. На городской чертѣ ихъ встрѣтилъ уланскій офицеръ, присланный отъ оберъ-президента для указанія пути не черезъ Вышгородъ, гдѣ идетъ обыкновенный трактъ, а черезъ нижнюю часть города, потому что въ первомъ, по случаю погребенія въ это время генерала Грольмана, столпилось много народа. Смѣна лошадей была приготовлена передъ домомъ оберъ-президента, который вышелъ на крыльцо и съ которымъ государь, при огромномъ стеченіи людей всѣхъ сословій, кричавшихъ «вивать», разговаривалъ минутъ десять, не выходя изъ коляски. Отсюда экипажъ, непосредственно за городскою

заставою, свернулъ на объѣздную дорогу, потому что шоссе въ это время чинили. Начало смеркаться, и государь скоро задремалъ.

— Но мнѣ,—продолжалъ Орловъ,—при извѣстной непріязни противъ насъ познанскаго населенія, было не до сна. Я не переставалъ дрожать за ту драгоценную жизнь, которую считалъ ввѣренною моею защитѣ, и готовъ былъ охранить ее всякую минуту собственною кровью, не предвидя, однако, къ тому средствъ въ случаѣ внезапнаго нападенія. Безпокойство мое увеличивалось еще отъ тѣхъ мѣръ предосторожности, которыя, какъ я не могъ не замѣтить, приняты были со стороны прусскаго правительства, показывая, что и оно не безъ опасеній. Кругомъ нашей коляски скакали четыре жандарма, которые были тутъ, очевидно, не для почетнаго караула. Сверхъ того, изъ перелѣся, по сторонамъ дороги, безпрестанно промелькивали на поляны какія-то фигуры, въ пальто, верхами, которыя тоже ни мало меня не успокоивали; наконецъ, двѣ или три изъ числа этихъ фигуръ подѣхали къ самой нашей коляскѣ, и вынужденный мнѣ ими страхъ миновался тогда только, когда онѣ стали перешептываться съ нашими жандармами: это были полицейскіе агенты, разбѣянные на разныхъ пунктахъ по распоряженію мѣстнаго начальства, со стороны котораго, повторяю, взяты были самыя бдительныя мѣры. Наконецъ все, благодаря Бога, кончилось однимъ страхомъ, и то съ моей только стороны, потому что государь, продолжая дремать, не обнаружилъ ни малѣйшаго безпокойства. На другой день, въ шестомъ часу по полудни, мы были уже въ Варшавѣ, и государь, отобѣдавъ втроемъ, съ княземъ Паскевичемъ и со мною, занялся высланными къ нему туда бумагами. Но едва я успѣлъ нѣсколько отдохнуть въ моей комнатѣ, какъ былъ вдругъ опять потребованъ къ государю. «Лешка, Лешка,—закричалъ онъ, бросаясь, въ слезахъ, мнѣ на шею,—Богъ далъ Сашѣ сына!»¹⁾ Это извѣстіе безмѣрно обрадовало государя, и онъ тотчасъ велѣлъ мнѣ отправить нарочныхъ для сообщенія о томъ въ Берлинъ и Дармштадтъ, а Адлербергу написать приказъ о производствѣ 50-ти полковниковъ въ генералы. Пока я успѣлъ кончить письма къ нашимъ посланникамъ въ Берлинъ и Дармштадтъ и отправить съ ними фельдъегерей, наступила уже полночь, и я легъ спать. Вдругъ меня, въ первомъ снѣ, будятъ извѣстіемъ, что пріѣхалъ Суковкинъ (чиновникъ военно-походной канцеляріи, принадлежавшій къ государственной свитѣ, теперь статсъ-секретарь, управляющій дѣлами комитета

¹⁾ Великаго князя Николая Александровича, родившагося 8-го сентября, въ седьмомъ часу утра, въ Царскомъ Селѣ. Объ этомъ вожделѣнномъ событіи, по неизвѣстности въ точности мѣста, въ которомъ государь находился тогда въ заграничномъ своемъ путешествіи, дано было знать, по телеграфу, въ Варшаву; но телеграфы были въ то время еще не электрическіе, а стараго устройства.

министровъ) и что ему непременно нужно сейчасъ со мною увидѣться. Оставъ отъ насъ еще на перѣздѣ изъ Берлина въ Познань, онъ съ товарищемъ своимъ, чиновникомъ Кирилинимъ, проѣзжалъ черезъ Познань уже ночью, какъ вдругъ, въ предмѣстьи, возлѣ ихъ коляски, раздался выстрѣлъ, и Кирилинъ закричалъ, что онъ раненъ. Почтарь, однако, не бывъ никѣмъ задержанъ, продолжалъ скакать, и уже когда отѣхали нѣсколько верстъ за городъ, Суковкинъ велѣлъ остановиться. Раны на Кирилинѣ не оказалось, но три осколка шевротина, или того, что называется заячьей дробью, сидѣли въ ватѣ его шинели. Они пробились сквозь желѣзную клѣтку, вату и сукно колясочной стѣнки, и выстрѣлъ (какъ думали изъ тромбона) былъ такъ силенъ, что еслибъ не ослабъ отъ желѣза коляска, то несомнѣнно убилъ бы Кирилина, сидѣвшаго именно на лѣвой сторонѣ, той, на которой всегда сидѣвалъ и государь. Я поспѣшилъ къ нему съ этимъ извѣстіемъ. Онъ еще не спалъ, потому что всегда долго молился по вечерамъ, а въ этотъ день, послѣ полученной радостной вѣсти, молился еще долѣе. Нисколько не смутившись отъ опасности, грозившей, по всей вѣроятности, ему лично, онъ велѣлъ мнѣ позвать, на слѣдующее утро, прусскаго консула въ Варшавѣ съ тѣмъ, чтобы я, осмотрѣвъ при немъ прострѣленную коляску и шинель и отобравъ всѣ нужныя показанія, предоставилъ ему самому донести о всемъ томъ его правительству; съ этимъ вмѣстѣ, однако, по моему напоминанію, государь приказалъ мнѣ сообщить о всѣхъ подробностяхъ происшествія и Мейендорфу (тогдашнему нашему посланнику въ Берлинѣ), на случай вопросовъ со стороны прусскаго правительства. Между тѣмъ, государь самъ тотчасъ написалъ обо всемъ императрицѣ. Въ концѣ письма было приписано, чтобы она прочла его одна и никому не показывала; но какъ это говорилось въ припискѣ, то императрица, начавъ читать письмо вслухъ при всѣхъ, дошла до нея, когда уже сдѣлано было иначе, а какъ, такимъ образомъ, дѣло само собою огласилось, то велѣла отслужить благодарственный молебенъ. Государь, узнавъ объ этомъ послѣ, былъ недоволенъ, потому что, такимъ образомъ, давался видъ, будто бы покушеніе обращено было именно противъ него, въ чемъ нѣтъ никакой достовѣрности и въ чемъ ему не хотѣлось даже и возбуждать какое-нибудь подозрѣніе.

— Но какія, однако же,—спросилъ я у графа Орлова,—собственные ваши мысли объ этомъ?

— Нельзя, кажется, сомнѣваться,—отвѣчалъ онъ,—что былъ злой умыселъ на жизнь государя; но когда исполненіе его сдѣлалось невозможнымъ отъ бдительности полиціи, не оставлявшей насъ ни на минуту, то злоумышленники рѣшились, какъ бы изъ безумной мести, ознаменовать свое намѣреніе, по крайней мѣрѣ, какимъ-нибудь злодѣяніемъ, и потому бросились на коляску Суковкина, которую полиція, утомясь и отъ

похоронъ Грольмана и отъ хлопотъ цѣлаго дня о насъ, вѣроятно, уже не оберегала такими мѣрами, какъ нашъ экипажъ. Впрочемъ, это одинъ только догадки. Очень, однако, любопытно одно обстоятельство, именно, что прусское правительство и, какъ кажется, даже само познанское мѣстное начальство, узнали объ этомъ происшествіи только уже по вѣстямъ, полученнымъ изъ Варшавы. Кто виновные, едва-ли когда откроется; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ (этотъ разговоръ происходилъ въ половинѣ октября) никого не найдено. Самъ государь, кажется, убѣжденъ въ томъ, что все это было простое мошенническое нападеніе для грабежа, а отнюдь не покушеніе противъ его лица... ¹⁾.

Нѣсколько дополнительныхъ къ сему свѣдѣній я слышалъ тогда же, еще отъ самого Суковкина. Какъ всѣ почтовые лошади были разобраны подъ экипажи государя и непосредственной его свиты, то коляску, въ которой сидѣлъ онъ, Суковкинъ, съ Кирилинимъ, везли на обывательскихъ. По пріѣздѣ въ Познань, имъ захотѣлось ѣсть, и они остановились спросить о гостиницѣ. Имъ указали ее, и когда они поѣхали туда, то одинъ прохожій закричалъ на нихъ. И путешественники наши и везшіе ихъ крестьянинъ думали, что онъ повторяетъ указаніе гостиницы, и послѣдній, закричавъ: «знаю, знаю», поѣхалъ далѣе. Въ гостиницѣ, пока они ѣли, нѣсколько челоѣкъ въ разное время подходили къ Кирилину съ вопросомъ, когда пройдетъ государь (между тѣмъ давно уже проѣхавшій). Кирилинъ отвѣчалъ, что не знаетъ (ему точно не было извѣстно ни о проѣздѣ государя, ни вообще о его маршрутѣ). Поѣвъ, они отправились изъ Познани, также на обывательскихъ, съ сидѣвшимъ на запяткахъ ихъ коляски писаремъ военно-походной канцеляріи. Когда раздался выстрѣлъ, Суковкинъ, ничего не подозрѣвая, сталъ хвалиться дѣлаемымъ имъ салютомъ. Но тутъ Кирилинъ закричалъ, что онъ раненъ.

— Молчи, молчи,—отвѣчалъ Суковкинъ, уже догадавшись, что тутъ далеко отъ салюта,—слава Богу, что такъ вынесло!

Больше ничего не было, и ихъ повезли по тому же объѣзду, по которому проѣхалъ и государь; но крестьянинъ, мало знакомый съ дорогою, заплутался и принужденъ былъ, уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Познани, остановиться. Только тутъ они могли осмотрѣться и убѣдиться, рана нанесена не Кирилину, а его шинели. Сидѣвшій на запяткахъ писарь отвѣчалъ, что видѣлъ только, какъ въ темнотѣ блеснулъ огонь, но больше ничего рассмотреть не могъ.

Во всемъ прочемъ рассказъ Суковкина былъ совершенно сходенъ съ слышаннымъ мною отъ графа Орлова.

¹⁾ Этотъ разговоръ или, лучше сказать, рассказъ я прочитывалъ князю Алексѣю Ѳедоровичу Орлову 9-го января 1857 года, и онъ призналъ мое изложеніе вполне соответственнымъ его словамъ, произнесеннымъ въ 1843 г.

Впослѣдствіи, и именно въ январѣ 1844 года, было еще напечатано въ прусскихъ газетахъ объявленіе познанскаго оберъ-коменданта, что какъ все еще не открыто лица, выстрѣлившаго по экипажамъ свиты русскаго императора, то тому, кто наведетъ бы достоверно на слѣды виновнаго, обѣщается въ награду 1.000 червонныхъ. И это, однако же, осталось безъ результата. По этому дѣлу ничего болѣе не было обнаружено, и оно (какъ подтвердилъ мнѣ, въ 1857 году, князь Орловъ) осталось навсегда покрытымъ прежнею тайною.

По возвращеніи изъ Берлина въ Петербургъ, государь подвелъ къ колыбели новорожденнаго своего внука, великаго князя Николая Александровича, трехъ младшихъ своихъ сыновей.

— Присягайте,—сказалъ онъ имъ,—будущему моему государю. Жизнь моя и вашего брата всегда на волосѣхъ, и Богъ знаетъ, не скоро ли вы будете подданными вотъ этого!

Государь желалъ, чтобы предстоявшія въ зиму съ 1843-го на 1844-й г. въ царственной нашей семьѣ два бракосочетанія: великой княжны Александры Николаевны съ принцемъ Гессенскимъ и великой княжны Елисаветы Михайловны съ герцогомъ Нассаускимъ были совершены въ одинъ день и вмѣстѣ; но министръ императорскаго двора, князь Волконскій, противопоставилъ этому одно, хотя и довольно оригинальное, однако рѣшившее участь дѣла препятствіе, именно, что по церемоніалу великія княжны должны быть, при брачномъ обрядѣ, въ коронахъ, а у насъ—всего только одна такая корона; подобный же случай двухъ свадебъ вдругъ можетъ стать никогда болѣе не повторится, почему изготовленіе второй еще короны было бы напраснымъ и, между тѣмъ, довольно значительнымъ расходомъ. Другую подобную же продѣлку хозяйственной расчетливости князь Волконскій прикрылъ по крайней мѣрѣ благовидѣйшимъ предлогомъ. При бракѣ наслѣдника цесаревича въ 1841-мъ году ¹⁾ вѣнецъ надъ нимъ держалъ генералъ-адъютантъ графъ Петръ Петровичъ Паленъ ²⁾, какъ старшій въ чинѣ изъ холостяковъ при дворѣ. Императрица въ разговорѣ съ нимъ упомянула, что и при бракѣ Александры Николаевны, вѣроятно, ему же придется исполнять эту обязанность. Паленъ отвѣчалъ, что вмѣнить себѣ то за счастье, но какъ товарищемъ его, должно думать, будетъ великій князь Константинъ Николаевичъ, то надо бы сдѣлать новые вѣнцы, по чрезвычайной тяжести прежнихъ, которые и онъ, Паленъ, при всемъ высокомъ

¹⁾ Императоръ Александръ II отмѣтилъ: „При бракѣ великой княжны Маріи Николаевны въ 1839-мъ году“.

²⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Неправда.—Надо мною держалъ вѣнецъ наслѣдникъ, теперь царствующій великій герцогъ Веймарскій“.

своемъ ростѣ, едва могъ сдержатъ въ продолженіе церемоніи ¹⁾. Противъ этой, тоже не маловажной издержки, Волконскій нашель отговорку въ томъ, что прежніе вѣнцы употребляются при всѣхъ царственныхъ бракахъ еще со временъ Бориса Годунова ²⁾, слѣдственно, сколько они ни тяжелы, имѣютъ историческое значеніе, которымъ едва-ли можно пожертвовать изъ какихъ-нибудь личныхъ уваженій.

При Императорѣ Николаѣ постоянно соблюдался обычай устраивать во дворцѣ елки наканунѣ Рождества. Въ 1843-мъ г. къ той, которая была назначена для великой княжны Александры Николаевны, государь, между другими подарками, приказалъ привязать—и ея жениха ³⁾. Можно представить себѣ, сколько смѣху, при входѣ въ залу, возбудила собою эта оригинальная идея!

На выходѣ 25-го декабря во дворцѣ два лица и одна вещь привлекли на себя общее вниманіе. Одно изъ лицъ былъ армянскій патріархъ Нерсесъ, оказавшій намъ, еще въ санѣ архіепископа, большія услуги во время присоединенія Арменіи, потомъ подпавшій немилости князя Паскевича, вслѣдствіе того долго остававшійся въ забвеніи и на невыгодномъ счету у правительства и уже только послѣ многихъ представствъ утвержденный государемъ, по народному избранію, въ патріаршемъ санѣ. Вскорѣ за симъ пожалованіемъ Нерсесъ пріѣхалъ, лѣтомъ 1843-го года, въ Петербургъ, гдѣ параличъ лишилъ его движенія всей правой стороны и, вмѣстѣ съ другими недугами, положилъ на смертный одръ, такъ что собранные на консилиумъ врачи рѣшили, что ему остается жить не болѣе сутокъ. Тутъ камергеры братья Лазаревы, постоянные покровители и представители армянскаго народа, написали, отъ имени сего послѣдняго, письмо къ извѣстному нашему магниту—зверу Андрею Ивановичу Пашкову ⁴⁾, съ просьбою испытать его силы для спасенія ихъ архипастыря. Пашковъ посредствомъ совѣтовъ и предписаній (гомеопатическихъ) главной изъ своихъ ясно-видящихъ, г-жи Висковатовой, въ какихъ-нибудь шесть недѣль возстановилъ силы патріарха до такой степени, что возвратилось употреб-

¹⁾ При бракѣ великой княжны Александры Николаевны Паленъ не держалъ, однако же, вѣнца. Надъ невѣстою держалъ его герцогъ Нассаускій, а надъ женихомъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Но Паленъ исполнялъ прежнюю свою обязанность при бракосочетаніи великой княжны Елисаветы Михайловны.

²⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Это едва-ли справедливо, ибо, судя по украшеніямъ, они принадлежатъ къ прошедшему столѣтію.“

³⁾ Императоръ Александръ II замѣтилъ: „Никогда объ этомъ не слыжалъ; впрочемъ, меня здѣсь не было“.

⁴⁾ Я имѣлъ уже случай говорить о немъ по случаю его процесса съ братьями.

леніе разбитой параличемъ стороны и онъ сталъ опять писать, говорить и ходить по-прежнему,—словомъ, что онъ выздоровѣлъ, какъ только можно было желать при глубокой его старости, а 25-го декабря могъ даже явиться во дворецъ. Желаніе его было присутствовать при литургіи въ алтарѣ; но по справкѣ съ архивами оказалось, что присутствовавшіе при коронаціи императора Николая два армянскіе архіерея стояли въ Успенскомъ Соборѣ вѣ алтаря, съ публикою, что государь приказалъ сдѣлать и въ этотъ разъ. Такимъ образомъ, Нерсесь поставленъ былъ въ церкви передъ дворомъ, непосредственно за великими князьями, въ сопровожденіи своего спутника и пѣстуна—одного изъ братьевъ Лазаревыхъ ¹⁾. Эта черная съ головы до ногъ фигура, въ остроконечномъ своемъ клобукѣ, производила, посреди блестящихъ придворныхъ мундировъ, необыкновенно поразительный эффектъ.

Другимъ замѣчательнымъ лицомъ на выходѣ 25-го декабря являлся сенаторъ графъ Илинскій, девяностолѣтній старецъ, который, не присутствуя въ Сенатѣ уже лѣтъ тридцать и живя съ тѣхъ поръ постоянно въ богатыхъ своихъ помѣстьяхъ на Волыни, пріѣхалъ въ это время въ Петербургъ по частнымъ своимъ дѣламъ. Длинный, едва движущійся, сгорбленный, съ впадшимъ брюхомъ, съ огромнымъ сѣдымъ парикомъ, кажется, и нарумяненный, онъ, въ красномъ сенаторскомъ мундирѣ, обвѣшенный весь орденами, чрезвычайно походилъ на тѣ куклы, которыя выставляются въ кабинетахъ восковыхъ фигуръ. Хотя полякъ и католикъ, онъ счелъ за нужное простоять всю обѣдню въ церкви, и присутствіе его тамъ было тѣмъ страннѣе, что его ввели и все время поддерживали съ обѣихъ сторонъ подъ руки два придворныхъ лакея. Илинскій, въ то время старѣйшій между всѣми сенаторами и по лѣтамъ и по чину, носилъ это званіе съ 1797-го года. Исторія его первоначальной карьеры сопряжена была съ очень примѣчательнымъ анекдотомъ. Извѣстно, въ какомъ стѣсненіи и въ какой почти опалѣ жилъ великій князь Павелъ Петровичъ въ Гатчинѣ. Однажды въ тамошнихъ садахъ встрѣтился ему польскій магнатъ, бывшій уже въ то время (съ 1793-го года) дѣйствительнымъ камергеромъ, нашъ Илинскій. Великій князь казался погруженнымъ въ мрачную задумчивость. Илинскій, знакомый ему по двору, осмѣлился, при разговорѣ, спросить о причинѣ грустнаго расположенія духа. Павелъ Петровичъ излился въ горькихъ жалобахъ на свою участь и заключилъ тѣмъ, что денежныя обстоятельства его таковы, что онъ лишенъ даже возможности разсчитаться съ частными своими кредиторами, настоятельно домогающимися удовлетворенія.

¹⁾ При слѣдующихъ выходахъ патриарху велѣно было, однако же, находиться въ алтарѣ вѣстѣ съ нашимъ духовенствомъ.

— Ваше высочество, — отвѣчалъ Илинскій, — я почти себя счастливымъ, если вы изволите располагать всѣмъ моимъ состояніемъ; у меня есть теперь наличными деньгами 300 т. р.: осчастливьте меня ихъ принятіемъ.

Великій князь принялъ предложенное ему съ удовольствіемъ и признательностію, а двѣ недѣли спустя смерть Екатерины возвела его на престолъ. Разумѣется, что Илинскій не былъ забытъ. Новый императоръ произвелъ его въ тайные совѣтники, съ повелѣніемъ присутствовать въ Сенатѣ, пожаловалъ ему Анненскую, а потомъ и Александровскую ленту, и наградилъ нѣсколькими милліонами, все въ одномъ и томъ же 1797-мъ году. Въ дѣйствительные тайные совѣтники онъ былъ произведенъ уже при императорѣ Николаѣ, въ 1829-мъ году. Появленіе Илинскаго вновь при дворѣ было оригинально и тѣмъ, что онъ, по старинному обычаю, другими въ то время уже совсѣмъ оставленному, носилъ свои три звѣзды не только на мундирѣ или фракѣ, но и — на фіолетовой бархатной шубѣ ¹⁾.

Наконецъ вещь, обратившею на себя общее вниманіе 25-го декабря, были новыя каски, въ которыхъ впервые въ этотъ день явились отряды лейбъ-гвардіи Преображенскаго и Егерскаго полковъ, находившіеся во дворцѣ. Взятыя съ прусскаго образца, онѣ съ перваго разъ показались всѣмъ красивѣе и воинственнѣе прежнихъ киверовъ, которыхъ были и одною третью легче; но великій князь Михайлъ Павловичъ сопротивлялся еще въ то время общему ихъ введенію, находя, что онѣ двумя вершками убавляютъ вышину строя.

Государь изъявилъ свою волю, чтобы обрученіе великой княжны Александры Николаевны было непременно 26-го декабря, и потому приказалъ генералу князю Суворову, отправленному на встрѣчу къ нареченному ей жениху, принцу Фридриху Гессенскому, привезти его сюда 23-го числа. Но, по положенію дорогъ, они не могли прибыть прежде 24-го, что впрочемъ не помѣшало совершиться обрученію 26-го. Послѣ духовной церемоніи слѣдовалъ торжественный обѣдъ для первыхъ трехъ классовъ, а вечеромъ былъ камеръ-балъ, продолжавшійся не болѣе часа. Датскій посланникъ (графъ Ранцау), которому слѣдовало сидѣть за обѣдомъ противъ государя, опоздалъ къ столу цѣлымъ полу-часомъ, такъ что за нимъ принуждены были послать нарочнаго и потомъ еще втораго. Слѣдуя церемоніалу, надлежало митрополиту, при входѣ императорской фамиліи въ столовую, прочесть краткую молитву и благословить трапезу; но вмѣсто того, по ошибкѣ распорядителя,

¹⁾ Илинскій умеръ очень скоро послѣ этого своего появленія, а именно въ февралѣ 1844-го года.

только-что государь показался въ дверяхъ, загремѣла увертюра, и митрополитъ совершилъ духовный обрядъ—при звукахъ Веберовой «Евріанты». На лицахъ новообрученныхъ сіяло счастье, но государь казался необыкновенно пасмурнымъ, и всѣ замѣтили угрюмое выраженіе его лица, которое не прояснилось во весь день ни одною улыбкою. Къ балу явился и женихъ другой великой княжны, герцогъ Нассаускій. Онъ успѣлъ бы пріѣхать и ранѣе; но его нарочно остановили ночевать въ Лугѣ, чтобы въ теченіе дня первое мѣсто и весь почетъ предоставить принцу Гессенскому. Послѣднему отведены были покои великой княгини Маріи Николаевны, которая переселилась на бывшую половину прусскаго короля ¹⁾. Герцогъ остановился у своего зятя, принца Ольденбургскаго.

Х.

1844 годъ.

Бракосочетаніе великой княжны Александры Николаевны.—Большая эктениа съ поименованіемъ всей царской фамиліи.—Княгиня Кугушева и ея дочь.—Балъ у великой княгини Елены Павловны.—Кадетъ Порѣцкій и ложный доносъ его.—Кончина Мятлева.—Игра макао и „я самъ въ озырь“.—Князья Гагаринъ и Долгоруковъ.—Иванъ Головинъ и Бакунинъ въ чужихъ краяхъ.—Пересмотръ правилъ о заграничныхъ паспортахъ.—Экзаменъ великаго князя Константина Николаевича.—Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ.—Два анекдота о цензурѣ.—Увольненіе графа Канкринъ и назначеніе Вронченко управляющимъ министерствомъ финансовъ

16-го января совершилось бракосочетаніе великой княжны Александры Николаевны. вмѣсто назначенныхъ по церемонаіу 12-ти часовъ, дворъ вышелъ къ церемоніи, по случаю незначительнаго нездоровья жениха, уже около половины 2-го. Государь, войдя, передъ выходомъ во внутренніе покои, спросилъ у него: «s'il était quitte de sa fièvre»; но приближенные говорили, что это было просто—разстройство желудка. Обрядъ вѣнчанія совершалъ престарѣлый, но въ то время еще бодрый силами духовникъ государя Музовскій, который нѣкогда вѣнчалъ самого его, былъ наставникомъ императрицы въ православномъ законѣ и крестилъ всѣхъ августѣйшихъ ихъ дѣтей ¹⁾. Императрица,

¹⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Прежнія комнаты императрицы Екаторины II“.

²⁾ Императоръ Александръ II замѣтилъ: „ее, кажется, вѣнчалъ духовникъ императрицы Маріи Феодоровны Кривицкій; онъ же, полагаю, крестилъ и гасъ всѣхъ старшихъ. Повѣрить это легко въ придворномъ журналѣ“.

въ продолженіе вѣнчанія и молебствій, сидѣла, но не въ фонарикѣ, какъ случилось при обѣдѣ, а у праваго крылоса. Государь и наслѣдникъ цесаревичъ были въ казачьихъ кафтанахъ ¹⁾, которые они обыкновенно надѣвали при такихъ парадныхъ торжествахъ. Во время церемоніи я стоялъ между членами дипломатическаго корпуса.

— Гдѣ же, — спрашивали они, — голуби, которые были пущены въ церковь, при свадьбѣ герцога Лейхтенбергскаго и которыхъ видѣлъ тогда Кюстинъ?

— Они родились и остались въ его воображеніи, — отвѣчалъ я: — вы видите, что сегодня нѣтъ ничего подобнаго, какъ не было и въ тотъ разъ, и поэтому можете судить объ основательности и прочихъ его наблюденій.

Трогательна была минута взаимныхъ, послѣ вѣнчанія, поздравленій царственной семьи, въ глазахъ представителей Россіи и цѣлой Европы; но еще гораздо трогательнѣе, по словамъ несшихъ шлейфъ камергеровъ, была другая минута предбрачнаго разставанія во внутреннихъ комнатахъ, гдѣ, кромѣ членовъ семьи, находились только эти камергеры и присутствовавшіе при одѣваніи невѣсты статсъ-дамы. Государь сперва приказалъ, по народному обычаю, всѣмъ сѣсть, а потомъ, когда опять встали и каждый перекрестился, вмѣстѣ съ императрицею, въ слезахъ, благословилъ невѣсту. Особенно много, — рассказывали, — плакалъ при этомъ наслѣдникъ цесаревичъ. Въ слѣдъ за брачнымъ обрядомъ, по чиноположенію православной церкви, совершенъ былъ лютеранскій, вице-президентомъ евангелической генеральной консисторіи Пауфлеромъ, въ одной изъ залъ запасной половины — той самой, гдѣ нѣкогда бывали маленькіе балы у императрицы Маріи Феодоровны и гдѣ, послѣ ея кончины, выставлено было, до устройства парадной комнаты, ея тѣло. При вѣнчаніи по лютеранскому обряду присутствовала одна семья; и хотя двери въ залу были отворены, но въ нихъ стояли гофмаршалы съ жезлами, и такимъ образомъ не было хода для публики.

При обратномъ шествіи примѣчательнъ былъ видъ Фельдмаршальской залы, въ которой стояла многочисленная толпа купечества, русскаго и иностраннаго, съ женами въ богатыхъ національныхъ нарядахъ. Какъ во время церемоніи, такъ и за параднымъ трехкласснымъ обѣдомъ, присутствовали всѣ безъ изыятія члены императорскаго дома, большіе и малые; не явилась къ обѣду только другая невѣста, великая княжна Елисавета Михайловна, которая передъ тѣмъ ушибла себѣ затылокъ, незначительно, но такъ однако же, что понадобилось прикладывать ей ледъ, для избѣжанія синяго пятна. Въ публикѣ говорили, что ей сдѣлалось дурно, а между приближенными, видѣвшими прикла-

¹⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: Въ „генеральскихъ мундирахъ“.

дываніе льда, «qu'elle s'était cognée contre un bûcheau», но относительно свойства этого «bûcheau» шептали другое. На вечерній балъ она явилась совершенно опять здоровая. 19-го числа совершилось и ея бракосочетаніе, съ соблюденіемъ во всемъ того же церемоніала. Въ этотъ разъ, послѣ камеръ-бала, вся царская семья, въ сопровожденіи графа Палена, какъ *garçon de pose*, отправилась въ Михайловскій дворецъ, гдѣ брачное торжество заключилось фамилінымъ ужиномъ. Въ день бракосочетанія, хотя и буднишній, всѣ военно-учебныя заведенія, состоявшія въ то время подъ начальствомъ великаго князя Михаила Павловича, были распущены, а Сенатъ постановилъ опредѣленіе, что «по случаю такого-то бракосочетанія и высочайшаго повелѣнія находится при ономъ», присутствіе отмѣняется.

Въ то время какъ поименное провозглашеніе на эктенияхъ при нашемъ церковнослуженіи всѣхъ членовъ царской семьи, по мѣрѣ увеличенія ея, становилось съ каждымъ годомъ труднѣе, императоръ Николай чрезвычайно строго наблюдалъ, чтобы придворное духовенство не дѣлало тутъ ошибокъ и взыскивалъ за каждый промахъ. Однажды въ доказательство, какъ не трудно упомнить этотъ рядъ именъ и ихъ порядокъ, онъ, въ семейномъ кругу, самъ сталъ читать многолѣтіе и все перемѣшалъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ въ шутку,—что нѣтъ здѣсь Волконскаго, а то онъ этого протодіакона тотчасъ отправилъ бы на гауптвахту!

Между тѣмъ на многолѣтія при благодарственномъ молебствіи по случаю бракосочетанія великой княжны Александры Николаевны впервые была введена перемѣна, нѣсколько сократившая длину эктений, безъ измѣненія ихъ въ сущности. До тѣхъ поръ при имени каждой великой княгини и княжны повторылось порознь: «благовѣрной государыни», а съ того времени установлено произносить, передъ поименнымъ ихъ исчисленіемъ, одно общее: «благовѣрныхъ государынь». Синодальный оберъ-прокуроръ графъ Протасовъ рассказывалъ мнѣ, что эта перемѣна сдѣлана была государемъ, въ поднесенномъ ему проектѣ эктении, собственноручно.

Княгиня Кугушева подарила дочери своей, въ замужествѣ Томилиной, часть своего имѣнія, но потомъ между ними родились взаимныя несприятности и распри, при которыхъ дочь позволяла себѣ, въ бумагахъ и передъ судомъ, разныя дерзости и колкости противъ матери. Последняя стала, вслѣдствіе того, требовать обратно подареннаго имѣнія, основываясь на предписаніи закона о возвращеніи дара къ дарителю, въ случаѣ явной неблагодарности одареннаго лица. Въ Сенатѣ одни сенаторы полагали Кугушевой отказать, считая отдачу ея имѣнія дочери не даромъ, а выдѣломъ; другіе, напротивъ, и съ ними министръ

юстиціи, видя тутъ одинъ даръ, подводили его подъ дѣйствіе упомяну-
таго закона. Въ Государственномъ Совѣтѣ первое мнѣніе приняли только
5 членовъ, а послѣднее 18. Меморія возвратилась отъ государя съ слѣ-
дующею собственноручною резолюціею: «искренно благодарю 18 чле-
новъ за правильный взглядъ на сіе постыдное дѣло. Что можетъ быть
священнѣе обязанностей дѣтей къ родителямъ и не прискорбно ли быть
должно, когда въ высшемъ сословіи оказываются подобныя примѣры
безстыдной неблагодарности и дерзости! Потому, раздѣляя въ полной
мѣрѣ мнѣніе 18-ти членовъ, нахожу сверхъ того нужнымъ велѣть при-
звать Томилину въ совѣстный судъ и, въ присутствіи губернскаго пред-
водителя и уѣздныхъ предводителей, сдѣлать отъ меня строжайшій вы-
говоръ за поступки противъ матери и потомъ отдать на годъ на по-
каяніе въ монастырь».

Въ ряду многочисленныхъ празднествъ, сопровождавшихъ обѣ свадьбы
въ императорскомъ домѣ, самымъ великолѣпнымъ и изящнымъ было,
безъ сомнѣнія, данное великою княгиней Еленою Павловною 2-го фе-
враля. Подобнаго соединенія въ одно прекрасное цѣлое всѣхъ обаяній
богатства, роскоши, изобрѣтательнаго воображенія и изящнаго вкуса
мнѣ никогда не случалось видѣть даже при нашемъ блестящемъ дворѣ,
и для достойнаго описанія этого праздника надо было бы совокупить
живопись съ поэзіею, кисть Брюлова съ перомъ Пушкина! «*Sommes-*
nous encoie malgré celà des barbares à vos yeux?» спросили бы мы
у Кюстина и другихъ чужеземныхъ нашихъ порицателей, если бъ они
прогулялись съ нами по этимъ цвѣтущимъ заламъ—цвѣтущимъ и въ
прямомъ и въ переносномъ смыслѣ, потому что тутъ были цѣлыя рощи
деревьевъ, перемѣшанныхъ съ цвѣтами и всякою зеленью, во всей мо-
гучей растительности юга, и, вмѣстѣ, живой цвѣтникъ прелестнѣйшихъ
женщинъ нашего двора, и высшаго общества, еще болѣе очарователь-
ныхъ подъ тѣми фантастическими, маскарадными и балетными костю-
мами, въ которыхъ онѣ намъ предстали.

Праздникъ начался маленькимъ пантомимнымъ балетомъ, въ кото-
ромъ мелькали, послѣдовательно, дворъ калифа Багдадскаго, Оберонъ
съ своею свитою и дворъ Карла Великаго, пока все это слялось въ
одно гармоническое цѣлое, и дѣйствовавшія лица, числомъ 190, пред-
шествуемые огромнымъ, тоже костюмированнымъ хоромъ военной му-
зыки, обошли попарно, въ торжественномъ маршѣ, всѣ залы и лѣст-
ницу безподобнаго Михайловскаго дворца. Въ балетѣ, поставленномъ
старымъ нашимъ балетмейстеромъ Огюстомъ, такъ же, какъ и въ ше-
ствіи, участвовали всѣ великія княгини и княжны, оба младшіе ве-
ликіе князя и вся молодежь обоего пола высшаго Петербургскаго
общества, разумѣется, безъ всякой примѣси артистовъ и проч. Потомъ

всѣ, и дѣйствовавшіе въ балетѣ, и простые зрители, числомъ до 850-ти, были введены въ другую залу, гдѣ пѣвцы итальянской оперы разыграли въ совершенствѣ Россиніевскую «Сандрильону», въ компактномъ изданіи, т. е. съ выпускомъ большей части речитативовъ и нѣкоторыхъ арій, и эта зала представляла совершенно магическій эффектъ. Освѣщенная свизу до верху китайскими фонарями, развѣшенными на пальмовыхъ деревьяхъ и вѣнцахъ, и огромными фестонами изъ граненыхъ шкаликовъ, вившимися по стѣнамъ и отдѣлявшими сцену отъ партера, она казалась цѣлымъ моремъ огня, а это море отражалось тысячекратно въ другомъ—безчисленныхъ брильянтахъ, разсыпанныхъ на дамскихъ и мужскихъ нарядахъ: ибо все, кажется, что нашлось въ Петербургѣ брильятовъ, и своихъ и чужихъ, снесено было на этотъ праздникъ. Дамы, даже не участвовавшія въ балетѣ, были всѣ въ маскарадныхъ костюмахъ, мужчины, дѣйствовавшіе въ балетѣ, тоже, всѣ остальные—въ парадныхъ мундирахъ. Но въ оперной залѣ случилась непредвидѣнная бѣда, которая, не причинивъ впрочемъ настоящаго несчастья, была однакожъ большою помѣхою, въ особенности непріятною для хозяйки. Отъ нестерпимой жары и отъ собственнаго огня, шкалики безпрестанно лопались и какъ подъ ними не было устроено сѣтокъ, то осколки ихъ сыпались на публику. Помочь этому горю уже не было возможности, и не одинъ мундиръ, не одинъ нарядный нарядъ воротился домой прожженнымъ, или по крайней мѣрѣ засаленнымъ.

Послѣ оперы начался балъ, въ тѣхъ же костюмахъ. Все кипѣло необыкновенною оживленностію и веселостію, которая умѣла вдохнуть фениксъ-хозяйка, безпрестанно ходившая между танцовавшими и игравшими въ карты и дарившая каждого привѣтливимъ, умнымъ словомъ. Во всѣхъ концахъ дворца были устроены великолѣпные буфеты, тонувшіе въ зелени и цвѣтахъ, и адъютанты и придворные чины велико-княжескаго двора угощали гостей съ самою тонкою предупредительностію. Въ часъ (праздникъ начался въ 9-ть) подали ужинъ, при которомъ до 600 человекъ сѣло за накрытыми столами, а остальные разиѣстились у буфетовъ. Главный столъ, поставленный на верхней площадкѣ лѣстницы, съ одной, незанятой стороны его былъ убранъ во всю длину, на какихъ-нибудь пять или болѣе сажень, густою стѣною луковицъ въ полномъ цвѣту. Кругомъ, на хорахъ, почти подъ крышею, гремѣли нѣсколько оркестровъ музыки и хоръ пѣвчихъ. По прочимъ площадкамъ той же лѣстницы также разставлены были длинные столы, а внизу, въ огромныхъ сѣняхъ между померанцовыми и лимонными деревьями, устроены столы круглые. Весь полъ, и на площадкахъ, и на ступеняхъ лѣстницы, и въ сѣняхъ, покрывала цвѣтная парусина, разрисованная золотомъ и серебромъ. Все было такъ ловко придумано для выигранія мѣста, такъ великолѣпно, такъ полно вкуса, что нельзя

было оторваться отъ этого зрѣлища и въ 2 часа, когда отбытіе царской фамилии подало сигналъ къ разъѣзду, никому, при всемъ смертельномъ утомленіи, не хотѣлось разстаться съ этимъ очарованнымъ замкомъ, въ которомъ эльфы, гномы, ундины и саламандры, съ волшебникомъ Оберономъ въ ихъ главѣ, казались не гостями а какъ бы вѣчными жителями. Хозяевамъ весь праздникъ, вмѣстѣ съ убранствомъ дворца и освѣщеніемъ, обошелся, какъ говорили, до 200 т. руб. ассигн., но чего онъ стоилъ еще гостямъ и какой вообще произвелъ денежный оборотъ въ Петербургѣ, этого исчислить было невозможно. Сама великая княгиня была залита брильянтами и одѣта съ необычайнымъ вкусомъ; но царицами маскарада, среди этого роя прелестныхъ женщинъ, являлись предводительница эльфовъ, великая княгиня Марія Николаевна, и графиня Воронцова, въ огненномъ костюмѣ саламандры, почти болѣе походившая на вакханку, чѣмъ на саламандру. Великая княгиня Александра Николаевна была въ тунисскомъ костюмѣ, а великая княжна Ольга Николаевна—Ундиною; наконецъ Марія Михайловна и Елисавета Михайловна—гномами.

Въ числѣ празднествъ, по случаю бракосочетаній въ царскомъ семействѣ, былъ данъ, 4-го февраля, парадный маскарадъ въ Зимнемъ дворцѣ, по образцу тѣхъ, которые бывали въ прежнее время постоянно въ первый день каждого новогодія, только безъ главнѣйшей и очаровательнѣйшей части, т. е. безъ ужина въ Эрмитажѣ. Передъ самымъ выходомъ царской фамилии къ этому маскараду, явился во дворецъ кадетъ Горнаго корпуса, нѣкто Порѣцкій, котораго отецъ служилъ прежде въ корпусѣ путей сообщенія и потомъ, уже въ отставкѣ, докучалъ всѣмъ властямъ несбыточными проектами о колонизаціи Сибири, посредствомъ обязанныхъ крестьянъ. Кадетъ настойчиво требовалъ, чтобы его допустили къ государю, для открытія важной государственной тайны. На всѣ вопросы, сперва полиціи, а потомъ и военнаго генералъ-губернатора, отвѣтъ его былъ одинъ: «не могу открыть никому, кромѣ самого государя, а отъ моей тайны зависитъ его жизнь». Наконецъ, по докладу о томъ государю, онъ приказалъ позвать къ себѣ мальчика, и тутъ была рассказана длинная исторія. Порѣцкій въ тотъ день напелъ на Исаакіевскомъ мосту обретенную кѣмъ-то французскую записку (самимъ имъ послѣ тоже будто бы обретенную), въ которой говорилось о заговорѣ противъ жизни государя, и назначалось, въ послѣбѣдленную пору, сходбище заговорщиковъ на Смоленскомъ полѣ (на Васильевскомъ островѣ); вслѣдствіе чего онъ, къ опредѣленному въ запискѣ часу, отправился на указанное мѣсто и, застѣвъ тамъ въ кусты, увидѣлъ человѣкъ тридцать, сговаривавшихся зажечь во время маскарада дворецъ великаго князя Михаила Павловича, а потомъ и Зимній, чтобы посреди общаго смятенія лишить жизни государя. Услышавъ это, онъ оставилъ

свою засаду, съ намѣреніемъ тотчасъ бѣжать во дворецъ, и хотя заговорщики, по произведенному имъ въ кустахъ шороху, бросились въ погоню и дали даже по немъ нѣсколько выстрѣловъ, однако, ему удалось спастись и—вотъ онъ тутъ, передъ лицомъ его величества, «съ вѣрно-подданинскими своимъ доверсіемъ». Весь этотъ рассказъ съ первой минуты показался государю чрезвычайно нескладнымъ и неправдоподобнымъ, но какъ мальчикъ, при всѣхъ возраженіяхъ, настаивалъ на своемъ, то государь, наконецъ, снялъ со стѣны образъ и велѣлъ ему присягать передъ святынею, что онъ не лжетъ. Отвѣтъ былъ тотъ же самый: «передъ Богомъ и передъ вашимъ величествомъ клянусь, что все, что я сказалъ—сущая правда». Тогда государь, позвавъ оберъ-полиціймейстера Кокوشкина, приказалъ ему строжайше изслѣдовать дѣло, а самъ вышелъ къ собравшейся на маскарадъ публикѣ. Кокوشкинъ въ ту же минуту отправился вмѣстѣ съ Порѣцкимъ на Смоленское поле; но здѣсь послѣдній не умѣлъ въ точности указать мѣста, на которомъ будто бы онъ скрывался, ближайшій будочникъ объявилъ, что не слыхалъ никакихъ выстрѣловъ и, наконецъ, доносчикъ, совѣмъ запутавшись въ отвѣтахъ, долженъ былъ сознаться, что весь его извѣтъ былъ чистымъ вымысломъ. Ему надобно учиться, и хотѣлось проложить себѣ кратчайшій путь къ карьерѣ, сдѣлавшись лично извѣстнымъ государю, черезъ такое важное открытіе.

А государь, между тѣмъ, не зная еще ничего о послѣдствіяхъ розысканія и имѣя въ виду только клятвенныя увѣренія преступнаго шалуна, спокойно прохаживался среди толпы... Всѣ эти подробности я слышалъ тогда же отъ самого Кокوشкина.

Въ половинѣ февраля петербургскій большой свѣтъ, среди множества смертныхъ случаевъ, отъ господствовавшего въ то время сухого и постоянного холода, лишился внезапно и одного доморощенного поэта, творца «Сенсанцій г-жи Курдюковой», «Фонариковъ-судариковъ», «Новый годъ», «Коммеражей» и множества другихъ мелкихъ сатирическихъ и юмористическихъ пьесъ. Смерть Ивана Петровича, или по свѣтскому его прозванію Ишбѣи, Мятлева была какимъ-то грознымъ предостереженіемъ, которое, впрочемъ, потрясъ наше высшее общество на нѣсколько дней, скоро опять пропало на этой сухой, безпамятной и себялюбивой почвѣ. За десять дней передъ тѣмъ видѣли Мятлева въ роли рыцаря Шерозмина на праздникѣ великой княгини Елены Павловны; въ слѣдующій вечеръ онъ самъ давалъ роскошный балъ, на которомъ присутствовалъ и государь; 12-го числа всѣ еще видѣли его нѣщимся на лихомъ рысакѣ по Невскому проспекту, а 13-го, передъ обѣдомъ, его уже не стало. Онъ умеръ отъ повторившейся черезъ нѣсколько часовъ апоплексіи, въ ту самую минуту, какъ ему прикладывали шпанскую мушку и какъ онъ, шутя, говорилъ своему камердинеру: «ты,

вѣрно, давеча подумалъ, что я умру: нѣтъ, братецъ, мнѣ хочется еще долго пожить на свѣтѣ». И надо прибавить, что, точно, въ цѣломъ Петербургѣ не было человѣка болѣе «*lebensfroh*» и «*lebenslustig*», до такой степени, что не проходило ни одного бала, даже дѣтскаго, на которомъ онъ, несмотря на свои 48 лѣтъ, не плясалъ бы до упаду, наравнѣ съ самыми молодыми людьми. Карьеры его, литературная и свѣтская, были совершенно своеобразныя и въ этомъ смыслѣ онъ представлялъ лицо типическое, котораго лѣтописецъ общественной жизни въ царствованіе императора Николая не можетъ пропустить въ своей галлерей. Въ литературномъ отношеніи славѣ его, какъ и тогда можно было предвидѣть, но было суждено долговѣчности, хотя онъ лишь за нѣсколько недѣль до смерти издалъ еще вторую часть своихъ «Сенсаций г-жи Курдюковой» и даже пустилъ ихъ по цѣлой Европѣ, раздаривъ экземпляры всѣмъ лицамъ свиты обоихъ молодыхъ въ царской нашей семьѣ, безъ заботы о томъ, что они поймутъ въ русскихъ его стихахъ. Всѣ его произведенія имѣли нѣкоторое достоинство только тогда, когда онъ самъ ихъ читалъ, а на это дѣло Мятлевъ былъ и мастеръ и охотникъ. Въ обществѣ онъ умѣлъ поставить себя въ исключительное положеніе. Обладая огромнымъ состояніемъ, живя уже нѣсколько лѣтъ въ отставкѣ (на службѣ онъ былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и камергеромъ), онъ окружилъ себя ореоломъ «свѣтскаго поэта» и остряка, которому, ради поэтическаго вдохновенія, или остраго слова, прощалось многое, что не сошло бы съ рукъ простому смертному. Мятлевъ и въ свитѣ, и при дворѣ, наконецъ, и съ самимъ государемъ, разыгрывалъ, въ облагоустроенномъ родѣ, роль старинныхъ нашихъ шутовъ, надъ которыми, когда они говорили правду, даже иногда и самую колючую, только смѣялись. Гоняясь безпрестанно за остротами, онъ, разумѣется, временами и находилъ ихъ, хотя часто выдавалъ за импровизацію придуманное имъ на досугѣ, въ своемъ кабинетѣ, хотя каламбуры и насмѣшки его выходили почти всегда грязными и нерѣдко площадными. Не довольствуясь изустнымъ высказываніемъ разныхъ злобныхъ діатрибъ на счетъ современныхъ событій и лицъ, даже и вообще администраціи, онъ часто клалъ ихъ и на бумагу, все въ томъ же тонѣ, простодушной и болѣе «паяснической» насмѣшки. Эти эпиграммы, грѣшившія, однако, всегда растянутостію, читались имъ безстрашно въ самыхъ многочисленныхъ салонахъ и почти даже въ переднихъ, потому что онъ былъ очень неразборчивъ въ качествѣ слушателей, лишь бы имѣть ихъ. Потомъ онѣ переписывались во множествѣ экземпляровъ, разлетавшихся и далѣе Петербурга. Въ этомъ смыслѣ онъ представлялъ нѣчто въ родѣ римскихъ Мархурія или Пасквины, съ тою, однако, разностію, что нашъ Ишка былъ не статуею, а очень живымъ человѣкомъ и все-таки осторожнѣе своихъ итальянскихъ ориги-

назовъ, потому что до особы государя, напимѣрь, никогда не прикасался и вообще въ стихахъ своихъ не называлъ по именамъ никого изъ лицъ, выводимыхъ имъ на сцену. Въ этомъ собственно отношеніи, т. е. какъ острый и колкій эпиграмматистъ всей современности, Мятлевъ оставилъ большой пробѣлъ въ высшемъ нашемъ обществѣ, котораго онъ былъ необходимымъ звеномъ, нѣсколько оживлявшимъ прозаическое его однообразіе.

Въ зиму съ 1843 на 1844 годъ государь всякій почти вечеръ, по окончаніи своихъ занятій, игралъ въ макао, большею частію съ приближенными ко двору молодыми людьми: генералами княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ и княземъ Суворовымъ, шталмейстеромъ наслѣдника цесаревича Толстымъ и пр. Разъ случился тутъ и оберъ-шенкъ Рибопьеръ, человекъ домашній во дворцѣ.

— Хорошо,—замѣтилъ онъ,—что вашего величества не видятъ за этою игрою Кавелинъ (военный генераль-губернаторъ) или Бенкендорфъ.

— Отчего же?

— Да вѣдь макао запрещенная азартная игра.

— Почему она считается азартною?

— Потому что безкозырная.

— Ну это еще не бѣда, я—самъ козырь!

Такъ какъ государь никогда не носилъ при себѣ денегъ, то проигрышъ его разсылался по принадлежности на другой день, при напечатанныхъ по однообразной формѣ запискахъ министра императорскаго двора князя Волконскаго.

Въ дворянской грамотѣ Екатерины II-й сказано было (ст. 19-я): «Подтверждаемъ благороднымъ дозволеніе вступать въ службы прочихъ европейскихъ, намъ союзныхъ державъ, и выѣзжать въ чужіе края». Въ 1798 году Павелъ I-й, при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ на западѣ, ограничилъ выѣздъ русскихъ подданныхъ за границу, приказавъ, сперва (іюня 6-го), выдавать паспорта на такой выѣздъ не иначе, какъ по предварительному ему о томъ докладу, а потомъ (22-го іюня), при выдачѣ сихъ паспортовъ объявлять получателямъ, что «уже они обратно впущены не будутъ». Александръ I-й, немедленно по вступленіи на престолъ, уничтожилъ всѣ эти преграды, повелѣвъ (22-го марта 1801 г.) ѣдущихъ за границу пропускать на основаніи прежнихъ узаконеній. Затѣмъ въ царствованіе императора Николая, хотя прямого запрещенія выѣзжать изъ Россіи не послѣдовало, но, послѣ французской и бельгійской революціи 1830 года, повлекшей за собою польскую, заграничныя поѣздки вновь подвергнуты были весьма важнымъ ограниченіямъ. Прежде всего постановлено (18-го фе-

вряля 1831 г.), что русское юношество отъ 10-ти до 18-ти лѣтъ должно быть воспитываемо всегда въ Россіи, подъ лишеніемъ, въ противномъ случаѣ, права вступать въ службу. Потомъ (17-го апрѣля 1834 г.) срокъ дозволеннаго пребыванія русскихъ подданныхъ въ чужихъ краяхъ ограниченъ для дворянъ пятью, а для лицъ прочихъ состояній тремя годами, съ опредѣленіемъ, за просрочку, важныхъ политическихъ и гражданскихъ лишеній. Далѣе (10-го іюля 1840 г.) установлена значительная пошлина съ заграничныхъ паспортовъ. Наконецъ, указомъ 15-го марта 1844 г., эта пошлина еще возвышена, и положены новыя стѣсненія и въ лѣтахъ выѣзжающихъ, и въ обрядѣ выдачи паспортовъ. Сверхъ общаго нерасположенія императора Николая къ пребыванію русскихъ, наиболѣе же молодыхъ людей, за границею, непосредственнымъ поводомъ къ послѣднему постановленію послужило и нѣсколько особенныхъ случаевъ. Служившій при нашей миссіи въ Парижѣ князь Гагаринъ, молодой человекъ, даровитый и трудолюбивый, вдругъ вздумалъ, отказавшись отъ всѣхъ служебныхъ видовъ и отъ надеждъ на значительное наслѣдство, перейти въ римско-католическую вѣру и поступить на послушаніе въ одинъ іезуитскій монастырь въ Бельгіи, чтобы потомъ ѣхать въ духовную миссію. Два другихъ молодыхъ человека: князь Петръ Долгоруковъ и Иванъ Головинъ, кончившій курсъ въ Дерптскомъ университетѣ, но, впрочемъ, человекъ пустой, живя также въ Парижѣ, издали тамъ двѣ брошюры: первый, подъ псевдонимомъ «графа Альмагро», біографическую исторію русскихъ дворянскихъ родовъ, послѣдній, подъ анонимомъ «un Russe» — разсужденіе о политической экономіи. Долгоруковъ, представивъ съ своей точки образъ избранія на русскій престолъ дома Романовыхъ, откровенно разсказалъ происхожденіе и домашнія тайны нѣкоторыхъ высшихъ нашихъ фамилій, а Головинъ коснулся критически положенія крѣпостнаго состоянія въ Россіи. Обѣ книги вызвали неудовольствіе нашего правительства, и авторы ихъ были потребованы восояси. Долгорукова, немедленно явившагося по этому вызову, отправили на службу въ Вятку¹⁾; но Головинъ уклонился отъ возвращенія, сперва подъ предлогомъ болѣзни, а потомъ безъ всякаго уже предлога, написавъ дерзкій отвѣтъ нашему министерству иностранныхъ дѣлъ; за что, въ одинъ день съ упомянутымъ выше постановленіемъ 15-го марта, данъ былъ указъ Сенату о преданіи его законному взысканію²⁾. Наконецъ, нѣкто Бакунинъ, мо-

¹⁾ Долгоруковъ, извѣстный въ свѣтѣ подъ собрикетомъ „le bancel“, бывъ потомъ выпущенъ въ отставку, бросилъ свои прежнія идеи и издалъ обширное и благоважренное сочиненіе подъ заглавіемъ: „Россійская родословная книга“.

²⁾ Бывъ впоследствии лишенъ по суду правъ русскаго подданства, съ обращеніемъ его пмѣнія къ наслѣдникамъ, Головинъ скитался поперемѣнно

лодой челоуѣкъ, хорошей фамиліи, котораго дядя былъ сенаторъ, явно присталъ въ Парижѣ къ коммунистамъ и также отказался возвратиться въ Россію. Все это вмѣстѣ побудило государя учредить особый комитетъ, изъ графа Нессельрода, графа Бенкендорфа и Перовскаго, для пересмотра правилъ о заграничныхъ паспортахъ, и вслѣдствіе совѣщаній сего комитета или, лучше сказать, объявленной ему высочайшей воли, явилось постановленіе 15-го марта 1844 года. Не нужно прибавлять, какое прискорбное впечатлѣніе оно произвело въ публикѣ, тѣмъ болѣе, что для множества лицъ, по цѣнѣ паспортовъ и другимъ условіямъ, равнялось совершенному запрещенію выѣзда за границу. Многіе сперва не хотѣли совсѣмъ вѣрить его изданію, и въ Петербургѣ разнесся даже слухъ, что громкіе толки и пересуды побудили правительство взять новый законъ назадъ. Но онъ былъ скорѣе напечатанъ во всѣхъ газетахъ, чѣмъ и прекратились ложныя ожиданія, казавшіяся вѣроподобными лишь для не знавшихъ близко характеръ императора Николая.

Въ началѣ весны 1844 года былъ экзаменъ великаго князя Константина Николаевича, продолжавшійся нѣсколько недѣль сряду, въ присутствіи, попеременно и по роду наукъ, князя Меншикова, графа Блудова, адмирала Грейга и нѣкоторыхъ другихъ, преимущественно военныхъ и морскихъ чиновъ, а при испытаніяхъ во всѣхъ важнѣйшихъ предметахъ—и самого государя. На экзаменѣ изъ русской исторіи, когда зашла рѣчь объ Александрѣ Даниловичѣ Меншиковѣ и великій князь отвѣчалъ, что онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и ревностнѣйшихъ сподвижниковъ Петра Великаго, государь вскричалъ: «Какъ? такъ развѣ ты не знаешь, что онъ былъ обманщикъ, который обкрадывалъ и своего царя, и отечество!» (Потомка Меншикова при этомъ не было). Вопросы коснулись также участи и кончины несчастнаго царевича Алексѣя Петровича, и великій князь разсказалъ эти событія въ томъ видѣ, какъ они представляются обыкновенно въ нашихъ учебникахъ.

— Такъ,—сказалъ государь,—такъ и надо преподавать эти предметы; но намъ должно знать наши фамиліи дѣла въ истинномъ ихъ видѣ. Обратись на этотъ счетъ къ Блудову, и онъ разскажетъ тебѣ правду.

во Франціи, Англіи и Италіи, и добывалъ себѣ насущный хлѣбъ множествомъ болѣе или менѣе злобныхъ памфлетовъ противъ русскаго правительства и всего русскаго. Книжки эти, теперь давно полузабытыя, въ то время покупались и читались съ жадностью и даже переводились на всѣ языки, именно оттого, что творцомъ ихъ былъ русскій эмигрантъ, котораго партія красныхъ и вообще ненавистниковъ Россіи провозглашала мученикомъ святаго дѣла.

Въ рукахъ графа Блудова, въ числѣ историческихъ бумагъ и документовъ, которые обыкновенно передавалъ ему императоръ Николай, лишь только они гдѣ-либо были вновь открываемы, находились и полные акты этого таинственного процесса, сданные потомъ, для храненія, въ государственный архивъ.

Въ мартѣ умеръ въ Парижѣ, послѣ продолжительной хронической болѣзни, князь Димитрій Владиміровичъ Голицынъ, одинъ изъ немногихъ вельможъ прежняго времени, которыхъ настоящее уже не производитъ. Прослуживъ до генераль-лейтенантскаго чина въ Конногвардейскомъ полку, участвовавъ съ честью и отличіемъ во всѣхъ войнахъ, начиная съ польской 1794 года, Голицынъ окончилъ военное свое поприще въ званіи командира 2-го пѣхотнаго корпуса и съ этого поста былъ назначенъ, 6-го января 1820 года, московскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ, которымъ оставался почти четверть вѣка. Въ царствованіе императора Николая онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Андрея (25-го декабря 1825 года), алмазными знаками къ этому ордену (въ 1830 г.), вензелевымъ изображеніемъ имени его величества на эполеты (въ 1831 г.) и украшеннымъ алмазами портретомъ государя, для ношенія въ петлицѣ. Наконецъ, въ 1841 году (въ день бракосочетанія наслѣдника цесаревича) ему присвоенъ былъ, потомственно, титулъ свѣтлости, «въ доказательство, — какъ говорилъ рескриптъ, — постоянного къ нему благоволенія и совершенной признательности за долговременное, всегда полезное служеніе его престолу и отечеству, ознаменованное подвигами отличнаго мужества и храбрости во время войны и многими опытами пламеннаго усердія и примѣрной попечительности на пользу и благоустройство первопрестольной столицы въ продолженіе двадцати-четырехъ-лѣтняго управленія ею ¹⁾ въ званіи главнаго начальника».

Москва, дѣйствительно, многимъ обязана была Голицыну. Онъ возстановилъ и украсилъ ее послѣ пожара и бѣдствій 1812 года, и въ шумливой «первопрестольной» столицѣ нашей, этомъ пепелищѣ остатковъ стариннаго боярства, смѣшанныхъ съ недоварившимися новыми идеями Запада и ученіями славянофильства, умѣлъ всегда охранить, по крайней мѣрѣ, внѣшній миръ и тишину. Сверхъ того, онъ охотно становился во главѣ всякаго добраго тамъ предпріятія и всякаго полезнаго начинанія. Если въ другихъ отношеніяхъ долговременное управленіе его не ознаменовалось существеннѣйшими послѣдствіями, то потому лишь, что никто не можетъ идти далѣе круга и объема своихъ способностей. Какъ

¹⁾ Здѣсь редакторъ рескрипта впалъ въ странную ошибку. Въ 1841 году минуло со времени назначенія Голицына въ Москву только 21 годъ.

Воронцовъ былъ менѣе русскій, нежели англичанинъ, такъ Голицынъ, получившій свое образованіе во Франціи, воспитанникъ старинной французской школы, со всѣми ея фразами и общими мѣстами, худо даже знавшій нашъ языкъ, былъ болѣе французъ, нежели русскій; при всемъ горячемъ патріотизмѣ, мало знакомый съ дѣлами и мало ими занимавшійся, не всегда счастливый въ выборѣ людей и окруженный всякими пронырами, либералъ болѣе на словахъ, а въ существѣ приверженецъ всѣхъ предрасудковъ и повѣрій высшей касты, онъ не въ силахъ былъ произвести ничего великаго, монументальнаго. Прекрасной наружности до конца дней, съ пріятными, хотя нѣсколько надменными формами, съ утонченнымъ тономъ самаго высшаго общества, доступный всякому, хотя и не всегда съ пользою для просителя, Голицынъ былъ очень любимъ въ Москвѣ, хотя больше по старой привычкѣ, по преданію, тою безотчетною любовью, которую русскій человѣкъ исповѣдуетъ къ мѣсту начальствующаго, независимо отъ качествъ лица, лишь бы это былъ не тиранъ или не пошлый глупецъ. Подъ конецъ своихъ дней, Голицынъ, къ сожалѣнію, много уронилъ себя во мѣтніи и Москвы и вообще всей публики, черезъ любовную связь съ одною замужнею женщиною, которую онъ взялъ даже съ собою за границу, поѣхавъ туда лечиться, но которая умерла на самыхъ первыхъ порахъ ихъ путешествія еще въ Берлинѣ. Онъ былъ женатъ на родной сестрѣ князя Васильчикова, одной изъ добродѣтельнѣйшихъ женщинъ своего времени, сошедшей въ гробъ нѣсколькими годами прежде него.

Послѣ смерти князя газеты наши наполнились, какъ и должно было предвидѣть, «похвальными ему словами». Въ одной появилась подробная біографія, съ исчисленіемъ даже всѣхъ его предковъ и родственниковъ; въ другой—исторія «незабвенныхъ» его подвиговъ на пользу московской столицы; въ третьей былъ напечатанъ плачъ этой столицы о «великомъ» ея градоначальникѣ, и такъ далѣе; во всѣхъ въ этомъ достойномъ, но отнюдь еще не великомъ сановникѣ, видѣли и восхваляли какого-то баснословнаго героя, не имѣвшаго, казалось, ни одного порока, ни одного недостатка, даже ни одной слабости. Извѣстное «*de mortuis nihil aut bene*» было тутъ приложено уже въ слишкомъ преувеличенныхъ размѣрахъ. Между тѣмъ, современники умрутъ, преданія исчезнутъ, въ исторію перейдутъ одни возгласы газетныхъ статей, и Голицынъ станетъ въ ней нѣкогда на-ряду съ полумифическими знаменитостями екатерининскаго вѣка, занявшими свое историческое мѣсто, можетъ быть, подобнымъ же образомъ. Замѣчательно, что покойный князь, хотя онъ при жизни своей былъ очень равнодушенъ къ религіознымъ вѣрованіямъ, смертію своею наиболѣе обладѣтельствовалъ—духовенство! Москва, вообще охотница молиться, разорилась на панихиды по немъ. Онъ былъ: отъ имени всѣхъ сословій—въ Чудовомъ монастырѣ; отъ чи-

новниковъ генераль-губернаторской канцеляріи — въ Донскомъ; отъ московскихъ литераторовъ — тамъ же и при томъ въ четвергъ, какъ день, въ который бывали у князя литературные вечера; отъ градскаго общества — въ церкви содержимаго имъ мѣщанскаго училища (съ «поминальнымъ» обѣдомъ на 250 человекъ). Сверхъ того, было множество частныхъ панихидъ; напримѣръ, въ городской больницѣ и въ другихъ заведеніяхъ, основанныхъ въ управленіе князя, и положено еще производить поминовеніе, въ продолженіе шести недѣль, отъ купечества въ сорока и отъ мѣщанства въ двѣнадцати церквахъ столицы! Купеческое общество, которое въ 1830 году, по прекращеніи въ Москвѣ холеры, поднесло князю мраморный его бюстъ, послѣ его смерти заказало его портретъ для залы своихъ собраний, чему послѣдовало и мѣщанское общество, сложившее сверхъ того, при этомъ случаѣ, съ бѣднѣйшихъ своихъ членовъ три тысячи рублей серебромъ подушной недоимки. Наконецъ, «въ память усопшаго» появились въ Москвѣ не только стихотворенія, но и эмальированные траурные перстни и кольца. Притворный голосъ массы всегда сильнѣе и громче частной искренности. Въ массѣ Москва рыдала, какъ бы потеряла любимаго отца и насталъ послѣдній ея день, а на вопросъ каждому порознь слышался нерѣдко отвѣтъ: «Дай Богъ, чтобы при новомъ было лучше, а пора уже было!..»

17-го мая тѣло покойнаго было ввезено въ Москву, а 19-го погребено внутри церкви Донскаго монастыря, по особенному, высочайше утвержденному, церемониалу. Для поставленія къ тѣлу часовыхъ, по приказанію государя, отправлена была изъ Петербурга, на почтовыхъ, команда съ офицеромъ отъ Орденскаго кирасирскаго полка, котораго покойный былъ шефомъ.

Цензура есть, несомнѣнно, вещь столько же необходимая и благотворная въ каждомъ благоустроенномъ обществѣ, сколько съ другой стороны трудная, деликатная и требующая въ цензорѣ высшаго образованія, въ особенности же высшаго такта, чтобы избѣжать всякой нелѣпой крайности. Въ царствованіе императора Николая цензура часто и много грѣшила, то пропуская статьи съ самымъ дурнымъ и опаснымъ направленіемъ, то впадая именно въ сказанныя крайности. Вотъ два безподобные анекдота, относящіеся къ дѣйствіямъ ея въ 1844 году. 1) Въ Парижѣ обанкротился одинъ банкирскій домъ, въ которомъ лишились значительныхъ суммъ пѣвецъ Тамбурины и папа. Въ переводѣ статей о томъ изъ иностранныхъ газетъ, цензура зачеркнула папу, найдя неприличнымъ ставить имя главы римско-католической церкви наряду съ опернымъ артистомъ. 2) Въ газетахъ нашихъ, при объявленіи о любскомъ пароходствѣ на 1844 годъ, возвыщено было, что пароходъ «Николай» отправится въ третью субботу мая мѣсяца, «Александра» — во

вторую и «Наслѣдникъ»—въ первую. «Отчего же,—спрашивали многіе,—такъ измѣненъ тутъ естественный порядокъ и говорится о времени отправленія третьяго парохода прежде втораго, а втораго прежде перваго?» Оттого, что цензура не допустила назвать наслѣдника прежде императрицы и императрицу прежде государя!!

Неотступныя настоянія графа Канкрина и совершенный упадокъ его силъ рѣшили, наконецъ, императора Николая отпустить его на покой. Указомъ 1-го мая 1844 года онъ «по неоднократнымъ его просьбамъ» былъ уволенъ отъ званія министра финансовъ, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта и при особѣ его величества, а другимъ указомъ, того же числа, повелѣно товарищу его Вронченко быть «статсъ-секретаремъ, управляющимъ министерствомъ финансовъ». Такимъ образомъ, одинъ изъ первыхъ и замѣчательнѣйшихъ дѣятелей нашей эпохи сошелъ съ политическаго поприща, а мѣсто его заступилъ, вопреки всѣмъ предвидѣніямъ и, конечно, своимъ собственнымъ, такой человекъ, которому, какъ по крайней мѣрѣ многіе въ то время думали, надлежало бы, по дарованіямъ, образу жизни, формамъ и самому даже нравственному поведенію, окончить свой вѣкъ во второстепенномъ разрядѣ подчиненныхъ должностей. Но почему же,—спрашивали тѣ же недовольные,—если ужъ Вронченко окончательно назначенъ на мѣсто уволеннаго Канкрина, не назвали его прямо министромъ финансовъ? Этому, кажется, былъ причиною самъ Вронченко, который, къ чести его должно сказать, продолжалъ постоянно уклоняться отъ принятія на себя званія министра. Государь успокоивалъ его тѣмъ, что онъ и впредь останется товарищемъ, только у другаго министра, которымъ будетъ самъ государь.

Канкрину пожалованъ былъ, на прощанье, рескриптъ, и онъ вслѣдъ за тѣмъ уѣхалъ въ чужіе края. Въ публикѣ всѣ единодушно сожалѣли о добромъ старикѣ, боясь, что не долго ждать до того времени, когда придется сожалѣть въ немъ и геніальнаго министра, и что преемникъ его скоро приблизитъ наступленіе этой эпохи. Канкринъ 21 годъ управлялъ русскими финансами и вынесъ на своихъ могучихъ плечахъ бремя нѣсколькихъ тяжкихъ войнъ, нѣсколькихъ повсемѣстныхъ неурожаевъ, холеры, въ первомъ появленіи ея столь поразительно-ужасной, и разныхъ другихъ народныхъ бѣдствій. Ближайшая характеристика его находится въ сочиненіи моемъ «Императоръ Николай въ совѣщательныхъ собраніяхъ»¹⁾.

(Продолженіе слѣдуетъ)

¹⁾ См. „Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества“, т. 98.

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

—
XI ¹⁾.

1844 годъ.

Кончина графа П. К. Эссена.—Два высочайшихъ повелѣнія о городскихъ экипажахъ и лошадяхъ.—Графъ Петръ Александровичъ Толстой.—Графъ А. Х. Бенкендорфъ.—Графъ Воронцовъ и Ермоловъ—почетные члены англійскаго клуба.—Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.—Нѣсколько подробностей о Сперанскомъ.—Воръ, забравшійся къ камеръ-юнгферѣ Карповой.—Новыя каски военныхъ, бѣлыя брюки статскихъ.

Въ субботу, 23-го сентября, умеръ на 73-мъ году отъ роду, графъ Петръ Кирилловичъ Эссенъ, остававшійся, со времени увольненія его отъ званія с.-петербургскаго военнаго генераль-губернатора, только рядовымъ членомъ Государственнаго Совѣта. Совершенно здоровый, онъ въ этотъ же самый день, ѣздивъ еще со двора и, воротясь домой часу во 2-мъ по полудни, позвалъ повара, для разсужденій объ обѣдѣ на воскресенье, къ которому ожидалъ гостей, а потомъ велѣлъ попросить къ себѣ племянника, жившаго въ томъ же самомъ домѣ, чтобы сыграть съ нимъ партію въ билліардъ. Но, когда племянникъ вошелъ черезъ нѣсколько минутъ въ комнату, старика не было уже на свѣтѣ. Онъ сидѣлъ мертвый въ креслахъ, съ головою, прикинувшею къ столу. Отличительными чертами его, какъ я говорилъ уже прежде, были добросердечіе, личная честность и—безмѣрная ограниченность ума, и если

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1899 г.

подъ «нищими духомъ» разумѣется въ священномъ писаніи соединеніе этихъ качествъ, то никто болѣе Эссена не имѣлъ право на царствіе небесное.

Теперь прибавлю только два анекдота, которые рассказывали въ Совѣтѣ при разнесшейся вѣсти о его кончинѣ. 1) Нерѣдко случалось, что по прочтеніи графу правителемъ его канцеляріи Оводовымъ бумагъ и по выслушаніи имъ каждой съ полнымъ, повидимому, вниманіемъ, онъ спрашивалъ: «а чтò, эту мнѣ надо подписывать, или она ко мнѣ писана?» 2) Эссенъ жаловался какъ-то разъ графу Блудову, что худо понимаетъ дѣла при слушаніи бѣглаго ихъ чтенія въ Совѣтѣ.

— Да, вѣдь противъ этого есть средство,—возразилъ Блудовъ,—стоитъ вамъ только впередъ прочитывать раздаваемые намъ печатныя записки.

— Пробовалъ,—отвѣчалъ простодушный старикъ,—но въ томъ-то и бѣда, что когда я примусь ихъ читать, то еще хуже понимаю, чѣмъ при слушаніи въ Совѣтѣ.

Императоръ Николай почтилъ память стараго и, по крайнему разумѣнію, всегда вѣрнаго слуги присутствіемъ своимъ при печальномъ обрядѣ. Отпѣваніе происходило въ Троицкой церкви Измайловскаго полка; послѣ чего тѣло отвезено было въ имѣніе покойнаго, въ Орловской губерніи.

Однажды, въ сентябрѣ, государю встрѣтился на улицѣ одинъ, только-что женившійся на очень богатой дѣвицѣ, несомненно-заносчивый и, впрочемъ, совершенно ничтожный вертопрахъ, который уже давно былъ на его замѣчаніи. Молодой, числившійся гдѣ-то въ службѣ съ очень еще маленькимъ чиномъ, ѣхалъ въ каретѣ, запряженной великолѣпнѣйшею четвернею, съ двумя лакеями въ такой пышной ливреѣ, какой не было ни у кого изъ первыхъ нашихъ вельможъ. Вслѣдъ за тѣмъ, появился во всѣхъ газетахъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, что «государь императоръ, въ слѣдствіе дошедшихъ до его величества свѣдѣній объ употребленіи нѣкоторыми изъ служащихъ лицъ количества упряжныхъ лошадей въ городскихъ экипажахъ и ливрей, присвоенныхъ высшимъ классамъ, высочайше повелѣтъ соизволить сообщить всѣмъ министрамъ о подтвержденіи служащимъ по каждому вѣдомству не отступать отъ постановленій, изложенныхъ въ ст. 936, тома III, уст. о службѣ гражд.». Разумѣется, что это повелѣніе возбудило множество толковъ и пересудовъ въ нашей публикѣ, для которой подобныя посягательства на мелочныя внѣшности тщеславія иногда кажутся важнѣе нарушенія самыхъ существенныхъ правъ. Но всего досаднѣе было на Перовскаго, который, принявъ повелѣніе отъ государя въ общихъ, безъ сомнѣнія, словахъ, не умѣлъ выразить его лучше, какъ ссылкою на статью, Богъ знаетъ, какъ попавшую въ Сводъ, потому что она осно-

вана на старинныхъ узаконеніяхъ (1775 года), уже не соответствующимъ нынѣшнимъ обычаямъ и даже роду упряжи. Тамъ, напримѣръ, говорится о томъ, что только особамъ первыхъ двухъ классовъ позволяется ѣздить съ вершниками, что только первые пять классовъ могутъ ѣздить шестернею и проч., тогда какъ все это вышло у насъ изъ употребленія уже цѣлые полвѣка. Городскіе толки, вѣроятно, вскорѣ дошли до государя, ибо съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ, послѣ сказаннаго повелѣнія, явилось въ отмѣну его другое: «чтобы употребленіе количества лошадей въ экипажахъ оставить сообразно надобности и принятымъ обычаямъ, относя прежде объявленную высочайшую волю только къ ливреямъ». Государь сказывалъ потомъ многимъ приближеннымъ, что Перовскій не понялъ его и что мысль его всегда относилась только — къ ливренямъ. Такимъ образомъ, неловкость или непонятливость министра дали поводъ сперва къ насмѣшливымъ пересудамъ, а потомъ, какъ бы въ видѣ уступки симъ послѣднимъ, къ отмѣнѣ едва только объявленной высочайшей воли.

Подъ конецъ царствованія императора Александра, жилъ въ Москвѣ полузабытый, хотя и андреевскій кавалеръ, полный генералъ съ 1814 года и нѣкогда посолъ нашъ въ Парижѣ, графъ Петръ Александровичъ Толстой. Въ началѣ слѣдующаго царствованія, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, назначенъ главнымъ начальникомъ военныхъ поселеній (послѣ Аракчеева) и посаженъ во всѣ возможные совѣты и высшіе комитеты. Императоръ Николай вскорѣ, однако же, убѣдился въ его малоспособности. Толстой, котораго имя попало теперь подъ мое перо по случаю скоропостижной смерти его въ сентябрѣ 1844 года, не имѣлъ, при нѣкоторой остротѣ ума, ни основательныхъ сужденій, ни высшаго взгляда, ни образованія государственнаго человѣка; главное же, подвлявшее въ немъ всѣ другія, свойство было неописуемое равнодушіе ко всѣмъ дѣламъ, соединенное съ образцовою, можно сказать, баснословною лѣнностью. И въ мысляхъ его, и во всегдашнемъ ихъ выраженіи самыя важнѣйшіе вопросы и дѣла составляли лишь «плѣвое дѣло» и, зная его съ 1831 года по множеству совѣщательныхъ собраній, я не видѣлъ никогда ни одного предмета, который удостоился бы его вниманія, даже и минутнаго. Этою лѣнностью и общимъ презрѣніемъ къ дѣламъ онъ былъ въ особенности несносенъ для принужденныхъ имѣть съ нимъ ближайшія сношенія по службѣ. Когда онъ занималъ, по титулу, должность предсѣдателя военнаго департамента въ Государственномъ Совѣтѣ, мнѣ, какъ государственному секретарю, бывали величайшія съ нимъ мученія. Хотя въ этотъ департаментъ приходило всего какихъ-нибудь пять или шесть дѣлъ въ годъ, однако и тѣ залеживались по нѣскольку мѣсяцевъ, потому что не было никакой возможности допроситься отъ Толстаго засѣданія, и на всѣ мои убѣжденія всегдаш-

нимъ его отвѣтомъ было: «это, батюшка, плѣвое дѣло, и чортъ ли, что оно пролежить лишній мѣсяцъ!»

Послѣдніе годы своей жизни Толстой проводилъ опять постоянно въ Москвѣ, или въ подмосковномъ своемъ имѣніи Узкомѣ, имѣвъ позволеніе не прїѣзжать въ Петербургъ и занимаясь страстно цвѣтами—единственною вещью въ мірѣ, которой онъ не считалъ «плѣвымъ дѣломъ».

Впрочемъ, сказавъ до сихъ поръ одно невыгодное о Толстомъ, не могу, по справедливости, не коснуться и блестящей его стороны, именно военныхъ его подвиговъ. Въ этомъ отношеніи, онъ сдѣлался извѣстнымъ еще при Екатеринѣ, находившись при штурмѣ Праги, при взятіи Варшавы и въ славномъ Маціовецкомъ дѣлѣ, гдѣ взятъ былъ Костюшко. Военныя реляціи того времени съ отличіемъ упоминають о полковникѣ графѣ Толстомъ, и онъ, 24-хъ лѣтъ отъ роду, былъ украшенъ орденомъ св. Георгія 3-й степени изъ собственныхъ рукъ императрицы. Въ знаменитомъ итальянскомъ походѣ 1799 года Толстой участвовалъ уже въ званіи генераль-адъютанта императора Павла; потомъ, при императорѣ Александрѣ, занимавъ недолго постъ с.-петербургскаго военнаго генераль-губернатора, въ 1805 году былъ отправленъ начальникомъ десантнаго войска въ шведскую Померанію и въ Ганноверъ и находился въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау, въ качествѣ дежурнаго генерала. Тутъ слѣдовало посольство, вскорѣ послѣ Тильзитскаго мира, въ Парижъ, гдѣ графъ оставался до отъѣзда Наполеона въ Эрфуртъ. Въ 1812 году онъ командовалъ военною силою въ шести губерніяхъ, въ 1813 и 1814 гг. участвовалъ въ заграничныхъ кампаніяхъ и потомъ, въ послѣдніе годы Александра I, командовалъ 5-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, расположеннымъ въ то время въ Москвѣ. Наконецъ, при императорѣ Николаѣ, по отбытіи его въ турецкую кампанію 1828 года, Толстой назначенъ былъ главнокомандующимъ Петербургскою столицею и Кронштадтомъ и въ 1831 г., въ Польскій мятежъ, заключилъ военное свое поприще въ званіи главнокомандовавшаго резервною арміею въ Виленской губерніи. Должно думать, что онъ въ то время былъ не такъ равнодушенъ, безпеченъ и лѣнивъ, какъ по переходѣ къ гражданскимъ обязанностямъ.

11-го сентября 1844 года, умеръ на пароходѣ, на высотѣ острова Даго, при возвратномъ переѣздѣ изъ чужихъ краевъ въ Эстляндскую свою мызу Фаль, генераль-адъютантъ, графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ. Смерть его въ эту эпоху была окончательнымъ знакомъ давно уже померкшаго за облаками солнца!..

Потомокъ древней эстляндской фамиліи, самъ заслуженный генераль-аншефъ, отецъ Александра Христофоровича былъ женатъ на баронессѣ Шиллингъ фонъ-Капштадтъ, въ которой покойная императрица

Марія Ѳеодоровна принимала какое-то старинное фамильное участіе ¹⁾. Молодой Бенкендорфъ, вступивъ въ 1798 году юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, въ томъ же году, еще 14-ти лѣтъ отъ роду, былъ произведенъ въ офицеры и пожалованъ флигель-адъютантомъ. Дальнѣйшая карьера его была довольно обыкновенна и если блестящія внѣшнія формы доставляли ему иногда командировки къ разнымъ иностраннымъ дворамъ, то, однако же, больше этого онъ не употреблялся ни на что самостоятельное по службѣ. На военномъ собственно поприщѣ, онъ, какъ отличный кавалеристъ, дѣйствовалъ преимущественно въ аванпостныхъ дѣлахъ; но подвиги его, кромѣ доказательствъ большой личной храбрости, также не представляютъ ничего историческаго ²⁾. Въ 1819 году Александръ I назначилъ его начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса,—постъ, который онъ удержалъ за собою недолго. Уже черезъ два года его перевели начальникомъ 1-й кирасирской дивизіи, и въ этомъ званіи засталъ его, при вступленіи на престолъ, императоръ Николай. Съ сей собственно поры начинается блестящая и самобытная карьера Бенкендорфа. 25-го іюня 1826 года, онъ вдругъ возведенъ былъ въ званіе шефа жандармовъ, командующаго императорскою главною квартирою и главнаго начальника учрежденнаго въ то время III-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи, т. е. поставленъ во главѣ тайной полиціи и вмѣстѣ на степень приближеннѣйшаго къ императору лица. Ни это важное назначеніе, ни всѣ милости, которыми государь постоянно его взыскивалъ (пожалованіе графскаго титула, всѣхъ высшихъ орденовъ и значительныхъ денежныхъ суммъ), не могли сдѣлать изъ благороднаго и достойнаго, но обыкновеннаго человѣка—генія. Въ изданныхъ за границею въ 1842 году впечатлѣніяхъ какого-то французскаго туриста былъ помѣщенъ слѣдующій портретъ Бенкендорфа, который я тогда же для себя перевелъ:

«Черты графа Бенкендорфа носятъ на себѣ отпечатокъ истиннаго добросердечія и самой благородной души. Въ занимаемой имъ высокой должности, гдѣ въ однѣхъ его рукахъ лежитъ рѣшеніе вопросовъ, покрытыхъ величайшею тайною, характеръ его представляетъ лучшее ручательство для всякаго, кого судьба ставитъ въ соотношеніе съ нимъ. За то его вообще гораздо больше любятъ, чѣмъ боятся. Пять лѣтъ тому назадъ, во время вынесенной имъ опасной болѣзни, домъ его непрерывно былъ наполненъ людьми всѣхъ состояній, которые, съ живымъ

¹⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Она знакома была съ нею съ молодыхъ лѣтъ и считала ее лучшимъ своимъ другомъ, и по кончинѣ ея продолжала заботиться и благодѣтельствовать ея дѣтямъ“.

²⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Несправедливо; онъ командовалъ съ большимъ отличіемъ отдѣльными отрядами и въ особенности ознаменовалъ себя въ 1813 и 1814 годахъ“.

участіемъ и безпокойствомъ, стекались отовсюду навѣдываться о его положеніи. Императоръ посѣщалъ тогда графа ежедневно. Въ одно изъ такихъ свиданій, когда опасность была на высшей степени, императоръ съ глубокимъ умиленіемъ пожималъ ему руку.

— Государь,—сказалъ больной,—я могу умереть спокойно: эта гопа, которая ждетъ и спрашиваетъ извѣстій обо мнѣ, будетъ моею предстательницею; въ ней—сознаніе моей совѣсти!

«Графъ имѣетъ наружность совершенно нѣмецкую; ловкій и предупредительный съ дамами, онъ вмѣстѣ и дѣловой и свѣтскій человѣкъ».

Впослѣдствіи, по кончинѣ уже графа, некрологическая статья о немъ въ нашихъ газетахъ начиналась слѣдующими словами: «Въ лицѣ его, государь лишился вѣрнаго и преданнаго слуги, отечество лишилось полезнаго и достойнаго сына, человѣчество—усерднаго поборника!» Все это, т. е. и чужія и свои вѣсти, отчасти справедливы, но именно только отчасти. Вмѣсто героя прямоты и праводушія, какимъ представленъ здѣсь Бенкендорфъ, онъ, въ сущности, былъ болѣе отрицательно-добрымъ человѣкомъ, подъ именемъ котораго совершалось, на-ряду со многимъ добромъ, и не мало самоуправства и зла. Безъ знанія дѣла, безъ охоты къ занятіямъ, отличавшійся особенно безпамятствомъ и вѣчною разсѣянностью, которыя многократно давали поводъ къ разнымъ анекдотамъ, очень забавнымъ для слушателей, или свидѣтелей, но отнюдь не для тѣхъ, кто бывалъ ихъ жертвою, наконецъ, безъ мѣры преданный жепщинамъ, онъ никогда не былъ ни дѣловымъ, ни дѣльнымъ человѣкомъ и всегда являлся орудіемъ лицъ, его окружавшихъ. Сидѣвъ съ нимъ четыре года въ Комитетѣ министровъ и десять лѣтъ въ Государственномъ Совѣтѣ, я ни единожды не слышалъ его голоса ни по одному дѣлу, хотя многія приходили отъ него самого, а другія должны были интересоваться его лично ¹⁾. Часто случалось, что онъ, послѣ засѣданія, въ которомъ присутствовалъ отъ начала до конца, спрашивалъ меня, чѣмъ рѣшено такое-то изъ внесенныхъ имъ представленій, какъ бы его лица совѣтъ тутъ и не было.

Однажды въ Государственномъ Совѣтѣ, министръ юстиціи, графъ Панинъ произносилъ очень длинную рѣчь. Когда она продолжалась уже съ полчаса, Бенкендорфъ обернулся къ сосѣду своему, графу Орлову, съ восклицаніемъ:

— *Sacré Dieu, voilà ce que j'appelle parler!* ²⁾

¹⁾ Считаю долгомъ замѣтить здѣсь, что отношенія ко мнѣ графа были всегда самыя пріязненныя, и между нами не случилось ни одной непріятности: слѣдственно, въ этомъ очеркѣ его портрета я руководствуюсь не какимъ-либо предубѣжденіемъ противъ него, а однимъ голосомъ истины, можетъ быть даже еще съ нѣкоторымъ послабленіемъ въ его пользу.

²⁾ Чортъ возьми! Вотъ такъ рѣчь!

— Помилуй, братецъ, да развѣ ты не слышишь, что онъ полчаса говорить—противъ тебя!

— Въ самомъ дѣлѣ?—отвѣчалъ Бенкендорфъ,—который тутъ только понялъ, что рѣчь Панина есть отвѣтъ и возраженіе на его представленіе.

Черезъ пять минутъ, посмотрѣвъ на часы, онъ сказалъ: «à présent adieu, il est temps que j'aille chez l'Empereur»¹⁾ и—оставилъ другимъ членамъ распутывать споръ его съ Панинымъ по ихъ усмотрѣнію.

Подобныя анекдоты бывали съ нимъ безпрестанно, и отъ этого онъ нерѣдко вредилъ тѣмъ, кому имѣлъ намѣреніе помочь, послѣ самъ не понимая, какъ случилось противное его видамъ и желанію. Должно еще прибавить, что при очень пріятныхъ формахъ, при чемъ-то рыцарскомъ въ тонѣ и словахъ, и при довольно живомъ свѣтскомъ разговорѣ, онъ имѣлъ самое лишь поверхностное образованіе, ничему не учился, ничего не читалъ и даже никакой грамоты не зналъ порядочно, чему могутъ служить свидѣтельствомъ всѣ сохранившіеся французскіе и нѣмецкіе автографы его и его подписи на русскихъ бумагахъ, въ которой онъ только въ самые послѣдніе годы своей жизни пересталъ, вѣроятно по добросовѣстному намеку какого-либо приближеннаго, писаться «покорнѣйшей слуга».

Вѣрнымъ и преданнымъ слугою своему царю Бенкендорфъ былъ, конечно, въ полномъ и высшемъ смыслѣ слова и преднамѣренно не дѣлалъ никому зла; но полезнымъ онъ могъ быть только въ той степени, въ какой сіе соотвѣтствовало видамъ и внушеніямъ окружавшихъ его: ибо личной воли имѣлъ онъ не болѣе, чѣмъ дарованія или высшихъ взглядовъ. Словомъ, какъ онъ былъ человѣкъ болѣе отрицательно-добрый, такъ и польза отъ него была исключительно отрицательная: тѣ, что мѣсто, облеченное такою огромною властью, занималъ онъ, съ парализировавшею ее апатіею, а не другой кто, не только менѣе его добрый, но и просто стремившійся дѣйствовать и отличиться. Имя его, правда, стояло всегда во главѣ всѣхъ промышленныхъ и спекулятивныхъ предпріятій той же эпохи; онъ былъ директоромъ всѣхъ возможныхъ акціонерныхъ компаній и учредителемъ многихъ изъ нихъ; но все это дѣлалось не по влеченію къ славѣ, не по одному желанію общаго добра, а болѣе отъ того, что всѣ спекуляторы, всѣ общества сами обращались преимущественно къ графу, для пріобрѣтенія себѣ въ немъ сильнаго покровителя. Въ жизни своей, онъ много разъ значительно обогащался, потомъ опять расточалъ все пріобрѣтенное и, при концѣ дней, оставилъ дѣла свои въ самомъ жалкомъ положеніи.

Между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что гдѣ двѣнадцать, или болѣе, графъ

¹⁾ Теперь прощай, мнѣ пора идти къ императору.

Бенкендорфъ былъ однимъ изъ людей, наиболѣе любимыхъ императоромъ Николаемъ, не только по привычкѣ, но и по уваженію въ немъ, при всѣхъ слабостяхъ, чувствъ неограниченно преданнаго, истиннаго джентльмена, кроткаго и ровнаго характера, всегда искавшаго болѣе умягчать, нежели раздражать пылъ своего монарха. Справедливо и то, что, во время болѣзни его въ 1837 году, императоръ Николай проводилъ у его постели цѣлые часы и плакалъ надъ нимъ, какъ надъ другомъ и братомъ. Въ упомянутой выше некрологической статьѣ нашихъ газетъ, напечатанной, разумѣется, не иначе, какъ съ высочайшаго разрѣшенія, сказано, что въ одно изъ такихъ посѣщеній государь произнесъ передъ окружающими его слѣдующія достопамятныя слова: «Въ теченіе 11-ти лѣтъ онъ ни съ кѣмъ меня не поссорилъ, а со многими примирилъ».

Справедливо, наконецъ, и то, что въ эту болѣзнь лица всѣхъ сословій толпились въ его домѣ и вокругъ него, и если бы Бенкендорфъ умеръ въ это время, то смерть его была бы народнымъ событіемъ: до такой степени онъ пользовался тогда общою популярностью, благодаря своему добродушію и тому, что на его постѣ не дѣлать зла значило уже дѣлать добро. Но съ тѣхъ поръ онъ пережилъ себя. Нѣсколько самоуправныхъ дѣйствій, въ которыя Бенкендорфъ былъ вовлеченъ своими подчиненными и которыми онъ компрометтировалъ отчасти самого государя, сильно поколебали прежнюю довѣренность, и царская къ нему милость стала постепенно охлаждаться, даже переходить почти въ равнодушіе, прикрытое, впрочемъ, до конца, внѣшними формами прежней пріязни. Съ тѣмъ вмѣстѣ стала угасать и популярность Бенкендорфа, и въ городѣ гласно заговорили, что онъ очень не твердъ на своемъ мѣстѣ, что ему худо при дворѣ, что ему избранъ уже преемникъ и проч. При всемъ томъ, когда въ апрѣлѣ 1844 года, изнуренный новою жестокою болѣзнію, онъ отправился на заграничныя воды, государь, въ щедрости своей, пожаловалъ ему на эту поѣздку 500.000 р. сер. Но дѣла его были такъ разстроены, что онъ повезъ съ собою едва 5.000 р., а прочее принужденъ былъ оставить въ Петербургѣ, для покрытія по крайней мѣрѣ самыхъ вопіющихъ долговъ.

Это путешествіе не только не доставило графу Бенкендорфу чаяннаго исцѣленія, но и раскрыло ему одинъ обманъ, въ который онъ вдался. При живой, очень почтенной женѣ (урожденной Захаржевской), у него всегда было по нѣсколько гласныхъ любовницъ; но ни къ которой страсть его не доходила до такого изступленія, какъ къ одной дамѣ высшаго нашего общества, которой мужъ былъ посланникомъ за границу и которая напоследокъ, къ общему соблазну, поѣхала даже за графомъ въ чужіе края. Подъ конецъ, однако же, видя, что нечего уже извлечь изъ старика, осужденнаго на неминуемую смерть, она имѣла низость бросить его, чрезъ что

горько отравила послѣдніе его дни, можетъ быть, и ускорила самую его смерть. Эта непонятная связь одной изъ прелестнѣйшихъ женщинъ въ Петербургѣ съ полумертвымъ старикомъ была поводомъ къ многоразличнымъ комментаріямъ въ нашей публикѣ. Упомянутая дама принадлежала къ римско-католическому исповѣданію, и говорили, что она предалась Бенкендорфу изъ религіознаго фанатизма, чтобы имѣть въ немъ опору для своихъ единовѣрцевъ въ Россіи, представляя въ этомъ случаѣ лишь агента папы; другіе увѣряли даже, будто бы Бенкендорфъ, покорный ея внушеніямъ, на смертномъ одрѣ перешелъ въ католицизмъ¹⁾. Все это нелѣпость. Кокетка просто любила свои интересы и сперва долго влачила за собою стараго любезника, а потомъ и предалась ему, единственно изъ того, что онъ тратилъ огромныя суммы на удовлетвореніе ея прихотей,—исторія не новая и не рѣдкая. Умирая, какъ я выше сказалъ, на пароходѣ, въ полной памяти, онъ весь гардеробъ свой завѣщалъ камердинеру; но когда онъ умеръ, то безсовѣстный отпустилъ для прикрытія тѣла одну разорванную рубашку, въ которой покойный пролежалъ и на пароходѣ, и цѣлыя почти сутки въ ревельской домкирхѣ, пока прибыла изъ Фалля вдова. Въ первую ночь, до ея пріѣзда, при тѣлѣ того, которому такъ недавно еще поклонялась вся Россія, лежавшемъ въ этомъ рубищѣ, стояло всего два жандармскихъ солдата и церковь была освѣщена двумя салными свѣчами! Это мнѣ разсказывали очевидцы. Покойный погребенъ въ Фаллѣ, на избранномъ и назначенномъ имъ самимъ за долго до того мѣстѣ; послѣдній обрядъ происходилъ въ оранжереѣ, потому что въ Фаллѣ хотя и есть русская церковь, но нѣтъ лютеранской. Пастору передана была высочайшая воля упомянуть въ надгробномъ словѣ, какимъ роковымъ считаетъ для себя государь 1844 годъ, унесшій у него дочь²⁾ и друга. При извѣстномъ недостаткѣ въ Бенкендорфѣ трудолюбія, терпѣнія и пера, для меня было совершенно неожиданностью узнать, что послѣ него остались мемуары. Графъ Орловъ, по волѣ государя, разбирая его кабинетъ, между прочими бумагами нашелъ нѣсколько большихъ портфелей съ записками (на французскомъ языкѣ), начинавшимися почти отъ самаго вступленія его въ службу и доходившими до дня пожара Зимняго дворца, то-есть до 17-го декабря 1837 года. Можетъ статься, было даже еще и болѣе, но затерялось; по крайней мѣрѣ, въ числѣ отысканнаго, послѣдняя страница, написанная до-низу, оканчивалась началомъ слова, съ переноснымъ знакомъ. Въ этихъ запискахъ излагались, между прочимъ, и всѣ разговоры съ покойнымъ императоромъ Николаемъ. Прочитывая ихъ,

¹⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Все это преувеличено до крайности и злостная клевета“.

²⁾ Великую княгиню Александру Николаевну. О болѣзни ея, кончивѣ, погребеніи и пр. написано мною особое сочиненіе.

государь отозвался Орлову, что находить тутъ хотя и дурно написанное, но очень вѣрное и живое изображеніе своего царствованія¹⁾. Все это я слышалъ тогда же отъ самого графа (нынѣ князя) Орлова²⁾.

Послѣ графа Бенкендорфа осталось и духовное завѣщаніе. По нашимъ законамъ, акты сего рода, когда они не собственноручные и писаны болѣе чѣмъ на одномъ листѣ, должны быть скрѣплены завѣщателемъ по листамъ, и хотя въ духовной Бенкендорфа эта формальность была упущена, однако, какъ на ней подписались свидѣтелями графы Нессельродъ и Орловъ и содержаніе ея было не только извѣстно государю, но и утверждено имъ еще при жизни покойнаго, то онъ велѣлъ привести ее въ дѣйствіе независимо отъ несоблюденія помянутаго условія.

Вдовствующей графинѣ назначена была пенсія въ 5 тыс. руб. сер. Сыновей у графа никогда не было, но онъ имѣлъ трехъ дочерей, которыя находились въ замужествѣ: старшая за австрійскимъ графомъ Аппони, вторая—за сыномъ министра императорскаго двора княземъ Григоріемъ Волконскимъ и третья—за богатымъ, жившимъ въ отставкѣ Демидовымъ. Безподобная приморская мыза Фаль, созданная покойнымъ и въ которую онъ положилъ огромныя суммы, обративъ ее притомъ въ майоратъ, перешла въ наслѣдство къ княгинѣ Волконской, потому что старшая дочь потеряла, черезъ бракъ съ иностранцемъ, право владѣть недвижимымъ имѣніемъ въ Россіи.

Одинъ умный человѣкъ сказалъ, что Ермоловъ, въ понятіяхъ русскихъ, не человѣкъ, а популяризованная идея. Когда въ верхнихъ слояхъ давно уже наступило въ отношеніи къ нему полное разочарованіе, масса все еще продолжала видѣть въ немъ великаго человѣка и поклоняться, подъ его именемъ, какому-то воображаемому идеалу. Общее мнѣніе о немъ, при всякомъ случаѣ, выражалось весьма явственно. Осенью 1844 года, когда пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, на возвратномъ пути изъ-за границы, новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ Воронцовъ (тогда еще не князь и не намѣстникъ кавказскій), въ Англійскомъ клубѣ задумали дать въ честь ему обѣдъ; но когда уже были сдѣланы всѣ приготовленія и самъ онъ приглашенъ, вдругъ вспомнили, что у него есть въ Петербургѣ собственный домъ; законы же клуба запрещаютъ допускать въ залы гостями здѣшнихъ домовладѣльцевъ. Чтобы поправить ошибку, рѣшились поднести ему билетъ на званіе почетнаго члена.

— Но,—заговорили всѣ,—нельзя же выбрать въ почетные члены Воронцова, не избравъ и Ермолова.

¹⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Совершенно справедливо“.

²⁾ Отрывки изъ этихъ записокъ были помѣщены въ „Русской Старинѣ“, 1896, № 6.

И, дѣйствительно, Ермоловъ, давно сошедшій съ политической сцены, живущій въ уединеніи въ Москвѣ, удаленный отъ всякаго вліянія и связей, удостоился, очень рѣдкой въ лѣтописяхъ Англійскаго клуба, чести быть выбраннымъ въ почетные его члены, какъ бы какое-нибудь яркое современное свѣтило!..

Въ 1844 году смерть собрала обильную жатву съ нашего высшаго общества и высшей администраціи. Въ числѣ многихъ другихъ лицъ, она похитила въ этомъ же году князя Александра Николаевича Голицына.

Камеръ-пажъ блестящаго двора Екатерины II-й, при ней же поручикъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и, вмѣстѣ, камеръ-юнкеръ, князь Голицынъ въ слѣдующее царствованіе былъ сперва пожалованъ въ камергеры, а потомъ отставленъ собственноручнымъ указомъ Павла I-го (отъ 1-го мая 1799 года). Служба его возобновилась не ранѣ сентября 1802 года, и императоръ Александръ I-й двинулъ его впередъ исполинскими шагами. Съ небольшимъ черезъ годъ Голицынъ былъ уже статсъ-секретаремъ и синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, а 1-го января 1810 года, въ чинѣ тайнаго совѣтника, назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій; въ 1817 же году велѣно ему быть министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, а въ 1819 году, сверхъ того, главноначальствующимъ надъ почтовымъ департаментомъ, которую должность онъ занималъ болѣе 22-хъ лѣтъ, управлявъ многократно, пока не существовало еще министерства императорскаго двора, и придворною частію и бывъ членомъ или предсѣдателемъ во множествѣ особыхъ комиссій и комитетовъ. Не нужно прибавлять, что въ этихъ высшихъ званіяхъ онъ достигъ постепенно и всѣхъ высшихъ знаменій отличія, удостоясь получить, при первомъ празднованіи дня рожденія императора Николая, Владиміра 1-й степени, и вслѣдъ за тѣмъ, въ день священнаго его коронованія, Андреевскую ленту, а 21-го апрѣля 1834 года, портретъ государя для ношенія на шеѣ.

При довѣрчивости, происходившей отъ большаго добродушія, и при отсутствіи глубокихъ государственныхъ соображеній, князь Голицынъ часто былъ обманываемъ и теоріями и людьми, часто выводилъ недостойныхъ, нерѣдко, особенно въ увлеченіи своемъ къ мистицизму, давалъ ходъ превратнымъ и не безвреднымъ для государства идеямъ; но, вопреки эпиграммамъ Пушкина, всегда былъ вѣрнѣйшій и преданнѣйшій слуга царскій, всегда имѣлъ одни добрыя намѣренія, дѣйствовалъ по убѣжденію и совѣсти, болѣе же всего былъ, въ истинномъ высшемъ значеніи слова, челоуѣкъ добрый. Имя Голицына, несмотря на высшія степени, которыхъ онъ достигъ въ государствѣ, и на почести, которыми онъ былъ окруженъ при жизни, не займетъ важнаго мѣста въ

исторіи; но оно долго будетъ жить въ памяти многихъ современниковъ, имъ облагодѣтельствованныхъ, я едва-ли кто-нибудь помянетъ его ляхомъ. Долгое время единственный въ Россіи дѣйствительный тайный совѣтникъ 1-го класса, онъ нѣсколько лѣтъ всѣмъ говорилъ, что выйдетъ въ отставку и переселится навсегда въ помѣстье свое, Александрію-Гаспру, на южномъ берегу Крыма; но никто ему не вѣрилъ, полагая, что служба и дворъ необходимы для него, какъ воздухъ. Онъ доказалъ, однако же, что и въ придворной жизни можетъ иногда быть искренность. На склонѣ лѣтъ, полуслѣпой, чувствуя ослабленіе и въ моральныхъ силахъ, князь не захотѣлъ послѣдовать примѣру разныхъ другихъ ветхихъ нашихъ вельможъ, которыхъ, и при чахломъ остаткѣ жизни, все еще не покидало честолюбіе. Онъ рѣшился оставить службу, дворъ и свѣтъ, не дожидаясь, чтобы они сами его оставили. Пока другіе, въ теоріи, многословно разсуждали о томъ, какъ бы не остаться имъ на служебномъ поприщѣ, переживъ себя, и не замѣчали, что роковая минута для нихъ давно уже настала, Голицынъ, безъ витійства, безъ самохвальства, скромно и тихо, исполнилъ ихъ теорію на практикѣ. Указъ объ увольненіи его отъ всѣхъ должностей былъ подписанъ 27-го марта 1842 года. Подобно древнимъ нашимъ боярамъ и князьямъ, которые, передъ смертію, отлагая всякое житейское попеченіе, постригались въ монашество, Голицынъ, хотя и безъ клобука и схимы, оставилъ весь окружавшій его въ Петербургѣ блескъ, чтобы перейти въ уединеніе, равнявшееся любому монастырю. Указъ объ его отставкѣ сопровождался пенсією въ 12 тыс. руб. сер., пособіемъ на путевыя издержки въ 10 тыс. руб. сер. и рескриптомъ, въ которомъ было изъяснено, что долговременное полезное служеніе князя престолу и отечеству останется для государя незабвеннымъ по достоинству многочисленныхъ его заслугъ и по чувствамъ личнаго его величества уваженія, внушеннаго неизмѣнною къ князю довѣренностію блаженной памяти императора Александра I-го и утвержденнаго всегда отличающими его превосходными качествами души и сердца. Въ скромности своей князь никогда не напечаталъ этого рескрипта, оставшагося такимъ образомъ безгласнымъ. Въ отставкѣ, онъ сохранилъ, для почета, званіе члена Государственнаго Совѣта. Проводы его изъ Петербурга были очень трогательны. Онъ прощался порознь даже съ каждымъ изъ людей своихъ и, садясь въ карету, плакалъ какъ ребенокъ. Послѣднее свиданіе съ государемъ происходило въ Москвѣ, гдѣ князь остановился на пути и куда императоръ Николай пріѣхалъ подъ осень 1842 года. Въ двухдневное его тамъ пребываніе князь одинъ день у него обѣдалъ, вмѣстѣ съ другими, а на другой провелъ болѣе часа въ уединенной бесѣдѣ и тутъ же съ нимъ и простился.

Съ тѣхъ поръ протекли два года, въ продолженіе которыхъ Голицынъ

окончательно ослѣпъ на оба глаза. Время его въ Александріи-Гаспрѣ проходило въ слушаніи чтенія и въ прогулкахъ, пѣшкомъ или въ экипажѣ, по очаровательному крымскому взморью, котораго красоты онъ угадывалъ воображеніемъ. Читали ему, одну половину дня, книги духовнаго и назидательнаго содержанія, а другую—сочиненія историческія, большею частью на русскомъ языкѣ, для чего онъ взялъ къ себѣ молодаго князя Козловскаго, служившаго передъ тѣмъ почтмейстеромъ въ Ялтѣ. Сосѣдей почти не было, а тѣ, которые и были, своимъ посѣщеніемъ могли доставлять мало удовольствія отшельнику, состарѣвшемуся въ обществѣ совсѣмъ другаго рода. При всемъ томъ, когда лѣтомъ 1843 года пріѣхалъ къ нему на время одинъ изъ преданнѣйшихъ ему людей, состоявшій при немъ прежде вродѣ и домашняго, и служебнаго секретаря, Г. С. Поповъ, князь, на вопросъ его отвѣчалъ, что никакія блага въ мірѣ не могли бы перевлечь его опять въ Петербургъ. Въ этомъ уединеніи, между молитвою, чтеніемъ и прогулками, князь любилъ передавать обильныя и разнообразныя свои воспоминанія окружавшимъ его и, сверхъ того, собственно съ цѣлью сохранить ихъ на бумагѣ, давалъ постоянныя сеансы находившемуся при немъ старому чиновнику Бартеневу. Къ сожалѣнію, послѣдній отнюдь не обладалъ нужными для такого дѣла качествами. Вся прелесть, весь юморъ живыхъ разсказовъ князя пропадали подъ вялымъ перомъ этого человѣка прежняго воспитанія, который замѣнялъ ихъ пустословнымъ фразѣрствомъ.

Между тѣмъ, совѣты одной ясновидящей, которая, изъ Москвы, безуспѣшно лѣчила нашего слѣпца, соединенныя съ совѣтами внушавшаго ему довѣріе другаго рода кіевопечерскаго схимника Паренія, у котораго онъ исповѣдывался при проѣздѣ черезъ Кіевъ въ Крымъ, рѣшили его испытать надъ своими глазами хирургическую операцію. Осенью 1844 года, выписанъ былъ пользовавшійся извѣстностью не только у насъ, но за границею, профессоръ Кіевского университета св. Владимира Караваевъ, и операція была совершена, съ полнымъ успѣхомъ, въ 28 секундъ. Вскорѣ послѣ того князь писалъ первому своему другу, статсъ-дамѣ Натальѣ Ѳедотовнѣ Плещеевой, въ выраженіяхъ неизъяснимаго восторга, что, имѣвъ до тѣхъ поръ возможность только чувствовать прелести своей Гаспры, онъ теперь сподобился и созерцать ихъ, уже не однимъ умственнымъ глазомъ. Въ то же время онъ приглашалъ къ себѣ Попова и на будущее опять лѣто, прибавляя, что, какъ при прошлогоднемъ посѣщеніи только слышалъ его, то ему пріятно будетъ снова и повидаться съ нимъ... Вдругъ къ государю пришла эстафета изъ Крыма о кончинѣ князя. Почти вслѣдъ за сказанными письмами у него открылась водяная, положившая 22-го ноября конецъ его жизни, на 71-мъ году отъ роду, быстро и безъ затмѣнія памяти, такъ что еще наканунѣ онъ самъ сдѣлалъ всѣ распоряженія о

своемъ погребеніи. Государь ознаменовалъ внимательность свою къ памяти покойнаго немедленнымъ пожалованіемъ во фрейлины двоюродной его внуки, княжны Екатерины Голицыной, какъ ближайшей къ нему изъ его родства, и въ камергеры упомянутаго выше Попова, какъ ближайшаго къ князю, въ послѣднія 15 лѣтъ его жизни, человѣка. Сверхъ того, по высочайшей волѣ, посланъ былъ, въ Гаспру, для разбора его бумагъ и доставленія части ихъ въ Петербургъ, чиновникъ I-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи, камергеръ Ковальковъ, облагодѣтельствованный княземъ отъ дѣтства и бывшій у него домашнимъ. Тѣло предано землѣ, по собственной волѣ покойнаго, въ монастырь св. Георгія, близъ Балаклавы.

Вотъ разныя замѣтки о предсмертныхъ распоряженіяхъ князя и извлеченіе любопытнѣйшаго изъ бумагъ его и о немъ:

1) Къ завѣщанію, составленному еще въ Петербургѣ, былъ приложенъ реестръ, въ которомъ значились, между прочимъ: а) крестъ золотой, со многими мощами, въ футлярѣ. Онъ пожалованъ былъ царицею Наталіею Кирилловною князю Борису Алексѣевичу Голицыну (бывшему дядькою Петра I) во время стрѣльческаго бунта, когда князь взялъ Петра на руки, чтобы увезти въ Троицко-Сергіевскую лавру. Царица вручила крестъ Голицыну съ тѣмъ, чтобы онъ былъ ему благословеніемъ, а если князь несетъ сына ея на погибель, то «сей крестъ да поразитъ его». Въ реестрѣ прибавлено: «Родитель мой симъ драгоценнымъ крестомъ благословилъ меня при рожденіи, а я, грѣшный, благословилъ имъ государя моего императора Николая Павловича, въ день отъѣзда его въ походъ противъ турокъ, 1828 года, апрѣля 25-го, съ тѣмъ, чтобы я сохранилъ его до кончины моей, а потомъ да будетъ онъ врученъ его величеству, яко достояніе предковъ его, и данное предку моему на спасеніе—Петра I. Я молю Господа Иисуса Христа, да послужитъ сей крестъ государю императору Николаю Павловичу щитомъ противъ его видимыхъ и невидимыхъ враговъ и да почіетъ на главѣ его и въ сердцѣ Святыи Духъ, для внутренняго его возрожденія»; б) Образъ Богоматери, въ лайковомъ мѣшечкѣ, найденный въ бумагахъ императора Александра и подаренный князю императоромъ Николаемъ, назначенъ императрицѣ; в) письма императора Александра и всѣхъ лицъ императорской фамиліи—государю; г) шлафрокъ и «прочія вещи», принадлежавшія императору Александру—тоже государю; д) Часы большіе, на пьедесталѣ, стоявшіе въ кабинетѣ императора Александра, въ Зимнемъ дворцѣ, и подаренные князю его преемникомъ—наслѣднику цесаревичу. «Сіи часы,—сказано въ реестрѣ,—покойный государь императоръ Александръ Павловичъ очень любилъ». Изъ денегъ 25 тыс. руб. асс. назначено въ С.-Петербургскій институтъ глухонѣмыхъ, при чемъ въ завѣщаніи сказано: «императрица Марія Ѳеодоровна, за нѣсколько времени предъ

кончиною ея, узнавъ о намѣреніи моемъ положить мое завѣщаніе въ Опекунскій совѣтъ и дать въ пользу его заведеній нѣкоторую сумму, просила меня дать оную для института глухонѣмыхъ, такъ какъ онъ имѣетъ менѣе другихъ капиталовъ, что я священною обязанностью почелъ исполнить».

2) За нѣсколько дней до кончины, чувствуя неминуемое ея приближеніе, Голицынъ продиктовалъ слѣдующее письмо къ названному нами выше князю Козловскому: «Зная вашу ко мнѣ привязанность, считаю, что вы не почтете себя за трудъ сдѣлать, что я симъ возлагаю на васъ по кончинѣ моей: 1) увѣдомить генералъ-губернатора (графа Воронцова) о моей кончинѣ; чтобы приказалъ опечатать мои бюро, столы и шкафы въ спальнѣ и кабинетѣ и увѣдомилъ бы государя императора, кому прикажетъ разобрать мои бумаги; 2) до тѣхъ поръ вы наблюдаете, чтобы никто ни до чего не касался; 3) какъ скоро испущу я духъ свой, то прикажите перенести тѣло мое въ другую комнату, для омовенія, а кабинетъ со всѣхъ сторонъ вы закройте и оставьте ключъ у себя, приложивъ печать ко всѣмъ его дверямъ, до присылки отъ государя императора довѣренной особы; 4) тѣло мое не анатомить, но послѣ омовенія одѣть въ ту сорочку, которую пожаловалъ мнѣ государь императоръ Николай Павловичъ, снявъ ее съ себя ¹⁾; она хранится въ запечатанномъ пакетѣ у моего камердинера; и никакого платья, сверхъ означенной сорочки, на меня не надѣвать; потомъ вынести въ домовую мою церковь, положить на столъ и покрыть покровомъ до шеи, такъ что не приметно будетъ одѣяніе; 5) гробъ отнюдь не дѣлать богатый: мое грѣшное тѣло того не стоитъ; а сдѣлать гробъ деревянный, чистой работы, покрывъ лакомъ, безъ серебра и позолоты; на крышку не класть ни шляпы, ни шпаги; я бы желалъ, чтобы на крышкѣ было придѣлано распятіе и пр.».

3) Очень любопытно—какъ характеристика покойнаго въ ближайшемъ его кругу—письмо къ Попову (20-го декабря 1844 года) отъ сестры князя, Кологривовой. Вотъ изъ него выписка: «Я до сихъ поръ нечувствительна ко всему, даже къ попеченіямъ, которыя обо мнѣ прилагаютъ; одно меня теперь утѣшаетъ: молитва ежедневная въ храмѣ о спасеніи его души. По его смиренію, я не дерзаю равнять его съ праведными: это бы его оскорбило; но не сомнѣваюсь, что Господь приметъ его въ свои объятія. Вся жизнь его была—молитва и благія дѣла! При тѣлесныхъ страданіяхъ здѣсь, на землѣ, онъ не ропталъ, принималъ все съ благодареніемъ, считая себя великимъ грѣшникомъ. Все

¹⁾ Въ этой сорочкѣ императоръ Николай короновался, и князь, присутствовавшій, послѣ священнаго обряда, при раздѣваніи государя, выпросилъ ее себѣ на память.

жизнь его была—живая проповѣдь. Эта мысль въ жестокія минуты унынія меня утѣшаетъ. Блаженни почіющіе о Господѣ! сказалъ Иисусъ Христосъ. Намъ остается просить у Господа во всемъ ему быть подобными»..

4) Князь, еще при жизни своей, успѣлъ испросить извѣстному Сергѣю Глинкѣ, бывшему нѣкогда издателемъ «Русскаго Вѣстника», пенсію въ 3.000 руб. ассиг., съ продолженіемъ ея на жену и дочерей, до смерти послѣдней. Потомъ, за два года до отъѣзда изъ Петербурга, онъ узналъ и полюбилъ другаго извѣстнаго литератора Николая Полевого. Изданная имъ «Исторія Петра Великаго» особенно обратила на него вниманіе князя, который не одинъ разъ въ недѣлю призывалъ его къ себѣ для чтеній. По посмертному ходатайству князя, ему назначена и егласно пенсія въ 1.000 руб. ассиг. Наконецъ 5) Вотъ списокъ нѣкоторыхъ, сдѣланныхъ императоромъ Николаемъ, кромѣ упомянутыхъ уже выше, назначеній по случаю смерти князя Голицына:

Сестрѣ его, Кологривовой, пожалована пенсія въ 4.000 руб. сер.

Сверхъ того, какъ князь недовладѣлъ арендою въ 8.000 руб. сер. еще четыре года, то на счетъ сего источника пожаловано единовременно:

Кологривовой.	6.000 р. с.
Ковалькову на поѣздку	2.286 » »
Пользовавшему князя докт. Шмидту	1.000 » »
Князю Козловскому.	2.643 » »

Когда Франція и Германія благоговѣнно сохраняютъ дома, въ которыхъ жили или окончили свое земное поприще ихъ великіе люди, когда вся Европа, болѣе нежели черезъ полвѣка послѣ смерти Фернейскаго развратителя, сходится на поклоненіе его спальнѣ; когда и мы ставимъ памятники нашимъ воинамъ и поэтамъ: о Сперанскомъ, одномъ изъ самыхъ яркихъ свѣтилъ нашей народной славы, остаются напоминать потомству только скромный надгробный камень на кладбищѣ Александроневской Лавры и—великія его дѣла! Мнѣ пришло это на мысль, когда, въ Екатерининъ день 1844 г., я игралъ въ карты у мужа одной изъ именниницъ, Эммануила Нарышкина, сына покойнаго оберъ-егермейстера Дмитрія Львовича и знаменитой нѣкогда Марьи Антоновны, и игралъ въ томъ же домѣ (на Сергіевской, близъ Лѣтняго сада) почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ въ 1839 году испустилъ духъ графъ Михайлъ Михайловичъ, но въ комнатѣ, которой, послѣ передѣлки всего дома, нельзя было узнать подъ новою ея формою.

Я говорилъ уже гдѣ-то, что при императорѣ Александрѣ I-мъ, до 1812 года, Сперанскій, бывъ на постѣ государственнаго секретаря, въ существѣ, первымъ министромъ и любимцемъ своего монарха, жилъ въ

собственнымъ, скромномъ домикѣ, у Таврическаго сада, на углу Сергіевской. Могущественный временщикъ, всѣхъ чаще бывавшій во дворцѣ и всѣхъ долѣе тамъ остававшійся, жилъ отъ него всѣхъ отдаленнѣе. Перейдя впослѣдствіи къ сенатору Дубенскому, этотъ домикъ такъ распространенъ и перестроенъ, что въ новомъ, огромномъ зданіи не осталось и слѣдовъ прежняго. По возвращеніи изъ опалы, Сперанскій поселился въ домѣ Неплюева, на Фонтанкѣ, близъ Лѣтнаго сада, позже перестроенномъ подъ Училище правовѣднія. Указъ 1826 года, которымъ учреждено было 2-е отдѣленіе собственной его величества канцеляріи я первымъ главнымъ начальникомъ надъ нимъ поставленъ Сперанскій, засталъ его въ домѣ Армянской церкви, на Невскомъ проспектѣ. Здѣсь родились, созрѣли и были приведены въ исполненіе двѣ колоссальныя идеи: Полнаго Собранія и потомъ Свода Законовъ; здѣсь также произведены имъ уставъ коммерческихъ судовъ, положенія о духовныхъ завѣщаніяхъ, о казенныхъ подрядахъ, обширный проектъ новаго закона о состояніяхъ (не воспріявшій своего дѣйствія) и множество другихъ важныхъ законодательныхъ работъ, о которыхъ едва-ли многимъ уже теперь и извѣстно, что онѣ были плодомъ его генія. Этотъ домъ также перестроенъ, съ возведеніемъ третьяго этажа. Отсюда Сперанскій переѣхалъ на правый берегъ Фонтанки, между Аничкинымъ и Чернышевымъ мостомъ, въ домъ, принадлежавшій тогда одной изъ грузинскихъ царевенъ и, по переходѣ его во владѣніе купца Лыткина, совершенно измѣнившій свой видъ. Наконецъ, остатокъ своихъ дней творецъ Свода провелъ въ упомянутомъ выше, купленномъ имъ незадолго до его смерти домѣ на Сергіевской близъ Лѣтнаго сада, который послѣ былъ проданъ его дочерью Нарышкинымъ и сохранилъ отъ прежняго только часть своихъ стѣнъ ¹⁾). Такимъ образомъ всѣ дома, въ которыхъ жилъ Сперанскій, перестроены, и, повторяю, ничто болѣе не напоминаетъ въ нихъ о великомъ ихъ жильцѣ.

Заговоривъ однажды о графѣ Сперанскомъ, не могу не передать еще нѣсколько воспоминаній объ этой примѣчательной личности. Полная біографія его могла бы быть великимъ урокомъ для исторіи и для человечества, но она требовала бы многотомнаго сочиненія, а цѣль моя здѣсь собрать лишь нѣсколько отрывочныхъ подробностей о вѣншей и внутренней его жизни за время императора Николая, въ которое я пять лѣтъ (1826—1830) почти не выходилъ изъ его кабинета, оставаясь и впослѣдствіи всегда въ ближайшихъ къ нему отношеніяхъ. Подробности эти не всѣ одинаково важны, но всѣ будутъ имѣть свою цѣну и свое значеніе для потомства, какъ память о великомъ человѣкѣ.

¹⁾ Позже этотъ домъ перешелъ во владѣніе генералъ-адъютанта графа Сумарокова.

Цѣлый день, цѣлая, можно сказать, жизнь Сперанскаго проходила въ работѣ. Вставая очень рано, онъ работалъ до 10-ти часовъ утра, ложился опять спать на какой-нибудь часъ и потомъ снова работалъ до передобѣденной прогулки, которую дѣлалъ пѣшкомъ или верхомъ. Послѣ обѣда, посидѣвъ недолго съ дочерью и съ небольшимъ кругомъ гостей, собиравшихся у него особенно по воскресеньямъ, онъ принимался опять за работу, которая продолжалась уже безъ перерывовъ до ночи. Выѣзды его ограничивались Государственнымъ Совѣтомъ, разными комитетами, рѣдкимъ появленіемъ на обѣдахъ и балахъ князя Кочубея и нѣкоторыхъ другихъ вельможъ и постояннымъ посѣщеніемъ обѣдовъ по пятницамъ, у стариннаго его друга, извѣстнаго богача Алексѣя Ивановича Яковлева. Все остальное время, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ необходимыхъ визитовъ, посвящено было труду, и этою только изумительною дѣятельностію, не охлаждавшеюся до послѣднихъ его дней, можно объяснить громадную его производительность.

Одинъ только каталогъ твореній его, по всѣмъ почти частямъ человѣческаго вѣдѣнія, превзошелъ бы своимъ объемомъ все, что многими изъ нашихъ государственныхъ людей написано въ цѣлую ихъ жизнь. Сперанскій творилъ вмѣстѣ и очень легко и съ большимъ трудомъ. Легкость состояла въ чрезвычайно быстромъ созданіи плана и исполненіи его; трудъ—въ отдѣлкѣ подробностей. Не употребляя почти никогда пера и чернилъ, онъ писалъ всегда карандашомъ, на бумагѣ самаго большаго формата, перегибая ее въ поллиста, и тутъ,—особенно въ работахъ важнѣйшихъ,—и поля были исписываемы и самый текстъ безпощадно перемарываемъ, такъ что иногда стоило большаго труда разобрать его, впрочемъ, мужественный и прекрасный почеркъ. Со всѣмъ тѣмъ, работа кипѣла подъ его рукою и, при огромномъ запасѣ свѣдѣній, при отличной памяти, онъ нерѣдко писалъ, полагаясь на нее одну, то, для чего другому пришлось бы потратить множество времени на справки. Никакія трудности, ни въ развязкѣ самыхъ сложныхъ вопросовъ и дѣлъ, ни въ глубокомъ изслѣдованіи и изученіи ихъ, ни въ оборотѣ для ясной и точной передачи своихъ мыслей, не существовали для Сперанскаго. Могучій умъ, живое и цвѣтистое воображеніе, необыкновенная ловкость въ изложеніи превозмогали всѣ препоны, помогали вдохнуть жизнь и интересъ въ самые сухіе предметы, дать не только свѣтлую, но и пріятную форму тому, что у другаго не уложилось бы ни въ какія рамы и, если можно такъ выразиться, даже и недодумалось бы. Все, что писалъ Сперанскій, отличалось необыкновенною игривостію слога, соединенною съ обиліемъ неожиданныхъ мыслей и оборотовъ и съ языкомъ, хотя не всегда вполне правильнымъ, но всегда чрезвычайно изящнымъ. Я берусь изъ тысячи страницъ, написанныхъ тысячею перьевъ, отличить ту, которая принадлежитъ Сперанскому,—до

такой степени у него были свое особенное построение фразы, свой тонъ, свои образы, свои даже слова, и все это—превосходное! Но если Сперанскій, какъ редакторъ, далеко превзошелъ всѣхъ предшественниковъ и современниковъ, то даромъ живаго слова онъ обладалъ едва-ли не въ примѣчательнѣйшей еще степени. Не было ничего занимательнѣе его частной бесѣды и ничего увлекательнѣе, убѣдительнѣе его рѣчей въ Совѣтѣ и въ другихъ официальныхъ совѣщаніяхъ. Необыкновенная вкрадчивость, составлявшая общую черту его характера, особенно проявлялась въ этихъ рѣчахъ. Привыкнувъ съ первой молодости къ профессорской каюдрѣ, онъ не имѣлъ однако въ тонѣ своемъ ничего докторальнаго; напротивъ, по мягкости и, такъ сказать, двойственности сего тона, видно было, что эта каюдра была—духовная. Не разъ въ Совѣтѣ, оспаривая противное мнѣніе, онъ начиналъ съ панегирика ему, повторялъ всѣ тѣ же доводы, развивалъ ихъ еще сильнѣе, вполне, казалось, сочувствовалъ и сомыслилъ своему противнику, не позволялъ себѣ ни одного прямого возраженія и, наконецъ, однако, приходилъ, тѣми же, повидимому, путями, къ совершенно противоположному результату.

Въ послѣдніе годы жизни, органъ его потерялъ всю звонкость и принялъ какой-то гробовой звукъ, а сверхъ того, по разслабленію груди, онъ говорилъ въ Совѣтѣ гораздо рѣже; но и тутъ рѣчь его, по внутреннему своему содержанію, все также была глубока и напитана полнымъ знаніемъ предмета, а по внѣшней формѣ все также легка, свободна, краснорѣчива. Я зналъ въ Россіи только четырехъ истинныхъ ораторовъ: Сперанскаго, Дашкова, Канкринъ и Блудова. У каждого свой отличительный характеръ: у Сперанскаго мягкость и тонкая вкрадчивость, у Дашкова—сжатость и энергическая жесткость, у Канкринъ—необыкновенная пластичность и позволявшійся лишь одному ему юморъ, переходившій не рѣдко въ цинизмъ; наконецъ, у Блудова—противуположная Дашкову велерѣчивость, не чуждая иногда ироніи и даже сарказма, а сверхъ того особенная, можно сказать чудесная, находчивость въ возраженіяхъ. Но Сперанскій стоялъ едва-ли не выше всѣхъ ихъ, сколько по искусству, съ которымъ умѣлъ охранять личныя самолюбія, столько же по дикціи и оборотамъ своихъ рѣчей, всегда оригинальнымъ, не менѣе чѣмъ и въ письменныхъ его произведеніяхъ. Сперанскій былъ, за рѣдкими изытціями, вообще не любимъ нашими магнатами, нѣкоторыми даже ненавидимъ (въ особенности Дашковымъ и Блудовымъ) и при всемъ томъ, когда только не дѣйствовали страсти или предубѣжденія, т. е. когда былъ судъ хладнокровный и нелицепріятный, всегда увлекалъ съ собою всю массу, не исключая и этихъ противниковъ. Повидимому, безъ всякихъ притязаній, съ чрезвычайною скромностію, простотою, даже иногда будто-бы

простодушiемъ, онъ плѣнялъ ихъ, противъ ихъ воли, могуществомъ своего генiя. Многие, — разумѣется, однако, не изъ сихъ противниковъ, — называли его, и съ полнымъ основанiемъ, нашимъ Златоустомъ.

Съ этими высокими достоинствами ума Сперанскiй соединялъ и прекрасную наружность. Высокий ростомъ, съ огромнымъ лбомъ, который уже съ первыхъ лѣтъ мужескаго возраста обнаружился отъ волосъ, онъ, во всѣхъ чертахъ своего лица, носилъ отпечатокъ глубокой думы и истинной генiальности; особенно же безподобны были его глаза, всегда покрытые нѣкоторою влажностiю, и многiя женщины, объясняя по-своему его взглядъ, говорили, что у него «влюбленные глазки». Лучшiй изъ его портретовъ есть написанный Дауомъ (Dau), колѣнный, оставшiйся у его дочери, но и онъ не совсѣмъ схожъ; бюстъ, снятый уже послѣ его смерти Лемольтомъ, еще менѣе удался. Примѣчательно, что не только въ характерѣ, но и во внѣшнихъ формахъ и приемахъ Сперанскаго, нигдѣ не отражалось его происхожденiе и воспитанiе: онъ былъ далекъ отъ всякой надутости, ласковъ и обходителенъ со всѣми, но умѣлъ всегда сохранить все приличiе своего званiя и если не обладалъ тою вельможескою грациозною, тѣмъ изящнымъ тономъ, которыми отличался, напримѣръ, князь Кочубей, то вездѣ, однако же, не исключая ни самаго высшего общества, ни дамскаго круга, былъ на своемъ мѣстѣ. Въ частной бесѣдѣ онъ имѣлъ особенный даръ чарованiй. Не избѣгая разговоровъ на французскомъ языкѣ, въ которомъ у него отзывался только легкiй недостатокъ произношенiя, онъ вообще предпочиталъ говорить по-русски, и всѣ, мужчины и женщины, тоже предпочитали слышать его на этомъ языкѣ, который, въ его устахъ, становился, истинно, совсѣмъ инымъ и новымъ. Кончу эти замѣтки тѣмъ, что Сперанскiй, всегда чистый, опрятный, даже, по лѣтамъ, щеголеватый, чрезвычайно любилъ цвѣты, особливо чайное деревцо, прекрасные экземпляры котораго, въ полномъ цвѣту, во всякое время года красовались въ его кабинетѣ, постоянно дышавшемъ ихъ благоуханiемъ.

Передъ самымъ праздникомъ Рождества Христова въ комнату къ камеръ-фрау ¹⁾ Карповой, спавшей возлѣ императрицыной почивальни ²⁾, вкрался ночью воръ, съ ножомъ въ рукахъ, и сталъ требовать отъ нея денегъ. Та, при всемъ испугѣ, не потеряла присутствiя духа и, изъясняя полную готовность удовлетворить его, сказала, что ей надо только взять деньги изъ другой комнаты, а между тѣмъ, выйдя туда, затворила свою спальную извнѣ ключемъ, находившимся въ замкѣ, и бросилась за дежурною прислугою. Созванные люди сбѣжались, однако, уже

¹⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: „Камеръ-юнгферы“.

²⁾ Императоръ Александръ II прибавилъ: „въ Зимнемъ Дворцѣ“.

слишкомъ поздно; они нашли дверь выломанною и вора скрывшима. По словамъ камеръ-фрау, которой показалось, что она по голосу узнала одного придворнаго лакея, послѣдній тотчасъ былъ схваченъ и хотя на допросѣ у гофмаршала графа Шувалова, а потомъ у самого государя, началъ запырательствомъ, но послѣ во всемъ сознался, утверждая только, что имѣлъ при себѣ ножъ вовсе не въ преднамѣреніи смертоубійства, а единственно для острастки. Оказалось, что онъ служилъ при дворѣ уже лѣтъ пять и горькій пьяница, который, пропивъ все, что у него было, и даже заложивъ свои парадные штаны съ галуномъ за 3 руб., отважился, для выкупа ихъ передъ праздникомъ, на упомянутое покушеніе. По высочайшей волѣ онъ былъ преданъ военному суду, которымъ приговоренъ къ прогнанію сквозь строй черезъ 2.000 человекъ и обращенію потомъ въ арестантскія роты. Государь смягчилъ приговоръ отѣною тѣлеснаго наказанія.

6-го декабря, на дворцовомъ выходѣ, всѣ генералы ¹⁾ впервые явились, вмѣсто прежнихъ трехъугольных шляпъ ²⁾, въ каскахъ вновь установленнаго образца. Слѣдующій выходъ 25-го числа ознаменовался другими еще перемѣнами въ костюмахъ. Во 1-хъ, за отѣною чулковъ и башмаковъ, оставленныхъ впредъ для однихъ баловъ, всѣ гражданскіе и придворные чины явились уже въ бѣлыхъ брюкахъ съ золотыми галунами. Эта перемѣна встрѣчена была общеою радостію, особенно со стороны людей пожилыхъ. Даже и у придворныхъ пѣвчихъ штаны замѣнены брюками по цвѣту ихъ мундира, и вообще чулки съ башмаками сохранены только для офиціантовъ и лакеевъ. Пудра, составлявшая въ прежнее время необходимую принадлежность придворнаго наряда, была отѣнена императоромъ Николаемъ въ самомъ еще началѣ его царствованія; во 2-хъ, у всей придворной прислуги бѣлые штаны замѣнены были плисовыми, пунцовыми.

¹⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „офицеры всей гвардіи“.

²⁾ Императоръ Александръ исправилъ: „киверовъ“.

1845 годъ.

Болѣзнь погъ у императора Николая.—Освященіе дворца великой княгини Маріи Николаевны.—Нѣсколько перемѣнъ въ военной формѣ.—Адмиралъ Грейгъ.—Кончина великой княгини Елисаветы Михайловны.—Князь Ренивъ-Волкопскій.—Публичныя лекціи военныхъ наукъ.—Живыя картины Раппо.—Необыкновенныя награды по поводу крещенія великаго князя Александра Александровича.—Перечень всѣхъ наградъ князя Васильчикова.—Прапорщикъ Янкевичъ, толкнувшій государя на улицѣ.—Разговоръ о религіяхъ въ Россіи.—Экзамены для производства въ первый офицерскій и первый классный чинъ и указъ 11 іюня 1845 о чинѣ статскаго совѣтника и майора.—Кончина и похороны графа Капкрина.—Дмитрій Павловичъ Татищевъ.—Александръ Ивановичъ Тургеневъ.

Императоръ Николай въ зиму съ 1844-го на 1845 г. страдалъ какою-то загадочною и упорною болью въ ногахъ, особенно въ правой. Въ праздникъ Рождества (1844-го) онъ всю обѣдню просидѣлъ въ комнатѣ за фонарикомъ, въ новый годъ отказалъ выходить, а въ Богоявленіе въ половинѣ обѣдни принужденъ былъ опять удалиться за фонарикъ, но къ водосвятію снова вышелъ и даже слѣдовалъ за процессіею на Іордань. Ставъ, въ ожиданіи ея, передъ войсками въ портретной галереѣ, онъ громко сказалъ князю Васильчикову, что наканунѣ чувствовалъ себя лучше, такъ что могъ выстоять всю обѣдню; работавшіе же съ нимъ за день передъ тѣмъ рассказывали, что онъ во весь докладъ держалъ правую ногу на стулѣ. Въ публикѣ многіе приписывали этотъ недугъ героическому лѣченію отважнаго Мандта, въ это время уже пользовавшагося неограниченнымъ довѣріемъ государя, котораго онъ заставлялъ постоянно пить битеръ-вассеръ, употреблять ежедневно по нѣсколько холодныхъ промывательныхъ и ставить ноги въ воду со льдомъ. При всемъ томъ государь, по обыкновенію, нисколько не жалѣлъ себя въ исполненіи своихъ обязанностей и, не довольствуясь кабинетною работою, продолжалъ даже выѣзжать. Въ половинѣ января ему сдѣлалось гораздо хуже; стали пухнуть ноги, и къ боли въ нихъ присоединилась желтуха; онъ вынужденъ былъ прилеживать на диванѣ и начиналъ таинственно поговаривать о водяной.....¹⁾ Но могущественная его натура въ этотъ разъ взяла верхъ, и къ концу мѣсяца мы были обрадованы совершеннымъ его выздоровленіемъ, по крайней мѣрѣ по виду.

Дворецъ для великой княгини Маріи Николаевны у Синяго моста, воздвигнутый на мѣстѣ²⁾ прежняго дома Чернышева, обращеннаго впо-

¹⁾ Точки въ подлинникѣ.

²⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: „перестроенный изъ“ (дома Чернышева).

слѣдствіи подъ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, оконченъ былъ отдѣлкою и убранствомъ къ 1845 году. 1-го января происходило въ немъ освященіе церкви, и потомъ допущены были къ осмотру его избранные, а 7-го января и вся публика, хотя по билетамъ, но которые раздавались всѣмъ желавшимъ безъ разбора, кромѣ черни, отъ чего стеченіе любопытныхъ доходило даже до давки. Указомъ 8-го января дворецъ сей, съ службами при немъ и со всѣмъ убранствомъ, пожалованъ былъ великой княгинѣ въ вѣчное и потомственное владѣніе, и повелѣно именовать его Маріинскимъ; а вслѣдъ за тѣмъ молодая чета, жившая до тѣхъ поръ въ Зимнемъ дворцѣ, перѣехала на свое новоселье.

Немедленно по вступленіи на престолъ императора Николая I-го у всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ ¹⁾ бѣлыя панталоны съ ботфортами были замѣнены брюками, и прежняя форма сохранена только для генераловъ ²⁾, съ обязанностью носить ее въ извѣстные праздники въ продолженіе цѣлаго дня. Такимъ образомъ, въ то время, когда молодежи дано было это важное облегченіе, люди болѣе или менѣе пожилые, дослужившіеся до высшаго званія, оставались при прежней тягостной формѣ, равнявшейся для многихъ почти невозможности показываться въ праздники на улицахъ и въ обществѣ. Комитетъ, существовавшій подъ предсѣдательствомъ великаго князя Михаила Павловича, о пересмотрѣ устава строевой службы, въ 1843 году представлялъ объ уничтоженіи такой несообразности; но государь тогда на это не соизволилъ, и переимѣна формы послѣдовала уже только въ 1845 г., главнѣйше по настояніямъ наслѣдника цесаревича. Въ самый день новаго года состоялся приказъ, чтобы генераламъ, въ опредѣленные праздники, быть въ парадной формѣ только до развода. Въ этотъ же день сдѣланы были и разныя другія переимѣны въ военномъ обмундированіи: такъ къ каскамъ, замѣнившимъ прежнія трехъугольныя шляпы, даны металлическія кокарды; гусарамъ, вмѣсто имѣвшихся у нихъ вицъ-мундировъ, велѣно носить всегда венгерки и пр.

18-го января скончался, 69-ти лѣтъ отъ роду, членъ Государственнаго Совѣта Алексѣй Самойловичъ Грейгъ, англичанинъ родомъ и подданствомъ, сынъ знаменитаго въ Екатерининскій вѣкъ адмирала, и самъ стяжавшій себѣ славу какъ морякъ и какъ ученый. Всю карьеру свою онъ сдѣлалъ во флотѣ, или по крайней мѣрѣ въ флотскомъ мундирѣ. Бывъ зачисленъ въ службу въ самый годъ своего рожденія (1775) и трижды посыланъ потомъ, въ отроческомъ и юношескомъ возрастахъ,

¹⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: „кромѣ гвардейскихъ кирасирскихъ полковъ“.

²⁾ Императоръ Александръ II прибавилъ: „и флигель-адъютантовъ“.

въ Англію, для усовершенствованія въ морскомъ дѣлѣ, участвовавъ во всѣхъ кампаніяхъ, Грейгъ съ 1816-го по 1833-й годъ несъ званіе и обязанности главнаго командира Черноморскихъ флота и портовъ и Николаевского и Севастопольскаго военнаго губернатора. Въ продолженіе этого времени онъ произведенъ въ адмиралы (1828) и получилъ императорскій шифръ на эполеты (1829), а въ 1833 пожалованъ въ члены Государственнаго Совѣта—гдѣ перебивалъ во всѣхъ департаментахъ, кромѣ только департамента законовъ; въ 1834 году внесенъ въ списокъ состоящихъ при особѣ его величества и наконецъ 6-го декабря 1843 года пожалованъ Андреевскимъ кавалеромъ. Изъ морскихъ его подвиговъ самыми блестящими были: покореніе, въ 1828 году, Анапы, содѣйствіе, въ томъ же году, къ завоеванію Варны и взятіе, въ 1829 году, крѣпостей: Миссесмврии, Ахіоло, Ніады и Мидіи. За отличія подъ Варною, «не знавшей еще—какъ сказано въ рескриптѣ,—силы русскаго оружія», онъ получилъ 2-го Георгія, котораго знаки императоръ Николай самъ возложилъ на него, 29-го сентября 1828 года, на кораблѣ «Парижъ». Между гражданскими или административными его заслугами важнѣйшею должно назвать возбужденіе мысли объ учрежденіи Пулковской астрономической обсерваторіи и жаркое содѣйствіе къ ея осуществленію. Грейгъ былъ человекъ добрый, кроткій, благородный, при томъ очень скромный, безъ свойственной его націи холодной надменности. Въ отношеніи къ умственнымъ его силамъ мнѣнія различествовали. Сперанскій называлъ его «ученымъ дуракомъ». Думаю, что тутъ было преувеличеніе. Не имѣвъ, конечно, дарованій генія, Грейгъ былъ, однако жъ, человекъ разсудительный и если въ ежедневномъ обиходѣ жизни онъ отличался чрезвычайнымъ простосердечіемъ, то, при вопросахъ государственныхъ, у него проблескивали нерѣдко основательныя, иногда и оригинальныя мысли. Такъ, напримѣръ, когда въ 1839-мъ году, при разсмотрѣніи дѣла объ уничтоженіи простонароднаго лажа на монету, одно предположеніе смѣнялось другимъ, онъ представилъ очень, какъ мнѣ казалось, дѣльный проектъ о томъ, чтобы за монетную единицу взять кружокъ, равный четвертаку, назвавъ его рублемъ,—мысль, едва-ли не основательнѣе той, которая была тогда принята (обращеніе въ монетную единицу—цѣлковаго) и въ послѣдствіяхъ своихъ повлекла страшное возвышеніе цѣнъ на всѣ предметы. Затѣмъ не Грейгова вина была, что въ Государственномъ Совѣтѣ его помѣстили въ Гражданскій департаментъ, гдѣ онъ, нисколько не приготовленный къ дѣламъ этого рода, сдѣлался совершенно бесполезенъ и точно могъ казаться ограниченнымъ. Пользовавшись въ прежнее время общимъ почетомъ, уважаемый и отличаемый государемъ, наконецъ всѣми любимый, Грейгъ утратилъ много изъ того черезъ бракъ съ проницливою жидовкою, дотогѣ его наложницею, которая, во время

его управленія Черноморскимъ флотомъ, позволяла себѣ, въ роли адмиральши, какъ по крайней мѣрѣ всѣ тогда говорили, разные не-благовидные поступки. Съ тѣхъ поръ, потерявъ расположеніе къ себѣ государя, бѣдный старикъ сдѣлался, для публики, болѣе или менѣе предметомъ насмѣшекъ и почти пренебреженія, такъ что пожалованіе ему Андреевской ленты возбудило общее порицаніе противъ исходатайствовавшаго ее князя Васильчикова. Въ послѣдніе годы, изнуренный болѣе еще болѣзнію, нежели лѣтами, одряхлѣвшій, оглохшій и, дѣйствительно, уже выжившій изъ ума, Грейгъ только прозябалъ, и каждого невольно бралъ смѣхъ при увѣреніяхъ его жены, все еще тревожимой видами честолюбія, будто бы ея «Алексѣй Самойловичъ» проводить цѣлыя ночи за чтеніемъ совѣтскихъ записокъ. «Видно,— говорили шутники,— эти-то бессонныя ночи онъ и старается вознаграждать въ Совѣтѣ», гдѣ въ самомъ дѣлѣ Грейгъ постоянно дремалъ—и иногда предавался даже глубокому сну.

Обрядъ отпѣванія тѣла Грейга происходилъ въ Англиканской церкви (на Англійской набережной), которая впервые еще отдавала послѣдній долгъ члену Государственнаго Совѣта. Въ противоположность съ другими вельможами, у которыхъ на похоронахъ обыкновенно бываетъ менѣе людей, нежели стекалось на ихъ вечера, къ бездыханному тѣлу бѣднаго Грейга собралось несравненно болѣе, чѣмъ видывали на его балахъ, называвшихся въ городѣ «жидовскими». Съ скромнымъ и отчасти застѣнчивымъ характеромъ своимъ, онъ если бы тутъ очнулся, умеръ бы, я думаю, во второй разъ, при видѣ, съ одной стороны, какъ для него собрались весь Совѣтъ, весь флотъ, вся Академія наукъ, вся военная свита государева, множество англичанъ и пр., а съ другой стороны, какъ неистово, посреди этого многочисленнаго собранія, завывала и ломалась его вдова. Наслѣдникъ цесаревичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ также присутствовали при церемоніи и, чтобы начать ее, ожидали только государя, котораго и лошадь уже была приведена (для командованія войсками), какъ вдругъ онъ прислалъ сказать, что не можетъ быть. Никто изъ насъ не могъ разгадать причины этого внезапнаго отказа; но она, къ несчастію, объяснилась слишкомъ скоро. Въ то время со дня на день ожидали изъ Висбадена вѣсти о разрѣшеніи отъ бремени великой княгини Елисаветы Михайловны, сочетавшейся въ прошломъ году съ герцогомъ Нассаускимъ. И вдругъ, именно въ то время, когда долженъ былъ начаться печальный обрядъ, прискакалъ флигель-адъютантъ герцога графъ Боосъ, съ извѣстіемъ, что великая княгиня, разрѣшась дочерью, вмѣстѣ съ нею вслѣдъ за тѣмъ скончалась. Разумѣется, что послѣ этого государь, къ которому первому Боосъ явился, уже былъ не въ силахъ вѣхать на похороны Грейга, гдѣ

присутствовалъ несчастный отецъ, ничего не подозрѣвавшій ¹⁾. Вы ждавъ конецъ церемоніи, государь отправился въ Михайловскій дворецъ. Видѣвшіе, какъ онъ входилъ къ брату, рассказывали потомъ, что на немъ не было лица и что даже губы его тряслись.

— Nous venons de recevoir un courrier, Michel ²⁾.

— Eh bien—отвѣчалъ радостно великій князь, который еще наканунѣ, на маленькомъ вечерѣ у великой княгини Маріи Николаевны, гдѣ праздновалось ея новоселье, былъ необыкновенно веселъ и часто, среди шутокъ, говорилъ, что въ эту минуту онъ, можетъ статься, уже дѣдушка: «Eh bien: suis-je déjà grand-père? Est-ce un petit—ou une petite?» ³⁾

У государя, такъ недавно еще сраженного собственною утратою ⁴⁾, не достало силъ отвѣчать. Онъ могъ только броситься на грудь брата, всегда столь свято ему преданнаго.....⁵⁾ Великой княгинѣ-матери онъ еще менѣе чувствовалъ себя въ состояніи нанести этотъ ударъ; роковая вѣсть была передана ей Мандтомъ.

Примѣчательно, что, по извѣстіямъ Бооса, слышаннымъ мною отъ него самого, великая княгиня разрѣшилась дочерью, которая прожила менѣе дня; газетная наша статья, сопровождавшая манифестъ, увѣряла, что это былъ принцъ, не прожившій и однѣхъ сутокъ, а прибывшія сюда въ тотъ же день прусскія газеты, въ статьѣ изъ Нассаускаго герцогства, рассказывали, будто бы великая княгиня скончалась, разрѣшившись наканунѣ мертвою дочерью, такъ что публика наша долго сомнѣвалась, что-же наконецъ считать правдою.

Великая княгиня Елена Павловна долго просила и настаивала, чтобы трауръ по покойной былъ только домашній; но государь никакъ на это не согласился, и все было сдѣлано такъ, какъ при кончинѣ собственной его дочери ⁶⁾.

Простой нашъ народъ, разсуждая по-своему объ этихъ плачевныхъ событіяхъ, говорилъ, что инаго и ожидать нельзя было, потому что

¹⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „государь узналъ это отъ меня, а я отъ гр. Нессельрода, который, получивши горестное извѣстіе, пріѣхалъ ко мнѣ, боясь прямо объявить о томъ государю. — Это было именно въ ту минуту, какъ я шелъ къ батюшкѣ, чтобы съ нимъ ѣхать на похороны.

²⁾ Только-что пришла почта, Миша.

³⁾ Что, я дѣдушка? мальчикъ или дѣвочка?

⁴⁾ Потерю великой княгини Александры Николаевны. — Елисавета Михайловна скончалась 16-го января, въ самый день бракосочетанія Александры Николаевны, предшедшей ей и на брачное ложе, и въ гробъ.

⁵⁾ Точки въ подлинникѣ.

⁶⁾ Трауръ былъ, впрочемъ, снятъ нѣсколько прежде срока, только по случаю разрѣшенія цесаревны великимъ княземъ Александромъ Александровичемъ.

младшихъ дочерей выдали за мужъ прежде старшихъ и при томъ въ высокосный годъ.

Впоследствии самъ великій князь, Михаилъ Павловичъ рассказывалъ мнѣ, что, пріѣхавъ на похороны Грейга въ какомъ-то особенно грустномъ настроеніи духа, котораго не могъ самъ себѣ объяснить, онъ былъ встрѣченъ наслѣдникомъ цесаревичемъ (знавшимъ уже все отъ государя), съ совершенно измѣнившимся лицомъ, почти съ слезами на глазахъ, и хотя онъ избѣгалъ всякаго отвѣта, однако видъ его не могъ не усилить еще болѣе тревожнаго чувства великаго князя. Воротясь домой, Михаилъ Павловичъ нашелъ у себя Мандта и если посѣщеніе государева лейбъ-медика его не удивило, потому что въ послѣднее время Мандтъ очень часто къ нему пріѣзжалъ для бесѣдъ о разстроившемся здоровьи государя, однако и въ выраженіи его лица, и въ направленіи разговора онъ замѣтилъ что-то необыкновенное, мрачное и только-что хотѣлъ спросить о причинѣ, какъ вошелъ государь. Появленіе его часомъ ранѣе обыкновеннаго времени его посѣщеній, а потомъ и самый видъ его не долго оставили великаго князя въ недоумѣніи....

Отъ самого же великаго князя я слышалъ, что дочь его понравилась герцогу, еще въ 1840-мъ году, во время пребыванія въ Эмсѣ, когда ей было всего 14 лѣтъ, и что герцогъ тогда же получилъ втайнѣ согласіе великой княгини-матери, которое въ 1843-мъ году было подтверждено и формальнымъ соизволеніемъ государя. Начало нервической болѣзни, выразившейся очень сильно при отъѣздѣ Елисаветы Михайловны, послѣ брака, изъ Петербурга и не оставившей уже ее до кончины, относилось къ тому же 1843 году, когда она, вмѣстѣ съ матерью и сестрами, жила въ Бингенѣ. Тутъ, прогуливаясь однажды верхомъ, она, отъ внезапнаго движенія лошади, почувствовала сотрясеніе въ затылкѣ и спинной кости, за которымъ тотчасъ послѣдовалъ нервическій припадокъ.

Въ январѣ скончался въ своемъ имѣніи, Полтавской губерніи, мѣстечкѣ Яготинѣ, внукъ по матери и воспитанникъ знаменитаго генераль-фельд-маршала князя Николая Васильевича Репнина, бывший членъ Государственнаго Совѣта и генераль-адъютантъ князь Николай Григорьевичъ Репнинъ-Волконскій. Первая изъ этихъ фамилій присвоена ему была по кончинѣ дѣда, когда погасъ родъ Репниныхъ въ мужской его линіи. Отецъ его, генераль-аншефъ князь Григорій Волконскій, былъ человекъ тоже очень извѣстный въ своемъ родѣ. Ѣздя по Петербургскимъ улицамъ безъ мундира или сюртука, въ одномъ камзолѣ и съ непокрытою головою, онъ заходилъ, на пути, въ каждую церковь прикладываться къ иконамъ и вообще старался поддѣлываться, во внѣшнихъ пріемахъ, подъ всѣ причуды и странности Суворова. Князь Николай Гри-

горьевичъ служилъ и на полѣ брани, и на поприщахъ дипломатическомъ и гражданскомъ, былъ посланникомъ при дворахъ братьевъ Наполеоновыхъ, Іеронима и Іосифа, послѣ лейпцигской битвы управлялъ Саксонскимъ королевствомъ и потомъ, состоявъ 18 лѣтъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, былъ назначенъ, съ увольненіемъ отъ этой должности, членомъ Государственного Совѣта. Вдругъ открылось расхищеніе, за время его управленія Малороссією, съ громкою, гласною молвою о личномъ его въ томъ участіи, суммъ полтавскаго приказа общественнаго призрѣнія, и Репнинъ былъ уволенъ (кажется, въ 1835-мъ или 1836 году), безъ прошенія, вовсе отъ службы. Остатокъ своей жизни, посрамленный такимъ образомъ послѣ долговременной и отчасти блестящей карьеры, онъ влачилъ за границею и въ Яготинѣ, не достигнувъ уже никогда возстановленія гражданской своей чести. Репнинъ, человекъ умный и просвѣщенный, отличался, однако, всегда чрезвычайнымъ легкомысліемъ и большою расточительностію. Онъ былъ женатъ на сестрѣ жены министра народнаго просвѣщенія Уварова и дочери графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, бывшаго тоже нѣкогда министромъ просвѣщенія.

Зимою 1845 года, сверхъ многихъ публичныхъ чтеній, происходившихъ въ Академіи наукъ, вольномъ экономическомъ обществѣ и проч., впервые учреждены были въ Петербургѣ, по волѣ государя, и публичныя безмездныя лекціи военныхъ наукъ, для всѣхъ желающихъ заняться ими военныхъ офицеровъ. Эти лекціи, обнимавшія тактику, артиллерію и фортификацію, читались офицерами гвардейскаго генеральнаго штаба, артиллерійскими и инженерными, въ обширной залѣ Энгельгардтовскаго дома, на Невскомъ проспектѣ, и съ самаго начала ихъ привлекли многочисленныхъ слушателей.

На углу Большой Морской и Кирпичнаго переулка, тамъ, гдѣ теперь огромный домъ Руадзе ¹⁾, стояло, очень еще недавно, небольшое деревянное зданіе, въ которомъ, прежде, пріѣзжею труппою игрались преимущественно піесы для дѣтей и которое отъ этого времени сохранило названіе Дѣтскаго театра. Въ началѣ великаго поста въ 1845 году афиши объявили, что, со второй недѣли, иностранецъ Раппо съ своею труппою будетъ представлять въ этомъ Дѣтскомъ театрѣ опыты Индѣйскаго жонглерства и «живыя статуи». Послѣднія заключались въ группахъ, или отдѣльныхъ статуяхъ, представлявшихъ, въ вѣрныхъ снимкахъ съ произведеній знаменитѣйшихъ древнихъ и новыхъ художниковъ, живыми людьми, которые появлялись на сценѣ, мужчины и женщины, если и не совершенно нагіе, то прикрытые только прозрачнымъ, плотно прилежавшимъ къ тѣлу трико, обрисовывавшимъ всѣ формы, какъ бы

¹⁾ Нынѣ Елисеева.

его совѣмъ не было. Въ прибавку, трико было тѣлеснаго цвѣта, и только на нѣсколькихъ мужчинахъ, представлявшихъ отдѣльныя статуи, оно имѣло цвѣтъ мрамора. Въ первое представленіе, когда никто еще не зналъ, что тутъ будетъ, пріѣхало въ ложи множество дамъ; но разумѣется, что при первомъ появленіи этого, уже слишкомъ разительнаго подобія живой натурѣ, всѣ принуждены были бѣжать. Представленія въ такомъ видѣ продолжались, однако, очень не долго. Присутствовавшій на одномъ изъ нихъ военный генералъ-губернаторъ Кавелинъ, скандализированный въ высшей степени выводимыми предъ публику возбудительными наготами, представилъ о запрещеніи ихъ. Государь отозвался, что въ такихъ дѣлахъ надо поступать очень осмотрительно, чтобы не разорять понапрасну бѣдныхъ людей, пріѣхавшихъ къ намъ издалека, и что, для произнесенія окончательнаго рѣшенія, онъ сперва самъ посмотритъ это зрѣлище. Дѣйствительно, въ субботу той же второй недѣли поста, государь пріѣхалъ къ Раппо вмѣстѣ съ наслѣдникомъ цесаревичемъ, и этотъ день былъ послѣднимъ въ лѣтописяхъ нагихъ статуй подъ тѣлеснымъ трико. Впослѣдствіи женщинамъ позволили показываться только уже въ платьяхъ или туникахъ, а мужчинамъ хотя и безъ покрововъ, но не иначе, какъ въ бѣломъ трико подъ мраморъ.

Крещеніе великаго князя Александра Александровича, совершенное съ большимъ торжествомъ, ознаменовалось многими наградами, не только важными, но въ нѣкоторомъ смыслѣ даже и государственными. Не перечисляя всѣхъ пожалованій чинами, орденами и пр., назову только тѣ милости этого дня, которыя выходили изъ ряда обыкновенныхъ. Принцу Петру Ольденбургскому, имѣвшему до тѣхъ поръ, въ качествѣ внука императорскаго по женской линіи, титулъ только свѣтлости, пожалованъ былъ, вмѣстѣ съ его супругою, титулъ императорскаго высочества, за то, какъ говорилъ указъ, что онъ «посвящаетъ все время и труды свои на службу и въ знакъ монаршаго вниманія къ симъ его трудамъ и достоинствамъ». Графъ Нессельродъ, носившій съ 1828 года титулъ вице-канцлера, былъ пожалованъ въ государственные канцлеры,—званіе, котораго никто не имѣлъ у насъ со смерти, въ 1834 году, князя Кочубея, пользовавшагося имъ всего, впрочемъ, лишь нѣсколько мѣсяцевъ, съ особою прибавкою: «по внутреннему управленію», изобрѣтенною тогда для означенія, что вліяніе его не простирается на дипломатическую часть; послѣднимъ же канцлеромъ иностранныхъ дѣлъ былъ графъ Николай Петровичъ Румянцовъ. Эта важная награда, возводившая Нессельрода въ уровень съ княземъ Варшавскимъ и выше всѣхъ гражданскихъ чиновъ, потому что, за смертію князя Александра Николаевича Голицына, онъ становился единственнымъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ 1-го класса въ цѣлой имперіи, была встрѣ-

чеиа сочувствіемъ всей публики, рѣдко несправедливой въ своихъ приговорахъ. Управлявъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ болѣе тридцати лѣтъ; проведя Россію черезъ всѣ политическія бури этого длиннаго періода не только здраву и невредиму, но и въ сіяніи славы; пользуясь общимъ уваженіемъ и въ Россіи и во всѣхъ кабинетахъ Европы, столько же искусный и опытный дипломатъ, сколько вообще полезный государственный мужъ, давно уже вписавшій свое имя въ исторію, графъ Нессельродъ дѣйствительно вполнѣ заслужилъ эту награду, и кто же, въ самомъ дѣлѣ, достойнѣе этого знаменитаго ветерана могъ стать въ главѣ нашихъ государственныхъ сановниковъ! Со всѣмъ тѣмъ, бывъ во 2-мъ классѣ еще съ 1823 года, Нессельродъ черезъ повышение свое обошелъ трехъ статскихъ: графа Головкина, Татищева и графа Строганова, двухъ военныхъ: князя Волконскаго и Ермолова, и еще одно лицо, представлявшее въ нашей администраціи нѣчто въ родѣ амфибіи, именно графа Мордвинова, который, при титулѣ адмирала, носилъ всегда фракъ. Но первые три были—слѣпцы, давно уже удалившіеся съ поприща гражданской дѣятельности, хотя и продолжавшіе числиться членами Государственнаго Совѣта; Ермоловъ и Мордвиновъ точно также состояли лишь въ спискахъ, первый находясь въ безсрочномъ отпуску, а послѣдній не оставляя, по старости и дряхлости, уже нѣсколько лѣтъ своей комнаты ¹⁾.

Итакъ, изъ всѣхъ шести обойденныхъ, въ дѣйствительной службѣ, и при томъ очень тяжелой, по званію министра императорскаго двора, съ которымъ соединялось и нѣсколько другихъ должностей, состоялъ одинъ только князь Волконскій, произведенный въ генералы-отъ-инфантеріи еще въ 1817 году. Ему, по этому случаю, пожаловано было одновременно, изъ суммъ удѣльнаго вѣдомства, четыреста тысячъ рублей сер., и хотя едва-ли кто прежде него получалъ у насъ такую огромную денежную награду, однако почтенный старецъ худо скрывалъ свое огорченіе.

— На что мнѣ деньги, — говорилъ онъ, — когда я и такъ живу на всемъ готовомъ отъ двора, дочь моя замужемъ, оба сына женаты, и не только состояніе ихъ обезпечено, но всѣ они даже богаты.

Кромѣ его самого, были и другіе, которые за него обижались.

— Если бъ у насъ были въ обычаѣ и въ правѣ народные адреса, — говорилъ мнѣ безрукій старикъ Скобелевъ, столько же извѣстный своими военными подвигами, какъ и литературными трудами, — то вся армія подписала бы адресъ о пожалованіи князю Петру Михайловичу фельд-маршальскаго жезла.

¹⁾ Крестины происходили 17-го марта, а 30-го того же мѣсяца графъ Мордвиновъ скончался.

— Дѣйствительно,—прибавляли другіе,—начальникъ главнаго штаба и сподвижникъ всѣхъ военныхъ дѣйствій покойнаго императора имѣлъ бы не менѣе, можетъ статься, права на титулъ фельдмаршала, нежели дипломатическій статсъ-секретарь Александра на титулъ канцлера, а пожалованіе этого высшаго военнаго сана въ мирное время бывало нерѣдко въ прежнія царствованія ¹⁾).

Князю Васильчикову, который былъ хотя и не старше Нессельрода, однако произведенъ во 2-й классъ въ одинъ съ нимъ день, пожалованъ маіоратъ, состоявшій изъ мѣстечка Тауеррогена съ восемью другими еще ключами и оцѣненный, по казенному аншлагу, въ 20.000 руб. сер. ежегоднаго дохода, но приносившій, какъ увѣряли, еще гораздо болѣе—награда, напоминавшая щедроты Екатерины къ ея любимцамъ. Имѣніе Тауеррогенъ куплено было, собственно съ этою цѣлю, у графа Зубова, съ освобожденіемъ, для обезпеченія Васильчикову полнаго дохода, отъ всѣхъ долговъ кредитнымъ установленіямъ и съ обращеніемъ крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные. По общему, изданному въ 1842 году положенію о жалуемыхъ въ западныхъ губерніяхъ маіоратахъ, оно должно было, послѣ смерти князя, перейти нераздѣльно къ старшему сыну; но этотъ сынъ былъ отъ первой жены (рожденной Протасовой), а князь имѣлъ еще нѣсколькихъ сыновей и отъ второй (рожденной Пашковой); вслѣдствіе того графъ Киселевъ, прискивая, по приказанію государя, имѣніе для маіората, выбралъ именно такое, которое со всѣмъ удобствомъ могло быть раздѣлено на двѣ части, на случай, если бы князь пожелалъ просить о предоставленіи одной въ пользу старшаго отъ втораго его брака сына, что впослѣдствіи точно и случилось. Въ тотъ же день Вронченко утвержденъ былъ министромъ финансовъ, что, впрочемъ, послѣ самостоятельнаго управленія имъ этимъ министерствомъ, не удивило уже болѣе нашей публики. Наконецъ, одна еще награда, обратившая на себя общее вниманіе, заключалась въ пожалованіи митрополиту Антонію, очень не за долго передъ тѣмъ возведенному въ этотъ санъ, Андреевской ленты мимо Владимірской.

— Хорошо,—говорили завистники,—шагнуть въ восемь лѣтъ изъ капитановъ въ Андреевскіе кавалеры!

Этимъ хотѣли намекнуть на то, что преосвященный Антоній всего лишь за восемь лѣтъ до этой эпохи былъ постриженъ изъ бѣлыхъ священниковъ въ монашество.

Кстати о наградахъ и о необыкновенной щедрости въ нихъ императора Николая къ лицамъ, осчастливленнымъ его благоволеніемъ. Вотъ, для примѣра, перечень того, что Васильчиковъ, въ собственномъ

¹⁾ Извѣство, что князь Волконскій и былъ пожалованъ въ генералъ-фельдмаршала, но уже гораздо позже, именно въ 1850 году.

лицѣ своемъ или въ членахъ своего семейства, получилъ со времени назначенія его предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ, т. е. съ 9-го апрѣля 1838 года по апрѣль 1845 года или въ продолженіе всего семи лѣтъ:

6-го декабря 1838 года старшая дочь его пожалована въ фрейлины.

1-го января 1839 года онъ съ потомствомъ возведенъ въ княжеское достоинство.

14-го апрѣля 1840 года аренда въ 12.000 т. р. сер. на 24 года.

14-го апрѣля 1841 года портретъ государя для ношенія на шеѣ.

1-го января 1843 года пожалована во фрейлины вторая, 10-ти-лѣтняя дочь его и Ахтырскому гусарскому полку велѣно называться его именемъ.

Въ томъ же 1843 году одинъ изъ его сыновей пожалованъ въ флигель-адъютанты, а два его внука, сыновья полковника Лужина, записаны въ Пажескій корпусъ, въ который постановлено закономъ принимать сыновей только генералъ-лейтенантовъ.

17-го марта 1845 года—Тауеррогенскій маіоратъ.

Кромѣ этихъ наградъ, государь безпрестанно, можно сказать ежедневно, осыпалъ князя знаками милостиваго своего вниманія и благорасположенія драгоцѣннѣйшими для подданнаго всякихъ виѣшнихъ отличій. Между множествомъ случаевъ, служившихъ тому доказательствомъ, приведу теперь одинъ. Для постоянныхъ докладовъ князя назначены были вторники; но на Страстной недѣлѣ въ 1845 году онъ не поѣхалъ во дворецъ, отозвавшись неимѣніемъ дѣлъ; въ пятницу той же недѣли я случился у князя въ то время, когда готовились служить въ домовоі его церкви вечерню, на которую съѣхалось нѣсколько родственниковъ и друзей. Вдругъ входитъ камердинеръ:

— Ваше сіятельство, сейчасъ былъ здѣсь государь; но, увидѣвъ у подвѣзда много экипажей, подозвалъ швейцара и спросилъ: нѣтъ ли какого семейнаго праздника; когда же швейцаръ отвѣчалъ, что это гости, съѣхавшіеся къ вечернѣ, то сказалъ:

— Ну доложи князю, что я заѣжалъ потому, что мы не видѣлись во вторникъ, но не хотѣлъ его беспокоить и мѣшать молиться, а завтра опять заѣду.

Если кто зимою и въ началѣ зимы 1845 года (я еще нѣсколько лѣтъ послѣ) хотѣлъ навѣрное встрѣтить императора Николая лицомъ къ лицу, стоило только около 3-хъ часовъ передъ обѣдомъ пойти по Малой ¹⁾ Морской и около 7-ми часовъ по Большой ²⁾. Въ это время онъ посѣ-

¹⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: „По Большой“.

²⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: „По Малой“.

щалъ дочь свою въ Марининскомъ дворцѣ и, соединяя съ этою цѣлю прогулку пѣшкомъ, или шелъ къ ней, или отъ нея возвращался. Однажды кто-то мимоходомъ сильно толкнулъ его.

— Это что!—спросилъ государь, увидѣвъ въ дерѣкомъ молодого офицера путей сообщенія.

— А что?—возразилъ тотъ.

— Какъ что, милостивый государь: по улицѣ надо ходить осторожнѣе, а если случится кого задѣть, то должно по крайней мѣрѣ извиниться, хотя бъ то былъ мужикъ.

Съ этимъ, спустивъ съ плеча шинель, чтобы показать генеральскія эполеты, государь велѣлъ молодому человѣку идти подъ арестъ на главную гауптвахту и ждать тамъ приказаній, а самъ, воротясь во дворецъ, послалъ за графомъ Клейнмихелемъ, въ присутствіи котораго вытребовалъ передъ себя офицера. Онъ оказался прапорщикомъ Янкевичемъ, изъ поляковъ, обучавшимся еще въ то время въ институтъ путей сообщенія, никогда прежде не видавшимъ государя въ глаза и такъ мало знакомымъ даже и съ Петербургомъ, что, вмѣсто главной гауптвахты, пришелъ сперва на адмиралтейскую; когда же онъ явился на главную, то его не хотѣли туда допустить, какъ арестованнаго, по его рассказу, какимъ-то неизвѣстнымъ генераломъ, и приняли только уже тогда, когда, по дальнѣйшему разспросу, несомнѣнно открылось, къ ужасу его, кто былъ этотъ генералъ. Государь сдѣлалъ ему отеческое увѣщаніе и потомъ сдалъ Клейнмихелю, «на условіи, чтобы эта исторія осталась для Янкевича безъ всякихъ послѣдствій».

Лѣтомъ, въ бытность въ Петербургѣ принца Карла прусскаго, за обѣдомъ, при которомъ и принцъ присутствовалъ, рѣчь коснулась новокатоликовъ, которыхъ ученіе было тогда въ полномъ ходу въ Германіи и составляло общій предметъ и газетныхъ статей, и разговоровъ.

— Я долженъ признаться,—сказалъ государь,—что не считаю ни удобнымъ, ни нужнымъ прикасаться къ дѣламъ совѣсти: для меня совершенно все равно, къ какому изъ христіанскихъ исповѣданій принадлежатъ мои подданные, лишь бы они оставались вѣрноподданными. Одно только исключеніе изъ этого правила я позволилъ себѣ въ отношеніи униатовъ, потому единственно, что всегда считалъ ихъ принадлежащими къ нашей церкви и только отъ нея отторгнутыми.

Принявъ въ основаніе, что не одна только выслуга узаконенныхъ лѣтъ можетъ давать право на производство въ первые офицерскіе чины по военному вѣдомству, но что удостоиваемый долженъ имѣть и познанія, этому званію необходимыя, императоръ Николай, въ 1843 году, велѣлъ унтеръ-офицеровъ производить впредъ въ офицеры не иначе,

какъ по выдержаніи особо установленнаго испытанія въ наукахъ, и, примѣняясь къ сему, составить новыя правила о производствѣ въ первый классный чинъ и по гражданскому вѣдомству. Для исполненія сего, учрежденъ былъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ управлявшаго въ то время дѣлами Комитета министровъ, Бахтина, изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, и написанный имъ проектъ, вмѣстѣ съ замѣчаніями всѣхъ министерствъ, переданъ во II-е отдѣленіе собственной ея величества канцеляріи, для внесенія, съ его мнѣніемъ, въ Государственный Совѣтъ. Здѣсь, въ департаментѣ законовъ (куда я былъ назначенъ съ самаго пожалованія меня членомъ Совѣта), составленъ былъ, уже въ 1844 году, новый проектъ, основанный на трехъ главныхъ началахъ: во-первыхъ, чтобы, для первоначальнаго поступленія въ гражданскую службу, сохранить уже прежде существовавшее испытаніе въ умѣніи читать и писать и въ знаніи первой части грамматики и первыхъ четырехъ дѣйствій ариметики, такъ какъ требовать болѣе значило бы отнять возможность имѣть чернорабочихъ, т. е. писцовъ, безъ которыхъ, пока не изобрѣтено еще машины для переписки бумагъ, ни одно вѣдомство обойтись не можетъ; во-вторыхъ, чтобы въ первый классный чинъ производить только окончившихъ съ успѣхомъ полный курсъ въ гимназіяхъ, или выдержавшихъ соотвѣтственное ему испытаніе; въ третьихъ, чтобы затѣмъ, въ продолженіе службы, никакихъ уже дальѣйшихъ экзаменовъ въ наукахъ не дѣлать, но въ 8-й классъ производить, при прочихъ условіяхъ, лишь окончившихъ успѣшно полный курсъ въ университетахъ или соотвѣтственныхъ имъ заведеніяхъ, а изъ числа прочихъ только тѣхъ, которые, по крайней мѣрѣ, три года занимали, съ одобреніемъ начальства, одну изъ должностей, положенныхъ въ 7-мъ классѣ. Журналъ о семъ департаментѣ законовъ былъ напечатанъ и разосланъ ко всѣмъ членамъ Совѣта; но князь Васильчиковъ, остановивъ докладъ его въ общемъ собраніи, представилъ государю записку, въ которой, доказывая необходимость положить хотя нѣкоторую преграду безпрестанному приливу новаго дворянства, черезъ чины, предлагалъ узаконить, на будущее время, чтобы: 1) военнымъ офицерамъ, не изъ дворянъ, до майорскаго чина, присвоено было одно дворянство личное; 2) въ гражданской службѣ чиновникамъ до 9-го класса предоставить одно личное почетное гражданство, а отъ 9-го до 4-го также одно только личное дворянство; 3) достигшимъ, въ военной службѣ, майорскаго чина, а въ гражданской 4-го класса, дозволить просить о пожалованіи имъ дворянства потомственнаго. Въ одно съ этимъ время подоспѣло особое дѣло по Комитету министровъ, давшее случай распространить подобныя же предположенія и на ордена. По тогдашнему статуту ордена св. Станислава право на полученіе 3-й его степени давалось, между прочимъ: «отличнымъ исправленіемъ, сверхъ настоящей по

службѣ должности, еще другой, высшей, вообще не менѣе года, хотя бы то было и въ разное время». На этомъ основаніи Сенатъ удостоилъ, къ ордену Станислава, вдругъ 60 человекъ, въ томъ числѣ нѣсколько чиновниковъ даже 14-го класса, которымъ списокъ, прежде внесенія въ орденскую думу, былъ представленъ, по установленному порядку, Комитету министровъ. Здѣсь такое огромное представленіе встрѣтило сильную оппозицію, и государь велѣлъ пересмотрѣть орденскіе статуты въ особомъ комитетѣ, назначивъ въ него князя Васильчикова, князя Волконскаго (по званію орденскаго канцлера) и графа Блудова. Комитетъ заключилъ: 1) уничтожить совѣтъ 2-ю и 3-ю степени ордена св. Станислава, сохранивъ одну 1-ю; 2) по 2-й и 3-й степенямъ Анненскаго ордена давать одно дворянство личное, и 3) по орденамъ св. Георгія и св. Владиміра оставить потомственное дворянство для всѣхъ степеней, но съ тѣмъ, чтобы низшія давались не иначе, какъ по статутамъ, черезъ орденскія думы. Всѣ эти предположенія и департамента законовъ, и особаго комитета, состоялись еще въ апрѣлѣ 1844 года; но, по ихъ важности, дѣло не было кончено до вакантнаго времени Государственнаго Совѣта, въ продолженіе котораго поступило множество замѣчаній и возраженій на журналъ департамента законовъ. Предметъ самъ по себѣ былъ такъ популяренъ, такъ доступенъ каждому, что замѣчанія возникли даже и со стороны такихъ членовъ, которые прежде никогда не выражали своего мнѣнія въ Совѣтѣ. Одни находили, что мы слишкомъ затрудняемъ службу, другіе,—что дѣлаемъ слишкомъ мало; однимъ казалось необходимымъ оставить все по-прежнему, тогда какъ другіе пользовались этимъ случаемъ для закрытія почти всѣхъ путей къ пріобрѣтенію вновь дворянства. Словомъ, діаметральная противоположность мнѣній и принятый ими неожиданно широкій размѣръ такъ испугали Васильчикова, что онъ, отказавшись отъ прежней своей мысли, счелъ нужнымъ, прежде окончательнаго разсмотрѣнія дѣла въ общемъ собраніи Совѣта, о всемъ происшедшемъ доложить лично государю, а государь, съ своей стороны, признавъ, что члены, вводя въ свои мнѣнія предметы, совѣтъ не входившіе въ составъ предложеннаго Совѣту дѣла, зашли слишкомъ далеко, предпочелъ совѣтъ отстранить и эти мнѣнія, и тотъ журналъ департамента законовъ, по которому они были представлены. Вслѣдствіе того, онъ велѣлъ передать все дѣло министру юстиціи, графу Панину, для составленія другаго проекта въ прежнихъ границахъ вопроса, т. е., собственно, объ экзаменахъ на первый классный чинъ гражданской службы, безъ перемѣны въ другихъ отношеніяхъ существующаго порядка. Такимъ образомъ, дѣло, которое, при самомъ скромномъ началѣ, приняло было такое важное направленіе, на этотъ разъ возвратилось снова къ прежнимъ ограниченнымъ своимъ размѣрамъ, и возникавшая при семъ важная государственная мысль была

возобновлена и приведена въ дѣйствіе уже только въ 1845 году. Честь возобновленія ея принадлежала князю Васильчикову. Изложивъ, въ пространной исторической запискѣ, всѣ перемѣны по этому предмету, происшедшія со временъ табели о рангахъ Петра Великаго, онъ старался доказать необходимость дальнѣйшаго, существеннѣйшаго преобразованія. Государь, въ началѣ, принялъ это дѣло холодно и даже съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, кажется, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, что оно пошло не отъ него непосредственно, и во-вторыхъ, что тутъ предлагалось ограничить право на пріобрѣтеніе дворянства и для военныхъ офицеровъ, которыхъ онъ всегда считалъ и называлъ своими ¹⁾, уступилъ, однако же, повтореннымъ настояніямъ князя и велѣлъ представить себѣ проектъ, который и былъ написанъ государственнымъ секретаремъ Бахтинымъ, по соглашенію съ графомъ Блудовымъ, и внесенъ потомъ въ Государственный Совѣтъ, просто по высочайшему повелѣнію, безъ упоминованія имени Васильчикова. Въ Совѣтѣ все прошло въ одно засѣданіе, не только безъ сопротивленія, но почти и безъ разсужденій, и, такимъ образомъ, минуя всякую огласку и почти неожиданно, явился достопамятный манифестъ 11-го іюня 1845 года, перенесшій право пріобрѣтенія потомственного дворянства, въ гражданской службѣ, на чинъ статскаго совѣтника, а въ военной—на майорскій ²⁾.

Графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ, возвратившись изъ чужихъ краевъ, послѣ безуспѣшнаго лѣченія, скончался на 73 году отъ рожденія, на нанятой въ Павловскѣ дачѣ, въ ночь съ 9-го на 10-е сентября, послѣ тяжкихъ страданій, отъ поднявшейся вверхъ подагры. Въ моемъ сочиненіи, «Императоръ Николай въ совѣщательныхъ собраніяхъ» ³⁾, я старался изобразить личность и характеристику этого примѣчательнаго государственнаго человѣка, къ которому потомство и исторія, вѣрно, будутъ справедливей, нежели были современники. Истощенный недугами, послѣдствіемъ такой трудовой жизни, въ которой могъ спорить съ нимъ, развѣ только, императоръ Николай, онъ, и на закатѣ ея, все еще проявлялъ искры того генія, которымъ нѣкогда ярко блеснулъ между своими сподвижниками. Между тѣмъ, о предсмертной болѣзни его, продолжавшейся около трехъ недѣль и предвѣщавшей несомнѣнную кончину, въ публикѣ и разговора не было... Съ прекратившимся вышнимъ зна-

¹⁾ Помню, что на одномъ частномъ балѣ, гдѣ какъ-то случилось болѣе статской, чѣмъ военной молодежи, я, стоя возлѣ государя, слышалъ, какъ онъ спросилъ у одного генерала: „Что тутъ такъ мало нашихъ?“

²⁾ Извѣстно, что высочайшимъ указомъ, 9-го декабря 1856 года, уже къ слѣдующему царствованію принадлежащимъ, право сіе, къ общему благоу, еще болѣе затруднено, перенесеніемъ его, въ гражданской службѣ, на чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а въ военной—на полковничій.

³⁾ См. „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“, т. 98

ченіемъ, не оставляя послѣ себя никого въ семьѣ, въ комъ стояло бы искать, онъ пристрадалъ и умеръ почти ни для кого незамѣтно. Отпѣваніе тѣла происходило въ реформатской церкви (въ Большой Конюшенной), откуда погребальная процессія двинулась на Смоленское погребальное кладбище. Десять лентъ, русскихъ и иностранныхъ, свидѣтельствовали о заслугахъ покойнаго; но малочисленность провожавшихъ доказывала, что онъ умеръ не министромъ финансовъ. Похороны были не великолѣпныя. За отсутствіемъ, въ то время, изъ Петербурга государя и наслѣдника цесаревича, изъ членовъ царскаго дома въ церкви находился и провожалъ гробъ, до Исаакіевского моста, одинъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Изъ министровъ не явился почти никто, кромѣ одного Вронченко, который, надо ему отдать справедливость, шелъ пѣшкомъ до могилы; тамъ, посыпавъ землею гробъ своего благодѣтеля и творца, онъ усиливался выдать изъ глазъ нѣсколько слезинокъ, но все это кончилось не совсѣмъ удачною попыткой. Изъ числа какихъ-нибудь ста начальниковъ отдѣлений министерства финансовъ не было на похоронахъ и десяти, а Петербургская биржа, считавшая въ составѣ своемъ около трехъ сотъ купцовъ, явилась на церемонію въ числѣ восьми человѣкъ! Эти торгаши въ одинъ мигъ забыли все, чѣмъ были обязаны покойному, и не захотѣли даже однимъ, послѣднимъ, безкорыстнымъ поклономъ покрыть все прежнее свое низкопоклонничество передъ сильнымъ министромъ. По смерти банкира барона Штиглица, биржа была закрыта цѣлый день, а по смерти Канкринна не заперли ни на минуту даже мелочной лавочки. Но послѣ Штиглица оставался сынъ, вступавшій въ его права... ¹⁾. Очень извѣстный, въ то время, реформатскій пасторъ Муральтъ, первый и искренній другъ покойнаго, но слабый проповѣдникъ, находился, во время его смерти, за границею, и потому надгробное слово произнесъ другой пасторъ, племянникъ перваго, Муральтъ же, который къ малому дару слова дяди присоединялъ и необыкновенную скудость мыслей. Главное достоинство его рѣчи, немаловажное въ дурномъ ораторѣ, заключалось въ ея краткости.

По вѣчнымъ законамъ природы, рѣдкая трагедія на свѣтѣ обходится безъ комедіи. Смерть Канкринна также не избѣгла этой участи. Современники, вѣроятно, въ память того, что покойникъ, при жизни, немилосердно обходился съ русскимъ языкомъ, заставили его и изъ гроба казнить наше родное слово. Въ «Сѣверной Пчелѣ» напечатана была о немъ

¹⁾ Впослѣдствіи, однако, петербургское биржевое купечество опредѣлило отдѣлить, изъ своей кассы, 17.500 руб. сер. для воспитанія, на проценты съ этой суммы, одного или нѣсколькихъ сыновей обѣдѣвшихъ биржевыхъ купцовъ, подъ названіемъ „Пансіонеровъ с.-петербургскаго биржеваго купечества, въ память графа Егора Францовича Канкринна“.

слѣдующая безграмотная фраза: «Всѣмъ глубоко уважаемый и искренно сожалѣемый» и т. д.

Другія газеты наши увѣковѣчили, съ своей стороны, эту фразу, тиснувъ ее, разумѣется, безъ перемѣны, въ своихъ столбцахъ.

«Жить значить—переживать», сказалъ какой-то французскій писатель; и дѣйствительно, если не ведущій современнаго некрологическаго списка какъ бы менѣе замѣчаетъ раздражающіеся вокругъ него удары смерти, то набрасывающій свои замѣтки на бумагу тѣмъ болѣе видитъ, какъ пустѣютъ ряды, и какъ исчезаетъ одна историческая знаменитость за другою. Въ сентябрѣ, въ одно почти время съ Канкринымъ, скончался Дмитрій Павловичъ Татищевъ, бывшій долго посломъ нашимъ при испанскомъ и потомъ при австрійскомъ дворѣ, а впослѣдствіи пожалованный въ члены Государственнаго Совѣта и въ оберъ-камергеры.

Татищевъ принадлежалъ къ числу умѣйшихъ людей нашего вѣка и занималъ блестящую степень въ дипломатическомъ кругу. Было время, что публика предназначала его въ предсѣдатели Государственнаго Совѣта; самъ же онъ простиралъ свои виды на званіе государственнаго канцлера, даже до такой степени, что возведеніе въ этотъ санъ графа Нессельрода счелъ для себя смертельнымъ оскорбленіемъ. Въ Государственномъ Совѣтѣ, прибывъ въ Петербургъ уже полуслѣпымъ. (послѣ онъ совершенно ослѣпъ), Татищевъ не игралъ, впрочемъ, никакой роли и не произносилъ никогда ни одного слова; незнакомый съ дѣлами судебными и административными, мало знавшій и вообще Россію, потому что всю почти жизнь провелъ за границею, онъ былъ слишкомъ неопытенъ въ предметахъ внутренняго управленія, чтобы давать по нимъ полезный совѣтъ, и слишкомъ уменъ, чтобы обнаруживать свою неопытность или выходить на ораторскую нашу арену съ чѣмъ-нибудь обыкновеннымъ, площаднымъ. Въ кругу людей, которые стояли ниже его, Татищевъ облачился въ формы холоднаго высокомерія, даже нѣкоторой аффектаціи, гордости; но съ равными или съ тѣми, кто ему особенно нравился, онъ былъ необыкновенно любезнымъ собесѣдникомъ, соединяя въ себѣ, со многими оригинальными взглядами, наблюденія глубокой опытности и близкаго знакомства со свѣтомъ и людьми. Въ Вѣнѣ, среди тамошней блестящей аристократіи, домъ его долго считался первымъ по богатству, роскоши и вкусу. По переѣздѣ въ Петербургъ, онъ не жилъ открыто, но имѣлъ тоже великолѣпно убранный домъ (на Фонтанкѣ, между Аничкинымъ и Симеоновскимъ мостами, наискось отъ Екатерининскаго института) и потомъ выстроилъ еще другое зданіе съ какимъ-то необыкновеннымъ фасадомъ (на Караванной улицѣ), для помѣщенія въ немъ своихъ богатыхъ и разнообразныхъ коллекцій, цѣлаго музея, собраннаго имъ въ чужихъ краяхъ съ большими трудами и издержками. Кромѣ этихъ коллекцій и домовъ едва-ли много нашлось послѣ него. При пыш-

номъ и неразсчитливомъ образѣ жизни, безъ большаго личнаго достатка, онъ прожилъ огромныя состоянія и первой и второй своихъ женъ, послѣ чего, несмотря на огромное также служебное содержаніе, императоры Александръ и Николай не разъ уплачивали значительныя его долги. Наслѣдникомъ его имени остался послѣ него только его братъ, не занимавшій никакого поста и жившій въ деревнѣ; но тѣмъ многочисленнѣе, какъ гласила злая молва, было его внѣбрачное потомство.

Проводя лѣто 1845 года въ Карлсбадѣ, я ежедневно видѣлся тамъ съ Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ. Кто помнитъ послѣдніе годы царствованія императора Александра, тому не могли не быть извѣстны и оба брата Тургеневы: Александръ, любимецъ князя Александра Николаевича Голицына, членъ тогдашняго Совѣта коммисіи составленія законовъ, правившій должность статсъ-секретаря въ департаментѣ законовъ Государственнаго Совѣта и бывшій, вмѣстѣ съ тѣмъ, директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, находившагося подъ управленіемъ Голицына, и Николай, который, нося скромное званіе помощника статсъ-секретаря въ департаментѣ государственной экономіи, игралъ довольно значущую роль по связямъ и вліянію на дѣла своего департамента, издавалъ очень примѣчательный для той эпохи «Опытъ теоріи налоговъ» и—въ тайнѣ замышлялъ низверженіе государственнаго нашего порядка и царствующей династіи, принимавъ дѣятельное участіе въ злоумышленіяхъ, обнаружившихся бунтомъ 14-го декабря 1825 года.

Судьба одного брата не могла не отразиться и на другомъ, связанномъ съ нимъ тѣсною дружбою. Николай, человѣкъ, какъ сказывали, блестящаго ума (я лично очень мало былъ съ нимъ знакомъ), хотя и съ ложнымъ направленіемъ, во время событій 14-го декабря и открывшихся противъ него по слѣдствію уликъ, находился въ чужихъ краяхъ. По полученіи извѣстія объ исходѣ возмущенія, онъ тотчасъ бѣжалъ въ Англію и, уклонившись отъ вызова нашего правительства явиться къ суду, былъ осужденъ заочно и причисленъ къ разряду важнѣйшихъ государственныхъ преступниковъ. Съ тѣхъ поръ, продолжая горячо любить отечество, онъ влачилъ печальную жизнь свою то въ Лондонѣ, то въ Парижѣ, гдѣ наконецъ женился и существовалъ единственно пособіями старшаго брата. Послѣдній, Александръ, несмотря на добродушіе, большія свѣдѣнія, огромную начитанность и необыкновенную память, никогда не былъ человѣкомъ полезнымъ, по крайней мѣрѣ въ служебномъ отношеніи. Высокомѣрный до нестерпимой заносчивости, ставившій себя выше всѣхъ по уму и познаніямъ, презиравшій всегда и начальниковъ своихъ, и всѣхъ равныхъ, онъ почасту со всѣми ссорился и затѣвалъ исторіи, а что еще хуже, всѣ свои дарованія подавлялъ жестокою, циническою лѣнью. И за столомъ, и въ обществѣ, мужскомъ и

дамскомъ, точно такъ же, какъ за дѣлами и бумагами, Тургеневъ безпрестанно погружался въ сибаритскую дремоту, раздѣляя свое время, подъ предлогомъ и прикрытіемъ обремененія государственными занятіями, между сномъ и насыщеніемъ, не уступавшимъ, по своимъ размѣрамъ, его лѣни. Послѣ осужденія Николая, Александръ, хотя и не замѣшанный лично въ заговоръ, но разъяренный противъ правительства, бросилъ всѣ свои петербургскія должности, и бывъ, по великодушію императора Николая, не хотѣвшаго разлучить его навсегда съ братомъ, отправленъ въ чужіе края, для изысканій по части русской исторіи въ иностранныхъ архивахъ, основалъ главное свое пребываніе въ Парижѣ. Въ этой новой сферѣ, сдѣлавшись полновластнымъ распорядителемъ своего времени, онъ оказалъ Россіи гораздо болѣе услугъ, нежели прежнюю свою службу. Плодомъ его поисковъ были изданные въ Петербургѣ нашимъ правительствомъ историческіе, частью очень важные памятники и акты ¹⁾. Но, по его мнѣнію, у него, кромѣ этого, собрано было еще множество другихъ драгоцѣнныхъ свѣдѣній и документовъ, русскихъ и заграничныхъ, частью заявленныхъ правительству, частью же оставленныхъ имъ про себя. Незадолго до нашего свиданія въ Карлсбадѣ, онъ былъ уволенъ въ отставку, съ чиномъ тайнаго совѣтника, а потомъ, по окончаніи курса водъ, поѣхалъ въ Россію, кажется, съ тайнымъ желаніемъ быть пожалованнымъ въ сенаторы и при томъ съ присутствованіемъ въ московскихъ департаментахъ; но въ Москвѣ застала его смерть, 5-го декабря того же года. Нѣкогда другъ Карамзина, Жуковского и Батюшкова, покровитель первыхъ шаговъ Пушкина, близкій ко всѣмъ знаменитостямъ и значительнымъ лицамъ своей эпохи, знакомый со всѣми ея дѣлами и событіями, жившій всегда въ высшемъ обществѣ, наконецъ, одаренный, какъ я уже сказалъ, чрезвычайною памятью, Тургеневъ обладалъ неоцѣненнымъ запасомъ воспоминаній ²⁾. Бесѣда его была очень оживлена этими воспоминаніями, къ которымъ онъ безпрестанно возвращался. но утомляла слушателей тѣмъ, что всегда и вездѣ на первомъ планѣ являлся—онъ самъ. Давно сойдя съ театра дѣйствительности, мало зная, по отношенію къ Россіи, современную обстановку и возникшихъ послѣ него новыхъ дѣятелей этого театра, живя вообще только въ прошедшемъ, онъ представлялъ, въ моральномъ мірѣ, родъ «*si-de-vant jeune homme*», который все еще кокетничаетъ своимъ былымъ, въ

¹⁾ Они вышли подъ заглавіемъ: „Historica Russiae monumenta, Petropoli“ 1841—1842 г., въ двухъ большихъ томахъ въ 4-ю д. листа.

²⁾ Послѣ него остался дневникъ изъ нѣсколькихъ толстыхъ фоліантовъ, изъ котораго онъ печаталъ въ журналахъ отрывки подъ псевдонимомъ „Эолова Арфа“. Дневникъ этотъ, говорятъ, былъ доведенъ до послѣднихъ дней его жизни.

увѣренности, что оно точно такъ же интересуеть другихъ, какъ и его самого. Въ разговорахъ о своемъ братѣ, онъ часто жаловался мнѣ, что факты о немъ въ извѣстномъ «Донесеніи слѣдственной комиссіи» были изложены превратно и иногда даже и совсѣмъ ложно. На вопросъ мой, отчего же не представить всего этого нашему правдолюбивому государю, онъ отвѣчалъ, что нѣсколько уже разъ рѣшались на попытки къ тому, но отзывъ былъ всегда одинъ и тотъ же: «пусть явится самъ и подвергнетъ себя суду».

— А вы можете представить себѣ, — прибавилъ Тургеневъ, — каковъ былъ бы этотъ судъ, при вліяніи и власти тѣхъ же лицъ, которыя, естественно, употребили бы всѣ усилія къ прикрытію своихъ тогдашнихъ ошибокъ, невольныхъ или преднамѣренныхъ. Впрочемъ, — продолжалъ онъ, — у брата моего давно уже написано какъ оправданіе во всемъ этомъ, такъ и многое другое о происходящемъ у насъ, и если онъ удерживается издавать въ свѣтъ свою книгу, то единственно изъ того, чтобы не компрометтировать меня.

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ смерти Александра, и именно въ 1847 году, появилось въ Парижѣ сочиненіе его брата, подъ заглавіемъ: «La Russie et les Russes», въ которомъ онъ, среди разныхъ предметовъ, представилъ и свои оправданія — на общій судъ Европы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

ХІІІ ¹⁾.

1845 годъ.

Закавказскій край и его управленіе.—Баронъ Ганъ, его командировка на Кавказъ для соображеній по введенію новаго управленія въ краѣ.—Главнo-управляющій на Кавказѣ генералъ Головинъ.—Мѣры, принятія правительствомъ для улучшенія администраціи въ Закавказьи.—Отозваніе Головина и назначеніе главноуправляющимъ генерала Нейдгардта.—Князь Воронцовъ намѣстникъ Кавказа.—Статсъ-секретарь Позенъ и его дѣятельность.—Отъѣздъ императрицы на зиму въ Палермо.

Борьба на Кавказѣ ознаменовала все почти царствованіе императора Николая не только рядомъ непрерывныхъ военныхъ дѣйствій, которыя, среди всѣхъ доблестныхъ подвиговъ и чудесъ храбрости, болѣе или менѣе состояли именно только изъ борьбъ, а не въ рѣшительномъ преоборевіи, но и рядомъ непрерывныхъ переворотовъ въ лицахъ и въ учрежденіяхъ существовавшаго тамъ гражданскаго порядка. Проходили годы въ колебаніяхъ, опытахъ, соображеніяхъ, предположеніяхъ, и за всѣмъ тѣмъ, послѣ истекшихъ изъ нихъ мѣръ, когда все казалось уже рѣшеннымъ и оконченнымъ, дѣло возвращалось къ прежней точкѣ, т. е. къ убѣжденію, что необходимо отмѣнить и бросить все сдѣланное и приступить вновь къ другимъ соображеніямъ, которыя, въ свою очередь, имѣли опять тотъ же исходъ. Законъ, не успѣвшій не только укорениться сознательно въ народѣ, но даже и сдѣлаться ему вполнѣ извѣст-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, декабрь 1899 г.

нымъ, уступалъ мѣсто новому, котораго вскорѣ постигала та же участь; правители смѣнялись одинъ за другимъ; издерживались огромныя суммы на множество комитетовъ, комиссій, экспедицій, чиновниковъ и проч.; сыпались, наконецъ, щедрыя награды, и все это обращалось, болѣе или менѣе, въ одни результаты личные, между тѣмъ какъ горячо желаемая правительствомъ польза для края оставалась все недостигнутою. Исторія этихъ колебаній, этого, такъ сказать, ощупыванія, вмѣстѣ съ исторіею лицъ, принимавшихъ въ немъ участіе и падшихъ его жертвами, представляетъ много любопытныхъ подробностей, изъ числа которыхъ не всѣ, по свойству ихъ, могли сохраниться въ официальныхъ бумагахъ.

По присоединеніи Грузіи къ Россіи, она была образована въ видѣ губерніи и въ ней введены общій порядокъ русскаго управленія и одинаковыя съ прочими губерніями должностныя мѣста и лица. Впослѣдствіи, однако же, съ переменною главныхъ мѣстныхъ начальниковъ, система сія мало-по-малу подверглась измѣненіямъ, и въ Грузіи, равно какъ и въ прочихъ нашихъ Закавказскихъ владѣніяхъ, установилось почти столько же различныхъ формъ правленія, сколько было тамъ уѣздовъ, округовъ и пр. По окончаніи въ 1829 году войны противъ турокъ, главноуправлявшій тогда этимъ краемъ, генералъ-фельдмаршалъ графъ Паскевичъ-Эриванскій, впослѣдствіи князь Варшавскій, приступивъ къ разсмотрѣнію гражданскаго учрежденія Грузіи и другихъ Закавказскихъ провинцій, нашелъ въ немъ, кромѣ разнообразія въ организаціи, совершенную неопредѣлительность правъ и обязанностей начальствующихъ лицъ, смѣшеніе законовъ русскихъ съ туземными обычаями, наконецъ, крайнюю неуравновѣшенность въ податяхъ и неустройство въ финансовомъ управленіи. Для отвращенія сихъ неудобствъ князь Варшавскій въ рапортѣ императору Николаю отъ 24-го апрѣля 1830 г. признавалъ лучшимъ и дѣйствительнѣйшимъ средствомъ: ввести во всѣхъ Закавказскихъ провинціяхъ русскій образъ управленія и русскіе законы, и для сего: 1) раздѣлить эти провинціи на двѣ губерніи: Грузинскую, изъ 10-ти уѣздовъ, съ губернскимъ городомъ Тифлисомъ, и другую, наименовавъ ее по высочайшему усмотрѣнію, изъ 8-ми уѣздовъ, съ губернскимъ городомъ Старою Шамахою, или Баку, и одну область, Армянскую, съ областнымъ городомъ Эриванью; 2) губерскія присутственныя мѣста установить тоже и съ тѣми же названіями, какъ въ Россіи, соединивъ только, во второй губерніи и въ Армянской области, палату угодовную съ гражданскою; 3) мѣста уѣздныя составить также по образцу русскихъ, но для примирительнаго разбора тяжбъ между магометанами по ихъ законамъ учредить суды вродѣ медиаторскихъ (шаріатъ), изъ туземцевъ; 4) во всѣхъ другихъ мѣстахъ, губерскихъ и уѣздныхъ, руководствоваться во всемъ нашими законами, не

основываясь уже ни въ какомъ случаѣ на законахъ грузинскихъ, или на обычномъ правѣ; 5) судъ военный въ гражданскихъ дѣлахъ отмѣнять.

Проектъ этотъ по высочайшей волѣ былъ сообщенъ ревизовавшимъ въ то время Закавказскій край сенаторамъ: графу Кутайсову и Мечникову, которые во всемъ согласились съ мнѣніемъ князя Варшавскаго. На общемъ ихъ съ нимъ совѣщаніи предположено было еще сверхъ того: 1) учредить верховное закавказское правительство (въ Тифлисѣ), изъ главноуправляющаго, закавказскаго военного губернатора и пяти непремѣнныхъ членовъ, съ обязанностями, правами и властію департаментовъ Сената, и съ переносомъ въ общее собраніе сего послѣдняго только вопросовъ законодательныхъ; 2) раздѣлить уѣзды на земскіе округа и на волости; 3) сдѣлать нѣкоторыя, не весьма важныя, мѣстныя измѣненія и дополненія противъ общаго губернскаго устройства. Сіи предположенія внесены были 22-го мая 1831 года въ Государственный Совѣтъ съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ мнѣніе свое «въ самомъ непродолжительномъ времени, и, если можно, до начатія ваканціонныхъ дней (т. е. до 15-го іюня)».

Несмотря на столь положительное высочайшее повелѣніе, дѣло это оставалось въ Совѣтѣ безъ движенія цѣлые два года. На вопросъ о томъ государя, въ маѣ 1833 г., государственный секретарь Марченко отвѣчалъ, что дѣло о преобразованіи управленія Закавказскаго края, съ присоединенными къ нему въ послѣдствіи вопросами, такъ трудно и обширно, что департаментъ законовъ «при многихъ другихъ своихъ занятіяхъ, не могъ еще привести его къ окончанію». Государь на это отозвался (8-го мая, черезъ статсъ-секретаря Танѣева), «что дѣло сіе откладывать никакъ нельзя: ибо весь край отъ сего въ ожиданіи и напряженіи, и кончитъ оное тѣмъ удобнѣе, что имѣется въ виду представленіе сенаторовъ, очевидцевъ положенія того края, и бывшаго тамъ начальника князя Варшавскаго; а потому его величество изволить находить, что должно симъ дѣломъ заняться немедленно и никакъ не откладывалъ».

Вслѣдствіе того, департаментъ законовъ (Васильчиковъ, Кушниковъ, Сперанскій, Энгель) немедленно приступилъ къ исполненію высочайшей воли и еще въ томъ же маѣ представилъ мнѣніе свое, котораго главныя черты заключались въ слѣдующемъ:

1) Раздѣленіе края принять въ предположенномъ Паскевичемъ видѣ, назвавъ вторую губернію Дагестанскою.

2) Признавъ необходимымъ учрежденіе въ Закавказскомъ краѣ высшаго мѣста, какъ для суда, такъ и для управленія, не смѣшивать, однако, сихъ двухъ властей во-едино, а раздѣлить ихъ на два установленія: а) главный закавказскій судъ для окончательнаго рѣшенія

преобразованія, и при томъ дѣло застигло его за 2.600 верстъ отъ всѣхъ матеріаловъ. Онъ отвѣчалъ, что, не имѣвъ дотолѣ въ виду, въ чемъ именно заключаются сіи преобразованія, не могъ сообразить, предварительно на мѣстѣ, что изъ начертаннаго въ проектѣ можетъ быть для каждой провинціи и области полезно, или неудобно, а «безъ сихъ соображеній и нарочитаго собранія необходимыхъ мѣстныхъ свѣдѣній, не можетъ дать теперь же безошибочнаго и вполне удовлетворительнаго объясненія». Затѣмъ, изобразивъ трудность учредить управленіе, свойственное краю и духу его обитателей и выстѣ примѣненное къ общимъ постановленіямъ; необходимость упрочить сперва краю совершенное спокойствіе и безопасность, дѣйствуя, между тѣмъ, непрестанно на измѣненіе закоренѣлыхъ вредныхъ обычаевъ частными улучшеніями; необходимость также, для полнаго и подробнаго положенія, привести прежде въ извѣстность права, преимущества, обычаи и законы каждой провинціи; наконецъ, затрудненія и неудобства, которыми въ такомъ край, каковъ Закавказскій, грозитъ слишкомъ рановременное введеніе предполагаемыхъ учреждений, сколь ни были бы они полезны, баронъ Розенъ полагалъ: весь проектъ сообразить сперва на мѣстѣ.

Департаментъ законовъ (Васильчиковъ, Сперанскій, Энгель), выстѣ съ приглашенными министрами (Канкринъ, Дашковъ, Блудовъ), напелъ, съ своей стороны, что такому мѣстному соображенію должны подлежать только раздѣленіе и разграниченіе Закавказскаго края и назначеніе городовъ или мѣстъ для разныхъ степеней управленія; все же прочее—учрежденіе управленія и суда, бывъ основано на началахъ болѣе единообразныхъ и сближенныхъ съ общими нашими установленіями, можетъ быть окончено и здѣсь.

Въ отношеніи къ первой части дѣла департаментъ сдѣлалъ, на заключеніи особаго Комитета, одно существенное замѣчаніе, именно, что, въ видахъ правительственныхъ и экономическихъ, въ край семь не должно быть болѣе двухъ губерній, съ сохраненіемъ древнихъ именований ихъ частей, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ внесены въ императорскій титулъ (Грузія, Армянская область и проч.) и перемѣна могла бы имѣть даже невыгодное вліяніе на умы обитателей.

Обратясь за тѣмъ ко второй части, департаментъ или, лучше сказать, Сперанскій самъ составилъ новый проектъ образованія главнаго управленія и главнаго суда, болѣе подробный, нежели внесенный изъ особаго Комитета, но согласный съ нимъ въ основаніяхъ, и затѣмъ положилъ: 1) предоставить тому же Комитету сочинить, на сихъ началахъ, полное Положеніе объ устройствѣ означенныхъ частей и 2) утвердивъ также всѣ заключенія Комитета касательно управленій подчиненныхъ, предоставить барону Розену начертать Положеніе о раздѣ-

ленія края на области, уѣзды или округа и объ устройствѣ въ нихъ управленія, соображаясь съ общимъ учрежденіемъ о губерніяхъ, и проектъ свой сообщить равномѣрно сему Комитету.

Общимъ собраніемъ Совѣта и государемъ сіе заключеніе принято было безъ всякой перемѣны и, вслѣдствіе того, передано военному министру къ исполненію 31-го мая 1835 года.

Спустя годъ дѣло отъ военнаго министра опять пришло въ Государственный Совѣтъ, но въ новомъ видѣ и со вновь возникшими вопросами. Съ одной стороны на требованіе военнаго министра о скорѣйшемъ окончаніи Положеній объ устройствѣ губернскихъ и уѣздныхъ управленій и о раздѣленіи Закавказскаго края, баронъ Розенъ, обѣщая исполнить сіе въ возможной поспѣшности, присовокуплялъ, что введеніе предполагаемаго устройства главнаго управленія и главнаго суда, при сохраненіи въ прочихъ частяхъ прежняго, несоотвѣтственнаго имъ порядка дѣла, рѣшительно невозможно, а при томъ всѣ проекты сіи, составляя одно цѣлое, должны и въ исполненіе приведены быть совокупно. Съ другой стороны, министры—тѣ же самые министры, которые, въ 1835 году, въ департаментѣ законовъ подписали образованіе главнаго управленія и главнаго суда, въ Комитетѣ своемъ хотя и составили, на тѣхъ же началахъ, подробный проектъ, но сопровождали его разными сомнѣніями и возраженіями. Главнѣйшее состояло въ томъ, что если главное управленіе поставить на одинаковую степень власти съ 1-мъ департаментомъ Сената, то, при такой независимости управленія краемъ отъ центральныхъ государственныхъ властей (министерствъ) послѣдуютъ разныя важныя неудобства. Въ отвращеніе ихъ, Комитетъ предлагалъ учредить главное управленіе за Кавказомъ по примѣру дѣйствующихъ въ Сибири.

Департаментъ законовъ, вновь занявшись подробно всѣмъ дѣломъ, посвятилъ ему, совокупно съ приглашенными министрами, четыре длинныхъ засѣданій (14-го августа, 16-го и 20-го ноября 1836 г. и 22-го января 1837 г.). При такомъ новомъ пересмотрѣ департаментъ согласился съ барономъ Розеномъ въ томъ, что удобнѣе отложить еще на нѣкоторое время окончаніе новаго образованія, нежели приведеніемъ въ дѣйствіе одной лишь его части возродить новыя затрудненія и сложные вопросы, и съ министрами—въ неудобствѣ отдѣльности закавказскаго управленія; но не принялъ мысли, чтобы ввести тамъ образъ управленія, подобный сибирскому,—по различію мѣстныхъ обстоятельствъ. Отклонивъ, однакоже, отъ себя рѣшительное заключеніе по предмету, такимъ образомъ снова обратившемся въ вопросъ, и признавъ, что нужныя для рѣшенія его данныя нельзя собрать иначе, какъ на мѣстѣ, департаментъ остановился на томъ, «чтобы, не приступая ни къ какимъ преждевременнымъ образованіямъ, соединить пред-

варительное разсмотрѣніе и обработку дѣла сего въ одной точкѣ, дабы правительство, съ полною увѣренностью, что мѣстные потребности всѣ уже раскрыты и охранены, могло обратиться потомъ къ разрѣшенію дѣла въ видахъ высшихъ—государственныхъ». Но гдѣ и какъ учредить сію точку, объ этомъ долго было разсуждаемо, ибо предоставить главному мѣстному начальнику судить о томъ, въ какой степени самъ онъ будетъ впредь завистѣть отъ государственныхъ властей, казалось, очевидно, невозможнымъ. Наконецъ, сочли всего удобнѣе, для окончательнаго разсмотрѣнія предположеній объ устройствѣ Закавказскаго края и для составленія Положеній о его раздѣленіи и объ управленіи разныхъ частей, отправить на мѣста особую комиссію, вслѣдствіе чего и было положено: 1) Таковую комиссію составить, подъ предѣтельствомъ одного сенатора, изъ четырехъ членовъ отъ подлежащихъ министерствъ; 2) Передать въ нее всѣ бывшія дотошъ какъ здѣсь, такъ и на мѣстахъ, соображенія объ устройствѣ Закавказья; 3) Комиссію подчинять упомянутому выше особому Комитету изъ четырехъ министровъ, котораго существованіе продлить до совершеннаго окончанія дѣла; 4) Комитету предоставить снабдить комиссію инструкціею на основаніи принятыхъ, при сужденіяхъ въ немъ и въ департаментѣ законовъ, началъ и право разрѣшать ея вопросы и могущіе возникнуть между нею и главнымъ мѣстнымъ начальствомъ споры или недоразумѣнія; 5) Начертаніе основаній, которыя будутъ приняты комиссіею для совершенія возложеннаго на нее дѣла, по разсмотрѣніи ихъ въ семъ Комитетѣ, предварительно представить, черезъ Государственный Совѣтъ, на высочайшее утвержденіе и такимъ же образомъ внести въ Совѣтъ, въ свое время, окончательно составленные проекты.

Общее собраніе Совѣта вполне согласилось съ департаментомъ законовъ, выразивъ только ясное мнѣніе, что предметъ комиссіи долженъ заключаться не въ ревизіи прошедшаго или настоящаго, а въ однихъ соображеніяхъ о будущемъ управленіи краемъ. Все сіе облечено было въ форму указа Сенату, который подписанъ государемъ 17-го марта 1837 года.

Отсюда началась новая эпоха дѣла. Для изложенія относящагося къ ней, надобно возвратиться нѣсколько назадъ.

Въ десятихъ годахъ слушалъ курсъ въ Дерптскомъ (Юрьевскомъ) университетѣ знатный и, по провинціальнымъ размѣрамъ, богатый курляндецъ, баронъ Павелъ Васильевичъ Ганцъ. Въ 1814 году онъ вступилъ въ военную службу, но очень скоро смѣнилъ ее на дипломатическую, въ которой служилъ съ отличіемъ, состоя почти исключительно при нашихъ заграничныхъ миссіяхъ. Потомъ, быстрымъ переворотомъ его поприща, онъ, въ 1824 году, вдругъ назначенъ былъ курляндскимъ губернаторомъ; но какъ тутъ ему трудно было властвовать надъ своими едино-

земцами, бывшими съ нимъ большею частью на ты, то его вскорѣ перемѣстили на ту же должность въ Лифляндію. И здѣсь, однако, частью продолжались такія же непріятности съ дворянствомъ, а частью постигла его немилость тогдашняго генералъ-губернатора Остзейскихъ губерній, маркиза Паулуччи, и Ганъ, въ первыхъ годахъ царствованія императора Николая, вышелъ, наконецъ, въ чистую отставку. Въ этомъ положеніи наступила очень интересная эпоха его жизни: отставной губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, съ Анненскою лентою, женатый, отецъ семейства, Ганъ, бросивъ на время и родину, и виды честолюбія, отправился на скамьи Гейдельбергскаго университета, гдѣ, нѣсколько лѣтъ сряду, «штудировалъ» какъ бы молодой студентъ; послѣ чего, объѣхавъ не только всю образованную Европу, но также Турцію и Грецію, воротился восвояси искать снова счастья въ службѣ. Подъ осень 1836 года его опредѣлили членомъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, и всѣ думали, что ему готовится опять губернаторское мѣсто, какъ вдругъ, 5-го декабря того же года, спустя только нѣсколько мѣсяцевъ отъ поступленія его вновь на службу, онъ былъ пожалованъ, неожиданно для всѣхъ, въ тайные совѣтники и сенаторы.

Баронъ Ганъ былъ настоящимъ выраженіемъ, настоящимъ типомъ современной эпохи. Съ большимъ образованіемъ, съ необыкновенною искательностью и еще большею ловкостью, съ особеннымъ даромъ пріятной бесѣды, онъ соединялъ въ себѣ все то, что въ человѣкѣ, посвятившемъ себя публичной жизни, составляетъ истинное искусство—стать выше толпы. Угодный всѣмъ высшимъ и сильнымъ, любимый всѣми равными, умѣвшій въ особенности снискать расположеніе къ себѣ старушекъ большого свѣта, которыя были всегда самыми жаркими его заступницами, Ганъ имѣлъ, однако, два важные недостатка. Съ одной стороны, онъ былъ чрезвычайно надмененъ съ людьми, стоявшими ниже его, разумѣется, когда не было ему причины дорожить ихъ мнѣніемъ, или ждать отъ нихъ чего-либо въ будущемъ. Съ другой стороны, его никакъ нельзя было назвать человѣкомъ дѣловымъ. Онъ зналъ многое въ теоріи, но очень мало былъ знакомъ съ практикою, и самая теорія его вращалась болѣе въ сферѣ западныхъ, несвойственныхъ намъ идей. Учившись въ Германіи и служивъ исключительно по дипломатической части и въ Остзейскомъ краѣ, онъ былъ очень несвѣдушъ въ русскихъ законахъ, въ русскомъ бытѣ, въ формахъ и подробностяхъ дѣловой нашей жизни; самый языкъ нашъ зналъ очень несовершенно, какъ иностранецъ, выучившійся ему въ зрѣлыхъ лѣтахъ, и вообще, по всему направленію ума своего, болѣе былъ способенъ къ дѣятельности дипломатической или придворной, нежели къ практической администраціи или къ законодательнымъ соображеніямъ.

Это отступленіе прямо входитъ въ нашъ предметъ. Когда состоя-

лось Положеніе Совѣта о командированіи въ Закавказскій край особой комиссіи, предсѣдателемъ ея, вмѣсто какого-нибудь опытнаго и извѣданнаго въ дѣлахъ лица, тогдашній министръ юстиціи, Дашковъ, предпочелъ назначить одного изъ самыхъ младшихъ сенаторовъ, и выборъ его, по совѣщанію съ княземъ Чернышевымъ, палъ на барона Гана.

Комиссія отправилась въ Тифлисъ въ маѣ 1837 года и, по прибытіи туда, тотчасъ открыла свои дѣйствія. Естественнo, что въ такомъ краѣ, гдѣ весь правителя въ глазахъ народа зависитъ еще болѣе, чѣмъ въ Европѣ, отъ степени видимой довѣренности къ нему государя, одного прибытія сей комиссіи уже было достаточно, чтобы поколебать власть главноуправляющаго и породить интриги. Если высшимъ властямъ извѣстно было, что цѣль комиссіи заключается единственно въ устройствѣ будущаго, а отнюдь не въ ревизіи прошедшаго и настоящаго, то не могли этого знать ни подчиненныя лица, ни жители. Они полагали, напротивъ, что сенаторъ присланъ для обнаруженія существующихъ безпорядковъ и злоупотребленій, а баронъ Ганъ нисколько не старался разсѣять въ нихъ это убѣжденіе, зная, что баронъ Розенъ стоитъ на невыгодномъ счету въ Петербургѣ, и предвидя, что ему нельзя будетъ долго удержаться на мѣстѣ. Предвидѣніе это, дѣйствительно, вскорѣ и сбылось. Лѣтомъ ¹⁾ 1837 года, когда комиссія была уже въ полномъ ходу, императоръ Николай, въ первый еще разъ въ продолженіе своего царствованія, лично посѣтилъ Закавказье и остался недоволенъ столько же состояніемъ военной части, сколько и всѣмъ устройствомъ гражданскимъ. «Посѣщеніе Закавказскаго края государемъ,—какъ выразился Ганъ въ одномъ изъ послѣдующихъ своихъ рапортовъ,—пробудило со всѣхъ сторонъ надежды, дало голосъ заглушеннымъ дотолѣ жалобамъ, подняло завѣсу, закрывавшую множество злоупотребленій, поселило ужасъ въ виновныхъ, тѣсно между собою соединенныхъ общою имъ опасностью». Ганъ, съ своей стороны, удалясь отъ прямой цѣли своей послылки, ревностно способствовалъ обнаруженію этихъ злоупотребленій. Дѣйствовалъ сперва черезъ сопровождавшаго государя генералъ-адъютанта графа Орлова, а потомъ, во время пребыванія государя въ Тифлисѣ, достигнувъ и нѣсколькихъ личныхъ докладовъ, онъ умѣлъ совершить, между прочимъ, одинъ истинно дипломатическій подвигъ. Доложивъ государю, что считаетъ долгомъ раскрыть разныя мѣстныя неустройства и злоупотребленія, дошедшія до него при исполненіи его порученія, онъ просилъ, чтобы дозволено ему было представить эти обвиненія непремѣнно въ личномъ присутствіи барона Розена, такъ какъ онъ, Ганъ, не имѣетъ ничего сокрытаго и желаетъ дѣйствовать во всемъ совершенно гласно. Желаніе его со-

¹⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: „Осенью“.

вершилось, и вмѣстѣ съ нимъ былъ призванъ къ аудіенціи и Розенъ. Ганъ читалъ свои замѣчанія, а государь тутъ же требовалъ по нимъ объясненій отъ Розена, который не умѣлъ или не могъ отвѣчать почти ни на одну обвинительную статью, и, между тѣмъ, невольно долженъ былъ отдать справедливость деликатности и правдолюбивости поступка своего противника. Результатомъ этой аудіенціи и разныхъ личныхъ неудовольствій государя была смѣна, въ концѣ 1837 года, Розена и замѣненіе его генераломъ Головинымъ, дотогѣ предсѣдательствовавшимъ въ правительственной комиссіи внутреннихъ дѣлъ царства Польскаго. Управление сего послѣдняго, какъ увидимъ ниже, не только не принесло пользы, но еще увеличило запутанность и неурядица¹⁾.

Въ этотъ промежутокъ времени Ганъ и его комиссія продолжали дѣйствовать, по настоящему ихъ порученію, съ быстротою столь необыкновенною, что сіе одно уже почти могло служить доказательствомъ малоосновательности ихъ занятій. Тѣ труды, для которыхъ баронъ Розенъ признавалъ необходимымъ собрать разнородныя и многосложныя мѣстныя свѣдѣнія, и для которыхъ особый комитетъ и Государственный Совѣтъ предназначали весьма продолжительное время, труды эти совершены были людьми новыми, едва имѣвшими время взглянуть на мѣстность, столь отличающуюся отъ всѣхъ другихъ частей Россіи, не то, нежели въ восемь мѣсяцевъ. Уже 4-го февраля 1838 года Ганъ донесъ военному министру, что комиссіею составлены подробныя и полныя проекты объ управленіи краемъ по разнымъ его частямъ, вслѣдствіе чего просилъ дозволенія закрыть комиссію и возвратить ея чиновниковъ въ Петербургъ немедленно по прибытіи въ Тифлисъ генерала Головина и по передачѣ ему проектовъ для представленія о нихъ его мнѣнія. Побужденіями къ такому закрытію комиссіи Ганъ выставялъ: 1) что новому главноуправляющему въ странѣ, ему незнакомой, обширной, составленной изъ элементовъ самыхъ разнородныхъ, можно будетъ обстоятельно узнать край и его нужды только по прошествіи значительнаго времени; 2) что прежде всего ему предлежать будетъ открыть истину, уничтожить происки и смуты, установить повсемѣстно порядокъ, воздержать и наказать преступныхъ, а во всемъ этомъ присутствіе на мѣстахъ комиссіи служило бы лишь помѣхою; 3) что заставить комиссію ждать въ Тифлисъ замѣчаній на ея проекты со стороны генерала Головина значило бы только терять время, а между тѣмъ цѣль точно также достигнется, если она, вмѣстѣ съ своими проектами, сообщитъ Головину и всѣ принятыя въ основаніе ихъ данныя,

¹⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Напротивъ того, память о Розенѣ и доселѣ сохраняется во всемъ Кавказскомъ краѣ, и всѣ отдаютъ справедливость благородному его характеру“.

а послѣдній, съ своей стороны, при внесеніи въ Комитетъ личнаго его мнѣнія, представить и всѣ полученные имъ матеріалы, послѣ чего проекты могутъ быть пополнены или исправлены въ Петербургѣ столь же удобно, какъ и въ Тифлисѣ, наконецъ 4) что дальнѣйшее существованіе комиссіи въ Тифлисѣ не могло бы обойтись безъ многихъ неудобствъ и непріятностей, тѣмъ огорчительнѣйшихъ, что они не вознаграждаются ни усовершенствованіемъ, ни ускореніемъ порученнаго ей дѣла. За снѣтъ, что касается лично до себя, то, получивъ, между тѣмъ, новое порученіе заняться образованіемъ финансовой части за Кавказомъ, Ганъ просалъ дозволенія воротиться въ Петербургъ тогда, когда соберетъ нужныя для предположеній по сей части свѣдѣнія.

Представленіе сіе было принято въ Петербургѣ съ одобреніемъ, и вслѣдствіе того, военнымъ министромъ объявлена, 22-го февраля 1838 года, высочайшая воля: 1) Комиссія передать свои проекты генералу Головину, при которомъ оставить, впредь до повелѣнія, одного изъ ея членовъ (полковника Вронченко); всѣхъ же прочихъ чиновниковъ ея, кромѣ четырехъ, нужныхъ еще барону Гану, отправить въ Петербургъ; 2) самому Гану оставаться въ Тифлисѣ до окончанія особо-возложеннаго на него порученія по финансовой части; 3) Головину, по разсмотрѣніи проектовъ комиссіи, возвратить ихъ ей вмѣстѣ съ своими замѣчаніями, послѣ чего она откроетъ вновь свои засѣданія уже въ Петербургѣ и обработаетъ дѣло окончательно.

На основаніи сей высочайшей воли баронъ Ганъ воротился въ Петербургъ уже въ октябрѣ 1838 года и, вслѣдъ за тѣмъ, представилъ Комитету проектъ Положенія объ управленіи Закавказскимъ краемъ, со всѣми къ нему штатами, формами и проч., и съ отзывомъ Головина. За это представленіе одного еще только проекта Гану (6-го декабря 1838 года) пожалованъ былъ, не только мимо короны къ Анненской его звѣздѣ, но и мимо 2-го Владиміра, орденъ Бѣлаго Орла. Но когда приступили къ разсмотрѣнію проекта, то Комитетъ хотя и призналъ трудъ комиссіи «соотвѣтствующимъ тѣмъ обязанностямъ, какія были на нее возложены», однако нашелъ, что предполагаемое ею развитіе вдругъ всѣхъ частей гражданскаго за Кавказомъ управленія «не можетъ быть выполнено съ успѣхомъ, и на первый разъ необходимо даровать сему краю особенное устройство, по возможности примѣненное къ общему губернскому учрежденію, въ большей лишь соотвѣтственности настоящему гражданскому состоянію края, дѣйствительнымъ нуждамъ и понятіямъ жителей». Въ сихъ видахъ Комитетъ положилъ: составивъ вторую особую комиссію изъ прибывшаго въ то время въ Петербургъ Головина, самого барона Гана и статсъ-секретаря Позена, поручить ей сочиненіе новаго проекта, на основаніи преподанныхъ отъ Комитета и

удостоенныхъ, предварительно, высочайшаго одобренія главныхъ началь.

Эта вторая петербургская коммиссія, при желаніи государя видѣть скорѣйшее совершеніе дѣла, окончила его въ нѣсколько недѣль. Препрежніе проекты Гана оказались совершенно неудовлетворительными, и всѣ, отъ начала до конца, были передѣланы Позеномъ. Государь призналъ исполнѣ заслуживающимъ награды этотъ трудъ, и Позену, менѣе нежели черезъ годъ послѣ полученія Анненской ленты, пожалованъ былъ орденъ Владимира 2-й степени. Но при семъ случаѣ не обошли наградами и Головина и опять также Гана; первому дали брилліанты къ Александру, а послѣднему—очень лестный благодарственный рескриптъ. Это дало поводъ одному изъ нашихъ острослововъ примѣнить къ Гану извѣстный стихъ французской трагедіи: «*Je t'ai jamais soupçonné: qu'aujourd'hui je fait innocent*» ¹⁾).

Сущность окончательнаго проекта второй коммиссіи, внесеннаго въ Государственный Совѣтъ черезъ Закавказскій комитетъ, заключалась въ слѣдующемъ:

1) Весь Закавказскій край раздѣленъ на Грузино-Имеретинскую губернію, съ 11-ю уѣздами, и на Каспійскую область, съ 7-ю округами, изъ числа которыхъ два образуютъ Дербентскій военный округъ.

2) Высшее управленіе состоитъ изъ главноуправляющаго, съ генераль-губернаторскими правами, тифлискаго военнаго губернатора и Совѣта, образованнаго на-подобіе существующихъ въ Сибири. Препрежнее предположеніе объ учрежденіи за Кавказомъ главнаго суда совсѣмъ отмѣнено, какъ не соответственное ни общей нашей судебной системѣ, ни видамъ правительства о скорѣйшемъ сближеніи Закавказья съ Россією.

3) Мѣстныя управленія Грузино-Имеретинской губерніи и Каспійской области примѣнены, по возможности, къ существующимъ въ губерніяхъ внутреннимъ.

4) Въ окружномъ управленіи главное начальство надъ городскою и земскою полиціями сосредоточено въ одномъ лицѣ. Уѣздные суды и магистраты замѣнены окружными судами. Округъ Дербентскій подчиненъ военно-окружному начальнику, съ особенною властью.

5) Все гражданское судопроизводство подчинено общему русскому порядку, съ очень немногими лишь изъятіями и съ сокращеніемъ, для поддержанія въ жителяхъ большаго довѣрія къ нашему судопроизводству, апелляціонныхъ сроковъ. Сверхъ того, для магометанъ, во всѣхъ

¹⁾ Я тебя любилъ виновнаго: что бы я сдѣлалъ если бы ты былъ невиненъ

дѣлахъ семейныхъ, брачныхъ и проч., сохраненъ духовный судъ Шаро.

Къ составленному, на сихъ основаніяхъ, учрежденію приложены были еще проекты штатовъ и разныхъ частныхъ положеній.

Несмотря на обширность, всѣ эти проекты, въ существѣ, представляли такъ мало новыхъ мыслей и такъ были обличены съ общимъ губернскимъ учрежденіемъ, что разсмотрѣніе ихъ въ такомъ видѣ не могло нисколько затруднить Государственнаго Совѣта. Департаментъ законовъ, въ которомъ не было уже ни одного изъ прежнихъ членовъ и особенно не было его души—Сперанскаго ¹⁾, кончилъ все дѣло въ два засѣданія, пригласивъ къ нимъ, по высочайшей волѣ, и сенатора барона Гана. Признавъ, что всѣ важнѣйшіе вопросы разрѣшены Комитетомъ «весьма удовлетворительно», и одобрявъ, вслѣдствіе того, внесенные проекты, департаментъ остановился только на нѣсколькихъ, самыхъ второстепенныхъ подробностяхъ, которыя, по согласію министровъ, тутъ же и были исправлены. Въ общемъ собраніи Совѣта все это было пройдено еще скорѣе, именно въ одно засѣданіе, такъ что указъ, со всѣми приложеніями, былъ подписанъ государемъ 10-го апрѣля и обнародованъ, черезъ Сенатъ, 3-го мая 1840 года, съ повелѣніемъ привести все сіе въ полное дѣйствіе съ 1-го января 1841 года ²⁾.

Такимъ образомъ, дѣло это, послѣ десятилѣтнихъ усилій, наконецъ, казалось, пришло къ своему совершенію. Но, при наступленіи эпохи исполненія, судьбамъ его предлежало опять во всемъ измѣниться.

Головинъ, уже и въ кратковременное дотогѣ управленіе свое Закавказьемъ, умѣлъ обличить свою малоспособность, а участіе его здѣсь въ совѣщаніяхъ комиссіи и комитета еще болѣе ее обнаружало. Потерявъ всякое уваженіе тамъ, онъ лишился всякаго довѣрія и здѣсь. Если и удерживались еще уволить его, чтобы не колебать края слишкомъ скорою смѣною главныхъ начальниковъ, то всѣ, однакоже, были убѣждены, что довѣрить такому лицу введеніе, въ столь важномъ для Россіи краѣ, новаго образованія невозможно, и потому признали за благо отправить туда при немъ, въ видѣ полупомощника и полументора—опять того же барона Гана, какъ изучившаго уже край и положившаго основу новому его устройству. Вмѣстѣ съ симъ Ганъ, какъ бы въ задатокъ новыхъ его дѣйствій, сверхъ полученныхъ уже имъ двухъ наградъ, 14-го апрѣля 1840 года, то-есть менѣе четырехъ лѣтъ послѣ

¹⁾ Департаментъ составляли тогда (въ мартѣ 1840 года): Блудовъ, Лавинскій, Гурьевъ и Перовскій. Исправлявшій прежде должность статсъ-секретаря Теубель былъ замѣненъ Масловымъ.

²⁾ Вмѣстѣ съ симъ упраздненъ и прежній Закавказскій комитетъ; но въ замѣнъ его, для надзора за введеніемъ въ дѣйствіе новаго учрежденія, образованъ новый, изъ тѣхъ же самыхъ лицъ, съ прибавкою лишь Гана и Позева.

назначенія его членомъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ и едва черезъ три года послѣ производства въ тайные совѣтники, былъ пожалованъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Оба преобразователя Закавказья уѣхали къ своему назначенію, въ началѣ лѣта 1840 года, Головинъ нѣсколько прежде Гана. Послѣдній окружалъ себя цѣлымъ легиономъ молодыхъ людей изъ самыхъ аристократическихъ и сильныхъ нашихъ фамилій, отправлявшихся при немъ учиться, но болѣе еще—заимствоваться его счастьемъ.

Сначала все шло въ добромъ порядкѣ и подѣ личиною наружнаго согласія. Ганъ дѣйствовалъ съ обыкновенною своею ловкостью и изворотливостью, а Головинъ—съ робостью человѣка неопытнаго, малосвѣдущаго и при томъ неувѣреннаго въ своемъ положеніи. Новое образованіе введено было къ назначенному сроку (1-го января 1841 года) во всѣхъ частяхъ и на всемъ пространствѣ края. Донося непрестанно о томъ, «съ какою радостью и съ какимъ единодушнымъ восторгомъ» жители принимаютъ даруемое имъ новое устройство, Ганъ, въ январѣ 1841 года, прислалъ, наконецъ, нарочнаго съ представленіемъ, не благоугодно ли будетъ государю дозволить предстать предъ себя особой депутаціи отъ сихъ жителей, для принесенія благоговѣйной ихъ благодарности. Императоръ Николай вообще не жаловалъ подобныхъ изъясненій; но, по живому участию въ судьбахъ Закавказья, принялъ ходатайство Гана особенно милостиво и велѣлъ отвѣчать, что, допуская такую депутацію въ видѣ изъятія на сей только разъ, будетъ ее ожидать. Она, дѣйствительно, прибыла, и составлявшія ее лица были награждены чинами и орденами. Самъ баронъ Ганъ, окончивъ свое порученіе, воротился въ Петербургъ въ маѣ 1841 года и не долго ожидалъ новаго воздаянія: въ слѣдующемъ іюнѣ, опять прежде окончательнаго разсмотрѣнія его дѣйствій, онъ получилъ Александровскую ленту, а въ октябрѣ—«во вниманіе къ оказаннымъ имъ по устройству Закавказскаго края услугамъ»—35 тыс. руб. сер. на уплату долговъ. Въ томъ же октябрѣ государь соизволилъ на докладъ князя Васильчикова о помѣщеніи новаго нашего члена въ департаментъ законовъ, но отозвался при этомъ, что онъ, то-есть Ганъ, можетъ стать, вскорѣ опять понадобится для посылки за Кавказъ. Недѣлю спустя самъ Ганъ объяснилъ мнѣ то, что казалось въ этомъ отзывѣ загадочнымъ. Ему предложено было, черезъ Чернышева, мѣсто генералъ-губернатора за Кавказомъ, но въ подчиненіи главноуправляющему Головину. Цѣль этого назначенія, по личнымъ качествамъ Головина, понять было не трудно: не желали его смѣнять, но между тѣмъ не могли оставить безъ пѣстуна. Ганъ, однако, стремился совсѣмъ къ другому: ему хотѣлось сдѣлаться не блюстителемъ надъ Головинымъ, а, съ перемѣною фрака на военный мундиръ, полнымъ его преемникомъ;—замыселъ, котораго онъ не откры-

вѣстіе паденія; что несомнѣнно также паденіе Головина, такъ какъ вся экспедиція направляется наиболѣе противъ образа исполненія новаго устройства на мѣстахъ, слѣдственно, противъ мѣстнаго начальства; наконецъ, что останется въ выигрышѣ одинъ Ганъ, такъ какъ и Чернышевъ, и Позенъ очень къ нему расположены, да и всѣ проекты были составлены послѣднимъ; слѣдственно, при мѣстной самимъ имъ ревизіи, вѣрно, найдены будутъ хорошими и на дѣлѣ. Но изъ всѣхъ этихъ предвидѣній сбылось только одно: паденіе Головина. Чернышевъ, по возвращеніи, снова вступилъ въ управленіе своимъ министерствомъ, а Ганъ упалъ, и упалъ—при всей своей ловкости—безвозвратно. Вотъ подробности:

Цѣль ревизіи Закавказскаго края, по данной Позену инструкціи, заключалась въ томъ, чтобы удостовѣриться на мѣстѣ: какимъ успѣхомъ сопровождается практическое дѣйствіе новаго учрежденія и, если оно оказывается гдѣ-либо неудобнымъ, то причины сего неудобства кроются ли въ самомъ учрежденіи, или въ образѣ исполненія?

Головинъ, который прежде уже доносилъ о неудобствахъ новаго устройства, на ближайшій о семъ вопросъ Позена отвѣчалъ, что они суть болѣе общія для всего края, нежели мѣстныя для нѣкоторыхъ его частей; что неудобства сіи не обнаруживались, однако, дотолѣ такими явленіями, которыя бы требовали мѣръ чрезвычайныхъ, и что сущность ихъ заключается въ умноженіи числа чиновниковъ, въ ограниченіи власти полицейскаго разбора и въ многосложности и неопредѣленности формъ. Признавъ затѣмъ, что ревизія всего края должна быть подчинена одному общему плану, Позенъ произвелъ ее частью самъ, а частью черезъ командированныхъ отъ себя чиновниковъ. Въ отчетѣ своемъ государю, весьма искусно написанномъ, онъ изобразилъ принятыя къ этой ревизіи предварительныя мѣры, самое ея производство и состояніе, въ какомъ найдена каждая часть. Относительно къ главной цѣли ревизіи, отчетъ его представлялъ слѣдующіе общіе выводы:

1) Новое учрежденіе введено повсемѣстно и во время ревизіи было въ полномъ дѣйствіи. Имъ отвращены прежніе произволъ, разнообразіе и безотчетность во всѣхъ частяхъ управленія, и неоспоримо, что, въ основныхъ началахъ, оно имѣетъ важныя преимущества противъ прежняго порядка. При самомъ введеніи его не было со стороны жителей никакихъ затрудненій: они приняли его, если не съ полнымъ сознаніемъ его превосходства, то съ надеждою, какъ залогъ будущаго ихъ благосостоянія. Съ того времени учрежденіе дѣйствовало безостановочно и, говоря собственно объ исполненіи предписанныхъ имъ формъ, дѣйствіе его, за немногими изліятіями, должно считать успѣшнымъ.

2) Но на другой вопросъ: общій порядокъ гражданскаго управленія внутреннихъ губерній, на которомъ основано упомянутое учрежденіе,

достигаетъ ли, въ примѣненіи своемъ къ многоразличнымъ племенамъ закавказскимъ, основной цѣли правительства, то-есть доставляетъ ли жителямъ всѣ желаемыя выгоды?—должно, къ сожалѣнію, отвѣчать отрицательно. Механизмъ управленія, съ умноженіемъ мѣстъ и съ отдѣленіемъ суда отъ полиціи, сдѣлался довольно сложнымъ. Чиновниковъ при прежнемъ управленіи было 704, а при новомъ ихъ 1.311. Судебныхъ дѣлъ находилось въ производствѣ: въ 1839 году—2.461, а въ 1841 году—4.846. На расходы края, сверхъ весьма значительныхъ издержекъ по военному вѣдомству, надлежало, ко всѣмъ мѣстнымъ доходамъ, прибавить еще прямо изъ казны до 1.567.000 р. сер. въ годъ. Между тѣмъ, управленіе, стоящее столь значительныхъ издержекъ, не удовлетворяетъ гражданскимъ потребностямъ жителей ни въ дѣлахъ полиціи, ни въ дѣлахъ суда, ни въ дѣлахъ хозяйства. Они оставили тѣ надежды, которыя имѣли при введеніи новаго учрежденія; забыли даже всѣ стѣсненія и злоупотребленія прежняго управленія и, приписывая тягости, ощущаемыя ими въ гражданскомъ быту, новому учрежденію, во многихъ мѣстахъ словесно, а въ иныхъ и письменно, просили о возстановленіи прежняго порядка.

Причины сей неудовлетворительности кроются совокупно: въ самомъ учрежденіи, въ образѣ его исполненія и въ немѣющихся съ ними прямой связи особенныхъ обстоятельствахъ. Недостатки самаго учрежденія заключаются въ слѣдующемъ: а) Начертанные имъ распорядокъ и формы не довольно соглашены съ степенью гражданственности жителей, которые, въ каждомъ почти племени, имѣютъ свои различныя понятія, вѣрованія, привычки и образъ жизни. Посему общее устройство Закавказья должно заключаться въ единствѣ власти и цѣли, но отнюдь не въ единствѣ средствъ, къ достиженію послѣдней опредѣляемыхъ; б) въ учрежденіи нѣтъ никакихъ наказовъ или подробныхъ инструкцій для дѣйствія мѣстныхъ исполнительныхъ властей. Отъ сего все управленіе заключается въ письмоводствѣ, прямаго же дѣйствія нѣтъ и, начиная съ высшихъ степеней управленія до низшихъ полицейскихъ мѣстъ, все оно ограничивается форменною перепискою бумагъ и подчиненіемъ всѣхъ частей общему порядку русскихъ губерній, откуда чиновники прибыли на службу. Эта безконечная переписка, утомительная и для европейца, нестерпима для азіатца, привыкшаго къ суду скорому, хотя бы и не всегда справедливому; в) слишкомъ ограничена власть, особенно по взысканіямъ. Самъ главноуправляющій не можетъ ни дѣйствовать противъ нарушителей порядка безъ нравственныхъ доказательствъ преступленія, ни даже отрѣшать внакажѣнныхъ людей безъ предварительнаго слѣдствія; но въ томъ край собраніе формальныхъ доказательствъ во многихъ случаяхъ рѣшительно невозможно, а слѣдствія, не обнаруживая обыкновенно ничего, слу-

жать лишь новымъ, крайнимъ обремененіемъ для жителей. Губернаторъ и начальникъ области лично не имѣютъ никакой почти власти, а права начальниковъ уѣздныхъ, городничихъ и участковыхъ засѣдателей опредѣлены въ весьма немногихъ лишь случаяхъ, и жители, разсуждая обо всемъ по своимъ понятіямъ, заключаютъ, что они новымъ учрежденіемъ преданы въ руки мелкихъ чиновниковъ; г) порядокъ тяжбнаго судопроизводства удовлетворителенъ, но законы наши бываютъ иногда недостаточны къ разрѣшенію случаевъ, возникающихъ отъ иныхъ условий гражданской жизни. Въ уголовномъ судопроизводствѣ законы относительно собранія уликъ и самые роды наказаній не соотвѣтствуютъ своей цѣли; д) управленіе экономическое, устроенное по примѣру внутреннихъ губерній, не можетъ дѣйствовать съ успѣхомъ, потому что самыя статьи доходовъ за Кавказомъ не подчинены еще общимъ началамъ, въ Россіи существующимъ.

Недостатки, при исполненіи вкравшіеся, суть: а) устраненіе, при первомъ распредѣленіи мѣстъ, лицъ военнаго званія отъ занятія должностей по гражданскому управленію, что наполнило всѣ мѣста незначительными гражданскими чиновниками, къ которымъ жители не имѣютъ довѣрія; б) неудачный выборъ на многія мѣста,—послѣдствіе вышеизложеннаго же правила. Перемѣщенія, удаленія и слѣдствія въ свою очередь много повредили успѣху новаго учрежденія. Въ управленіи участковымъ, ближайшемъ къ народу, перемѣны были такъ часты, что въ иныхъ участкахъ, при ревизіи, находились уже шестой чиновникъ; наконецъ в) отсутствіе, со стороны губернскаго и областнаго начальства, послѣ введенія учрежденія и отъѣзда барона Гана, дѣятельнаго личнаго надзора за ходомъ новаго управленія. Наконецъ, особенныя обстоятельства, независяція отъ учрежденія, но въ народномъ понятіи съ нимъ смѣшавшіяся и потому усилившія общее противъ него неудовольствіе, суть: а) розыскъ объ отношеніяхъ помѣщичьихъ крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ, предписанный съ самыми благотворными видами, но произведенный мѣстными начальствами слишкомъ небрежно и возбудившій опасенія и неудовольствіе въ помѣщикахъ; б) отнятіе у агаларовъ, въ трехъ татарскихъ дистанціяхъ, ихъ крестьянъ, съ замѣною пожизненнымъ денежнымъ доходомъ,—мѣра, принятая съ чрезвычайнымъ неудовольствіемъ не только агаларами но и самими крестьянами; в) предварительныя соображенія о распространеніи сего и на бековъ Каспійской области. Слухъ о томъ до такой степени взволновалъ все населеніе, что оно могло быть успокоено только положительнымъ увѣреніемъ въ его неосновательности; г) усиленіе денежной и городской повинности на содержаніе полиціи,—что дало поводъ къ самымъ настоятельнымъ жалобамъ почти во всѣхъ городахъ и д) повѣрка камеральнаго описанія, возбудившая общую

мысль, что она дѣлается въ видахъ усиленія налоговъ, мысль, поддерживаемую и чиновниками, которые, дѣйствуя не всегда безкорыстно при подобныхъ описаніяхъ, увеличиваютъ черезъ то неудовольствіе противъ новаго учрежденія, составляющаго, въ понятіи народа, причину всѣхъ новыхъ мѣръ, по какой бы части онѣ ни предпринимались.

Далѣе Повеиъ, изъяснивъ, что тѣ частныя недостатки и неудобства, которыхъ исправленіе не выходило изъ предѣловъ власти его и мѣстнаго начальства, исправлены уже на мѣстѣ, всѣ прочіе, замѣченные имъ недостатки общіе раздѣлили на требовавшіе высочайшаго разрѣшенія, на такіе, которые требовали еще предварительнаго ближайшаго соображенія, и, наконецъ, на такіе, которые подлежали неотложному разрѣшенію и исполненію на мѣстахъ, чтобы дать гражданскому управленію сколь можно успѣшный ходъ и изгладить произведенное имъ на жителей непріятное впечатлѣніе:

Сверхъ того, по инструкціи вѣннено было Позену въ обязанность представить заключеніе: удобно ли ввести за Кавказомъ новую финансовую систему (барона Гана), имѣвшуюся въ виду правительства? «О сущности и недостаткахъ дѣйствовавшей дотолѣ системы государственныхъ доходовъ на Кавказомъ—писалъ вслѣдствіе того Позенъ—нельзя сказать ничего новаго, послѣ важныхъ и обширныхъ изысканій въ историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ, представленныхъ барономъ Ганомъ. Въ прямомъ смыслѣ тамъ нѣтъ никакой системы: ибо источники доходовъ, размѣръ налоговъ, порядокъ взиманія, правила учета—все такъ разнообразно, неуравнительно и мало ограждено постановленіями, что нѣтъ никакой возможности сдѣлать правильное заключеніе, сколько именно извлекается изъ народа разными податями и повинностями и соразмѣрны ли платежи съ средствами платящихъ. При такомъ положеніи дѣла, по мнѣнію его, надлежало обратить неукоснительно вниманіе:

1) На сокращеніе расходовъ въ такой степени, чтобы они покрывались по крайней мѣрѣ мѣстными доходами и казна отпускала суммы только на военныя потребности.

2) На приведеніе въ правильность оборотовъ Грузино-Имеретинской казенной палаты и казначейства главноуправляющаго. На первой къ 1842 году считалось въ долгу до 680.000 р. сер., и въ теченіе года долгъ сей безпрестанно увеличивался назначеніемъ новыхъ расходовъ, безъ ассигнованія на нихъ новыхъ суммъ. По казначейству главноуправляющаго оказывался также недостатокъ на удовлетвореніе расходовъ и на уплату долговъ до 111.000 р. сер.

3) На опредѣленіе размѣра податей поселянъ бывшей армянской области, который былъ положенъ въ 1836 году, въ видѣ опыта, на 6-ть лѣтъ.

всюду, какъ и прежде, и не показывать никакого вида неудовольствія или сокрушенія, а отъ вопросовъ отъигрывать общими мѣстами, такъ какъ официально ему ничего не было извѣстно или сообщено.

Истинныя причины столь сильнаго гнѣва государя остались не вполне разгаданными. Подъ рукою многіе знали, что благодарственная депутація была—дѣломъ Гана; что о ней не нашлось въ актахъ дворянства никакого постановленія и что въ числѣ депутатовъ находились, между прочимъ, даже становые приставы. Но до свѣдѣнія государя едва ли что-нибудь изъ этого дошло. Позенъ слышалъ еще на мѣстахъ, что одинъ изъ членовъ прежней коммиссіи, оставшійся въ Тифлисѣ членомъ совѣта главнаго управленія, поставлялъ Гава въ извѣстность о всѣхъ дѣйствіяхъ новой экспедиціи и даже сообщалъ ему втайнѣ копіи съ важнѣйшихъ бумагъ: эта переписка была, будто бы, вскрываема на почтѣ и, дойдя до государя, сдѣлалась главнымъ источникомъ его неудовольствія. Но Ганъ самъ клялся мнѣ, что ничего подсобнаго не было; что съ упомянутымъ чиновникомъ онъ, во все время, обмѣнялся однимъ лишь письмомъ, относительно перемѣны службы послѣдняго, и что онъ слишкомъ долго служилъ по дипломатической части, чтобы довѣрять какія-либо тайны свои—почтѣ. Наконецъ, что касается донесеній Чернышева и Позена, письменныхъ и словесныхъ, если они и должны были навести нѣкоторое сомнѣніе на счетъ искусства и опытности Гана, то отнюдь не могли породить мысли о его надменности, заносчивости, или лживыхъ дѣйствіяхъ. Оба, любя Гана, гласно и тайно старались, напротивъ, всячески его поддержать. Самый рапортъ Позена, на которомъ послѣдовала страшная резолюція, упоминалъ о Ганѣ всего только дважды, и то съ косвенною похвалою, и замѣчаніе о финансовомъ его проектѣ (выше мною выписанное) показывало лишь разномысліе между ними, но разномысліе, въ которомъ еще оставалось рѣшить: кто изъ двухъ правъ. Итакъ, поводъ къ гнѣву государя должно было искать, вѣроятно, въ какихъ-нибудь тайныхъ наговорахъ, а въ этомъ отношеніи и самъ Ганъ и Позенъ подозрѣвали главнѣйше двухъ изъ высшихъ военныхъ чиновниковъ Кавказскаго корпуса. Съ обоими Ганъ не сошелся въ своихъ экспедиціяхъ; оба были здѣсь въ зиму съ 1841 на 1842 годъ, оба имѣли по нѣскольку аудіенцій у государя и оба вездѣ гласно порицали всѣ дѣйствія Гана за Кавказомъ. Къ этому, можетъ статься, присоединилось и впечатлѣніе, оставленное частыми непріязненными бумагами Головина, наконецъ, и неудовлетворительное положеніе Закавказья, положеніе, отнесенное государемъ преимущественно къ винѣ Гана, хотя всѣ начертанія его составлены были въ точности по даннымъ отъ Государственнаго Совѣта началамъ и всѣ при томъ, вполнѣ, передѣлывались здѣсь Позеномъ. Какъ бы то ни было, политическое существованіе барона Гана съ этой минуты

прекратилось. Онъ провлячилъ его еще нѣсколько лѣтъ въ званіи члена Государственнаго Совѣта, но, видя, при всякомъ случаѣ, продолжающееся къ нему нерасположеніе и потерявъ надежду оправдаться въ обвиненіяхъ, которыя никогда не были ему объявлены, въ 1846 году отпросился въ годовой отпускъ, а въ 1847 году прислалъ просьбу объ отставкѣ, по которой и былъ тотчасъ уволенъ отъ службы.

Между тѣмъ и Головинъ, съ своей стороны, въ самомъ поводѣ и въ результатѣ экспедиціи Чернышева и Позена не могъ не усмотрѣть несомнѣнныхъ признаковъ, что и ему не удержаться на своемъ мѣстѣ. Предваряя событія, онъ, еще въ бытность этой экспедиціи за Кавказомъ, подалъ просьбу объ увольненіи отъ должности и вмѣстѣ изъявилъ, — хотя и негласно, — надежду, что его назначать членомъ Государственнаго Совѣта. Но государь, въ то время, слышать объ этомъ не хотѣлъ, и Головинъ въ октябрѣ 1842 года былъ просто уволенъ въ отпускъ на годъ, для поправленія разстроеннаго здоровья, а главноуправляющимъ на его мѣсто назначенъ командиръ 6-го пѣхотнаго корпуса Нейдгардтъ ¹⁾.

Еще передъ симъ, при первой аудіенціи Позена, чрезъ нѣсколько дней послѣ его возвращенія изъ Закавказья, государь сказалъ ему, что онъ «не только удовлетворялъ, но и превзошелъ его ожиданія», и вообще осыпалъ его милостями и ласками. Потомъ, при другомъ опять личномъ докладѣ, ему поручено было написать общую программу о будущемъ ходѣ и порядкѣ разсмотрѣнія всѣхъ предположеній касательно Закавказскаго края, и результатомъ этой программы былъ указъ 30-го августа 1842 года, которымъ повелѣвалось:

1) Прежній Закавказскій комитетъ, какъ совершившій уже свое дѣло, упразднить ²⁾.

2) Затѣмъ, для предварительнаго разсмотрѣнія и соображенія всѣхъ вообще дѣлъ по управленію Закавказскимъ краемъ, подлежащихъ высочайшему разрѣшенію, учредить другой новый комитетъ, а для обработки всѣхъ предположеній по устройству края, быть временному отдѣленію въ составѣ собственной канцеляріи государя, подъ именемъ VI-го и подъ управленіемъ статсъ-секретаря Позена.

3) Всѣ тѣ дѣла и случаи, въ порядкѣ исполнительномъ, которые,

¹⁾ Впоследствии Головинъ былъ опредѣленъ сенаторомъ въ Москву, а въ 1845 году генералъ-губернаторомъ Остзейскихъ губерній, въ заключеніе же карьеры, по замѣнѣ его въ послѣдней должности княземъ Суворовымъ, пожалованъ въ члены Государственнаго Совѣта.

²⁾ Это была тонкость Чернышева и Позена. Имъ хотѣлось охранить Гана передъ публикою и не выразить по крайней мѣрѣ гласно, что онъ исключается изъ комитета, а потому они предпочли сказать, что самый комитетъ упраздняется, хотя въ новомъ остались всѣ прежніе члены, съ прибавкою лишь, но особой высочайшей волѣ, наследника цесаревича и графа Венкendorфа.

не требуя новыхъ законодательныхъ мѣръ, превышають власть министровъ, представлять къ высочайшему разрѣшенію черезъ упомянутый комитетъ.

4) Производство дѣлъ, требующихъ новыхъ законодательныхъ мѣръ, сосредоточить въ VI-мъ отдѣленіи собственной канцеляріи, откуда, обрабатываясь подъ ближайшимъ надзоромъ его величества, они будутъ обращаться въ тотъ же комитетъ, или для окончательнаго постановленія, или же для предварительнаго только соображенія и внесенія потомъ въ Государственный Совѣтъ.

Въ введеніи указа сказано было, что все сіе дѣлается «въ видахъ скорѣйшаго водворенія въ Закавказскомъ краѣ прочнаго устройства, соотвѣтствующаго его обстоятельствамъ и дѣйствительнымъ потребностямъ его жителей, и дабы дать болѣе единства и быстроты всѣмъ мѣрамъ, предпринимаемымъ по управленію симъ краемъ въ порядкѣ законодательномъ и исполнительномъ».

На семъ основаніи VI-е отдѣленіе было открыто 8-го, а комитетъ— 10-го сентября 1842 года, и—все пошло съ начала...

Но Закавказскій край имѣлъ, кажется, назначеніемъ убивать всѣ репутации и всѣ карьеры. Погубивъ Ермолова, Розена, Головина, Гана, Граббе и множество лицъ второстепенныхъ, онъ вскорѣ долженъ былъ уничтожить еще и Нейдгардта и самого Позена.

Кратковременнаго управленія Закавказьемъ достаточно было, чтобы убѣдить Нейдгардта, человѣка болѣзненнаго и не бывшаго никогда прежде въ дѣлахъ государственныхъ, что онъ не въ силахъ долѣе нести лежавшаго на немъ бремени. Неудачи и въ военныхъ дѣйствіяхъ и въ администраціи побудили его просить увольненія. Его просьбу приняли въ Петербургѣ не безъ удовольствія и не далѣе какъ 1-го января 1845 года онъ былъ назначенъ членомъ военнаго совѣта, а впослѣдствіи уволенъ въ отпускъ и осенью того же года умеръ, въ Москвѣ, отъ холеры. Въ преемники ему предназначенъ, сперва, командовавшій своднымъ кавалерійскимъ корпусомъ генералъ-отъ-артиллеріи Гершенцвейгъ; но когда онъ самъ рѣшительно отклонилъ этотъ постъ, выборъ государя остановился на знаменитомъ нашемъ воитѣ и государственномъ мужѣ, князѣ (тогда еще графѣ) Михаилѣ Семеновичѣ Воронцовѣ, въ то время новороссійскомъ (генералѣ) губернаторѣ. Въ собственноручномъ письмѣ, исполненномъ милости и довѣрія, императоръ Николай предложилъ ему это мѣсто на самыхъ пріятныхъ и почетныхъ условіяхъ, именно, съ титуломъ намѣстника и главнокомандующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ¹⁾, съ сохраненіемъ и прежняго званія и съ правомъ жить по временамъ, по собственному его усмотрѣнію, въ

¹⁾ Предшественники его имѣли только титулъ командировъ.

томъ или другомъ край. Боялись только одного, что престарѣлый ветеранъ не приметъ важнаго, но слишкомъ затруднительнаго поста, сулившаго огромныя труды и заботы при весьма загадочныхъ еще лаврахъ, и, съ историческимъ, популярнымъ въ цѣлой Европѣ именемъ своимъ, предпочтетъ проблематической славѣ тотъ заслуженный покой, которымъ онъ наслаждался. Высшія чувства патриотизма и преданности къ государю подавили въ немъ, однако же, всякое колебаніе. Шестидесятичетырехлѣтній старецъ, обладавшій и морально, и матеріально, всѣмъ, что только можетъ льстить человѣческому тщеславію и славолюбію, рѣшился принести себя въ жертву общему благу и принялъ сдѣланный ему вызовъ. Можно сказать, что вся Россія рукоплескала этому выбору, и князь, по прибытіи его въ первыхъ дняхъ 1845 года въ Петербургъ, сдѣлался предметомъ общаго благоговѣнія и безчисленныхъ овацій, частныхъ и публичныхъ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ должно было окончиться и поприще Позена.

Михаилъ Павловичъ Позенъ былъ человѣкъ умный, даже необыкновенно умный, и вмѣстѣ добрый, благородный и благонамѣренный. Но онъ имѣлъ противъ себя два важныхъ обстоятельства: во-первыхъ, свое происхожденіе, внушавшее недовѣрчивость къ нему въ общественномъ мнѣніи, особенно между аристократіею; во-вторыхъ, нажитое имъ значительное состояніе, котораго добросовѣстные источники — нѣсколько смѣлыхъ спекуляцій, участіе въ золотыхъ промыслахъ, въ винныхъ откупахъ и пр. — весьма лишь немногимъ были въ точности извѣстны, такъ что масса, всегда подозрительная и часто несправедливая, относилась его богатства къ корыстнымъ дѣйствіямъ по службѣ. Если завистливая толпа могла еще сколько-нибудь перенести неслыханную, по происхожденію и роду Позена, карьеру его, то уже никакъ не могла она простить ему внезапнаго его обогащенія. Позенъ, въ противоположность Гану, имѣлъ несравненно болѣе враговъ, чѣмъ друзей. Между тѣмъ, бывъ приближенъ, по покровительству князя Чернышева, къ лицу государя, сопровождавъ его нѣсколько разъ въ его путешествіяхъ, удовлетворивъ всѣмъ ожиданіямъ результатами кавказской своей экспедиціи, онъ, черезъ назначеніе его, наконецъ, къ завѣдыванію временнымъ отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи, сталъ, казалось, твердою уже ногою въ милости царской. Дѣйствительно, во все время управленія Нейдгардта, Позенъ былъ душою Кавказскаго комитета и всѣхъ принятыхъ по этому краю новыхъ мѣръ, имѣлъ нерѣдко личные доклады у государя в вѣль дѣла къ совершенному его удовольствію. Вдругъ пріѣхалъ вызванный сюда, по случаю новаго своего назначенія, новороссійскій генералъ-губернаторъ.

Воронцовъ, воспитанный въ Англіи, почти лучше знавшій по-англійски, нежели по-русски, и вообще болѣе походившій на англій-

скаго лорда, чѣмъ на русскаго вельможу, при всѣхъ огромныхъ его достоинствахъ, былъ нацѣтанъ многими идеями, малосвойственными духу нашихъ установленій и нашей національной жизни. Сверхъ того, его окружали разные люди, состоявшіе при немъ, частію въ теченіе многихъ лѣтъ и уже черезъ сіе одно приобрѣвшіе особенное надъ нимъ вліяніе. Эти довѣренныя лица проводили цѣлый донь въ кабинетѣ князя, въ сюртукахъ, съ сигарами во рту, такъ сказать, на распашку, и присутствовали даже обыкновенно при всѣхъ его пріемахъ и аудіенціяхъ. Но тотъ же Воронцовъ, вѣжливый со всѣми и каждымъ почти до самоуниженія, панибратствовавшій съ близкими къ нему, искавшій, казался, такой же популярности, къ какой стремился нѣкогда Ериоловъ, тотъ же Воронцовъ, когда дѣло шло о его правахъ, о его власти, о чемъ-нибудь для него существенномъ, становился въ высшей степени шекотливъ и заносчивъ, такъ что поступки его доходили до дерзости, даже до забвенія обыкновенныхъ условій учтивости. Это доказали многократныя дѣйствія его противъ министра финансовъ графа Канкрина, противъ Сената и противъ министровъ юстиціи; это же самое долженъ былъ испытать теперь на себѣ и Позенъ.

Дѣла по Закавказью сосредоточивались, какъ уже сказано выше, въ VI-мъ отдѣленіи собственной канцеляріи; слѣдственно, начальнику его, тотчасъ по пріѣздѣ сюда Воронцова, предлежало поставить себя въ непосредственныя и ближайшія съ нимъ соотношенія. Но репутація, данная Позену завистливыми его врагами и всячески поддержанная приближенными Воронцова, страшившимися опаснаго соперничества, сдѣлала то, что онъ съ самаго начала не сошелся съ Позеномъ. Послѣдній былъ принятъ чрезвычайно холодно и, послѣ трехъ посѣщеній, съ своей стороны, государевъ статсъ-секретарь и тайный совѣтникъ не удостоился даже получить на обмѣнъ визитной карточки. Между тѣмъ, онъ имѣлъ приказаніе отъ государя составить, вмѣстѣ съ Воронцовымъ, проектъ инструкціи въ формѣ высочайшаго рескрипта, которымъ опредѣлялись бы права и власть новаго не бывшаго у насъ прежде (кромя царства Польскаго) сана намѣстника. Послѣ предварительнаго словеснаго соглашенія въ главныхъ началахъ, Позенъ составилъ этотъ проектъ и отослалъ къ Воронцову, который возвратилъ его, съ предположенными имъ измѣненіями, черезъ одного изъ своихъ чиновниковъ. Въ проектѣ Позена, между прочимъ, сказано было, что намѣстникъ дѣйствуетъ въ Закавказьѣ съ властію, предоставленною въ обыкновенномъ порядкѣ министрамъ. Воронцовъ, основывавшійся на письмѣ государя, обѣщавшемъ ему, въ случаѣ принятія новой должности, неограниченную власть, замѣнилъ сказанное мѣсто тѣмъ, что намѣстникъ разрѣшаетъ собственною властію всѣ дѣла, восходящія въ обыкновенномъ порядкѣ къ министрамъ. Позенъ замѣтилъ чиновнику,

что эту редакцію надо бы исправить, такъ какъ къ министрамъ восходить и дѣла законодательныя, и такія изъ административныхъ, о которыхъ, не имѣя власти сами ихъ рѣшать, они должны представлять государю. На другой день Позену назначена была личная о семъ предметѣ работа у Воронцова, въ присутствіи и Чернышева, по званію председателя Кавказскаго комитета. Едва они сѣли, какъ Воронцовъ, обратясь къ Чернышеву, сказалъ:

— Я очень радъ, что вы здѣсь, потому что вы тотчасъ поставите меня въ оборонительное противъ этого господина (указавъ на Позена) положеніе.

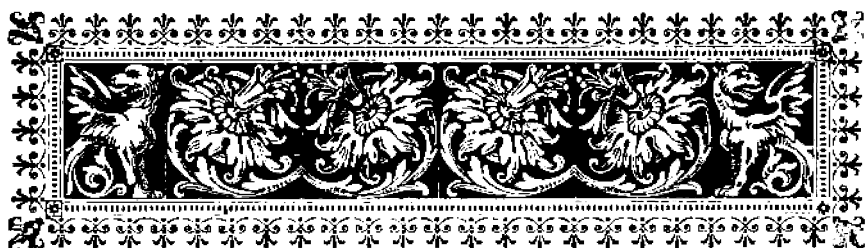
И тутъ новый намѣстникъ сталъ жаловаться, что Позенъ, при разсмотрѣніи перемѣнъ въ рескриптѣ, сказалъ присланному чиновнику: «Да что жъ! развѣ онъ (Воронцовъ) хочетъ царской власти?» Отсюда родилась жаркая сцена, при которой Позенъ увѣрялъ и клялся, что не только не думалъ говорить этихъ словъ, но не имѣлъ къ тому и малѣйшаго повода, приписавъ упомянутую поправку въ рескриптѣ совсѣмъ не намѣренной, а одной невольной ошибкѣ въ редакціи. Воронцовъ отвѣчалъ, что знаетъ своего чиновника 17 лѣтъ и не можетъ не повѣрить его слову. Напослѣдокъ, на очной ставкѣ, данной тутъ же по усиленному настоянію Позена, тотъ чиновникъ нѣсколько измѣнилъ прежнее свое показаніе, приведя слышанныя имъ слова въ такомъ видѣ: «Вѣдь это будетъ царская власть». Но Позенъ продолжалъ утверждать, что не сказалъ и этого и вообще ничего подобнаго, и, наконецъ, послѣ продолжительнаго пренія, объявилъ, что все это происшествіе и еще болѣе настоящая сцена ставятъ его въ невозможность оставаться долѣе въ такихъ служебныхъ отношеніяхъ, гдѣ, при частой дѣловой перепискѣ, ожидающей его съ намѣстникомъ, внушенія и разговоры чиновниковъ всегда могутъ давать иной толкъ его словамъ, такъ что, будучи только исполнителемъ и передавателемъ высочайшей воли, онъ легко можетъ невинно пострадать. Дѣйствительно, возвращаясь домой, онъ тотчасъ послалъ Чернышеву просьбу объ увольненіи его въ отставку, можетъ быть въ тайномъ чаяніи, что его будутъ удерживать и уговаривать. Но судьба его была уже рѣшена вступленіемъ въ неравный бой съ Воронцовымъ. Государь могъ принять это состязаніе только въ двоякомъ видѣ: или какъ оппозицію противъ сановника, стоявшаго въ то время, въ глазахъ и правительства и всей публики, на высшей степени гражданскаго величія, или какъ неблагодарность за все, чего онъ, Позенъ, достигъ до тѣхъ цоръ по милости государя, а неблагодарность, въ понятіяхъ и чувствахъ императора Николая, была самымъ чернымъ изъ всѣхъ пороковъ. Указъ объ увольненіи Позена согласно его просьбѣ, вовсе отъ службы, былъ не-

которую велѣлъ перевезти въ Сицилію, въ подарокъ князю Бутерѣ. Во-первыхъ, князя Бутеры въ то время уже нѣсколько лѣтъ не было на свѣтѣ; во-вторыхъ, государь точно подарилъ его вдовѣ перьковъ, но какую? Походную, ту, которая привезена была въ ея виллу отсюда для императрицы.

Государь возвратился въ Петербургъ 30-го декабря, въ 9-мъ часу утра, оставя императрицу на зиму въ Палермѣ. Послѣ свиданія съ своими дѣтьми, онъ тотчасъ посѣтилъ княгиню Бутеро, для изъявленія ей благодарности, своей и императрицы, за ея виллу въ Палермѣ, а въ часъ былъ уже на разводѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

XIV ¹).

1846.

Рескриптъ наслѣднику цесаревичу.—Кончина принца Нидерландскаго и поповка великой княжны Ольги Николаевны.—Баль у великой княгини Маріи Николаевны съ профессорами, академиками и горными офицерами.—Графъ Юрій Александровичъ Головкинъ.—Запрещеніе домино и венеціановъ для военныхъ на маскарадахъ.—Депутація лифляндскаго дворянства.—Графиня Бобринская.—Кончина князя Любецкаго.—Возвращеніе императрицы изъ Палермо.—Обрученіе и бракосочетаніе великой княгини Ольги Николаевны.—Особенности покупки имѣнія „Славянка“.—Базаръ русскихъ издѣлій.—50-ти-лѣтній юбилей шествія императора Николая въ Конно-гвардейскомъ полку.—Кончина и похороны великой княжны Маріи Михайловны.—Переправа черезъ покрытый льдомъ Нѣманъ.—Память государя.

Отъѣзжая изъ Россіи въ Палермо, государь облекъ наслѣдника цесаревича такою властію, что за границу посылались только проекты указовъ, требовавшіе высочайшаго подписанія, и меморіи Общаго Собранія Государственнаго Совѣта. Все прочее разрѣшалъ цесаревичъ, и министры докладывали ему, каждый по своей части, на томъ же основаніи, какъ его родителю. Но эта, такъ сказать, передача самодержавной власти, бывъ приведена въ дѣйствіе не манифестомъ или указомъ, а однимъ циркулярнымъ отношеніемъ ко всѣмъ министрамъ отъ I-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи, не была извѣстна, по крайней мѣрѣ официально, ни Сенату, ни вообще мѣстамъ и лицамъ подвѣдомственнымъ. По всѣмъ дѣламъ, требовавшимъ высочайшихъ повелѣ-

¹) См. „Русскую Старину“ январь 1900 г.

ній, они объявлялись, какъ всегда, именемъ государя, что было, однакожъ, какъ говорятъ французы, тайною комедіи. Всѣ знали, что государь въ Палермѣ, и между тѣмъ повелѣнія отъ него по докладамъ и представленіямъ возвращались черезъ нѣсколько дней, а иногда въ тотъ же самый день.

Вслѣдъ за обратнымъ пріѣздомъ государя въ Петербургъ, наслѣдникъ цесаревичъ удостоенъ былъ ордена св. Владимира 1-й степени—первой выслуженной имъ награды. Государь собственноручно написалъ весь рескриптъ карандашемъ и, велѣвъ потомъ переписать, прислалъ августѣйшему своему сыну, вмѣстѣ съ этою копіею, обратившемуся, черезъ высочайшую на ней подпись, въ оригиналь, и черновой свой подлинникъ ¹⁾. Вотъ слова этого царственнаго акта:

«Любезнѣйшему сыну моему, государю наслѣднику цесаревичу!

Отъѣжая за границу для сопутствованія государыни императрицы, родительницы вашей, поручилъ я вамъ управленіе большого числа дѣлъ государственныхъ, въ томъ полномъ убѣжденіи, что вы, постигая мою пѣль, мое къ вамъ довѣріе, покажете Россіи, что вы достойны вашего высокаго званія.

«Возвратясь нынѣ по благословенію Божію, удостовѣрился я, что надежды мои увѣичались къ утѣшенію родительскаго моего, нѣжно васъ любящаго сердца.

«Въ вѣдшее доказательство моего удовольствія жалуемъ васъ кавалеромъ ордена св. Равноапостольнаго Великаго Князя Владимира первой степени, коего надпись: «польза, честь и слава» укажетъ и впредь вамъ, на что Промыслъ Всевышняго васъ призываетъ для Россіи».

21-го января у графа Воронцова-Дашкова давался домашній спектакль, на которомъ обѣщались присутствовать и государь. Но почти передъ самымъ началомъ принесли къ хозяину записку отъ наслѣдника цесаревича, извѣщавшаго, что ни онъ, ни государь не могутъ пріѣхать, по случаю внезапнаго извѣстія о кончинѣ сына принцессы Фридерики Нидерландской, сестры императрицы. Этому принцу, единственному сыну, было только 9-тъ лѣтъ отъ роду, и всѣ очень полюбили его въ предшедшее лѣто, которое онъ проводилъ, вмѣстѣ съ своими родителями, въ Петергофѣ. Государь, съ обыкновенною нѣжностію своихъ чувствъ, отозвался, что не можетъ принять участія въ увеселеніяхъ въ самый день полученія этого извѣстія, зная, сколько оно огорчитъ отсут-

¹⁾ Императоръ Александръ II замѣтилъ: „Оригинальный рескриптъ у меня хранится одинъ, черноваго никогда не видалъ и прислалъ его вечеромъ 31-го декабря 1845 г. съ своею собственною лентою и звѣздой“.

ствующую императрицу ¹⁾. За этимъ печальнымъ извѣстіемъ послѣдовало на другой день радостное. Въ письмахъ въ Палермы увѣдомляли государя о помолвкѣ великой княжны Ольги Николаевны съ наследнымъ принцемъ Виртембергскимъ. Государь познакомился съ нимъ въ Венеціи, гдѣ и происходили предварительные намеки и переговоры. Извѣстіе было разнесено по городу въ особыхъ прибавленіяхъ къ газетамъ; но какъ оно до вечера не вездѣ еще могло огласиться, то многіе очень были озадачены засвѣтившеюся вдругъ по улицамъ иллюминаціею.

28-го января, въ день рожденія великаго князя Михаила Павловича, былъ балъ у великой княгини Маріи Николаевны, первый семиофициальный, потому что запросто у нея уже и прежде нерѣдко танцевали. Я сказалъ семиофициальный отъ того, что всѣхъ статскихъ звали не въ мундирахъ, а въ мундирныхъ фракахъ. Личный составъ бала былъ, смотря съ точки обыкновенныхъ придворныхъ и свѣтскихъ собраний, довольно оригиналенъ. Кромѣ собственно лицъ танцующихъ, высшихъ придворныхъ чиновъ, членовъ Государственного Совѣта, статсъ-секретарей и т. п., между этими привычными гостями встрѣчались, немножко какъ лица безъ образа, профессора Академіи художествъ, академики Академіи наукъ и офицеры корпуса горныхъ инженеровъ. Всѣ они были званы по служебнымъ отношеніямъ герцога Лейхтенбергскаго, котораго и личные вкусы особенно привлекали къ ихъ кругу. Впрочемъ, балъ въ этихъ новыхъ, свѣжихъ, блестящихъ чертогахъ былъ истинно великолѣпенъ. Ужинали въ часъ, но танцы продолжались до пятаго.

Въ первыхъ числахъ февраля 1845 ²⁾ года пришло въ Петербургъ извѣстіе о кончинѣ въ Харьковѣ попечителя тамошняго учебнаго округа, оберъ-камергера и члена Государственного Совѣта графа Юрія Александровича Головкина. Онъ былъ однимъ изъ умѣйшихъ людей,—въ смыслѣ французскаго *homme d'esprit*—и пріятнѣйшихъ собесѣдниковъ своей эпохи, и императоръ чрезвычайно любилъ его общество, такъ что когда графъ жилъ еще въ Петербургѣ, онъ почти ежедневно обѣдалъ во дворцѣ. Говорили, что ему при смерти было далеко за 90 лѣтъ; не знаю, на сколько это справедливо; по крайней мѣрѣ видъ его отнюдь не показывалъ такой старости. Извѣстно только, что онъ состоялъ въ службѣ съ 1782 года, а въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника съ 1804 года. Камергеромъ онъ былъ еще при Екатеринѣ (1792), сенаторомъ (1797) и оберъ-церемоніймейстеромъ (1799) при Павлѣ, а

¹⁾ Потомъ этотъ спектакль повторился для государя и царской фамилии, въ общемъ опять нашемъ присутствіи.

²⁾ Такъ въ оригиналѣ.

Александровскую ленту получилъ въ 1801 году (съ 1834 онъ былъ и Андреевскимъ кавалеромъ). Происходявъ изъ той вѣтви своей фамиліи, которая выселилась изъ Россіи еще при Петрѣ Великомъ, графъ Головкинъ, съ кореннымъ русскимъ именемъ, былъ родомъ—голландецъ, а религіею—реформатъ и по-русски не только писалъ, но и говорилъ очень дурно. Когда онъ, въ царствованіе Павла, присутствовалъ въ 1-мъ департаментѣ Сената, императоръ, разгнѣвавшись по одному дѣлу на этотъ департаментъ, приказалъ отрѣшить всѣхъ сенаторовъ—кромя Головкина, о которомъ въ указѣ сказано было, что онъ изъясняется отъ отвѣтственности за малымъ знаніемъ русскаго языка. Я самъ, долго сидѣвъ съ нимъ въ Комитетѣ призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ, котораго онъ былъ предсѣдателемъ, могу засвидѣтельствовать, что имя свое онъ всегда подписывалъ «Юрья». Послѣ него осталось около 12.000 душъ, изъ числа которыхъ 8.000 въ 1845 году были имъ обращены въ майоратъ, составленный въ пользу внука его по дочери, находившейся въ замужествѣ за управлявшимъ нѣкогда министерствомъ иностранныхъ дѣлъ княземъ Александромъ Николаевичемъ Салтыковымъ. Сверхъ того, продавъ остальное свое имѣніе, графъ, давно уже вдовый, еще при жизни передалъ два милліона въ руки жившей съ нимъ долгое время самой простой женщины, жены ламповщика одного изъ петербургскихъ театровъ. Не смотря на все это огромное состояніе, въ домѣ, въ минуту его смерти, не нашлось ни копѣйки, такъ что для похоронъ пришлось заложить—брильянтовый оберъ-камергерскій ключъ.

Военные генералы и офицеры въ прежнее время не могли являться на публичныхъ маскарадахъ иначе, какъ безъ шпагъ и въ домино или венеціанахъ сверхъ мундировъ; и этому правилу всегда подчинялъ себя и царь. 12-го февраля 1846 г., по случаю маскарада, даннаго въ пользу инвалидовъ, объявлено приказаніе, чтобы впредь на маскарадахъ военные были въ однихъ мундирахъ, но непременно при шпагахъ. Съ тѣхъ поръ венеціаны и домино перешли въ область преданія, и маскарады стали, для военныхъ, отличаться отъ обыкновенныхъ баловъ лишь тѣмъ, что на первыхъ они должны были носить на головѣ каски

По случаю разныхъ неурядицъ въ Лифляндіи назначенъ былъ пересмотръ отношеній въ семъ краѣ помѣщиковъ къ крестьянамъ и для сего, въ 1846 году, учреждены въ Петербургѣ два комитета, одинъ приготовительный, а другой высшій, изъ членовъ Государственного Совета; сверхъ того, для участія въ этомъ дѣлѣ вызваны были изъ Лифляндіи губернскій предводитель дворянства и нѣсколько депутатовъ.

Въ мартѣ государь пожелалъ видѣть этихъ депутатовъ, и они были потребованы во дворецъ. При аудіенціи ихъ присутствовали, кромѣ наслѣдника цесаревича, министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Перовскій, графъ П. П. Паленъ, въ качествѣ предсѣдателя высшаго изъ упомянутыхъ комитетовъ, генералъ-адъютантъ баронъ Мейендорфъ, въ званіи предсѣдателя евангелической генеральной консисторіи, генералъ-адъютантъ баронъ Ливенъ и, наконецъ, генералъ-губернаторъ остзейскихъ губерній Головинъ, какъ официальный вводителъ депутаціи. Государь, сказавъ, при представленіи ея, что, вѣроятно, не всѣ члены равно сильны въ русскомъ языкѣ, спросилъ, какъ они желаютъ, чтобъ онъ съ ними говорилъ, т. е. по-французски, или по-нѣмецки? На такое милостивое предложеніе, они отвѣчали, что предпочитаютъ языкъ нѣмецкій, и государь, попросивъ въ шутку ихъ снисхожденіе къ своей малоопытности въ немъ, произнесъ длинную и превосходную рѣчь, отъ которой, разумѣя и содержаніе ея и дикцію, всѣ пришли въ совершенный восторгъ. Сущность этой рѣчи состояла въ томъ, что, желая улучшить и болѣе упрочить состояніе лифляндскихъ крестьянъ, государь общается, однако, державнымъ своимъ словомъ, охранять при этомъ, какъ всегда, и привилегіи мѣстнаго дворянства. Спустя нѣсколько дней, государь призвалъ снова передъ собой, въ секретную аудіенцію, уже одного губернскаго предводителя Лиліенфельда; но содержаніе этой второй аудіенціи, относившейся, вѣроятно, до происходившихъ въ то время въ Лифляндіи религіозныхъ волненій, осталось тайною, вслѣдствіе положенной государемъ на Лиліенфельда печати молчанія.

Спустя нѣсколько времени кто-то изъ лицъ, присутствовавшихъ при первой аудіенціи, напечаталъ въ Эльбергфельдской газетѣ подробный отчетъ о всемъ ея ходѣ и всю рѣчь государя вмѣстѣ съ бывшими на нее отвѣтами. Изъ Эльбергфельдской газеты эта статья перешла въ Кѣльнскую и наконецъ въ «Journal des Débats» (5-го іюля 1846); но, не знаю почему, хотя все тутъ напечатанное дѣлало лишь честь нашему правительству, эти нумера газетъ не были пропущены нашею цензурою.

28-го марта скончалась одна изъ почетнѣйшихъ, умнѣйшихъ и наиболѣе любимыхъ дамъ высшаго нашего круга, графиня Софья Александровна ¹⁾ Бобринская, дочь лифляндскаго ландрата Унгерн-Штернберга. Замужество съ сыномъ императрицы Екатерины открыло ей доступъ ко двору, а высшія качества и плѣнительный умъ не замедлили всѣхъ къ ней привязать. Ее въ особенности удостоивала сво-

¹⁾ Императоръ Александръ II поправилъ: „Анна Карловна“.

его расположенія императрица Марія Ѳеодоровна, а потомъ этимъ же расположеніемъ отличалъ ее и императоръ Николай, очень часто посѣщавшій старушку, хотя она не была ни статсъ-дамою, ни даже кавалерственной дамою, и называвшій ее всегда «Mutterchen» ¹⁾). Все знатное, сильное, имѣвшее притязаніе на высшій тонъ, стекалось въ великолѣпный ея домъ, на концѣ Галерной улицы, почти единственный, гдѣ еще держалась бесѣда безъ неизбѣжной, какъ въ другихъ, помощи танцевъ и картъ, хотя впрочемъ и у нея бывали по временамъ балы, украшавшіеся присутствіемъ императорской фамиліи. Положеніе графини при дворѣ было какъ бы исключительное, потому что безъ всякаго, какъ я уже сказалъ, придворнаго званія, не имѣвъ особеннаго значенія и по генераль-маіорскому чину покойнаго своего мужа, она не только въ домашнемъ придворномъ быту, но и на всѣхъ церемоніальныхъ выходахъ, обѣдахъ и пр., шла въ уровень съ статсъ-дамами ²⁾). Мужъ ея, умершій лѣтъ за тридцать прежде нея, былъ человекъ малозначущій, такъ что и Екатерина только обогатила его, но не рѣшилась вывести въ люди. Въ ея царствованіе онъ былъ лишь бригадиромъ, и уже императоръ Павелъ пожаловалъ его въ генераль-маіоры. Не могу, хотя и не совсѣмъ здѣсь кстати, не коснуться любопытной исторіи его рожденія, рассказанной мнѣ графомъ Блудовымъ, который, по имѣвшимся въ его рукахъ бумагамъ и актамъ, все на свѣтѣ знаетъ и помнитъ. Плодъ тайной любви съ Григоріемъ Орловымъ, Бобринскій носимъ былъ императрицею подъ сердцемъ въ кратковременное царствованіе Петра III-го. Тогдашнія огромныя фижмы представляли полную возможность скрывать ея положеніе, но надо было приготовиться и къ минутъ развязки. Петръ III часто входилъ къ императрицѣ въ теченіе дня и могъ случайно придти и въ эту минуту, а онъ безъ того уже помышлялъ о расторженіи брака съ нею, какъ она съ своей стороны замышляла о язверженіи его съ престола, къ чему, однако, не все еще было продумано. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ Екатерина призвала къ себѣ одного изъ своихъ приверженцевъ, графа Гендрикова.

— Ты часто увѣрялъ,—сказала она,—что готовъ пожертвовать для меня и состояніемъ, и жизнію. Теперь настало время испытать тебя, хотя рѣчь идетъ не о жизни и не о состояніи, а только о часта польднанаго, за которую мнѣ не трудно тебя вознаградить.

Гендриковъ повторилъ свои клятвы въ безпредѣльной преданности, и тогда Екатерина открыла ему свое положеніе и свой планъ. У него былъ домъ на Петербургской сторонѣ, изъ оконъ котораго былъ виденъ

¹⁾ Императоръ Александръ II поправилъ „Tante“.

²⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Вадоръ“.

Зимній дворецъ. Условились, что при извѣстномъ сигналѣ изъ послѣдняго Гендриковъ тотчасъ зажжетъ свой домъ, такъ какъ императоръ присутствовалъ на каждомъ пожарѣ въ столицѣ. Такъ и сдѣлалось. Петръ поспѣвалъ на пожаръ, а между тѣмъ Екатерина благополучно разрѣшилась сыномъ.

Тѣло графини отвезли въ деревню; на выносъ его въ Петровскую лютеранскую церковь присутствовали и государь и наследникъ цесаревичъ.

11-го мая русская земля лишилась опять одного доблестнаго сына. Скончался, на 69-мъ году отъ роду, князь Ксаверій Францевичъ Друцкой-Любецкій, человѣкъ историческій по своимъ судьбамъ и, при всѣхъ его странностяхъ и недостаткахъ, чрезвычайно примѣчательный среди обширнаго поля нашей прозаической посредственности. Въ сочиненіи моемъ: «Императоръ Николай въ совѣщательныхъ собраніяхъ» ¹⁾ помѣщена подробная его біографія и характеристика; но, говоря тамъ о немъ преимущественно съ дѣловой стороны, я не довольно, можетъ статься, отдалъ справедливости душевнымъ его качествамъ. Онъ былъ человѣкъ въ высшей степени добрый, благородный, безпритязательный, надежный другъ, наконецъ и правдивый судья, умѣвшій примирять правосудіе съ добродушіемъ. У насъ, гдѣ, и предумышленно и безъ намѣренія, все такъ скоро забывается, еще при жизни Любецкаго мало кто помнилъ, что ему собственно Россія обязана уничтоженіемъ престопаднаго лажа на монету—важнѣйшая заслуга въ его политической карьерѣ. Онъ умеръ истиннымъ христіаниномъ, въ полной памяти, съ совершеннымъ спокойствіемъ духа, съ молитвою на устахъ.

— J'entrevois déjà l'éternité,—были послѣднія слова его къ окружавшимъ его женѣ и дѣтямъ—le passage n'est nullement pénible; il n'a de douloureux que la séparation avec vous!

Передъ тѣмъ, онъ наставлялъ дѣтей въ любви и почтеніи къ матери, взаимной дружбѣ между собою и преданности отечеству, прибавляя, что лишь при строгомъ исполненіи этихъ совѣтовъ умирающаго отца они найдутъ счастье и покой въ жизни. Онъ требовалъ также непремѣнно, чтобы послѣ смерти тѣло его было вскрыто, какъ для пользы науки, такъ и для личной пользы его дѣтей: ибо всегда думалъ, что болѣзнь его есть наследственная и что врачи, ближе ознакомясь съ нею черезъ осмотръ его внутренностей, найдутъ, можетъ статься, дѣйствительнѣйшія средства къ предохраненію отъ нея его потомства. Медикамъ не очень хотѣлось приступать къ исполненію этой воли покойнаго, но вдова на томъ настояла.

¹⁾ См. „Сборникъ император. русск. историческ. общества“, т. 98.

На отпѣваніи тѣла въ большой римско-католической церкви присутствовали наслѣдникъ цесаревичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ. Государь находился въ то время въ Варшавѣ.

Послѣ Любецкаго осталось 3.300 душъ въ литовскихъ губерніяхъ, слѣдственно самыхъ бѣдныхъ, и—550.000 руб. сер. долгу. Новое доказательство, въ случаѣ если бы кто въ томъ усомнился, что на совѣсти покойнаго не лежало никакого безчестнаго дѣла. Извѣстно, что, кромѣ многолѣтняго нахождения министромъ финансовъ въ царствѣ Польскомъ, онъ былъ употребленъ по важнымъ ликвидаціоннымъ дѣламъ въ Австріи и Франціи, которыя человѣку съ менѣе чистыми правилами могли бы доставить милліоны.

Императрица возвратилась изъ Палермы въ началѣ лѣта 1846 года, обновленная въ силахъ. Государь ѣздилъ къ ней на встрѣчу въ Варшаву. 7-го іюня она, вмѣстѣ, впервые пріѣхали изъ Петергофа прямо въ Казанскій соборъ. Обѣдъ былъ приготовленъ, на всякій случай, и въ Зимнемъ дворцѣ, и на Елагиномъ острову, и императорская чета предпочла ѣхать на послѣдній. Вечеромъ городъ загорѣлся иллюминаціею, выходившею изъ ряда обыкновенныхъ, при очаровательной лѣтней ночи, ослаблявшей, правда, своимъ свѣтомъ блескъ огней, но за то такой тихой, что шкалики горѣли, какъ въ комнатахъ. Въ 11-мъ часу показалась на Невскомъ проспектѣ императрица съ великою княжною Ольгою Николаевною, въ закрытой каретѣ. Народъ тѣснился вокругъ нея толпами, съ криками «ура!», мѣстами, передъ нѣкоторыми табачными магазинами, стояли пѣсельники изъ рабочихъ и пѣли народный гимнъ. Все это вмѣстѣ имѣло какой-то особенный, необычный чопорному Петербургу характеръ. Государь на улицахъ не показывался, предоставляя весь почетъ этой встрѣчи одной императрицѣ.

25-го іюня въ день рожденія государя, происходило обрученіе, а 1-го іюля, въ день рожденія императрицы и вмѣстѣ 29-ти-лѣтія брачнаго ея союза, вѣнчаніе великой княжны Ольги Николаевны съ наслѣднымъ принцомъ Виртембергскимъ. Оба празднества совершались въ Петергофѣ, но съ тѣмъ же торжествомъ и по тому же церемониалу, какъ обыкновенно дѣлалось и въ столицѣ. Изъ иностранныхъ принцевъ прибыли на эти празднества: наслѣдный принцъ прусскій, сынъ шведскаго короля Оскаръ и, отъ датскаго двора, одинъ изъ принцевъ Глюксбургъ-Зондерсгаузенскихъ.

Въ день обрученія предназначенный церемониаломъ парадный балъ, по случаю жары и общаго утомленія, былъ отмѣненъ; но вечеромъ загорѣлась обворожительная, совсѣмъ новая иллюминація одного верхняго сада. Ее устраивалъ, по примѣру бывшей въ Варшавѣ для встрѣчи императрицы, нарочно выписанный сюда полякъ. На деревьяхъ было раз-

вѣшено, въ формѣ виноградныхъ лозъ, 52.000 разноцвѣтныхъ стеклянныхъ фонарей, и сверхъ того садъ горѣлъ множествомъ пальмовыхъ деревьевъ и колоннъ, укрѣпленныхъ корзинками съ цвѣтами. Для выдѣлки этихъ фонарей были остановлены всѣ работы на казенномъ заводѣ, и въ всѣхъ тѣхъ послѣдніе три тысячи поспѣли только въ самый день иллюминаціи.

Въ день бракосочетанія, 1-го числа, были иллюминированы верхній садъ и въ нижнемъ кавальѣ, на концѣ котораго горѣлъ шифръ императрицы, а 2-го числа—весь садъ. Потомъ слѣдовали всякій день праздники, то въ Петербургѣ, то въ Красномъ Селѣ, парадный балъ въ Дворянскомъ собраніи и наконецъ 11-го (день тезоименитства великой княгини) иллюминація въ городѣ и на Елагиномъ. Въ этотъ же день (т. е. 1-го) излился потокъ милостей на служащихъ какъ при дворѣ, такъ и по всѣмъ вѣдомствамъ. Здѣсь не мѣсто ихъ исчислять, но изъ нихъ двѣ были особенно примѣчательны, какъ очень рѣдкія.

Бывшая воспитательница великой княгини и августѣйшихъ ея сестеръ, статсъ-дама Баранова (вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника) возведена съ потомствомъ въ графское достоинство, что представило, кажется, второй лишь примѣръ пожалованія у насъ титула дамъ: первый былъ на воспитательницѣ сестеръ государевыхъ Ливень, пожалованной, также во вдовствѣ, сперва въ графини и потомъ въ княгини. Помощница новой графини, фрейлина Акулова, награждена орденомъ св. Екатерины 2-й ст., что было уже едва-ли не первымъ примѣромъ: ибо хотя княжнѣ Волконской въ сей же день, а графинѣ Орловой-Чесменской еще прежде пожалованъ былъ тотъ же орденъ, но онѣ обѣ имѣли высшее званіе камеръ-фрейлинь.

Новобрачная чета вскорѣ оставила Петергофъ и Россію. Переселяясь на жительство въ Штутгартъ, она 28-го августа отправилась въ Штетинъ, водою, на двухъ пароходахъ.

Въ сентябрѣ 1846 года, вся наша публика была очень занята одною исторіею, которая ходила по городу, прикрашенная, разумѣется, тысячью вымысловъ и ложныхъ толковъ. Вотъ истинный ходъ и сущность этой исторіи, по самымъ достовѣрнымъ источникамъ.

Пользовавшаяся въ то время у насъ большою, хотя и не совсѣмъ лестною репутаціею, вдова флигель-адъютанта графа Самойлова, скитаясь по чужимъ краямъ, вышла наконецъ за какого-то италіянца, что, лишивъ ее правъ русскаго подданства, поставило въ необходимость продать состоявшія за нею въ Россіи недвижимыя имущества. Въ числѣ ихъ главнѣйшее, Графская Славянка, неподалеку отъ Павловска, имѣніе истинно царское, досталось ей по наслѣдству изъ рода Скавронскихъ. Государь, пожелавъ купить это имѣніе для себя, велѣлъ

графу Перовскому, управлявшему (за отсутствіемъ князя Волконскаго) министерствомъ удѣловъ, сторговать его у повѣреннаго Самойловой. Но какъ сей послѣдній запросилъ слишкомъ высокую цѣну, то Перовскій, въ увѣренности, что на такое большое имѣніе не легко найдется другой покупатель, предпочелъ отложить покупку до публичныхъ торговъ, которые должны были послѣдовать по истеченіи законнаго срока. Между тѣмъ, мать оберъ-церемоніймейстера графа Воронцова-Дашкова, управлявшая всѣми его дѣлами, стала торговать Славянку для своего сына и, условившись въ цѣнѣ, дала 150.000 р. задатку. Воронцовы, и особенно молодая воструха (жена графа), о которой я не разъ уже говорилъ, были въ восхищеніи имѣть такую чудесную мызу подъ самою столицей, съ совсѣмъ уже устроеннымъ и даже меблированнымъ дворцомъ и съ богатѣйшими угодьями, а старуха-мать радовалась своей сдѣлкѣ, тѣмъ болѣе, что продавецъ принималъ въ счетъ покупной суммы 3.000 душъ въ Бѣлоруссіи, нѣсколько уже лѣтъ не дававшихъ дохода и стоявшихъ только денегъ на ихъ прокормленіе. Государь объ этомъ ничего не зналъ. Вдругъ, за обѣдомъ въ Петергофѣ, кто-то сказалъ, что акція Царскосельской желѣзной дороги должны значительно подняться въ цѣнѣ.

— Отчего?—спросилъ царь.

— Оттого, что Воронцовы купили Славянку, и теперь, при ихъ открытомъ образѣ жизни, всѣ будутъ къ нимъ туда ѣздить.

Государь промолчалъ, но послѣ обѣда приказалъ Перовскому тотчасъ кончить дѣло о покупкѣ Славянки для двора, за предложенію Воронцовыми сумму, съ возвращеніемъ послѣднимъ ихъ задатка. Тутъ старуха Воронцова рѣшилась написать государю частное письмо по-французски, въ которомъ, изложивъ всѣ обстоятельства, пѣтъясняла, что какъ ею заключена уже запродажная запись и данъ задатокъ, то дѣло, по закону, должно считать конченнымъ и неприкосновеннымъ для третьей стороны. На это, по высочайшей волѣ, отвѣтствовано было, тоже по-французски, отказомъ, съ ссылкой на другой законъ, по которому государь имѣлъ бы право, какъ родственникъ Славронскихъ, выкупить Славянку, и съ изъясненіемъ, что, не обращаясь къ этому праву, онъ оставляетъ имѣніе за собою и потому, что первый на него торговался, и для блага крестьянъ, которыхъ положеніе будетъ выгоднѣе въ рукахъ удѣла, чѣмъ въ частной крѣпостной зависимости.

Какъ бы то ни было, но молодая Воронцова ужасно разгнѣвалась на такой исходъ дѣла и уже никогда, наперекоръ своему добряку-мужу, не могла простить императору Николаю разрушенія розовыхъ ея надеждъ на привольную жизнь въ Славянкѣ.

12-го октября 1846 года, открылось въ Петербургѣ совсѣмъ новое учрежденіе: «Энциклопедическій базаръ русскихъ мануфактурныхъ издѣлій», соединившій въ себѣ постоянную выставку съ огромною, такъ сказать, лавкою. Это была компанія почти всѣхъ русскихъ фабрикантовъ, которые хотѣли, добротой произведеній и умѣренностью цѣнъ, внушить довѣріе къ нашей мануфактурной промышленности и, вмѣстѣ, открыть глаза нашей публикѣ, доказавъ, что мы нерѣдко покупаемъ въ дорогихъ иностранныхъ магазинахъ русскія издѣлія, подъ видомъ и по цѣнамъ иностранныхъ. Компанія, въ главѣ которой стоялъ извѣстный московскій фабрикантъ Гучковъ, расположила огромные свои склады въ тѣхъ залахъ Энгельгардтова дома (на Невскомъ проспектѣ), гдѣ помѣщалось прежде Дворянское собраніе, а потомъ Соединенный клубъ. Все было устроено со вкусомъ и даже роскошью; на все установлены опредѣленные цѣны; вѣжливость и предупредительность продавцовъ были чрезвычайныя; стеченіе публики, и при томъ самой высшей, такое, что въ обширныхъ залахъ происходила настоящая давка. Государь посѣтилъ этотъ магазинъ тотчасъ въ первый день, обворожилъ, какъ обыкновенно, всѣхъ своею привѣтливостью и общалъ опять пріѣхать съ цѣлою семьей. Вронченко, восхищенный тѣмъ, что все это устроилось во время его управленія министерствомъ финансовъ, въ первый день почти не выходилъ оттуда и подарилъ компаніи образъ святителя Николая въ позолоченной рамкѣ и золотую солонку. Впрочемъ, приведенію въ исполненіе этого грандіознаго предпріятія противопоставлялись сначала всѣ возможные препоны и интриги. Магазинъ, извѣстный въ Петербургѣ подъ именемъ «Англійскаго», больше всѣхъ страшившійся его соперничества, предлагалъ купить у Гучкова всѣ товары разомъ и за наличныя деньги, если онъ откажется отъ участія въ этой компаніи; но Гучковъ отозвался, что лучше бросить пожертвованные имъ на нее 300.000 р. въ воду, нежели лишиться своей помощи такое русское дѣло. Съ другой стороны, министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Перовскій, враждовавшій въ это время противъ Вронченко, самовластно, подъ предлогомъ, что Гучковъ—старообрядецъ, запретилъ открытіе магазина, хотя и не существовало закона, который давалъ бы къ сему поводъ. Вронченко нашелся вынужденнымъ войти по сему случаю съ особымъ докладомъ, и единственно положительная воля государя дала возможность осуществить дѣло.

7-го ноября минуло 50 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ императоръ Николай, въ санѣ великаго князя, былъ назначенъ шефомъ л.-гв. Коннаго полка. Этотъ юбилей праздновался особеннымъ образомъ. Сперва, въ часъ, былъ въ Михайловскомъ манежѣ благодарственный молебень и

разводъ ¹⁾, на которомъ государь самъ командовалъ полкомъ въ качествѣ полковаго командира. Передъ разводомъ ²⁾ людямъ объявили, что государь жалуетъ каждому рядовому по 3 р., каждому унтеръ-офицеру по 10 р., каждому вахмистру по 50 р. и, наконецъ, вахмистру лейбъ-эскадрона 100 р. Потомъ въ 4 часа былъ торжественный обѣдъ въ мраморномъ аванзалѣ ³⁾ Зимняго дворца, съ приглашеніемъ къ нему, кромѣ всѣхъ офицеровъ Конногвардейскаго полка, и всѣхъ ветерановъ, служившихъ въ немъ 50 лѣтъ тому назадъ. Ихъ нашлось еще до двѣнадцати, въ томъ числѣ князь Васильчиковъ и его братъ, графъ Несельродъ, государственный контролеръ Хитрово, оберъ-шенкъ Рибопьеръ, сенаторъ Даниловъ (изъ сдаточныхъ рекрутъ, бывшій въ то время полковымъ писаремъ) и проч. Васильчиковъ, однако, не явился за совершенно уже разрушавшимся въ это время здоровьемъ его, а Рибопьеръ—за пребываніемъ въ своихъ имѣніяхъ. Нашлись еще и два рядовыхъ той эпохи, состоявшіе, во время празднованія юбилея, сторожами въ какихъ-то казенныхъ мѣстахъ. Каждому изъ нихъ государь велѣлъ дать по 150 р., и они сидѣли также за обѣденнымъ столомъ, между другими ветеранами, смѣша всѣхъ колоссальнымъ аппетитомъ и соотвѣтственною жаждою, хотя ѣли и пили все, что подавалось болѣе, можетъ быть, изъ дисциплинарнаго чувства, не смѣя—отказаться. Въ полкъ государь прислалъ на обѣдъ деньги, и, наконецъ, вечеромъ, всѣ люди отправлены были на его счетъ въ существовавшій здѣсь въ то время циркъ Гверра. Полковый адъютантъ Анненковъ и другой офицеръ ⁴⁾, графъ Крейцъ, пожалованы во флигель-адъютанты.

Кончина великой княжны Маріи Михайловны, послѣдовавшая въ Вѣнѣ въ ночь съ 6-го на 7-е ноября, поразила царственный домъ нашъ новою печалью. 13-го ноября, еще до манифеста, разнесли по городу афишки объ отпѣвѣ всѣхъ спектаклей на три дня, а потомъ наложенъ былъ трехмѣсячный трауръ; при дворѣ ограничились одними панихидами въ Царскомъ Селѣ, въ которомъ пребывала еще въ то время императорская фамилія, а для публики совершена была панихида въ Казанскомъ соборѣ, на которую пригласительныя повѣстанки разнесли отъ полиціи, по обыкновенію—на другой день. Между тѣмъ, еще прежде полученія печальнаго извѣстія, по письмамъ объ отчаянномъ положеніи больной, отправился въ Вѣну наслѣдникъ цесаревичъ. Послѣ кончины великой княжны августѣйшая мать ея съ младшею дочерью осталась въ Вѣнѣ, а великій князь Михаилъ Павловичъ вы-

¹⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: „церковный парадъ“.

²⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „парадомъ“.

³⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „въ Гербовомъ залѣ“.

⁴⁾ Императоръ Александръ II прибавилъ: „командиръ—лейбъ-эскадрона“.

ѣхалъ оттуда въ Петербургъ ¹⁾, куда повезли и тѣло усопшей. Тутъ пришла вѣсть, что великій князь занемогъ въ Варшавѣ, и государь, чуждый всякаго утомленія—онъ только незадолго передъ тѣмъ возвратился въ Москву, а лѣтомъ ѣздилъ на встрѣчу императрицѣ въ Варшаву—24-го ноября въ ночь снова полетѣлъ въ этотъ городъ. Вдругъ, на разсвѣтѣ 29-го ноября, жители Петербурга были крайне удивлены и частью испуганы, при видѣ развѣвшагося надъ Зимнемъ дворцомъ флага,—знакъ, что государь уже опять въ Петербургѣ, не окончивъ, видно, предположенной поѣздки. Тотчасъ пошли разспросы, догадки и, натурально, прикрасы и выдумки. Вотъ что случилось въ самомъ дѣлѣ, по разсказу мнѣ тогда же графа Орлова, сидѣвшаго въ одномъ съ государемъ экипажѣ.

Выѣхавъ отсюда по прекрасному санному пути, въ первый разъ въ жизни государевой въ закрытой кибиткѣ, они у Вилькомиръ, за недостаткомъ снѣга, принуждены были пересѣсть въ слѣдовавшіе за ними лѣтніе экипажи. Прежде того, у Динабурга и потомъ у Янова, наши путешественники благополучно переправились черезъ не ставшія еще рѣки, на паромѣхъ, а у Ковенской заставы, куда прибыли 26-го числа въ 11-ть часовъ темной ночи, были встрѣчены полиціеимейстеромъ, который, на вопросъ государя, отвѣчалъ, что и черезъ Нѣманъ, также еще не ставшій, переправа совершенно безопасна.

— Вслѣдствіе того,—продолжалъ Орловъ,—мы проѣхали черезъ городъ прямо къ рѣкѣ, гдѣ, въ присутствіи губернатора и всѣхъ мѣстныхъ властей, отпрягли у насъ лошадей, и коляску съ поднятымъ верхомъ, въ которой мы сидѣли, свезли, на рукахъ, на паромъ. Такъ я думалъ въ темнотѣ, но вышло иначе. Отъ берега шаговъ на 60 рѣка была покрыта льдомъ и на этотъ ледъ настлали доски, а паромъ причалили къ тому мѣсту, гдѣ онъ кончался. Едва протащали насъ десять шаговъ, какъ вдругъ доски закрипѣли, ледъ проломился, и коляска начала погружаться. Заднія колеса стали твердо на дно, но переднія, не доставая уже до него, страшно колыхались, а везшіе насъ люди ушли въ воду почти по горло. Первымъ дѣломъ было велѣть скорѣе спустить вверхъ коляски, чтобы, при напорѣ воды и льда и сильною вѣтрѣ, ее не опрокинуло съ поднятымъ верхомъ на бокъ, въ какомъ случаѣ мы, съ нашею тучностью, могли бы тотчасъ погибнуть. Когда, послѣ большихъ усилій, эта первая операція удалась, представился второй вопросъ: какъ выбраться изъ коляски, въ которую уже сильно плескала вода? Придумали положить, съ края коляски на удержавшійся кругомъ ледъ, нѣсколько досокъ, по которымъ мы, наконецъ, и вышли на бе-

¹⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „въ Варшаву, а послѣ двухвѣдѣльнаго пребыванія въ Петербургъ“.

регъ, но также съ большими усиліями и сильно промокнувъ, особенно же вымочивъ себѣ ноги. Случись все это еще шаговъ десять далѣе, гдѣ рѣка уже глубже, и Богъ знаетъ, что сдѣлалось бы съ нами! Увидѣвъ на берегу стоявшаго еще тутъ губернатора (Калкатина), государь закричалъ на него:

— Вы губернаторъ?

— Къ несчастію, ваше величество!

Этотъ отвѣтъ такъ понравился государю, что онъ оставилъ губернатора безъ взысканія, но полиціймейстера тутъ же велѣлъ арестовать за неосновательное донесеніе о безопасности переправы и тому же подвергнуть мѣстныхъ чиновниковъ путей сообщенія за дурное ея состояніе, не принявъ отговороки, что о проѣздѣ его дано было знать только за пять часовъ.

— Потому,—сказалъ онъ,—что переправа должна быть не для одного меня, а для всѣхъ проѣзжихъ.

Самую же переправу, состоявшую до тѣхъ поръ въ завѣдываніи управленія царства Польскаго, онъ сейчасъ рѣшилъ передать въ вѣдѣніе графа Клейнмихеля. Съ берега мы поднялись назадъ, въ Ковенскій дворецъ, и государь поручилъ мнѣ наблюдать, чтобы въ ночь переѣздъ былъ въготовленъ. Дѣйствительно, къ разсвѣту прорубили ледъ и паромъ причалили къ берегу. Но между тѣмъ государь, уступая моимъ убѣжденіямъ, передумалъ. Впередѣ, въ царствѣ Польскомъ, насъ ожидало еще нѣсколько переправъ, и при томъ нельзя было предвидѣть, въ какомъ положеніи мы найдемъ рѣки на возвратномъ пути, а государю хотѣлось быть въ Петербургѣ непремѣнно 3-го или уже по крайней мѣрѣ 4-го декабря.

— Братъ—сказалъ онъ—убѣдится, что въ порывѣ желанія обнять его, я сдѣлалъ 1.500 верстъ (считая взадъ и впередъ) и былъ остановленъ только стихіями!

— Мы повернули назадъ. По приѣздѣ сюда, онъ велѣлъ мнѣ съѣздить тотчасъ къ князю Васильчикову, графу Нессельроду и князю Чернышеву, чтобы передать имъ дѣло въ настоящемъ видѣ и черезъ то предупредить какія-нибудь ложныя разглашенія на счетъ политическихъ обстоятельствъ. Впрочемъ, государь совершенно здоровъ и не чувствуетъ никакихъ дурныхъ послѣдствій отъ ножной ванны въ ноябрьской водѣ.

Наслѣдникъ цесаревичъ свидѣлся съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ на дорогѣ, въ Тешенѣ, а съ великою княгиней въ Вѣнѣ и возвратился въ ночь съ 1-го на 2-е декабря. Михаилъ Павловичъ оставался въ Варшавѣ, больной болѣе духомъ, нежели тѣломъ, и приѣхалъ въ Петербургъ 4-го числа. Государь тотчасъ навѣстилъ его и упросилъ переѣхать на житье къ себѣ въ Анничкинъ дворецъ. Тѣло

усопшей великой княжны было привезено въ Чесму 10-го, въ сопровожденіи фрейлины княжны Львовой, шталмейстера покойнаго графа Гендрикова и генерала Ильи Вибикова. Великій князь, съ своей стороны, отозвавшись, что его сердцу слишкомъ тяжело было бы присутствовать во второй разъ при погребеніи дочери (она уже была отпѣта въ Вѣнѣ), удалился на всѣ дни печальныхъ обрядовъ въ Новгородскій кадетскій корпусъ ¹⁾.

Государь ѣздилъ къ панихидѣ въ Чесму и 10-го вечеромъ, и 11-го утромъ. Печальныйъ кортежъ тронулся оттуда въ 4 часа послѣ обѣда того же дня. Гробъ везли въ огромной каретѣ, запряженной десятью лошадьми попарно; за нимъ слѣдовали нѣсколько генераловъ верхомъ, потомъ дамы съ дежурными кавалерами и наконецъ военный конвой, состоявшій изъ конной артиллеріи и конныхъ пионеровъ. По непрочности еще невскаго льда, назначено было навести, для переѣзда кортежа въ крѣпость, Воскресенскій мостъ; но, за неисправностію подрядчика, скрывшагося въ послѣднюю минуту отъ всѣхъ поисковъ, принуждены были ѣхать кругомъ, черезъ мосты Исакіевскій и Тучковъ. При ужаснѣйшей погодѣ (9° морозу съ такою мятелью, которая заплывала глаза) ²⁾, кортежъ, въ таинственной своей мрачности, двигался, медленною рысью, по темнымъ Петербургскимъ улицамъ, безъ факеловъ или другихъ выѣшнихъ погребальныхъ принадлежностей. Изъ членовъ царской фамиліи не было при немъ никого, но государь ожидалъ въ крѣпости со всѣми сыновьями и самъ поднималъ гробъ изъ кареты на катафалкъ, при которомъ находилось такое же дежурство, какъ у тѣла великой княгини Александры Николаевны. 12-го числа публика допускалась къ гробу отъ 7-ми до 10¹/₂ часовъ утра и потомъ снова отъ часа до 8-ми вечера.

Но родительское сердце не утерпѣло.... Великій князь Михаилъ Павловичъ вернулся изъ Новгорода и въ 9 часовъ утра 13-го числа пріѣхалъ дать послѣднее цѣлованіе родному гробу. На это время всѣ, не исключая и дежурства (я находился въ его числѣ), были выведены изъ церкви. Послѣ уединеннаго своего прощанія, великій князь отправился на нѣсколько дней въ Павловскъ, а въ крѣпости надъ тѣломъ архіепископъ курскій Иліодоръ началъ литургію, въ присутствіи особъ первыхъ четырехъ классовъ и гвардіи штабъ-и оберъ-офицеровъ. Вслѣдъ за литургіею прибылъ государь съ наслѣдникомъ цесаревичемъ, тремя

¹⁾ Императоръ Александръ II прибавилъ: „Сначала, а потомъ въ Павловскъ, въ любимый свой Константиновскій дворецъ“.

²⁾ За этимъ послѣдовала немедленно оттепель, такъ размыывая подъемъ у дѣрзости, что, вмѣсто прямого пути, всѣ кареты, пріѣзжавшія потомъ къ тѣлу, отъ спуска у Мраморнаго дворца должны были прокладывать новый проѣздъ, по кочкамъ и рытвинамъ, къ домику Петра Великаго.

остальными своими сыновьями (императрица простилась съ гробомъ, который стоялъ все время закрытымъ, еще наканунѣ за паниходою) и, въ присутствіи ихъ и всѣхъ тѣхъ же особъ, совершена была послѣдняя панихида митрополитомъ с.-петербургскимъ и новгородскимъ Антоніемъ, съ четырьмя другими архіереями. Къ склепу, устроенному за могилою великой княгини Александры Николаевны, гробъ понесли самъ государь съ сыновьями и генералъ-адъютантами. Во время надгробной литіи, государь, стоявшій въ головахъ возлѣ митрополита, плакалъ на врыдъ и кровь такъ прилиwała ему въ голову, что страшно было смотрѣть. Тяжкія потери брата, одна въ слѣдъ за другою, не могли не растравить вновь собственной его сердечной раны, едва затянувшейся. По окончаніи всей церемоніи, снявъ флѣръ съ своей каски, онъ вручилъ его дежурному камеръ-пажу Лашкареву, съ словами: «Вотъ тебѣ на память. Надѣюсь, впрочемъ, что ты и безъ того будешь помнить этотъ день: ты, вѣрно, въ первый разъ въ жизни видѣлъ царя въ слезахъ!...» ¹⁾).

Когда бѣольшая часть публики уже оставила церковь, въ ней случилось трагикомическое происшествіе. Молодой лейбъ-гусарскій офицеръ Шеншинъ, спѣша назадъ въ церковь, чтобъ объявить сестрѣ своей, фрейлинѣ, что отыскалъ ея карету, второпяхъ, не замѣтивъ остававшейся еще открытою могилы, полетѣлъ въ нее стремглавъ и съ трудомъ былъ оттуда поднять, весь выпачканный посыпаннымъ на гробъ пескомъ.

Подъ исходъ 1846 года князь Васильчиковъ уже совсѣмъ вставалъ въ предвѣстіе предсмертной своей болѣзни. 2-го декабря ему сдѣлалось такъ худо, что послали предварить государя и графа Левашова (его зятя и ближайшаго къ нему человѣка). Государь тотчасъ приѣхалъ ²⁾ вмѣстѣ съ наслѣдникомъ цесаревичемъ и долго сидѣлъ у умиравшаго. Потомъ ему опять немного отдало, и онъ самъ пожелалъ исповѣдаться и приобщиться. Вслѣдъ затѣмъ государь работалъ съ графомъ Киселевымъ и, по словамъ послѣдняго, казался крайне разстроеннымъ. Во время доклада, онъ нѣсколько разъ перерывалъ его, возвращаясь все къ болѣзни Васильчикова и отирая слезы.

— И я, говорилъ онъ, и всѣ вы только съ его смертію почувствуете, какъ онъ намъ былъ необходимъ и какую оставить послѣ себя незамѣнимую пустоту.

¹⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Это выдумка, ибо я все время былъ при государѣ и ничего подобнаго не слышалъ“.

²⁾ Императоръ Александръ II прибавилъ: „Въ то самое утро воротившись изъ Варшавы“.

Спустя нѣсколько дней, князю опять сдѣлалось лучше, по крайней мѣрѣ, такъ, что миновалась минутная опасность, и онъ даже почувствовалъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы вступить снова въ исправленіе своей должности.

Императоръ Николай обладалъ чудесною памятью, въ особенности на лица, имена и фамилии. Въ декабрѣ 1846 г. онъ посѣтилъ Пажескій корпусъ, гдѣ дежурнымъ камеръ-пажомъ случился въ то время одинъ изъ моихъ племянниковъ. Государь обратился къ нему съ вопросомъ:

- Какъ фамилія?
- Корфъ.
- Чтò ты, сынъ члена Совѣта?
- Никакъ нѣтъ, ваше величество.
- Чей же?
- Умершаго полковника лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона.
- Не Николаемъ ли его звали?
- Точно такъ, ваше величество.
- Славный былъ человекъ; желаю, чтобъ ты шелъ по его слѣдамъ.

А надо знать, что этотъ полковникъ Николай (братъ моей жены) умеръ въ 1831 г., т. е. за пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ.

ХV.

1847 годъ.

Образованіе инспекторскаго департамента гражданскаго вѣдомства.—Кончина и похороны князя Васильчикова.—Рожденіе великаго князя Владимира Александровича.—Особенность характера императора Николая I.—Князь Николай Андреевичъ Долгоруковъ.—Болѣнь государя.—Майскій парадъ и подметное письмо.—Назначеніе М. А. Корфа временно-управляющимъ II отдѣленіемъ Собственной канцеляріи.—Колокола Исаакіевскаго собора.—Красносельскій лагерь.—Исторія генералъ-лейтенанта Тришѣтнаго.—Омнибусы.—Пріѣздъ негѣсты великаго князя Константина Николаевича.—Порученіе барону Корфу прочитатъ курсъ законовѣдѣнія великому князю Константину Николаевичу.—Присяга великаго князя.—Болѣнь государя.—Лекція о престолонаслѣдіи.—Отмѣтка государя на запискѣ о лекціяхъ.

Въ исходѣ 1846 года, учрежденъ былъ инспекторскій департаментъ гражданскаго вѣдомства—установленіе, не имѣвшее дотолѣ ничего соотвѣтственнаго въ нашей администраціи, и это новое дѣло, которое, при своемъ рожденіи, было совсѣмъ не популярнымъ и встрѣчено

даже общимъ неудовольствіемъ, началось, какъ бы нарочно, рядомъ ошибокъ.

Въ первомъ высочайшемъ приказѣ по гражданскому вѣдомству, вышедшемъ 1-го января 1847 года, оказалось ихъ цѣлыхъ три, а именно: объ одномъ камеръ-юнкерѣ сказано было, что онъ переименовывается (вмѣсто жалуется) въ камергеры; другой чиновникъ названъ служащимъ въ канцеляріи небывалаго лифляндскаго военнаго генералъ-губернатора (вмѣсто рижскаго военнаго губернатора), и наконецъ, третій произведенъ въ чинъ со старшинствомъ съ 31-го сентября—числа, котораго не существуетъ въ календарѣ.

Здоровье князя Васильчикова, нѣсколько, какъ я уже говорилъ, оправившагося къ концу 1846 года, съ первыхъ дней слѣдующаго начало быстро клониться къ совершенному разрушенію. 30-го января, на балѣ у графа Закревскаго, государь сказалъ мнѣ, что былъ утромъ у князя и нашелъ его очень плохимъ.

— Бѣдный нашъ Иларіонъ Васильевичъ,—прибавилъ онъ,—всякій разъ какъ я его увижу, раздираетъ мое сердце.

— Однако, государь,—сказалъ я,—навѣстивъ его на-дняхъ, я остался нѣсколько довольнѣе его положеніемъ.

— Не знаю, лучшаго въ немъ развѣ только то, что воротился голось, но онъ въ какой-то апатіи, которая не общается ничего хорошаго.

— И между тѣмъ, ваше величество, все говоритъ съ жаромъ о государственныхъ дѣлахъ: думаю, что это будетъ послѣднимъ его словомъ даже на смертномъ одрѣ.

— Да, да, душевно жаль бѣднаго; такого уже мнѣ не нажить, даже еслибъ и лѣта позволяли думать о новыхъ дружбахъ.

Спустя нѣсколько дней, въ положеніи больнаго произошелъ опять нѣкоторый и даже очень замѣтный поворотъ къ лучшему. Государь, получивъ о томъ бюллетень (ему присылали ихъ по два раза въ день), поспѣшилъ съ нимъ къ императрицѣ и тутъ показывалъ его всѣмъ приближеннымъ, съ слезами на глазахъ, радуясь, какъ ребенокъ. Но дѣло уже было рѣшено невозвратно.

Предсмертныя страданія продолжались очень долго, почти недѣлю. Врачи по нѣсколько разъ собирали всѣхъ членовъ семейства къ постели умиравшаго, въ предвидѣніи его кончины; но онъ всякій разъ снова оживалъ. Даже и этой чистой душѣ трудно было разстаться съ земною ея оболочкой! Весь, можно сказать, городъ былъ въ ожиданіи, въ смутной тревогѣ. По Литейной почти не было проѣзда; ряды экипажей непрерывно тянулись къ подъѣзду его дома, какъ въ день его юбилея; переднія и пріемныя комнаты были постоянно наполнены людьми, являвшимися узнавать о развязкѣ. Интересы разсчитливаго эгоизма,

разумѣется, уже умолкли передъ открывавшимся гробомъ; но всѣ болѣе или менѣе сочувствовали умирающему, а для иныхъ эта нескончаемая агонія приняла даже почти характеръ физиологической задачи...

Государь заѣзжалъ навѣдываться раза по два и по три въ день; наслѣдникъ цесаревичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ также; съ угасшимъ послѣднимъ лучемъ надежды, всѣ желали скорѣйшаго окончанія страданій. Оно послѣдовало 21-го февраля въ 10-мъ часу вечера.

Для императора Николая, по чувствамъ его, эта потеря была тѣмъ же, что потеря Лефорта для Петра Великаго. Князь Васильчиковъ былъ единственный человѣкъ въ Россіи, который во всякое время и по всѣмъ дѣламъ имѣлъ свободный доступъ и свободное слово къ своему монарху, человѣкъ, котораго императоръ Николай не только любилъ, но и чтилъ, какъ никого другаго; одинъ, въ которомъ онъ никогда не подозрѣвалъ скрытой мысли, которому довѣрялся вполне и безъ утайки, какъ прямодушному и благонамѣренному совѣтнику, почти какъ ментору; одинъ, можно сказать, котораго онъ считалъ я называлъ своимъ другомъ! Съ Васильчиковымъ исчезло, въ этомъ отношеніи, совершенно типическое и исключительное лицо, которое уже не могло болѣе возобновиться въ то же царствованіе.

Желая предварить сухія газетныя объявленія, я въ ту же ночь написалъ и рано утромъ послалъ государю, при коротенькомъ письмѣ, слѣдующую некрологическую статью:

«21-го февраля, въ 10-мъ часу по полудни, послѣ продолжительной болѣзни, окончилъ полезную и славную жизнь свою, на 70-мъ году ея теченія, предсѣдатель Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ, генералъ-отъ-кавалеріи, генералъ-адъютантъ, князь Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ. Совершивъ обширный почти 55-ти-лѣтній кругъ службы, на полѣ битвъ и въ совѣтахъ царскихъ, заплативъ долгъ отечеству, если только кто-либо сполна заплатить его можетъ, онъ въ правѣ былъ искать покоя и—не искалъ его. Одинъ послѣдній, смертельный недугъ отторгнулъ его отъ дѣлъ; но и среди тяжкихъ страданій духъ его, всѣ помыслы, всѣ желанія, всѣ бесѣды, все еще обращены были къ постоянной цѣли доблестной его жизни: къ славѣ обожаемаго имъ ¹⁾ государя и къ благу отечества, на алтарь котораго онъ столько разъ слагалъ бытіе свое и силы. Память и дѣла его принадлежать потомству. Россія въ правѣ ожидать и требовать подробнаго его жизнеописанія; но теперь, въ первыя минуты горестной утраты, можетъ и должна лишь глубоко о немъ скорбѣть. Въ князѣ Васильчиковѣ она

¹⁾ Подчеркнутыя здѣсь и послѣ слова измѣнены были государемъ; о чемъ я ниже упоминаю.

потеряла не только мужа государственнаго, съ отличнѣйшими качествами души и сердца, съ свѣтлымъ разумомъ, съ знаніемъ государства и націи и съ самыми чистыми намѣреніями, рыцаря правды, чести и общей пользы; она потеряла еще истинно русскаго человѣка, проникнутаго и, такъ сказать, пропитаннаго всѣмъ, что есть лучшаго и благороднѣйшаго въ духѣ русскомъ, съ родовой преданностью тремъ кореннымъ началамъ нашего бытія: православію, самодержавію и народности. Предмѣстники его могли принадлежать всякой странѣ; князь Васильчиковъ могъ родиться только въ Россіи! Заслуги, доблести и чувства его имѣли высокаго цѣнителя въ государѣ императорѣ Николаѣ Павловичѣ, какъ нѣкогда находили себѣ такого и въ августѣйшемъ его предшественникѣ. Сверхъ публичныхъ изъясненій и знаковъ почестей, коими князь былъ почтенъ и возвышенъ, то, что наиболѣе было для него драгоцѣнно,—неизмѣнное довѣріе монарха,—сопровождало его до гроба. Участіе и вниманіе его величества въ послѣдніе дни земной жизни умягчили страданія того, для котораго отнынѣ началась другая жизнь,—жизнь въ вѣчности и въ исторіи!

«Князю Васильчикову, въ высокомъ его положеніи, сужденъ былъ удѣлъ, рѣдкій и для частныхъ лицъ: стяжавъ общее уваженіе, общую довѣренность къ своему характеру, онъ—не имѣлъ ни одного врага! Надъ гробомъ его, съ слезами осиротѣвшаго семейства, единодушно соединяются и слезы великой семьи народной, отецъ которой недавно еще говорилъ:—«государи должны благодарить Небо за такихъ людей! '»)».

Государь немедленно возвратилъ мнѣ мою статью, изъяснивъ созволеніе на напечатаніе ея въ газетахъ, но съ тремя собственноручными въ ней поправками.

1) Въмѣсто «обожяемаго имъ государя», онъ написалъ «своего»; 2) вмѣсто «націи»,—«народа» и 3) слова: «предмѣстники его могли принадлежать всякой странѣ» онъ совсѣмъ исключилъ. Я сожалѣлъ о первой изъ этихъ поправокъ: именно обожаніе императора Николая издавна составляло одну изъ отличительныхъ, типическихъ сторонъ покойнаго.

Въ то же утро я поѣхалъ поклониться тѣлу. За неокончаніемъ еще послѣднихъ приготовленій дверь была для всѣхъ заперта; но меня, какъ полудомашняго, впустили. Покойный лежалъ на столѣ, въ своемъ кабинетѣ, гдѣ и скончался, въ мундирѣ гусарскаго своего имени полка, мало измѣнившійся; въ ногахъ читалъ псаломщикъ; вдоль стѣнъ комнаты безмолвно сидѣла семья. Все казалось патриархальнымъ, какъ всегда въ этомъ домѣ; но самъ патриархъ лежалъ съ закрытыми на вѣкъ

¹⁾ Слова, слышанныя мною самимъ отъ императора Николая.

глазами. Мнѣ стало неизъяснимо грустно, и тѣмъ болѣе, что мѣстомъ дѣйствія печальной сцены была та самая комната, въ которой сосредоточивались воспоминанія о всѣхъ долготѣнныхъ и близкихъ отношеніяхъ моихъ къ усопшему...

Государь былъ у тѣла также еще въ то время, когда оно лежало на смертной постели; за нимъ, нѣсколько позже, наслѣдникъ цесаревичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ. Къ вечеру все поспѣло. Тѣло переложили въ гробъ и перенесли въ домовую церковь, гдѣ въ 8 часовъ совершена первая торжественная панихида. И на этой и на послѣдующихъ было такое стеченіе, какого мнѣ еще не случалось видѣть ни на одной подобной церемоніи по частномъ лицѣ. Отпѣваніе предполагали совершить въ ближайшей къ дому церкви св. Симеона; но по волѣ государя оно, 26-го числа, происходило въ церкви Преображенія, какъ соборъ всей гвардіи, которою нѣкогда командовалъ покойный. Литургію совершалъ престарѣлый духовникъ государевъ и оберъ-священникъ гвардіи Музовской, съ придворнымъ духовенствомъ, а послѣднюю панихиду, въ присутствіи государя и великихъ князей, митрополитъ Антоній съ двумя архіереями. Въ перенесеніи гроба съ катафалка на колесницу приняли участіе наслѣдникъ цесаревичъ и великіе князья Константинъ Николаевичъ и Михаилъ Павловичъ. Несмотря на 15° морозу, государь, со всею свитою, ѣхалъ верхомъ за гробомъ отъ Преображенскаго собора до Невскаго проспекта, откуда, пропустивъ еще передъ собою войска, возвратился во дворецъ. Конвой составляли, сверхъ артиллеріи, весь Конногвардейскій полкъ, въ которомъ покойный началъ службу, и весь Образцовый кавалерійскій полкъ, заключающій въ себѣ отряды всѣхъ конныхъ полковъ русской арміи въ память того, что князь носилъ званіе инспектора всей кавалеріи.

Тѣло отвезли въ родовое имѣніе, въ Новгородской губерніи.

Замѣчательно, что, при огромныхъ окладахъ многихъ изъ нашихъ государственныхъ сановниковъ, князь Васильчиковъ, старшій между ними и отнюдь не богатѣйшій, имѣлъ всего служебнаго содержанія только шесть тысячъ рублей въ годъ. Послѣ его кончины это самое содержаніе было оставлено его вдовѣ съ двумя дочерьми, до смерти послѣдней изъ нихъ.

Въ ночь съ 9-го на 10-е апрѣля пушечные выстрѣлы разбудили многихъ жителей Петербурга.—Что такое? спрашивали они. Вѣроятно,—разошлась Нева. Нѣтъ, благодаря ночнымъ морозамъ и холоднымъ днямъ, она въ этотъ годъ простояла до 23-го числа. Дѣло состояло въ томъ, что наслѣднику Богъ далъ третьяго сына, Владиміра. Цесаревна желала разрѣшиться въ Царскомъ Селѣ, чтобы тамъ встрѣтить весну и потому 9-го были уже перевезены туда всѣ вещи, а 10-го хотѣла

переехать она сама со всею семьею, какъ вдругъ за ночь явился рожденный.

30-го апрѣля были крестины по обыкновенному церемоніалу классный обѣдъ отличался тѣмъ, что въ это время года всѣмъ подавали въ изобиліи малину, землянику и вишни и что, за разѣ артистовъ италіанской оперы еще въ началѣ Великаго поста, во музыка впервые составлена была изъ однихъ отечественныхъ товъ. Въ заключеніе, по программѣ, долженъ былъ еще слѣдовать герскій маршъ, подъ дирекцію его сочинителя, извѣстнаго ктора и музыкальнаго критика Берліоза, находившагося въ то въ Петербургѣ; но обѣдъ, чтобы не слишкомъ утомить императора подавался такъ поспѣшно, что этотъ нумеръ остался неисполнен-

Послѣ крестинъ, когда младенца понесли на половину его родо-государь, проходя мимо расположеннаго тамъ караула отъ лейбъ-Драгунскаго полка, спросилъ у людей, не хотятъ ли они видѣть своего шефа (имъ назначенъ былъ новорожденный), и, на у-тельный отвѣтъ, велѣлъ обнести его по рядамъ.

По одному дѣлу послѣдовало собственноручное высочайшее хвѣіе. Одинъ изъ министровъ призналъ за нужное войти съ ра-возраженіями противъ этого повелѣнія, и при томъ не прямо к-дарю, а черезъ Комитетъ министровъ, который принялъ и предс-его замѣчанія. Государь остался, однако, при прежде изъавленн-волѣ. Въ этотъ самый день, когда заключеніе Комитета было из-смотрѣно, графъ Киселевъ обѣдалъ во дворцѣ и нашелъ государя разгнѣваннымъ.

— Ты знаешь,—сказалъ онъ,—какъ я терпѣливъ въ разгово-единѣ и выслушиваю всякій споръ, принимаю всякое возраженіе-я, пожалуй, позволю сказать себѣ и дурака, хотя могу этому не-рять. Но чтобы назвали меня дуракомъ публично передъ Комит-или другою коллегіею, этого, конечно, никогда не поущу.

По веснѣ получено было извѣстіе о кончинѣ генераль-губер-харьковскаго, полтавскаго и черниговскаго князя Николая Андр-Долгорукаго, человѣка очень умнаго, но крайне расточительнаго-живавшаго всегда болѣе, чѣмъ онъ получалъ. Всѣ знали, что дѣ-въ самомъ разстроенномъ положеніи и что, при всемъ умѣ и а-стративныхъ дарованіяхъ, онъ нисколько не отличался особенн-гостію правилъ тамъ, гдѣ дѣло касалось денежныхъ интересовъ; кто однако же не воображалъ, чтобы онъ могъ кончить такъ, оказалось послѣ его смерти. Уже на смертномъ одрѣ, въ Хар-онъ призвалъ къ себѣ тамошняго губернатора Муханова и вручи-

письма къ государю, съ просьбою отправить одно, какъ только онъ
тъ, а другое—нѣсколькими днями позже. Такъ и было сдѣлано.
первомъ письмѣ, объясняя горестное положеніе, въ которомъ
ется его семья, Долгоруковъ поручалъ ея участь монаршему мило-
ю. Государь тотчасъ назначилъ его вдовѣ пенсію въ 4 тыс. руб.
неожиданность заключалась во второмъ письмѣ. Здѣсь Долгорукій
авался, что стѣсненные обстоятельства вынудили его прикоснуться
переходившимъ черезъ его руки казеннымъ суммамъ и что, такимъ
вомъ, онъ взялъ изъ нихъ въ послѣднее время и употребилъ на свои
ности 43 тыс. руб. сер. Это послѣднее письмо государь велѣлъ раз-
рѣтъ въ Комитетѣ министровъ, который опредѣлилъ: 1) на все
шшее послѣ Долгорукаго имѣніе тотчасъ наложить запрещеніе и
ия приведенія въ точную извѣстность всего этого дѣла, не довольно
неннаго въ письмѣ, командировать въ Харьковъ особаго надеж-
чиновника. Государь, соизволивъ на это, не могъ скрыть своего
овольствія.

— Если,—говорилъ онъ,—такъ поступилъ мой намѣстникъ, гене-
-адъютантъ, членъ, по роду и положенію, высшей нашей аристо-
и, то чего же ожидать отъ людей обыкновенныхъ, и какое остается
пмѣтъ довѣріе къ людямъ равнымъ ему, къ его товарищамъ. Гадко,
ко, отвратительно.

Послѣ Долгорукаго осталось три брата: Илья,—начальникъ штаба
валъ-фельдцейхмейстера, Василій,—начальникъ штаба одного изъ
ерійскихъ корпусовъ¹⁾, расположенныхъ внутри имперіи (впо-
ствіи военный министр) и Владиміръ,—вице-директоръ Провіант-
департамента, передъ тѣмъ пожалованный въ флигель-адъютанты.
Петербургѣ, во время полученія извѣстія объ этой грустной исторіи,
ились только первый и третій. Оба тотчасъ написали государю;
считаютъ священнымъ долгомъ сознannую ихъ братомъ растрату
ныхъ денегъ взять на себя. Государь принялъ этотъ вызовъ съ
ннымъ благоволеніемъ и отозвался, что на мѣстѣ братьевъ посту-
бы точно такъ же; но самое предложеніе ихъ отклонилъ.

въ мартѣ, императоръ Николай очень часто жаловался на свое здо-
е. Онъ страдалъ сильными приливами крови, головокруженіемъ и
ьемъ въ боку. Постепенно, изъ соединенія этихъ припадковъ, обра-
ось нѣчто въ родѣ горячки, и мы только пиявкамъ²⁾ и другимъ

Императоръ Александръ II исправилъ: „всей резервной кавалеріи въ
хъ военныхъ поселеніяхъ“.

Императоръ Николай въ шутку называлъ пиявокъ—сенатскими секре-
п. Если онъ говорилъ: „привѣситъ мнѣ полдюжины сенатскихъ секре-
“, то камердинеры сейчасъ его понимали. Императоръ Александръ II
въ этого примѣчанія написалъ: „Никогда этого не слыжалъ“.

энергическимъ средствамъ обязаны были спасеніемъ его жизни. М уволенный въ заграничный отпускъ, собирался уже ѣхать; но какъ даръ къ нему одному имѣлъ полное довѣріе, то онъ долженъ былъ положить свой отъѣздъ. Дошло до того, что разсмотрѣніе дѣлъ, вѣщавшихъ къ высочайшему лицу, было передано наслѣднику цесаревича. Издавна преслѣдуемый мыслию, что въ домѣ Романовыхъ никто не знаетъ долголѣтченъ, государь говорилъ близкимъ, что болѣзнь его мѣнно требовала бы лечь въ постель, но онъ не ложится единственно въ слѣдствіе убѣжденія, что если ляжетъ разъ, то навѣрное уже не встанетъ. Въ Свѣтлое воскресенье, случившееся въ этомъ году 23-го марта, онъ не былъ въ силахъ явиться къ выходу, что, при его энемигическомъ самообладаніи, очень много значило. Повѣстки къ церемоніи были обыкновенныя; но всѣ впередъ уже знали, что не будетъ ни государя, ни императрицы. Въмѣсто нихъ вышли только наслѣдникъ цесаревичъ съ великою княгинею Маріею Александровною (цесаревна находилась въ послѣднемъ періодѣ беременности) и всѣми великими князьями. Выходъ былъ, впрочемъ, по обыкновенію: Государственный Совѣтъ ожидалъ въ церкви, папскіе послы были размѣщены въ своихъ залахъ. Наслѣдникъ вошелъ въ церковь, сестру свою подъ руку, и потомъ слѣдовалъ за крестами; но надъ нимъ лежало какое-то облако грусти, несоотвѣтственное «торжеству изъясненію», и самъ наслѣдникъ казался очень мрачнымъ. Цѣлованіе было. Члены царской семьи, послѣ утрени, приложились къ крестамъ и похристосовались съ державшимъ ихъ духовенствомъ; въ слѣдъ затѣмъ началась литургія. Государь слушалъ только у себя въ комнатахъ великой княгини Ольги Николаевны, которая это время занимала¹⁾.

Къ концу мѣсяца государь, впрочемъ, сталъ поправляться, и докторъ Рейнгольдъ, также участвовавшій въ лѣченіи, утверждалъ, что вынесенная имъ болѣзнь можетъ быть очень благотворна для его здоровья, если не послѣдуетъ какой-нибудь особенной неосторожности; не будетъ какихъ-либо внѣшнихъ причинъ раздраженія, въ его жизни и при его характерѣ часто неизбѣжныхъ. 25-го марта онъ еще нѣсколько прошелся по Дворцовому бульвару, подъ лучами солнца; но роль его и въ этотъ день, на праздникъ Конногвардейскаго полка, опять занималъ наслѣдникъ. Только въ началѣ апреля здоровье его совсѣмъ возстановилось.

Годишній парадъ всѣхъ гвардейскихъ войскъ на Царицыномъ полѣ бывавшій при императорѣ Николаѣ обыкновенно въ самыхъ пе-

¹⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Находящихся подлѣ его кабинета“.

хъ мая, въ 1847 году, за чрезвычайно дурною погодою, постоянно дня на день быть откладываемъ и состоялся только 22-го числа. Канунъ графъ Киселевъ имѣлъ свой докладъ, при которомъ государь сказалъ, что получилъ безымянное письмо, предварявшее, что есть и умыселъ воспользоваться парадомъ для посягательства на его нѣ.

— Это впрочемъ,—прибавилъ онъ,—для меня не новое, и я уже впервые получаю подобныя записочки.

Парадъ длился пять часовъ, хотя трудно предположить, чтобы государь, продолжившій его, какъ бы нарочно, долѣе обыкновеннаго, былъ это время совершенно спокоенъ.

Въ поѣздку государя въ 1845 году въ Италію папа вручилъ ему иску о неудовольствіяхъ римскаго кабинета на нашъ по дѣламъ иско-католической церкви въ царствѣ Польскомъ и въ западныхъ ерніяхъ. Для предварительныхъ о томъ переговоровъ оставался еще Римъ нѣсколько времени послѣ государя графъ Нессельродъ, а по возвращеніи послѣдняго въ Петербургъ былъ составленъ здѣсь особый итетъ изъ него и графовъ: Орлова, Киселева, Блудова и Перовго, для положенія на мѣру дальнѣйшихъ основаній къ устройству дѣла. Затѣмъ окончательная на этихъ основаніяхъ негосіація, при йствіи посланника нашего въ Римѣ Бутенева, возложена была на графа дова, служившаго нѣкогда по дипломатической части и управлявю прежде дѣлами иностранныхъ исповѣданій въ Россіи. Онъ отпрася изъ Петербурга 18-го августа, и завѣдываніе, въ его отсутствіе, гь отдѣленіемъ Собственной его величества канцеляріи поручено о престарѣлому и больному статсъ-секретарю Балугьянскому, но однимъ лишь текущимъ дѣламъ и съ весьма ограниченою властію. 3-го апрѣля 1847 года я поѣхалъ къ больной моей тещѣ. Вдругъ а пріѣзжаетъ ко мнѣ фельдъегерь.

— Что такое?

— Пакетъ отъ государя, съ надписью: «весьма нужное».

Въ немъ—письмо на высочайшее имя отъ одной изъ дочерей Баянскаго, съ извѣстіемъ, что отецъ ихъ опасно боленъ и находится при послѣднемъ издыханіи. На письмѣ надпись ко мнѣ руки государя: «Сейчасъ только узналъ; прошу посѣтить старика и поклониться меня; а ежели скончается, поручаю вамъ принять отдѣленіе въ е вѣдѣніе, до возвращенія графа Д. Н. Блудова».

Я тотчасъ поскакалъ къ Балугьянскому, но уже не засталъ его въ ыхъ; вслѣдствіе чего вступилъ въ должность и, донеся о томъ государю, испрашивалъ разрѣшеніе: вступить ли мнѣ во всѣ права Блудова, или, по примѣру Балугьянскаго, ограничиваться только текущею

перепискою, безъ приутовствованія въ Комитетѣ министровъ? Черезъ часъ государь возвратилъ записку съ слѣдующею резолюціею: «Завѣдываніе II-мъ отдѣленіемъ разумѣю наблюденіе по всѣмъ дѣламъ, въ отдѣленіи производящимся или въ оное передаваемымъ, кромѣ тѣхъ, кои отложены до возвращенія графа Блудова; почему присутствовать въ Комитетѣ министровъ не считаю нужнымъ, но въ Кавказскомъ».

Личные доклады мои по этому временному порученію, съ ихъ послѣдствіями, относившіеся преимущественно къ одному важному дѣлу, по которому государь собиралъ особый Комитетъ подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ, описаны въ моемъ сочиненіи: «Императоръ Николай въ совѣщательныхъ собраніяхъ» ¹⁾).

По возвращеніи наслѣдника цесаревича изъ-за границы, послѣ продолжительнаго разговора его со мною о разныхъ дѣлахъ II-го Отдѣленія, я былъ осчастливленъ (въ Царскомъ Селѣ 19-го октября) слѣдующими его словами:

— Мнѣ очень пріятно было слышать, послѣ моего приѣзда, отъ государя, что онъ чрезвычайно доволенъ всѣмъ вашимъ управленіемъ и не можетъ довольно вами нахвалиться.

Достоинство и качество звука колоколовъ, отлитыхъ для Исаакіевского собора, которые, до окончанія строившихся колоколенъ, висѣли близъ церкви на деревянныхъ подставахъ, въ послѣднихъ числахъ мая были испытываемы въ личномъ присутствіи государя. Опытъ такъ удался, что духовенство Исаакіевского собора, временно помѣщавшагося, многіе уже годы, въ адмиралтействѣ, испросило позволеніе воспользоваться этими колоколами для благовѣста въ храмовый праздникъ св. Исаакія Далматскаго, бывающій 30-го мая. Вслѣдствіе того обычный звонъ въ опредѣленное время на утренней и литургіи былъ производимъ въ эти колокола, впервые, 30-го мая 1847 года, по сигналамъ, дававшимся съ Адмиралтейской колокольни.

Во время расположенія войскъ въ Красносельскомъ лагерѣ, императоръ Николай, кромѣ частыхъ туда наѣздовъ, обыкновенно и жилъ тамъ по нѣсколько дней. Приѣзжавшая вмѣстѣ съ нимъ императрица занимала небольшой дворецъ въ Красномъ Селѣ; но государь останавливался всегда въ самомъ лагерѣ, въ палаткѣ, устроенной, на все продолженіе лагернаго времени, впереди Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, за которою раскинуты были палатки для великихъ князей ²⁾). Свита

¹⁾ См. „Сборникъ Императорскаго русск. историческаго общества“. Т. 98.

²⁾ Императоръ Александръ II исправилъ такъ: „стоявшей во все продолженіе лагернаго времени подлѣ самаго Царскосельскаго шоссе, между Семеновскимъ и Измайловскимъ полками“.

обоего пола и приглашавшіеся на это время гости, обыкновенно нѣсколько иностранныхъ посланниковъ съ ихъ женами, размѣщались по кавалерскимъ домамъ въ Красномъ. Въ теченіе этой временной лагерной жизни, сверхъ частыхъ ученій и смотровъ, устраивались увеселительныя поѣздки на Дудергофскую гору, которая при императорѣ Николаѣ превратилась въ садъ, съ прелестнымъ, посреди истинно альпійскихъ пейзажей, швейцарскимъ домикомъ или шале, гдѣ обѣдали, пили чай, нерѣдко и танцевали. Вечеромъ бывала, въ центральномъ пунктѣ ¹⁾ лагеря, великолѣпная зоря, исполняемая оркестромъ изъ музыкантскихъ хоровъ всѣхъ полковъ, т. е. около тысячи человѣкъ. Императрица, окруженная свитою и народомъ, сидѣла въ тильбюри, государь ходилъ вокругъ пѣшкомъ, а музыканты играли нѣсколько пѣсь, аранжированныхъ для колоссальнаго ихъ хора. Наконецъ, по сигналу государя, взвивались три ракеты, и по третьей раздавался изъ главнаго корпуса лагеря и съ раскиданныхъ по окрестнымъ горамъ частей его зоревой залпъ всѣхъ орудій. Послѣ того музыка играла гимнъ: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ», государь и весь лагерь обнажали головы и, среди общаго безмолвія, исполнскій тамбуръ-мажоръ читалъ «Отче нашъ», чѣмъ все и заключалось. Величіе зрѣлища не могло не дѣйствовать на душу даже самаго равнодушнаго.

Весною 1847 года общее вниманіе петербургской публики занято было исторіею генераль-лейтенанта Тришатнаго, командира отдѣльнаго корпуса внутренней стражи и Александровскаго кавалера. По донесеніямъ генераль-губернатора князя Воронцова, которыя подтвердились изслѣдованіемъ на мѣстѣ посланнаго отсюда генераль-адъютанта князя Суворова, Тришатный, вмѣстѣ съ подчиненнымъ его, окружнымъ генераломъ Добрышинымъ, обвинялся въ допущеніи разныхъ непростительныхъ безпорядковъ и, вмѣстѣ, въ дѣйствіяхъ, дававшихъ поводъ подозрѣвать ихъ въ лихоимствѣ. Вслѣдствіе сего оба по высочайшей волѣ были удалены отъ должностей, съ преданіемъ военному суду, съ содержаніемъ, въ продолженіе дѣла, въ крѣпости и съ секвестрованіемъ ихъ имущества. Все это соотвѣтствовало порядку, законами предписанному, и Тришатный, какъ человѣкъ грубый, дерзкій и съ своими подчиненными жестокій до свирѣпости, не возбуждалъ къ себѣ лично никакого особеннаго состраданія; но въ городѣ распространилось большое неудовольствіе на суровость тѣхъ формъ, съ которыми, для обнаруженія, не сокрыто ли Тришатнымъ чего-нибудь, могущаго служить къ обезпеченію казеннаго на немъ взысканія, произведенъ былъ обыскъ въ его квартирѣ и даже надъ его женою и дочерью. Многіе порицали

¹⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „передъ ставкомъ государя“.

также, что военному суду, названному генеральнымъ и составленному изъ всѣхъ наличныхъ въ Петербургѣ полныхъ генераловъ, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя генераль-аудиторіата князя Шаховскаго, велѣно было собираться въ Георгіевскій залъ Зимняго дворца, т. е., съ одной стороны, у подножія трона, отъ котораго, говорили, надлежало бы исходить однѣмъ милостямъ, а съ другой—въ той самой залѣ, которая служитъ главнымъ театромъ празднествъ при брачныхъ церемоніяхъ въ царскомъ домѣ. Особенное сочувствіе возбуждала къ себѣ несчастная семья Тришатнаго, которая, сверхъ тягости постигшаго ее удара, лишена была, черезъ секвестръ имущества, всѣхъ средствъ существованія. Она состояла изъ жены, трехъ дочерей, фрейлинь высочайшаго двора, и двухъ сыновей, офицеровъ въ гвардейской конной артиллеріи, и первыя уже намѣревались снискивать себѣ хлѣбъ занятіями въ частныхъ домахъ. Но милосердіе государя, разсудившаго, что обвиняемый не есть еще осужденный, все исправило. Тришатному отвели въ крѣпости пять или шесть заново отдѣланныхъ и убранныхъ комнатъ, въ которыя, снявъ стоявшій передъ ними караулъ, перевезли также жену его и дочерей и потомъ, во все продолженіе суда, всю семью содержали на казенный счетъ и даже прислали для нея повара съ придворной кухни.

Судъ начался 26-го апрѣля и собирался каждую субботу. Тришатнаго и Добрышина перевозили черезъ Неву изъ крѣпости во дворецъ, къ допросамъ, cadaго въ особомъ катерѣ. Всѣ члены засѣдали въ парадной формѣ, т. е. въ шитыхъ мундирахъ и лентахъ. Въ продолженіе суда государь однажды сказалъ князю Шаховскому:

— Я очень радъ, что предсѣдателемъ въ этомъ дѣлѣ ты. Ты старикъ, да и я ужъ не молодъ; мы остережемся, чтобъ не запятнать нашей совѣсти какою-нибудь лишнею строгостію, или опрометчивостію, потому что и Тришатный старикъ, такъ чтобы намъ не совѣстно было встрѣтиться съ нимъ на томъ свѣтѣ.

Судъ продолжался весьма долго и окончился, кажется, уже въ августѣ, присужденіемъ, обоихъ подсудимыхъ наравнѣ, къ лишенію чиновъ, знаковъ отличій и дворянства и къ разжалованію въ рядовые. Государь, при конфирмаціи приговора, сдѣлалъ въ немъ ту отмѣну, чтобы Тришатнаго, въ уваженіе къ прежней отличной службѣ, не лишать дворянства и, за раны, производить ему инвалидный окладъ пенсіи по прежнему чину, съ разрѣшеніемъ жить, гдѣ пожелаетъ. Впрочемъ, объ этомъ дѣлѣ Петербургъ столько уже наговорился въ его началѣ, что рѣшеніе прошло почти незамѣченнымъ, и въ это самое время гораздо болѣе было толковъ о французскихъ приговорахъ надъ Тестомъ и Кюбьеромъ, оглашенныхъ въ газетахъ со всѣми по нимъ преніями.

Прежніе огромные и неуклюжіе омнибусы, ѣздившіе по Невскому проспекту четверкою въ рядъ почти всегда пустые, очень скоро прекратили свое существованіе, и Петербургъ опять остался безъ общественныхъ каретъ, пока въ 1847 году начальнику ¹⁾ 1-го кадетскаго пуса ²⁾ барону Шлиппенбаху не пришла счастливая мысль возобновить это дѣло, на другихъ совсѣмъ основаніяхъ. Съ воскресенья 20-го мая стали ходить у насъ щегольскіе экипажи новаго устройства подъ управленіемъ каретъ Невскаго проспекта, десятиимѣстные, запряженные парю и при томъ на лежачихъ рессорахъ, что тогда въ Петербургѣ было еще большою рѣдкостію, потому что кромѣ каретъ, имѣвшихъ особое названіе докторскихъ, всѣ экипажи дѣлались еще на валикахъ рессорахъ. За проѣздъ съ каждаго пассажира взималось 10 к. Печными пунктами движенія этихъ каретъ были, съ одной стороны, Невскіе мосты, съ другой—то мѣсто на Англійской набережной, откуда начинался строившійся въ то время постоянный мостъ черезъ Неву. Онѣ были самыхъ первыхъ поръ очень полюбились нашей публикѣ и были тогда такъ полны, что съ трудомъ открывалась возможность достать въ нихъ мѣсто. Въ началѣ мая, въ одной изъ такихъ каретъ, вмѣстѣ со мною публикою, прокатился изъ любопытства и государь. Когда, приѣхавъ его, прочіе, сидѣвшіе въ ней, сжались, онъ извинился передъ ними, длинными своими ногами занимаетъ много мѣста.

Въ томъ же году, съ воскресенья, 14-го сентября, открылась и дружная линия публичныхъ каретъ, отъ Лиговки у конца Бассейной до Пискаревскаго моста въ Коломнѣ, подъ именемъ каретъ Бассейной и Садовой.

8-го октября государь, объѣздивъ часть южной Россіи, возвратился въ Царское Село черезъ Варшаву, откуда ѣхали наслѣдникъ цесаревичъ со супругою, привезшіе съ собою изъ-за границы нареченную невѣсту великаго князя Константина Николаевича, принцессу Альтенбургскую Александру, и прибывшій къ ней на встрѣчу августѣйшій женихъ. Вечеръ съ 10-го на 11-е всѣ они ночевали въ Лугѣ, а 11-го послѣдовалъ торжественный въѣздъ невѣсты въ Царское Село, котораго, живя въ то время, я былъ свидѣтелемъ. Государь съ остальными членами своей семьи встрѣтилъ дорогихъ гостей у выходящихъ на Гатское шоссе воротъ Царскосельскаго сада и оттуда, уже съ ними вмѣстѣ, проѣхалъ прямо въ дворцовую церковь. Въ саду была разставлена артиллерія, а на большомъ дворѣ передъ дворцомъ—кавалерія; при входѣ невѣсты въ церковь происходила пушечная пальба. Мы, т. е. военная свита государева, первые чины двора и принадлежавшіе къ нему

¹⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: „директору“.

²⁾ Императоръ Александръ II прибавилъ: „генералъ-лейтенанту“.

изъ числа царскосельскихъ жителей, ждали въ залѣ передъ церковью, куда вошли въ слѣдъ за царскою семьею. Тутъ было краткое молебствіе съ многолѣтіемъ, и вросшій почти въ землю отъ старости духовникъ государевъ Музовскій сказалъ принцессѣ нѣсколько привѣтственныхъ словъ. Минута торжественная! Потомъ, въ залѣ и въ сѣняхъ, въ нее ведущихъ, происходили, въ виду нашемъ, представленія принцессѣ всѣхъ, оставшихся еще ей дотогѣ незнакомыми, членовъ новой ея семьи, цѣлованія, обниманія наслѣдникомъ и цесаревною ихъ дѣтей послѣ разлуки съ ними. Все, въ этой домашней картинѣ, дышало радостію; императрица обливалась слезами, государь былъ видимо растроганъ; мало кто и изъ насъ не плакалъ...

На другой день, въ воскресенье, къ придворной обѣднѣ не вѣста не являлась, а вечеромъ, послѣ фамилнаго обѣда, были во дворцѣ французскій спектакль и ужинъ, опять въ общемъ нашемъ присутствіи. Въ антрактахъ спектакля императрица сама подводила принцессу къ сидѣвшимъ въ первыхъ рядахъ дамамъ, а послѣ ужина точно также обходила съ нею всѣхъ прочихъ; на слѣдующій же день государь представлялъ ей мужчинъ.

Во вторникъ, 21-го октября, былъ въ Царскомъ Селѣ небольшой балъ у наслѣдника цесаревича. Увидѣвъ меня тутъ, государь взялъ подъ руку и отвелъ въ сторону. Разговоръ, начавшійся съ одного важнаго дѣла II-го отдѣленія, слушавшагося наканунѣ въ Государственномъ Совѣтѣ, послѣ минутнаго молчанія, принялъ вдругъ совершенно непредвидѣнный мною оборотъ.

— Знаешь ли что, любезный Корфъ—сказалъ государь—я хочу просить у тебя большой милости. Ты помнишь, что покойный Михайло Михайловичъ (Сперанскій), при концѣ воспитанія Александра Николаевича (наслѣдника), занимался съ нимъ законовѣдѣніемъ; хочешь ли ты много обязать меня, взявшись за это съ Константиномъ Николаевичемъ?

Я стоялъ, какъ пораженный громомъ этою неожиданностію, и едва могъ сказать:

— Государь, такая милость, такое довѣріе... но не знаю, способенъ ли я на это, въ силахъ ли удовлетворить вашимъ ожиданіямъ?

— Ну ужъ это предоставь моей заботѣ; я знаю, кого выбираю, знаю и увѣренъ, что ты будешь дѣйствовать точно такъ же усердно, добросовѣстно и умно, какъ всегда во всѣхъ твоихъ обязанностяхъ, а меня, повторяю, лично и много этимъ обяжешь.

Послѣ того онъ говорилъ еще, по крайней мѣрѣ минутъ съ десять, о свойствахъ великаго князя; о томъ, что будущій воспитанникъ мой исполненъ дарованій, о предубѣжденіи его противъ нововведеній Петра Великаго и любви къ старой, до-Петровской Россіи, о желаніи своемъ, чтобы я старался опровергнуть это предубѣжденіе и показать

кому князю развитіе нашего законодательства и государственнаго хозяйства преимущественно изъ элементовъ отечественныхъ, и т. п. и находился еще въ такомъ волненіи отъ внезапности предложен-
мнѣ, что слушалъ болѣе наружнымъ видомъ, нежели разумніемъ, и того могъ удержать въ памяти только эти главные предметы его
цы, безъ словъ, которыми они были выражены.

— Но позвольте же, государь, — спросилъ я, наконецъ — узнать волю
о томъ, въ какомъ пространствѣ, въ какихъ предѣлахъ должны
ограничены эти занятія?

— Я дамъ тебѣ годъ времени, т. е., разумѣется, учебный годъ, до
кулярнаго времени, когда Костѣ надо будетъ идти въ море. Эта
кодимость, къ сожалѣнію, всегда останавливала развитіе его воспи-
и; но теперь, когда всѣ настоящіе уроки его уже окончились, онъ
тъ имѣть болѣе досуга для тебя. Что касается до плана, я ни въ
тебя не ограничиваю и не стѣсняю; ты знаешь, что Сперанскій
зилъ записки о своихъ, какъ онъ ихъ называлъ, бесѣдахъ съ Але-
дромъ Николаевичемъ: тебѣ надо будетъ ихъ отыскать; но, впро-
и, я и тутъ не стѣсняю тебя: дѣлай, какъ разумѣешь лучше.

— Государь — сказалъ я послѣ новыхъ еще милостивыхъ изъявле-
его величества, — я глубоко чувствую ваше благосклонное довѣріе, но
пораженъ этою неожиданностію, что могу отвѣчать на вашъ мило-
ый вызовъ только благодарными слезами.

(И действительно, глаза мои и голосъ были полны слезъ; онѣ на-
улись и у государя.

— Ну, спасибо, спасибо, — отвѣчалъ онъ, крѣпко пожимая мнѣ обѣ
. Повторяю, что ты много меня одолжаешь и не тебѣ меня, а мнѣ
благодарить. Пожалуйста же, какъ найдешь слѣдъ записокъ Спер-
скаго, дай мнѣ тотчасъ знать, и тогда еще переговоримъ.

И такъ, послѣ тридцатилѣтней практической жизни, съ полузабы-
и школьными свѣдѣніями, мнѣ предстояло выступить на совсѣмъ
ую мнѣ педагогическую арену, и въ какихъ обстоятельствахъ! Я
нѣ чувствовалъ, что отъ этого могли зависѣть и дальнѣйшая моя
тація, и мнѣніе обо мнѣ государя, и судьбы мои и моего семей-
и, болѣе же всего боялся прирожденной мнѣ робости. Выбора, однако
не оставалось, и я безропотно покорился персту Божію, во всю
и мою ведущему меня, какъ мать ведетъ ребенка, не спрашиваясь
ознательной его воли. Но все это относится уже къ личной моей
рафіи и въ подробностяхъ своихъ совсѣмъ здѣсь не у мѣста.

Записки Сперанскаго отысканы были черезъ нѣсколько дней, и го-
рь, принявъ меня 26-го октября, въ Александровскомъ Царско-
скомъ дворцѣ, въ своемъ кабинетѣ, посадилъ рядомъ съ собою, за
менный свой столъ. Разговоръ былъ продолжительный искренній,

довѣрчивый, при томъ—настоящій разговоръ, потому что и мнѣ приходилось говорить много, развивая мысли и планъ, придуманные мною для предстоявшихъ занятій. Возвратясь къ тому же предмету, котораго онъ коснулся и въ первый разъ, государь опять пространно изъяснялся о блестящихъ умственныхъ способностяхъ великаго князя. Я съ моей стороны представлялъ, что, при всемъ моемъ благоговѣніи къ генію и огромнымъ свѣдѣніямъ Сперанскаго, не нахожу возможнымъ оцѣновать, въ моихъ чтеніяхъ, его запискамъ, потому что онъ, начавъ и кончивъ свое образованіе по устарѣвшимъ схоластическимъ системамъ и самъ долгое время бывъ учителемъ, никогда не могъ вполне высвободиться изъ-подъ ихъ вліянія. Далѣе я изъяснялъ, что нахожу точно также невозможнымъ, по краткости времени, да и вовсе ненужнымъ, по предназначенію великаго князя, приготовить изъ него магистра правъ, а имѣю въ виду, передавъ ему изъ области теоріи одни только общія, самыя главные начала, остановиться преимущественно на практической точкѣ, т. е. на исторической и догматической сторонѣ нашего законодательства, сравнительно съ важнѣйшими иностранными, словомъ, на томъ, что можетъ ему быть пригодно и полезно въ высокомъ призваніи помощника русскаго царя.

— Твое замѣчаніе о Сперанскомъ,—сказалъ государь,—очень справедливо; что онъ былъ однимъ изъ примѣчательнѣйшихъ людей при братѣ Александрѣ и въ мое царствованіе, въ томъ никто не усомнится; но онъ до конца своей жизни немножко школьничалъ и особенно любилъ цифры и подраздѣленія: разъ, два, три, четыре. Я повторяю, впрочемъ, что нисколько не стѣсняю тебя ни имъ, ни кѣмъ и чѣмъ-нибудь другимъ. Дѣлай, чтѣ и какъ хочешь, и я увѣренъ, что все будетъ хорошо, и опять впередъ много, много благодарю. Просилъ бы только, если другія занятія тебѣ позволятъ, начать поскорѣе, потому что время коротко. Условься обо всемъ этомъ съ Литке ¹⁾, а между тѣмъ, чтобы Костя посмотрѣлъ, какъ дѣлаются дѣла, я посажу его къ вамъ въ Со-вѣтъ, разумѣется такъ же, какъ сидѣлъ сперва Александръ Николаевичъ, т. е. безъ голоса, простымъ слушателемъ,

Затѣмъ, когда рѣчь коснулась теоріи права, государь говоритъ:

— Совершенно согласенъ съ тобою, что не надо слишкомъ долго останавливаться на отвлеченныхъ предметахъ, которые потомъ или забываются, или не находятъ никакого приложенія въ практикѣ. Я помню, какъ насъ ²⁾ мучили надъ этимъ два человѣка очень добрые,

¹⁾ Адмиралъ Феодоръ Петровичъ Литке, воспитатель великаго князя Константина Николаевича съ самаго его младенчества.

²⁾ То-есть его и великаго князя Михаила Павловича, воспитывавшихся вмѣстѣ.

можетъ статья, и очень умные, но оба несноснѣйшіе педанты: покойники Балугьянскій и Кукольникъ. Одинъ толковалъ намъ на смѣси всѣхъ языковъ, изъ которыхъ не зналъ хорошенько ни одного, о римскихъ, нѣмецкихъ и Богъ вѣсть еще какихъ законахъ; другой—что-то о мнимомъ «естественномъ» правѣ. Въ прибавку къ нимъ являлся еще Шторхъ, съ своими усыпительными лекціями о политической экономіи, которыя читалъ намъ по своей печатной французской книжкѣ, ничѣмъ не разнообразя этой монотоніи. И что же выходило? На урокахъ этихъ господъ мы или дремали, или рисовали какой-нибудь вздоръ, иногда собственные ихъ каррикатурные портреты, а потомъ къ экзаменамъ выучивали кое-что въ долбашку, безъ плода и пользы для будущаго. По-моему, лучшая теорія права—добрая нравственность, а она должна быть въ сердцѣ независимо отъ этихъ отвлеченностей и имѣть своимъ основаніемъ—религію. Въ этомъ моимъ дѣтямъ тоже лучше, чѣмъ было намъ, которыхъ учили только креститься въ извѣстное время обѣдни, да говорить наизусть разныя молитвы, не заботясь о томъ, что дѣлалось въ душѣ. Моими дѣтьми, благодаря трудамъ почтеннаго чеховѣка, который занимается съ ними закономъ Божіимъ⁴⁾, я могу въ этомъ отношеніи похвалиться: они всѣ истинно религіозны, безъ ханжества, по чувству.

Наконецъ, при разговорѣ о патриотизмѣ и чувствѣ народности, изъясняясь, сколько, при всей ихъ необходимости, должно однакожъ избѣгать крайностей, государь прибавилъ, что съ этой стороны онъ не можетъ ничего приписать вліянію своихъ учителей, но очень многимъ былъ обязанъ людямъ, въ обществѣ которыхъ жилъ (по тогдашнему оффиціальному названію—кавалеры) Ахвердову, Арсеньеву и Маркевичу (государь называлъ ихъ всѣхъ по именамъ и отчествамъ), и которые искренно любили Россію, а между тѣмъ понимали, что можно быть самымъ добрымъ русскимъ, не ненавидя, однакожъ, безъ разбору всего иностраннаго.

27-го октября графъ Блудовъ возвратился изъ римской своей миссіи. Спустя нѣсколько дней, государь, приказавъ ему вступить снова въ управленіе II-мъ отдѣленіемъ, отозвался, что впрочемъ онъ найдетъ его въ совершенномъ порядкѣ. 2-го ноября, въ воскресенье, послѣ обѣдни, государь благодарилъ меня, въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, съ жаркими пожатіями руки, какъ онъ выразился, за отдаче, и кромѣ того долго еще бесѣдовалъ о разныхъ предметахъ, болѣе же всего о новыхъ моихъ занятіяхъ. На вопросъ о томъ, должно ли зна-

⁴⁾ Протоіерей Василій Борисовичъ Бажановъ, который, послѣ смерти Музювскаго, назначенъ былъ духовникомъ ихъ величествъ.

комить великаго князя съ конституціонными планами, долго занимая императора Александра, государь отвѣчалъ:

— Разумѣется, и непремѣнно. Его надо вводить во все, со искренностію, и ничего отъ него не скрывать. Изъ твоихъ разсужденій онъ увидитъ, что Александръ Павловичъ послѣ самъ убѣдился въ возможности осуществить свои идеи и отошелъ отъ нихъ, сожалея, что далъ конституцію Польшѣ.

За тѣмъ 3-го ноября я удостоился получить слѣдующій востановившійся рекриптъ: «Баронъ Модестъ Андреевичъ! Повелѣвъ, въ вращеніи статсъ-секретаря графа Блудова, вступить ему, по-прежнему въ управленіе II-мъ отдѣленіемъ Собственной моей канцеляріи, особеннымъ удовольствіемъ объявляю вамъ совершенную благодарность за всегдашнюю готовность вашу исполнять обязанности, довѣриемъ на васъ возлагаемыя, и за неутомимое усердіе, оказанное вами въ исполненіе временнаго управленія вашего II-мъ отдѣленіемъ Собственной моей канцеляріи. Пребываю вамъ благосклонный».

Фраза о всегдашней готовности и пр., очевидно, относилась къ II-му отдѣленію, а къ занятіямъ моимъ съ великимъ княземъ. Это твердилось для меня и разсказомъ графа Киселева, который, обѣдѣавъ наканунѣ во дворцѣ, слышалъ отъ государя *«qu'il était très reconnaissant à Korff d'avoir accepté Sa prière de si bonne grâce»*.—Корфъ благодарилъ государя за рескриптъ, онъ заключилъ милостивыя изъясненія такъ: «Надѣюсь, что ты всегда и во всемъ, во всякихъ обстоятельствахъ, будешь моимъ!»—*«Pas de sottises questions de sa part l'esprè»*—спросилъ онъ, говоря о моемъ ученикѣ, и я, по совѣсти, отвѣчалъ отрицательно, прибавивъ, что не могу довольно хвалить его любознательностію и вниманіемъ.

26-го ноября совершилась торжественная присяга великаго Константина Николаевича по случаю достиженія имъ (9-го сентября) законнаго для лицъ императорскаго дома совершеннолѣтія. Церемонія величественная и трогательная! И присягу въ придворномъ стилѣ и другую, передъ войсками, у подножія трона, въ Георгіевской церкви великій князь прочелъ громко, явственно, съ чувствомъ, съ жизнію, смотря на то, что во второй, которой слова онъ долженъ былъ повторить за священникомъ, ветхій днѣми и силами Музовскій заставлялъ его дѣлать разныя пространныя разстановки. Въ церкви, послѣ присяги, государь подвелъ его (объ этомъ не было упомянуто въ церемоніальномъ указѣ) къ выставленнымъ тутъ регаліямъ, и вслѣдъ за тѣмъ начались царскія лобзанія, самыя нѣжныя, посреди слезъ. Взглядъ, съ которымъ великій князь бросился въ объятія старшаго своего брата, наслѣдника цесаря, былъ такой, что я тутъ же упалъ бы предъ нимъ на колѣни. Царская фамилія присутствовала вся, кромѣ великой княгини Елены Павловны.

ей нездоровою. Въ Георгіевской залѣ императрицу, стоявшую на нѣхъ трона, окружали великія княгини и дѣти цесаревича, а государь возлѣ присягавшаго. Великіе князья находились всѣ въ строю. Присяги Совѣтъ, Сенатъ, статсъ-секретари, генералъ-и флигель-анты приносили Константину Николаевичу поздравленія въ Конной залѣ. Мы стояли огромнымъ полукругомъ, а онъ подходилъ съ такими пріятными словами къ каждому, кого зналъ сколько-нибудь въ лицо.

Каково, сказалъ онъ мнѣ потомъ, было господамъ иностраннымъ матамъ, когда я присягалъ служить противъ всякаго врага цютата, и нѣсколько разъ, восхищаясь словами молебствія, по-тъ: «C'est une grande et belle journée!»

мнѣ въ виду переданное мнѣ государемъ предположеніе посадить аго князя Константина Николаевича въ Государственный Совѣтъ одной стороны, не зная, когда оно будетъ приведено въ испол-а съ другой, предвидя, что, по общему плану нашихъ занятій, ще не слишкомъ скоро приступимъ къ обзорѣнію исторіи и обра-ія Совѣта, тогда какъ безъ всякаго ознакомленія съ сими предме-великому князю неудобно присутствовать даже и простымъ слу-немъ, я, въ концѣ ноября, написалъ обо всемъ этомъ государю, и въ четверть часа записка моя возвратилась съ слѣдующею соб-норучною его надписью: «Полагаю, что лучше не выходить изъ матическаго изложенія; присутствіе безъ голоса въ Совѣтъ не свя-сь какою-либо эпохою и потому послѣдовать можетъ въ то время, узнаю, что бесѣды ваши уже дошли до сего предмета».

въ началѣ декабря государь снова захворалъ, и при томъ такъ, что декабря, въ день своего тезоименитства, не могъ даже присутство-у обѣди. 7-го онъ отважился выѣхать, но отъ этого выѣзда еще разнемогся. Сдѣлался родъ катарральной болѣзни, сопряженной изстройствомъ желчнаго отдѣленія, и недугъ тотчасъ принялъ стерь если еще не совершенно опасный, то по крайней мѣрѣ очень зный. Государь, какъ въ предшедшую зиму, не былъ въ силахъ о принимать и долженъ былъ бросить всѣ дѣла; несмотря на то, акакъ не могли уложить въ постель. Хотя съ поникшею головою большой слабости, онъ постоянно оставался въ креслахъ, въ сюр-даже въ галстухѣ, и при томъ не въ обыкновенномъ своемъ каби-въ верхнемъ этажѣ Зимняго дворца, а въ одной небольшой ком-изъ числа бывшихъ ¹⁾ великой княгини Ольги Николаевны, съ

Императоръ Александръ II написалъ: „изъ числа бывшихъ въ ниж-этажѣ подлѣ половины великой княгини“.

тремя окнами, каждымъ какъ ворота, двумя дверьми и еще каминомъ¹⁾. Въ эту комнату, въ нижнемъ этажѣ дворца, побудила государя перебраться нѣжная его деликатность, чтобы не заставлять Мандта, у котораго въ то время болѣла нога, безпрестанно подниматься къ нему на верхъ.

Только съ 15-го декабря, когда у больного открылся сильный потъ, его уговорили лечь въ постель. Въ эту болѣзнь, какъ и во всѣ прежнія, масса публики знала о ней только по городскимъ слухамъ; но, по крайней мѣрѣ, для всѣхъ, имѣвшихъ доступъ во дворецъ, въ этотъ разъ выкладываемъ былъ въ передней ежедневный бюллетень. Къ послѣднимъ днямъ года здоровье государя стало ощутительно поправляться; но, вступивъ снова въ дѣла, онъ все еще не могъ не только выѣзжать, но и оставлять своей комнаты. 29-го декабря я былъ позванъ обѣдать къ императрицѣ, въ домашнемъ и самомъ маленькомъ кругу; государь, однако же, и тутъ ни къ столу, ни послѣ не показывался.

Занятія мои съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ происходили постоянно по два раза въ недѣлю. Въ половинѣ декабря предметомъ одной изъ нашихъ бесѣдъ слѣдовало, по моему плану, быть исторіи престолонаслѣдованія въ Россіи, со всѣми его многократными коловратностями и внезапными переворотами. Написавъ очеркъ этой исторіи, со включеніемъ въ него множества неизвѣстныхъ публикѣ подробностей, извлеченныхъ мною изъ государственныхъ актовъ и, касательно событій 1825 года, изъ разсказовъ великаго князя Михаила Павловича и воспоминаній, изустныхъ и письменныхъ, нѣкоторыхъ изъ нашихъ сановниковъ, я, несмотря на полученное мною приказаніе вводить великаго князя во все, со всею искренностію, недоумѣвалъ, какъ эту записку, содержащую въ себѣ немало очень щекотливыхъ мѣстъ, прочесть ему безъ предварительнаго просмотра государя, о которомъ, во время тогдашней его болѣзни, нельзя было и думать. Посему я рѣшился отослать мою записку къ наслѣднику цесаревичу и испросить его разрѣшенія, можно ли прочесть ее въ такомъ видѣ Константину Николаевичу, или же отложить это до выздоровленія государя, что, впрочемъ, заставило бы меня остановиться въ дальнѣйшихъ нашихъ занятіяхъ, или измѣнить ихъ планъ. Цесаревичъ, вытребовавъ меня къ себѣ и принявъ съ обычною своею милостивою благовоительностію, объявилъ, что хотя, разумѣется, не могъ представить государю моей записки, но разсказывалъ ему ея содержаніе и именемъ его вполне разрѣшаетъ меня прочесть ее великому князю. Въ заключеніе, его высочество спросилъ о днѣ и

¹⁾ Эту комнату, одну изъ самыхъ неудобныхъ во всемъ дворцѣ, императоръ Николай обратилъ потомъ въ свой кабинетъ и вмѣстѣ въ спальню, и въ ней наконецъ посѣдовала его кончина.

назначенныхъ для ея чтенія. На отвѣтъ мой, что оно будетъ въ этотъ самый день (16-го декабря), въ половинѣ перваго—цесаревичъ отозвалъ, что намѣренъ самъ при немъ присутствовать. Такъ и сдѣлалось. Сестрина Николаевича записка, служившая, впрочемъ, канвою для пространныхъ словесныхъ изъясненій, повидимому, чрезвычайно ценилась; но и цесаревичъ благоволилъ слушать ее съ такимъ вниманіемъ, какъ будто бы не видѣлъ уже прежде, хотя предсказыванія его о разныхъ статьяхъ ясно доказывали, что онъ не только все прочелъ, прочелъ даже съ особенною внимательностію. Когда я кончилъ, цесаревичъ объявилъ намъ, что онъ имѣетъ одну чрезвычайно любопытную вещь, относящуюся къ этому же предмету, а именно: воспоминанія о событіяхъ 1825 года, написанныя его родителемъ, въ два приѣма, въ 1825 и 1835 годахъ, и что намѣревается ихъ намъ прочесть, что вслѣдствіе этого и исполнилъ. Это—записка высшаго историческаго интереса—содержащая съ большою подробностію не только самые факты, но и личныя ощущенія императора Николая, въ которой, къ сожалѣнію, не хватаетъ, однако, нѣсколько листовъ изъ середины, нигдѣ не отысканныхъ¹⁾. Подлинникъ, тутъ же намъ показанный, написанъ былъ веселымъ рукою императора карандашемъ²⁾, но цесаревичъ предпочелъ, для болѣе разборчивости, прочесть намъ всю піесу по копіи, написанной частію имъ самимъ и частію великою княгиней Маріею Александровною. Записка эта такъ обширна, что чтенія ея, ничѣмъ не прерывавшееся, заняло болѣе полутора часовъ, а весь сеансъ нашъ продолжился отъ половины перваго до половины четвертаго. При выслушаніи цесаревичъ, пожимаая мнѣ руку, благодарилъ, что я «допустилъ къ нашимъ занятіямъ».

Вслѣдствіе почти за этими, навсегда для меня достопамятными часами, проведенными цесаревичъ также сильно занемогъ. По выложеннымъ бюллетеніямъ, онъ страдалъ ревматическими болями и лихорадочными припадками и принужденъ былъ лечь въ постель. Вслѣдствіе этой болѣзни, продолжавшейся еще нездоровья и государя, въ Рождество 1847 г. не было ни выхода, ни обычнаго военнаго торжества во дворцѣ. Болѣзнь цесаревича была не продолжительна, но, какъ говорили врачи, она подѣйствовала на его нервы. Впрочемъ, къ концу года онъ еще занималъ своей комнаты.

Существенное содержаніе этой записки введено было потомъ въ сочиненіе: „14-е декабря 1825 года“.

Впослѣдствіи покойный герцогъ Лейхтенбергскій сказывалъ мнѣ, что подлинникъ достался ему. Императоръ Александръ II замѣтилъ: „вадворѣ, никогда не выходилъ изъ моихъ рукъ“.

Никто не обладалъ болѣе императора Николая высокимъ даромъ дѣйствовать не только на воображеніе и на разсудокъ, но и на чувство. Въ этомъ отношеніи искусство его было, можно сказать, волшебное.

Въ послѣднихъ числахъ декабря, я, по общему плану моихъ бесѣдъ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, прочелъ ему исторію и современное образованіе Государственнаго Совѣта. Такъ какъ здоровье государя въ это время уже нѣсколько поправилось и онъ снова занимался дѣлами, то, въ виду прежде изъавленной имъ мнѣ воли посадить великаго князя слушателемъ въ Совѣтъ, какъ скоро онъ ознакомится съ устройствомъ этого высшаго государственнаго учрежденія, я донесъ письменно о томъ, что мы его прошли. Государь принялъ, однакожь, мое донесеніе, кажется, въ видѣ общаго отчета о ходѣ нашихъ занятій, ибо, не давъ на этотъ разъ никакого повелѣнія касательно присутствованія великому князю въ Совѣтъ, ограничился высылкою мнѣ моей докладной записки съ слѣдующею высокопоощрительною, оживившею меня къ новымъ трудамъ надписью: «Съ искреннею благодарностію слышалъ отъ сына и прошу довершить начатое, мнѣ въ одолженіе».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

XVI ¹).

1848.

Назначеніе гр. Левашева предсѣдательствующимъ въ Государственномъ Совѣтѣ. — Крещенскій праздникъ. — Разговоръ барона М. Корфа съ наслѣдникомъ о событіяхъ 14-го декабря 1825 г. — Пятидесяти-лѣтній юбилей великаго князя Михаила Павловича. — Болѣзнь императора Николая I. — Масляница. — Кончина адмирала Папахристо.

Еще въ продолженіе болѣзни князя Васильчикова, а тѣмъ болѣе послѣ его кончины, всѣ разговоры, не только въ высшемъ обществѣ и въ кругу административномъ, но и во всей петербургской публикѣ, были сосредоточены на разрѣшеніи важнаго вопроса: кто будетъ его преемникомъ? Между тѣми лицами, которыхъ этотъ вопросъ интересовалъ, болѣе или менѣе, непосредственно, произошла настоящая сумятица, почти революція, впрочемъ самая мирная, потому что она ограничивалась лишь словами, догадками и вымыслами. Надо было жить, подобно мнѣ, въ этомъ кругу, чтобы видѣть и вполнѣ оцѣнить волненіе, произведенное сказаннымъ вопросомъ, и чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдить, какъ всякій выдумывалъ свое и какъ рождалось почти столько же разнообразныхъ предположеній, сколько было головъ. Первымъ кандидатомъ, если и не по степени дарованій, то по нѣкоторому виду права, называли

¹) См. „Русскую Старину“ февраль 1900 г.

графа Левашева; основаніе же къ его праву заключалось въ томъ, что онъ, въ качествѣ старшаго изъ предсѣдателей департаментовъ Государственнаго Совѣта, нѣсколько уже лѣтъ, при частыхъ болѣзняхъ или въ отсутствіе Васильчикова, исправлялъ его должность. Другими кандидатами публика по своимъ соображеніямъ назначала князя Варшавскаго, графа Орлова и графа Блудова; о послѣднемъ вѣсти перешли даже и въ иностранныя газеты. Наконецъ, въ обществѣ передавались слова, сказанныя будто бы государемъ, что хотя ему извѣстны городскія комбинаціи, но онъ сдѣлаетъ такое назначеніе, которое всѣхъ удивитъ. Между тѣмъ прошли и Пасха, и всѣ весенніе и лѣтніе царскіе праздники, а назначенія не послѣдовало. Графъ Левашевъ продолжалъ исправлять должность предсѣдателя, но все только по закону, какъ старшій, на что не требовалось даже и особаго высочайшаго повелѣнія: отзывы же и дѣйствія государя, вопреки всѣмъ толкамъ публики, не давали никакого повода заключать, чтобы выборъ его уже остановился на комъ-нибудь. При извѣстности ему всѣхъ носившихся въ городѣ слуховъ, равно какъ и общаго напряженнаго ожиданія, нельзя не допустить мысли, что онъ преднамѣренно отлагалъ рѣшеніе этого вопроса, находя нѣкоторое удовольствіе въ зрѣлищѣ разгара страстей и ложныхъ догадокъ. Подъ конецъ лѣта, когда одна дама, наведя разговоръ на этотъ предметъ, отважилась, прикрываясь щитомъ своего пола, на прямой вопросъ: кто же будетъ предсѣдателемъ Совѣта, государь отвѣчалъ: — Богу одному извѣстно и ему я и предоставляю рѣшить.

Еще прежде того, графъ Левашевъ, подъ предлогомъ, что занятія по должности предсѣдателя Совѣта поглощаютъ все его время, просилъ освободить его отъ предсѣдательства въ департаментѣ экономіи и когда на это косвенное напоминаніе послѣдовало просто сухое соизволеніе, то наслѣдникъ цесаревичъ замѣтилъ своимъ приближеннымъ: «неудачная попытка!» — Самъ Левашевъ изъяснялся передъ своими пріятелями «qu' il lui était impossible de dire que l'Empereur se soit compromis envers lui par le moindre mot de promesse ou d'espoir», но что однако его величество не разъ говорилъ съ нимъ о разныхъ будущихъ своихъ видахъ по Государственному Совѣту, какъ бы о предметѣ непосредственно до него, Левашева, касающемся. Такимъ образомъ, весь 1847 годъ прошелъ, не разрѣшивъ задачи, такъ всѣхъ занимавшей. Между тѣмъ къ новому году надлежало, по учрежденію Совѣта, явиться двумъ высочайшимъ указамъ: одному о подтвержденіи на мѣстахъ предсѣдателей и членовъ по департаментамъ, другому — о возобновленіи на тотъ годъ назначенія предсѣдателя Совѣта. Слѣдственно, вопросъ, во всякомъ случаѣ, долженъ былъ развязаться: или назначеніемъ, наконецъ, настоящаго предсѣдателя, или, ежели бы Левашевъ оставленъ былъ въ

званіи предсѣдателя департамента экономіи, указаніемъ, что государь имѣетъ въ виду назначить предсѣдателемъ Совѣта не его, а другаго.

Въ послѣднихъ дняхъ декабря великій князь Константинъ Николаевичъ, раздѣлявшій общую неизвѣстность и общее любопытство, спросилъ меня, кто будетъ предсѣдателемъ Совѣта? Я отвѣчалъ, что если не знаетъ онъ, то еще менѣе можно знать мнѣ, но въ числѣ городскихъ кандидатовъ называлъ, разумѣется, и Левашева.

— Какъ, помилуйте, изъ полицейскихъ драгунѣвъ?

— Что же, у насъ былъ однажды военный министръ даже изъ рекрутовъ (графъ Вязмитиновъ).

— Нѣтъ, это совсѣмъ другое, а ужъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта изъ полицейскихъ крючковъ, тутъ, право, не было бы никакого приличія.

— Во-первыхъ, ваше высочество, онъ давно уже предсѣдателемъ *de fait*, а во-вторыхъ, нисколько еще не доказано, чтобы онъ служилъ когда-нибудь въ полиціи; это одна молва, одно преданіе, а въ формулярѣ значится только, что онъ началъ службу въ штатѣ военнаго генералъ-губернатора.

— Нѣтъ, ужъ извините: мнѣ самъ папá сказывалъ, что онъ служилъ въ полицейскихъ драгунахъ.

Въ моихъ глазахъ слова великаго князя ужасно роняли акціи Левашева, независимо отъ всего другаго, уже и по тому одному, что сказывалъ это—государь.

И, при всемъ томъ, вопросъ долженъ былъ рѣшиться въ пользу этого кандидата....

При восполнѣдованіи упомянутыхъ указовъ былъ назначенъ на 1848 годъ хотя и не предсѣдателемъ, а предсѣдательствующимъ Совѣта именно графъ Левашевъ, съ оставленіемъ его, однако же, и предсѣдателемъ департамента экономіи.

— *Ce n'est que le titre qui manque*—говорилъ онъ мнѣ самъ—*mais du reste c'est avec toutes les prérogatives de la place et avec le travail personnel.*

— *Je vous avoue*—продолжалъ онъ—*que ma position était intolérable et que ce n'est qu'à présent, qu'ayant les coudées franches, je pourrai agir comme je le crois de mon devoir.*

Многіе изъ насъ не раздѣляли этого мнѣнія и, дивясь, отъ чего задача, такъ долго тревожившая умы въ Совѣтѣ и въ публикѣ, не получила той же развязки уже за десять мѣсяцевъ передъ тѣмъ, находили, что въ сущности ничего не перемѣнилось: ибо и по титулу, и по редакціи указа, все осталось, по-прежнему, временнымъ, тѣмъ болѣе, что Левашевъ былъ оставленъ и при прежней должности предсѣдателя департамента.

День Богоявленія въ 1848 году былъ празднованъ особеннымъ образомъ. Ни государю, ни наслѣднику состояніе ихъ здоровья не позволило сдѣлать большаго выхода, и, вслѣдствіе того, они слушали обѣдню въ малой дворцовой церкви, куда были приглашены только военная свита и высшіе придворные чины; въ придворномъ же соборѣ совершалъ торжественную литургію, почти передъ пустыми стѣнами, архіепископъ курскій Иліодоръ. За тѣмъ, въ дворцовыхъ залахъ размѣщены были, по обыкновенію, отряды¹⁾ гвардейскихъ полковъ съ знаменами и все городское духовенство, которые послѣ совершили парадный выходъ на Іордань, точно какъ бы въ высочайшемъ присутствіи. За крестнымъ ходомъ шли великіе князья Михаилъ Павловичъ и Константинъ Николаевичъ и герцогъ Лейхтенбергскій, а государь съ наслѣдникомъ и царственными дамами смотрѣли на церемонію изъ оконъ большой (мраморной) аванзалы.

Въ этотъ же самый день Богоявленія 1848 года случайно было положено начало описанію одной изъ самыхъ яркихъ страницъ въ біографіи императора Николая. Сверхъ того я познакомился со взглядомъ наслѣдника цесаревича на образъ дѣйствій августѣйшаго родителя.

Я говорилъ уже, что, въ предшедшемъ декабрѣ, въ одну изъ бесѣдъ моихъ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, цесаревичъ прочелъ намъ собственноручную записку государя о происшествіяхъ, ознаменовавшихъ конецъ 1825 года. Въ то же время его высочество изъявилъ желаніе видѣть составленную мною и одобренную государемъ историческую записку о самодержавіи въ Россіи. Я поспѣшилъ исполнить эту волю, но записка моя пришла къ цесаревичу уже наканунѣ того дня, когда началась жестокая его болѣзнь и, вслѣдствіе того, она была прочитана имъ и выслана мнѣ обратно только по оправленіи его въ первыхъ числахъ января. Въ заключеніи записки я помѣстилъ извѣстный манифестъ 1826 года, обнародованный по окончаніи суда надъ заговорщиками 14-го декабря, и назвалъ его тутъ «величественною программой нынѣшняго царствованія».

6-го января, подойдя ко мнѣ послѣ обѣдни въ малой церкви, за которою и я находился, и повторивъ мнѣ благодарность свою за записку, прежде изъявленную весьма милостивою на ней надписью²⁾, цесаревичъ прибавилъ:

— И какъ превосходенъ этотъ послѣдній манифестъ! Какъ выразилась въ немъ вся великая душа государя! Невозможно читать безъ слезъ: представьте же, что я до сихъ поръ совѣмъ его не зналъ?

¹⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Отрядовъ не было, а были одны только знамена, которыя и слѣдовали за церковною процессіею“.

²⁾ „Весьма благодаренъ; и прочелъ все съ особеннымъ интересомъ“.

— Манифестъ былъ, однакоже, въ свое время напечатанъ.

— Да, но я тогда былъ ребенкомъ, а послѣ онъ мнѣ не попадался; къ тому же эти вещи у насъ такъ скоро забываются.

Потомъ, промолчавъ съ минуту, цесаревичъ продолжалъ:

— Я просилъ бы васъ зайти ко мнѣ сегодня послѣ церемоніи; мнѣ надо съ вами переговорить.

Предполагая, что я услышу тутъ продолженіе того же разговора, и нимаю не предугадывая, что мнѣ предстоитъ, я, по развѣдѣ всѣхъ бывшихъ во дворцѣ, пошелъ въ переднюю наслѣдника и спокойно тамъ ожидалъ его прибытія. Онъ пришелъ черезъ нѣсколько минутъ и, взявъ меня за руку, ввелъ въ свой кабинетъ.

— У меня—сказалъ онъ—есть къ вамъ просьба. Вы, конечно, помните государеву записку о 14-мъ декабрѣ, которую я вамъ прочелъ; въ ней есть много такого, что вамъ прежде не было извѣстно; между тѣмъ и въ вашей тогдашней запискѣ (о престолонаслѣдіи), которую мы тоже вмѣстѣ читали, есть такія вещи объ этомъ происшествіи, которыхъ нѣтъ въ государственной. Если бы все это вмѣстѣ, дополнивъ одно другимъ и еще изъ другихъ матеріаловъ, редижировать настоящимъ образомъ, то могла бы выдти вещь чрезвычайно любопытная. Событія эти такъ важны, что имъ не должно умирать для исторіи, или, что еще хуже, переходить въ нее искаженными отъ превратныхъ толковъ. Потому я хочу отдать вамъ государеву записку и попросить, чтобы вы, исключивъ изъ нея все, что, касаясь собственно до его лица, не входитъ прямо въ самую исторію происшествія, и дополнивъ изъ вашихъ матеріаловъ и вообще всѣмъ, что найдете еще нужнымъ, составила, по этимъ даннымъ, полный и отчетливый рассказъ. Окончивъ его, мы покажемъ государю и попросимъ, чтобы онъ поправилъ и дополнилъ по своимъ воспоминаніямъ, и такимъ образомъ будетъ у насъ самое достовѣрное цѣлое, если не для современниковъ, такъ по крайней мѣрѣ для потомства.

Потомъ цесаревичъ вошелъ въ разныя подробности относительно главной идеи работы, ея плана, источниковъ, изъ которыхъ можно было бы извлечь дополнительные еще матеріалы и пр. и, отдавая мнѣ на выборъ, взять ли подлинную записку государственной руки, или копію, списанную имъ и великою княгинею Марією Николаевною (я предпочелъ послѣднее, тѣмъ болѣе, что въ оригиналѣ мѣстами уже стерся карандашъ), заключилъ такъ:

— Мнѣ не нужно просить, чтобы все это оставалось между нами: довѣряя вамъ, я какъ бы довѣряю самому себѣ.

Разсуждая мысленно о томъ, достанетъ ли у меня силъ, чтобы вести столько важныхъ и достовѣрныхъ порученій рядомъ, я думалъ, что тѣмъ и кончится моя аудіенція; но цесаревичъ продолжалъ еще разговоръ,

обратясь къ сравненію дѣйствій обоихъ братьевъ по кончинѣ императора Александра.

— Поступокъ Константина Павловича—сказалъ онъ—заслуживалъ конечно, всякой похвалы, особенно въ томъ, что онъ настоялъ на своемъ отреченіи и тогда уже, когда ему присягнула вся Россія; но если взять въ соображеніе положеніе батюшки, то нельзя не согласиться, что его жертва была еще больше, поведение еще выше.

Затѣмъ, развивъ этотъ предметъ разными подробностями, цесаревичъ продолжалъ:

— И нѣтъ сомнѣнія, что рѣшимость принять на себя бремя правленія уже сама по себѣ была величайшею изъ всѣхъ возможныхъ жертвъ. Увѣряю васъ, что это дѣло—нелегкое, и только тотъ, кто видитъ и знаетъ дѣйствія государя, какъ я, можетъ вполне оцѣнить его тягость. L'Empereur est méconnu¹⁾, je le sais; mais il viendra un temps où l'histoire rendra une justice éclatante à sa mémoire, и тогда замолчатъ клевета и неблагонамѣренность. Величайшій изъ недостатковъ батюшки тотъ, что высокая душа его слишкомъ довѣрчива, и что онъ, въ благородствѣ своихъ чувствъ и при убѣжденіи, что всѣ, подобно ему, стремятся къ общему благу, нисколько не подозрѣваетъ, какъ обманываютъ его иногда своекорыстіе и неблагодарность самыхъ приближенныхъ.

Дальнѣйшее содержаніе этого разговора, исполненное незабвенное для меня благости и самаго лестнаго довѣрія, относилось исключительно моего лица и потому не должно имѣть мѣста въ настоящихъ листахъ.

Во второй половинѣ января, и государь, и наслѣдникъ цесаревичъ совершенно выздоровѣли. Оба возвратились къ обыкновенному своему образу жизни и начали снова выѣзжать и въ театръ, и на балы и каскарады. Неоднократно видясь въ это время съ государемъ, я слышалъ отъ него милостивые отзывы о ходѣ и успѣхѣ моихъ занятій съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ и, кромѣ того, онъ часто бесѣдовалъ со мною о возложенномъ на меня цесаревичемъ порученіи. Въ одну изъ такихъ бесѣдъ, рѣчь зашла объ извѣстныхъ сочиненіяхъ Шницлера и Устрялова, касающихся также частію событій 14-го декабря 1825 года. Разсказывая, что въ послѣднемъ, при просмотрѣ его, онъ сдѣлалъ нѣкоторыя прибавки и дополненія и вымаралъ разныя «комплименты», государь очень хвалилъ книгу Шницлера и достовѣрность его разсказа. Я осмѣлился возразить que dans beaucoup de choses cependant il n'était qu'à côté de la vérité, что нѣкоторые изъ его анекдотовъ прикрашены и что тѣ матеріалы, изъ которыхъ я извлекаю мое сочиненіе, представляютъ многія обстоятельства въ другомъ видѣ. Государь отъ-

¹⁾ Разговоръ шелъ, попеременно, то по-русски, то по-французски.

чалъ, что съ нетерпѣніемъ ожидаетъ моей книжки, и желалъ бы имѣть болѣе времени для чтенія другихъ моихъ произведеній, т. е. лекцій, приготовляемыхъ для Константина Николаевича. Въ другой разъ я получилъ повелѣніе свезти великаго князя въ коммерческій судъ, чтобы дать ему понятіе о производящемся словесномъ разборѣ тяжбъ.

28-го января великому князю Михаилу Павловичу минуло 50 лѣтъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ былъ празднованъ пятидесятилѣтній юбилей его службы въ званіи генераль-фельдцейхмейстера. Къ этому дню государь пожаловалъ своему брату эполеты, съ изображеніемъ двухъ крестообразно положенныхъ пушекъ, выразясь при томъ, что, не умѣя ничѣмъ достойно вознаградить его заслуги и доблести, старался, по крайней мѣрѣ, придумать для подарка такую вещь, какой никто ни прежде не имѣлъ, ни послѣ имѣть не будетъ. Кромѣ того, велѣно гвардейской артиллеріи отдавать впредь великому князю такую же честь, какъ лицу самого императора, о чемъ возвыщено исполненнымъ благосклонности и сердечнаго чувства рескриптомъ, и наконецъ пожалованы для его арсенала двѣ пушки, вылитыя въ годъ его рожденія, которыя государь приказалъ предварительно выставить въ Михайловскомъ манежѣ, на показъ для царской фамиліи, съ прислугою изъ 15-ти человѣкъ артиллеристовъ. одѣтыхъ въ полную форму 1798 года, что, при разности ея съ современною, имѣло совершенно видъ маскараднаго наряда. За тѣмъ, весь церемоніаль этого дня былъ устроенъ по непосредственному указанію государя. Утромъ, выйдя въ большой свой кабинетъ, великій князь нашелъ въ немъ наслѣдника цесаревича и великаго князя Михаила Николаевича, въ артиллерійскихъ мундирахъ, вмѣстѣ со всѣми артиллерійскими генералами. Цесаревичъ вручилъ ему упомянутый выше рескриптъ, а старшій генералъ поднесъ описаніе всѣхъ улучшеній, введенныхъ въ нашу артиллерію въ тридцатилѣтнее управленіе ею великаго князя, и списокъ всѣхъ ея чиновъ, участвовавшихъ въ подпискѣ на сооруженіе его бюста для Артиллерійскаго училища ¹⁾. Въ другой комнатѣ подали ему: фельдмаршалъ князь Варшавскій рапортъ о состояніи арміи, а военный министръ князь Чернышевъ — высочайшій приказъ того дня, начинавшійся пожалованіемъ «согласно желанію его высочества» великаго князя Михаила Николаевича шефомъ лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригады и причисленіемъ старшаго сына наслѣдника къ гвардейской конной артил-

¹⁾ Бюстъ этотъ, работы Витали и Клода, вылитъ, по волѣ государя, изъ пушекъ, взятыхъ на стѣнахъ Браилова при покореніи сей крѣпости великимъ княземъ въ 1828 году.

леріи ¹⁾). Вслѣдъ за симъ юбиларъ принималъ Главный штабъ и весь гвардейскій корпусъ, въ рядахъ котораго стояли всѣ великіе князья. Къ обѣднѣ, отправлявшейся въ дворцовой его церкви, пріѣхалъ самъ государь со всею царскою фамиліею. Послѣ обѣдни, происходило въ Михайловскомъ манежѣ молебствіе съ церковнымъ парадомъ ²⁾, при которомъ старшій братъ принялъ младшаго, стоя на флангѣ, и первый прокричалъ: «ура!» На молебнѣ, за обычнымъ многолѣтіемъ царственному дому, протодіаконъ провозгласилъ вѣчную память императору Павлу, которымъ великій князь былъ пожалованъ въ генералъ-фельдцейхмейстеры, и многолѣтіе всему русскому воинству. При послѣднемъ раздались выстрѣлы изъ пушекъ, поставленныхъ у памятника Петра Великаго передъ Инженернымъ замкомъ, и въ эту же минуту должны были гремѣть такіе же выстрѣлы по лицу цѣлой Россіи, гдѣ только имѣлись пушки. Послѣ молебна и семейнаго завтрака, великій князь продолжалъ принимать поздравленія, чтò заняло все время до обѣда. Тутъ являлись попеременно: вся артиллерія, весь Государственный Совѣтъ (in согре), депутація отъ дворянства съ губернскимъ предводителемъ, депутація отъ биржеваго купечества съ городскимъ главою и пр. Всѣмъ великій князь повторялъ, что не знаетъ какъ и чѣмъ впредь заслужить излитыя на него государемъ милости; всѣхъ благодарилъ отъ души за оказанную ему честь, говоря, что, послѣ расположенія государева, выше всего цѣнить эти знаки общей внимательности, возвышающіе его въ собственныхъ глазахъ и налагающіе на него еще болѣе обязанностей; для каждаго находилъ ласку и привѣтливое слово и вообще принималъ поздравленія глубоко растроганный, съ слезами на глазахъ. Многихъ изъ насъ онъ цѣловалъ, а биржевыхъ депутатовъ числомъ до сорока перецѣловалъ рѣшительно всѣхъ, каждаго трижды. Въ 4 часа былъ торжественный обѣдъ въ Гербовомъ залѣ Зимняго дворца, на 500 человекъ, впрочемъ только для военныхъ ³⁾, и день окончился спектаклями во всѣхъ театрахъ, въ которыхъ отведены были даровыя мѣста для воспитанниковъ артиллерійскаго училища и нижнихъ чиновъ всѣхъ артиллерійскихъ командъ.

Какъ продолженіе этого приздества, на другой день былъ балъ у наслѣдника цесаревича, огромный и роскошный, на 800 человекъ. На этомъ балѣ великій князь Михаилъ Павловичъ неумолчно рассказывалъ

¹⁾ Императоръ Александръ II „поправилъ“: Второго (сына) великаго князя Александра Александровича.

²⁾ Императоръ Александръ II прибавилъ: „Отъ 1-го. 1-й артиллерійской бригады и Конной артиллеріи“.

³⁾ Императоръ Александръ II замѣтилъ: „Для всѣхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ всей артиллеріи“.

о томъ, сколько былъ осчастливленъ видимыми знаками общаго къ вниманія ¹⁾).

— Теперь только я понялъ — сказалъ онъ, между прочимъ, м что жизнь моя прошла не даромъ, и этотъ день останется навсегда нимъ изъ самыхъ счастливейшихъ моихъ воспоминаній. Но предст те, какъ и самыя сладкія впечатлѣнія могутъ дѣйствовать даже на кую крѣпкую натуру, какова моя. Сегодня утромъ мнѣ надо было нять опять новый знакъ внимательности и ѣхать въ Артиллерій училище, для присутствованія при открытіи тамъ моего бюста; вд въ ту минуту какъ садиться въ сани, мнѣ сдѣлалось такъ дурно, я чуть не упалъ и только съ помощью доктора кое-какъ опять о вился.

Наконецъ празднованіе юбилея великаго князя заключилось двумя у обѣдами: однимъ, 8-го февраля, въ присутствіи царской фамиліи, всѣхъ офицеровъ артиллерійскаго вѣдомства, которыхъ собралос 600 человекъ; другимъ, 10-го числа, для нижнихъ чиновъ того же вѣ ства, которыхъ было по семи отъ каждой батареи.

Въ февралѣ государь снова былъ нездоровъ. Мы уже нѣско времени замѣчали, что онъ, на ходьбѣ, какъ-то неловко ступалъ л ногою, а тутъ узнали, что на ней рана. По странной привычкѣ, при панталонахъ безъ подкладки, не носилъ и подштанниковъ, отъ натеръ себѣ ногу выше колѣна, а послѣ, продолжая ходить и ствовать, какъ всегда, растравилъ эту рану до того, что принуж былъ, для заживленія ея, просидѣть нѣсколько дней взаперти, безъ ис няго платья. Въ публикѣ многіе уже въ то время кричали про Мандта, утверждая, что государь, съ тѣхъ поръ какъ находится на рукахъ, безпрестанно хвораетъ; но извѣстно, что обвиненія всегда даютъ на врачей, а съ такимъ неосторожнымъ больнымъ, какимъ я да мы знавали императора Николая, трудно было кому-нибудь за отвѣчать.

По окончаніи моеѣ работы о 14-мъ декабрѣ, цесаревичъ, въ г винѣ февраля, представилъ ее государю, который сдѣлалъ въ ней, ственноручно, разныя, довольно многочисленныя перемѣны и допо нія, относившіяся, впрочемъ, не къ плану или редакціи, а къ под ностямъ самаго событія, вызваннымъ, по мѣрѣ чтенія, новыми во минаніями.

— Я думалъ — сказалъ мнѣ цесаревичъ — что вамъ пріятно бу.

¹⁾ Къ графу Левашеву великій князь заѣзжалъ лично, съ просьбою явить членамъ Государственнаго Совѣта, какъ глубоко онъ тронутъ пок ными ему участіемъ и привязанностію.

сохранить у себя, какъ историческій документъ, тотъ экземпляръ вашей работы, на которомъ государь сдѣлалъ теперь свои отмѣтки, потому я велѣлъ покрыть его карандашъ гуммиарабикомъ, и оставьте все это у себя, а для меня, сдѣлавъ соотвѣтственные отмѣткамъ перемены, велите переписать другой экземпляръ¹⁾.

Цесаревичъ прибавилъ, что государю желательно было бы имѣть описанными такимъ же образомъ, въ видѣ продолженія, ночь съ 14-го на 15-ое декабря и самое 15-ое число, какъ представлявшія также очень любопытные моменты и что онъ уже началъ готовить нужные для того матеріалы. Дѣйствительно, въ послѣдствіи цесаревичъ прочелъ мнѣ нѣсколько страницъ, набросанныхъ съ этою цѣлю государемъ; но императоръ Николай потомъ, за недосугомъ, уже не возвращался къ прежней мысли и сохранились ли и гдѣ находятся упомянутыя первыя страницы, мнѣ не извѣстно.

Въ 1848-мъ году масленица въ Петербургѣ была проведена шумно и весело по обыкновенію. Начало удовольствіямъ было положено въ воскресенье передъ этою недѣлю, 15-го февраля, огромнымъ баломъ для первыхъ четырехъ классовъ въ Гербовомъ залѣ Зимняго дворца. Государь думалъ устроить балъ въ меньшихъ размѣрахъ въ Концертномъ залѣ; но императрица предпочла этотъ bal-monstre, съ цѣлю дать большому числу людей возможность увидѣть августѣйшую невѣсту. Затѣмъ, въ понедѣльникъ слѣдовали: великолѣпный балъ у управляющаго дворомъ великаго князя Константина Николаевича, графа Кушелева, на который, сверхъ Константина Николаевича, пріѣхали и цесаревичъ съ супругою, и великая княгиня Марія Николаевна, и маскарадъ-аллегри въ Большомъ театрѣ, гдѣ присутствовалъ государь. Во вторникъ былъ балъ для царской фамиліи, въ небольшомъ обществѣ, въ Михайловскомъ дворцѣ, къ которому приглашеніи разсылались отъ имени великаго князя и его дочери, такъ какъ великая княгиня Елена Павловна носила трауръ по ея родительницѣ и, участвуя только въ пріемѣ гостей, съ началомъ танцовъ удалилась. Въ среду—балъ у графа Закревскаго, для государя и цесаревича, и балъ-маскерадъ въ Дворянскомъ собраніи, на который они также явились. Въ четвергъ—домашній спектакль и балъ для царской фамиліи у графа Клейнмихеля. Въ пятницу—маленькій балъ для избранныхъ, въ собственныхъ комнатахъ государя, т. е. передъ его кабинетомъ. Въ субботу—балъ у князя Юсупова и снова маскарадъ-аллегри въ Большомъ театрѣ. Наконецъ

¹⁾ Не возвращаясь болѣе къ этому сочиненію, упомяну здѣсь только, что исторія дальнѣйшихъ въ немъ поправокъ, его напечатанія и пр. рассказана въ предисловіи во второмъ изданіи, вышедшему, въ 25-ти экземплярахъ въ 1854 году.

въ воскресенье 22-го февраля—*folle journée* у наслѣдника цесаревича. Кромѣ того во всю недѣлю: катанье съ горъ въ Таврическомъ, утренніе и вечерніе спектакли во всѣхъ театрахъ, балаганы, блины..... Перечисляя все это подробно въ доказательство, какъ мало Петербургъ почувствовалъ,—можно сказать уже почти наканунѣ,—страшную политическую грозу, которая должна была разразиться надъ всею Европою (я въ слѣдъ за симъ буду о ней говорить) и которая въ совокупности съ жестокимъ вторженіемъ холеры въ сѣверную столицу, надолго погасила всѣ праздничные огни и повергла умы въ самое тревожное волненіе.

На большомъ балѣ 15-го февраля въ Зимнемъ дворцѣ случилось трагическое происшествіе. Старый адмиралъ Папахристо, командовавшій въ 1828 году кораблемъ ¹⁾, на которомъ совершился памятный, по своимъ опасностямъ, переездъ государя изъ Одессы въ Варну ²⁾, слѣдственно лицо нѣкоторымъ образомъ историческое, послѣ ужина почувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо и пошелъ отдохнуть на главную гауптвахту; но тамъ ему сдѣлалось еще хуже и его перенесли въ комнату швейцара половины наслѣдника, гдѣ, несмотря на немедленную врачебную помощь и кровопусканіе, онъ внезапно умеръ. Такимъ образомъ изъ дворца вывели уже бездыханный трупъ,—еще съ конфетами въ карманѣ, которыя Папахристо взялъ за ужиноѣ для своихъ внучатъ.

XVII.

1848 годъ.

Французская революція. —Первыя извѣстія объ отреченіи Людовика-Филиппа отъ престола. —Мнѣніе императора Николая о французскихъ событіяхъ. —Состояніе общества. —Вопросъ о приобрѣтеніи крестьянами недвижимыхъ имуществъ. —Князь Паскевичъ. —Манифестъ, написанный императоромъ Николаемъ. —Толки въ народѣ. —Выступленіе первыхъ русскихъ войскъ на Западъ. —Окончаніе занятій М. Корфа съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. —Учрежденіе негласнаго цензурнаго комитета. —Разсказы императора о лицѣхъ и А. С. Пушкинѣ. —Тріо: „Спаси, Господи, люди твоя“. —Утренняя и обѣдная во Дворцѣ въ Свѣтлое Воскресенье. —Мнѣніе императора Николая о русской литературѣ. —Открытіе Пассажа. —Холера. —Оберъ-священникъ Музовскій. —Бракосочетаніе великаго князя Константина Николаевича. —Сонъ Государя. —Фанни Эльслеръ. —Похороны адмирала Моллера и князя Долгорукаго. —Кончина графа Левашева. —Графъ Закревскій и назначеніе его московскимъ генералъ-губернаторомъ. —Отреченіе австрійскаго императора. —Награда Виндишгрецу и Йелашичу.

21-го февраля, въ субботу той же масленицы и въ годовщину кончины князя Васильчикова, къ панихидѣ, совершавшейся въ домовоѣ его церкви, собралось почти столько же людей, сколько бывало на по-

¹⁾ Императоръ Александръ II прибавилъ: „Парижъ“.

²⁾ Императоръ Александръ II поправилъ: „изъ Варны въ Одессу“

нихидахъ погребальныхъ. Но при богослуженіи слухъ всѣхъ присутствовавшихъ обращенъ былъ къ словамъ лица, рѣдко занимавшаго собою общее вниманіе, именно престарѣлаго статсъ-секретаря Лонгинова. Онъ пріѣхалъ прямо отъ императрицы, которой докладывалъ по дѣламъ ея учебныхъ заведеній, и отъ него перваго мы узнали о телеграфической депешѣ изъ Варшавы, принесшей вѣсть, что послѣ безпокойствъ въ Парижѣ, уже извѣстныхъ намъ по журналамъ, король Людовикъ-Филиппъ отказался отъ престола въ пользу своего малолѣтняго внука, графа Парижскаго, съ назначеніемъ регентства въ лицѣ матери послѣдняго, вдовствовавшей герцогини Орлеанской. Отсюда извѣстіе это разнеслось по городу, естественно, съ быстротою молніи; но никто не предполагалъ, что такъ уже близка и окончательная, ужасная развязка или, лучше сказать, что такъ близко начало грозной развязки.

— Vous verrez que dans deux mois ils auront une révolution complète¹⁾—говорилъ всѣмъ великій князь Михаилъ Павловичъ и ошибся—двумя мѣсяцами!

Между тѣмъ, въ то же самое утро одинъ изъ пріятелей моихъ, генералъ Александръ Дюгамель, незадолго передъ симъ назначенный въ свиту его величества и получившій порученіе ѣхать въ Копенгагенъ для принесенія поздравленій новому королю со вступленіемъ его на престолъ, явился откланяться къ наслѣднику цесаревичу.

— Нѣтъ,—сказалъ ему цесаревичъ,—вы уже не поѣдете; государь считаетъ нужнымъ, чтобы, въ настоящихъ обстоятельствахъ, военные оставались всѣ здѣсь и, приказалъ графу Нессельроде послать въ Копенгагенъ, вмѣсто васъ, кого-нибудь изъ чиновниковъ его вѣдомства²⁾.

21-е февраля прошло безъ дальнѣйшихъ извѣстій. Телеграфъ молчалъ, а иностранная почта не привезла никакихъ французскихъ газетъ; въ берлинскихъ же разсказахъ о случившемся въ Парижѣ оставался на той минутѣ, когда Людовикъ-Филиппъ призывалъ къ себѣ графа Молё, для образованія новаго министерства, вмѣсто министерства Гизо.

22-го февраля, въ заключительное воскресенье масленицы, folle journée назначенъ былъ, какъ я уже говорилъ, у наслѣдника цесаревича. Танцующіе званы были къ 2-мъ часамъ передъ обѣдомъ, а въ

¹⁾ „Вы увидите, что черезъ два мѣсяца они (французы) будутъ имѣть полную революцію, говорилъ великій князь Михаилъ Павловичъ.

²⁾ Дюгамель впослѣдствіи былъ назначенъ секретнымъ нашимъ агентомъ въ Вѣну и австрійскую Италію, но эта посылка также не состоялась, за пришедшимъ наканунѣ его отъѣзда извѣстіемъ, что и Австрія увлеклась общимъ потокомъ революціи. Наконецъ, уже въ апрѣлѣ, онъ былъ отправленъ въ Дунайскія княжества, для содѣйствія мѣстному правительству въ усмиреніи тамъ умовъ.

9 часовъ вечера должны были присоединиться къ нимъ и прочіе приглашенные. Въ 5 часовъ, въ залу, гдѣ шли ганцы, вдругъ входитъ государь, съ бумагами въ рукѣ, произнося какія-то невнятные для слушателей восклицанія о переворотѣ во Франціи, о бѣгствѣ короля изъ Парижа и т. п. Сперва царская фамилія, а потомъ, мало-по-малу, и всѣ присутствовавшіе устремились за государемъ въ кабинетъ наслѣдника. Здѣсь государь громко прочелъ депешу, полученную отъ посланника нашего въ Берлинѣ, барона Мейендорфа, а вслѣдъ затѣмъ заставилъ принца Александра Гессенскаго (брата цесаревны) прочесть, также громко, чрезвычайное прибавленіе къ Берлинской газетѣ, присланное при этой депешѣ. Въ послѣдней было сказано, что изъ Парижа нѣтъ ни газетъ, ни писемъ, но что пріѣхавшій отсюда въ Брюссель путешественникъ сообщилъ вѣсти, которыя находящійся въ этомъ городѣ прусскій повѣренный въ дѣлахъ передалъ своему двору, а Мейендорфъ спѣшитъ представить государю съ особою эстафетою.

Во Франціи была республика...

Вечеромъ, когда и мы всѣ собрались на балъ, къ которому государь вышелъ гораздо позднѣе, первые, кто попались ему на глаза, были стоявшіе вмѣстѣ: князь Меншиковъ, нашъ посланникъ въ Вѣнѣ, графъ Медемъ и я.

— *Qu'en dites-vous,*—сказалъ онъ намъ, обращаясь преимущественно къ Медему,—*voilà donc la comédie jouée et finie et le coquin à bas. Voilà bientôt dix huit ans qu'on me taxe d'imbécile quand je dis que son crime trouvera sa punition encore ici bas, et pourtant mes prévisions viennent de s'accomplir* ¹⁾: и по дѣломъ ему, прекрасно, неподобно! *Il sort par la même porte par laquelle il est entré...* ²⁾.

Государь продолжалъ еще говорить нѣсколько времени въ этомъ тонѣ и, какъ я слышалъ послѣ отъ другихъ, повторялъ то же самое въ разныхъ концахъ залы, привѣтствуя особенно милостиво командировъ гвардейскихъ полковъ, но прибавляя, что «дастъ слово, что за этихъ бездѣльниковъ французовъ не будетъ пролито ни одной капли русской крови». Далѣе государь говорилъ намъ, какъ любопытно бы знать, что скажетъ обо всемъ случившемся Англія и какъ желательно было бы, чтобъ французы, въ минутномъ неистовствѣ своемъ, тотчасъ устремились на Рейнъ.

¹⁾ Что вы объ этомъ скажете,—сказалъ онъ, обращаясь преимущественно къ Медему,—вотъ, наконецъ, комедія сыграна и кончена, и бездѣльникъ свергнуть. Вотъ скоро восемнадцать лѣтъ, что меня называютъ глупцомъ, когда я говорю, что его преступленіе будетъ наказано еще на этомъ свѣтѣ, и однако жъ мои предсказанія уже исполнились.

²⁾ Онъ выходитъ въ ту же самую дверь, въ которую вошелъ.

— Тогда,—сказалъ онъ,—нѣмцы воспротивятся имъ изъ національной гордости, а не то, если французы завяжутъ дѣло у себя и дадутъ нѣмцамъ опомниться, то коммунисты и радикалы между послѣдними легко могутъ, пожалуй, затѣять что-нибудь подобное и у себя.

Наслѣдникъ цесаревичъ, подойдя къ нашей группѣ, съ своей стороны замѣтилъ, что если, вообще, нечего много жалѣть Людовика-Филиппа, то важенъ тутъ «le principe» и отвратителенъ тотъ вандализмъ, съ которымъ французы посягнули на истребленіе королевскихъ дворцовъ, галлерей и пр.

Великій князь Константинъ Николаевичъ былъ весь исполненъ воинской отваги и говорилъ, что мы себя не выдадимъ! Во время танцовъ, онъ, оставляя ихъ, въ нѣсколько приѣмовъ подбѣгалъ ко мнѣ потолковать о происшедшемъ; при чемъ, по обыкновенію, восхваляема была имъ до-Петровская Русь, гдѣ, говорилъ онъ, мы были такъ удалены отъ Европы и такъ исполнены преданности и религіозности, что подобное событіе прошло бы для насъ совсѣмъ незамѣтнымъ. Не привожу здѣсь моихъ возраженій противъ этихъ мыслей, что составляю, въ то время, предметъ всегдашняго, хотя и очень мирнаго, нашего спора. Императрица, которая, сидя въ кабинетѣ цесаревны за особымъ столикомъ, кушала чай съ нѣсколькими дамами, подозвала меня къ себѣ и, посадивъ за тотъ же столикъ, разговаривала съ четверть часа о разныхъ постороннихъ предметахъ. Только-что она встала и маленькое наше общество разошлось, Константинъ Николаевичъ опять подбѣгалъ ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы долго сидѣли съ императрицею: вѣрно она говорила съ вами тоже о сегодняшнихъ вѣстяхъ?

— Напротивъ, ваше высочество, ни слова; она, я думаю, ужъ до того утомилась этими разговорами, гдѣ всѣ мы, зная такъ мало положительнаго, переливаемъ à peu-près изъ пустаго въ порожнее, что нарочно хотѣла переменить рѣчь и развлечься чѣмъ-нибудь другимъ.

Государь оставался на балѣ очень недолго и, съ восклицаніемъ «ah, voilà mon chandelier» (такъ онъ называлъ кандлера Нессельрода), удалился съ нимъ во внутреннія комнаты. Разумѣется, впрочемъ, что среди лихорадочнаго чувства, которымъ всѣ были исполнены, самый балъ уже имѣлъ видъ какой-то аномаліи. Хотя танцы и продолжались, но, повидимому, сама даже молодежь участвовала въ нихъ одними внѣшними движеніями, а изъ нетанцовавшихъ образовались во всѣхъ углахъ залы болѣе или менѣе многочисленные кружки, гдѣ толковали о случившемся до пресыщенія. Все было кончено въ четверть перваго, и въ этотъ разъ никто, кажется, не пожалѣлъ, что такъ рано.—Високосный годъ взялъ таки свое, говорили многіе. Другіе вспоминали, что важнѣйшія трагическія извѣстія приходятъ всегда на балахъ царской фа-

мили, какъ, напримѣръ, за два года передъ тѣмъ, вѣсть о Краковскомъ бунтѣ разгласилась на вечерѣ у великой княгини Маріи Николаевны. Были, наконецъ, и такіе, которые до тѣхъ поръ не понимали движенія духа времени, не замѣчали никакихъ его признаковъ, витали какъ слѣпые, или какъ бы въ другомъ мірѣ. Не можетъ быть, восклицали эти, статочное ли дѣло: все казалось такъ спокойно, мы были увѣрены, что живемъ въ самой прозаической, прѣсной эпохѣ, и вдругъ, нечаянно, попали во весь разгаръ революціи 1789 года!...

На другой день, въ чистый понедѣльникъ, было обычное засѣданіе Государственнаго Совѣта, но и оно, какъ балъ у цесаревича, вовсе не имѣло обыкновеннаго своего характера. Никто не слушалъ предложенныхъ дѣлъ, и шопотъ съ сосѣдями объ извѣстіяхъ изъ Парижа становился почти громкимъ разговоромъ. Вообще, переходъ отъ масляницы къ великому посту, который всегда знаменуется у насъ такимъ внезапнымъ переломомъ бѣшеннаго веселія на совершенное затишье, въ 1848 году прошелъ почти совсѣмъ незамѣченнымъ. Общественное вниманіе такъ сосредоточивалось на парижскихъ происшествіяхъ, всѣ такъ были заняты высшими интересами, такъ жаждали развязки грозной драмы, что почти не оставалось мѣста ни другимъ разговорамъ, ни другимъ помысламъ, и каждый очень легко и скоро забывъ о спектакляхъ, танцахъ, блинахъ, балаганахъ и балахъ. Въ первые дни великаго поста весь городъ былъ, такъ сказать, на ногахъ; всѣ скакали изъ дома въ домъ за новыми вѣстями, осаждали газетную экспедицію, и тѣмъ болѣе, недоумѣвали и тревожились, что самыя газеты, ожидаемыя съ нетерпѣливою жадностью, приносили одни противорѣчія, недомолвки, или извѣстія мало достовѣрныя ¹⁾. За поврежденіемъ желѣзныхъ дорогъ вокругъ Парижа, журналисты ничего не узнавали иначе, какъ изъ разсказовъ путешественниковъ, или черезъ короткія и неясныя телеграфическія депеши.

23-го февраля государь пригласилъ къ себѣ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Мерсье, котораго онъ очень жаловалъ и который вдругъ сдѣлался лицомъ безъ образа. Смотри на него уже какъ на частнаго человѣка, императоръ Николай впервые высказалъ ему тутъ, со всею откровенностью, истинныя мысли свои о Людовикѣ-Филиппѣ, и Мерсье во многомъ долженъ былъ согласиться. Іюльская монархія рухнула, какъ и возникла; одного дня довольно было, чтобы ее низвергнуть. Императрица говорила, что бывший король, въ бѣгствѣ своемъ изъ Парижа, вѣрно, не разъ вспоминалъ о нашемъ государѣ и что образъ

¹⁾ Вскорѣ затѣмъ, вмѣсто пяти дней въ недѣлю, въ которые до тѣхъ поръ получалась въ Петербургѣ заграничная почта, установленъ былъ приходъ ея и въ остальные два дня, подъ названіемъ эстафеты

императора Николая долженъ былъ преслѣдовать его, какъ страшный призракъ. Въ тотъ же день, когда Мерсье являлъ свою аудіенцію, всѣ находившіеся въ Петербургѣ французы были собраны къ шефу жандармовъ графу Орлову. Онъ удостовѣрилъ ихъ именемъ государя, что они будутъ продолжать пользоваться прежнимъ покровительствомъ нашего правительства, разумѣется, при соблюденіи, съ ихъ стороны, совершенной тишины и спокойствія, но что, впрочемъ, каждому изъ нихъ, кто самъ пожелаетъ, предоставляется свобода выѣхать изъ Россіи. Между тѣмъ, эти огромные интересы, которые въ публикѣ поглощали на время участіе ко всему другому, для императорской фамиліи насколько не служили препятствіемъ къ отправленію дѣлъ, даже и второстепенныхъ. Такъ, напримѣръ, 24-го числа, императрица лично ввела въ Патріотическій институтъ новую его начальнику, перемѣщенную изъ Полтавскаго, а государь присутствовалъ при молебствіи, совершенномъ по этому случаю въ институтѣ.

Въ книгѣ моей «Императоръ Николай въ совѣщательныхъ собраніяхъ» ¹⁾ подробно изложены исторія и окончательная участь надѣлавшаго въ свое время много шума указа 8-го ноября 1847 года, о предоставленіи помѣщичьимъ крестьянамъ выкупаться на волю при продажѣ имѣній съ публичныхъ торговъ. Между тѣмъ, въ концѣ 1847 года возникла мысль, принадлежавшая къ тому же кругу понятій, но, въ существѣ и по объему ея, гораздо болѣе важная, именно о предоставленіи крѣпостнымъ людямъ права пріобрѣтать въ собственность движимое имущество. Непосредственнымъ поводомъ къ этой мысли послужило рассказанное мною пріобрѣтеніе въ казну, у графини Самойловой, «Графской Славянки», крестьяне которой объявили, что между землями, принадлежащими къ сему имѣнію, находятся и купленные ими для себя на собственныя деньги. Отсюда Комитетъ министровъ возбудилъ общій вопросъ, который, по высочайшей волѣ, былъ переданъ во II-е отдѣленіе собственной его величества канцеляріи. Онъ поступилъ туда еще въ мое управленіе, но я успѣлъ лишь войти въ переписку о немъ съ министромъ юстиціи, а окончательное представленіе въ Государственный Совѣтъ пришло уже по вступленіи снова въ должность графа Блудова. Государь гласно и неоднократно говорилъ разнымъ лицамъ, что если въ Совѣтѣ возникнетъ хотя одинъ голосъ противъ предложенной мѣры, то это установленіе потеряетъ въ его глазахъ всякое къ себѣ довѣріе, а при такомъ указаніи вопросъ предлежалъ уже не о томъ: быть или не быть дѣлу, а о томъ лишь: какъ бы лучше его обставить и привести въ исполненіе? Проектъ графа Блудова подверг-

¹⁾ См. «Сборникъ Императорскаго историческаго общества», т. 93.

нулся въ департаментъ законовъ разнымъ измѣненіямъ, но каждый изъ насъ понималъ, что если никакой законъ не можетъ имѣть полного дѣйствія безъ санкціи, то и законъ о предоставленіи крѣпостнымъ людямъ пріобрѣтать собственность, пока съ нимъ не будетъ соединено право охранять эту собственность отъ притязаній помѣщика, т. е. судиться съ помѣщикомъ, останется почти одною мертвою буквою; дать же такое право при сохраненіи въ своей силѣ прочихъ отношеній владѣльца къ его людямъ невозможно. Поэтому, всѣ болѣе или менѣе соглашались, что новый законъ будетъ лишь—полумѣрою. Оставался вопросъ о формѣ его обнародованія. Графъ Блудовъ и, согласно съ нимъ, департаментъ законовъ, полагали законъ сей, окруживъ его, для избѣжанія вопросовъ, разными подробностями, ввести прямо въ продолженіе Свода, но въ общемъ собраніи Совѣта эта мысль была встрѣчена сильною оппозиціею и, наконецъ, единогласно подожено: вмѣсто внезапнаго помѣщенія даруемаго крѣпостнымъ людямъ права въ продолженіе Свода, обнародовать его особымъ указомъ, но самымъ короткимъ, оставя подробности—времени и будущему развитію. Такъ и сдѣлалось, и указъ въ этомъ видѣ былъ подписанъ государемъ.

Во время засѣданія о семъ Совѣта, происходившаго вслѣдъ за парижскими извѣстіями, многіе члены, въ частныхъ между собою разговорахъ, замѣчали, что теперь, въ виду такихъ событій, едва-ли время издавать подобное постановленіе, но это замѣчаніе не имѣло никакихъ послѣдствій и осталось только въ кругу разговаривавшихъ.

По мѣрѣ того, какъ послѣ извѣстія о французской революціи слѣдовали, одна за другою, вѣсти о возстаніяхъ въ Германіи, умы въ Петербургѣ все болѣе и болѣе приходили въ напряженное состояніе, хотя собственно въ Россіи все, благодаря Бога, продолжало обстоять по-старому. При такомъ расположеніи умовъ, все казавшееся, еще за двѣ недѣли до того, предметомъ первостепенной важности, отодвинулось вдругъ на послѣдній планъ и лишилось всякаго значенія. И интересы, и направленія, и мысли, и оцѣнка вещей—все, въ эти роковыя двѣ недѣли измѣнилось до такой степени, что настоящее представлялось какъ бы тяжелымъ сномъ, а близкое прошедшее—отдалившимся на цѣлыя годы. Всѣ ходили озабоченные, въ какомъ-то неопредѣленномъ страхѣ. Гдѣ только сходилась два человѣка, тамъ непремѣнно шла рѣчь о современныхъ событіяхъ на западѣ. Публично слышался вездѣ одинъ лишь голосъ негодованія и омерзѣнія. Войско одушевлено было превосходнымъ духомъ, и всѣ офицеры, вся молодежь, страстно желали одного—войны. Купечество горевало объ участи 50 милл. руб., за годъ передъ тѣмъ ввѣренныхъ нашимъ правительствомъ французскому. Говорили и кричали болѣе всего въ бюрократіи, но въ ней никогда не было у насъ ни единодушія, ни силы. Въ училищахъ являлись разныя партіи, между ними и партія красныхъ, меч-

тавшихъ о республикѣ даже и для Россіи, но тутъ расправа была не трудна. Все это не представляло никакихъ серьезныхъ элементовъ для опасеній, тѣмъ болѣе, что господствовавшіе тогда на Западѣ идеи: свобода книгопечатанія, народное представительство, національное вооруженіе и пр. составляли для девяти-десятихъ нашего населенія одинъ пустой, лишенный всякаго смысла, звукъ. Болѣе другихъ страшился я, можетъ статься, одинъ имѣлъ поводъ страшиться классъ помѣщиковъ, передъ вѣчнымъ пугалищемъ крѣпостнаго нашего состоянія. Но для правительства существовали и другіе предметы опасеній: наши западныя губерніи и Царство Польское, гдѣ революціонныя идеи, при посредствѣ всемірной пропаганды и эмиссаровъ парижскихъ, познанскихъ, галиційскихъ, находили для себя болѣе пріуготовленное поле.

Въ это время, я очень часто видѣлся съ двумя лицами, которыя, съ своей стороны, ежедневно видѣлись съ государемъ, пользовались полнымъ его довѣріемъ, находились у источника дѣлъ и первые знали о всемъ происходившемъ. Я говорю о графахъ Орловѣ и Киселевѣ, которые, оба согласно, рассказывали, что сначала государь былъ въ самомъ воинственномъ расположеніи духа, но потомъ благоразуміе и государственная предусмотрительность одержали въ немъ верхъ надъ этими порывами личнаго мужества. Онъ остановился на томъ, чтобы отнюдь не предпринимать ничего ни противъ Франціи, ни противъ другихъ государствъ, пока они будутъ ограничиваться одними внутренними своими дѣлами, но быть всегда готовымъ на случай, если бы дѣйствія ихъ нарушили внѣшній миръ.

— Ne vous laissez seulement pas aller à un mouvement de générosité en faveur de Vos alliés,—говорилъ ему Киселевъ ¹⁾.

Въ этомъ отношеніи онъ былъ, конечно, совершенно правъ, ибо кто же изъ этихъ союзниковъ отвѣчалъ бы намъ взаимною помощью, еслибъ она потребовалась, а поддерживать монархическое начало внѣ Россіи было уже слишкомъ поздно. Слѣдуя правилу быть на-готовѣ, государь предназначилъ выдвинуть съ весны сильную армію на западныя наши границы. Въ этомъ же смыслѣ даны были инструкціи отправленному къ своему посту въ Вѣну графу Меду и находившемуся здѣсь въ то время въ отпуску и также возвращенному къ своему посту секретарю парижской нашей миссіи Балабину, а управлявшему нашимъ посольствомъ въ Парижѣ (брату графа Киселева) велѣно немедленно выѣхать оттуда и ждать дальнѣйшей развязки на Рейнѣ, вызвавъ изъ Парижа и всѣхъ находившихся тамъ русскихъ подданныхъ. Графъ Киселевъ, къ которому очень благоволилъ князь Варшавскій, находившійся въ эту

¹⁾ Не поддавайтесь только великодушію въ пользу вашихъ союзниковъ, говорилъ ему Киселевъ.

эпоху въ Петербургѣ, рассказывалъ мнѣ, что въ фельдмаршалѣ явно отражались тѣ же фазы, черезъ которыя прошелъ и государь. Сперва онъ дышалъ самымъ восторженнымъ героическимъ духомъ и одною лишь войною.

— Къ веснѣ—говорилъ онъ—мы можемъ выставить 370 тысячъ войска, а съ этимъ пойдемъ и раздавимъ всю Европу!

— Очень хорошо, да гдѣ жъ возьмете вы на эту армію денегъ?

— Деньги! всякій дастъ, что у него есть, и я самъ пошлю продать послѣдній мой серебряный сервизъ.

— Ну, не велики еще будутъ эти деньги; да другой вопросъ: кому жъ командовать вашей арміей?

— Кому? А на что жъ Паскевичъ? Кто поправилъ Ермолова грѣхи, кто Дибичевы? кто, во всей новѣйшей исторіи, счастливо и съ полнымъ успѣхомъ совершилъ пять штурмовъ? Все тотъ же Паскевичъ. Авось Богъ дастъ ему и теперь не ударить лицомъ въ грязь!

Но прошло нѣсколько дней, и Паскевичъ совсѣмъ перемѣнилъ тоя; онъ уже началъ говорить о бесполезности вѣнскихъ съ нашей стороны дѣйствій, о болѣеи необходимости охранять внутреннее спокойствіе и пр. Словомъ, при своемъ отъѣздѣ, 29-го февраля, въ Варшаву, фельдмаршалъ уже былъ настроенъ совсѣмъ на другой ладъ.

Въ эти смутныя времена положеніе императора Николая было, конечно, однимъ изъ самыхъ тягостныхъ. Съ его привязанностію къ монархическому началу, имѣя близкихъ ему, или его семьѣ, почти во всѣхъ дворахъ Германіи, а въ одномъ изъ нихъ и родную дочь, онъ принужденъ былъ бездѣйственно смотрѣть, какъ падали вокругъ него цари и престолы и какъ, отъ дерзостнаго буйства народныхъ страстей, разрушалась вся святыня испоконныхъ политическихъ вѣрованій; смотрѣть и бдительно между тѣмъ бодрствовать надъ покоемъ собственной своей державы. Но, поистинѣ, тутъ мы и научились познавать все величіе духа нашего монарха, особенно при сравненіи презрѣннаго малодушія нѣмецкихъ государей съ блестящимъ мужествомъ и твердостью, явленными Николаемъ въ день 14-го декабря 1825 года, или въ 1830 году при холерѣ въ Москвѣ, или въ 1831 году посреди буйной черни на Сѣнной и кровавѣго бунта въ военныхъ поселеніяхъ. И въ эту новую страшную годину не только не ослабѣвали ни на минуту его привычная дѣятельность и энергія, но онъ находилъ еще въ себѣ достаточно духа казаться веселымъ и даже шутить. Разъ за обѣдомъ, при мнѣ, онъ обратился съ вопросомъ къ своему французскому метръ-д'отелу:

— Eh bien, citoyen, avez-vous déjà envoyé votre adhésion à votre

nouveau seigneur et maître, Chrysorompe I? ¹⁾ Это шуточное прозваніе дано было великимъ княземъ Михайломъ Павловичемъ одному изъ членовъ тогдашняго временнаго французскаго правительства, ouvrier-mécanicien Альберу (Albert) ²⁾.

Извѣстно, какъ быстро, въ эту грозную эпоху, парижскій пожаръ охватилъ всю Германію. Вслѣдъ за государственными переворотами въ маленькихъ тамошнихъ державахъ, они очень скоро совершились и въ большихъ: Австрія и потомъ Пруссія. Каждая телеграфическая депеша сообщала, каждый курьеръ привозилъ вѣсть о новыхъ требованіяхъ народовъ, о новыхъ уступкахъ правительствъ. Революція вездѣ торжествовала.

9-го марта, возвращаясь пѣшкомъ домой послѣ занятій моихъ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, я почти наткнулся въ Большой Морской на государя. Онъ сперва прошелъ со мною нѣсколько шаговъ, а потомъ продолжалъ разговоръ остановясь.

— Ну что,—сказалъ онъ—хороши вѣнскія штуки! Я собираюсь позвать тебя къ себѣ и поручить новую работу. Надо будетъ написать манифестъ, въ которомъ показать, какъ всё эти гадости начались, развились, охватили всю Европу и, наконецъ, отпрянули отъ Россіи. *Le tout ne doit pas être long, mais énoncé avec dignité et énergie* ³⁾, чтобъ было порѣзче. Подожду еще нѣсколько, посмотримъ, какія будутъ дальше извѣстія, а тамъ позову тебя и надѣюсь, что ты не откажешься отъ этого труда.

Возвѣщенный призывъ послѣдовалъ не ранѣе 13-го числа, къ 12-ти часамъ. Ёду и беру съ собою написанный мною между тѣмъ, по упомянутому предварительному разговору, проектъ манифеста. На верху, передъ кабинетомъ государя, встрѣчается мнѣ только-что вышедшій отъ него графъ Нессельродъ.

— *L'Empereur veut vous charger d'écrire un manifeste approprié aux circonstances* ⁴⁾.

— *Je le sais* ⁵⁾, и я рассказалъ ему какъ о встрѣчѣ нашей, такъ и о приготовленномъ мною проектѣ.

Отвѣтомъ было, что и у государя уже написанъ свой, котораго Нессельродъ впрочемъ еще не читалъ; но что онъ, Нессельродъ, просилъ государя приказать во всякомъ случаѣ сообщить ему окончатель-

¹⁾ И такъ, гражданинъ, послали ли уже ваше одобреніе вашему новому властителю и господину Кризопомпу I.

²⁾ Механику Альберу.

³⁾ Все это не должно быть длинно, но объявлено съ достоинствомъ и энергіею.

⁴⁾ Императоръ желаетъ поручить вамъ написать манифестъ, подходящій къ обстоятельствамъ.

⁵⁾ Я это знаю.

ную редакцію, для соображенія ея въ видахъ дипломатическихъ. Тогда я предложилъ графу выслушать мой проектъ, и старый нашъ канцлеръ не только исполнилъ его одобрилъ, но и просилъ доложить государю, что не видитъ надобности перемѣнять въ немъ ни одного слова. Спустя нѣсколько минутъ, когда Нессельродъ уже уѣхалъ и въ секретарской комнатѣ оставался я одинъ, отъ государя выбѣгаетъ графъ Орловъ, въ какомъ-то восторженномъ положеніи, утирая рукою слезы.

— Ахъ, Боже мой—вскричалъ онъ—что за человѣкъ этотъ государь! Какъ онъ чувствуетъ, какъ пишетъ! Сейчасъ прочелъ онъ мнѣ свои идеи къ манифесту, который хочетъ поручить вамъ написать; я отвѣчалъ, что это не идеи, а уже совсѣмъ готовый манифестъ и что лучше, конечно, никто не напишетъ. *Et effectivement, vous pourriez y mettre peut être un peu plus de style, plus d'élégance, mais jamais personne ne pourra parler avec autant d'énergie, de sentiment et de coeur. C'est juste ce qu'il faut pour notre nation.—Impossible de faire mieux* ¹⁾!

Едва графъ успѣлъ это оказать, какъ меня позвали къ государю. Онъ стоялъ въ кабинетѣ у письменнаго стола.

— Это что такое—было первымъ его словомъ—*pourquoi ce chapeau? Je vous prie de vous en débarrasser* ²⁾. *Qu'est ce que vous avez là* ³⁾?

У меня былъ въ рукахъ мой проектъ.

— *Comme Vous avez daigné m'énoncer Vos idées au sujet du manifeste, Sire, j'ai cru de mon devoir d'en tracer un canevas* ⁴⁾...

— Гмъ! ну хорошо, nous verrons cela après ⁵⁾, а теперь я прочту тебѣ свои идеи, которые ты потомъ потрудишься привести въ порядокъ.

И государь началъ читать мнѣ свой проектъ, прерывая нѣсколько разъ чтеніе для словесныхъ объясненій. Многозначительность предмета, торжественность минуты, выражавшіяся въ проектѣ высокія чувства, образъ чтенія, наконецъ, можетъ быть, и то впечатлѣніе, подъ влияніемъ котораго, отъ словъ Орлова, я вошелъ въ кабинетъ, привели и меня въ невольный восторгъ. Когда государь кончилъ, я бросился къ его рукѣ, но онъ не допустилъ и обнять меня.

¹⁾ Конечно, вы могли бы употребить стиль болѣе изящный, но никогда никто не будетъ въ состояніи высказаться съ такою энергіею, чувствомъ и сердцемъ.—Это именно то, что нужно для нашего народа.—Невозможно сдѣлать лучше.

²⁾ Государь любилъ, чтобы къ нему входили съ докладомъ безъ шляпы; но такъ какъ я явился въ этотъ разъ не для доклада, а за приказаніемъ, то и не оставилъ шляпы въ передней.

³⁾ Для чего эта шляпа, я прошу васъ отъ нея избавиться. Что у васъ тутъ?

⁴⁾ Какъ вы сообразовали изложить ваши идеи о сущности манифеста, государь, то я счелъ своимъ долгомъ набросать канву.

⁵⁾ Мы увидимъ это послѣ.

— Какое счастье, какое благословеніе неба—вскричалъ я,—что въ эти страшныя минуты Россія имѣетъ васъ, государь, васъ, съ вашею энергіею, съ вашею душою, съ вашею любовью къ намъ!...

Содержаніе отвѣта его состояло въ томъ, что мыслимъ и чувствуемъ мы всё одинаково, а бывъ поставленъ во главѣ, онъ, конечно, не можетъ оставить и никогда не оставитъ тѣла. Но моего проекта государь не спросилъ и болѣе о немъ не вспоминалъ.

— Теперь—сказалъ онъ—поѣзжай домой и уложи все это хрощенъко на бумагу.

— И потомъ прикажете прислать къ вашему величеству?

— Нѣтъ, привези опять самъ. Я буду дома въ три часа, или, пожалуй, и вечеромъ.

Въ передней камердинеръ объявилъ мнѣ волю наслѣдника цесаревича, чтобы отъ государя я зашелъ къ его высочеству. Цесаревичъ уже зналъ, зачѣмъ я былъ у государя, но, кажется, еще не видалъ проекта; по крайней мѣрѣ, взявъ его отъ меня, тутъ же прочелъ про себя и прослезившись сказалъ:

— Я очень радъ, что выборъ государевъ въ этомъ дѣлѣ пагъ на васъ; вотъ вамъ еще одно драгоценное воспоминаніе на цѣлую жизнь.

Дома, въ тиши кабинета и съ перомъ въ рукѣ, нѣкоторые изъ выраженій проекта, казавшіяся мнѣ, при живомъ чтеніи государя и при собственной моей восторженности, превосходно-умѣстными, предстали въ другомъ свѣтѣ. Иное имѣло видъ вызова къ войнѣ; другое какъ бы указывало на угрозы намъ извнѣ, которыхъ ни отъ кого не было; третье, наконецъ, проявляло надежды на побѣду, когда не имѣлось еще въ виду никакой брани. Но такъ какъ собственный мой проектъ, веденный отъ другой основной идеи, остался непрочитаннымъ, то мнѣ и надо уже было, въ качествѣ просто редактора, ограничиться однимъ изложеніемъ даннаго эскиза, съ сохраненіемъ, по возможности, даже самыхъ его словъ. Въ три часа я былъ опять во дворцѣ. Поутру государь принялъ меня въ официальномъ своемъ кабинетѣ, на верху, а въ это время—въ домашнемъ, о которомъ я уже упоминалъ ¹⁾, въ бывшихъ покояхъ великой княгини Ольги Николаевны.

— Какъ, ты уже готовъ?—спросилъ онъ, увидѣвъ меня.

— Мой трудъ, государь, былъ не великъ: мнѣ оставалось почти только переписать написанное вами.

— Ну, нѣтъ, я, признаюсь, не великій мастеръ на редакторство: *voeux*.

И я, вслѣдъ затѣмъ, прочелъ привезенную бумагу, а кончивъ, взглянулъ на государя. У него текли слезы. Видно было, что онъ всею душою слѣдилъ за этимъ выраженіемъ заветныхъ его мыслей и чувствъ.

¹⁾ Императоръ Александръ II прибавилъ: „внизу“.

— Очень хорошо—сказалъ онъ—передѣлывать тутъ, кажется, нечего.

— Дозвольте, государь, повергнуть на ваше усмотрѣніе одну только мысль.

— Что такое? Говори!

— Не позволяйте ли включить въ манифестъ хоть два слова о дворянствѣ: оно всегда окружало престолъ своею преданностію, и особенный призывъ отъ васъ польститъ лучшему его чувству.

— Я самъ объ этомъ думалъ, и сперва, въ черновомъ моемъ проектѣ, именно сказано было: всѣ государственныя сословія; но послѣ мнѣ показалось, что слово сословіе не совсѣмъ умѣстно при теперешнемъ духѣ и обстоятельствахъ. Гдѣ же полагалъ бы ты сказать о дворянствѣ?

Я указалъ мѣсто. Онъ перечелъ раза два или три громко это мѣсто и, пробѣжавъ потомъ снова про себя весь проектъ, сказалъ:

— Нѣтъ, право, и такъ очень хорошо; если упоминать отдѣльно о дворянствѣ, то прочія состоянія могутъ огорчиться, а вѣдь это еще не послѣдній манифестъ; вѣроятно, что за нимъ скоро будетъ второй, уже настоящее воззваніе, и тогда останется время обратиться къ дворянству, а теперь—пусть будетъ какъ есть. Я попрошу тебя только съѣздить къ Нессельроду и показать ему нашъ проектъ; онъ очень взыскателенъ на выраженія и, въ теперешнихъ обстоятельствахъ, совершенно въ томъ правъ. Если онъ сдѣлаетъ какія-нибудь замѣчанія, то пріѣзжай опять ко мнѣ сказать о нихъ; если жъ нѣтъ, такъ отдавай съ Богомъ въ переписку, или... знаешь что, перепиши лучше самъ, своею рукою; а теперь, покуда, прощай и большое спасибо.

Нессельродъ, прочитавъ проектъ, остановился именно на тѣхъ же замѣчаніяхъ, которыя и я прежде про себя сдѣлалъ; но какъ они относились къ основнымъ идеямъ, отъ которыхъ, по его предположенію, государь ни въ какомъ случаѣ не отступилъ бы, то онъ и предпочелъ оставить какъ было написано.

Манифестъ, переписанный моею рукою, былъ подписанъ въ тотъ же день, 13-го; но государь, не знаю почему, выставилъ 14-е. Въ ночь успѣли его и напечатать.

Все это происходило въ субботу. Въ воскресенье рано утромъ у наслѣдника цесаревича всегда собирались полковые командиры и адъютанты всей гвардейской пѣхоты, которую онъ въ то время начальствовалъ. Цесаревичъ самъ прочелъ имъ манифестъ. По мѣрѣ чтенія все болѣе и болѣе, видимо для всѣхъ, возрастало его волненіе, такъ что послѣднія строки были произнесены совершенно дрожащимъ и прерывавшимся голосомъ. Съ окончаніемъ манифеста онъ первый возгласилъ ура! Тутъ раздался общій, нескончаемый крикъ. Всѣ бросились цѣловать ему руки, и сцена достигла высшей степени умиленія...

— Dans notre enthousiasme—разсказывалъ мнѣ одинъ изъ соучастниковъ—nous étions sur le point de le berner ¹⁾!

Между тѣмъ, находившіяся тутъ же маленькія дѣти цесаревича, испуганныя страшнымъ крикомъ, съ своей стороны также начали громко плакать, такъ что пришлось ихъ унести.

Въ то же воскресенье, манифестъ былъ прочитанъ всенародно во всѣхъ петербургскихъ церквахъ и, вслѣдъ за нимъ, пропѣтъ вездѣ тропарь: «Спаси, Господи, люди твоя!» Эта прекрасная идея принадлежала также поэтической душѣ государя. Въ Казанскомъ соборѣ, гдѣ, по случаю начинавшихся въ то время срочныхъ выборовъ, дворянство приводилось къ присягѣ, викарный епископъ Наанаилъ сказалъ сочиненное за ночь слово, въ которомъ онъ соединилъ оба предмета: и присягу, и манифестъ.

Посреди превращенія прежняго міра въ новый, разрушенія всего, что дотогѣ считалось святымъ и заветнымъ, ниспроверженія и поспранія троновъ, властей, присяги, всѣхъ условій и основъ общежитія, время влачилось какими-то свинцовыми шагами. По виду дни текли, слѣдуя общему закону природы; а, между тѣмъ, эти колоссальныя событія такими гранями отдѣляли ихъ между собою, что казалось, будто бы человѣкъ и человѣчество проживаютъ много цѣлое столѣтіе. Разумѣется, что шумъ бурнаго моря, волновавшаго въ это время Европу, явственно, несмотря на всѣ вырѣзки изъ газетъ, доносился и до Петербурга. Особенно событія въ сопредѣльной и дотогѣ союзной намъ Пруссіи возбуждали здѣсь такой живой и жгучій интересъ, что заставили совсѣмъ забыть о парижскихъ. Послѣдствіемъ ихъ было появленіе между нами и преимущественно среди высшей аристократіи немалаго числа трусливыхъ, которымъ видѣлись уже вездѣ и у насъ возмущеніе, поджоги, убійства, и которые нескротно проповѣдывали о наступленіи времени каждому готовиться къ послѣднему часу и къ мученической смерти. Не было также недостатка въ легкомысленныхъ и легковѣрныхъ, частію, можетъ быть, а въ злонамѣренныхъ, которые распускали и разносили всякіе вздорные слухи, съ преувеличеніемъ еще дѣйствительности, какъ будто бы мало было и ея одной. Манифестъ 14-го марта не способствовалъ къ успокоенію умовъ. Одни видѣли въ немъ воззваніе къ войнѣ, слѣдственно начало войны, другіе—начало безпокойствъ и смутъ, уже и внутри самой Россіи, многіе же признавали его во всякомъ случаѣ преждевременнымъ. А между тѣмъ, для людей, ближе знавшихъ императора Николая, какъ понятно, какъ легко объяснимо было побужденіе или внутреннее влеченіе, исторгнувшее у него этотъ актъ, полный

¹⁾ Въ нашемъ восторгѣ, разсказывалъ мнѣ одинъ изъ соучастниковъ, мы готовы были его качать.

энергіи, огня, силы. Ему хотѣлось дѣйствовать, разить, мощною своею рукою водворить снова вездѣ порядокъ; ему, такъ сказать, стыдно и совѣстно было за прочихъ монарховъ; а какъ не открывалось еще ни поля, ни прямыхъ предметовъ дѣйствія, то его невольно влекло по крайней мѣрѣ высказаться...

Въ числѣ множества разсказовъ, ходившихъ въ это время по городу, было и нѣсколько очень забавныхъ, если не совсѣмъ правдивыхъ, то ловко придуманныхъ.. Такъ, напримѣръ, приводили слѣдующее истолкованіе нашими солдатами значенія слова и смысла тогдашней французской республики. Государь нашъ,—говорили они—далъ французскому королю денегъ взаймы. Наступилъ срокъ уплаты, король не платитъ. Нечего дѣлать, государь лишетъ, пишеть, а все толку нѣтъ; вотъ напослѣдокъ онъ и велѣлъ написать французскому народу, что дескать вашъ король занялъ у меня деньги, и срокъ прошелъ, а уплаты все нѣтъ, заставьте же его. И народъ разсудилъ, что государь требуетъ дѣло, и приступилъ къ своему королю: заплати да заплати, а король взялъ да и убѣжалъ съ деньгами. Вотъ вародъ и разсердился, что король его такой невѣрный въ своемъ дѣлѣ; потолковали промежь себя и положили распубликовать его по всей землѣ, сдѣлали р а с п у б л и к у... Недурна также была карриатура, которая, увѣряли, продавалась тайкомъ въ лавкахъ, хотя, разумѣется, нигдѣ нельзя было ее купить. Представлены три бутылки: одна съ шампанскимъ; пробка вылетѣла и въ искристомъ фонтанѣ вышибаетъ изъ бутылки корону, тронъ, конституцію, короля, принцевъ, министровъ и пр. Это Франція. Другая съ чернымъ густымъ пивомъ; изъ мутной влаги выжимаются короли, гротгерцоги, герцоги и т. п. Это Германія. Наконецъ третья бутылка съ русскимъ пѣнникомъ. На этой пробка, обтянутая крѣпкой бичевкой, и на ней казенная печать съ орломъ. Не нужно прибавлять, что это—Россія.

19-го марта, въ годовщину занятія нашею арміею Парижа въ 1814 г., выступили изъ Петербурга къ западной границѣ, на случай возможной войны, первыя войска: Гвардейскій и Атаманскій наслѣдника цесаревича казачьи полки ¹⁾. Они были выстроены на площади у Александровской колонны. Ровно въ часъ, государь съ своими сыновьями и многочисленною свитою обѣхалъ ихъ ряды; послѣ чего полки ²⁾, предводительствуемые своимъ наказнымъ атаманомъ, наслѣдникомъ цесаревичемъ, прошли передъ государемъ и передъ императрицею, сидѣвшею въ коляскѣ съ августѣйшею невѣстою. Еще до того, государь вызвалъ

¹⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: „дивизіоны Гвардейскаго и Атаманскаго наслѣдника цесаревича казачьихъ полковъ“.

²⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: „дивизіоны“.

передъ себя изъ фронта всѣхъ офицеровъ и сказалъ имъ нѣсколько прощальныхъ словъ. Площадь была усыяна многими тысячами народа, и полиція распоряжалась чрезвычайно либерально, такъ что государь стоялъ почти посреди толпы. И вдругъ эти дивные казаки двинулись мимо него, при безмолвіи всѣхъ окружавшихъ, съ русскими, заунывно-удальными пѣснями, и весь народъ, снявъ шапки, началъ креститься русскимъ широкимъ крестомъ. По мѣрѣ того, какъ одинъ взводъ подвигался за другимъ, государь кричалъ каждому: «Прощайте, ребята» и люди отвѣчали: «Счастливо оставаться вашему величеству», а народъ все крестился. Минута была торжественная и многозначительная. Эта чудная рать, идущая на бой съ пѣснями, эта православная Русь, одна, на всемъ пространствѣ Европы, вѣрная, неподвижная, чуждая, и дѣломъ и помысломъ, смятеніямъ Запада, знаменующаяся крестомъ на спасеніе своихъ собратій; весеннее солнце, обливающее своими лучами великолѣпную картину ¹⁾; наконецъ, величественная, почти исполинская фигура императора Николая, который одинъ высился надъ развалинами монархизма, одинъ, недоступный страху и вѣрный призванію совѣсти и долга, господствовалъ, какъ несокрушимая скала, надъ взволнованнымъ моремъ Европы,—нельзя и нѣзачѣмъ было удерживаться отъ слезъ! Когда войско прошло и государь повернуть ко дворцу, вслѣдъ ему загремѣло единодушное ура многотысячной толпы,—явленіе очень обыкновенное въ Москвѣ и чрезвычайно рѣдкое въ дисциплинированномъ Петербургѣ.

Въ тотъ же день, былъ обычный концертъ въ пользу инвалидовъ, на которомъ присутствовала вся императорская фамилія. Въ то время, какъ въ чужихъ краяхъ раздавались одни звуки «Марсельезы», у насъ четыре раза заставила повторить «Боже, царя храни», при восторженныхъ крикахъ публики. Эти изъявленія не могли не быть отрадны сердцу государя въ той горестной тревогѣ, которая, безъ сомнѣнія, такъ часто помрачала тогда его думы, хотя онъ нисколько ее не обнаруживалъ. Вообще, поведение и его и всей царской семьи, въ эту эпоху, являлось истинно геройскимъ. При увѣренности въ массѣ народа, трудно было ручаться за каждое отдѣльное лицо и, при всемъ томъ, не только не было усилено никакихъ внѣшнихъ мѣръ предосторожности, карауловъ и прочъ, не только позволялось свободно, какъ всегда, входить во дворецъ и расхаживать по его заламъ, но и самъ государь всякій день совершенно одинъ прохаживался пѣшкомъ по улицамъ, наслѣдникъ также, а царственные дамы катались, по цѣлымъ часамъ, въ открытыхъ экипажахъ. Разумѣется, впрочемъ, что это не ослабляло и не должно было ослаблять тайныхъ мѣръ надзора. Осматривая ежедневно

¹⁾ Въ этотъ день, вспомнимъ, 19-го марта, было 10° тепла въ тѣни

во дворцѣ собранныхъ на службу безсрочныхъ отпускныхъ, государь, при одномъ такомъ смотрѣ, вызвалъ вдругъ изъ фронта одного солдата по имени и сталъ упрекать его въ какихъ-то дерзкихъ рѣчахъ, которые тотъ наканунѣ позволилъ себѣ въ кабацѣ.

— Еслибъ я выдалъ тебя, — прибавилъ онъ, — товарищи сейчасъ разорвали бы тебя въ куски. Но я поступлю иначе и дамъ тебѣ средства обмытъ твою вину кровью. При первомъ дѣлѣ тебя выставятъ въ первый огонь. Помни же эту милость!

Занятія мои съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ окончились 30-го марта. На всеподданнѣйшемъ донесеніи моемъ о томъ государь благоволилъ надписать: «Душевно благодарю за сіе новое доказательство вашей ко мнѣ привязанности». Сверхъ того, я удостоился получить золотую табакерку съ осыпаннымъ брилліантами портретомъ его величества ¹⁾. Объ этихъ обстоятельствахъ, хотя и относящихся болѣе до моего лица, упоминаю здѣсь потому, что они показываютъ, какимъ искусствомъ обладалъ императоръ Николай въ выборѣ наградъ по характеру заслугъ. Приобщивъ меня къ отеческой заботѣ своего сердца, онъ наградилъ именно тѣмъ, что знаменовало внутреннюю, такъ сказать, домашнюю услугу, а милостивая его надпись на моемъ донесеніи не могла не осчастливить вѣрнаго подданнаго выше всякой мѣры.

Среди жгучей тревоги, вдругъ овладѣвшей всѣми нами вслѣдствіе парижскихъ вѣстей, нельзя было не обратить вниманія на нашу журналистику, въ особенности же на два журнала «Отечественныя Записки» и «Современникъ». Оба, пользуясь малоразуміемъ тогдашней цензуры, позволяли себѣ печатать Богъ знаетъ что и по провѣдуемымъ ими, подъ разными иносказательными, но очень прозрачными для посвященныхъ, формами, коммунистическія идеи могли сдѣлаться не безопасными для общественнаго спокойствія. Безпрерывно размышляя о томъ, чѣмъ можно было бы это оградить и упрочить въ виду судорожныхъ движеній Запада, я набросалъ нѣсколько мыслей о дѣйствіяхъ нашихъ періодическихъ изданій и цензуры; но долго колебался дать имъ ходъ, изъ опасенія явиться въ глазахъ другихъ, а еще болѣе въ своихъ собственныхъ, какимъ-то доносителемъ. Разсудивъ, однако, что жертвовать на общее благо ничтожною своею личностью есть священный долгъ cadaго изъ насъ, въ такое опасное время еще болѣе, чѣмъ когда-либо; что я буду тутъ дѣйствовать не какъ частный человѣкъ, а въ качествѣ члена правительства и что, говоря лишь о фактахъ, а не о лицахъ, удалю отъ

¹⁾ Самъ великій князь почтилъ меня превосходнымъ акварельнымъ своимъ портретомъ, писаннымъ съ натуры живописцомъ Гау.

себя, въ собственной совѣсти, всякое нареканіе въ презрѣнномъ доносѣ, я рѣшился отвезти мою записку къ наслѣднику цесаревичу. Не заставъ его высочества, я зашелъ съ нимъ къ великому князю Константину Николаевичу, который остался чрезвычайно доволенъ моею запискою и совѣтоваль непременно отослать къ наслѣднику, не теряя времени, что я и исполнилъ на другой же день послѣ полученія извѣстія о французской республикѣ, т. е. 23-го февраля, вечеромъ. На слѣдующее утро, явился посланный съ приглашеніемъ меня обѣдать къ цесаревичу. За утомленіемъ цесаревны отъ говѣнія, она не вышла къ столу, и насъ было тутъ, сверхъ хозяина и принца Александра Гессенскаго, только графъ Медемъ, генераль-адъютантъ графъ Сергій Строгановъ и я. Едва только мы вошли въ первый кабинетъ наслѣдника, гдѣ накрытъ былъ обѣдъ, какъ онъ привѣтствовалъ меня первого словами:

— Искренно благодарю, получили вы уже бумагу?

— Какую, ваше высочество? я никакой бумаги не получалъ.

— Ну, такъ еще получите. Государь учредилъ особый Комитетъ изъ князя Меншикова, васъ, графа Александра Строганова (бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ) и Д. П. Бутурлина. Ваша записка пришла какъ нельзя больше кстати. Вчера вечеромъ у государя былъ разговоръ именно объ этомъ, а воротясь къ себѣ и найдя вашу бумагу, я сегодня же отнесъ ее къ батюшкѣ, и овъ, прочитавъ, оставилъ у себя, для объясненія съ Орловымъ, котораго ждалъ въ эту минуту.

Дѣйствительно, 27-го числа я получилъ отъ графа Орлова слѣдующую официальную бумагу:

«По дошедшимъ до государя императора изъ разныхъ источниковъ свѣдѣніямъ о весьма сомнительномъ направленіи нашихъ журналовъ, его императорское величество на докладѣ моемъ по сему предмету собственноручно написать изволилъ: «Необходимо составить особый Комитетъ, чтобы разсмотрѣть, правильно ли дѣйствуетъ цензура и издаваемые журналы соблюдаютъ ли данныя каждому программы? Комитету донести мнѣ съ доказательствами, гдѣ найдетъ какія упущенія цензуры и ея начальства, т. е. министерства народнаго просвѣщенія, и которые журналы и въ чемъ вышли изъ своей программы. Комитету состоятъ подъ предсѣдательствомъ генераль-адъютанта князя Меншикова, изъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина, статсъ-секретаря барона Корфа, генераль-адъютанта графа Строганова 2-го и статсъ-секретаря Дегаля¹⁾. Увѣдомить о семъ кого слѣдуетъ и занятія Комитета начать немедленно».

Занятія этого Комитета продолжались слишкомъ мѣсяцъ и, сверхъ

¹⁾ Впослѣдствіи къ составу Комитета присоединенъ былъ еще начальникъ штаба корпуса жандармовъ, генералъ Дубельтъ. Объ этомъ Комитетѣ см. также „Русскую Старину“ 1899 г., № 10, „Отголоски старой памяти“, К. Веселовскаго.

нѣкотораго дополненія цензурныхъ правилъ, заключались во внушеніяхъ редакторамъ журналовъ и цензорамъ и проч. Но, въ заключеніе, изъ всего этого родилась у государя мысль учредить, подъ непосредственнымъ своимъ руководствомъ, всегдашній безгласный надзоръ за дѣйствіями нашей цензуры. Съ сею цѣлью, вмѣсто прежняго временнаго Комитета, учрежденъ былъ, 2-го апрѣля, постоянный, изъ члена Государственнаго Совѣта Д. П. Бутурлина, статсъ-секретаря Дега и меня, съ обязанностью представлять всѣ замѣчанія и предположенія свои непосредственно государю. Сначала надзоръ этого Комитета предполагалось ограничить одними лишь періодическими изданіями; но потомъ онъ распространенъ на всѣ вообще произведенія нашего книгопечатанія. Призвавъ передъ себя Бутурлина и меня, государь объявилъ, что поручаетъ намъ это дѣло по особому, какъ онъ выразился, безграничному своему довѣрію.

— Цензурныя установленія,—продолжалъ онъ,—остаются всѣ какъ были; но вы будете—я, т. е. какъ самому мнѣ некогда читать всѣ произведенія нашей литературы, то вы станете дѣлать это за меня и доносить мнѣ о вашихъ замѣчаніяхъ, а потомъ мое уже дѣло будетъ разсправляться съ виноватыми.

Комитетъ этотъ, родъ нароста въ нашей администраціи, продолжалъ существовать, подъ именемъ Комитета 2-го апрѣля и съ измѣнявшимся нѣсколько разъ личнымъ составомъ ¹⁾, во все остальное время царствованія императора Николая. Учрежденіемъ его образовалась у насъ двоякая цензура: предупредительная, въ лицѣ обыкновенныхъ цензоровъ, просматривавшая все до печати, и взыскательная или карательная, подвергавшая своему разсмотрѣнію только уже напечатанное и привлекавшая, съ утвержденія и именемъ государя, къ отвѣтственности какъ цензоровъ, такъ и авторовъ за все, что признавала предосудительнымъ или противнымъ видамъ правительства. Если въ эпоху своего учрежденія, когда министерствомъ народнаго просвѣщенія управлялъ еще графъ Уваровъ, цѣль и надобность особаго тайнаго надзора оправдывались тѣмъ, что министръ утратилъ прежнее къ нему довѣріе государя и если, въ началѣ своего существованія, Комитетъ нашъ, по глубокому моему убѣжденію, принесъ большую и существенную пользу, то дальнѣйшее продолженіе этого внѣшняго посторонняго надзора, при преемникахъ Уварова, когда все постепенно вошло въ законные предѣлы, сдѣлалось уже совершенною аномаліею и только парализовало дѣйствія и власть самаго министерства, вредя, косвенно, всякому полезному развитію и успѣхамъ отечественной письменности. Эти обстоятельства были удо-

¹⁾ Я оставался сперва членомъ, а потомъ предсѣдателемъ Комитета, до самаго упраздненія его въ 1856 году.

стоены высочайшаго вниманія нынѣ благополучно царствующаго императора ¹⁾ и, вслѣдствіе того, Комитетъ 2-го апрѣля, по всеподданнѣйшему докладу моему, закрыть.

Однажды, за небольшимъ обѣдомъ у государя, при которомъ и я находился ²⁾, было много говорено о Лицеѣ, прежнемъ и нынѣшнемъ, и еще болѣе о Пушкинѣ. Государь рассказывалъ (слышанное уже мною, впрочемъ, и прежде, отъ великаго князя Михаила Павловича), что и его и великаго князя предназначали помѣстить въ Лицей и что только Наполеонъ, съ замышленною въ это время противъ насъ войною, побудилъ оставить этотъ планъ неисполненнымъ. Рассказъ о Пушкинѣ, обращенный непосредственно ко мнѣ, какъ къ прежнему соученику нашего великаго поэта, былъ чрезвычайно любопытенъ.

— Я,—говорилъ государь,—впервые увидѣлъ Пушкина, послѣ моей коронаціи, когда его привезли изъ заключенія ко мнѣ въ Москву совѣтъ больнаго и покрытаго ранами—отъ извѣстной болѣзни. Чтѣ сдѣлали бы вы, если бы 14-го декабря были въ Петербургѣ,—спросилъ я его между прочимъ?—Сталъ бы въ ряды мятежниковъ,—отвѣчалъ онъ. На вопросъ мой, перемѣнился ли его образъ мыслей и даетъ ли онъ мнѣ слово думать и дѣйствовать иначе, если я пушу его на волю, онъ наговорилъ мнѣ пропасть комплиментовъ насчетъ 14-го декабря, но очень долго колебался прямымъ отвѣтомъ и только послѣ длиннаго молчанія протянулъ руку, съ обѣщаніемъ—сдѣлаться другимъ. И что же? Вслѣдъ за тѣмъ, онъ, безъ моего позволенія и вѣдома, усакалъ на Кавказъ! Къ счастью, тамъ было кому за нимъ присмотрѣть. Паскевичъ не охотникъ шутить. Подъ конецъ жизни Пушкина, встрѣчаясь часто въ свѣтѣ съ его женою, которую я искренно любилъ и теперь люблю, какъ очень добрую женщину, я совѣтовалъ ей быть сколько можно осторожнѣе и беречь свою репутацію и для самой себя, и для счастья мужа, при извѣстной его ревнивости. Она, вѣрно, рассказала это мужу, потому что, увидясь гдѣ-то со мною, онъ сталъ меня благодарить за добрые совѣты его женѣ.—Развѣ ты и могъ ожидать отъ меня другаго?—Спросилъ я.—Не только могъ,—отвѣчалъ онъ,—но, признаюсь откровенно, я и васъ самихъ подозрѣвалъ въ ухаживаніи за моею женою. Это было за три дня до послѣдней его дуэли ³⁾.

¹⁾ Императора Александра II.

²⁾ Такіе небольшіе обѣды, къ которымъ приглашались двое или трое приближенныхъ, бывали у императора Николая чрезвычайно часто, почти ежедневно. Самъ онъ являлся тутъ обыкновенно въ сюртукѣ безъ эполетъ; военные, въ Петербургѣ, въ мундирахъ, а въ лѣтнихъ резиденціяхъ, также въ сюртукахъ; статскіе же—вездѣ единообразно въ мундирныхъ фракахъ, бѣлыхъ галстукахъ и лентахъ по камзолу.

³⁾ Этотъ рассказъ критически разобранъ Л. Н. Майковымъ, въ его статьѣ „Пушкинъ въ изображеніи М. А. Корфа“. См. „Русск. Стар.“ 1899 г. № 8.

За тѣмъ же обѣдомъ государь разсказывалъ, что онъ по утру (это было въ первыхъ числахъ апрѣля) получилъ англійское письмо, изъ Лондона, безъ подписи, въ которомъ выражали надежду, что онъ не послѣдуетъ примѣру прочихъ европейскихъ монарховъ и, въ случаѣ какихъ-нибудь безпокойствъ у насъ, «*qu'il tene le durement sur la foule*».

Наконецъ, послѣ обѣда, когда хозяинъ отошелъ въ сторону съ графомъ Орловымъ,—Вронченко, также съ нами обѣдавшій, разсказалъ мнѣ, что въ это же самое утро, во время его доклада, при рѣчи о какомъ-то благопріятномъ биржевомъ извѣстіи, государь вдругъ заплѣлъ густымъ своимъ басомъ: «Спаси, Господи, люди твоя», къ чему присоединились тотчасъ присутствовавшіе при докладѣ: наслѣдникъ цесаревичъ и великій князь Константинъ Николаевичъ, и такимъ образомъ составилось прекрасное тріо.

Лихорадочное сотрясеніе умовъ, возбужденное въ Россіи западными происшествіями, продолжалось весьма недолго. Чѣмъ болѣе время подвигалось впередъ, не производя никакого видимаго волненія въ нашемъ общественномъ спокойствіи, тѣмъ болѣе и бесѣды и помыслы стали обращаться снова къ обыкновеннымъ интересамъ. Политика и современные огромные перевороты, когда они не касаются непосредственно нашей личности, пріѣдаются, какъ и все другое на свѣтѣ... Въ Свѣтлое воскресенье, 11-го апрѣля, все шло уже своимъ порядкомъ и еслибъ кто, проспавъ семь недѣль поста, пріѣхалъ вдругъ въ нашъ дворецъ къ утрени и обѣдѣ, тотъ, конечно, ни по чему не догадался бы, что въ эти семь недѣль остальная Европа была объята такимъ всеобщимъ, все еще и послѣ нихъ съ одинаковою силою продолжавшимся, пожаромъ.

Съ открытіемъ навигаціи въ 1848 году, великому князю Константину Николаевичу опредѣлено было идти въ море, на первый разъ въ Стокгольмъ ¹⁾. Императорская фамилія въ то время имѣла свое пребываніе въ Царскомъ Селѣ, и въ день, назначенный для выѣзда великаго князя, именно 7-го мая, государь и наслѣдникъ цесаревичъ поѣхали провожать его въ Петербургъ и оттуда въ Кронштадтъ. Перебравшись уже на дачу въ Царское Село въ первыхъ числахъ мая, я въ этотъ день также долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ и на Царскосельской станціи желѣзной дороги нашелъ государя прохаживавшимся по галлерей, въ ожиданіи великаго князя, нѣсколько опоздавашаго. Протянувъ мнѣ руку, государь продолжалъ свою прогулку по галлерей вмѣстѣ со мною и началъ говорить о дѣлахъ нашего цензурнаго комитета.

¹⁾ Изъ Стокгольма онъ ѣздитъ въ Копенгагенъ, а оттуда доходитъ до береговъ Пруссіи.

— Последнее замѣчаніе ваше объ анекдотѣ въ «Сѣверной Пчелѣ», — сказалъ онъ, — не важно; однако хорошо, что и это отъ васъ не ускользнуло.

— Государь, — отвѣчалъ я, — мы вмѣняемъ себѣ въ обязанность доводить до вашего свѣдѣнія о всѣхъ нашихъ замѣчаніяхъ, даже и мелочныхъ, предпочитая представить что-нибудь мелочное, чѣмъ пропустить важное.

— Такъ, такъ и надо; прошу и впередъ также продолжать; ну, а что теперь Краевскій съ своими «Отечественными Записками», послѣ сдѣланной ему головомойки?

— Я въ эту минуту, именно читаю майскую книжку и нахожу въ ней совершенную перемѣну, совсѣмъ другое направленіе, и нѣтъ уже слѣда прежняго таинственнаго аргѣ. Повѣшенный надъ журналистами Дамокловъ мечъ, видимо, приноситъ добрые плоды.

— Надѣюсь; и признаюсь, не могу только надивиться, какъ прежде допустили вкратѣся противному.

Продолжая рѣчь о томъ же предметѣ, — государь сказалъ еще:

— Больше всего мнѣ досадны глупые возгласы противъ Петра Великаго; досадно, когда и говорить, а тѣмъ больше нестерпимо, когда печатаютъ. Петръ Великій сдѣлалъ, что могъ и даже болѣе, чѣмъ могъ, и въ правѣ ли мы теперь, при такомъ отдаленіи отъ той эпохи и въ нашемъ незнаніи тогдашнихъ обстоятельствъ, критиковать его дѣйствія и унижать его славу, и славу самой Россіи!

Между тѣмъ, пріѣхали цесаревичъ и великій князь, и государь, входя въ вагонъ желѣзной дороги, велѣлъ мнѣ сѣсть вмѣстѣ съ нимъ и его сыновьями. Такимъ образомъ насъ было въ томъ отдѣленіи вагона всего лишь четверо, и 25 минутъ отъ Царскаго Села до Петербурга пролетѣли для меня, какъ мигъ, въ неистощавшейся бесѣдѣ государя, предметами которой были: Сперанскій, Новосильцовъ, Гежелинскій, Аракчеевъ, архимандритъ Фотій, мемуары массона и другая старина. Я тутъ снова удивлялся и памяти государя на малѣйшія подробности, и самому знанію имъ этихъ подробностей, изъ числа которыхъ многія, казалось, совсѣмъ не могли бы и достигнуть той сферы, въ которой развивалась и протекала его жизнь.

Начало мая въ 1848 году было совершенно феномальнымъ. Съ первыхъ чиселъ доходило до 23° въ тѣни и, при благодатныхъ дождяхъ и нѣсколькихъ грозахъ, растительность развивалась такъ, какъ бываетъ у насъ, обыкновенно, только въ половинѣ іюня. 9-го числа, въ воскресенье, послѣ обѣдни въ Царскомъ Селѣ, присутствовавшихъ при ней придворныхъ пригласили къ цесаревичу на завтракъ. Онъ былъ устроенъ на площадкѣ Камероновской галлерей, и въ продолженіе его играла — внизу, въ садовой аллѣй, военная музыка. Государь, въ разговорѣ со

мною, коснувшись моего, а потомъ и своего здоровья, сказать, между прочимъ, что стоящіе на дворѣ жары очень благодѣтельно на него дѣйствуютъ, а на вопросъ мой, каковъ его сонъ,—отвѣчалъ:

— Этимъ я, благодаря Богу, до сихъ поръ жаловаться не могу спать прекрасно, но это—для меня и дѣло первой важности; безъ ѣды, или съ ѣдою самою скудною, я могу, пожалуй, обойтись хоть пять дней кряду; но спать мнѣ необходимо, и я свѣжъ и готовъ явиться на службу только тогда, когда высплюсь по крайней мѣрѣ семь или восемь часовъ въ сутки, хоть бы и не вдругъ, а съ перерывами.

Въ тотъ же день, 9-го мая, торжественно открытъ былъ Штейнбоковскій пассажъ, первый по времени построенія въ Петербургѣ, а по размѣрамъ и красотѣ одинъ изъ первыхъ въ цѣлой Европѣ. Послѣ молебствія съ водоосвященіемъ, завтрака для приглашенныхъ гостей и обѣда для рабочихъ, выпустили публику; но этотъ впускъ въ первые три дни былъ только на извѣстные часы, и не даромъ, а съ платою по 50 коп. съ человѣка, за что играли постоянно два оркестра музыки и пѣлъ хоръ московскихъ цыганъ. Хозяиномъ этого пассажа былъ графъ Эссенъ-Штейнбокъ-Ферморъ, служившій нѣкогда въ Конной гвардіи и женатый на единственной дочери покойнаго петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, которая, вмѣстѣ съ графскимъ титуломъ и фамиліею Эссенъ, принесла ему и весьма значительное состояніе.

Весь май Петербургъ веселился напропалую, несмотря ни на приближавшуюся отовсюду эпидемическую холеру, ни на продолжавшую корчить всю Европу холеру моральную, въ началѣ и насъ такъ перепугавшую. Вездѣ на всѣхъ островахъ, на всѣхъ загородныхъ гуляньяхъ, гремѣли оркестры музыки, составленные всѣ, кромѣ военныхъ, изъ пріѣзжихъ иностранныхъ музыкантовъ. Политика, продолжавшая болѣе или менѣе занимать только самые высшіе классы, для всѣхъ прочихъ отошла далеко въ тѣнь, и Петербургъ, какъ бы не обращая вниманія ни на что внѣшнее, зажилъ во всемъ прежнемъ своею жизнію. 31-го мая желѣзная дорога привезла въ Павловскъ необъятныя толпы народа. Тамъ у великаго князя Михаила Павловича, предъ Константиновскимъ дворцомъ, вились съ пѣснями многочисленные хоробы крестьянъ изъ его Оедоровскаго посада и пѣли московскіе цыгане, между тѣмъ какъ въ вокзалѣ игралъ обыкновенный оркестръ Гунгли, а въ саду раздавался еще хоръ военной музыки. Цѣлое море музыки и при томъ самой разнородной, если сравнить попури Гунгля и марши военнаго оркестра съ пискливымъ воемъ, какъ отъ немазанныхъ колесъ, русскихъ красныхъ дѣвушекъ и съ дикими, фантастическими мелодіями цыганъ.

Вдругъ пробилъ часъ холеры...

Первый заболѣлъ 4-го іюня, прибывшій на лодкѣ изъ Новой Ладоги дьяконъ Ивановъ, который однако же выздоровѣлъ. 5-го и 6-го новыхъ

случаевъ не было; но съ 7-го числа болѣзнь стала распространяться въ видѣ эпидеміи и съ 10-го чрезвычайно быстро разлилась по всѣмъ частямъ города. Заболѣвавшіе умирали, большею частію, въ нѣсколько часовъ. 17-го уже занемогло, въ одинъ день, 719 и умерло 356 человекъ; 23-го — 1.086 и 548; 25-го — 1.017 и 576. Съ этого числа эпидемія начала нѣсколько, хотя и незначительно, уменьшаться. Въ первые дни, газеты, извѣщая о числѣ заболѣвавшихъ, находили еще возможность скрашивать дѣло фразою: «Больныхъ, имѣющихъ признаки, схожіе съ признаками холеры»; но вскорѣ страшная смертность и общій ужасъ не дозволили болѣе употреблять никакихъ секретовъ и успокоительныхъ выраженій. Кто только могъ, бѣжалъ изъ города, но и за городомъ, во всѣхъ окрестностяхъ: въ Павловскѣ, въ Петергофѣ, въ Гатчинѣ; даже въ славящемся чистотою воздуха Царскомъ Селѣ, бывали частые холерные случаи; въ Кронштадтѣ же и Ораніенбаумѣ болѣзнь дѣйствовала очень сильно. Кромѣ высшихъ классовъ, Петербургъ оставили и многія тысячи чернорабочихъ, пришедшихъ туда на лѣтнія работы. Объятые естественнымъ страхомъ, они, бросая всѣ надежды прибытковъ, стремились обратно на родину и умирали сотнями на дорогѣ. Гвардія, по обыкновенію, была выведена въ Красносельскій лагерь, и не въ лѣтнемъ, а въ суконномъ исподнемъ платьѣ, а военно-учебныя заведенія переправлены въ лагерь Петергофскій, прежде срока и не пѣшкомъ, какъ всегда бывало, а на пароходахъ; вступившую же въ Петербургъ, въ замѣнъ гвардіи, дивизію Гренадерскаго корпуса размѣстили не по казармамъ, а также лагеремъ на Царицыномъ лугу, Семеновскомъ плацѣ и пр. Не обошлось, какъ ожидать должно было, и безъ народнаго волненія, направленнаго впрочемъ не противъ мѣръ правительства, какъ въ 1831 году, а прямо противъ мнимыхъ отравителей ¹⁾. Разумѣется, что тутъ не обошлось также безъ новыхъ подвиговъ со стороны нашего героя, нашей огады, нашего великаго государя, вездѣи всегда себѣ равнаго. Пріѣхавъ немедленно изъ Петергофа въ столицу, онъ увѣщивалъ здѣсь толпы народныя, обращая ихъ къ покорности и молитвѣ, обуздывалъ дикія страсти черни, обхаживалъ лично мясныя лавки, вразумляя о необходимости особенной въ нихъ опрятности и пр. Не могу не повторить снова, что во всякой напасти, всѣ надежды, всѣ чаянія постоянно обращались къ энергической и теплой душѣ государя, и что на немъ одномъ покоились всѣ наши упованія.

Въ Петергофѣ не было не только празднествъ, но и простаго пріема, ни 25-го іюня, ни 1-го іюля. Вслѣдствіе холеры, политическихъ

¹⁾ Не касаюсь здѣсь ни этихъ событій, ни учрежденнаго въ то время въ Петербургѣ торжественнаго крестнаго хода, потому что все это подробно описано въ современныхъ газетахъ.

обстоятельствъ и недавней кончины родителя цесаревны, дворъ провелъ эти дни въ совершенномъ уединеніи.

Но, постепенно, и испугъ отъ холеры миновался точно такъ же, какъ испугъ отъ политическихъ событій.

Лишь только унялось народное волненіе, — а оно унялось тотчасъ по появленіи государя, — все опять пошло, по наружности, какъ бы обыкновеннымъ своимъ порядкомъ, хотя въ городѣ на каждомъ шагу встрѣчался гробъ и надъ всѣми другими одеждами преобладала траурная; однако публичныя гулянья стали наполняться не менѣе прежняго; вездѣ опять раздавалась музыка, и та часть населенія, которой не поразялъ еще злой недугъ въ ея семействахъ или близкихъ, старалась, повидимому, забыться въ этихъ мнимыхъ веселіяхъ... Официальное теченіе дѣлъ и управленія также не прерывалось, и ни одно изъ присутственныхъ мѣстъ не было закрыто, хотя, среди общей тревоги и множества смертныхъ случаевъ, все это шло очень вяло и большею частію только по имени.

Въ августѣ умеръ, но не отъ холеры, хотя она все еще продолжала свирѣпствовать, а отъ старческаго изнеможенія, Николай Васильевичъ Музовскій, протопресвитеръ, Александровскій кавалеръ, оберъ-священникъ гвардіи и духовникъ государя, императрицы и великой княгини Елены Павловны — почти столѣтній старецъ, о которомъ мнѣ уже не разъ случалось упоминать. Тонкій и ловкій придворный и вообще умный человекъ, онъ, однако, не былъ, какъ называютъ наши духовные, изъ ученыхъ и не отличался ни особеннымъ даромъ слова, ни блескомъ пера. Впрочемъ самый характеръ его духовнаго сына не давалъ Музовскому никакого надъ нимъ вліянія, и все значеніе духовника оканчивалось вмѣстѣ съ исповѣдью; отъ того и публика отдавала ему лишь почетъ, приличный его сану, отнюдь не считая его за человека случайнаго.

По случаю предстоявшаго бракосочетанія великаго князя Константина Николаевича, дворъ переехалъ 28-го августа изъ Петергофа на Флагинъ островъ, и затѣмъ самое празднество происходило въ Петербургѣ, по обычному церемоніалу, 30-го августа. Въ публикѣ, впрочемъ, тѣкоторые сіе порицали, говоря, что въ этотъ день, т. е. въ праздникъ Александра Невскаго, народъ издавна привыкъ видѣть православный царственный домъ у единственныхъ въ Петербургѣ мощей. Обрядъ бракосочетанія впервые совершалъ новый государевъ духовникъ Вакановъ, послѣ чего были трехклассный обѣдъ и парадный балъ, а на другой день утромъ разводъ передъ Зимнимъ дворцомъ и вечеромъ парадный спектакль, въ который давали балетъ «Пахиту». На меня, какъ,

вѣроятно, и на многихъ другихъ, особенное впечатлѣніе при брачной церемоніи произвели двѣ вещи. Съ одной стороны общее, обыкновенное усердіе и участіе всей большой народной семьи въ царственномъ праздникѣ. Разумѣется, что въ огромномъ стеченіи народа и передъ дворцомъ, и цѣлый день на улицахъ, участвовало отчасти и любопытство; но все же, въ ту пору судорожнаго распаденія Европы, зрѣлище этой державы, которая одна устояла неподвижно и неизмѣнно въ своихъ основахъ, этого народа, вездѣ, толпою, съ прежними криками радости и почти богопочтенія устремлявшася на срѣтеніе своему царю; этой иллюминаціи, зажженной не въ честь революціонныхъ завоеваній (*Eugenschaften*—одно изъ тогдашнихъ модныхъ словечекъ), а на радость царственную, хотя бы то было и по приказанію полиціи; этого дивнаго порядка и тишины, которыхъ ничѣмъ и ни на минуту не нарушало стеченіе огромныхъ массъ; наконецъ, посреди и надъ всѣмъ этимъ, того могучаго моральнаго колосса, той единицы, которою держались милліоны, лежавшіе у его ногъ по-прежнему—все это не могло не дѣйствовать чрезвычайно поразительно, и отъ того празднество бракосочетанія великаго князя Константина Николаевича имѣло совсѣмъ другой характеръ, нежели всѣ ему предшедшіе. Но, сколько это явленіе было отрадно, столько, съ другой стороны, казалась тутъ печальною роль иностраннаго дипломатическаго корпуса, который, съ тѣхъ поръ, что правленіе вездѣ перешло изъ рукъ монарховъ въ руки народовъ, продолжалъ существовать почти только по имени. Разумѣется, что всѣмъ этимъ, блиставшимъ въ вышитыхъ мундирахъ господамъ и въ этотъ день отдавался обыкновенный внѣшній почетъ, но какое же оставалось при нихъ, въ то время, внутреннее значеніе и какъ жалки и смѣшны они должны были казаться себѣ въ собственныхъ глазахъ, особенно при такой совокупной и публичной ихъ выставкѣ!... Изъятіе составлялъ развѣ одинъ только англійскій министръ, лордъ Блумфильдъ, котораго вѣсь поднялся въ соразмѣрность съ упадкомъ прочихъ. Всѣхъ жалче былъ посланникъ виртембергскій, принцъ Гогенлоэ, пріѣхавшій къ намъ за 24 года передъ тѣмъ, у насъ влюбившійся, вступившій въ бракъ, опять овдовѣвшій, состарѣвшійся, отчужденный, черезъ долговременное пребываніе въ Россіи, отъ своего отечества и отъ всѣхъ въ немъ связей и, вдругъ, какъ человѣкъ *de l'ancien régime*, лишаемый своего поста, отзываемый восвояси¹⁾, безъ пенсіи и безъ всякаго состоянія, потому что онъ жилъ почти однимъ посланническимъ своимъ содержаніемъ. Бѣдный человѣкъ, какъ онъ печально рассказывалъ это всѣмъ, кому только угодно было его слушать!

Я сказалъ, что праздникъ происходилъ по обычному церемониалу.

¹⁾ Онъ въ послѣдствіи, оставивъ службу, навсегда остался въ Россіи.

Это такъ, но были нѣкоторыя изъятія изъ того, что велось исконно въ дворцовыхъ преданіяхъ. Такъ, наприхѣръ, за обѣдомъ, по особому повелѣнію государя, не подавали ни стерлядей, ни трюфелей, ни мороженого, изъ предосторожности противъ холеры, все еще не прекращавшейся, но не помѣшавшей однако разлиться тутъ цѣлому морю шампанскаго, какъ и вообще не замѣтной по движенію и беззаботному веселію народа, хотя еслибъ свадьба случилась три мѣсяца раньше, при ней присутствовало бы пятнадцать тысячами зрителей болѣе,—число жертвъ унесенныхъ эпидеміею, въ этотъ короткій промежутокъ, въ одномъ Петербургѣ. Со страхомъ исчезли и полезныя напоминанія смертоноснаго недуга, хотя на другой день можетъ быть и изъ этой веселой толпы пало нѣсколько десятковъ новыхъ его жертвъ. Другое изъятіе состояло въ томъ, что не послѣдовало ни одной награды придворной, какъ и вообще ни одной, изшедшей непосредственно отъ государя. Касательно первыхъ онъ отозвался, что не будетъ никому ничего, потому что при дворѣ и безъ того довольно случаевъ къ наградамъ, и лица, состоявшія при великомъ князѣ, остались только съ тѣмъ, что каждый изъ нихъ получилъ ко дню его совершеннолѣтія.

18-го сентября, за маленькимъ обѣдомъ во дворцѣ государь очень разсмѣшилъ всѣхъ насъ и самъ очень смѣялся, рассказывая сонъ свой въ предшедшую ночь.

— Я видѣлъ,—говорилъ онъ,—будто мнѣ кѣмъ-то поручено удостоверить: настоящий ли у герцога Веллингтона носъ, или картонный, и что для этого щелкалъ его по носу, который, казалось, звучалъ точно картонный!

Послѣ обѣда государь былъ безподобенъ. Привела дѣтей цесаревича, и онъ игралъ, валялся и кувыркался съ ними, на огромномъ *maté*, какъ самая нѣжная нянька, приговаривая нѣсколько разъ, что не знаетъ счастья выше этого.

На зиму 1848 года ангажирована была нашею театальною дирекцією знаменитая танцовщица Фанни Эльслеръ. Государь изъявилъ желаніе, чтобы первый дебютъ ея былъ передъ дворомъ въ Царскомъ Селѣ, что и послѣдовало 19-го сентября. Хотя тамъ есть особый и очень хорошенкій театръ, но императоръ Николай, не знаю почему, не жаловалъ, чтобы въ немъ играли, и оттого спектакли, бывавшіе въ Царскомъ Селѣ, во время осенняго пребыванія императорской фамиліи, обыкновенно каждое воскресенье, давались въ Большомъ дворцѣ, въ особо устроенной для нихъ залѣ, сцена которой была очень удобна для комедій и водевилей, но слишкомъ мала для піесъ «съ великолѣпнымъ

спектаклемъ», въ особенности же для балетовъ. Оттого дебютъ Фанни Эльслеръ ограничился единственно качучею, исполненною между французскою и русскою пѣсами. Въ присутствіи государя придворный этикетъ запрещалъ аплодировать прежде него; но и вслѣдъ за нимъ, по нѣкоторой робости, аплодировали лишь очень немногіе и очень слегка. Вслѣдствіе того, передъ появленіемъ нашей танцовщицы, объявлено было присутствовавшимъ, изустно, семиофициальное повелѣніе хлопать погромче, *parce que l'Empereur se plaignait qu'il restait toujours tout seul*. Разумѣется, что этого достаточно было для возбужденія самыхъ громкихъ аплодисментовъ, и Эльслеръ заставили даже повторить ея качучу.

Въ октябрѣ 1848 года одна изъ прогулокъ государя, въ 7-мъ часу послѣ обѣда, по царскосельскимъ садамъ, дала поводъ къ забавному анекдоту. При довольно сильномъ туманѣ, онъ вдругъ замѣтилъ, сквозь обыкновенную нашу осеннюю мглу, огненный шаръ, носившійся, казалось, высоко въ небесахъ и ежеминутно мѣнявшійся въ цвѣтѣ. По возвращеніи во дворецъ, государь тотчасъ послалъ фельдгегера на Пулковскую обсерваторію спросить: замѣчено ли тамъ это явленіе и обращено ли на него должное вниманіе? Отвѣтъ былъ, что ничего не видѣли и что при томъ густой туманѣ не позволялъ вообще никакихъ наблюденій. Позже, когда придворные собрались на обыкновенный вечеръ у императрицы, государь разсказалъ передъ всѣми о видѣнномъ имъ феноменѣ, и что же оказалось? Гофмаршалъ цесаревича, Олсуфьевъ, чистосердечно сознался, что это былъ воздушный шаръ изъ разноцвѣтной бумаги, освѣщенный изнутри нѣсколькими свѣчами и пущенный имъ для забавы своихъ дѣтей! Отъ тумана онъ принималъ разныя фантастическія формы и при томъ представлялся по виду въ гораздо большемъ отдаленіи.

Осенью 1848 года государю безпрестанно приходилось быть на похоронахъ. 9-го октября, онъ присутствовалъ на погребеніи стараго адмирала Моллера, занимавшаго нѣкогда постъ морскаго министра, а 11-го почтилъ опять своимъ присутствіемъ отпѣваніе тѣла князя Долгорукаго, генералъ-адъютанта и начальника штаба генералъ-фельдцейхмейстера. Послѣдняя церемонія едва не сдѣлалась, косвенно, причиною несчастія. Входя, передъ похоронами, на лѣстницу въ Зимнемъ дворцѣ, крѣпко наложенную, государь поскользнулся и упалъ на то самое плечо, въ которомъ уже прежде была у него переломлена ключица. Ушибъ обошелся, однако, безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, хотя государь и сказывалъ, что боль отъ него была въ этотъ разъ гораздо чувствительнѣе, чѣмъ тогда, когда онъ сломалъ себѣ ключицу.

Въ первой половинѣ сентября, у графа Левашова, послѣ сѣжденной имъ дыни, сдѣлался жестокій припадокъ холеры. Этотъ припадокъ постигъ его въ купленномъ имъ незадолго передъ тѣмъ имѣніи Осиновой рошѣ (за Парголовымъ); но потомъ признаки холеры миновались, и больного, хотя онъ и находился еще въ смертельной слабости, сочли возможнымъ перевезти въ Петербургъ. Между тѣмъ, наступилъ срокъ къ возобновленію засѣданій Государственнаго Совѣта, послѣ вакантнаго времени и, по законамъ Совѣта, оно должно было послѣдовать, за благъзнію Левашова, подъ предсѣдательствомъ старшаго изъ предсѣдателей департаментовъ. Дѣйствительно, дней за пять до понедѣльника, упавшаго въ тотъ годъ на 20-е сентября, разосланы были повѣстки о назначеніи на этотъ день засѣданія, какъ вдругъ, наканунѣ его, мы получили новыя повѣстки, объявившія, что «объ открытіи засѣданій Совѣта послѣ вакантнаго времени имѣетъ послѣдовать особое извѣщеніе». Впослѣдствіи государственный секретарь Бахтинъ сказывалъ мнѣ, что это измѣненіе состоялось по особому, имъ написанному, докладу Левашова, имѣвшаго, впрочемъ, при отданіи приказанія о томъ, видъ человѣка, которому на слѣдующій понедѣльникъ скорѣе предстоитъ смерть, нежели выздоровленіе, особливо въ такой степени, чтобы ѣхать въ Совѣтъ. Государь принялъ этотъ докладъ съ крайнимъ неудовольствіемъ, какъ вещь, вышедшую изъ общаго порядка, и хотя возвратилъ его съ надписью: «Совершенно согласенъ», но потому собственно, какъ онъ выразился, чтобы не убить окончательно человѣка, безъ того уже, вѣроятно, обреченнаго на смерть. Вслѣдъ затѣмъ Левашову сдѣлалось гораздо хуже. Наслѣдникъ цесаревичъ и самъ государь нарочно пріѣзжали изъ Царскаго Села съ нимъ проститься, и, наконецъ, 23-го сентября окончились его страданія. Онъ умеръ въ полной памяти, но не имѣвъ утѣшенія видѣть себя настоящимъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, что, безъ сомнѣнія, послѣдовало бы, еслибъ онъ дожилъ только до новаго года. Отличительными чертами графа, при усердномъ и безотчетномъ исполненіи воли царской, были: тираническій деспотизмъ надъ всѣмъ, отъ него зависѣвшимъ, и, несмотря на очень ограниченную способность къ дѣлу, безмѣрное тщеславіе. Государь выразился о немъ такъ: «Душевно жалѣю о Левашовѣ, потому что видѣлъ съ его стороны всегда самое строгое и ревностное исполненіе моихъ приказаній». Въ публикѣ онъ не пользовался ни особымъ довѣріемъ, ни большимъ уваженіемъ. Кто-то дивился, какъ онъ могъ подпасть холерѣ при своемъ постоянно умѣренномъ образѣ жизни.

— Да,—отвѣчалъ одинъ изъ нашихъ остряковъ,—надо ему отдать справедливость: онъ всегда былъ умѣренъ и не только въ образѣ жизни, но во всемъ: въ умѣ, въ способностяхъ, въ правилахъ. . . .

Замѣчательно, какъ тщеславіе Левашова выразилось даже въ одномъ

изъ предсмертныхъ его распоряженій. Онъ завѣщалъ положить себя въ гробъ—въ новомъ парикѣ, въ которомъ не было бы ни одного сѣдаго волоса. «Хочу,—говорилъ онъ,—лечь и въ землю молодцомъ». Въ самомъ дѣлѣ, хотя ему слѣдующаго 10-го октября исполнилось бы 66 лѣтъ, онъ, здоровый, былъ еще совершеннымъ молодцомъ, даже со всѣми приемами молодого человѣка, которымъ вполне соответствовали его фигура и весь наружный видъ.

Съ Левашовымъ угасъ послѣдній членъ того тройственного союза (состоявшаго изъ Васильчикова, Дашкова и его, Левашова), который еще такъ недавно стоялъ во главѣ нашего управленія и которому одинъ забавникъ давалъ имя фамильнаго—(вмѣсто Государственнаго) Совѣта.

При выносѣ тѣла изъ дому въ Невскую Лавру присутствовали: государь, цесаревичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ, которые и провожали потомъ гробъ верхами до Литейной. На отпѣваніи ихъ не было.

Вопросъ о вновь упразднившемся, со смертію графа Левашова, мѣстѣ разрѣшился на этотъ разъ гораздо скорѣе, чѣмъ въ предшедшемъ году и при томъ совсѣмъ иначе, нежели предвидѣла большая часть публики. Вмѣсто, какъ думали, графа Блудова, предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ былъ назначенъ, 2-го ноября, военный министръ князь Чернышевъ, съ оставленіемъ и въ прежнемъ званіи. При этомъ случаѣ князь разсказалъ мнѣ объ одномъ, очень примѣчательномъ словѣ, отлично характеризовавшемъ императора Николая.

— Въ публикѣ,—сказалъ онъ Чернышеву,—думаютъ, что ты мнѣ служишь; ну, пусть себѣ такъ и думаютъ, а мы про себя знаемъ, что оба вмѣстѣ служимъ одному общему, высшему монарху — благу Россіи!

Зимою 1844 года я часто видѣлся и бесѣдовалъ съ бывшимъ, въ концѣ двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годовъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ, графомъ Арсеніемъ Андреевичемъ Закревскимъ. Состоявъ прежде дежурнымъ генераломъ Главнаго штаба, а потомъ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, онъ, при назначеніи его министромъ, принесть съ собою въ управленіе, несмотря на недостатокъ высшаго образованія, очень много усердія, добросовѣстности и правдивости и, сверхъ того, очень энергическій характеръ, доходящій, въ незнаніи угодливости сильнымъ, нерѣдко до строптивости. Возстановивъ противъ себя черезъ эту черту всѣхъ пользовавшихся властію (въ особенности предсѣдателя Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ, князя Кочубея), Закревскій, естественно, не могъ долго удержаться на мѣстѣ.

Начало его опалѣ положено было знаменитымъ проектомъ закона о состояніяхъ, разсматривавшимся въ Государственномъ Совѣтѣ въ 1830 году.

— Я не только,—разсказывалъ онъ мнѣ,—сопротивлялся всѣми силами этому нелѣпому проекту, но и осмѣлился даже въ Совѣтѣ, въ присутствіи государя, собиравшагося тогда за границу, сказать, что первымъ условіемъ для изданія новаго закона считаю—присутствіе его величества въ столицѣ.

— Почему же? — спросилъ государь съ весьма раздраженнымъ видомъ.

— Потому,—отвѣчалъ я,—что невозможно предвидѣть, какія послѣдствія будетъ имѣть этотъ государственный переворотъ, и я, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, не могу принять на себя отвѣтственности за сохраненіе народнаго спокойствія въ отсутствіе вашего величества. Прямого возраженія не послѣдовало, и хотя проектъ былъ отложенъ и потомъ совсѣмъ взятъ назадъ, однако, съ тѣхъ именно поръ государь видимо ко мнѣ охладѣлъ, а Кочубей, мужчины и женщины, во всѣхъ поколѣніяхъ и во всей ихъ роднѣ, еще болѣе на меня озлобились, потому что проектъ, какъ вы знаете, былъ созданіемъ этой ватаги, вмѣстѣ съ Сперанскимъ. Потомъ, при появленіи у насъ впервые холеры, государь командировалъ меня, какъ вы тоже знаете, во внутрь Россіи, для мѣстныхъ распоряженій, а позже назначилъ главнымъ распорядителемъ по всѣмъ мѣрамъ противъ болѣзни въ столицѣ. Здѣсь, увидясь со мною на другой день послѣ несчастныхъ іюньскихъ (въ 1831 году) происшествій на Сѣнной, онъ спросилъ: чему я приписываю народное волненіе?

— Единственно распоряженіямъ и злоупотребленіямъ полиціи.

— Это что значитъ?

— То, государь, что полиція силою забираетъ и тащитъ въ холерныя больницы и больныхъ, и здоровыхъ, а потомъ выпускаетъ только тѣхъ, которые отплатятся.

— Чтò это за вздоръ,—закричалъ государь, видимо разгнѣванный,—Кокошкинъ¹⁾, доволенъ ли ты своею полиціею?

— Доволенъ, государь.

— Ну и я совершенно тобою доволенъ.

Съ этимъ словомъ онъ отвернулся и ушелъ въ другую комнату.

— Тутъ я еще болѣе убѣдился, продолжалъ Закревскій, что мой часъ насталъ: такая очная ставка съ подчиненнымъ и такое предположеніе его передо мною ясно доказывали, что мнѣ уже не оставаться министромъ. Я хотѣлъ только докончить нѣкоторые, особо мнѣ данныя

¹⁾ Императоръ Александръ II написалъ вмѣсто поября: «10 октября».

порученія, а потомъ откланяться. Между тѣмъ, дѣло нѣсколько оттянулось оттого, что государь велѣлъ мнѣ ѣхать въ Финляндію¹⁾, для наблюденія за расположеніемъ тамъ умовъ по случаю революціи въ Польшѣ. Я остался въ Финляндіи до извѣстія объ окончаніи польскаго мятежа и, воротясь въ концѣ ноября²⁾ (1831 г.), въ самую минуту отъѣзда государя изъ Петербурга, послалъ просьбу объ отставкѣ, застигнушую его еще въ Царскомъ Селѣ. Отставка дана мнѣ была тотчасъ же, безъ затрудненій, безъ объясненій и даже безъ личнаго свиданія.

Съ моей стороны, думаю, что немилости, въ которую впалъ тогда Закревскій, наиболѣе способствовали слишкомъ крутымъ мѣрамъ, принятымъ имъ во время объѣзда Россіи по случаю холеры³⁾. Помню, что въ то время было много неудовольствій и жалобъ, и въ числѣ моихъ бумагъ за ту эпоху встрѣчаю слѣдующія строки князя Кочубея:

«Изъ докладной записки г-на министра внутреннихъ дѣлъ вы увидите, что онъ наконецъ и самъ почувствовалъ все неудобство мѣръ, прежде имъ къ охраненію отъ холеры предписанныхъ. Я совершенно раздѣляю мнѣніе Комитета по сему предмету (эта записка была отъ 4-го іюля 1831 года, когда Кочубей жилъ, по случаю холернаго карантина, въ Царскомъ Селѣ). Страшно подумать, что по одному Московскому тракту скопилось въ карантинахъ до 12 тыс. душъ. Нѣтъ добрѣе и смиреннѣе нашего народа!»

Какъ бы то ни было, во, съ самаго своего увольненія, Закревскій, не доискиваясь утраченной милости, не домогаясь вступленія снова въ службу, при огромномъ состояніи довольный своимъ положеніемъ, многіе годы проводилъ то въ Москвѣ, то въ чужихъ краяхъ, то въ Петербургѣ, гдѣ въ сороковыхъ годахъ перестроилъ и великолѣпно отдѣлалъ и убралъ домъ свой, на площади противъ Исаакиевскаго собора. Уважаемый за прямоту характера, любимый по русской привѣтливости и простотѣ въ обращеніи, радушный хозяинъ и пріятный собесѣдникъ по множеству интересныхъ воспоминаній, онъ жилъ въ большомъ свѣтѣ, не гнушаясь, впрочемъ, и старинными знакомыми.

— Когда же вы впервые свидѣлись съ государемъ послѣ вашего увольненія?—спросилъ я однажды у графа.

— Не прежде какъ черезъ девять лѣтъ. Бывавъ часто въ это время въ Петербургѣ, я всегда избѣгалъ свиданія съ нимъ и съ намѣреніемъ не являлся даже на тѣ частныя балы, гдѣ ожидали его при-

¹⁾ Закревскій, при должности министра внутреннихъ дѣлъ, продолжалъ сохранять и званіе финляндскаго генералъ-губернатора.

²⁾ Оберъ-полиціймейстеръ, тутъ же находившійся.

³⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Справедливо, и я то же слышалъ отъ батюшки“.

сутствія. Но однажды мы встрѣтились на вечерѣ у Юсупова, куда онъ прѣхалъ изъ театра. Замѣтивъ меня за партією, онъ самъ подошелъ, обнялъ меня и привѣтствовалъ нѣсколькими ласковыми вопросами о здоровьи, на которые я отвѣчалъ, что чувствую себя лучше, чѣмъ когда-нибудь. Съ тѣхъ поръ мы уже часто стали видѣться, но всегда только въ публикѣ. Онъ говорилъ мнѣ тутъ обыкновенно нѣсколько милостивыхъ словъ, но покушеній къ сближенію не было никогда ни съ его, ни съ моей стороны.

Вскорѣ послѣ того, графъ Закревскій началъ давать во вновь отдѣланномъ своемъ домѣ прекрасные балы, на которые являлся весь большой свѣтъ и, во главѣ его, великій князь Михаилъ Павловичъ, а въ 1847 году, неожиданно для публики, если не для самого хозяина, прѣхали и государь съ наслѣдникомъ цесаревичемъ, что повторилось также зимою 1848 года. Въ это время князь Щербатовъ, единожды уже, какъ я рассказывалъ, оставившій службу по оскорбленному честолюбію, снова огорчился пожалованіемъ въ статсъ-дамы, къ тезоименитству императрицы, графини Левашовой и Мятлевой, которыя обѣ, по званію мужей, стояли ниже его жены, и вслѣдствіе того, въ маѣ прислалъ просьбу объ увольненіи его отъ званія московскаго военнаго генералъ-губернатора. Она была принята, съ оставленіемъ его только членомъ Государственнаго Совѣта. Но кто былъ назначенъ на его мѣсто? Тотъ самый графъ Закревскій, который уже за пятнадцать лѣтъ прежде занималъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ и, казалось, навсегда отказался отъ службы... Петербургская публика приняла этотъ выборъ съ большимъ одобреніемъ, и никто не сомнѣвался, что Закревскій, честный, энергическій, богатый русскій баринъ, придется Москвѣ совершенно по плечу; удивлялись только, какъ самъ онъ, избалованный долговременною свободою жизни и ни въ чемъ не нуждаясь, согласился взять на себя постъ, по сравненію ниже его прежняго, и считали это почти за такую же жертву волѣ государя, какъ передъ тѣмъ принятіе Воронцовымъ кавказскаго мѣста. Въсѣмъ съ тѣмъ, Закревскому возвращено было прежнее званіе генералъ-адъютанта, а 2-го ноября того же года онъ пожалованъ и въ члены Государственнаго Совѣта.

Одновременно съ извѣстіемъ объ отреченіи герцога Альтенбургскаго пришло и другое, въ сравненіи и безъ сравненія съ первымъ колоссальное—о такомъ же отреченіи отъ своей короны австрійскаго императора Фердинанда, этого бѣднаго юродиваго, который, среди тогдашнихъ громадныхъ переворотовъ, требовавшихъ необыкновенной энергіи, ума и характера, сдѣлался, такъ сказать, невозможнымъ на престолѣ. Генералъ-адъютантъ баронъ Ливенъ, посланный въ Вѣну съ нашими орденами для Виндишгреца и Иеллашича и только-что воротившійся съ

благодарственными отъ нихъ письмами, ничего не зная о готовившемся, какъ вдругъ въ ночь съ 26-го на 27-е ноября прискакалъ въ Петербургъ эрцгерцогъ Вильгельмъ, съ извѣстіемъ о вступленіи на австрійскій престолъ, 20-го ноября (2-го декабря), слѣдственно въ тотъ самый день, въ который праздновалось восшествіе на престолъ нашего государя, молодого эрцгерцога Франца-Иосифа. Вѣстникъ этой перемены остановился въ такъ называемомъ запасномъ домѣ, на Дворцовой набережной, и 27-го числа уже присутствовалъ на большомъ парадѣ гвардейскаго корпуса, предназначенномъ на этотъ день тогда еще, когда никому не приходило на мысль ожидать пріѣзда эрцгерцога. Привезенное имъ извѣстіе, несмотря на всю его важность, не произвело на нашу публику ни особеннаго, ни продолжительнаго впечатлѣнія. Она такъ уже была блазирована исполненскими происшествіями того года, что никакое новое событіе не казалось ей болѣе ни поразительнымъ, ни неожиданнымъ.

Съ отвѣтомъ на миссію эрцгерцога Вильгельма, т. е. съ поздравленіемъ новаго императора, государь послалъ въ Вѣну ¹⁾ великаго князя Константина Николаевича.

Баронъ Ливенъ, о посылкѣ котораго въ Вѣну я сейчасъ упомянулъ, отвезъ фельдмаршалу Виндишгрецу орденъ Св. Апостола Андрея съ брильянтами и Бану Теллашичу орденъ Св. Владимира 1-й степени. Эти награды пожалованы имъ были императоромъ Николаемъ за укрощеніе революціонно-анархическихъ движеній въ Австріи и за взятіе взбунтовавшейся Вѣны. Отправляя Ливена, государь замѣтилъ, что какъ орденскіе знаки съ брильянтами носятъ только въ торжественныхъ случаяхъ, то Виндишгрецу нужна, для обыкновенныхъ дней простая звѣзда; вслѣдствіе чего велѣлъ снять такую съ надѣваннаго имъ въ тотъ день мундира.

— Отдай ее князю—прибавилъ онъ, обращаясь къ Ливену—и скажи ему, что я самъ носилъ на себѣ эту звѣзду шесть лѣтъ.

Виндишгрецъ отвѣчалъ прекраснымъ письмомъ, въ которомъ, благодаря государя, писалъ, что эта звѣзда будетъ обращена имъ въ званійный маіоратъ, долженствующій навсегда сохраняться въ старшемъ поколѣніи его дома. Теллашичъ, съ своей стороны, принимая отъ Ливена Владимірскій орденъ, сказалъ: «que cela lui prouvait que Pétersbourg était plus près de Vienne qu'Olmutz ²⁾». — Въ самомъ дѣлѣ, и онъ, и Виндишгрецъ, получили за свои подвиги австрійскіе ордена уже гораздо позже нашихъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: „въ Ольмюцъ, гдѣ послѣ вѣскихъ смутъ находилась тогда вся императорская семья“.

²⁾ Что это ему доказываетъ, что Петербургъ былъ ближе отъ Вѣны, чѣмъ Ольмюцъ.

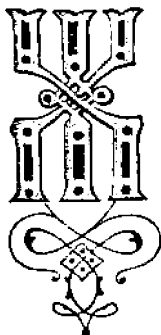

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

XVIII ¹⁾.

1849.

Докторъ Карель.—Кончина И. Н. Скобелева.—Освященіе Конногвардейской церкви.—Награды Радецкому, пожалованныя императоромъ Николаемъ.—Освященіе Московскаго дворца.—Празднованіе Пасхи въ Петербургѣ и Москвѣ.—Заговоръ Петралевскаго.—Манифестъ о венгерскихъ дѣлахъ.—Назначеніе комплекта въ университетахъ.—Повѣдка государя въ Польшу и возвращеніе.—Пробываніе наслѣдника цесаревича въ Ревелѣ.—Императрица въ Ревелѣ.—Графиня Нессельродъ.

Моя лейбъ-медика Мандта никакъ не могла переносить нашего климата и отъ того уже издавна, вмѣстѣ съ дѣтьми, жила не съ нимъ въ Петербургѣ, а во Франкфуртѣ на Одерѣ, мѣстѣ ея родины. Въ февралѣ 1849 г., Мандтъ отпросился въ отпускъ мѣсяцевъ на пять, отчасти для свиданія съ женою, отчасти же для поправленія своего разстроеннаго здоровья. Императору Николаю, при частыхъ его хвораніяхъ и при многолѣтней привычкѣ и довѣренности къ своему лейбъ-медику, глубоко изучившему его натуру и вполнѣ возобладавшему надъ его воображеніемъ, эта разлука была чрезвычайно непріятна. Мандтъ, по воозрѣнію своему на медицину и въ особенности на начала или корни болѣзней, могъ почитаться творцомъ своеобразной системы, которая, впрочемъ, по односторонности

¹⁾ См. „Русскую Старину“ мартъ 1900 г.

ли ея, или же по геніальности, находила очень немногихъ послѣдователей. Два года сряду онъ читалъ въ Петербургѣ публичныя клиническія лекціи, на которыя, несмотря на общезвѣстный вѣсъ его при Дворѣ, являлись, болѣею частью, лишь одни молодые врачи. Изъ числа ихъ самое благовольтельное вниманіе преподавателя обратилъ на себя докторъ Конногвардейскаго полка Карель, родомъ эстляндецъ, сынъ тамошняго крестьянина, по-просту, Карла, и воспитанникъ Дерптскаго университета, съ отличнымъ образованіемъ и съ скромнымъ, безпритязательнымъ характеромъ. Мандтъ называлъ его, въ то время (послѣ, при заносчивомъ самовластіи Мандта и при зависти, возбужденной въ немъ успѣхами собственнаго его созданія, они сдѣлались врагами) «*der Träger meines Systems*» и рекомендовалъ его, на время своего отсутствія, государю, котораго Карель и сопровождалъ потомъ во всѣхъ его поѣздкахъ, даже и въ бытность снова здѣсь Мандта, считаясь, вообще, какъ бы помощникомъ послѣдняго.

Въ началѣ этого новаго поприща, Карель, пока онъ имѣлъ еще время заниматься частною практикою, былъ и моимъ домашнимъ врачомъ, и я часто слышалъ отъ него разныя подробности изъ внутренней дворцовой жизни. Вскорѣ по отъѣздѣ Мандта, государь сильно простудился на маскарадѣ въ Большомъ театрѣ, и эта простуда сопровождалась обыкновенными его болями въ правой половинѣ головы и частою рвотою. Со всѣмъ тѣмъ, во всю болѣзнь, продолжавшуюся дней пять, Карель, несмотря на жестокія страданія своего больнаго, никакъ не могъ уговорить его лечь въ постель. Лишенный возможности тѣмъ-нибудь заниматься, государь позволялъ себѣ ложиться только на диванъ, въ шинели, всегда замѣнявшей ему халатъ, и въ сапогахъ, которые, въ добавокъ, были еще—со шпорами! Карель не могъ довольно выразить удивленія своего къ атлетическому, необычайному сложенію его тѣла.

— Видѣвъ его до тѣхъ поръ, какъ и всѣ, только въ мундирѣ, или сюртукѣ,—разсказывалъ намъ Карель,—я всегда воображалъ себѣ, что эта, высоко выдавшаяся впередъ грудь—дѣло ваты. Ничего не бывало. Теперь, когда мнѣ пришлось подвергать его перкуссіи и аскультаціи, я убѣдился, что все это свое, самородное; нельзя себѣ представить формъ изящнѣе и конструкціи болѣе Аполлоно-Геркулесовской!

Въ февралѣ, умеръ Иванъ Никитичъ Скобелевъ, приобрѣвшій обшую извѣстность и даже нѣкоторую знаменитость своею карьерою, своею львиною, нѣкогда, храбростію и своими литературными, написанными солдатскимъ языкомъ, произведеніями. Дослужась изъ сдаточныхъ рекрутъ до полныхъ генераловъ и александровскихъ кавалеровъ, онъ, въ послѣднее время жизни, былъ комендантомъ С.-Пе-

тербургской крѣпости; директоромъ Чесменской военной богадѣльни, членомъ Инвалиднаго комитета ¹⁾ и шефомъ Рязанскаго пѣхотнаго полка. «Отецъ и командиръ» (такъ самъ онъ называлъ всякаго встрѣчнаго и поперечнаго) давно уже началъ хлѣбъ въ своемъ здоровьѣ, но окончательный ему ударъ нанесла исторія члена генераль-аудиторіата, генерала-отъ-инфантеріи Бѣлоградскаго, съ которымъ онъ всегда былъ очень друженъ. Этого Бѣлоградскаго, 72-хъ-лѣтняго старца, родомъ изъ турокъ, взятаго въ плѣнъ, въ первой молодости, подъ Бѣлградомъ, по которому и дали ему фамилію, вдругъ уличили въ особыхъ вкусахъ. Вслѣдствіе того, государь отставилъ его отъ службы и велѣлъ сослать на покаяніе въ монастырь. Во время производства слѣдствія о гнусныхъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ онъ обвинялся, его заключили въ Петербургскую крѣпость, и здѣсь Скобелевъ, при первой встрѣчѣ съ нимъ, такъ разгорячился отъ упрековъ и ругательствъ, которыми осыпалъ стараго своего друга, что немедленно занемогъ воспаленіемъ въ боку.

Одаренный бойкимъ словомъ и владѣя живымъ, хотя малограмотнымъ перомъ (сочиненія его всегда переправлялись другими), старикъ былъ человекъ, по самому происхожденію своему, безъ всякаго образованія, но очень оригинальный въ своихъ приемахъ и рѣчахъ, блиставшій типическимъ русскимъ умомъ, хлѣбосоль, что называется, добрый малый, и петербургская публика очень его любила. По тону своему и всей личности, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ исключительныхъ натуръ, которымъ, подъ предлогомъ свойственной солдатамъ откровенности и нѣкоторой дерзости, позволяется говорить и дѣлать многое, чего не вынесли бы отъ другихъ. Прикрываясь этою суровою простотою, ему нерѣдко удавались разныя добрыя дѣла, къ чему самый постъ коменданта Петербургской крѣпости представлялъ широкое поле. Между множествомъ примѣровъ вотъ одинъ, характеризующій какъ самого Скобелева, такъ и отношенія къ нему государя. Въ 1848 г., молодой гвардейскій офицеръ Браккель, только-что выпущенный на службу, съ гауптвахты, въ которой онъ стоялъ съ карауломъ, дозволилъ отлучиться одному арестанту и, хотя послѣдній своевременно возвратился, однако, другой, вмѣстѣ съ нимъ содержавшійся, донесъ о случившемся, и государь велѣлъ посадить Браккеля въ казематъ. Это дало поводъ къ слѣдующей любопытной перепискѣ:

1) Письмо Скобелева къ военному министру отъ 1-ю ноября 1848 г.

Заключенный на 6 мѣсяцевъ въ казематъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка Браккель, образуя собою слабого, щедраго, юнаго нѣмца, при-

¹⁾ Александровскій комитетъ о раненыхъ.

нявшій опредѣленное ему наказаніе съ чувствомъ вполнѣ кающагося грѣшника, все болѣе за нанесеніе удара родителямъ, проживающимъ, по словамъ его, въ Ригѣ, слезами и тоскою наводитъ мнѣ страхъ. Боже упаси, если ко всему вышереченному присоединится холера и онъ умретъ. Нѣмцы подумаютъ, что его въ крѣпости уморили. Браккеель виноватъ по молодости и неопытности, но онъ, какъ вижу, сформированъ на благородную статью, съ чувствами возвышенными, похвальными, а посему, быть можетъ, и самъ я подвергаюсь вашему гнѣву, но осмѣливаюсь просить исходатайствовать ему переводъ въ мѣсто менѣе грозное—гауптвахту.

2) Собственноручная резолюція государя на этомъ письмѣ:

«Старику Скобелеву я ни въ чемъ не откажу. Надѣюсь, что послѣ его солдатскаго увѣщанія виновному, изъ Браккееля выйдетъ опять хорошій офицеръ; выпустить и перевести въ армейскій полкъ тѣмъ же чиномъ».

3) Благодарственное письмо Скобелева его величеству отъ 4-го ноября.

«Благотворная резолюція вашего императорскаго величества на письмѣ моемъ дала мнѣ поводъ и сообщила смѣлость представить вамъ настоящее положеніе души и сердца моего.

«Клянусь святою вѣрою и честію русскаго благороднаго солдата, что если бы вы подарили мнѣ каменную въ крѣпости палату, золотомъ и серебромъ набитую, далеко, далеко не порадовали бы меня противъ этой Божественной резолюціи, хотя, впрочемъ, я никогда не зналъ Браккееля, вовсе не знакомъ съ его родителями, и дѣйствовалъ по долгу и обязанности стража, долженствующаго вникать не только въ физическое, но и въ нравственное состояніе преступника; посему, могъ ли я вообразить, чтобъ изъ обстоятельства, столь обыкновеннаго, на сѣдую мою голову упала благодать и утлая жизнь моя снова озарилась счастьемъ, но вѣдь это не ново для меня: все ваше царствованіе—свѣтлый праздникъ!»

«Не удивляйтесь, государь, всеусерднѣйшей просьбѣ моей: въ случаѣ войны употребить меня въ дѣло; мнѣ стыдно умереть подъ кровлею; ретивое мое должно перестать биться на поляхъ славы и за васъ, въ примѣръ и науку преемникамъ: иначе чаша счастья будетъ неполна».

На подлинномъ написано рукою военнаго министра: «Государь императоръ изволилъ прочитатъ съ удовольствіемъ».

20-го марта, въ воскресенье, происходило освященіе новой, прекрасной церкви Благовѣщенія въ Конногвардейскомъ полку, выстроен-

кой славнымъ нашимъ Тономъ съ поразительною быстротою и достойно ставшей въ рядъ тѣхъ многочисленныхъ и изящныхъ храмовъ, которыми царствованіе императора Николая украсило Петербургъ. Два боковые-придѣла освящены были, рано утромъ, гвардейскими протоіереями, а освященіе главнаго, оберъ-священникомъ арміи и флота Кутневичемъ, съ гвардейскимъ и придворнымъ духовенствомъ, происходило въ 11-мъ часу, въ присутствіи государя и всѣхъ великихъ князей. Къ обѣднѣ, уже послѣ ея начала, пріѣхала и императрица съ великими княгинями. Государь, во время совершенія обряда освященія, стоялъ въ алтарѣ, а потомъ слѣдовалъ за крестнымъ ходомъ вокругъ церкви. Послѣ обѣдни подходили ко кресту, вслѣдъ за царскою фамиліею, всѣ генералы, штабъ-и оберъ-офицеры Конной гвардіи, также лица, когда-либо въ ней служившія и, наконецъ, находившіеся въ ней прежде на службѣ дворцовые гренадеры; въ заключеніе, государь подвелъ императрицу смотрѣть образа и милостиво разговаривалъ со многими, въ томъ числѣ и съ престарѣлымъ полковымъ священникомъ. Тона, пожалованнаго къ этому дню въ дѣйствительные статскіе совѣтники, онъ обнялъ публично, посреди церкви. Особенное вниманіе всѣхъ обратила на себя великолѣпная вызолоченная дарохранительница,—приношеніе графа Орлова, бывшаго нѣкогда командиромъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка. Это изящное произведеніе русскихъ мастеровыхъ, работающихъ на петербургскій англійскій магазинъ, изображаетъ, въ миниатюрѣ, ту же самую церковь, со всѣми ея подробностями.

При освященіи присутствовали, между прочими, и оберъ-квартирмейстеръ гренадерскаго корпуса Брунновъ, который на другой день—умеръ отъ холеры!

Вѣсти о блестящихъ побѣдахъ знаменитаго старца Радецкого въ Италіи столько же радовали Петербургъ, сколько приводили въ бѣшенство анархистовъ Франціи и Германіи. Огромное большинство нашей публики, несмотря на всѣ пагубныя вліянія Запада, вполне одушевлено было священнымъ началомъ законности, и каждый австрійскій побѣдный бюллетень производилъ у насъ самое живое впечатлѣніе, какъ-бы побѣда была одержана нашими войсками. Извѣстіе о томъ славномъ дѣлѣ Радецкого, которое имѣло послѣдствіемъ отреченіе отъ престола сардинскаго короля Карла-Альберта и постыдное для Сардиніи перемиріе, пришло сюда, въ донесеніи нашего посланника при Вѣнскомъ дворѣ, графа Медема, 24-го марта.

«Ура герою Радецкому, и а ш е м у фельдмаршалу!»—написалъ государь на депешѣ и послалъ племянника моего, Мирбаха, дежурнаго въ тотъ день при немъ флигель-адъютанта, съ этимъ извѣстіемъ къ австрійскому въ то время у насъ посланнику, графу Булу, который

расплакался какъ ребенокъ. Сверхъ пожалованія титуломъ русскаго фельдмаршала, Радецкій тогда же былъ назначенъ шефомъ Бѣморусскаго гусарскаго полка, съ присвоеніемъ сему послѣднему его имени, и въ распоряженіе его послано, для раздачи по его усмотрѣнію, нѣсколько георгіевскихъ крестовъ разныхъ степеней. Все это повезъ къ доблестному старцу сынъ другаго нашего фельдмаршала, флигель-адъютантъ князь Варшавскій ¹⁾).

Великолѣпный, громаднѣйшій новый дворецъ въ московскомъ Кремлѣ былъ оконченъ къ веснѣ 1849 года, и у императора Николая родилась поэтическая мысль освятить этотъ новый памятникъ его царствованія въ праздникъ Свѣтлаго Воскресенья, давъ при томъ древней столицѣ случай посмотреть на новобрачныхъ и на всю свою семью. Одну минуту думали, что кончина нидерландскаго короля, въ это время послѣдовавшая и принятая очень близко къ сердцу государемъ, остановить всю поѣздку; но сдѣланныя уже въ большихъ размѣрахъ приготовленія и, можетъ быть еще болѣе, начавшееся огромное стеченіе въ Москву жителей провинцій утвердили государя въ прежнемъ намѣреніи. По значительному числу подъемныхъ средствъ, требовавшихся для перевозки двора съ его принадлежностями, она началась еще съ половины марта и для этого исполнскаго передвиженія были употреблены и почтовые лошади, усиленные нарядомъ обывательскихъ, и дилижансы, и даже транспортныя заведенія. Посланный въ Москву, для предстоявшихъ церемоній, гвардейскій отрядъ отправленъ былъ также на перемѣнныхъ. Члены императорскаго дома слѣдовали туда одинъ за другимъ, начавъ съ 20-го марта, а государь уѣхалъ 25-го числа, тотчасъ послѣ церковнаго парада въ Конногвардейскомъ полку. Въ Петербургѣ, изъ всего императорскаго дома, остались только великая княгиня Елена Павловна съ дочерью и дѣти цесаревича и великой княгини Маріи Николаевны. Хорошее положеніе дорогъ отъ поздней зимы позволило всѣмъ отправиться еще въ зимнихъ экипажахъ, разумѣется, со взятыми въ запасъ колесами. Сильные ночные морозы, продолжавшіеся отчасти, въ тѣни, и днемъ, исправляли въ санномъ пути то, что портило въ немъ весеннее солнце, и на шоссе онъ держался еще въ превосходномъ состояніи.

Пасха въ 1849 году была 3-го апрѣля, и хотя императорская фамилія находилась въ Москвѣ, однако въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ», а оттуда и во всѣхъ газетахъ, появилась неожиданно слѣдующая статья: «Въ день Св. Пасхи, божественная служба въ соборной церкви Зим-

¹⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: „Свиты его величества генералъ-маіоръ Яфимовичъ“.

вяго дворна совершена будетъ точно въ томъ же порядкѣ, какъ и во время присутствія въ столицѣ высочайшаго двора.—Сначала это казалось только простымъ извѣщеніемъ для желающихъ; но, непосредственно за сплѣтъ, послѣдовало другое объявленіе уже совершенно обязательное. По всѣмъ вѣдомствамъ, каждому черезъ его начальство, разослана была слѣдующая повѣстка: «Государь императоръ, при отъѣздѣ своемъ въ Москву, изволилъ объявить, что его величеству пріятно будетъ, если лица, имѣющія пріѣздъ ко двору, соберутся, и въ отсутствіе высочайшаго двора изъ С.-Петербурга, ко всенощному бдѣнію на предстоящій праздникъ Св. Пасхи, въ церковь Зимняго его величества дворца». Послѣ столь яснаго изъясненія высочайшей воли, конечно, уже нельзя было колебаться. Между тѣмъ, это странное и никогда небывалое въ подобномъ видѣ торжество произвело на всѣхъ насъ очень грустное впечатлѣніе. Дворецъ былъ освещенъ, по обыкновенію, сверху до низу; вездѣ были разставлены, какъ всегда, лакеи, скороходы, араны; все кипѣло многолудствомъ, въ праздничныхъ нарядахъ, и все, однако же, посреди этого обычного блеска, было безжизненно и мертво, какъ бы на большомъ кладбищѣ. Недоставало главнаго—хозяевъ, животворящаго духа, и единственные въ ту минуту представители царской семьи въ Зимнемъ дворцѣ, дѣти цесаревича, давно уже спали въ своихъ постелькахъ. Почти всѣ спрашивали, что значить этотъ торжественный маскарадъ въ опустѣлыхъ стѣнахъ, и трудно было дать на такой вопросъ дѣльный отвѣтъ. Странность впечатлѣнія увеличивалась еще совершеннымъ отсутствіемъ вѣстей о милостяхъ, которыхъ ожиданіе, объявленіе и исчисленіе прежде всегда такъ оживляло пасхальную ночь. Эти вѣсти можно было получить изъ Москвы лишь чрезъ нѣсколько дней, и Петербургъ, въ отсутствіе двора, обратился почти въ провинціальный городъ. Впрочемъ, вслѣдствіе упомянутаго повелѣнія, къ ночному богослуженію собралось людей не менѣе обыкновеннаго. Совѣтъ, Сенатъ, дворъ, гвардія и армія, все было налицо. Первую роль разыгрывалъ, естественно, предсѣдатель Государственнаго Совѣта, князь Чернышевъ, и хотя настоящаго выхода не было и быть не могло, однако, при возвращеніи князя изъ церкви, всѣ офицеры стояли по полкамъ, и онъ, точно архіерей, съ своими иподіаконами, почти ведомый подъ руки многочисленнымъ военнымъ синклитомъ, раскланивался на обѣ стороны, поздравляя—съ новымъ годомъ! Этотъ несчастный *lapsus linguae* насмѣшилъ всѣхъ не менѣе того привѣтствія, съ которымъ министр-предсѣдатель нѣсколько разъ обращался къ офицерамъ, а именно «что государь въ эту минуту вѣрно помышляетъ о нихъ».

— Что это за славянщина такая и развѣ нельзя было сказать того же самаго по-русски!—говорила, смѣясь, молодежь.

Официальнаго цѣлованія не происходило, и вслѣдъ за утреннею началась обѣдня; но послѣ обѣдни прикладывались къ кресту, и потомъ многіе подходили, на обратномъ пути, къ Чернышеву, который цѣловалъ по выбору.

— Слава Богу, что не всѣхъ,—замѣтилъ тутъ же князь Меншиковъ—а то и мы, и онъ, воротились бы домой всѣ въ пятнахъ отъ его румянъ!

Это, впрочемъ, было сказано только для шутки, потому что Чернышевъ, сколько онъ ни занимался своею наружностію, румянъ не употреблялъ.

Совсѣмъ другое происходило, въ этотъ день и въ предъидущіе, въ Москвѣ, гдѣ сіяло царственное наше солнце, со всѣми его лучами.

Не повторяя того, что извѣстно изъ церемоніаловъ, газетныхъ статей и другихъ печатныхъ, всѣмъ доступныхъ, источниковъ, приведу нѣсколько замѣтокъ изъ частной моей переписки и изъ переданнаго мнѣ послѣ очевидцами.

Императрицу ожидали въ Москву 25-го марта, и народъ уже съ ранняго утра стоялъ по дорогѣ отъ дворца до самой заставы такими густыми, толпами, что едва оставался проѣздъ для экипажей. Около 9-ти часовъ вечера, эти толпы, потерявъ надежду встрѣтить императрицу, стали расходиться, а тутъ она прибыла въ 10-ть часовъ.

На другой день послѣ обѣда, новобрачная великая княгиня Александра Іосифовна хотѣла прокатиться по городу, но едва только коляска тронулась отъ дворца, какъ народъ, съ криками «ура!» бросился на нее. По этому крику, сбѣжалась половина Москвы и огромныя толпы, наполнявшія Кремль, остановили экипажъ, такъ что великая княгиня, за невозможностію ѣхать далѣе, принуждена была воротиться во дворецъ. Но эти толпы и этотъ крикъ не могли идти ни въ какое сравненіе съ тѣмъ многолюдствомъ, съ тѣми громкими выраженіями народной преданности, которыя сопровождали государя въ Вербное воскресенье (27-го марта), когда онъ, отслушавъ обѣдню во дворцѣ, пошелъ въ соборы. Весь переходъ былъ усыпанъ, унизанъ народомъ; въ окнахъ, на крышахъ, на церковныхъ куполахъ, на колокольнѣ Ивана Великаго, вездѣ лѣпились люди. Едва царь появился въ дворцовыхъ дверяхъ, въ казачьемъ кафтанѣ и въ шапкѣ на головѣ, народъ хлынулъ къ подъѣзду, съ воплями радости. Забывали все, лѣзли другъ на друга, на двери, на стѣны, позволяли полиціи толкать и бить себя, а прохода государю все-таки не давали, бросаясь цѣловать ему руки и ноги, такъ что шестьсотъ или семьсотъ шаговъ до Успенскаго собора онъ шелъ цѣлымъ четверть часа. Между тѣмъ дамы царской фамиліи, въ двухъ каретахъ, ѣхали шагомъ изъ стараго дворца въ новый; впереди шли, въ двѣ линіи, полицейскіе, разгоняя кулаками сгустившуюся и тутъ толпу. Та-

ковы были, въ ту эпоху общаго превращенія за Западъ, наши баррикады!.. На Красномъ крыльцѣ царскую чету встрѣтило духовенство ¹⁾, и она приложилась къ кресту. Дойдя до верху, государь обернулся, поклонился народу и нѣсколько минутъ имъ любовался...

Новымъ дворцомъ, при первомъ его обозрѣніи, государь остался такъ доволенъ, что нѣсколько разъ обнималъ главнаго распорядителя работъ, гофмейстера барона Боде, и архитектора Тона, и въ Москвѣ заговорили, что къ Пасхѣ первый будетъ—графомъ. Не понравились только ковры (одно, что къ убранству дворца было прислано изъ Петербурга), которые государь велѣлъ замѣнить другими. Остановясь, до Пасхи, въ старомъ дворцѣ ²⁾, царская фамилія всю страстную недѣлю ежедневно слушала обѣдню и потомъ ежедневно же пріѣзжала осматривать новые свои чертоги. 30-го марта произошелъ въ нихъ пожаръ, къ счастью окончившійся только тѣмъ, что обгорѣла одна оконная рама въ Владимірской залѣ; причиною огня оказалась труба, проведенная слишкомъ близко къ окошку. 31-го былъ опять пожаръ, уже въ старомъ дворцѣ ³⁾, въ службахъ, отъ слишкомъ большаго жара въ печи, но и этотъ скоро потушили.

При первомъ пожарѣ, въ Москвѣ стали говорить, что графскій титулъ барона Боде—улетѣлъ въ трубу; послѣдствія показали однако, что пожаръ нисколько не сжегъ прочихъ, безпримѣрныхъ наградъ барону. Бывшій мой слушатель, флигель-адъютантъ графъ Орловъ ⁴⁾, находившійся въ это время также въ Москвѣ, изображая мнѣ народный восторгъ при встрѣчѣ царской фамиліи, писалъ: «Всѣ ожиданія были превзойдены. Ни словомъ сказать, ни перомъ написать. Москва сохранила невредимымъ высокій духъ преданности вѣрѣ и престолу, который искони былъ отличительнымъ свойствомъ русскихъ. У меня невольно текутъ слезы, когда вижу искреннюю, непритворную набожность народа къ Богу и царю. По-моему тутъ вѣрнѣйшій залогъ величія Россіи и въ настоящемъ и въ будущемъ!».

Дѣйствительно, сверхъ общаго, знаменовавшаго каждый шагъ императорской семьи въ Москвѣ, радостнаго изступленія народа сколько бывало тутъ и отдѣльных анекдотовъ въ нашемъ монархическомъ, православномъ духѣ, одинъ другаго умильнѣе. Такъ, однажды, государь воротился съ пѣшеходной своей прогулки—безъ мундирныхъ

¹⁾ Императоръ Александръ II прибавилъ: „придворное“.

²⁾ Императоръ Александръ II прибавилъ: „въ Николаевскомъ, что близъ Чудова монастыря“.

³⁾ Императоръ Александръ II прибавилъ: „Николаевскомъ“.

⁴⁾ Онъ, по волю императора Николая, присутствовалъ при моихъ бесѣдахъ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ.

фалдь '). Ихъ, въ полномъ смыслѣ, оборвалъ народъ, растерзавъ потомъ на тысячи кусковъ, чтобы каждому сохранить, для передачи изъ рода въ родъ, хоть клочокъ этой заветной святыни. Въ другой разъ, государю, также на пѣшеходной прогулкѣ, приходилось перешагнуть лужу;—за нимъ, вокругъ него, валила, какъ всегда, несмѣтная толпа, и вотъ изъ среды ея продирается какой-то купецъ, сбрасываетъ съ своихъ плечъ богатую шубу и разстилагетъ ее передъ государемъ, прямо въ грязь, чтобы батюшкѣ-царю не замочить своихъ ногъ; но шуба эта уже не досталась владѣльцу обратно; народъ въ ту же минуту растерзалъ и ее, на память, что къ ней прикоснулись царскія стопы. Нельзя было довольно нарадоваться этимъ изъясненіямъ нашихъ православныхъ, изъясненіямъ, которыя относились, конечно, болѣе къ чтимому ими, какъ божество, принципу, нежели къ лицу; ибо кто же, изъ этого круга, имѣлъ случай испытать на себѣ самомъ или ожидать милости царскія; но этимъ, именно въ тогдашнюю минуту Западнаго сѣуазбродства, подобныя явленія были и отраднѣе, и прочнѣе, и спасительнѣе. По истинѣ, невольно вырывались тутъ восклицанія: «съ нами Богъ; нашъ царь—Божіею милостію; наша Русь—святая!»

Божественная служба въ ночь на Свѣтлое Воскресенье продолжалась въ Московскомъ дворцѣ очень недолго, всего часа полтора, потому что обычное христосованіе не имѣло при ней мѣста. Пріемъ поздравленій отъ дамъ, которыхъ набралось до двухъ сотъ, происходилъ уже на другое утро. Мужчины приносили свои поздравленія императрицѣ въ свѣтлый вторникъ. Послѣ того были во дворцѣ: въ тотъ же вторникъ—парадный обѣдъ, а въ четвергъ—публичный маскарадъ, собравшій до шестнадцати тысячъ человѣкъ.

— Вамъ, кажется, сдѣлалось дурно?—спросила императрица, обходя залы, у одной, очень поблѣднѣвшей женщины.

— Это отъ радости видѣть тебя, матушка!—отвѣчала та.

Въ подобномъ родѣ велась тутъ не одна рѣчь, мнѣнялось не одно задушевное слово съ царскою семьей, которая не безъ удовольствія двигалась между массаи.

Кромѣ этихъ придворныхъ празднествъ, были еще балы для императорской фамилии у князя Сергія Михайловича Голицына, у графа Закревскаго и въ дворянскомъ собраніи. Балъ Закревскаго состоялъ въ характерномъ маскарадѣ, въ которомъ участвовала вся московская знать, раздѣленная на двѣ части: одна—изображала дворъ англійской королевы Елисаветы; другая—столицы, города, области и народы Русской имперіи, представителями которыхъ являлось по парѣ, одѣтой въ богатныя мѣстныя народныя одежды и имѣвшей передъ собою мальчи-

') Императоръ Александръ II написалъ: „Это выдумка“.

ковъ, несшихъ гербы города или области. То же самое повторилось и въ дворянскомъ собраніи. Всѣ царственныя дамы, въ особенности, чрезвычайно забавлялись миловидными мальчиками. Императрица сама пила изъ чаемъ и когда потомъ сѣла въ кресла, вся эта шумная ватага разсыпалась и разлеглась вокругъ нея на полу. Тутъ приблизился государь и объявилъ, что съ сей минуты всѣ эти мальчики—пажи, милость, бывшая для многихъ изъ нихъ чрезвычайно важною по отношенію къ чинамъ ихъ отцовъ. Суббота святой недѣли ознаменовалась еще торжествомъ особеннаго рода. Государь пожелалъ украсить стѣны въ Георгіевской залѣ новаго дворца мраморными досками съ именами всѣхъ полковъ, имѣющихъ Георгіевскія знамена ¹⁾, и начало этому было положено съ Преображенскаго. Церемонія происходила передъ кадромъ баталіона ²⁾ этого полка, приведеннымъ ³⁾ въ Москву. Командовали: всѣмъ его составомъ самъ государь, а взводами: 1-мъ—великій князь Михаилъ Павловичъ, 2-мъ—полковникъ командиръ, новый генералъ-адъютантъ Катенинъ, 3-мъ—цесаревичъ и 4-мъ—новый флигель-адъютантъ полковникъ Пушкинъ. Парадъ внутри залы начался молебствіемъ; потомъ послѣ сказаннаго митрополитомъ Филаретомъ слова и скомандованія государемъ «на караулъ», четверо сѣдкихъ дворцовыхъ гренадеровъ по знаку его подняли доску съ именемъ Преображенскаго полка и начали прибавать ее къ стѣнѣ. Въ ту минуту, когда они дотронулись до доски, государь, оборотясь къ преображенцамъ, закричалъ «ура!», которое дружно было принято ихъ рядами, и, вмѣстѣ съ музыкою «Боже, Царя храни!», не умолкало до тѣхъ поръ, пока не прибили доску. По словамъ очевидцевъ, минута была такъ торжественна, что всѣ плакали, отъ державнаго хожанна и до послѣдняго солдата...

Въ заключеніе, государь сказалъ людямъ:

— Вы—мой первый полкъ и надѣюсь, что и останетесь имъ навсегда; передайте же товарищамъ, какъ я васъ награждаю за вашу вѣрность.

Послѣ громкаго «рады стараться», государь самъ повелъ солдатамъ смотрѣть новыя его палаты.

Передъ наступленіемъ Свѣтлаго праздника, я осмѣлился отправить въ Москву, къ наслѣднику цесаревичу, постоянно осыпавшему меня своею милостію, поздравительное письмо. Осчастлививъ меня, 4-го апрѣля, длиннымъ собственноручнымъ отвѣтомъ, исполненнымъ той же милости, его высочество такъ изволилъ коснуться въ немъ московскаго тор-

¹⁾ Императоръ Александръ II прибавилъ: „съ обозначеніемъ года ихъ формировація“.

²⁾ Императоръ Александръ II прибавилъ: „передъ двумя ротами 1-го баталіона“.

³⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: „привезенными“.

жества: «Вчера встрѣтили мы Свѣтлый праздникъ въ древней маленькой церкви Спаса, называемаго за Золотой рѣшеткой, передъ входомъ въ древнія царскія хоромы. Послѣ окончанія обѣдни, крестный ходъ обошелъ весь новыи великолѣпный дворецъ и, передъ трономъ въ Андреевской залѣ, была произнесена митрополитомъ Филаретомъ имъ нарочно по сему случаю написанная молитва. Все кончилось общимъ разглагольствіемъ всѣхъ съѣхавшихся къ выходу. Вся эта церемонія имѣла что-то особенно величественное и торжественное! Я утѣренъ, что память о ней останется неизгладимою во всѣхъ присутствовавшихъ».

Празднованіе Пасхи въ Москвѣ, соединенное съ освященіемъ новаго дворца, сопровождалось множествомъ щедрыхъ и, частью, весьма важныхъ наградъ, какъ напримѣръ: возведеніемъ Вронченко и Перовскаго въ графское достоинство, пожалованіемъ Андреевскихъ лентъ: графу Закревскому, оберъ-камергеру Рибопьеру и оберъ-гофмейстеру князю Урусову и т. д. Но награды, совершенно, какъ я уже сказалъ, безпримѣрныя, излились на барона Бода и на архитектора Тона. Первый, получившій только 6-го декабря 1848 года ленту Бѣлаго Орла, пожалованъ былъ, обойдя, при этомъ, 81-го старшаго (въ томъ числѣ двухъ министровъ) въ оберъ-гофмейстеры, т. е. въ дѣйствительные тайные совѣтники, въ президенты Московской дворцовой конторы, Александровскою лентою, бриллантовою медалью за сооруженіе дворца и единовременно 50.000 руб. сер.; сверхъ того, одинъ изъ его сыновей награжденъ былъ вдругъ и чиномъ и орденомъ, а другой званіемъ камеръ-юнкера. Лѣтопись моя не лесть, а правда, и потому не могу скрыть, что этотъ потокъ милостей возбудилъ большой ропотъ въ петербургскихъ салонахъ. Самъ Паскевичъ, говорили многіе, никогда не получалъ такой груины наградъ, а Сперанскому, за построеніе безсмертнаго Свода законовъ, дали всего одн у ленту, тогда какъ барона Бода, за построеніе дворца, осыпали, и въ дѣтяхъ, и лично, семью наградами. Великій князь Михаилъ Павловичъ, никогда не пропускавшій случая съострить, неподобно привѣтствовалъ Бода въ Москвѣ съ его наградами.

— Поздравляю, баронъ—сказалъ онъ ему, надѣюсь, что вы можете быть довольны; впрочемъ, надо и то сказать, что у васъ дѣло—такъ и горитъ! (намекъ на бывшій передъ тѣмъ въ новомъ дворцѣ пожаръ).

Тонъ, съ своей стороны, награжденный, 20-го марта, чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, 3-го апрѣля получилъ ленту Станислава, аренду въ 1.500 р. на 24 года и еще единовременно десять тысячъ руб. сер.

Обратный прїѣздъ членовъ царской фамиліи въ Петербургъ, эшелонами, начался съ 17-го апрѣля. Однимъ изъ первыхъ возвратился государь, 20-го прїѣхала императрица, а въ ночь съ 20-го на 21-е и

остальные, такъ что къ утру 21-го, т. е. ко дню тезоименитства императрицы, августѣйшіе наши путешественники были уже всѣ дома.

Среди революціоннаго вихря, который, послѣ нѣскольکو спокойнѣйшаго, какъ казалось, направленія дѣлъ, вдругъ, весной 1849-го, съ новою силою охватилъ Западную Европу. Въ Петербургѣ, во второй половинѣ апрѣля, всѣ были поражены разнесшеюся, какъ молнія, вѣстію объ открытомъ и у насъ заговорѣ. Къ Россіи, покорной, преданной, богобоязливой, царелюбивой Россіи тоже прикоснулась—страшно, больно и какъ-то оскорбительно, даже уничтожительно было выговарять—гидра негѣпыхъ и преступныхъ мечтаній чуждаго намъ міра. Сокрушительное дѣйствіе революцій вездѣ, въ теченіе года, оставило по себѣ однѣ развалины и потоки крови, не внеся даже тѣни улучшенія въ общественный бытъ, и, несмотря ни на этотъ живой примѣръ, ни на память событій 14-го декабря 1825-го года, нашедшихъ такъ мало сочувствія въ массахъ и такую быструю кару въ законѣ, горсть дерзкихъ злодѣевъ и ослѣпленныхъ юношей замыслила пріобщить и нашу дѣвственную націю къ ужасамъ и моральному растлѣнію Запада. Уже съ полгода, секретные агенты графа Орлова съ одной стороны, и графа Перовскаго съ другой, слѣдили за этою шайкою и, наконецъ, въ ночь съ 21-го на 22-е апрѣля захватили до 40 человекъ, обвиненныхъ въ тайныхъ замыслахъ. Они были немедленно заключены въ крѣпость, и 24-го числа учреждена, для изслѣдованія дѣла, особая слѣдственная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ коменданта крѣпости, Набокова, изъ члена Государственнаго Совѣта, князя Гагарина, товарища военнаго министра, князя Долгорукова и начальника штаба корпуса жандармовъ, Дубельта, къ которымъ впослѣдствіи былъ присоединенъ и начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній, Ростовцовъ.

Сначала, въ сердце государево запала, новидимому, мысль, что къ числу заговорщиковъ, кромѣ захваченныхъ офицеровъ, молодыхъ чиновниковъ, литераторовъ и пр., можетъ принадлежать, втайнѣ, и кто-нибудь повыше. По крайней мѣрѣ, того же 24-го числа, принимая двухъ членовъ Государственнаго Совѣта, благодарившихъ за полученные ими награды, и говоря съ ними исключительно объ этомъ предметѣ, онъ сказалъ между прочимъ:

— Не знаю, ограничивается ли заговоръ тѣми одними, которые уже схвачены, или есть кромѣ нихъ и другіе, даже можетъ быть кто и изъ нашихъ. Слѣдствіе все это раскроетъ. Знаю только одно: что на полицію тутъ нельзя полагаться, потому, что она падка на деньги, а на шпіоновъ еще меньше, потому что продающій за деньги свою честь способенъ на всякое предательство. C'est donc l'affaire des pères de

famille de veiller dans leur intérieur, d'autant plus que cette affaire les regarde et doit les intéresser tout autant que moi ¹⁾).

И здѣсь, какъ при всякомъ подобномъ случаѣ, мысль каждаго русскаго, прежде всего, обращалась съ молитвою благодарности къ небу, за дарованіе Россіи, особенно въ тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ, такого монарха! Если собственное его сердце не могло не биться сильнѣе при испытаніяхъ судьбы; если самъ онъ являлся вездѣ воплощенною за насъ жертвою, атлетомъ, несшимъ на своихъ раменахъ бремя заботъ о нашемъ счастьи и о нашей славѣ: то, взаимнѣ, какъ были спокойны мы, во всякую бурю, съ такимъ кормчимъ. Въ 1848 году, никакія внѣшнія грозы не могли оторвать его ни на минуту отъ текущихъ, даже отъ самыхъ иногда мелочныхъ, обязанностей его сана; точно также и въ 1849-мъ печальное открытіе грозы внутренней ни на одно мгновеніе не остановило движенія огромной машины, которую онъ вращалъ мощною своею рукою, не прервало обычныхъ его занятій и даже развлеченій. 24-го числа, въ день учрежденія слѣдственной комиссіи, онъ прохаживался по улицамъ, какъ всегда, совершенно одинъ, а вечеромъ посѣтилъ публичный маскерадъ въ Большомъ театрѣ; 25-го онъ смотрѣлъ рекрутъ и принималъ доклады министровъ—тоже какъ всегда.

Далѣе объ этомъ дѣлѣ, чтобы не перерывать хронологической нити моихъ разсказовъ, я буду говорить въ концѣ моихъ воспоминаній за 1849-й годъ, когда надъ преступниками былъ произнесенъ и исполненъ судебный приговоръ.

26-го апрѣля, рано утромъ, явился ко мнѣ фельдъегерь:

— Государь.—сказалъ онъ,—проситъ васъ къ себѣ въ 12-ть часовъ.

— Пріѣзжаю. Съ государемъ работаетъ еще графъ Нессельродъ, а въ секретарской ждутъ. графъ Клейнмихель и министръ статсъ-секретарь царства Польскаго Туркулъ; но Клейнмихель, бывающій во дворцѣ почти ежедневно, скоро исчезаетъ въ боковую дверь, а Туркулу государь, спустя нѣсколько минутъ, высылаетъ сказать, что слишкомъ сегодня заятъ и потому проситъ его пріѣхать завтра. Нессельродъ вышелъ около половины 1-го, и я тотчасъ былъ позванъ въ кабинетъ.

— Здравствуй, любезный Корфъ—сказалъ государь, протянувъ мнѣ руку—извини, что я всегда тревожу тебя въ чрезвычайныхъ случаяхъ, pour laver mon linge sale ²⁾. Но намъ надо опять написать манифестъ.

¹⁾ Это дѣло отцовъ семействъ слѣдитъ за внутреннимъ порядкомъ, тѣмъ болѣе, что это дѣло ихъ касается и должно ихъ интересовать столько же, сколько и меня.

²⁾ Чтобы мыть мое грязное бѣлье.

Ты знаешь, что дѣлается въ Венгріи, но знаешь не все. Сегодня былъ у меня пріѣхавшій вчера изъ Ольмюца генералъ Лобковицъ и описывалъ ихъ (т. е. австрійцевъ) положеніе въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Въ ихъ распоряженіи всего, по счету, 50 т. войска, а на самомъ дѣлѣ, кажется, еще менѣе. По крайней мѣрѣ, вотъ что даетъ мнѣ сейчасъ знать по телеграфу фельдмаршалъ Паскевичъ изъ Варшавы.

Тутъ государь прочелъ вслухъ депешу, изъ которой было видно, что у Вельдена въ главной его квартирѣ передъ Пресбургомъ, по словамъ его нашему генералу Бергу,—всего 35.000 человекъ, противъ вдвое сильнѣйшей венгерской арміи, и что онъ считаетъ положеніе свое крайне затруднительнымъ.

— *Comment est-ce que cela vous plait?* Австрійскій императоръ проситъ моей помощи, и я тѣмъ меньше могу ему отказать, что торжество венгерцевъ начинается уже чрезвычайно отзываться на расположеніе умовъ въ нашей Польшѣ. И такъ, надо рѣшиться на войну и вотъ что я объ этомъ написалъ; но это—одна канва, которою прошу тебя отнюдь не стѣсняться.

Затѣмъ государь прочелъ мнѣ проектъ манифеста, набросанный имъ карандашемъ на полулистѣ почтовой бумаги. Я остановился только на одномъ мѣстѣ, гдѣ говорилось объ обремененіи австрійскаго правительства еще другою, внѣшнею войною въ Италіи, и спросилъ: угодно ли, чтобы это выраженіе было въ точности сохранено, такъ какъ тамъ были, и частію еще продолжаютъ, и внутреннія войны съ Ломбардією и Венецією.

— Да, да, конечно—отвѣчалъ государь,—прибавь и эти. Я тутъ имѣлъ въ виду собственно войну съ Сардинією и, признаться, въ первомъ проектѣ у меня было сказано: «съ вѣроломнымъ» королемъ сардинскимъ, но—чортъ его побери.... Ну, теперь дай же всему этому порядокъ и потомъ привези опять ко мнѣ; ты заставишь меня въ половинѣ восьмого.

Манифестъ, огладивъ нѣсколько редакцію и вставивъ двѣ или три вводныя фразы, мнѣ не трудно было написать, и я, до обѣда еще, послалъ его на просмотръ къ графу Нессельроду, сказавшему мнѣ утромъ, при выходѣ изъ кабинета, что государь прочелъ ему свой проектъ. Въ моемъ графъ не нашелъ перемѣнить ни одного слова. Вечеромъ, государь принялъ меня съ новыми извиненіями, «что меня беспокоить».

— Но кто предвидѣлъ бы,—прибавилъ онъ,—чтобы, спустя годъ послѣ перваго манифеста, намъ пришлось искупать чужіе грѣхи своею кровію!

Проектъ я прочелъ самъ. Государь казался доволенъ и потребовалъ только одной перемѣны.

— Такъ хорошо,—сказалъ онъ,—и все можетъ идти, но въ этой послѣдней фразѣ: «и Россія, грядущая, подѣлитомъ все благо Проро-

мысли, на возстановленіе мира и покоя, исполнить святое свое призваніе», прибавленные тобою слова (все выше подчеркнутое) лучше, я думаю, исключить, они похожи на хвастовство, а манифестъ будетъ тотчасъ переведенъ на всѣ языки и комментированъ за границею. Выкинь это и покажи Нессельроду.

Я довесь, что это уже сдѣлано.

— Ну, такъ потрудись переписать опять, какъ въ прошломъ году, своею рукою и пришли мнѣ.

Потомъ, разсуждая о настоятельной необходимости помочь Австріи для собственной нашей безопасности, государь прибавилъ, что, послѣ утренняго его свиданія со мною, онъ получилъ новую депешу, извѣщающую, что опасность еще увеличилась и уже грозитъ самой Вѣнѣ; вследствие чего австрійскій императоръ переѣхалъ изъ Ольмюца въ Шёнбрунъ, вѣроятно для успокоенія умовъ. Въ заключеніе, взявъ меня за руку, государь снова благодарилъ.

— Дай Богъ, дай Богъ, государь—сказалъ я,—чтобъ все это окончилось къ вашей славѣ и покою!

— Да, дай Богъ,—отвѣчалъ онъ съ чувствомъ, держа еще мою руку:—все въ Его святой волѣ; впрочемъ, мы за себя стоимъ.

По приѣздѣ домой, я немедленно переписалъ манифестъ и отправилъ его къ государю.

Въ тотъ же вечеръ былъ балъ у графа Куселева-Безбородки, на которомъ присутствовалъ наслѣдникъ цесаревичъ. Увидѣвъ меня, онъ тотчасъ подошелъ съ словомъ «Подписанъ». — Догадавшись, о чемъ идетъ рѣчь, но принявъ это слово за вопросъ, я отвѣчалъ:

— Не знаю, ваше высочество, я отослалъ въ 10-мъ часу.

— Я вамъ говорю, что подписанъ, государь мнѣ сказывалъ. Вотъ—продолжалъ цесаревичъ, возобновляя свой прошлогодній привѣтъ—опять палъ на васъ жребій поработать и опять новый листокъ въ вашу біографію!

Спусти десять минутъ, привезли мнѣ, тутъ же на балѣ, конвертъ отъ государя. Онъ возвращалъ мою докладную записку, при которой отосланъ былъ переписанный манифестъ, съ надписью: «Искренно благодарю».

27-го апрѣля, утромъ, манифестъ былъ напечатанъ и обнародованъ.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ актомъ на жителей Петербурга, было грустное. Съ одной стороны, говорили, что нѣтъ намъ причины вступаться за другихъ, когда у самихъ горитъ (слухи о нашемъ заговорѣ были, въ первое время, чрезвычайно преувеличены молвою) и когда отъ Австріи, которой вѣроломная политика довольно извѣстна по исторіи, въ случаѣ взаимной нужды, конечно, не придетъ къ намъ помощь. Съ другой стороны, хотя всѣ знали, что гвардейскій корпусъ,

которому срокомъ выступленія изъ Петербурга, по эшелонамъ, назначалось 15-е мая, идетъ на первый разъ только для занятія въ пограничныхъ губерніяхъ позицій войскъ, дѣйствительно выступившихъ въ походъ; однако, по мѣрѣ того, какъ радовалась молодежь, воображая уже себѣ битвы, кровопролитіе и славу, маменьки плакали если еще не объ опасности, то о разлукѣ. Наконецъ, при усиливавшейся неурядицѣ на Западѣ и при несомнѣнности для всѣхъ домашняго заговора, опозорившаго землю русскую, немало было и такихъ, которые горевали о выступленіи гвардіи, изъ боязни о томъ, что станетъ съ ними, остающимися на мѣстѣ.

Это опасеніе было, впрочемъ, напрасное. Государь не бросилъ своей столицы безъ защиты. Въ Петербургѣ оставлены были отъ каждаго пѣхотнаго полка гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ по 4-му баталіону, составленному изъ собранныхъ въ 1848 году безсрочно-отпущенныхъ *), и отъ кавалеріи запасные эскадроны.

Доступъ у насъ въ университеты всегда былъ открытъ лицамъ всѣхъ свободныхъ состояній, выдержавшимъ испытаніе въ наукахъ гимназическаго курса. При всемъ томъ, не говоря о праотцѣ нашихъ университетовъ, Московскомъ, другіе, учрежденные, или окончательно преобразованные въ 1802 году, долго, кромѣ Виленскаго и Дерптскаго, стояли почти пустыя, потому что въ общей массѣ народа, даже въ самомъ дворянствѣ, не существовало еще истинной потребности учиться. Общее стремленіе давать юношеству высшее образованіе возникло лишь въ слѣдствіе указа 6-го августа 1809 г., заградившаго производство въ коллежскіе ассессоры и въ статскіе совѣтники безъ испытанія въ наукахъ и даровавшаго кончившимъ университетскій курсъ важныя служебныя преимущества. Сперва это возбужденіе явилось, такъ сказать, насильственно, частію съ переломомъ старинныхъ предразсудковъ; но потомъ, дѣйствіемъ времени и даннаго единожды движенія, оно явилось въ нравы и, изъ средства искусственнаго, превратилось въ естественный порядокъ вещей. Все бросилось учиться и, при упомянутой выше свободѣ доступа, въ Московскомъ университетѣ находилось болѣе 1000 студентовъ, въ Петербургскомъ болѣе 700, въ Дерптскомъ болѣе 600, и т. д.

Вдругъ въ маѣ 1849 г. разнесся слухъ, что для университетовъ установленъ комплектъ студентовъ, и что цифра ихъ впредь ни въ одномъ не можетъ превышать трехъ сотъ. Слухъ этотъ вскорѣ подтвер-

*) Императоръ Александръ II исправилъ: четвертые резервные баталіоны составленные изъ собранныхъ въ 1848 г. безсрочно-отпущенныхъ.

дился напечатаннымъ во всѣхъ газетахъ объявленіемъ ректора Петербургскаго университета, что, по причинѣ полнаго въ немъ комплекта, въ 1849 году приѣма не будетъ.

Откуда возникла эта мѣра и какія были къ ней побужденія,—никто положительно не зналъ. Она не разсматривалась ни въ Государственномъ Совѣтѣ, ни въ Комитетѣ министровъ и только по умозаключеніямъ ставили ее въ связь съ западными происшествіями, а инициативу послѣдовавшаго о ней повелѣнія приписывали собственной мысли государя. Но одно несомнѣнно: эта мѣра возбудила въ то время общее неудовольствіе и, даже въ людяхъ самыхъ благонамѣренныхъ, общее сокрушеніе.

— Въ другихъ государствахъ,—говорили многіе,—потребность вышшаго образованія родилась изъ самой жизни народной и изъ общественнаго тамъ быта, а у насъ она произведена и развита единственно дѣйствіемъ правительства, и вдругъ, дѣйствіемъ того же самаго правительства, отнимаются средства къ удовлетворенію потребности, имъ же возбужденной!

— Какія же,—продолжали—останутся средства воспитывать дѣтей, когда лицеи, училище Правовѣдѣнія и пр. переполнены, и никто въ нихъ попасть не можетъ, а вдругъ и въ университеты станутъ принимать только на вакансіи? Воспитывать въ заграничныхъ университетахъ? Но посылать туда запрещено. Въ гимназіяхъ? Но онѣ лишь переходная ступень, при которой воспитанія нельзя еще считать оконченнымъ. Дома? Но гдѣ взять надежныхъ домашнихъ наставниковъ, и многія ли семейства въ состояніи ихъ содержать? При томъ, собственно въ видахъ политическихъ, домашнее воспитаніе безъ надзора со стороны правительства гораздо вреднѣе университетскаго, гдѣ направленіе преподаванія всегда въ его рукахъ. Своевольство мыслей и порывъ въ мечтательныя крайности находятъ свой источникъ не въ высшемъ образованіи, а въ праздности ума и въ буйныхъ страстяхъ. Англійскіе университеты еще гораздо многочисленнѣе нѣмецкихъ, но на опытъ отъ нихъ нигдѣ не было вреда, да и нѣмецкіе студенты шумятъ и шалятъ, только пока они студенты, становясь потомъ, большею частію, самими скромными и порядочными людьми.

— Да и отъ чего,—спрашивали, наконецъ,—тысяча молодыхъ людей будутъ, въ университетѣ, опаснѣе трехъ сотъ, если только въ соотношеніи съ числомъ увеличатся средства надзора умственного, нравственнаго и дисциплинарнаго? Почему именно триста, а не двѣсти, или не четыреста и т. д.

Словомъ, эта мѣра была одною изъ самыхъ непопулярныхъ въ царствованіе императора Николая, и послѣдовавшее вскорѣ за тѣмъ извѣстіе для факультетовъ медицинскаго и богословскаго (для послѣдняго

въ Дерптѣ), не могло ослабить произведеннаго ею крайне непріятнаго впечатлѣнія.

Впослѣдствіи я слышалъ отъ великой княгини Елены Павловны, что истинное побужденіе къ ограниченію числа студентовъ заключалось не въ политическихъ событіяхъ того времени, какъ всѣ думали, а со-всѣмъ въ другомъ обстоятельствѣ. Государю было очень непріятно, что дворянство, по его замѣчанію, все болѣе и болѣе уклоняется отъ военной службы, такъ что въ послѣдніе два года оказалось необходимымъ, для наполненія сколько-нибудь офицерскихъ вакансій, выпустить изъ кадетскихъ корпусовъ мальчиковъ, неокончившихъ курса. Вслѣдствіе того онъ надѣялся, стѣснивъ средства къ поступленію въ университеты, снова побудить черезъ то молодыхъ дворянъ идти въ военную службу.

— *Au moins*, — сказала мнѣ великая княгиня, — *voilà comme j'ai entendu l'Empereur se prononcer devant moi et je vous répète ce qu'il a dit en ma présence* ¹⁾.

Я не записываю въ настоящихъ листахъ ничего ни о поѣздкѣ государя лѣтомъ 1849 года въ Варшаву и оттуда далѣе на Венгерскую границу, о чемъ не могъ бы разсказать болѣе того, что извѣстно по газетамъ и историческимъ документамъ, ни о болѣзни и послѣдовавшей 16-го іюня кончинѣ великой княжны Александры Александровны, потому что въ это время я находился въ отпуску въ Ревелѣ. Точно также и описаніе военныхъ дѣйствій нашихъ въ Венгріи, отойди, со всѣми политическими его послѣдствіями, въ область исторіи, стоитъ внѣ скромнаго круга личныхъ воспоминаній человѣка, отдаленнаго отъ этихъ событій и разстояніемъ и всѣмъ практическимъ направленіемъ его жизни. Я съ семействомъ моимъ проводилъ это лѣто на морскихъ водахъ въ Ревелѣ. 4-го іюля прибыли туда же наслѣдникъ цесаревичъ съ супругою и августѣйшими ихъ сыновьями, и мы узнали, что государь возвратился въ Петербургъ, 30-го іюня, сюрпризомъ для императрицы, ко дню ея рожденія. У Луи сломалась коляска, и онъ, въ нетерпѣніи увидѣться скорѣе съ семействомъ, прискакалъ оттуда на перекладныхъ; но скорѣ опять уѣхалъ въ Варшаву, какъ пунктъ, ближайшій и къ театру военныхъ дѣйствій, и къ центру дипломатическихъ сношеній.

Пребываніе наслѣдника цесаревича въ Ревелѣ, который не видѣлъ его съ десятилѣтняго возраста ²⁾, продолжавшееся до ночи съ 10-го на

¹⁾ По крайней мѣрѣ я слышала, что императоръ провозносилъ это при мнѣ, и я вамъ повторяю, что онъ сказалъ въ моемъ присутствіи.

²⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: „Съ одиннадцатилѣтняго возраста“.

на 11-е іюля ¹⁾), сопровождалось многими трогательными и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, историческими моментами. Къ сожалѣнію, описаніе ихъ также стоитъ внѣ круга настоящаго моего предмета; но я позволю себѣ однако упомянуть здѣсь о привѣтствіи, произнесенномъ государемъ цесаревичемъ эстляндскому дворянству, какъ имѣющему непосредственное отношеніе и къ біографіи императора Николая.

6-го іюля, его высочество принялъ въ Екатерининскомъ дворцѣ сперва духовенство всѣхъ исповѣданій, магистратъ и гильдія, а потомъ корпусъ дворянства. Хотя я и имѣлъ уже счастье нѣсколько разъ видѣть цесаревича со времени его пріѣзда; однако, бывъ причисленъ эстляндскимъ дворянствомъ къ его сословію (еще въ 1835 году), почелъ долгомъ снова явиться при этомъ случаѣ, собственно въ его рядахъ. Когда дворяне, числомъ болѣе ста, собрались въ дворцовой залѣ и стали въ ней широкимъ кругомъ, цесаревичъ, быстро войдя и остановясь по серединѣ, произнесъ съ необыкновеннымъ достоинствомъ, величіемъ и чувствомъ, слѣдующую рѣчь на русскомъ языкѣ:

— Государь императоръ поручилъ мнѣ, господа, изъяснить вамъ, сколько онъ доволенъ чувствами и правилами, которыя всегда отличали дворянство Остзейскихъ губерній и въ особенности Эстляндской; онъ всегда отдавалъ имъ полную справедливость, видѣлъ съ живымъ удовольствіемъ, какъ много изъ почтенныхъ вашихъ сочленовъ подвизались до сихъ поръ, съ честію и славой, на поприщѣ службы, военной и гражданской, и надѣется, что тѣ же самыя чувства, внушенныя отъ васъ вашимъ дѣтямъ, перейдутъ наслѣдственно, вмѣстѣ съ примѣромъ вашимъ, и въ слѣдующія поколѣнія. Наконецъ, государь поручилъ мнѣ также удостовѣрить васъ, что считаетъ за честь принадлежать самъ къ этому благородному сословію.

— Что касается до меня,—продолжалъ его высочество, отступивъ на шагъ—то я съ самаго дѣтства привыкъ любить и уважать ваше почтенное сословіе и потому считаю себя счастливымъ, что могу передать вамъ эти милостивые отзывы государя, которые вѣрно останутся въ сердцахъ у всѣхъ и побудятъ каждого стараться еще болѣе заслужить его милость и благоволеніе.

Въ слѣдъ за этимъ привѣтомъ, цесаревичъ началъ подходить порознь къ каждому изъ присутствовавшихъ (ихъ называлъ ему поименно губернской предводитель) и каждому сказалъ нѣсколько благоволятельныхъ словъ, или сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ, и, обойдя всѣхъ, возвратился снова къ старшему лѣтами и званіемъ, отставному дѣйствительному тайному совѣтнику графу Тизенгаузену и повторилъ ему, сколько

¹⁾ Изъ Ревеля его высочество уѣхалъ, черезъ Ригу и Вильну, въ Варшаву, для соединенія съ государемъ.

считаетъ себя счастливымъ, что могъ передать дворянству милостивый отзывъ государя. Надо было видѣть, послѣ этого, общій восторгъ, упоеніе, слезы преданныхъ отъ души императорскому дому дворянъ. Худо понимавшимъ по-русски (ихъ было очень немного) переводили другіе, и всѣ кричали, что эти золотыя слова надо записать на память потомству; всѣ спѣшили передавать ихъ собравшимся передъ дворцомъ дамамъ, а я, растроганный до глубины души, тотчасъ по возвращеніи домой, положилъ слышанную нами рѣчь на бумагу и, отсылая ее къ цесаревичу, выразилъ, въ докладной моей запискѣ, тѣ общія чувства, изъявленія которыхъ былъ свидѣтелемъ. Моя бумага возвратилась съ слѣдующею собственноручною надписью его высочества: «Повторяю, что я счастливъ, что могъ передать слова государя сословію, которое столь достойно его милостей и еще болѣе теперь радуюсь: ибо вижу, что ихъ поняли.—Вами написанное совершенно выражаетъ мою мысль и слова, сколько самъ могу припомнить».

На другой день, за обѣдомъ во дворцѣ, цесаревичъ, упомянувъ о своей рѣчи, велѣлъ губернскому предводителю обратиться ко мнѣ, чтобы внести ее въ протоколы дворянства по моему изложенію. Исполняя сіе, я присовокупилъ въ моемъ сообщеніи и надпись его высочества на моей запискѣ, какъ содержавшую въ себѣ вновь столь лестный для дворянства отзывъ.

10-го августа, Ревель былъ осчастливленъ новымъ царственнымъ посѣщеніемъ. Прибыла императрица, провожавшая до сего города, вмѣстѣ съ великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами, великую княгиню Ольгу Николаевну, которая съ супругомъ своимъ возвращалась въ Германію ¹⁾. Августѣйшую гостью нашу встрѣтили цѣлтами, пѣснями, иллюминаціями, фейерверками, факельными процессіями и всеобщимъ восторгомъ. Она, съ своей стороны, съ ея ангельскою добротою, съ видомъ радости и веселія, съ улыбкою и ласкою для каждаго, очаровала всѣхъ въ этомъ преданномъ, давно не выдавшемъ ея населеніи. «Wie ist Sie noch so schön und wie ist Sie gut!», раздавалось со всѣхъ сторонъ въ густыхъ толпахъ, вездѣ ее окружавшихъ и за нею слѣдовавшихъ, и всѣ сердца—говоря не газетнымъ языкомъ, а въ видѣнной мною истинѣ—летѣли ей на встрѣчу!

Днемъ выѣзда изъ Ревеля обратно въ Петербургъ императрица съ цесаревною и прочими царственными гостями назначили 16-е августа; но этому дню суждено еще было омрачиться однимъ горестнымъ извѣстіемъ, тѣмъ болѣе поразительнымъ, что никто не могъ его ожидать или предвидѣть. Прежде отправленія въ путь (со свитою на четырехъ пароходахъ), императрица пожелала взглянуть днемъ на мѣстность,

¹⁾ Они отправились въ дальнѣйшій путь въ ночь съ 11-го на 12-е число.

на которой ей былъ данъ отъ города праздникъ, наканунѣ вечеромъ, при тысячѣ огняхъ. Пока она съ цесаревною ѣздила туда, во дворецъ, гдѣ мы всѣ собрались, чтобы откланяться, прискакалъ фельдъегерь изъ Варшавы. Чтò новаго? Ужасныя вѣсти. Великій князь Михайлъ Павловичъ, присутствовавъ на ученіи верхомъ, вдругъ почувствовалъ себя очень дурно и едва успѣлъ закричать, чтобы его сняли съ лошади, какъ его разбилъ параличъ, мгновенно отнявшій употребленіе языка и движеніе руки и ноги. Государь провелъ три часа у его изголовья, ему пустили кровь; но вечеромъ, при отправленіи фельдъегеря, хотя положеніе больного и было нѣсколько лучше, однако врачи все еще не давали надежды...

Между тѣмъ какъ мы разспрашивали фельдъегеря о подробностяхъ, подъѣзжаетъ возвращающаяся императрица и, посреди букетовъ цвѣтовъ, подносимыхъ ей со всѣхъ сторонъ, вступаетъ въ сѣни, гдѣ мы ожидали, привѣтствуетъ всѣхъ на прощаньи, съ обычною своею милостию и, радостно принявъ подаваемое ей фельдъегеремъ письмо отъ государя, слѣпшитъ съ нимъ на верхъ. Но едва прошло нѣсколько минутъ, какъ уже бѣгутъ со всѣхъ сторонъ за докторами. Чтò такое? Чтò случилось? Письмо государево извѣщало, que la Comtesse Nesselrode était morte à Gastein d'un coup d'apoplexie foudroyante et que «Michel» était aussi au plus mal, d'un coup tout pareil qui venait de le frapper dans la matinée».

Императрица, отъ того ли, что имя было неразборчиво написано, или отъ волненія своего материнскаго сердца, безпрестанно тревожившагося за отсутствовавшаго великаго князя Константина Николаевича, прочла, вмѣсто «Michel», «Костя» и при этомъ страшномъ извѣстіи (она читала письмо стоя), упала вслѣдъ тѣломъ навзничъ, почти безъ чувства...

Благодаря Бога, это паденіе не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій. Ее тотчасъ удостовѣрили въ ея ошибкѣ и, черезъ какихъ-нибудь четверть часа, силы императрицы уже возвратились въ такой степени, что она могла отправиться въ путь, при чемъ опять, съ необыкновенною твердостью духа, какъ-бы ничего не случилось, привѣтствовала насъ ласковымъ прощальнымъ взглядомъ и словомъ. Спустя нѣсколько часовъ, пароходы, увозившіе дорогихъ нашихъ гостей, скрылись изъ вида, и Екатерининскій дворецъ снова опустѣлъ.

Умершая скоростіжно въ Гаштейнѣ графиня Марья Дмитріевна Нессельродъ, статсъ-дама и кавалерственная дама, супруга государственнаго канцлера, дочь покойнаго министра финансовъ, графа Гурьева и сестра члена Государственнаго Совѣта, по необыкновенному уму своему и высокому просвѣщенію и особенно по твердому, жгѣзному характеру, была, конечно, одною изъ примѣчательнѣйшихъ, а по общественному своему положенію и вліянію на высшій Петербургскій

кругъ, одною изъ значительнѣйшихъ нашихъ дамъ въ царствованіе императора Николая. Съ суровою наружностію, съ холоднымъ и даже презрительнымъ высокоуміемъ ко всѣмъ мало ей знакомымъ, или приходившимся ей не по нраву, съ рѣшительною склонностію владычествовать и первенствовать, наконецъ, съ нескрываемымъ пренебреженіемъ ко всякой личной пошлости или ничтожности, она имѣла очень мало настоящихъ друзей и въ обществѣ, хотя, созидая и разрушая репутаціи, она влекла всегда за собою многочисленную толпу послѣдователей и поклонниковъ; ее, въ противоположность графу Бенкендорфу, гораздо больше боялись, нежели любили. Кто видѣлъ ее только въ ея гостиной прислоненною къ углу дивана, въ полулежащемъ положеніи, едва примѣтнымъ движеніемъ головы встрѣчающею входящихъ, каково бы ни было ихъ положеніе въ свѣтѣ, тотъ не могъ составить себѣ никакого понятія объ этой необыкновенной женщинѣ, или развѣ получалъ о ней одно понятіе самое невыгодное. Сокровища ея ума и сердца, очень теплаго подъ этою ледяною оболочкою, открывались только для тѣхъ, которыхъ она удостоивала своею пріязнію; этому небольшому кругу избранныхъ, составлявшихъ для нея, такъ сказать, общество въ обществѣ, она являлась уже, вездѣ и во всѣхъ случаяхъ, самымъ вѣрнымъ, надежнымъ и горячимъ, а по положенію своему, и могущественнымъ другомъ. Сколько вражда ея была ужасна и опасна, столько и дружба—я испыталъ это на себѣ многіе годы—неизмѣнна, заботлива, охранительна, иногда даже до ослѣпленія и пристрастія. Совершенный мужчина по характеру и вкусамъ, частію и по занятіямъ, почти и по наружности, она, казалось, преднамѣренно отклоняла и отвергала отъ себя все, имѣвшее видъ женственности. Такъ и самый разговоръ ея вращался всегда въ предметахъ, обыкновенно находящихся внѣ круга дамскихъ бесѣдъ. Она любила говорить о серьезной литературѣ, о высшей администраціи и политикѣ,—болѣе, однако, внутренней, чтобы не компрометтировать случайно своего мужа,—о государственныхъ нашихъ людяхъ, о дѣйствіяхъ правительства и о новыхъ его постановленіяхъ, соединяя въ себѣ впрочемъ двѣ противоположности: безпредѣльную преданность не только монархическому началу, но и царственному нашему дому, съ самою взыскательною оппозиціею противъ распоряженій правительства и даже противъ личныхъ дѣйствій его членовъ, такъ что великій князь Михаилъ Павловичъ, никогда не жаловавшій графини, говоря о ней, называлъ ее въ шутку: *Ce bon Monsieur de Robespierre*. При большой рѣзкости въ мнѣніяхъ и приговорахъ, графиня была большею частію основательна въ своихъ сужденіяхъ и чрезвычайно счастлива на мѣткія слова, умныя наблюденія, тонкія и оригинальныя замѣчанія. Но все это она оставляла для своего тѣснаго кружка, а въ свѣтѣ сохраняла рѣдко-прерываемое молчаніе и самое аристократи-

ческое спокойствіе. Салонъ графини Нессельродъ, послѣ смерти соперничествовавшего съ нею въ этомъ отношеніи князя Кочубея, былъ неоспоримо первымъ въ С.-Петербургѣ; попасть въ него, при его исключительности, представляло трудную задачу; удержаться въ немъ, при разборчивости и уничижительной гордости хозяйки, было почти еще мудренѣе; но кто водворился въ немъ, тому это служило открытымъ пропускомъ во весь высшій кругъ. Въ нѣкоторыя зимы она принимала ежедневно; но два пріемные дня въ недѣлю были уже постоянно, и только въ зиму съ 1849 на 1850 годъ ¹⁾), графиня, какъ бы въ намѣреніи дать намъ привыкнуть къ близкому закрытію ея гостиной на всегда, прекратила общіе свои пріемы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Императоръ Александръ II замѣтилъ: „съ 1848 на 1849 годъ“.

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

XIX ¹⁾).

Кончина и погребеніе великаго князя Михаила Павловича.— Учрежденіе секретнаго правительственнаго комитета, по случаю отсутствія изъ Петербурга государя и наслѣдника цесаревича.— Обѣдъ въ Царскосельскомъ дворцѣ и разговоры государя.— Игра въ карты.— Смерть Бутурлина и назначеніе, вмѣсто него, въ секретный ценаурный комитетъ Анненкова.— Разговоры государя за обѣдомъ: о солдатахъ изъ поляковъ и о Публичной библіотекѣ.— Разговоры о Герценѣ, Сазоновѣ и проч.— Окончаніе дѣла Петрашевскаго.— Толки о назначеніи, за болѣзнію графа Уварова, новаго министра народнаго просвѣщенія.

28-го августа кончилъ земную жизнь свою благороднѣйшій, преданнѣйшій, равностѣйшій къ своему долгу изъ людей: 51-го года и 7-мѣсяцевъ отъ рожденія, опочилъ въ Божѣ великій князь Михаилъ Павловичъ, младшій изъ четырехъ внуковъ Екатерины и сыновей Павла, въ той самой Варшавѣ, къ которой онъ такъ былъ привязанъ воспоминаніями объ обожаемомъ имъ братѣ, цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ. Изъ четырехъ братьевъ пережилъ одинъ только императоръ Николай, и всѣ три, предшествовавшіе ему, скончались въ Петербургѣ.

Отступая здѣсь нѣсколько отъ порядка чиселъ, перейду сперва къ аудіенціи, которою почтилъ меня 4-го сентября, въ Царскомъ Селѣ, куда я переѣхалъ на осень изъ Ревеля, наслѣдникъ цесаревичъ, возвратившійся изъ Варшавы въ ночь съ 31-го августа на 1-е сентября.

— Какое печальное возвращеніе!— были первыми словами его высочества, и потомъ весь разговоръ обращался все около того же предмета.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ апрѣль 1900 г.

— Я лично безмѣрно потерялъ съ кончиною великаго князя—сказалъ я между прочимъ—онъ особенно меня жаловалъ и нерѣдко удостоивалъ имени своего друга.

— Да, я давно знаю, что онъ васъ чрезвычайно любилъ.

— Но, ваше высочество, какую сердечную любовь, какое благоговѣніе онъ питалъ къ вамъ! Я не разъ слышалъ отъ него: Богъ, отнявъ у меня Константина Павловича, послалъ мнѣ взамѣнъ Александра Николаевича; а при извѣстномъ его обожаніи къ покойному цесаревичу это слово значило все.

Наслѣдникъ прослезился, что повторялось не разъ во-время нашей бесѣды.

— Драгоценнѣйшимъ для меня подаркомъ отъ государя—сказалъ онъ,—было препорученіе мнѣ теперь военно-учебныхъ заведеній, потому что я знаю, какъ покойный ихъ любилъ; впрочемъ, и объ этомъ и о порученіи мнѣ гвардейскаго корпуса ¹⁾ отдано будетъ въ приказъ уже только послѣ похоронъ. А знаете ли, какой неподобный приказъ отдалъ Ростовцовъ по корпусамъ? Я вамъ его дамъ.

И, вынувъ экземпляръ изъ лежавшаго на столѣ портфеля, его высочество громко его прочелъ и потомъ мнѣ вручилъ ²⁾.

— А вотъ—продолжалъ онъ, указывая на лежавшую возлѣ портфеля почти до конца докуренную сигару въ фарфоровомъ мундштучкѣ—вотъ послѣдняя сигара, выкуренная имъ передъ тѣмъ, какъ отправляться на тотъ смотръ, послѣ котораго ему уже не суждено было вставать.

Рѣчь коснулась, естественно, и государя и снѣдавшей его печали.

— Что всего ужаснѣе—сказалъ цесаревичъ—это *idée fixe*, преслѣдующая теперь государя, именно, что этою смертію нарушенъ законъ природы, т. е. что Михаилъ Павловичъ обошелъ его въ очереди, слѣдственно и ему не долго уже остается жить.

— Избави Боже—вырвалось у меня, но прежде, чѣмъ я успѣлъ говорить, то же самое восклицаніе произнесъ и цесаревичъ.

Я не раскаявался въ моемъ словѣ: Александръ Николаевичъ былъ

¹⁾ Михаилъ Павловичъ былъ, между прочимъ, главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній и главнокомандующимъ гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, и объ эти должности, по кончинѣ его, перешли къ наслѣднику цесаревичу.

²⁾ Его высочество назвалъ приказъ отданнымъ Ростовцовымъ, хотя послѣдній занималъ только постъ начальника штаба, а приказъ былъ подписанъ исправлявшимъ должность главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, Клингенбергомъ; но всѣ знали, что этотъ добрый и почтенный, но въ то время уже едва двигавшійся старичекъ представлялъ тутъ—одну подшивавшую машину.

не такимъ сыномъ и не такимъ наслѣдникомъ, передъ которымъ нельзя было бы дать воли чувствамъ своимъ къ его отцу...

— Теперь,—продолжалъ онъ,—государю необходимъ нѣкоторый покой, и онъ приказалъ, чтобы, до временн, доклады министровъ принималъ и дѣла оканчивалъ я.

Обстоятельство, что всѣ три брата кончили жизнь свою въ Петербургѣ и что Михаилу Павловичу суждено было умереть именно въ Варшавѣ, поразило также и государя и цесаревича.

— Сколько,—замѣтилъ наслѣдникъ,—онъ рассказывалъ мнѣ и любилъ всегда рассказывать про Варшаву, да вы и сами это знаете по всему тому, что онъ рассказывалъ вамъ.

Въ заключеніе, его высочество передалъ мнѣ многое и о болѣзни, и кончинѣ покойнаго.

— 11-го августа—говорилъ онъ—по вечеру пріѣхалъ Костя ¹⁾ и былъ у Михаила Павловича, который очень долго разспрашивалъ его о подробностяхъ кампаніи, а 12-го утромъ мы всѣ втроемъ сошлись у государя ²⁾, гдѣ продолжался опять тотъ же разговоръ. Михаилъ Павловичъ казался очень веселымъ и, смѣясь надъ докторами, которые въ Петербургѣ всячески отговаривали его не пускаться въ далекій путь, до Варшавы, говорилъ, что, напротивъ, поѣздка вышла для него чрезвычайно полезна, и что онъ уже многіе годы не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ теперь. Потомъ онъ, вмѣстѣ съ Костею, отправился смотрѣть одинъ изъ полковъ ³⁾, а я пошелъ гулять пѣшкомъ. На прогулкѣ, вижу вдругъ скачущаго верхомъ, прямо ко мнѣ, адъютанта генерала Витовтова ⁴⁾.

— Что такое?

— Великому князю Михаилу Павловичу сдѣлалось очень дурно, и его отвезли безъ памяти во дворецъ. Адъютантъ предложилъ мнѣ свою лошадь, и я поскакалъ въ Бельведеръ, гдѣ, при лежавшемъ безъ чувствъ великомъ князѣ, напелъ уже государя. На смотру, едва пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, великій князь обернулся къ ѣхавшему за нимъ командиру гренадерскаго корпуса Муравьеву, со словами: что это, я какъ будто не чувствую своей руки. Муравьевъ сжалъ его руку выше указаннаго мѣста.

¹⁾ Великій князь Константинъ Николаевичъ, возвратившійся въ это время въ Варшаву изъ Венгріи.

²⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „у меня, а вскорѣ пришелъ и государь“.

³⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „7-ю легкую кавалерійскую дивизію, принадлежащую къ гренадерскому корпусу“.

⁴⁾ Въ то время начальника штаба гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ.

— А здѣсь, ваше высочество?

— И здѣсь тоже.

— Въ такомъ случаѣ вамъ лучше бы сойти съ лошади.

Великій князь хотѣлъ послушаться, но уже не могъ пошевеливать и ноги. Тогда его сняли съ лошади окружавшіе, но онъ упалъ къ нимъ на руки безъ чувствъ.—Кропоусканіе ¹⁾ возвратило ему, кажется, память, но не могло развязать языка, которымъ онъ шевелилъ только съ величайшимъ трудомъ, произнося лишь изрѣдка самыя короткія и едва внятные слова. Видно было, что онъ всѣхъ узнавалъ, все слышалъ, даже все понималъ, но не могъ выразить своихъ мыслей и на это досадовалъ. Нѣсколько дней позже, я принялъ разсказывать ему о новомъ успѣхѣ нашихъ армій. Лицо его оживилось чрезвычайною радостью. Онъ жадно меня слушалъ, но могъ только спросить: «Qui commandait?». Положеніе его съ самой первой минуты было безнадежною агоніею. Великую княгиню Елену Павловну и Екатерину Михайловну ²⁾ впустили къ нему за два дня до кончины. Мнѣ разсказывали, что онъ и тутъ видимо обрадовался и даже будто бы говорилъ: «merci», а потомъ — «Катя». Доктора увѣрили, что онъ долженъ очень мучиться, но я не замѣчалъ въ немъ признаковъ страданій. Наружность его, правда, очень измѣнилась, но больше отъ выросшей бороды. Когда, послѣ смерти, его выбрали и вымыли, я нашелъ, что лицо его сдѣлалось опять прежнимъ.

Въ дополненіе къ этому мнѣ были разсказаны потомъ еще нѣкоторыя подробности другими очевидцами. Великій князь скончался 28-го числа въ 2¼ часа дня по полудни, въ тотъ самый часъ, когда за 16 дней передъ тѣмъ, былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ и черезъ 18 лѣтъ послѣ торжественнаго вступленія своего, въ главѣ гвардейскаго корпуса, въ павшую передъ нашимъ оружіемъ Варшаву. Послѣ кончины, лицо его приняло видъ чрезвычайнаго спокойствія и доброты. Въ 6 часовъ вечера была первая панихида, послѣ которой государь остался въ комнатѣ, для прощанья съ тѣломъ, одинъ съ цесаревичемъ. По удавленіи ихъ, впущены были все свита, генералъ-адъютанты, флигель-адъютанты и пр., каждый кланялся въ землю и при-

¹⁾ Кропоусканіемъ этимъ, кажется, нѣсколько запоздали. По крайней мѣрѣ, впоследствии, великая княгиня Елена Павловна разсказывала мнѣ что случившіеся тутъ полковникъ врачъ хотѣлъ тотчасъ же открыть кровь но сбѣжавшіеся старшіе доктора тому воспротивились, говоря, что надо сперва убѣдиться: не есть ли это ударъ—сердечный. Отъ того кровь пустили больному уже только по перевезеніи его въ Бельведеръ.

²⁾ Онѣ, по извѣстію объ опасномъ положеніи великаго князя, поспѣшили прибыть въ Варшаву съ острова Рюгена, гдѣ находились въ то время, для пользованія морскими купальнями.

кладывался къ плечу покойнаго. Великая княгиня и дочь ея, во время болѣзни умиравшаго и при его кончинѣ, явили много твердости духа и религіи. Государь былъ, какъ всегда, безподобенъ. Онъ сидѣлъ при братѣ по часамъ, навѣщая его при томъ безпрестанно, и днемъ и ночью, изъ Лазаренки, мѣста своего пребыванія, въ Бельведерѣ, гдѣ больной умиралъ... Во все это время, у государя смертельно болѣла голова и онъ, однакожъ, не давалъ себѣ ни минуты покоя: ему безпрестанно поливали голову одеколономъ и укусомъ, а онъ—все стоялъ тутъ нестолучно, какъ представитель высшей родственной любви, самъ за всѣмъ смотря и обо всемъ думая. Нерѣдко, онъ становился возлѣ постели на колѣни и горячо цѣловалъ руки больного, которыя тотъ, въ болѣзненномъ безсиліи своемъ, тщетно старался отнять... Когда врачи объявили, что настала послѣдняя часть, государь, видя возлѣ себя Толстаго ¹⁾, велѣлъ ему стать на колѣни у изголовья:

— Вотъ,—сказалъ онъ,—гдѣ принадлежитъ тебѣ мѣсто.

Между тѣмъ смерть еще медлила, и тогда государь, наклонясь къ уху стоявшаго на колѣняхъ, прошепталъ:

— *Mais n'êtes vous pas trop fatigué, mon cher? ²⁾*

Государь оставилъ Варшаву въ самый день кончины великаго князя, послѣ упомянутой выше вечерней панихиды, и пріѣхалъ въ Царское Село 31-го августа. На слѣдующій день напечатанъ былъ манифестъ о горестной утратѣ, омрачившей общую радость при счастливыхъ событіяхъ, которыя покрыли новою славой русское оружіе. Манифестъ этотъ помѣщенъ даннымъ въ Варшавѣ и при томъ 28-го августа, въ самый день кончины великаго князя; но это представляло одну внѣшнюю формальность. Онъ былъ составленъ графомъ Блудовымъ, жившимъ въ Павловскѣ, въ ночь съ 31-го августа на 1-е сентября, и подписанъ государемъ въ Царскомъ Селѣ, 1-го сентября. Такъ сказывалъ мнѣ самъ графъ, не выдавший, впрочемъ, при этомъ случаѣ, государя, а получившій его приказаніе и представившій свой проектъ черезъ посредство князя Волконскаго.

Какъ прекрасны, какъ справедливы были заключительныя выраженія этого манифеста въ отношеніи къ отшедшему! Конечно, вся жизнь его, всѣ труды и попеченія были непрерывно посвящаемы на службу царю и отечеству; конечно, по чистотѣ сердца, дѣлъ и намѣреній, никто болѣе его не былъ достоинъ великаго имени христіанина! При всемъ томъ, извѣстіе о кончинѣ того, котораго ошибки были всегда знакомъ ума и никогда сердца, Петербургъ принялъ вообще холодно.

¹⁾ Генералъ-маіоръ Николай Матвѣевичъ Толстой, состоявшій при великомъ князѣ и не отходившій отъ него въ предсмертную его болѣзнь.

²⁾ Не устали ли вы очень, мой милый?

Немногіе, сквозь жесткую оболочку наружности Михаила Павловича, умѣли разгадать высокія его чувства и чистоту души; у большей части были въ памяти только строгость его къ военнымъ, выходившая иногда за предѣлы дисциплинарныя, его придирки, наконецъ, разные странные поступки его при выступленіи весною гвардейскаго корпуса въ походъ, которые, точно, можно было объяснить лишь уже развивавшимся въ немъ въ то время болѣзненнымъ раздраженіемъ. Надъ свѣжимъ трупомъ обыкновенно забываютъ слабости и недостатки человѣка и хвалятъ, что въ немъ было хорошаго. Съ Михаиломъ Павловичемъ случилось почти совсѣмъ противное. Облагодѣтельствоваанные имъ,—а сколько было такихъ, особенно между бѣдными офицерами—и поставленные въ возможность оцѣнить его по справедливости, молчали, или гласъ ихъ исчезалъ въ толпѣ, а преобладающее большинство вспоминало только все дурное, потому что оно оглашалось и поражало собою умы; добрыя же дѣла покойнаго творились во мракѣ тайны.

Не то было съ государемъ. Въ самую первую минуту послѣ кончины великаго князя, онъ сказалъ окружающимъ:

— Я потерялъ не только брата и друга, но и такого человѣка, который одинъ могъ говорить мнѣ правду и—говорилъ ее, и еще такого, которому одному и я могъ говорить всю правду.

Дѣйствительно, смерть Михаила Павловича положила незамѣнимый пробѣлъ въ сердечной будущности императора Николая. Не осталось никого, кому онъ могъ бы, какъ равному, какъ ровеснику, какъ совоспитаннику, передать все, что лежало на душѣ; никого, кому въ минуты воспоминаній о дѣтствѣ и юности, могъ бы сказать: «Понянь ли, какъ было то и то, какъ были мы тамъ и тамъ, какъ случилось съ нами такъ и такъ»...

3-го сентября государь, вмѣстѣ съ императрицею и младшими великими князьями, поѣхалъ, въ печальномъ настроеніи своей души, уединиться на нѣсколько дней въ Петергофъ, чего особенно желала императрица, для нѣкотораго развлеченія его производными имъ тамъ постройками. 6-го прибыла изъ Варшавы и великая княгиня Елена Павловна съ дочерью, черезъ Штеттинъ. Чтобы выиграть время, онѣ совершили эту поѣздку на почтовомъ пароходѣ, на которомъ, какъ бы по злой ироніи судьбы, спутниками ихъ, посреди жестокой ихъ печали, случились Фанни Эльслеръ, пѣвцы итальянской оперы и актрисы французской труппы,—все лица,—имѣвшія назначеніе увеселять Петербургъ въ наступавшемъ тогда сезонѣ. Великая княгиня, которую сопровождалъ братъ ея, принцъ Августъ Виртембергскій, сошла съ парохода на берегъ въ Ораніенбаумѣ, гдѣ встрѣтилъ ее государь, а на другой день перѣѣхала въ осиротѣлый Павловскъ.

Оставалось ожидать привоза тѣла.

Еще прежде его прибытія, пріѣхали въ Петербургъ, съ изъясненіемъ участія своихъ дворовъ, изъ Вѣны—эрцгерцогъ Леопольдъ, изъ Берлина—бригадный генералъ Мюлендорфъ. Присылка отъ родственнаго прусскаго двора простаго генерала принята была здѣсь не безъ неудобствъ.

Тѣло было везено во всю дорогу на почтовыхъ и прибыло 15-го сентября въ Чесму, на послѣднее передъ столицею отдохновеніе. Пріѣздъ туда предполагался къ 8-ми часамъ, но государь и вся царская фамилия ожидали въ Чесмѣ уже съ половины 8-го. Кромѣ нихъ находились тутъ военные штабы и управленія покойнаго и свита государева, но изъ гражданскихъ чиновъ никто приглашенъ не былъ, и изъ собственнаго усердія явились очень лишь немногіе. Вдругъ прибѣгаетъ фельдъегерь съ докладомъ, что кортежъ уже приближается. Государь съ сыновьями своими и, вслѣдъ за ними, вся свита и многочисленное духовенство сошли изъ верхняго этажа и остановились въ огромной аркадѣ передъ подъездомъ, гдѣ, вдоль стѣнъ, разставлены были, въ двѣ ширинты, сѣдые ветераны Чесменской богадѣльни. По торопливости фельдъегеря, ожиданіе тутъ продлилось около получаса, но хотя въ аркадѣ стояло, по крайней мѣрѣ, 300 человекъ, между ними, въ виду государя съ поникшею головою, царствовали мертвое молчаніе и ничѣмъ ненарушимая тишина. Моментъ этого гробоваго безмолвія среди такого множества людей былъ торжественно-умилителенъ. Наконецъ, дроги подъѣхали, въ сопровожденіи всей свиты усопшаго, частію слѣдовавшей при тѣлѣ отъ самой Варшавы, частію же выѣхавшей на встрѣчу изъ Петербурга. Гробъ, или, лучше сказать, три гроба, заключавшіе въ себѣ драгоценныя останки, вѣсили до 80 пудовъ, и эту ужасную тяжесть подняли, разумѣется, на штангахъ, казаки, исправившіе ту же обязанность отъ самаго выѣзда изъ Варшавы. Государь, цесаревичъ и прочіе великіе князья поддерживали гробъ въ головкахъ и по бокамъ, и, такимъ образомъ, онъ былъ внесенъ по крутой лѣстницѣ и съ большимъ затрудненіемъ, въ церковь, находящуюся въ верхнемъ этажѣ. Здѣсь царственныя дамы уже стояли по лѣвую сторону катафалка, а государь, съ своими сыновьями, сталъ по правую. Упомяну объ этомъ обстоятельстве потому, что оно производило на присутствовавшихъ очень непріятное впечатлѣніе при начавшейся затѣмъ панихидѣ, заставляя священнодѣйствовавшаго архіерея (викарія петербургскаго Наанаила), во время кажденія, непрерывно переходить, по старшинству членовъ царской фамиліи, съ одной стороны на другую. Послѣ панихиды, всѣхъ насъ выслали изъ церкви, и тамъ осталась одна царственная семья, которая, вслѣдъ за облобызаніемъ гроба, уѣхала въ Петербургъ.

Тогда началась наша очередь.

Въ крѣпость тѣло было перевезено 16-го числа, по печатному церемониалу, при огромномъ стеченіи любопытствовавшихъ. Шествіе занимало болѣе версты, но представляло мало не только выраженія какого-нибудь чувства, но даже и простаго благочинія. Всѣ шли кое-какъ, нерѣдко выдаваясь изъ рядовъ, пересмѣиваясь и раскланиваясь съ зрителями и болгая между собою. Истинно величественъ и трогателенъ былъ лишь одинъ моментъ шествія, именно непосредственно за колесницею. Тутъ въ главѣ ѣхалъ государь, за нимъ слѣдовали цесаревичъ и потомъ, въ три или четыре ряда, занимавшіе всю ширину улицъ, военная свита, въ которой находились и прочіе великіе князья—все въ верхахъ. Въ этомъ небольшомъ кругу, не говоря уже о глубокой горести, выражавшейся въ чертахъ государя и цесаревича, все было чинно, тихо, прилично. Когда печальная колесница взѣхала на Троицкій мостъ, съ придвинутыхъ къ нему судовъ и съ крѣпости загремѣли пушки, чего не значилось въ церемониалѣ. Во время первой панихиды въ крѣпости, любопытное вниманіе большинства сосредоточивалось на французскомъ генералѣ Ламорисьерѣ, новомъ посланникѣ Французской республики, пріѣхавшемъ въ государю еще въ Варшаву и тутъ впервые явившемся передъ петербургскою публикою. Во весь этотъ и слѣдующій дни пускали къ гробу, на-глухо закрытому еще въ Варшавѣ, народъ, который валилъ въ крѣпость густыми толпами. 17-го государь, хотя ему ставили рожки, присутствовалъ опять и на утренней и на вечерней панихидѣ. Сколько достоинства, величія и вмѣстѣ простоты соединилось въ этомъ исполинскомъ человѣкѣ! Поистинѣ, въ такія высоко-трогательныя минуты нельзя было смотрѣть на него безъ слезъ, безъ нервного потрясенія... За каждую панихиду, приложась сперва самъ къ гробу, онъ оставался въ головахъ и каждой изъ царственныхъ дамъ протягивалъ руку для восхода на ступени катафалка, а вслѣдъ за ними, вслѣдъ за всѣми своими сыновьями, снова самъ припадалъ къ гробу...

18-го сентября происходило погребеніе, также по печатному церемониалу...

Прежде еще церемонія, часовъ въ 9 утра, пріѣхали августѣйшія вдова и дочь. Прощаніе ихъ было безъ свидѣтелей. Литургію совершалъ митрополитъ с.-петербургскій и новгородскій Никаноръ, съ придворнымъ духовенствомъ. Вскорѣ по ея окончаніи, пріѣхали государь съ императрицею, цесаревною, великою княгинею Александрою Иосифовною и всѣми своими сыновьями ¹⁾. Государь подвелъ своихъ дамъ къ послѣднему цѣлованію, послѣ чего онѣ уѣхали, и тогда только началось отпѣваніе. Печальный обрядъ совершалъ тотъ же митрополитъ

¹⁾ Великая княгиня Марія Николаевна не присутствовала за богѣзною.

съ тремя другими архіереями и многочисленнымъ соборомъ придворнаго, военнаго и приходскаго духовенства. Въ концѣ, государь приложился первый, а потомъ, пока и мы всё подходили, продолжалъ стоять на верхней ступени катафалка, у изголовья гроба, въ слезахъ и съ поникшею головою. Гробъ подняли, сверхъ казаковъ, самъ онъ съ своими дѣтьми и всё, кому достало мѣста прикоснуться. Вокругъ раскрытой могилы произошла тѣснота ужасная, но мнѣ посчастливилось стать за великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ и почти рядомъ съ государемъ и цесаревичемъ. Холстъ, на которомъ спускали гробъ, держали, въ первой ширинѣ, джюіе нижніе чины ¹⁾, во второй, остававшіеся концы государь и его дѣти. Во все время отпѣванія, докторъ Карель стоялъ неотступно близъ государя, а при несеніи гроба слѣдовалъ за нимъ почти по пятамъ. Помощь его, однако жъ, благодаря Бога, не потребовалась. Сильный духъ и въ эти раздрающія минуты превозмогъ плоть. Когда гробъ сталъ медленно опускаться и загремѣли пушки и бѣглый огонь, государь такъ зарыдалъ, что разъ вырвалось у него даже громкое всхлипываніе. Потомъ онъ посыпалъ земли и быстро удалился. Все было кончено.

Почилъ онъ, кто бодро и доблестно несъ,

Саяъ брата Царева и санъ чловѣка,

Всю душу за брата, всю кровь за Царя!

Могилу усопшаго—первая, по лѣвую руку, у самаго входа въ соборъ. Доблестный великій князь легъ тутъ какъ бы на стражѣ царственной усыпальницы.

21-го сентября наслѣдникъ цесаревичъ принималъ всё чины военно-учебныхъ заведеній и, прочтя имъ вступительный свой приказъ, произнесъ нѣсколько словъ милости и привѣта, которыя всѣхъ глубоко тронули.

— Мы жили душа въ душу съ покойнымъ великимъ княземъ,—сказалъ, между прочимъ, цесаревичъ, —онъ меня очень любилъ... и не могъ продолжать далѣе, за слезами.

Въ 1828 году, во время Турецкой войны и пребыванія императора Николая при дѣйствовавшей арміи, разрѣшеніе всѣхъ дѣлъ по государственному управленію, восходящихъ, въ обыкновенномъ порядкѣ, на Высочайшее усмотрѣніе, поручено было, безгласно, особому секретному комитету, который оканчивалъ ихъ именемъ государя, испрашивая его разрѣшенія только въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ, именно указан-

¹⁾ Императоръ Александръ II добавилъ: „дворцовые гренадеры“.

ныхъ случаевъ; о всѣхъ же прочихъ, по рѣшеніи и исполненіи ихъ, представлялъ лишь краткія вѣдомости для свѣдѣнія. Этотъ комитетъ состоялъ изъ князя Кочубея, графа Петра Александровича Толстаго и князя Александра Николаевича Голицына, а правителемъ его дѣлъ былъ управлявшій въ то время I Отдѣленіемъ Собственной его величества канцеляріи статсъ-секретарь Муравьевъ. Впослѣдствіи, при менѣе продолжительныхъ, или не столь отдаленныхъ отлучкахъ императора, общее теченіе управленія ни въ чемъ не измѣнялось, и всѣ бумаги посылались къ нему какъ бы въ личномъ его присутствіи. Наконецъ, когда наслѣдникъ цесаревичъ достигъ совершеннолѣтія и былъ приобщенъ къ высшему управленію, государь, въ случаѣ дальнихъ или долговременныхъ своихъ отлучекъ, назначалъ его, такъ сказать, правителемъ государства, впрочемъ, также безгласно для народа; о чемъ я уже неоднократно говорилъ въ этихъ листахъ.

Въ 1849 году явилась необходимость возвратиться снова къ порядку 1828 года. Государь былъ въ Варшавѣ, а наслѣдникъ цесаревичъ, сначала остававшійся здѣсь по случаю тяжелой болѣзни своей дочери, послѣ ея кончины также уѣхалъ (объ этомъ уже говорено выше), а какъ ходъ военныхъ дѣйствій не позволялъ опредѣлять заранее времени ихъ возвращенія, то, въ пріѣздъ государя въ Петергофъ, ко дню рожденія императрицы, онъ рѣшилъ, на отсутствіе его и цесаревича, учредить подобный прежнему секретный комитетъ, изъ князя Петра Михайловича Волконскаго, князя Чернышева и графа Блудова, съ назначеніемъ, для производства въ немъ дѣлъ, государственнаго секретаря Бахтина. Комитету этому, или, по officialному его названію, комиссіи, опредѣлено было дѣйствовать, примѣняясь къ инструкціи 1828 г., и хотя въ Петербургѣ, естественно, почти всѣ знали о существованіи такого установленія, однако, во внѣшнихъ своихъ сношеніяхъ, комиссія оставалась совершенно безгласною. Бумаги изъ всѣхъ вѣдомствъ писались, точно какъ бы государь былъ здѣсь, на его имя и доставлялись, обыкновеннымъ порядкомъ, запечатанныя въ I Отдѣленіе Собственной канцеляріи, откуда статсъ-секретарь Танѣевъ, не вскрывая конвертовъ, но соединяя ихъ всѣ въ одинъ, отсылалъ вмѣсто государя, подъ адресомъ комиссіи, къ Бахтину. Комиссія, собиравшаяся по три раза въ недѣлю (большею частію въ Петергофѣ за пребываніемъ тамъ Волконскаго при императрицѣ) вскрывала почтенные конверты, излагала, по содержанію бумагъ, свои резолюціи въ краткихъ журналахъ и выписки изъ сихъ послѣднихъ обращала къ Танѣеву, для заготовленія исполнительныхъ бумагъ высочайшимъ именемъ, будто бы резолюціи послѣдовали отъ самого государя. Танѣевъ съ своей стороны, изготовленные имъ проекты исполненій представлялъ комиссіи, какъ представлялъ всегда государю и, по одобреніи и

исправленій ихъ, разсылалъ, по принадлежности, въ формѣ высочайшихъ повелѣній, такъ что для мѣстъ и лицъ представлявшихъ не существовало никакого видимаго измѣненія противъ обыкновеннаго порядка. Этимъ способомъ разрѣшались дѣла не только по министерствамъ, но также по Государственному Совѣту, Комитету министровъ, Кавказскому комитету, Комиссіи прошеній и пр., съ тою только разностью, что комиссія утверждала лишь единогласныя заключенія сихъ уставовленій, или мнѣніе большинства; въ случаѣ же непріятія сихъ заключеній, или согласія съ меньшимъ числомъ голосовъ, обязывалась представлять свои соображенія государю. Сверхъ того допущены были особыя изъятія для нѣкоторыхъ министерствъ, состоявшія въ слѣдующемъ. Въ комиссію не поступало ни одной бумаги по двумъ вѣдомствамъ: министерству иностранныхъ дѣлъ, потому что государственный канцлеръ графъ Нессельродъ самъ находился при государѣ, и по главному управленію путей сообщенія и публичныхъ зданій, котораго начальнику, графу Клейнмихелю, развѣзжавшему въ это время по Россіи, было предоставлено всѣ свои доклады пересылать, по-прежнему, непосредственно къ государю. Съ другой стороны, тремъ министрамъ: военному, морскому (т. е. начальнику Главнаго морскаго штаба) и финансовъ, имѣвшимъ, въ присутствіи здѣсь государя, постоянный личный докладъ, однимъ дано было знать официально о существованіи комиссіи, и затѣмъ дѣла ихъ вѣдомствъ, требовавшія высочайшаго разрѣшенія, вносимы были не на высочайшее имя и не черезъ Таѣева, а прямо въ комиссію, въ формѣ особыхъ записокъ; потомъ эти министры приглашались въ ея засѣданія, каждый по своей части (Чернышевъ и безъ того постоянно въ ней присутствовалъ), и участвовали въ подписаніи касавшихся до ихъ дѣлъ журналовъ; послѣ чего и выписки передавались уже не Таѣеву, а прямо каждому министру, для непосредственнаго заготовленія исполнительныхъ бумагъ, въ той же формѣ высочайшихъ повелѣній.

Этотъ порядокъ, вообще очень простой и удобный, сопровождался только одною забавною странностію по дѣламъ Государственного Совета. Меморія его, въ обыкновенномъ теченіи дѣлъ, всегда отсылаются государственнымъ секретаремъ, въ запечатанномъ конвертѣ, къ статсъ-секретарю, управляющему I Отдѣленіемъ Собственной его величества канцеляріи, который подноситъ ихъ государю въ томъ же конвертѣ. Первая часть этого порядка точно также наблюдалась и при существованіи комиссіи, т. е. Бахтинъ, въ качествѣ государственнаго секретаря, отправлялъ конвертъ съ меморіями къ Таѣеву, но отъ Таѣева этотъ же конвертъ возвращался снова къ Бахтину, уже въ качествѣ правителя дѣлъ комиссіи, въ общемъ, надписанномъ на имя послѣдней, конвертѣ.

Не могу умолчать здѣсь еще объ одномъ замѣчаніи, сообщенномъ мнѣ въ послѣдствіи Бахтинымъ. Получая въ свои руки все, что въ бытность императора Николая въ Петербургѣ поступало къ нему, онъ скорѣе убѣдился въ томъ, какимъ, среди предметовъ первостепенной важности, долженствовали сосредоточивать на себѣ все вниманіе государя, обременяли его безчисленнымъ множествомъ мелочей, и какъ просто и удобно было бы облегчить трудъ императора, безъ всякаго вреда дѣлу, по крайней мѣрѣ, на половину, отсѣченіемъ излишнихъ бумагъ, вѣдомостей и пр.

26-го сентября, за обѣдомъ въ Царскосельскомъ дворцѣ, при которомъ присутствовали только графъ Киселевъ, оберъ-гофмейстеръ Опочининъ, командиръ Гренадерскаго корпуса Муравьевъ и я, много говорили опять о Михаилѣ Павловичѣ. Государь съ жадностію слушалъ рассказы Муравьева о первомъ появленіи признаковъ апоплексіи у великаго князя, возлѣ котораго, какъ я уже упомянулъ, Муравьевъ въ то время находился. Потомъ, рассказывая о произведенномъ въ то утро смотрѣ рекрутъ, обучаемыхъ при Образцовомъ полку, государь очень хвалилъ послѣдній и сказалъ: «вотъ и этимъ я обязанъ моему покойному». — Далѣе, онъ передалъ намъ слышанное отъ только-что возвратившагося изъ Константинополя генерала князя Радзивилла о султанѣ, о турецкомъ войскѣ и о тамошнемъ управленіи, и упомянулъ еще о переходѣ Бема въ ислаизмъ и о подкупѣ австрійцами главныхъ дѣятелей мятежа за 400 тысячъ гульденовъ, для побужденія ихъ къ сдачѣ Коморна. О дѣйстви Бема и о поступкѣ инсургентовъ, согласившихся принять предложенныя имъ деньги, государь отзывался съ крайнимъ омерзѣніемъ, но одобрялъ распоряженіе австрійскаго правительства, которое предпочло обратиться къ подкупу, вмѣсто того, чтобы рисковать на жестокое кровопролитіе.

Когда рѣчь какъ-то коснулась новыхъ посадокъ въ Петергофѣ и Царскомъ Селѣ, государь, затрудняясь въ пріисканіи русскаго слова для *végétation*, обратился ко мнѣ за переводомъ и потомъ рассказалъ, что въ его царствованіе насажено въ Петергофѣ до 30 тысячъ деревьевъ; что на Царскосельскомъ дубовомъ бульварѣ деревья начали расти вверхъ только съ тѣхъ поръ, какъ онъ приказалъ подрѣзывать нижнія вѣтви и что, найдя неподобный Лазенковскій садъ въ Варшавѣ въ болышомъ запущеніи, онъ велѣлъ тамошнему садовнику пріѣхать сюда, чтобы посмотрѣть и поучиться, какъ содержать сады. Наконецъ, при разговорѣ касательно здоровья, Киселевъ упомянулъ о чрезвычайной пользѣ кегельной игры, чему онъ видѣлъ живой примѣръ на одномъ человѣкѣ, совсѣмъ оправившемся съ тѣхъ поръ, что началъ ею заниматься.

— Прекрасно, — отвѣчалъ государь, принявъ это въ шутку за совѣтъ себѣ, — вотъ и я начну ѣздить всякій день въ Англійскій клубъ, или, лучше, стану собирать къ себѣ членовъ Совѣта, по департаментамъ, чтобы потѣшаться съ ними кегельною игрою. Но въ чемъ я увѣренъ, — продолжалъ онъ, уже серьезно, — это въ большой пользѣ, для здоровья, отъ дѣланья ружьемъ. Двадцать лѣтъ не проходило дня, чтобы я не занимался этимъ движеніемъ, и въ то время не зналъ ни завазовъ, ни прочихъ теперешнихъ пакостей; я старался даже приучить къ этому и жену, *mais, hélas! tous mes efforts n'étaient qu'en pure perte.*

Это дало поводъ къ нѣсколькимъ шуткамъ со стороны императрицы, которая, съ обыкновенною своею граціозностью во всѣхъ движеніяхъ, стала представлять неудачныя свои попытки въ ружейныхъ приемахъ.

Государь, за домашними у себя обѣдами, говорилъ обыкновенно по-русски и, только обращаясь къ императрицѣ, или когда у другихъ шелъ разговоръ съ нею, переходилъ къ французскому языку. Гости вообще не заводили новыхъ матерій, безъ особеннаго вызова, развѣ только иногда съ императрицею; но государь самъ былъ очень разговорчивъ, и бесѣда рѣдко прерывалась, кромѣ именно того обѣда, о которомъ я теперь говорю и при которомъ грустное расположеніе духа государя (послѣ свѣжей его потери) выражалось и въ чертахъ его, и въ отрывочности разговора. Перешептыванія между сосѣдами за такими обѣдами случались рѣдко. Столъ былъ вообще очень хорошъ, хотя не особенно изысканъ; вина подавались послѣ каждого блюда, а кофе не за столомъ, но уже послѣ. Государь сидѣлъ всегда возлѣ императрицы, занимавшей первое мѣсто, гости же размѣщались по чинамъ. Послѣ обѣда, государь обыкновенно становился у камина и подзывалъ къ себѣ кого-нибудь изъ общества. Садились тутъ рѣдко, кромѣ императрицы. Все, и съ обѣдомъ, продолжалось обыкновенно не много болѣе полутора часа.

Государь, послѣ кончины Михаила Павловича, долго не обращался ни къ одному изъ обыкновенныхъ, столъ вообще малыхъ и рѣдкихъ, развлеченій своихъ. Такъ, напримѣръ, онъ болѣе мѣсяца не брался за карты, хотя до этого печальнаго событія очень любилъ, въ осеніе и зимніе вечера, особенно же въ пребываніе въ Царскомъ Селѣ, играть въ вистъ-преферансъ. Тѣмъ болѣе всѣ обрадовались, когда 29-го сентября, послѣ долгихъ убѣжденій императрицы, онъ рѣшился, наконецъ, сѣсть за обыкновенную свою партію. На этотъ разъ составляли ее великій князь Константинъ Николаевичъ и генералъ-адъютанты Плаутинъ и графъ Апраксинъ. Играли по четвертаку.

Въ воскресенье (9-го октября), послѣ обѣдни, государь, подойдя ко мнѣ въ залѣ передъ церковью, сказалъ:

— Слышалъ ты? Вѣднѣй Бутурлинъ! ¹⁾ Я считаю его смерть истинною потерю и сердечно о немъ горюю. Это большая бѣда и для нашего Комитета. Вѣдь васъ теперь всего только двое (т. е. Дегай и я), и рѣшительно не знаю, кого вамъ дать третьяго. Въ двадцать четыре года я столько растерялъ близкихъ мнѣ людей, что теперь всегда нахожусь въ величайшемъ затрудненіи, когда надо замѣстить довѣренное мѣсто. Не знаешь ли ты кого?

Я сдѣлалъ, въ молчаніи, отрицательное движеніе.

— Есть человѣкъ, который и въ нашихъ правилахъ, и смотреть на вещи съ нашей точки: это твой товарищъ по Совѣту, Анненковъ ²⁾; но у него есть тоже свои занятія и не знаю, могъ ли бы онъ соединить все вмѣстѣ.

Какъ эта фраза была произнесена тоже въ тонѣ вопросительномъ, то я счелъ себя въ правѣ отвѣчать:

— Въ Комитетѣ, государь, очень много дѣла: мы теперь, къ счастью, рѣдко имѣемъ случай васъ утруждать, но для того, чтобъ изрѣдка представить вамъ нѣсколько строкъ, должны постоянно прочитывать цѣлыя кипы.

— Знаю, знаю, что у васъ, по-прежнему, пропасть дѣла, хоть до меня нынче, благодаря Богу, доходить мало.

Тутъ подошла императрица, и нашъ разговоръ былъ прерванъ.

Спустя нѣсколько дней, Анненковъ дѣйствительно былъ опредѣленъ членомъ Комитета 2-го апрѣля.

Бывъ назначенъ, послѣ Бутурлина, директоромъ Императорской публичной бібліотеки (18-го октября) и явясъ, по этому случаю, благодарить государя (въ Царскомъ Селѣ), я снова удостоился приглашенія къ его столу. Въ этотъ разъ, воскресенье, общество было нѣсколько многочисленнѣе, и именно, сверхъ императорской четы, обѣдали тутъ всѣ четыре ея сына, принцы Августъ Виртембергскій и Петръ Ольденбургскій, старые князья Волконскій и Шаховской, состоявшій при нашемъ дворѣ прусскій генералъ Раухъ и я.

— Ah, Monsieur de la Bibliothèque, — сказалъ государь, — подавая мнѣ руку и потомъ все время былъ необыкновенно милостивъ.

Здѣсь кстати замѣтить, что императоръ Николай, при всемъ моральномъ величіи своемъ, не былъ нисколько высокомеренъ и, не роняя

¹⁾ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ, членъ Государственного Совѣта, председатель нашего секретнаго Комитета о цензурѣ и директоръ Публичной бібліотеки, умершій въ ночь съ 8-го на 9-е число.

²⁾ Генералъ-адъютантъ Николай Николаевичъ, незадолго передъ тѣмъ пожалованный въ члены Государственного Совѣта.

никогда своего достоинства, привѣтливостью и ласкою умѣлъ обворожать всѣ сердца. Такъ, оказывая тѣмъ, кто единожды былъ удостоенъ его благорасположенія и, вообще, людямъ заслуженнымъ, знаки своего милостиваго вниманія, не только у себя въ кабинетѣ, но и вездѣ передъ публикою, онъ черезъ самое обращеніе свое возвышалъ и счастливый каждаго, гораздо болѣе еще, нежели всѣми наградами.

За обѣдомъ, въ этотъ день, весь почетъ отдаваемъ былъ принцу Августу, къ которому хозяинъ часто и внимательно обращалъ слово, что не мѣшало, однако жъ, и общему разговору идти своимъ чередомъ. Въ доказательство обмелчанія у насъ народа, государь рассказывалъ, что прежде онъ былъ, по росту, 22-мъ въ первой ширинѣ Преображенскаго полка, потомъ сдѣлался 15-мъ, а теперь уже стоитъ 13-мъ; шутилъ также надъ «вытягивающимся» ростомъ двухъ младшихъ своихъ сыновей; жаловался, что начинаетъ чувствовать припадки подагры, прежде совершенно ему незнакомой, и которая на-дняхъ ночью такъ щипнула его за ногу, что онъ, проснувшись, вскочилъ съ постели. За-тѣмъ, обращаясь къ Рауху, онъ говорилъ (по-нѣмецки) о разныхъ берлинскихъ своихъ воспоминаніяхъ, а у меня спрашивалъ, былъ ли я уже въ Библіотекѣ, прибавляя, что видѣлъ ее впервые еще во времена графа Александра Сергѣевича Строганова, «когда ты (то-есть я) еще лицеѣствовалъ». Замѣчательны были большія похвалы государя солдатамъ изъ поляковъ, т. е. изъ царства Польскаго. Онъ рассказывалъ, между прочимъ, что, по вступленіи прошлымъ лѣтомъ въ Варшаву Гренадерскаго корпуса, велѣлъ распустить этихъ поляковъ по мѣстамъ ихъ родины, съ тѣмъ, чтобы они привели оттуда передъ него своихъ женъ, дѣтей, или вообще близкихъ.

— И вотъ,—продолжалъ онъ,—послѣ смотра окружила меня вся эта команда съ толпою своихъ родныхъ, *et tout cela en présence de M^r. Lamoricière, qui de cette manière aura vu le mangeur de Polonais en pleine activité* ¹⁾.

Вообще, служба въ нашихъ войскахъ, поляки не только теряютъ свою національную неприязнь, но даже отказываются отъ своего происхожденія: такъ, если кто назоветъ ихъ поляками, они отвѣчаютъ: «я не полякъ, а русскій гренадеръ». Къ слову о Ламорисьерѣ, цесаревичъ рассказывалъ, что въ парижскомъ «*Journal pour rire*» явилось каррикатурное изображеніе казака на лошади, съ сидящимъ за нимъ Ламорисьеромъ и съ подписью: «*le Général Lamoricière assistant à la pacification de la Hongrie*» ²⁾.

¹⁾ И все это въ присутствіи Ламорисьера, который такимъ образомъ шло въ полномъ дѣйствиіи поглотителя поляковъ.

²⁾ Генералъ Ламорисьеръ, присутствующій при усмиреніи поляковъ.

— Et le Cosaque, c'est moi, j'espère?—спросилъ, смѣясь, государь ¹⁾).

— Mais j'ose le croire, Sire ²⁾),—отвѣчалъ цесаревичъ, въ томъ же тонѣ.

Послѣ обѣда, постоявъ нѣсколько передъ каминомъ съ Волконскимъ и Шаховскимъ, государь взялъ меня подъ руку и отвелъ въ сторону. Здѣсь, разговоръ обратился уже непосредственно къ новому моему назначенію, къ составу Библіотеки, къ продолженію каталоговъ, начатыхъ при Бутурлинѣ, и къ разнымъ внутреннимъ подробностямъ.

— Я долженъ,—сказалъ онъ,—начать твое управленіе съ того, чтобы тебя ограбить. Ты знаешь, что скоро окончено будетъ зданіе новаго Музея (Эрмитажа); я уже велѣлъ взять туда изъ твоей Библіотеки то, что собственно не принадлежитъ ни къ ея составу, ни къ ея назначенію: разные рукописи съ миниатюрами и иллюстраціями, а взятѣя передать тебѣ всѣ дублиеты печатныхъ книгъ Эрмитажной библіотеки; ты переговоришь объ этомъ съ Волконскимъ и Шуваловымъ, и такимъ образомъ каждому изъ обоихъ заведеній будетъ отдано свое.

Я осмѣлился замѣтить, что при сохраненіи сказанныхъ рукописей въ Публичной библіотекѣ было бы то преимущество, что онѣ выдавались бы желающимъ, для ученыхъ и артистическихъ работъ, чего въ Музеѣ не будетъ.

— Совсѣмъ нѣтъ,—отвѣчалъ государь,—и въ библіотекѣ едва-ли многимъ эти рѣдкости выдаются на руки, а въ той степени, какъ онѣ выдаются тамъ, будетъ и въ Музеѣ.

Я коснулся того обстоятельства, что въ библіотекѣ почти всѣ шкапы стоятъ доступными для похищеній, не только безъ стеколъ, но даже и безъ рѣшетокъ, а отворить эту бѣду трудно, потому, что одніе рѣшетки стоили бы,—какъ сказывалъ мнѣ нѣкогда Бутурлинъ,—болѣе 20.000 р. сер.

— Уфъ, уфъ,—замѣтилъ государь,—да нельзя ли сдѣлать рѣшетки хоть,—какъ это называется по-русски?—изъ fil d'archal?

Я отвѣчалъ,—что еще не осмотрѣлся и ничего не знаю. Потомъ была рѣчь о разныхъ другихъ нашихъ библіотекахъ и архивахъ; о хранящихся въ Государственномъ архивѣ дѣлахъ о цесаревичѣ Алексѣѣ Петровичѣ и о Таракановой; о занятіяхъ по этой части Блудова; наконецъ, о начатомъ имъ же изданіи дворцовыхъ записокъ со временъ царя Алексѣя Михайловича, сколько ихъ сохранилось. Я, съ моей стороны, рассказывалъ о видѣнномъ мною въ Публичной библіотекѣ подлинномъ дѣлѣ касательно содержанія несчастнаго Іоанна Антоновича и его семейства въ Холмогорахъ, дѣлѣ, гдѣ императрица Елисавета Петровна является совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, нежели какъ изображаетъ

¹⁾ И казакъ, надѣюсь—я?

²⁾ Смѣю думать, государь.

ее исторія. Это видимо интересовало государя, чрезвычайно любившаго всякую старину, въ особенности касавшуюся его семейства, и я тутъ же получилъ приказаніе препроводить это дѣло, какъ ни мало не подлежащее храненію въ бібліотекѣ, въ Государственный архивъ.

Въ другой разъ, за такимъ же маленькимъ обѣдомъ въ Царскомъ Селѣ (1-го ноября), когда государь снова навелъ рѣчь на Публичную бібліотеку, я, коснувшись разныхъ предположеній, которыми можно бы увеличить скудные ея средства, упомянулъ, между прочимъ, о возможности обмѣновъ съ Парижскою бібліотекою, которая, вѣрно, пожелала бы имѣть въ своемъ многообразномъ составѣ и русскія книги.

— Да кто жъ ихъ тамъ станетъ читать?—возразилъ государь,—развѣ наши измѣнники и бѣглецы. А ргоров,—продолжалъ онъ,—теперь за границею завелись опять два мошенника, которые пишутъ и интригуютъ противъ насъ: какой-то Сазоновъ и извѣстный Герценъ, который, пока вашъ Комитетъ забралъ этихъ господъ въ ежовыя рукавицы, писывалъ и здѣсь подъ псевдонимомъ Искандера; этотъ ужъ былъ разъ у насъ въ рукахъ и сидѣлъ; но, grâce à Mr. Жуковский, употребили тутъ въ ходатайство Сашу (цесаревича) и—вотъ благодарность его за помилованіе!

Государь жаловался на свое несчастіе въ картахъ, и изъ разговора его при этомъ съ императрицею открылось, что, выигравъ какъ-то на-дняхъ 21 р. сер., онъ подарилъ ихъ ей на шляпку.

— *Ce ne sera pas quelque chose de magnifique*—прибавила императрица—*certainement sans plumes etc.; mais enfin-autant de gagné!* ¹⁾.

По какому-то поводу заговорили о фамиліи Голицыныхъ.

— Покойный князь Александръ Николаевичъ,—вспомнилъ государь,—разсказывалъ мнѣ однажды, что вскорѣ по вступленіи на престолъ брата Александра, они заспорили: сколько Голицыныхъ въ военной службѣ, и когда перечли по спискамъ, ихъ оказалось болѣе полтораста; а теперь посмотрите-ка, куда все это дѣвалось! Нѣтъ, я думаю, болѣе шести или семи?

Дѣйствительно, когда самъ государь тутъ же принялся считать, и всѣ мы пособляли, припоминая пропускаемыхъ имъ,—всѣхъ Голицыныхъ военныхъ, со включеніемъ и флотскихъ, вышло—одиннадцать. Между тѣмъ я шепнулъ моему сосѣду за столомъ, великому князю Михаилу Николаевичу, что, по крайней мѣрѣ, нельзя сдѣлать этого упрека Корфамъ, которые есть во всѣхъ чинахъ и даже почти во всѣхъ полкахъ.

¹⁾ Это не будетъ нѣчто великолѣпное,—прибавила императрица,—конечно, безъ перьевъ, но во всякомъ случаѣ это выгодно.

— Да, да—сказалъ государь, услышавъ насъ—въ самомъ дѣлѣ, вотъ однихъ военныхъ генераловъ я знаю изъ васъ пятерыхъ,—я тутъ же пересчиталъ ихъ поименно.

Теперь я буду продолжать и окончу разсказъ, начатый объ открытѣ у насъ въ 1849 году заговорѣ.

Кромѣ слѣдственной комиссіи, въ описанномъ мною составѣ, учреждена была еще особая приготовительная комиссія, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя Голицына, для разбора захваченныхъ у обвиняемыхъ бумагъ, которыхъ оказалось чрезвычайно большое количество. Слѣдственная комиссія открыла свои засѣданія 26-го апрѣля, въ самой крѣпости. Манифеста или другаго гласнаго акта объ ея учрежденіи и вообще о всемъ этомъ событіи не послѣдовало.

Результаты изслѣдованія вскорѣ обнаружили, что дѣло отнюдь не имѣло ни такой важности, ни такого развитія, какія въ началѣ придали ему городскіе слухи, обыкновенно все преувеличивающіе. Всѣхъ замѣтныхъ было около 50 человекъ, и въ главѣ ихъ стоялъ 28 лѣтній чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Петрашевскій, сынъ отрѣшеннаго отъ должности петербургскаго штаттъ-физика и бывшій воспитанникъ Царско-Сельскаго лица, человекъ полумудрый, уже давно признанный такимъ между своими товарищами, но можетъ быть отъ того именно и чрезвычайно дерзкій. Цѣль замысла была—измѣнить общественное наше устройство по образцу западныхъ понятій. Приготовить сперва къ тому умы посредствомъ распространенія коммунистическихъ и социальныхъ сочиненій, разныхъ разглашеній, рѣчей и порицанія всего существующаго, предметовъ и лицъ. Всѣхъ участниковъ комиссія раздѣлила на три разряда: главныхъ виновниковъ, ближайшихъ къ нимъ и такихъ, которыхъ можно бы совсѣмъ освободить. Въ цѣломъ спискѣ, въ противоположность заговору 1825 года, не встрѣчалось ни одного значущаго имени, ни одного лица съ извѣстностію въ какомъ-нибудь родѣ ¹⁾: учителя, мелкіе чиновники, молодые люди болѣею частію мало вѣдомыхъ фамилій. Покушеній, или приготовленій къ бунту, въ настоящемъ съ достовѣрностію открыто не было, и все представляло болѣе видъ безумія, нежели преступленія. Впрочемъ, заговоръ имѣлъ свои развитія и въ Москвѣ, и даже въ Сибири, гдѣ скитался отставной подполковникъ Черносвитовъ, заподозрѣнный въ намѣреніи возмутить Уралъ, а оттуда распространить мятежь и далѣе на востокъ. Дѣйствія комиссіи продолжались почти пять мѣсяцевъ, и окончательный докладъ ея, подписанный 17-го сентября, представленъ былъ безъ

¹⁾ Кромѣ только упомянутого приобрѣсти себѣ нѣкоторую извѣстность своими повѣстями отставнаго инженеръ-поручика Достоевскаго.

всякаго съ ея стороны заключенія, котораго отъ нея и не требовалось. Члены называли это дѣло—заговоромъ идей, чѣмъ и объясняли трудность дальнѣйшихъ раскрытій: ибо, если можно обнаруживать факты, то какъ же уличать въ мысляхъ, когда онѣ не осуществились еще никакимъ проявленіемъ, никакимъ переходомъ въ дѣйствіе?

Этимъ комическимъ преступникамъ государь не разсудилъ сдѣлать чести, явленной злоумышленникамъ 1825 года, т. е. учредить для постановленія приговора о нихъ верховный уголовный судъ, а вмѣсто того приказалъ составить нѣчто новое—судъ смѣшанный: изъ трехъ генераль-адъютантовъ и трехъ сенаторовъ, подъ предсѣдательствомъ генераль-адъютанта же, бывшаго оренбургскаго генерала-губернатора, Василія Алексѣевича Перовскаго. Приговоръ этой, какъ она была названа, военно-судной комиссіи, поступилъ въ генераль-аудиторіатъ, который, руководствуясь полевымъ уголовнымъ уложеніемъ, приговорилъ 21 подсудимаго къ смертной казни.

Всѣ въ Петербургѣ знали, что приговоръ генераль-аудиторіата представленъ былъ государю 19-го декабря, и всѣ съ печальнымъ, иные вѣроятно и съ тревожнымъ любопытствомъ, ожидали рѣшенія роковаго вопроса. Дѣло не замедлилось. Государь сложилъ тяготѣвшее на великомъ его сердцѣ бремя скорѣе даже, чѣмъ можно было предвидѣть. Онъ не опредѣлилъ ни одной смертной казни и, вмѣсто того, велѣлъ: прочитать подсудимымъ приговоръ и совершивъ надъ ними всѣ обряды, предшествующіе смертной казни, объявить, что его величество даруетъ имъ жизнь и, за тѣмъ, подвергнуть ихъ разнымъ другимъ наказаніямъ.

Уже 22-го декабря появилась о семъ, равно какъ и о всемъ ходѣ и обстоятельствахъ дѣла, статья въ «Русскомъ Инвалидѣ», въ формѣ, впрочемъ, не манифеста, или указа, а простаго объявленія.

Въ тотъ же день приговоръ былъ приведенъ и въ дѣйствительное исполненіе, при многочисленномъ стеченіи народа, хотя помянутое объявленіе и не могло еще вездѣ огласиться. Въ 8 часовъ утра преступниковъ вывели изъ крѣпости. Всѣ они были разсажены порознь въ извозничьи возкачъ, и при каждомъ сидѣло по рядовому внутренней стражи, а по обѣ стороны возковъ и впереди поѣзда ѣхали жандармы верхами. На Семеновскомъ плацѣ, передъ самымъ гласисомъ¹⁾, возвышалась нарочно устроенная платформа и на ней три столба. Лицевая сторона была оставлена открытою, а съ трехъ другихъ ее окружали по 6. чому баталіону л.-гв. Московскаго и л.-гв. Егерскаго и эскадронъ л. гв. Ковногренадерскаго полковъ, т. е. тѣхъ, къ которымъ принадлежали заговорщики военного званія. На плацѣ находились: командиръ

¹⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: „валомъ“.

гвардейской пѣхоты ¹⁾ Сумароковъ, военный генералъ-губернаторъ, оберъ-полиціймейстеръ и оба городскіе коменданта. Преступниковъ, по прибытіи ихъ туда, высадили изъ возковъ, провели вдоль всего фронта и поставили на платформу, спиною къ гласису (валу), послѣ чего прочитанъ былъ приговоръ генералъ-аудиторіата въ первоначальномъ его видѣ, т. е. безъ смягчавшаго его высочайшаго повелѣнія. Тутъ многіе изъ зрителей тронули слезы, покотившіяся по блѣдному лицу 20-ти лѣтняго Кашкина (также изъ воспитанниковъ лицея), имѣвшаго престарѣлаго отца. Священникъ, выйдя впередъ, произнесъ осужденнымъ послѣднее увѣщаніе и, поставя ихъ на колѣни, далъ каждому приложиться ко кресту. Тогда начались прочіе обряды, предшествующіе разстрѣлянію. Палачъ сталъ ломать надъ ихъ головами шпаги и когда всѣхъ одѣли въ бѣлыя рубашки съ колпаками, комендантъ повелъ первыхъ трехъ съ праваго фланга: Петрашевскаго, Момбелли и Спѣшнева къ столбамъ, къ которымъ ихъ и привязали. Петрашевскій сорвалъ съ себя колпакъ, говоря, что не боится смерти и можетъ смотрѣть ей прямо въ глаза. Начальствовавшій войсками скомандовалъ «къ заряду», и они приступили къ исполненію команды. Вдругъ прискакалъ фельдъегерь, и раздался отбой! Привязанныхъ къ столбамъ отвязали и привели на прежнее мѣсто, чтобы всѣмъ вмѣстѣ прочесть царскую сентенцію. Кашкинъ и Пальмъ, въ порывѣ безмѣрной радости, бросились на колѣни и стали молиться, послѣдній при громкихъ восклицаніяхъ: «добрый царь, да здравствуетъ нашъ царь!»—Петрашевскому, осужденному къ ссылке въ каторжную работу въ рудникахъ, безъ срока, тотчасъ же начали надѣвать кандалы; но какъ, по неловкости палача, эта операція замедлялась, то Петрашевскій самъ заковалъ себѣ руки и ноги, испросивъ позволенія обнять сперва Момбелли и Спѣшнева. Закованнаго, его посадили въ заложенныя тройкою сани и, въ сопровожденіи жандарма, прямо отправили къ окончательному мѣсту назначенія. Прочихъ повезли въ Ордонансъ-Гаузъ, для отсылки впослѣдствіи.

Графъ Уваровъ, разбитый параличемъ и переставшій въ послѣднее время пользоваться довѣріемъ императора Николая, уволенъ былъ, по просьбѣ, отъ управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія высочайшимъ указомъ 20-го октября 1849 года. Между тѣмъ, до конца года, должность его оставалась незамѣщенной, и ее исправлялъ, не по особому указу, а въ силу общаго закона, товарищъ министра, князь Ширинскій-Шихматовъ. Это междуцарствіе возбудило снова въ нашей публикѣ, какъ и всегда бывало при подобныхъ случаяхъ, безчисленные

¹⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: „Командиръ гвардейскаго пѣхотнаго корпуса“.

толки, догадки и предположенія, хотя прежніе примѣры доказывали, что императоръ Николай любить, съ одной стороны, обманывать всѣ догадки, съ другой, какъ бы желая возбудить ихъ, медлить новыми назначеніями. Въ это самое время ожиданій преемника Уварову, кто-то разсказалъ мнѣ, что когда назначенный на мѣсто духовника Музовскаго, не прежде какъ чрезъ два мѣсяца послѣ его кончины, Бажановъ, явился благодарить, государь сказалъ, что остановилъ выборъ свой на немъ еще въ самую минуту смерти Музовскаго. Тогда Бажановъ осмѣлился спросить, что же, въ такомъ случаѣ, могло дать поводъ медлить назначеніемъ.

— Какъ—отвѣчалъ будто бы государь—да развѣ не надо было дать пищи толкамъ!

Впоследствии я какъ-то передалъ этотъ анекдотъ одному изъ людей, наиболѣе имѣвшихъ случай изучить императора Николая.

— Не вѣрьте, не вѣрьте—сказалъ онъ мнѣ—Бажановъ никогда не отважился бы сдѣлать такого вопроса и никогда не получилъ бы такого отвѣта. Я слишкомъ близко знаю государя, чтобы имѣть въ томъ малѣйшее сомнѣніе. Онъ всегда и вездѣ государь и никому, никогда не далъ бы подобнаго отчета въ своемъ образѣ дѣйствія.

Лицо, сообщившее мнѣ это замѣчаніе, былъ—графъ Клейнмихель.

Уже въ концѣ декабря, другой приближенный передалъ государю, болѣе, кажется, съ цѣлю вывѣдать его мысли, городской слухъ касательно назначенія министромъ народнаго просвѣщенія графа Протасова (синодальнаго оберъ-прокурора).

— Не знаю—отвѣчалъ государь:—ничего не слыхалъ; впрочемъ, вѣдь тутъ есть товарищъ, который и можетъ править министерствомъ впредъ до назначенія министра.

XX.

1850.

Назначеніе князя Ширинскаго-Шихматова министромъ народнаго просвѣщенія.—Переводъ Императорской публичной бібліотеки въ вѣдомство министерства Императорскаго двора.—Пароходъ «Графъ Вронченко».—Назначеніе ген.-адъютанта И. Г. Вабикова виленскимъ генералъ-губернаторомъ.—Увольненіе графа Замойскаго.—Николаевскій мостъ.—Паденіе кн. Меньшикова съ лошади.—Взглядъ императора Николая на поѣздки за границу.—Праздникъ въ Петергофѣ.—Тостъ кн. Чарторижскаго въ Остенде за здоровье императора Николая I.—Отъѣздъ изъ Петербурга всей царской фамиліи.—Правительственная коммиссія.—Сломанная ось въ коляскѣ государя.—Изъ разговоровъ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ.—Юбилей князя Варшавскаго-графа-Паскевича-Эриванскаго.—Возвращеніе государя изъ Варшавы.

27-го января 1850 года послѣдовало, наконецъ, разрѣшеніе задачи, долго тревожившей любопытство нашей публики, назначенъ былъ ми-

нистромъ народнаго просвѣщенія князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ. Императоръ Николай, въ бытность еще великимъ княземъ и генералъ-инспекторомъ инженерной части, зазналъ въ инженерномъ департаментѣ Шихматова начальникомъ отдѣленія и съ тѣхъ поръ постоянно сохранялъ о немъ хорошее мнѣніе. Самъ Шихматовъ, бывъ, съ того времени, многіе годы директоромъ канцеляріи, а потомъ департамента министерства народнаго просвѣщенія, наконецъ и товарищемъ министра, неоспоримо долженъ былъ приобрести большую опытность по этой части. При всемъ томъ, новое назначеніе его Петербургъ встрѣтилъ едва-ли не съ такимъ же неудовольствіемъ и порицаніемъ, какъ и возведеніе Вронченко въ санъ министра финансовъ. Съ одной стороны, бѣдный князь не пользовался никакимъ общественнымъ уваженіемъ, его считали за человѣка ограниченнаго, святошу, обскуранта и жалѣли, что именно въ такую эпоху, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ и настроеніи умовъ, къ занятію поста, столь важнаго для будущности Россіи, выборъ палъ на подобное лицо. Съ другой стороны, удивлялись, какъ государь, будучи недоволенъ Уваровымъ, замѣнилъ сего послѣдняго не кѣмъ-либо другимъ, а именно его товарищемъ, бывшимъ передъ симъ многіе годы директоромъ департамента, слѣдственно участникомъ всѣхъ дѣйствій, или бездѣйствія уволеннаго министра... Если такъ думала и говорила та часть публики, которой совсѣмъ нельзя было признать неблагонамѣренною, то многіе другіе шли еще далѣе. Выборъ, говорили они, людей такихъ ограниченныхъ, безхарактерныхъ и безгласныхъ, каковы Вронченко и Шихматовъ, вполнѣ доказываетъ утомленіе государя: эти, уже вѣрно, не будутъ утруждать его новыми мыслями и предложеніями; но между тѣмъ поведутъ свои части къ несомнѣнному упадку. Повторяя давнишнія эпиграммы Пушкина на новаго министра, забавники наши сочиняли и свѣжія, немного переиначивая для того его фамилію. Они называли его, вмѣсто Шихматовъ—Шахматовъ и говорили, что, съ назначеніемъ его, и министерству и самому просвѣщенію въ Россіи данъ не только шагъ, но и м а т ѣ. Другіе, припоминая прежніе литературные труды князя, его опыты духовныхъ стихотвореній, оды, академическія рѣчи и пр., отличавшіяся всегда строгимъ классицизмомъ и бездарностію, злорадно припоминали, какъ все это отдѣлывалось въ журналахъ двадцатыхъ годовъ, когда ни критикамъ, ни цензорамъ, конечно, не могло даже и присниться, что сочинитель станетъ нѣкогда въ главѣ русскаго просвѣщенія и высшимъ начальникомъ послѣднихъ. Наконецъ, среди этихъ насмѣшекъ, эпиграммъ и общаго хохота, всегда столь опасныхъ въ самодержавномъ правительствѣ, гдѣ подданные привыкли вѣрить и должны вѣрить въ непогрѣшимость монарха, выборы послѣдняго времени, такъ мало удовлетворявшіе ожиданіямъ, приводили

на память людямъ болѣе серьезнымъ достопамятныя слова, сказанныя нѣкогда Сперанскимъ Александру I.

— Не однимъ разумомъ, но болѣе силою воображенія дѣйствуетъ правительство на страсти народныхъ и владычествуетъ имъ. Доколѣ сила воображенія поддерживаетъ почести и мѣста въ надлежащей высотѣ, дотолѣ они сопровождаются уваженіемъ; но какъ скоро, по стеченію обстоятельствъ, или вслѣдствіе неудачныхъ выборовъ, сила сія ихъ оставитъ, такъ скоро и уваженіе исчезаетъ.

Впослѣдствіи мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ обстоятельство, послужившее непосредственнымъ поводомъ къ назначенію князя Шихматова министромъ. Въ продолженіе управленія своего министерствомъ въ качествѣ товарища, онъ представилъ государю записку о необходимости преобразовать преподаваніе въ нашихъ университетахъ такимъ образомъ, чтобы впредь всѣ положенія и выводы науки были основываемы не на умствованіяхъ, а на религіозныхъ истинахъ, въ связи съ богословіемъ. Государю такъ понравилась эта мысль, что онъ призвалъ передъ собой сочинителя записки, и Шихматовъ устнымъ развитіемъ своего предложенія дотого успѣлъ удовлетворить августѣйшаго своего слушателя, что, немедленно по его выходѣ, государь сказалъ присутствовавшему при докладѣ цесаревичу:

— Чего же намъ искать еще министра просвѣщенія? Вотъ онъ найденъ.

Императоръ Николай, несмотря на все моральное свое величіе, былъ—смертный и, слѣдственно, не чуждъ человѣческихъ ошибокъ. Управленіе Шихматова доказало, что можно быть хорошимъ казуистомъ, не будучи государственнымъ человѣкомъ; что хорошій начальникъ отдѣленія не есть еще непремѣнно хорошій министръ, и что мало быть до нѣкоторой степени ученымъ и писателемъ, чтобы завѣдывать и направлять дѣломъ общественнаго просвѣщенія въ такой державѣ, какова Россія.

Случайное обстоятельство послужило поводомъ къ тому, что Императорская публичная бібліотека, принадлежавшая около сорока лѣтъ въ министерству народнаго просвѣщенія, вдругъ, высочайшимъ указомъ 7-го февраля 1850 года, причислена къ составу министерства Императорскаго двора. Упомянутое обстоятельство заключалось въ томъ, что я, въ чинѣ тайнаго совѣтника, имѣлъ три года старшинства передъ княземъ Шихматовымъ, и государь, до свѣдѣнія котораго это дошло, призналъ неудобнымъ, чтобы старшій въ чинѣ состоялъ подъ начальствомъ младшаго. Съ этихъ поръ, публичная бібліотека освободилась отъ всѣхъ бюрократическихъ препонъ и приобрѣла все удобство къ полезнымъ въ ней преобразованіямъ, потому что для министра Импера-

торскаго двора не было въ то время (такъ же, какъ и теперь) никакихъ посредствующихъ инстанцій, и князь Волконскій видѣлъ императора Николая всякій день, даже и по нѣскольку разъ въ день. Такимъ образомъ случайный вопросъ чиновнаго старшинства проложилъ этому установленію, не только общепользному, но и принадлежащему къ числу памятниковъ народной славы, новый путь къ преуспѣванію и далъ всѣ средства воззвать его, изъ прежней полудремоты, къ новой плодотворной жизни.

На казенномъ заводѣ, вѣдомства министерства финансовъ, былъ построенъ новый пароходъ въ 80 силъ. Министръ финансовъ, донося о томъ государю, испрашивалъ разрѣшенія: кому сдать пароходъ и какъ его назвать? Послѣдовала революція: «Сдать князю Меншикову, для присоединенія къ составу Балтійскаго флота, а назвать — Графъ Вронченко». Разумѣется, что Вронченко пришелъ въ восторгъ отъ такого новаго знака монаршей милости; но посреди разсказовъ о томъ приближеннымъ, вдругъ на его морщинистый лобъ набѣжало облако заботы. «Одна бѣда: пароходъ поступитъ къ Меншикову, и онъ вѣрно уже выдумаетъ тутъ какую-нибудь колкую шутку на мой счетъ»... И пошли разсужденія о томъ, что могъ бы сочинить Меншиковъ при этомъ случаѣ.

— Чего добраго—замѣтилъ кто-то изъ близкихъ, пользуясь веселымъ расположеніемъ духа своего начальника—вѣдь его станетъ и на то, чтобъ сказать, что на Графѣ Вронченко далеко не уѣдешь.

— Безподобно—подхватилъ обрадованный графъ,—лучше и Меншикову ничего не выдумать, а чтобъ онъ этимъ не воспользовался, такъ я его предварю и самъ стану всѣмъ разсказывать.

На открывшійся постъ-генералъ губернатора виленскаго, гродненскаго, минскаго и ковенскаго былъ назначенъ, совершенно неожиданно для всѣхъ, генералъ-адъютантъ И. Г. Бибииковъ, всю свою жизнь состоявшій при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, но никогда не имѣвшій въ своемъ управленіи никакой отдѣльной части и совершенно чуждый гражданскимъ дѣламъ. Являсь благодарить государя, онъ счелъ долгомъ впередъ призвать на себя его снисхожденіе, если по малоопытности своей будетъ впадать въ ошибки.

— Э, братецъ—отвѣчалъ государь:—кто же изъ насъ въ этомъ не грѣшенъ! Я самъ не разъ ошибался, вѣроятно ошибаюсь не рѣдко теперь и вѣрно буду ошибаться и впредь; за непреднамеренныя ошибки я никогда не взыщу.

Въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 10-го апрѣля всѣ были изумлены при объявленіи совершенно неожиданнаго указа объ уволь-

неніи отъ службы члена Совѣта графа Замойскаго. Никто не зналъ и не умѣлъ объяснить себѣ причины такой внезапной немилости, и уже спустя лишь нѣсколько дней я узналъ ее отъ князя Чернышева. При вступленіи послѣдняго въ должность предсѣдателя Совѣта, онъ, въ представленномъ ему списокѣ членовъ, тотчасъ обратилъ вниманіе на Замойскаго, который лѣтъ уже болѣе пятнадцати не бывалъ въ Петербургѣ и постоянно жилъ за границею. Князь доложилъ о семъ государю, который повелѣлъ отсрочить Замойскому отпускъ въ послѣдній разъ еще на годъ. Этотъ годъ прошелъ, и о Замойскомъ не явилось никакой вѣсти. Вслѣдствіе того поднесены были на выборъ два проекта указовъ: одинъ: «повелѣваемъ уволить вовсе отъ службы», другой: «всемилоостивѣйше повелѣваемъ», и государь подписалъ послѣдній—тотъ, который мы слышали въ Совѣтѣ. По спискамъ, Замойскій имѣлъ Александровскую ленту еще съ 1815 года, Андреевскую же съ 1825 г., а вслѣдъ за усмиреніемъ Польши пожалованъ былъ, вдругъ, въ дѣйствительные тайные совѣтники, въ члены Государственнаго Совѣта и алмазами къ Андреевскому ордену; но послѣ, кажется, противъ него возникли какія-то подозрѣнія или сомнѣнія. По крайней мѣрѣ, разбирая нѣкогда частный архивъ князя Кочубея, я нашелъ въ немъ слѣдующее собственноручное письмо государя отъ 17-го мая 1834 года «*Je vous restitue, cher Prince, le livre des membres du Conseil diminué d'un chiffre (это былъ адмиралъ Чичаговъ, эмигрировавшій въ Англію и исключенный въ то время изъ списковъ Совѣта за разныя непріязненныя разглашенія противъ нашего правительства); puisse t'il être le dernier à en exclure pour pareil motif; je crois cependant que le Comte Zamoyiski suivra le même chemin, ce dont je vais tâcher de me convaincre sous peu*»¹⁾.—Сынъ Замойскаго, нѣкогда флигель-адъютантъ²⁾, бывъ замѣшанъ во всѣ послѣдніе безпорядки, принималъ участіе и въ Дрезденскомъ бунтѣ.

Въ половинѣ апрѣля, государь неожиданно посѣтилъ работы постоянного моста, строявшагося въ то время черезъ Неву, и, обозрѣвъ ихъ въ подробности, остался въ совершенномъ восхищеніи.

¹⁾ Я вамъ возвращаю, дорогой князь, книгу членовъ Совѣта, сокращенную на одну цифру (это былъ адмиралъ Чичаговъ, эмигрировавшій въ Англію и исключенный въ это время изъ списковъ Совѣта за разныя непріязненныя разглашенія противъ нашего правительства); пусть онъ будетъ послѣднимъ исключеннымъ по такой причинѣ; впрочемъ, я думаю, что графъ Замойскій послѣдуетъ по той же дорогѣ, о чемъ я постараюсь въ непродолжительномъ времени убѣдиться.

²⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: „адъютантъ цесаревича Константина Павловича“.

— Это—сказалъ онъ—работы не людей, а великановъ, тѣхъ же, которые поставили Александровскую колонну! и оттуда же написалъ карандашемъ графу Клейнмихелю, чтобы строителя, подполковника Кербедаа, немедленно произвести въ слѣдующій чинъ, всѣмъ находящимся при немъ офицерамъ объявить благодарность, а нижнимъ чинамъ и рабочимъ дать по рублю серебромъ.

Начальникъ главнаго морскаго штаба, князь Меншиковъ, несмотря на свои 62 года, все еще оставался отличнымъ кавалеристомъ и позволялъ себѣ даже скакать въ манежѣ черезъ барьеръ. 14-го апрѣля онъ предавался этому «спорту» въ манежѣ Инженернаго замка, какъ вдругъ, во время такого сальто-мортале, у сѣдла, хотя только-что принесеннаго отъ сѣдельника, оборвалась подпруга, и ѣздокъ ударился, со всего размаха, головою о барьеръ. У него тотчасъ хлынула кровь горломъ, а осмотръ врача обнаружилъ еще и переломъ ребра. Князя отнесли въ находящіяся при манежѣ комнаты Берейтерской школы, гдѣ уложили въ постель и пустили кровь; но замѣчательнѣе всего было при этомъ новое проявленіе безподобной души государя. Едва только дали ему знать о случившемся, онъ немедленно прискакалъ въ манежъ, присутствовалъ при перенесеніи князя съ постели въ карету и сперва нѣсколько времени самъ слѣдовалъ за нею шагомъ, а потомъ, обогнавъ, пріѣхалъ въ домъ и здѣсь на подъѣздѣ ожидалъ прибытія больного, котораго оставилъ не прежде, какъ совершенно его уложивъ, успокоивъ и приказавъ его сыну дать знать себѣ о положеніи отца черезъ нѣсколько часовъ.

Съ постепеннымъ усмиреніемъ смуть на Западѣ и началомъ возвращенія дѣлъ къ законному порядку, императоръ Николай сталъ вообще нѣсколько менѣе строгъ въ разрѣшеніи заграничныхъ отпусковъ, особенно для людей пожилыхъ и тѣхъ, которыхъ онъ не зналъ самъ, но молодымъ людямъ высшаго общества, лично ему извѣстнымъ, онъ продолжалъ отказывать въ позволеніи ѣхать въ чужіе края. Такъ, въ маѣ 1850 г. (еще прежде полученія извѣстія о сдѣланномъ по прусскомъ королѣ выстрѣлѣ) просились туда два молодые камеръ-юнкера, состоявшіе оба на службѣ во II отдѣленіи Собственной канцеляріи: Т. и Л., первый для сопровожденія престарѣлой и больной своей матери, а второй—для поправленія собственнаго здоровья, котораго разстройство было засвидѣтельствовано однимъ изъ первыхъ врачебныхъ нашихъ авторитетовъ. Просьбы обоихъ лично докладывалъ ихъ начальникъ, графъ Блудовъ.

— Вадоръ—отвѣчалъ государь—Л. если боленъ, то можетъ ѣхать на Кавказъ, дѣйствительный не менѣе иностранныхъ водъ, а Т. и по-

давно ѣхать не зачѣмъ, мать это въ такомъ возрастѣ, что можетъ ѣхать одна.

Молодые люди, не удовольствовавшись этимъ оффиціальнымъ отказомъ, попытались было искать благопріятнѣйшаго рѣшенія своихъ просьбъ черезъ дамъ и придворныя свои связи. Это окончательно разгнѣвало государя. Спустя три дня статсъ-секретарь Танѣевъ объявилъ высочайшее повелѣніе о командированіи просителей: одного въ Калугу, а другаго въ Курскъ, къ ревизовавшимъ въ то время эти губерніи сенаторамъ.

Празднество въ Петергофѣ дня рожденія императрицы въ 1850 г. происходило, вмѣсто 1-го іюля, къ которому не успѣли приготовить все нужное—3-го числа. Оно заключалось въ иллюминаціи всѣхъ верхнихъ острововъ и всего пути туда и далѣе до Бабыяго гона, избы котораго, окаймленныя шкаликами, образовали послѣдній, задній планъ всего освѣщеннаго пространства. На пруду передъ павильономъ (Самсономъ) давали балетъ въ устроенномъ для того открытомъ амфитеатрѣ къ которому танцоровъ подвозили съ берега на убранныхъ зеленью небольшихъ паромехъ, имѣвшихъ видъ плавучихъ островковъ. Послѣ ужина въ раскинутыхъ нарочно съ этою цѣлью палаткахъ, царская фамилія со всею свитою ѣздила въ линейкахъ до Бабыяго гона, и все заключилось колоссальнымъ фейерверкомъ. При чудесной погодѣ и необыкновенномъ изяществѣ иллюминаціи и всего убранства, цѣлое походило на сказку изъ тысячи и одной ночи; но все же это былъ не прежній Петергофскій народный праздникъ, укоренившійся, такъ сказать, въ нашихъ обычаяхъ и преданіяхъ, подобно бывалымъ прежде 1-го января народнымъ же маскарадамъ въ Зимнемъ дворцѣ. Многіе старожилы сожалѣли, даже и въ политическомъ отношеніи, объ отмѣнѣ, съ нѣкотораго времени, того и другаго.

— Нѣсколько часовая жизнь по старинѣ и напоминаніе о сей послѣдней,—говорили они,—поддерживаютъ народный духъ, а онъ слышномъ у насъ хорошъ, чтобы желать его измѣненія.

Лѣтомъ на морскихъ водахъ въ Остенде, куда собиралось много польскихъ эмигрантовъ, одинъ изъ нихъ, молодой князь Чарторижскій, за какимъ-то торжественнымъ у нихъ обѣдомъ, предложилъ тостъ, предваривъ заранѣе, что его товарищи ему удивятся, и именно: «à la santé de l'Empereur Nicolas, du dernier Souverain de l'Europe qui reste encore digne de ce titre!»¹⁾ и этотъ тостъ былъ принятъ съ об-

¹⁾ За здоровье императора Николая, послѣдняго Монарха Европы, который еще остается достойнымъ этого титула.

нему симпатію, почти съ восторгомъ. Здѣсь кто-то разсказалъ о немъ государю.

— Diable — отвѣчалъ онъ — commencerais-je à baisser par hazard. pour avoir mérité un pareil honneur de la part de ces Messieurs? » ¹⁾).

Въ началѣ сентября, въ Петербургѣ не оставалось почти никого изъ царской фамиліи. Въ ночь съ 23-го на 24-е августа уѣхалъ послѣдній цесаревичъ, сперва для обозрѣнія губернскихъ военно учебныхъ заведеній, потомъ—на Кавказъ. Великая княгиня Елена Павловна съ дочерью находились, съ половины іюня, на граничныхъ водахъ, а великій князь Константинъ Николаевичъ съ супругою, съ послѣднихъ чиселъ іюля, пользовались Добберанскими морскими купальнями. 7-го сентября отправился и государь на смотръ войскъ, собранныхъ въ Чугуевѣ и Бѣлой Церкви, а оттуда въ Варшаву—черезъ Москву, куда, за нѣсколько дней прежде, выѣхали и оба младшіе его сыны. Наконецъ 10-го числа уѣхала императрица. Все лѣто говорили о томъ, что ей необходимо провести осень въ климатѣ, болѣе благорасположенномъ, нежели тотъ, который господствуетъ къ окрестностямъ Петербурга, а какъ ѣхать въ чужіе края, при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ, не представлялось еще удобнымъ супругъ русскаго императора, то выборъ мѣстности для осенняго ея пребыванія колебался между Крымомъ и Варшавою. Но въ Крыму свирѣствовали губительныя лихорадки, и, кромѣ того, самый переѣздъ туда, осенью, принадлежалъ къ числу геркулесовскихъ подвиговъ. Итакъ всевѣдущій Мандтъ рѣшилъ—ѣхать въ Варшаву или, лучше сказать, въ Ловичъ, такъ какъ мѣстоположеніе Лазенскаго дворца онъ призналъ слишкомъ низменнымъ и отъ того нездоровымъ ²⁾).

Государь, для переѣзда въ Москву, воспользовался частью приво-
дншейся уже тогда къ окончанію желѣзной дороги. Онъ доѣхалъ по ней сперва до Чудовской станціи и, пересѣвъ потомъ опять въ вагонъ у Вышняго Волочка, оставилъ рельсы въ деревнѣ Кольцовой за Тверью. Весь путь въ Москву, съ этими пересадками, потребовалъ 32½ часа, и ровно черезъ трое сутокъ отъ выѣзда государя изъ Петербурга былъ уже отъ него фельдъегерь изъ Москвы.

На время отсутствія изъ Петербурга государя и цесаревича, опять

¹⁾ Чортъ возьми, неужели же я началъ случайно опускаться, чтобы удостоиться такой чести со стороны этихъ господъ.

²⁾ Императоръ Александръ II замѣтилъ: «несправедливо: Матушка съ государемъ провели только нѣсколько дней въ загородномъ дворцѣ въ Сערневицѣ близъ Ловича».

была возобновлена правительственная коммиссія въ томъ же составѣ и на томъ же основаніи, какъ въ 1849 году. Но какъ, спустя нѣсколько дней потомъ возвратился въ Петербургъ великій князь Константинъ Николаевичъ, то и онъ былъ назначенъ членомъ коммиссіи.

При отвозѣ на желѣзную дорогу, только-что принятой изъ мастерской государевой коляски, въ ней, не далѣе какъ на Аничкиномъ мосту, переломилась задняя ось. По докладу о томъ, государь велѣлъ посадить каретныхъ мастеровъ Фребеліусовъ, отца и сына, на гауптвахту: перваго, какъ хозяина заведенія, на два дня, а послѣдняго, какъ завѣдывавшаго работами, на восемь дней. Потомъ, при разговорѣ объ этомъ, оберъ-штабмейстеръ баронъ Фредериксъ разсказалъ мнѣ любопытную вещь. Экипажи какъ государя, такъ и цесаревича, издавна уже изготовлялись въ мастерской Фребеліуса. Въ прежнее время онъ бралъ за дорожную коляску 2.000 р., но за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ у одной точно такъ же переломилась ось, и государь точно такъ же велѣлъ посадить каретника на гауптвахту. При слѣдующей поѣздкѣ коляска стояла уже 3.500 рублей.

Проводя осень 1850 года въ Царскомъ Селѣ, я почти ежедневно ѣздилъ оттуда въ Петербургъ по желѣзной дорогѣ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, жившимъ въ это время въ доставшемся ему по наслѣдству, послѣ Михаила Павловича, Павловскѣ, и тутъ, среди другихъ разговоровъ, я не рѣдко слышалъ разсказы о настоящемъ и о минувшемъ изъ внутренней или домашней жизни царской фамиліи. Говоря о томъ, что онъ и супруга его предпочитаютъ въ Павловскѣ Константиновскій дворецъ Большому, уже и потому, что первый не такъ великъ, великій князь прибавлялъ:

— Мы привыкли къ тѣснотѣ еще съ дѣтства; въ Александріи Саша жилъ въ конюшнѣ¹⁾, младшіе братья — на гауптвахтѣ, а я — почти въ подвалѣ. Вообще, по образу полученнаго нами воспитанія, намъ не привыкать къ лишеніямъ.

Въ другой разъ зашла рѣчь о письмахъ:

— Я, — сказалъ великій князь, — храню всѣ письма, отъ кого-либо и когда-либо мною полученныя, но за то и самъ удостоился такой же

¹⁾ Императоръ Александръ II замѣтилъ: „Я не знаю, откуда онъ (Корфъ) это взялъ. Я никогда не жилъ въ конюшнѣ, а на фермѣ, куда я переѣхалъ изъ такъ-называемаго Котега, въ 1831 году. Мои комнаты занялъ тогда Константинъ Николаевичъ. Впослѣдствіи онъ занялъ особый домикъ вблизи у въѣзда изъ Знаменскаго; младшіе братья жили сначала также въ самомъ Котегѣ, въ моихъ же комнатахъ, а съ 1843 г. — въ зданіи подлѣ, гдѣ прежде помѣщалась кухня и гдѣ они оставались до ихъ свадьбы“.

чести отъ батюшки: онъ сохраняетъ всё полученныя отъ меня письма во время Венгерской кампаніи, и не разъ говорилъ и даже писалъ мнѣ, что только изъ нихъ получалъ прямую и вѣрную идею о ходѣ дѣлъ, которой не могли дать ему официальные донесенія. А знаете ли, кстати, что у насъ въ семействѣ заведено всегда цѣловать обоюдныя письма? И я, и братья, когда получаемъ письма отъ государя, или отъ императрицы, непременно ихъ цѣлуемъ, а они наши, какъ будто бы мы сами другъ съ другомъ цѣловались...

Восхищаясь своимъ первенцомъ, которому тогда шелъ восьмой мѣсяцъ, Константинъ Николаевичъ говорилъ:

— У насъ былъ только большой вопросъ о томъ, какъ звать его по-просту, въ домашнемъ быту. Въ нашей семьѣ столько Николаевъ, что нелегко придумать для каждаго уменьшительное имя. Большаго брата (Николая Николаевича) до сихъ поръ зовутъ Низя ¹⁾—имя, которое осталось за нимъ еще съ моего дѣтства, когда я иначе не могъ его выговорить; Николая Александровича (сына цесаревича) Никсѣ ²⁾; Николая Максимиліановича—Коля, пришлось мнѣ назвать моего—Никóла.

Къ рѣчи о томъ, какъ покойный великій князь Михаилъ Павловичъ, хотя взросъ и воспитывался вмѣстѣ съ государемъ, держалъ себя передъ нимъ, въ присутствіи другихъ, дисциплинарно, называя его не только вы, но всегда ваше величество, и спросилъ, соблюдалъ ли онъ тѣ же формы и въ семейномъ кругу, въ отсутствіе постороннихъ.

— Всегда и непременно,—отвѣчалъ великій князь;—не знаю, какъ бывало у нихъ съ глазу-на-глазъ, но когда находился тутъ хоть одинъ изъ насъ, все шло, какъ и передъ всѣми вами. Но странное дѣло! Въ письмахъ Михаилъ Павловичъ отступалъ отъ этой формы и всегда называлъ государя не иначе, какъ ты и «любезный Никá».

— А вы, ваше высочество, какъ называете государя?

— И я, и наслѣдникъ, и братья, въ письмахъ всегда: «Любезный Папá, а въ разговорѣ тоже папá!»

Государь прибылъ въ Варшаву 3-го октября. Тамъ уже ожидали его принцы: Фридрихъ Нидерландскій съ супругою, Гессенъ-Кассельскій ³⁾, Шлезвигъ-Гольштейнъ-Зондербургъ-Глюксбургскій ⁴⁾ и Евгений Виртембергскій, сверхъ того пріѣхали: вечеромъ того же дня великая

¹⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: „Низя“.

²⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: „Никса“.

³⁾ Императоръ Александръ II прибавилъ: „принцъ Фридрихъ“.

⁴⁾ Императоръ Александръ II прибавилъ: „принцъ Христіанъ“.

княгиня Ольга Николаевна съ супругомъ, а спустя нѣсколько дней, императоръ австрійскій я, отъ прусскаго короля, первый его министръ, графъ Бранденбургъ. Въ Варшавѣ Россія рѣшала судьбу міра, если не совсѣмъ такъ, какъ нѣкогда Наполеонъ въ Парижѣ, то по крайней мѣрѣ въ той степени, сколько позволяли новыя конституціонныя формы Европы и участіе въ правительственной власти самихъ народовъ.

Черезъ день послѣ пріѣзда государя (5-го октября), Варшава была свидѣтельницею торжества особеннаго рода пятидесятилѣтняго юбилея службы ея намѣстника, знаменитаго князя Паскевича. При этомъ случаѣ императоръ Николай окружилъ героя своего царствованія всѣмъ возможнымъ почетомъ. Вся церемонія была подробно описана въ со-временныхъ газетахъ и, читая тогда это описаніе, я невольно перенесся за 18 лѣтъ тому назадъ, когда, утвердивъ, въ полномъ собраніи Государственнаго Совѣта, «Сводъ законовъ», государь возложилъ на Сперанскаго снятую тутъ же съ самого себя Андреевскую звѣзду. Минута эта была тоже глубокоторжественною, но не шла, однако же, ни въ какое сравненіе съ тою оваціею, которой удостоился фельдмаршалъ при празднованіи его юбилея. Кто стоялъ выше: творецъ ли «Свода», или счастливый побѣдитель персіянъ, турокъ, поляковъ и венгровъ, рѣшитъ исторія; но варшавское торжество 1850 года послужило новымъ доказательствомъ, что между полководцемъ и государственнымъ чело-вѣкомъ слава и блескъ—всегда на сторонѣ перваго. Румянцовымъ, Орловымъ, Суворовымъ, Кутузовымъ, Барклаемъ воздвигнуты памятники, а графъ Сперанскій, какъ я уже однажды сказалъ, живетъ—только въ своихъ дѣлахъ!

Государь пожелалъ, чтобы къ пріѣзду въ Варшаву императора австрійскаго прислано было туда 30 чело-вѣкъ нижнихъ чиновъ изъ полка его имени, въ полной новой обмундировкѣ. Повелѣніе объ этомъ привезъ фельдъегерь изъ Бѣлой Церкви; отсюда послали за людьми въ Ямбургъ, гдѣ стоялъ полкъ и, по обмундированіи, отправили ихъ къ мѣсту назначенія на почтовыхъ, такъ что отъ минуты послышки фельдъегеря изъ Бѣлой Церкви до прибытія людей въ Варшаву прошло всего—десять дней! Изумительно и почти невѣроятно; но примѣчательны были и слова, при разсказѣ о томъ, князя Чернышева:

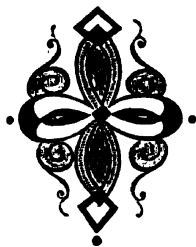
— Въ теченіе долготѣтняго моего управленія военнымъ министерствомъ, я, быстротою и распорядительностью моею, такъ избаловалъ государя, что онъ теперь ничего не считаетъ невозможнымъ.

Государь возвратился изъ Варшавы въ ночь на 21-е октября, прямо Царское Село; но на этотъ разъ, въ ожиданіи императрицы, кото-рая намѣревалась предпринять обратный путь 25-го числа, располо-

жилъ въ старомъ дворцѣ, а не Александровскомъ, въ которомъ всегда прежде жилъ. Ему казалось слишкомъ грустнымъ оставаться одному въ томъ зданіи, которое было свидѣтелемъ послѣднихъ страданій и кончины его дочери. И потому онъ предпочелъ помѣститься поближе къ цесаревнѣ, жившей, также еще въ одиночествѣ, въ старомъ дворцѣ. Это временное помѣщеніе, самимъ имъ выбранное, было, однакожъ, нисколько не великолѣпно: всего три покоя, съ однимъ антресольнымъ для камердинера, въ нижнемъ этажѣ, рядомъ съ гауптвахтою.

До возвращенія императрицы, пребываніе государя въ Царскомъ Селѣ было, впрочемъ, болѣе номинальное. Онъ почти столько же времени, или еще и болѣе, проводилъ въ Петербургѣ, оставаясь тамъ часто и ночевать, для италіанской оперы съ Персіани и Маріо и для балета съ Карлоттою Гризи.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

XXI ¹⁾.

С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ Кавелинъ.—Открытіе Николаевского моста. — Празднованіе 25-ти-лѣтія царствованія императора Николая I.

Александръ Александровичъ Кавелинъ, преемникъ графа Эссена (съ 1842 года) въ должности с.-петербургскаго военного генералъ-губернатора, былъ однимъ изъ благороднѣйшихъ, благонамѣреннѣйшихъ и прямодушнѣйшихъ людей, истинный патріотъ, душою и сердцемъ преданный императору Николаю, при которомъ состоялъ адъютантомъ еще въ бытность его великимъ княземъ, и наслѣднику цесаревичу, котораго нѣкогда былъ воспитателемъ. Несмотря на всѣ эти прекрасныя качества, онъ имѣлъ, однако же, и разныя странности, давно уже доставившія ему въ публикѣ репутацію оригинала и нѣкоторымъ образомъ человека эксцентричнаго. Являясь къ разнымъ лицамъ по новой своей должности, онъ всѣмъ жаловался на слабость здоровья и—на свое незнаніе въ дѣлахъ.

— Я—говорилъ онъ,—не имѣлъ ни права, ни возможности отказаться отъ этого назначенія, но чувствую, что найду въ немъ свой гробъ. Къ тому же я долженъ приготовиться, чтобы первое время меня водили за носъ, пока успѣю нѣсколько ознакомиться и съ дѣлами, и съ людьми.

¹⁾ См. «Русск. Стар.» май 1900 г.

Несмотря на такое скромное самосознаніе степени своихъ силъ, Кавелинъ принялся за управленіе со всею ретивостью благороднаго чело-вѣка, жертвующаго для общей пользы своею личностью. Въ званіи генераль-губернатора онъ являлся вездѣ исполненнымъ энтузіазма ре-форматоромъ, пламеннымъ поборникомъ правды и неутомимымъ пре-слѣдователемъ зла, а въ званіи члена Государственнаго Совѣта без-страшнымъ защитникомъ того, что ему казалось справедливымъ. Къ со-жалѣнію, всему этому мѣшали, съ одной стороны, то малое знаніе дѣлъ и формъ, въ которомъ онъ самъ каялся, а съ другой большая вспыль-чивость и смѣсъ искусственной энергіи съ природною слабостію. Отъ этого Кавелинъ не рѣдко представлялъ родъ административнаго Донъ-Кихота, и хотя, вмѣсто вѣтряныхъ мельницъ и призраковъ воображе-нія, долженъ былъ ратовать съ горькою дѣйствительностію, однако, по-добно Ламанчскому герою, не зналъ никакой мѣры въ этой борьбѣ. Такъ, однажды, онъ посадилъ одного частнаго пристава на двѣ недѣ-ли на гауптвахту за то, что увидѣлъ на немъ хорошую шубу, припи-савъ это взяткамъ, хотя у того, случайно, было собственное хорошее состояніе. Въ другой разъ, еще въ началѣ 1843-го года, обозрѣ-вая петербургскую гражданскую палату, онъ, передъ зеркаломъ, без-пощадно разобралъ всѣхъ членовъ за безпорядки и злоупотребленія, на которые не имѣлъ другихъ доказательствъ кромѣ слуховъ; сказалъ предсѣдателю, что лѣнивымъ должно «давать шпоры», одному изъ за-сѣдателей, поднявшемуся для какого-то объясненія, отвѣчалъ, что «если это вызовъ на дуэль, то онъ готовъ съ нимъ драться отъ булавки и до шпаги», и т. п.; словомъ, дошелъ до того, что члены палаты поло-жили записать обо всемъ этомъ въ журналъ и представить Сенату, что отвращено было только посредничествомъ министра юстиціи, графа Панина. Спустя нѣсколько дней, я, вмѣстѣ съ Кавелинымъ, возвращал-ся изъ Совѣта пѣшкомъ, и во всю дорогу онъ разсуждалъ только объ этомъ происшествіи. «Il est clair—говорилъ онъ между прочимъ—qu'il ne faut pas agir de la sorte et surtout à l'égard de sujets mixtes, comme le sont ces Messieurs, qui tiennent encore bien d'avantage au Ministère de la Justice qu'au Gouverneur Général ¹⁾», хотя, впрочемъ, при исторіи надворнаго суда, все легло на одного бѣднаго Эссена. Но что жъ мнѣ дѣлать. Я всякой день повторяю государю, что не гошусь въ генераль-губернаторы, а меня все-таки держатъ. Термометръ генераль-губернатора не долженъ подниматься выше 10°, и плохо ужъ и тог-

¹⁾ Ясно—говорилъ онъ между прочимъ—что не надобно дѣйствовать такъ и особенно по отношенію къ смѣшаннымъ подданнымъ, каковы эти господа, которые придерживаются гораздо болѣе министерства юстиціи, чѣмъ гене-раль-губернатора.

да, если онъ дойдетъ до 11-ти, а мой—безпрестанно вскакиваетъ на 20-ть—et—je finis par brûler le roti ¹⁾. Графъ Панинъ думаетъ, что очень одолжилъ меня, удержавъ членовъ палаты отъ намѣренія ихъ донести о моихъ глупостяхъ Сенату, а я, напротивъ, счелъ бы величайшимъ благодѣяніемъ, если бъ меня хоть за это удалили отъ должности, которая не по моимъ силамъ.....»

Постепенно, однакожъ, благодаря ли Гатчинской ключевой водѣ, которую заставляли Кавелина пить всякое лѣто, или разочаровавшимъ его неудачамъ, онъ пришелъ въ болѣе нормальное положеніе. О новомъ генералъ-губернаторѣ стали почти такъ же мало говорить, какъ о его предшественникѣ. Въмѣсто плута Оводова, тотчасъ имъ прогнаннаго, онъ подчинился вліянію опредѣленнаго имъ правителемъ своей канцеляріи Жданова, къ счастію честнаго человѣка, а въ Совѣтѣ совсѣмъ умолкъ. Но если такимъ образомъ Кавелинъ меньше прежняго выказывалъ свои странности на дѣлѣ, то онъ продолжалъ обнаруживать ихъ въ частныхъ разговорахъ и, сидѣвъ нѣсколько лѣтъ рядомъ съ нимъ въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, я былъ постояннымъ слушателемъ его оригинальныхъ наблюденій и замѣчаній, часто остроумныхъ и мѣткихъ и всегда проникнутыхъ тѣмъ же стремленіемъ къ общему благу, но отличавшихся своею рѣзкостію и особенно безпощадностію—къ собственному его лицу. Когда разсматривалась роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1848-й годъ, онъ шепнулъ мнѣ, что взялся бы сейчасъ убавить послѣдніе на 40 мил. руб.

— Помилуйте, такъ васъ поскорѣе надобно бы сдѣлать министромъ финансовъ!

— Нѣтъ, не министромъ, а только дать бы волю на этотъ разъ. И вотъ что я сейчасъ бы вымаралъ: во-1-хъ, четыре кавалерійскія дивизіи, потому что такой безчисленной кавалеріи, какая у насъ теперь, некуда употребить даже и во всемірной войнѣ; во-2-хъ, четыре дивизіи пѣхоты, потому что и ея у насъ черезъ-чуръ много; въ 3-хъ, всю жандармскую часть, какъ мать однихъ вздорныхъ камеражей и новую лишь, совсѣмъ напрасную отрасль взяточничества; въ 4-хъ, все министерство государственныхъ имуществъ, которое только сосетъ казенныхъ крестьянъ и, вопреки видамъ правительства, внушаетъ имъ, своими неправдами и притѣсненіями, охоту къ переходу въ помѣщичьи; наконецъ, въ 5-хъ, с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, потому что, въ присутствіи государя въ столицѣ, онъ совсѣмъ лишняя спица въ колесницѣ, задерживающая только дѣла; въ отсутствіе же государя долженъ быть не этотъ взнузданный генералъ-губернаторъ, а намѣстникъ съ особыми уполномочіями.

¹⁾ И—я кончилъ тѣмъ, что съелъ жаркое.

— Да это пребогатые мысли, и жаль, что ихъ нельзя ни провести, ни даже предложить.

— Особеннаго богатства тутъ нѣтъ, и лучшее тому доказательство то, что онѣ пришли мнѣ, а я считаю себя дуракомъ и неучемъ и сознаюсь въ томъ не вамъ первымъ; я сказалъ это и государю, когда онъ предназначалъ меня къ надзору за воспитаніемъ наслѣдника. Если онъ не повѣрилъ моей откровенности и настоялъ на своемъ, то по крайней мѣрѣ грѣхъ не на моей совѣсти.

— Когда я сталъ возражать, онъ продолжалъ: «нѣтъ, нѣтъ, ужъ вы меня не разувѣрите: я столько же государственный человѣкъ, сколько и сапожникъ; но и моей, какъ вы это называете, скромности есть предѣлъ: отдавая себѣ полную справедливость, я пригласилъ бы въ ту же компанію и не малую толику изъ этихъ господъ, которые сидятъ вотъ тутъ вмѣстѣ съ нами.

Вдругъ, послѣ смерти попечителя Харьковскаго учебнаго округа, графа Головкина, Кавелинъ, въ февралѣ 1846-го года, заговорилъ со мною о намѣреніи своемъ проситься на его мѣсто. Я принималъ это за мистификацію, или даже и простую шутку, на которую не обращалъ никакого вниманія. Но, спустя нѣсколько дней, мой сосѣдъ очень серьезно объявилъ, уже не мнѣ одному, а и нѣкоторымъ другимъ членамъ, что онъ о своемъ желаніи подалъ государю письмо.

«У меня—говорилъ онъ намъ,—девять человѣкъ дѣтей и самое скудное состояніе; сверхъ того я совершенно разстроенъ въ здоровьѣ, которое съ каждымъ днемъ еще болѣе разрушается отъ теперешней моей должности, оставляющей мнѣ на сонъ едва по пяти часовъ въ сутки, не говоря уже о пожарахъ и другихъ удовольствіяхъ уличной жизни. Живя со всею скромностію, имѣя за обѣдомъ не болѣе четырехъ блюдъ и только разъ въ недѣлю, когда собирается у меня нѣсколько пріятелей, пять, я за всѣмъ тѣмъ, кормя всякой день полдюжину адъютантовъ и чиновниковъ, держа, по необходимости, при огромной квартирѣ, большую прислугу и, по необходимости же, при безпрестанныхъ разъѣздахъ, множество лошадей, въ прошломъ году издержалъ 98.000 руб. (ассигн.), а у меня, казеннаго и своего, нѣтъ и 70.000! Къ чему же это, наконецъ, поведетъ, и неужели я долженъ пустить дѣтей своихъ по міру? Положимъ даже, что государь пополнитъ мой дефицитъ и что, послѣ всѣхъ его благодѣяній, я буду имѣть безстыдство наложить на него эту новую тягость—можетъ ли онъ дать мнѣ въ Петербургѣ Харьковское солнце? Все это я написалъ ему совершенно чистосердечно, прибавивъ, что лучшимъ убѣжденіемъ въ необходимости моего намѣренія могутъ служить тѣ жертвы, съ которыми оно сопряжено: несчастіе лишиться лицеарнія его и наслѣдника, который выросъ на моихъ рукахъ; утрата разныхъ выгодъ и пріятностей, которыми я пользуюсь по

теперешнему моему званію, разлука и съ Петербургомъ, и со всѣми моими знакомыми; наконецъ, самый промѣнъ важнаго поста на такой, по сравненію незначительный и второстепенный. Государь сказывалъ мнѣ, что уже прочелъ мое письмо, но что о содержаніи его объяснится со мною на досугѣ. Наслѣдникъ плачетъ—это утѣшительно для моего сердца—но понимаетъ силу моихъ мотивовъ».

Весь этотъ рассказъ Кавелинъ перемѣшивалъ, по обыкновенію, разными шуточками, преимущественно на собственный свой счетъ.

— Хорошъ я, правда, буду попечитель, едва зная грамоту; но вѣдь на такомъ же мѣстѣ есть ужъ Крафтштремъ (въ Дерптѣ), а теперь назначается Траскинъ (въ Кіевѣ); да они же еще и не знаютъ по-англійски, а я третьяго дня, на прощальномъ обѣдѣ Американскому посланнику Тотту, сказалъ рѣчь на англійскомъ языкѣ; и послушали бы вы какую: то-то была умора и дичь! Къ тому же, если кто станетъ называть меня невѣждою, у меня всегда наготовѣ отвѣтъ: я докторъ университета и какого еще, не шутите, Оксфордскаго!

Въ заключеніе, Кавелинъ сказалъ, что онъ просилъ государя, въ случаѣ соизволенія на его желаніе, отсрочить его переводъ мѣсяца на два, чтобы успѣть провести черезъ Государственный Совѣтъ проектъ, въ то время чрезвычайно его занимавшій, объ учрежденіи страхованія отъ огня въ пользу доходовъ столицы, и шутилъ о томъ, сколько это перемѣненіе произведетъ толковъ въ публикѣ, какъ будутъ говорить о впаденіи его въ немилость, какъ немногіе лишь посвященные провѣдавать настоящую причину, какъ петербургскіе откупщики, которыхъ онъ первый гонитель, отслужать благодарственный молебень за его переводъ и пр.

Между тѣмъ, въ томъ же самомъ засѣданіи Совѣта, въ которомъ онъ такъ съ нами витіюствовалъ, графъ Блудовъ сильно затронулъ лучшего попечителя. Была рѣчь о новой оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ въ Петербургѣ, для сбора въ пользу городскихъ доходовъ. Блудовъ, опираясь на предположенія о семъ мѣстнаго начальства, выражался однако такъ, что его слова представляли нѣкоторое двусмысліе.

— Позвольте спросить—прервалъ его вдругъ иронически Кавелинъ—говорите ли вы въ пользу города, или въ пользу домохозяевъ?

— Не въ пользу города, не въ пользу домохозяевъ—отвѣчалъ Блудовъ—а въ пользу одного невидимаго, но надѣюсь, всегда здѣсь присутствующаго существа, которое называется—здравымъ смысломъ!

Кавелинъ не нашелся ничего возразить; уже только послѣ, сѣвъ на свое мѣсто возлѣ меня, онъ сказалъ:

— Мнѣ слѣдовало бы отвѣчать, что это невидимое существо не всегда, или по крайней мѣрѣ не во всѣхъ здѣсь присутствуетъ, и лучшее доказательство—самъ я!

Мнѣ, искренно и издавна любившему добраго и благороднаго Кавелина, а вмѣстѣ со мною и нѣкоторымъ другимъ, часто приходило на мысль: не имѣютъ ли всѣ эти странныя разговоры корня поглубже, т. е. не суть ли они плодъ болѣзненнаго раздраженія мозговыхъ нервовъ, послѣдствія должности, превосходящей его силы. Вскорѣ сомнѣнія наши превратились, къ сожалѣнію, въ полную увѣренность. Разстройство умственныхъ способностей Кавелина стало въ особенности проявляться чрезвычайно, необузданною раздражительностію, которая отъ словъ перешла опять и въ дѣйствія, не только къ невыносимому положенію его подчиненныхъ, но и къ общей, при огромной власти военнаго генералъ-губернатора, для всѣхъ опасности. Онъ весь исхудалъ, глаза его выкатились и налились кровью, и одинъ уже взглядъ нхъ достаточно обнаруживалъ помраченіе разсудка. Наконецъ, наслѣдникъ цесаревича, часто его посѣщавшій, въ первыхъ дняхъ апрѣля 1846 г. передалъ ему, разумѣется въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ, что государь, во вниманіе къ его нездоровью, отдастъ совершенно на его волю сложить временно свою должность и ѣхать отдохнуть, куда угодно, напиримѣръ въ Гатчину, гдѣ онъ и прежде живетъ. Кавелинъ съ удивленіемъ отозвался, что никогда не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ теперь. Въ страстный четвергъ, 4-го апрѣля, онъ и Василій Перовскій въ качествѣ прежнихъ адъютантовъ великаго князя Николая Павловича, причащались, какъ и всегда дотоѣ бывало, вмѣстѣ съ государемъ въ Аничкиномъ ¹⁾ дворцѣ. Послѣ причастія Кавелинъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

— Государь, теперь, къ сожалѣнію, съ вами нѣтъ ни императрицы, ни великой княжны Ольги Николаевны ²⁾; но у васъ есть заступающіе ихъ должности: я съ Перовскимъ.

При такихъ поступкахъ и рѣчахъ, нѣжная внимательность къ лицу должна была уступить мѣсто общественному благу, и государю не оставалось инаго, какъ едѣлать самому то, чего бѣдный больной не хотѣлъ исполнить доброю волею.

Въ ночь на Свѣтлое Воскресеніе, 7-го апрѣля 1846 года, Кавелинъ согласно просъ бѣ (она была только—въ приказѣ), вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, былъ уволенъ отъ должности с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, съ сохраненіемъ званія генералъ-адъютанта и съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта и сенаторомъ. Его замѣстилъ генералъ-адъютантъ Храповицкій. Несмотря на то, Кавелинъ въ эту самую ночь явился во дворецъ, какъ бы ни въ чемъ не бывало, только уже послѣ нашего христосованія съ государемъ, отслушавъ

¹⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: «въ Зимнемъ».

²⁾ Онѣ были въ Палермѣ.

службу въ своей домово́й церкви. Однимъ изъ первыхъ, попавшихся ему на глаза во дворцѣ, былъ его преемникъ. Кавелинъ бросился на него и такъ стиснулъ въ своихъ объятіяхъ, что едва не задушилъ.

— Ну, братецъ—закричалъ онъ—поздравляю и душевно радъ, что на это мѣсто попалъ ты, а не кто другой; только долженъ сказать, что тебѣ на немъ не прожить и четырехъ мѣсяцевъ¹⁾. Впрочемъ, ты видишь, что я еще не умеръ, и даю тебѣ слово, что хотя ужъ не генераль-губернаторъ, однако, покажѣсь живъ, не перестану защищать и отстаивать моего проекта о страхованіи въ пользу столицы.

— Послѣ, ставъ между дамами, онъ вдругъ началъ изъяснять имъ свое опасеніе *de perdre son pantalon, parce qu'il avait oublié de mettre des bretelles*²⁾. Въ то же утро онъ появился и на разводѣ, а передъ тѣмъ давалъ прощальный завтракъ чинамъ полиціи своей канцеляріи, на которомъ неумолчно говорилъ, все повторяя, что Храповицкому не прожить на новомъ мѣстѣ и четырехъ мѣсяцевъ.

Увольненіе отъ должности военнаго генераль-губернатора было смягчено для Кавелина пожалованіемъ ему Владимірской ленты. Продолжая ѣздить въ Совѣтъ и сидѣть тамъ возлѣ меня, онъ, посреди неистощимой болтовни, рассказывалъ мнѣ, что никогда не думалъ проситься въ отставку, и что въ первую минуту, получивъ, вмѣстѣ съ новою лентою, приказъ объ увольненіи, онъ не могъ вразумиться, съ чего бы это взялось.

— Только уже послѣ обѣдни въ Свѣтлое Воскресеніе—прибавилъ онъ—когда я вошелъ разгавливаясь съ царскою фамиліею, государь сказалъ мнѣ: «Я нашелся принужденнымъ уволить тебя, чтобъ не уморить: видишь, какъ ты исхудалъ, какой у тебя цвѣтъ, какіе глаза! Понимаю, что съ твоимъ здоровьемъ не понести этой тяжелой должности, и не могъ же я взять на свою совѣсть сдѣлаться убійцею того, кто воспиталъ моего сына».

Впрочемъ Кавелинъ, при увольненіи, восстановленъ былъ, такъ сказать, въ первобытное положеніе, т. е. ему дали опять казенную квартиру и экипажъ, которые онъ имѣлъ до назначенія его военнымъ генераль-губернаторомъ, а на наступившее лѣто отвели въ полное распоряженіе стрѣльнинскій дворецъ со всѣми принадлежностями.

— Милости просимъ ко мнѣ туда—повторялъ онъ мнѣ нѣсколько

¹⁾ Предсказаніе это сбылось, если не вполне, то довольно близко. Храповицкаго еще въ томъ же апрѣлѣ, на ученьи войскъ, въ присутствіи государя на Царицыномъ лугу, разбилъ параличъ и хотя въ этотъ разъ его еще спасли, однако онъ умеръ 30-го марта 1847 года.

²⁾ Опасеніе потерять свои панталоны, потому что онъ забылъ надѣть подтяжки.

разъ—васъ будутъ ожидать тамъ: радушный пріемъ, линейка, чтобы ѣхать въ Сергіевскую пустыню, ерши, трубка, сигары и халаты.

Съ этого времени моральное здоровье Кавелина стало быстро упадать. Онъ прибилъ свою несчастную жену; открылъ всѣ окна въ комнатѣ, гдѣ лежали въ корн его дѣти, и сталъ опрыскивать ихъ холодною водою; просидѣлъ девять часовъ сряду въ торговой банѣ, откуда могли вызвать его только извѣстіемъ, что къ нему пріѣхалъ наслѣдникъ, бросился съ ножомъ на учителя своихъ дѣтей потому что, будто бы послѣдніе мало оказываютъ успѣховъ; словомъ, надѣлалъ и продолжалъ дѣлать столько безразсудствъ, что, по волѣ государя, нашлись въ необходимости приставить къ нему жандармскаго офицера и четырехъ переодѣтыхъ жандармовъ, вездѣ за нимъ слѣдовавшихъ и наблюдавшихъ. Вскорѣ, однако, убѣдились, что, сверхъ этихъ мѣръ предосторожности нужно и настоящее, очень серьезное лѣченіе, и его, вмѣсто Стрѣльны, отправили въ маѣ въ славившееся въ то время заведеніе для умалишенныхъ въ Килѣ. На эту повѣдку, при которой больного сопровождали особый врачъ и жандармскій полковникъ Мирковичъ, государь съ истинно царскою щедростію пожаловалъ 4 тысячи червонныхъ.

Пробывъ за границею болѣе года, Кавелинъ возвратился къ намъ въ іюлѣ 1847 г. Умственные его силы, казалось, вполне возстановились, глаза вошли въ свою орбиту, огонь взглядовъ и рѣчей потухъ, а онъ сдѣлался какъ всѣ люди. Въ это лѣто и онъ и я жили въ Царскомъ Селѣ, такъ что мы часто видались и внѣ Совѣта, куда онъ снова сталъ ѣздить, но гдѣ, по случаю новыхъ между тѣмъ назначеній членовъ, сидѣлъ уже не рядомъ со мною, а напротивъ меня. О прошедшемъ своемъ положеніи онъ, очевидно, зналъ, но касался его лишь полусловами.

— Я восемь мѣсяцевъ не спалъ—говорить онъ мнѣ при первомъ нашемъ свиданіи—и естественно, что такая бессонница должна была отозваться и на все другое; теперь, когда я опять сталъ спать, и все другое прошло.

Такъ продолжалось до конца 1848 года, когда въ бѣдномъ нашемъ товарищѣ снова стали проявляться сомнительные признаки. Впервые мы это замѣтили на балѣ у наслѣдника цесаревича въ Царскомъ Селѣ 9-го ноября, гдѣ Кавелинъ болталъ безъ умолка и не всегда разсудительно, предавался необыкновеннымъ порывамъ живости и опять ужасно кривлялся, какъ бывало во время полного его съумасшествія; во время же ужина, сидя между статсъ-дамами за царскимъ столомъ, онъ рассыпался въ разныхъ нелѣпостяхъ и даже неблагопристойностяхъ. Все это длилось еще, однако, кое-какъ, года съ полтора, хотя многое сходило только по тому уваженію, что Кавелина, съ послѣдней его болѣзни, какъ бы условились считать «уморительнымъ чудакомъ».

11-го іюня 1850-го года праздновалось съ особымъ торжествомъ пятидесятилѣтіе назначенія государя шефомъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка ¹⁾. Бывъ нѣкогда въ томъ же полку ротнымъ командиромъ, Кавелинъ также участвовалъ въ этомъ торжествѣ и въ слѣдующій четвергъ, во время послѣдняго засѣданія Государственнаго Совѣта предъ вакантнымъ временемъ, ему вдругъ пришло на мысль описать все происходившее празднество для газетной статьи. Онъ тутъ же схватилъ перо и цѣлое засѣданіе пачкалъ своими гіероглифами (у него былъ ужаснѣйшій почеркъ) лежавшій передъ нимъ листъ бумаги, безпрестанно обращаясь черезъ столъ ко мнѣ за совѣтами для редакціи.

— Знаете ли чтó—заклучилъ онъ наконецъ—вы хорошо пишете, а мнѣ это ремесло не далось, и я въ жизни ничего не печаталъ: я набросалъ свои мысли, а въ понедѣльникъ пріѣду съ гвардейскихъ маневровъ, къ вамъ въ Царское Село, чтобы вы все это поочистили.

Привыкнувъ къ проказамъ моего пріятеля, я увѣренъ былъ, что эта выдумка его точно такъ же скоро испарится, какъ и явилась; но случилось иначе. Въ понедѣльникъ меня будятъ въ 8 часу.

— Что такое?

— Пріѣхалъ Кавелинъ и сейчасъ васъ требуетъ.

Воспользовавшись нѣсколькими часами роздыха между маневровъ, онъ прискакалъ ко мнѣ съ своею пьесой, прямо изъ Краснаго Села.

— Ну, давайте читать—сказалъ я.

— Чего читать (между тѣмъ онъ пожиралъ нѣсколько чашекъ кофе съ ужасною массою кренделей, запивая все это еще сахарною водою со льдомъ); чего читать; я и самъ ничего не разберу въ моихъ гіероглифахъ; прежде всего надо введеніе.

— Гдѣ оно?

— Да его еще нѣтъ.

— Ну, такъ давайте писать, и, взявъ карандашъ, я набросалъ ему нѣсколько вступительныхъ словъ.

Точно также распорядились мы потомъ и съ текстомъ. Въ его подготовкѣ оказалось всего лишь нѣсколько отрывочныхъ, безобразныхъ фразъ. По мѣрѣ какъ онъ читалъ ихъ, едва разбирая, я давалъ содержанію ихъ форму и связь и являлъ нашу импровизацію на бумагу. Такимъ образомъ, вся статья, отъ перваго слова до послѣдняго, была написана моею рукою, хотя, разумѣется, и изъ этой редакціи, среди без-

¹⁾ Государь назначенъ былъ въ это званіе собственно 28-го мая, но какъ въ 1800 году сіе число пришлось въ Троицынъ день—Измайловскій полковый праздникъ—то и торжество юбилея отложено было до этого же праздника, павшаго въ 1850 году на 11-е іюня (императоръ Александръ II чинилъ: «не отъ того, а потому что 28-го мая 1850 г. государь былъ еще въ Варшавѣ»).

престанныхъ шутокъ и прибаутокъ, вышло не много дѣльнаго, еще менѣе изыскаго.

— Я—говорилъ мой чудакъ—лучше сохрани юнкогнито и не подписуй подъ моею статьею, а вамъ—полное мое спасибо за пересмотръ; да чего спасибо: вотъ лучше гривенникъ на счастье въ картахъ.

И это награжденіе повторялось, въ томъ же размѣрѣ, три раза, такъ что я наконецъ сталъ уже гнать моего гостя, говоря, что иначе онъ оставитъ у меня все свое состояніе. Работа наша продолжалась слишкомъ два часа и, когда она была кончена, Кавелинъ спокойно уложилъ мои листы въ свой портфель и поскакалъ опять въ Красное Село.

— Не правда ли—говорилъ онъ, садясь въ карету—что государь долженъ остаться очень доволенъ этою статьею, и что мнѣ будетъ большое спасибо, если онъ провѣдаетъ, что—она моя.

— Разумѣется—отвѣчалъ я—и надо признаться, что это спасибо будетъ вполне заслуженное.

По докладу военного министра, которому Кавелинъ представилъ статью, она была одобрена государемъ и появилась въ 140 номерѣ (28-го іюня) «Русскаго Инвалида» за подписью «Старый Измайловецъ».—Разумѣется, что мое тутъ участіе осталось совершенно безгласнымъ, но Кавелинъ, получивъ за свою статью изъясненіе благодарности отъ государя и комплименты въ публикѣ, совсѣмъ увлекся этимъ первымъ успѣхомъ на литературномъ поприщѣ. Пусться напропалую сочинять даже стихами, онъ въ особенности занялся составленіемъ новой газетной статьи о происходившемъ въ то время торжествѣ по случаю перемѣны знаменъ Преображенскому и Семеновскому полкамъ, и лирическаго воззванія къ государю объ освобожденіи изъ рукъ невѣрныхъ Святыхъ мѣстъ. Эти попытки малоопытнаго писателя приводили его безпрестанно ко мнѣ, какъ пользовавшемуся, послѣ первой удачи, уже неограниченнымъ его довѣріемъ. Но отъ литературы письменной, его бесѣды переходили иногда и въ литературу пластическую. Такъ однажды отобѣдавъ у насъ, т. е. просидѣвъ съ нами за столомъ, не прикоснувшись ни къ одному блюду за безпрестанными разсказами, онъ вдругъ схватилъ шаль моей жены и, драпировавъ ее около своей головы, сталъ произносить, наизусть, дѣльныя тирады изъ Расиновыхъ трагедій, въ подраженіе знаменитой актрисѣ Сень-Жоржъ... Все это носило на себѣ опять несомнѣнный характеръ прежняго его положенія; но и тутъ, среди безостановочнаго потока самыхъ разнообразныхъ мыслей и словъ, случались у него минуты, истинно—умилительныя и высокія, именно когда рѣчь касалась наслѣдника престола. При безпредѣльномъ обожаніи къ бывшему своему воспитаннику, Кавелинъ,

во всѣхъ разсказахъ и воспоминаніяхъ о немъ, становился неистощимымъ повѣствователемъ, истиннымъ поэтомъ, вдохновеннымъ любовникомъ, отъ словъ котораго нельзя было оторваться. Во всемъ прочемъ печальное состояніе его разсудка выказывалось не только среди такого маленькаго общества, какъ въ моей семьѣ, но и вездѣ, во всѣхъ многочислѣннѣйшихъ собраніяхъ, наиболѣе жестокою, неумолимою болтовнею, такъ что даже во дворцѣ, на вечерахъ у императрицы, всѣ шептали: «*mais voyez donc se raucvre Kaveline: il est derechef fou!*» ¹⁾...

Между тѣмъ онъ все продолжалъ не только выѣзжать, но, когда кончилось вакантное время, и бывать каждый разъ въ Совѣтѣ. 25-го сентября докладывался въ немъ проектъ новаго тарифа; но намъ, сосѣдямъ Кавелина, вмѣсто тарифа, приходилось слушать все одиѣ его розсказы, не чуждыя, впрочемъ, даже въ этомъ его положеніи, жизни и мысли, но совершенно эксцентрическія и гдѣ онъ, по обыкновенію, шадилъ всѣхъ менѣе—самого себя. Главнымъ его слушателемъ и невольнымъ повѣреннымъ и въ Совѣтѣ являлся опять таки я. Чего ужъ не было тутъ наговорено, мало того, чего не было и написано! Если онъ умолкалъ на минуту, то тотчасъ же принимался писать на доскуткахъ бумаги, и что же писать? Безъ всякаго повода и побужденія—біографическія и характеристическія замѣтки о своемъ лицѣ, которыя онъ потомъ, безъ просьбы моей, передавалъ мнѣ «для сохраненія въ потомствѣ».

Къ несчастію, въ этотъ разъ ему уже не суждено было выздороветь!

Въ первыхъ дняхъ октября, бѣднаго отвезли, почти силою, въ Гатчину, гдѣ приставили къ нему частнаго пристава Цылова, человека издавна ему преданнаго, и одного изъ врачей дома умалишенныхъ, доктора Вертера. Здѣсь, проводя цѣлыя дни въ неумолчномъ разговорѣ, безъ сна и пищи, онъ, при малѣйшемъ возраженіи, даже если просто перебивали его рѣчь, впадалъ въ бѣшенство, билъ стекла и рвалъ на себѣ платье. Изъ семейства никто не былъ къ нему допускаемъ, потому что видъ кого-либо изъ своихъ только еще болѣе его раздражалъ. Наконецъ Богъ умилился надъ страдальцемъ. Безпрестанное ненормальное напряженіе духа разрушило его организмъ. Утихнувъ только наканунѣ смерти, онъ скончался 4-го ноября 1850 года, на 58 году отъ роду. 7-го былъ совершенъ надъ тѣломъ погребальный обрядъ въ Троицкой церкви Измайловскаго полка, и потомъ его отвезли въ Сергѣевскую пустыню. При печальной церемоніи присутствовали государь и великіе князья, кромѣ наслѣдника цесаревича, которому судьба не позволила отдать послѣдній долгъ бывшему наставнику; его высочество

¹⁾ Но взгляните на этого бѣднаго Кавелина, онъ опять сумасшедшій.

совершалъ въ то время, какъ уже сказано было выше, многознаменательное путешествіе свое по Кавказскому краю.

Миръ праху твоему, благородный и добрый человекъ, вѣрный слуга царскій, положившій на службу монарху лучшее достоиніе человѣческой природы—разумныя свои силы!

Извѣстно, что день восшествія на престолъ императора Николая, съ перваго года его царствованія, установлено было праздновать 20-го ноября, хотя Александръ Благословенный скончался 19-го числа; но это празднованіе существовало лишь въ календарѣ и, ограничиваясь свободю присутственныхъ мѣстъ отъ засѣданій и учебныхъ заведеній отъ классовъ, никогда не сопровождалось ничѣмъ особеннымъ при дворѣ, такъ что государь не выходилъ даже и къ обѣднѣ. И въ 1850 году, когда наступило двадцатипятилѣтіе славнаго царствованія, онъ заранѣе всѣмъ объявилъ, что не намѣренъ ничѣмъ отличить этого дня отъ другихъ.

— Съ одной стороны—говорилъ онъ,—какой тутъ для меня праздникъ? 20-го ноября 1825 я былъ просто бригаднымъ командиромъ ¹⁾, и самое восшествіе мое на престолъ могу считать только съ 14-го декабря. Съ другой стороны 20-е число сопряжено для меня съ столькими грустными воспоминаніями, по предшествовавшей ему кончѣ моего благодѣтеля, что я очень далекъ отъ того, чтобы считать его какимъ-нибудь торжествомъ, и не болѣе вижу причины праздновать за 25 лѣтъ, чѣмъ за 15, или за 10.

Вслѣдствіе того, 20-го ноября 1850 года не послѣдовало никакихъ приглашеній въ Царское Село, гдѣ находился еще въ то время дворъ и, по убѣжденію наслѣдника цесаревича, государь позволилъ отличить этотъ юбилей лишь—молитвою. Въ 1 часу былъ въ Царскосельской дворцовой церкви благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, но въ присутствіи только цесаревича ²⁾, его супруги, дѣтей и братьевъ, государь же и императрица находились при молебнѣ, такъ сказать, инкогнито, на хорахъ. Въ Петербургѣ собирались сдѣлать по крайней мѣрѣ иллюминацію, отличавшуюся отъ обыкновенныхъ, и вездѣ уже были настроены лѣса, какъ 18-го числа вдругъ пришло повелѣніе ихъ разобрать и всѣ приготовленія уничтожить, ограничивъ иллюминацію, какъ всегда бываетъ въ царскіе дни, одними площадками. Наконецъ, даже освященіе постояннаго Николаевского моста, вполнѣ оконченнаго къ двадцатипятилѣтію царствованія, государь не захотѣлъ совершить въ роковое 20-е число. Оно происходило только на другой день, 21-го, и при

¹⁾ Императоръ Александръ II отиѣтилъ: „дивизионнымъ начальникомъ“.

²⁾ Императоръ Александръ II добавилъ: «и императрицы».

томъ съ неожиданною простотою. Освятительный молебенъ совершалъ, въ 10 часовъ утра, священникъ института корпуса сообщеній, при однихъ чинахъ этого вѣдомства; государь же, присутствовавъ при церковномъ парадѣ на полковомъ праздникѣ л.-гв. Семеновскаго полка, пріѣхалъ къ мосту уже въ половинѣ 2-го, только съ цесаревичемъ и его братьями и съ княземъ Чернышевымъ, безъ другой свиты, такъ какъ никому не было послано повѣщенія. У моста ожидали его графъ Клейнмихель со всѣми офицерами своего корпуса и графъ Вронченко съ членами биржеваго и городского управленій; кромѣ того на улицахъ, въ окнахъ и даже на крышахъ, кляло безчисленное множество народа. Какъ скоро государь вышелъ изъ коляски, чтобы пройти по мосту, вся эта толпа хлынула за нимъ, и онъ совершилъ свой первый переходъ въ торжественномъ сопровожденіи половины Петербургскаго населенія, занявшей плотно всю ширину моста. Когда онъ сталъ приближаться къ противоположному берегу, его встрѣтило громкое ура! поставленныхъ тамъ рабочихъ, которое, будучи подхвачено толпою, не умолкало потомъ на всемъ возвратномъ шествіи. На половинѣ его, государь поздравилъ строителя Кербедза, шесть лѣтъ передъ тѣмъ еще капитана, генераломъ и и кавалеромъ ордена св. Владиміра 3-й степени, сѣлъ съ цесаревичемъ въ коляску и, проѣхавъ остальную половину моста шагомъ, немедленно затѣмъ удался. Этимъ все и кончилось. Едва государь уѣхалъ, какъ на мосту началось настоящее гулянье пѣшеходовъ и въ экипажахъ, двигавшихся шагомъ, въ два ряда.—Тутъ показались и великія княгини Марія Николаевна и Александра Іосифовна. Бывшія передъ тѣмъ оттепели совершенно согнали снѣгъ, и мостъ, также какъ и принадлежащія къ нему части площади и улицъ, были усыпаны пескомъ, какъ бы среди лѣта; но только-что открыли проѣздъ по мосту для публики, пошелъ снѣгъ, и къ вечеру все приняло совершенно зимній видъ. До того и во всю церемонію день стоялъ самый мрачный, такой, какіе рѣдки даже и въ Петербургской осени.

Послѣ былъ обѣдъ въ Царскосельскомъ дворцѣ, но единственно для офицеровъ Семеновскаго полка ¹⁾, по случаю ихъ полковаго праздника.

14-е декабря, тотъ день, который императоръ Николай считалъ днемъ настоящаго восшествія своего на престолъ, въ 1850 году имѣлъ особенное значеніе. 25 лѣтъ передъ тѣмъ энергія и присутствіе духа молодого царя спасли Россію; но при тогдашнихъ мрачныхъ предзнаменованіяхъ и при общемъ почти предубѣжденіи противъ личности великаго князя Николая Павловича, многимъ ли, въ то время, дано было предугадать будущее, это будущее, которое мы теперь называемъ уже про-

¹⁾ Императоръ Александръ добавивъ: „и для строителей моста“.

шедшимъ и которое такъ славно и величественно разрѣшило всѣ сомнѣнія и вопросы той эпохи! Двадцать пять лѣтъ рыцарской доблести, высшаго государственнаго разума, неизмѣнной твердости, наусыпно-терпѣливаго трудолюбія и добросовѣстнѣйшаго самоотверженія,—какая славная сокровищница воспоминаній!

Скромный лѣтописецъ дня 14-го декабря не удостоился чести находиться при празднованіи его двадцатипятилѣтія въ чертогахъ царскихъ; но вотъ слышанное мною тогда же отъ очевидцевъ.

Въ 11 часовъ собраны были въ малую дворцовую церковь, по обыкновенію, всѣ сподвижники 14-го декабря 1825 года ¹⁾, сколько ихъ оставалось еще на лицо, къ благодарственному молебствію и къ «вѣчной памяти» рабу Божию графу Михаилу и всѣмъ другимъ, падшимъ въ этотъ день за царя и отечество, но, сверхъ всегдашнихъ гостей, приглашены были, на этотъ разъ, и офицеры гвардейскихъ полковъ: Преображенскаго, Семеновскаго и Лейбъ-Гренадерскаго, которыхъ императоръ Николай считалъ себя съ этого числа 25-ти-лѣтнимъ шефомъ. Послѣ молебствія и обычнаго цѣлованія, государь вышелъ въ Арабскую залу, гдѣ стояли офицеры сказанныхъ полковъ, и поблагодаривъ сперва всѣхъ вообще за вѣрную службу, обратился потомъ съ отдѣльнымъ словомъ къ преображенцамъ.

— А васъ, преображенцы—сказалъ онъ ²⁾,—благодарю въ особенности. Вы знаете, какимъ страннымъ случаемъ мы болѣе сблизились ³⁾, а потому мы составляемъ общую семью, и моя семья принадлежитъ вамъ, такъ какъ вы принадлежите мнѣ. Вотъ вамъ три поколѣнія—онъ въ это время держалъ за руку цесаревича и старшаго его сына;—теперь вы знаете, кому служить. Служите же имъ такъ, какъ вы служили мнѣ и ваши дѣти, надѣюсь, будутъ служить моимъ такъ, какъ вы служили мнѣ.

Слова эти были произнесены тономъ рѣзкимъ, отрывочнымъ, въ которомъ слышались слезы. Кругомъ все рыдало...

Послѣ этой умилительной церемоніи былъ, на Адмиралтейской площади, большой парадъ всему гвардейскому корпусу. Здѣсь проходя мимо 1-го батальона Преображенскаго полка и замѣтивъ, что полковникъ заботливо приводитъ людей въ порядокъ, государь сказалъ ему громко, въ общее услышаніе:

¹⁾ Императоръ Александръ II добавилъ: „такъ какъ это повторилось каждый годъ“.

²⁾ Въ такомъ видѣ рѣчь государева записана была, вслѣдъ за ея произнесеніемъ, общимъ трудомъ офицеровъ.

³⁾ Намекъ на 14-е декабря 1825 г., гдѣ Преображенскій полкъ первымъ явился къ государю на площадь.

— Оставь, никому не уступлю чести командовать 1-мъ батальономъ Преображенскаго полка.

Къ сожалѣнію, двумя полками на этомъ парадѣ: Кавалергардскимъ и Конногвардейскимъ, онъ остался чрезвычайно недоволенъ и тутъ же изъяснилъ ихъ начальникамъ свое неудовольствіе, приказавъ сдѣлать имъ на другой день повтореніе на Семеновскомъ плацу.

На этотъ же другой день, т. е. 15-го, былъ парадный обѣдъ въ большой аванзалѣ Зимняго дворца, опять для всѣхъ принимавшихъ участіе въ потушеніи бунта 14-го декабря, для военной свиты государственой и для офицеровъ трехъ упомянутыхъ полковъ, въ томъ числѣ и вышедшихъ въ отставку, или перемѣнившихъ родъ службы. За обѣдомъ, на которомъ присутствовали и всѣ царственныя дамы, государь, при громѣ военной музыки, произнесъ тостъ:

— «За здоровье моихъ сослуживцевъ», а послѣ стола разговаривалъ милостиво со всѣми служившими въ 1825 году, ротными командирами въ Преображенскомъ полку, въ настоящую эпоху, разумѣется уже генералами.

14-е декабря 1850 года ознаменовалось еще небывалой дотогѣ у насъ наградой. Ипподіаконъ Прохоръ Ивановъ, о подвигахъ котораго я говорилъ въ моемъ описаніи этого дня въ 1825 году, былъ украшенъ—первымъ въ дьяконскомъ санѣ отъ существованія нашей церкви—орденомъ св. Анны 3-й степени. Императору Николаю и въ этомъ случаѣ не измѣнила память сердца!

XXII.

1851 годъ.

Званія барона Корфа съ герцогомъ Мекленбургъ-Стрѣлицкимъ.—Парадный выходъ на Иорданъ.—Военный министръ кн. Долгорукій.—Разговоръ съ маской.—Дѣло въ Государственномъ Совѣтѣ объ отдачѣ всѣхъ дорогъ въ вѣдомство путей сообщенія.—Передача въ Публичную бібліотеку изъ Эрмитажной всѣхъ латинскихъ книгъ.—Варшавскія балетныя тавцовщцы въ Петербургѣ.

Въ день новогодія, большаго выхода не было, и только приближенные собирались къ обѣднѣ въ малую церковь. Послѣ Божественной службы, государь, по обыкновенію, обходилъ высшихъ сановниковъ и, увидѣвъ меня, пожалъ мнѣ руку и спросилъ шутя: «Ну что, много ли у тебя прибываетъ книгъ?»—Потомъ, пройдя нѣсколько шаговъ далѣе, онъ вдругъ воротился опять назадъ и съ словами: «а рггроз, мнѣ надо тебѣ кое-что сказать», взялъ меня подъ руку и увелъ въ столовую, возлѣ ротонды.

— Женихъ Екатерины Михайловны ⁽¹⁾,—сказалъ онъ, когда за нами затворились двери,—какъ я по всему вижу, прекрасный и образованный молодой человѣкъ, желающій и общающій быть полезнымъ новому своему отечеству. Для этого ему не достаетъ, однако же, двухъ существенныхъ вещей: знанія нашего языка и знанія Россіи. Первое будетъ дѣломъ времени и уроковъ, которые онъ намѣренъ брать; въ послѣднемъ я полагаю надежду на тебя. Чтобы ознакомиться съ Россіею, ему необходимо начать прежде всего съ государственнаго ея быта и устройства. Я говорилъ объ этомъ съ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ (Блудовымъ); но сомнѣваюсь, чтобы онъ могъ мнѣ указать способнаго человѣка: тутъ нуженъ не одинъ просто-ученый, тѣмъ менѣе педантъ, который набьетъ съ перваго раза аскомину, а больше всего государственный человѣкъ, который обнимаетъ вещи выше и знаетъ не только прошедшее, но и намѣренія правительства. Могу ли надѣяться, что ты окажешь мнѣ эту дружбу? Прошу тебя о томъ въ одолженіе себѣ и Еленѣ Павловнѣ и въ память покойнаго брата, который такъ тебя любилъ... Пожалуйста же устрой это дѣло.

Я отвѣчалъ, что почту за счастье, сколько умѣю и пр., но что тутъ есть одно затрудненіе, именно необходимость объясняться съ герцогомъ не на родномъ языкѣ.

— Помилуй—возразилъ государь—да ты говоришь по-французски и по-нѣмецки такъ же свободно, какъ и по-русски!

— Такъ, ваше величество, но объ этихъ высшихъ государственныхъ предметахъ и вопросахъ мы привыкли думать, а слѣдственно и говорить преимущественно на своемъ языкѣ.

— Не принимаю этой отговорки, да не хочу и видѣть въ твоихъ словахъ непривычной отъ тебя отговорки. Кто-то тамъ изъ вашихъ поэтовъ сказалъ: *Ce que l'on conçoit bien s'énonce clairement* ²⁾. А ты мнѣ никогда ни въ чемъ не отказывалъ, и память брата вѣрно вдохновитъ тебя. Повторяю, ты это сдѣлаешь и для меня и для него.

Мнѣ оставалось только припасть къ его рукѣ.

Никто не обладалъ болѣе императора Николая обаятельнымъ искусствомъ просить, тогда какъ всякое его слово уже и безъ того, и по долгу, и по чувству, принималось нами за священное приказаніе.

Дальнѣйшій ходъ этого дѣла относился уже только лично до меня: почему ему и не мѣсто въ настоящихъ листахъ.

¹⁾ Герцогъ Мекленбургъ-Стрѣлицкій Георгъ, не задолго передъ тѣмъ пріѣхавшій въ Петербургъ и помолвленнй съ единственною изъ пережившихъ дочерей покойнаго великаго князя Михаила Павловича.

²⁾ Государь договорилъ и слѣдующій стихъ этого известнаго нареченія Буало.

Въ 1851 году государю удалось, наконецъ, исполнить давнишнее свое желаніе: именно совершить въ праздникъ Богоявленія тотъ парадный выходъ на Іордань, котораго Петербургъ, за постоянно препятствовавшею ему погодою, или другими обстоятельствами, не видалъ съ 1819 года. Въ этотъ разъ, при двухъ всего градусахъ холода и довольно тихой погодѣ, дѣло сошло прекрасно. Первоначальная мысль была размѣстить всѣ войска на самой рѣкѣ; но оказалось, что пѣхотный полкъ вѣсить до 13.000, а Кавалерійскій до 45.000 пудовъ и, при тогдашней теплой зимѣ, не рѣшились довѣрить тонкому льду такую ношу. Вслѣдствіе того войска были разставлены, густыми колоннами, вокругъ дворца, по набережной и площадямъ, а процессія двинулась, черезъ весь большой дворцовый дворъ, къ главнымъ воротамъ, и оттуда, обогнувъ дворецъ направо, по дорожкѣ, усыпанной сверхъ снѣга пескомъ, къ Іорданю, устроенному на всегдашнемъ его мѣстѣ. За многочисленнымъ духовенствомъ шли рука объ руку, цесаревна и великая княгиня Марія Николаевна, а вслѣдъ за ними, попарно, придворныя дамы и фрейлины, всего, однако, не болѣе восьми царъ, потому что прочія, побоявшись простуды, или остались въ залахъ, или совсѣмъ не пріѣхали во дворецъ. Государь, цесаревичъ и пр. ѣхали возлѣ процессіи верхомъ и во всю церемонію водоосвященія оставались на лошадяхъ. Устроивая передъ тѣмъ войска, они вообще въ этотъ день совсѣмъ не входили въ церковь, гдѣ за литургіею присутствовали только обѣ великія княгини, участвовавшія потомъ въ крестномъ ходѣ, и герцогъ Лейхтенбергскій. При опущеніи креста въ воду, загремѣли пушки какъ съ крѣпости, такъ и со стрѣлки у биржи, гдѣ стояла артиллерія. Все заключилось церемоніальнымъ маршемъ мимо государя, ставшаго у наслѣдничьяго подъѣзда.

Князь Чернышевъ, при увеличивавшейся его болѣзанности, а отъ нея и дряхлости, не могъ болѣе переносить совокупно лежавшаго на немъ бремени должностей предсѣдателя Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ и военнаго министра.

По ходатайству его рѣшено было, съ начала 1851 года, всю хозяйственную часть военнаго министерства отдѣлить въ самостоятельное управленіе его товарища, князя Долгорукова, съ тѣмъ чтобы послѣдній лишь въ нѣкоторыхъ, особенно важныхъ случаяхъ, испрашивалъ разрѣшеніе министра, дѣлая впрочемъ всѣ свои доклады государю не иначе, какъ въ его присутствіи. Это былъ, въ короткое время, уже второй случай, что при живомъ и дѣйствующемъ министрѣ завѣдываніе текущими дѣлами, или, по крайней мѣрѣ, частію ихъ, передавалось товарищу, а при личныхъ докладахъ послѣдняго, министръ присутствовалъ почти лишь какъ совѣщательный слушатель. Подобное же распоряженіе испросилъ, незадолго передъ тѣмъ, государственный

канцлеръ графъ Нессельродъ для министерства иностранныхъ дѣлъ. И надобно замѣтить, что, въ обоихъ случаяхъ, это было послѣдствіемъ не какой-либо немилости къ лицу министровъ, а, напротивъ, избытка милости, въ уваженіе къ ихъ заслугамъ и преклоннымъ лѣтамъ.

Императоръ Николай и въ зиму 1851 года все еще продолжалъ любить и часто посѣщать публичные маскарады, особенно въ Дворянскомъ собраніи, гдѣ они отличались болѣею живостію и многолюдствомъ, нежели въ Большомъ театрѣ. На одномъ изъ такихъ маскарадовъ, къ нему подошла какая-то женская маска съ восклицаніемъ:

- Я тебя знаю
- И я тебя.
- Не можетъ быть.
- Точно знаю.
- Кто же я такая?
- «Дура» и отвернулся.

Отвѣтъ очень мѣткій на важное открытіе, что маска знаетъ— государя, произнесенное еще по-русски, слѣдственно, по всей вѣроятности, какою-нибудь горничною, или прачкою.

Дороги во всемъ государствѣ, кромѣ шоссейныхъ, всегда вѣдались, черезъ посредство губернаторовъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а главное управленіе путей сообщенія и публичныхъ зданій, завѣдывая единственно дорогами искусственными, т. е., шоссе, не имѣло никакого прикосновенія къ прочимъ. Вдругъ, въ 1849 году, по непосредственному, безъ всякаго сношенія съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, докладу графа Клейнмихеля, государь повелѣлъ устройство и завѣдываніе всей вообще дорожной части въ имперіи сосредоточить исключительно въ главномъ управленіи путей сообщенія, утвердивъ на сей конецъ и поднесенное графомъ особое положеніе, но съ тѣмъ, чтобы оно имѣло дѣйствіе, въ видѣ опыта, три года, а по истеченіи ихъ было представлено на окончательное разсмотрѣніе, въ установленномъ порядкѣ. Лишь только положеніе сіе огласилось, министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Перовскій, вооружился противъ него съ крайнимъ ожесточеніемъ и, въ неоднократныхъ запискахъ государю, старался оспорить какъ самое основаніе мѣры, такъ и всѣ подробности новаго положенія, домогаясь его отмѣны и возстановленія исполнѣ прежняго порядка. Эти возраженія и опроверженія противъ нихъ графа Клейнмихеля безпрестанно возобновлялись, болѣе года, такъ что государь приказалъ, наконецъ, разсмотрѣть все дѣло въ Государственномъ Совѣтѣ, который, съ своей стороны, передалъ его на предварительное соображеніе во II-е отдѣленіе собственной его величества канцеляріи. Здѣсь графъ Влудовъ взялъ сторону графа Клейнмихеля, а соединенные департа-

менты законовъ и экономіи, куда заключеніе Блудова поступило въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1850 года, ограничились лишь разсмотрѣніемъ вопроса о томъ: представляются ли довольно настоятельныя причины къ отміну высочайше утвержденнаго Положенія 1849 года прежде истеченія трехлѣтняго срока, назначеннаго для испытанія его на опытѣ, и, разрѣшивъ этотъ вопросъ отрицательно, разборъ возраженій графа Перовскаго противъ сущности и подробности сего Положенія заключили отложить до минованія упомянутаго срока, т. е. до того времени, когда оно будетъ представлено на окончательное разсмотрѣніе. Журналъ о семъ, возросшій, отъ многихъ и продолжительныхъ споровъ обоихъ министровъ, до огромной книги, листовъ во сто, но въ которомъ собственное заключеніе департаментовъ занимало всего нѣсколько лишь страничекъ, они передали сперва, по формамъ Совѣта, Перовскому, отъ котораго онъ воротился съ коротенькимъ отзывомъ, что министръ сей остается при прежнемъ своемъ мнѣніи. Въ такомъ видѣ дѣло было заявлено къ слушанію въ общемъ собраніи Совѣта и выложено въ его залѣ открытымъ для предварительнаго прочтенія всѣми членами. Но, какъ бы нарочно, цѣлые два мѣсяца отъ этого времени заботѣвали, поочередно, то Клейнмихель, то Перовскій, и два чрезвычайныя засѣданія, назначавшіяся для разбора ихъ борьбы, были одно за другимъ отмінены, а между тѣмъ все болѣе и болѣе разгорались страсти. Ни тотъ, ни другой изъ противниковъ не пользовались особеннымъ расположеніемъ публики, но и у того, и у другаго были, однаковъ, свои приверженцы, и эти приверженцы, враги и друзья, обратили ихъ дѣло нѣкоторымъ образомъ въ общее дѣло цѣлаго города. Вся публика провѣдала и о предметѣ спора, и о подробностяхъ его обстановки, и о заключеніи соединенныхъ департаментовъ, и всѣ въ обществѣ, раздѣляясь на два стана, съ нетерпѣливымъ любопытствомъ ждали минуты, когда оба соперника выйдутъ на бой лицомъ къ лицу; и чѣмъ онъ окончится. Наконецъ, въ январѣ 1851 года, тяжущіеся выздоровѣли; ничто болѣе не мѣшало приступить къ развязкѣ драмы, и давно ожидаемое дѣло было назначено къ слушанію на понедѣльникъ, 15-го числа. Наканунѣ нашъ предсѣдатель, князь Чернышевъ, при частомъ со мною разговорѣ, на вечерѣ у себя, отозвался, что совершенно раздѣляетъ взглядъ соединенныхъ департаментовъ (я тоже въ нихъ присутствовалъ), придавая даже дѣйствіямъ Перовскаго какъ-бы значеніе оппозиціи противъ монаршей воли. Это, кажется, было нѣкоторымъ отголоскомъ свыше. По крайней мѣрѣ министръ государственныхъ имуществъ, графъ Киселевъ, имѣвшій свой докладъ всегда по понедѣльникамъ, передъ Совѣтомъ, рассказывалъ мнѣ послѣ, что въ этотъ день государь отпустилъ его съ словами:

— Ну что, теперь вы идете меня судить? Надѣюсь, однако жъ, что мнѣ не запретать приказывать.

Сначала засѣданіе было чрезвычайно скучно: ибо, несмотря на то, что всѣ члены предварительно уже прочли журналъ соединенныхъ департаментовъ, князь Чернышевъ призналъ нужнымъ соблюсти формальность и велѣлъ снова читать его въ общее услышаніе, что заняло болѣе трехъ часовъ. За то, когда чтеніе окончилось и графъ Перовскій выступилъ впередъ, общее вниманіе напряглось въ высшей степени и половина членовъ обступила оратора, чтобы не потерять ни слова изъ его рѣчи. Для людей опытныхъ, съ перваго ея слова замѣтно было, что она выучена наизусть по-написанному, а такая рѣчь никогда не можетъ произвести того эффекта, какъ импровизація. Обладая, однако, чудесною памятью, Перовскій говорилъ безостановочно, я думаю, съ полчаса и, вмѣсто вопроса: есть ли настоящая причина тотчасъ отмѣнить дѣйствіе Положенія 1849 года, вошелъ въ подробное разсмотрѣніе частныхъ его недостатковъ. Отвѣтъ графа Клейнмихеля, произнесенный въ большомъ раздраженіи и отрывочными фразами, отнюдь не имѣлъ силы, соотвѣтственной нападенію его противника. Онъ ограничивался наиболѣе стараніемъ доказать, что новое Положеніе измѣнило лишь вѣдомство управленія, но нисколько самыхъ его правилъ, и ссылаясь на единодушныя похвалы и благодарности, поступающія отъ всѣхъ губернаторовъ за это Положеніе. На первое Перовскій возразилъ развитіемъ обстоятельствъ, изъ которыхъ, по его мнѣнію, оказывалось, что Положеніе 1849 года не только измѣнило существовавшія дотолѣ правила, но даже потрясло права губернаторовъ и самаго дворянства, «чего,—продолжалъ онъ,—конечно не могло быть въ виду государя императора при утвержденіи Положенія по одностороннему докладу главноуправляющаго, такъ какъ мы видимъ теперь, что и самъ докладывавшій того не зналъ»... На второе Перовскій отзывался, что если главноуправляющимъ получаютъ похвалы за Положеніе 1849 года, то, напротивъ, до него, Перовскаго, доходятъ со всѣхъ сторонъ единодушныя жалобы, доказывающія, что дѣло не можетъ такъ продолжаться. За исключеніемъ обоихъ соперниковъ, изъ числа всѣхъ прочихъ членовъ сказалъ нѣсколько словъ въ защиту Клейнмихеля только графъ Блудовъ, и, хотя они произнесены были безъ свойственной ему обыкновенно энергіи, однако дѣло, въ предѣлахъ вопроса, постановленнаго соединенными департаментами и снова повтореннаго княземъ Чернышевымъ, видимо склонялось въ пользу Клейнмихеля, какъ вдругъ всталъ наслѣдникъ цесаревичъ.

— Позвольте и мнѣ,—произнесъ онъ среди общаго безмолвія,—сказать нѣсколько словъ по этому предмету. Что касается собственно до настоящаго дѣла, то хотя многія замѣчанія министра внутреннихъ дѣлъ

кажутся мнѣ основательными, однако всякое сужденіе объ нихъ теперь я считаю преждевременнымъ, такъ какъ Положеніе уже утверждено государемъ императоромъ, въ видѣ опыта, на три года, слѣдственно, возможность и обязанность постановить наше заключеніе настанетъ только по истеченіи этихъ трехъ лѣтъ. Но, чтобы не быть намъ поставленными въ такое же непріятное положеніе когда-нибудь и впредь, я считаю совершенно необходимымъ и справедливымъ ходатайствовать у государя именемъ Государственнаго Совѣта о подтвержденіи всѣмъ министрамъ и главноуправляющимъ (послѣднее слово было произнесено съ особеннымъ удареніемъ), чтобы на будущее время, по дѣламъ, прикосновеннымъ къ другому вѣдомству, никто изъ нихъ не могъ входить съ докладами, или испрашивать высочайшихъ повелѣній, даже и временно, или въ видѣ опыта, иначе, какъ по сношенію и соглашенію съ тѣми, до кого предметъ касается. Вотъ мое искреннее мнѣніе, отъ котораго я не могу отступить и которое прошу Государственный Совѣтъ повергнуть на высочайшее воззрѣніе.

Нельзя вообразить себѣ электрическаго дѣйствія, которое эта рѣчь, произнесенная съ такимъ же достоинствомъ и величіемъ, какъ и спокійствіемъ, произвела на всѣхъ присутствовавшихъ. Цесаревичъ выразилъ то, что было въ мысли у многихъ, но чего никто, кромѣ именно его, не могъ и, можетъ быть, не смѣлъ выговорить. Клейнмихель не нашелся сказать ни слова; между всѣми прочими членами пробѣжалъ общій шопотъ одобренія, а Перовскій выросъ цѣлью головою и сталъ предлагать, чтобы по крайней мѣрѣ въ тѣхъ губерніяхъ, на которыя еще не распространенъ новый порядокъ, его не вводить. Цесаревичъ и тутъ отвѣчалъ съ большою силою, что какъ высочайшая воля была и есть произвести повсемѣстный опытъ и уже по послѣдствіямъ его придти къ окончательному заключенію, то противно было бы сей волѣ останавливаться такимъ опытомъ, или дѣлать его не вполнѣ и не вездѣ. Далѣе, Перовскій пытался еще навести сомнѣніе въ томъ, представить ли главноуправляющій путями сообщенія, къ указанному сроку, окончательный проектъ и, въ подтвержденіе сему сомнѣнію, предъявилъ печатный экземпляръ какого-то другаго Положенія по тому же вѣдомству, утвержденнаго въ 1843 году, также въ видѣ опыта, на два года, и все еще остающагося въ своемъ дѣйствіи. Отвѣтъ на это Клейнмихеля, въ очень рѣзкомъ тонѣ, былъ тотъ, что какъ уже есть повелѣніе ввести проектъ, то, при привычкѣ его неупустительно исполнять высочайшую волю, сіе, конечно, будетъ сдѣлано и въ настоящемъ случаѣ. Этимъ споръ завершился, и Чернышевъ провозгласилъ окончательно, что «Государственный Совѣтъ утверждаетъ заключеніе соединенныхъ департаментовъ, со сдѣланною его высочествомъ прибавкою».

— На чьей же сторонѣ осталась побѣда?—спрашивали члены, расхо-

дьясь изъ засѣданія. Конечно, не на сторонѣ Перовскаго: ибо, хотя противной сторонѣ поставленъ на видъ неправильный ея образъ дѣйствія, однако возраженія его, Перовскаго, признаны несвоевременными, и самое Положеніе, противъ котораго онъ протестовалъ, оставлено въ своей силѣ. Но, конечно, и не на сторонѣ Клейнмихеля: ибо, хотя Положеніе оставлено въ своей силѣ, но не по внутреннему его достоинству, напротивъ, весьма оспоренному, а только потому, что оно высочайше утверждено, самый же образъ исходатайствованія, или исхищенія этого утвержденія признанъ неправильнымъ, и Клейнмихелю сдѣлано за то, отъ наслѣдника престола, хотя косвенное и осторожное, но тѣмъ не менѣе весьма сильное гласное замѣчаніе. Наконецъ, и не на сторонѣ соединенныхъ нашихъ департаментовъ: ибо, хотя заключеніе ихъ утверждено, но упомянутое замѣчаніе могло быть отнесено, частію, и къ нимъ, какъ не выставившимъ замѣченнаго цесаревичемъ важнаго нарушенія формы. Словомъ, дѣло было такого рода, что каждая сторона, болѣе или менѣе, могла сказать, по простонародной поговоркѣ: ненарокомъ, да съ оброкомъ!

Исторія этого замѣчательнаго засѣданія немедленно доведена была княземъ Чернышевымъ, въ предварительномъ докладѣ, до высочайшаго свѣдѣнія. Государь вполне одобрилъ все, сказанное цесаревичемъ, велѣвъ только, вмѣсто внесенія его рѣчи, соответственно общему порядку, въ журналъ Совѣта, облечь сущность ея въ форму высочайшаго повелѣнія, какъ бы непосредственно отъ государя испедашаго, и въ этомъ видѣ объявить Комитету министровъ, съ такою прибавкою, чтобы впредь въ случаѣ представленій, касающихся предметовъ двухъ или болѣе вѣдомствъ въ совокупности, они были подносимы всегда за общимъ подписаніемъ начальниковъ каждаго изъ нихъ. Такимъ образомъ, слѣдъ рѣчи наслѣдника цесаревича остается только въ настоящихъ моихъ листахъ. Побужденіе, руководившее государя въ этомъ измѣненіи порядка, наблюдаемаго въ Совѣтѣ при составленіи журналовъ, представлялось, впрочемъ, очень естественнымъ. Цѣлію его было и въ этомъ случаѣ охранить всю, такъ сказать, дѣвственность самодержавія, не допустивъ примѣра, чтобы Совѣтъ присвоилъ себѣ, даже и въ лицѣ сына и наслѣдника царскаго, инициативу въ предметѣ, содержащемъ въ себѣ косвенное порицаніе собственнаго поущенія императора.

Въ началѣ года, князь Волконскій вдругъ сообщилъ мнѣ высочайшее повелѣніе о томъ, что въ Публичную бібліотеку переданы будутъ изъ Эрмитажной всѣ вообще книги на латинскомъ языкѣ.

— Что это значитъ?—спросилъ я у князя при свиданіи.

— То, что государь терпѣть не можетъ латыни съ тѣхъ еще поръ, когда его мучили надъ нею въ молодости и не хотеть, чтобы въ новомъ

музеѣ (такъ, на первыхъ порахъ, называли иногда вновь отстроенный Эрмитажъ) оставалось что-нибудь на этомъ, ненавистномъ ему языкѣ.

Спустя нѣсколько дней послѣ того, при бракосочетаніи великой княжны Екатерины Михайловны съ герцогомъ Мекленбургскимъ (4-го февраля), государь, увидѣвъ меня, спросилъ, шутя:

— Ну что, не выпрыгиваютъ ли у тебя книги изъ библіотеки? А я велѣлъ, чтобъ къ тебѣ впрыгнули всѣ латинскія книги изъ Эрмитажа: терпѣть не могу вокругъ себя этой тоски!

— А мнѣ, государь, на-дняхъ удалось купить для библіотеки нашъ дѣтскій автографъ на латинскомъ языкѣ: *клоненія и спривенія* (*).

— Въ самомъ дѣлѣ? Поздравляю: желаю, чтобъ это обратилось тебѣ въ пользу.

Впослѣдствіи, по представленію начальника музея, что ему необходимы тѣ изъ латинскихъ сочиненій, которыя, по своему содержанию, имѣютъ отношеніе къ предметамъ его коллекцій: археологическихъ, нумизматическихъ и пр., упомянутое повелѣніе было отмѣнено, и государь, вмѣсто того, приказалъ обратить въ Публичную библіотеку всѣ книги по части богословія, правовѣднія, медицины, философіи и пр.

Государю, въ продолженіе многократныхъ его пребываній въ Варшавѣ, чрезвычайно понравился тотъ особенный шикъ, съ которымъ поляки танцуютъ мазурку, и онъ захотѣлъ подѣлиться этимъ удовольствіемъ съ петербургскою публикою. Въ слѣдствіе того, изъ Варшавской балетной труппы выписали сюда четыре пары, и 2-го февраля онъ дебютировали у насъ своею національною мазуркою, вставленною въ Моцартову оперу: *Le nozze di Figaro*. Публика была приведена въ такой восторгъ этимъ танцомъ, что рукоплесканія перешли, наконецъ, въ изступленные крики. Но всего интереснѣе тутъ былъ—самъ государь. Всегда столь спокойный и неподвижный въ своей ложѣ, онъ, въ это представленіе, махалъ руками для поднятія занавѣса, подавалъ знаки оркестру, билъ тактъ и пр. Словомъ, во всемъ видно было великодушное его желаніе, чтобы вызванные имъ изъ Варшавы танцоры встрѣчены были радушнымъ приѣмомъ со стороны петербургской публики.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Послѣ умершаго сенатскаго оберъ-секретаря Фіалковскаго, собиравшаго всякія рѣдкости и старину.

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

XXIII ').

1851 годъ.

Опрокинутыя сани.—Слова Николая I о герцогѣ Мекленбургъ-Стрелицкомъ.—Статья о Фавни Эльслеръ.—Князь Петръ Михайловичъ Волконскій.—Баронесса Фредериксъ.—Ударъ съ княземъ Чернышевымъ.—Праздники 1-го іюля.—Мостъ во Владиміръ.—Генералъ-маіоръ Поливановъ.—Театръ въ Красномъ Селѣ.—Маневры.—Смерть Френа и Полънова.—Открытие Московской желѣзной дороги.—Внезапное возвращеніе государя изъ путешествія.—Разсказы о Брестъ-Литовскомъ шоссе.—50-лѣтній юбилей графа Вронченко.—Варшавская желѣзная дорога.—Піеска „Чему быть, тому не миновать“.—Пріемные дни русской аристократіи въ Парижѣ.—Присяга великаго князя Николая Николаевича.—Новыя правила для посѣтителей Публичной бібліотеки.—Занятія, по волѣ государя, статсъ-секретаря барона Корфа съ великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами.—Разговоръ государя о Публичной бібліотекѣ, о частныхъ коллекціяхъ, о Лун-Наполеонѣ, лордѣ Гренвиллѣ, драмѣ Кукольника „Денщикъ“, о женахъ сосланныхъ по дѣлу 14-го декабря.

Н а масляницѣ, поздно вечеромъ, государь возвращался въ санихъ въ Зимній дворецъ. Посреди Адмиралтейской площади, застроенной балаганами, его кучеръ неосторожно задѣлъ ѣхавшія мимо извозчичьи сани, которыя опрокинулись. Первымъ движеніемъ государя было выскочить изъ своихъ и подбѣжать къ лежавшимъ на боку извозчичьямъ. «Не ушиблись ли вы?»—спросилъ онъ у поднявшихся уже на ноги сѣдока и извозчика. Первый, узнавъ тотчасъ спрашивавшаго, отвѣчалъ, что ему не сдѣлано никакого вреда, а послѣдній жаловался только на то, что

') См. „Русскую Старину“ іюнь 1900 г.

у его саней переломили оглобли. Между тѣмъ, государь, не полагаясь на повторенныя увѣренія сѣдока, что онъ нисколько не ушибся, заставилъ его, почти силою, сѣсть въ свои, царскія сани и ѣхать въ нихъ домой, а самъ пошелъ ко дворцу пѣшкомъ, велѣвъ извозчику слѣдовать за собою. Но послѣдній, тоже узнавъ, изъ словъ сѣдока, съ кѣмъ столкнулся, вмѣсто исполненія приказанія, со страху повернулъ въ другую сторону. На другой день, однако жъ, онъ, по приказанію государя, былъ отысканъ полиціею и приведенъ во дворецъ, гдѣ, за свою гривенную оглоблю получилъ—25 р. сер.

Опрокинутый сѣдокъ былъ родственникъ генералъ-адъютанта барона Мейендорфа, нѣкто Вольфъ, молодой человѣкъ, только-что выпущенный изъ школы. Но государь, усаживая его въ свои сани, не спросилъ, кто онъ таковъ, и обо всемъ этомъ случаѣ узнали уже на другой день, изъ разсказовъ самого Вольфа своимъ роднымъ.

Послѣ уже начатія повелѣнныхъ мнѣ занятій съ герцогомъ Мекленбургскимъ, я случайно встрѣтилъ государя, на обычной его пѣшеходной прогулкѣ. Остановясь со мною, онъ милостивѣе, кажется, чѣмъ когда-нибудь, пожалъ мнѣ руку со словами: «Спасибо за новую дружбу».—Затѣмъ, мимоходная наша бесѣда, хотя и на улицѣ, но при ярко-сіявшемъ полувесеннемъ солнцѣ (2-го марта) продолжалась минутъ пять, и государь, въ продолженіе ея, распространился съ похвалою о прекрасныхъ дарованіяхъ новаго моего ученика, о благородномъ его характерѣ, живомъ желаніи быть полезнымъ Россіи и пр.

Положеніе его,—сказалъ онъ, между прочимъ—трудное, ибо согласись, что благородному человѣку не легко отказаться отъ родины и посвятить себя новому отечеству, устроенному совсѣмъ на другихъ началахъ, но онъ, кажется, понялъ уже, что править Россіею, и теперь весь нашъ.

При такихъ разговорахъ на улицахъ, или въ саду ¹⁾, государь всегда приказывалъ собесѣднику тотчасъ накрываться, хотя бы то было пльтомъ.

Если въ Петербургѣ танцовщица Фанни Эльслеръ всегда вызывала живой восторгъ, то въ Москвѣ, гдѣ она давала представленія въ продолженіе зимы съ 1850-го на 1851-й годъ, этотъ восторгъ достигъ совершеннаго неистовства, переступившаго даже предѣлы приличія. Такъ, изъ-подъ ея экипажа выпрягали лошадей и возили на себѣ, при чемъ

¹⁾ Бывъ ими удостоиваемъ весьма часто, я вношу сюда, разумѣется, только тѣ, которые могутъ служить въ какомъ-нибудь отношеніи къ характеристикѣ императора Николая.

должностныя лица сядились на козлы, на запятки и т. п. Петербургская публика знала, что такія неумѣстныя выходки возбудили большое неудовольствіе государя, но что впрочемъ выраженію ихъ не препятствовали официально. Вдругъ, въ «Сѣверной Пчелѣ» (21-го марта № 64), появились стихи, порицавшіе и осмѣивавшіе эту восторженность, но въ такомъ тонѣ и съ такой точки зрѣнія, которые мнѣ представились почти столько же неумѣстными, какъ и сама та восторженность. Въ городѣ говорили, что эти стихи напечатаны—по Высочайшему повелѣнію; но какъ высшему нашему Цензурному комитету (2-го апрѣля 1848 г.) ничего не было дано о томъ знать, то я и счелъ, по обязанности его предсѣдателя, противнымъ долгу нашего призванія удержаться отъ представленія государю замѣчаній о неправомерности сихъ стиховъ. Въ Комитетѣ, по предложенію моему, состоялся слѣдующій журналъ.

«Комитетъ, по разсмотрѣніи напечатанныхъ въ «Сѣверной Пчелѣ» стиховъ, подъ заглавіемъ: «Отрывокъ изъ Московской жизни», нашелъ, что, содержа въ себѣ, можетъ стать, и справедливое, но весьма, однако же, рѣзкое порицаніе всего московскаго населенія, по случаю преувеличеннаго чествованія Фанни Эльслеръ, они едва-ли могутъ быть признаны приличными въ томъ отношеніи, что сравниваютъ и какъ бы ставятъ въ параллель переходящія похвалы нѣсколькихъ восторженныхъ лицъ съ тѣми общими, священными чувствами вѣрнопопдавнической любви и преданности, за которыя вся Москва удостоивалась всегда изъясненій монаршаго благоволенія.

«Считая, что включеніе въ напечатанные для публики стихи подобнаго сравненія не можетъ не быть огорчительно для самой большей части московскихъ жителей, не участвовавшихъ въ этихъ смѣшныхъ изліяніяхъ восторга, и потому неумѣстно, комитетъ долгомъ признаетъ такое заключеніе свое повергнуть на Высочайшее воззрѣніе».

Слухи городскіе оказались справедливыми. Журналъ нашъ возвратился съ слѣдующею надписью государя, не показывавшею, впрочемъ, никакого неудовольствія на комитетъ: «Напечатано съ моего дозволенія, какъ полезный урокъ за дурачества части Московскихъ тунеядцевъ».

На другой день, графъ Орловъ, по докладу котораго разрѣшено было напечатать стихи, разсказалъ мнѣ, что государь пенялъ ему за непредвареніе нашего Комитета, что они будутъ напечатаны по его волѣ.

— За то—прибавилъ государь—Комитетъ порядкомъ погонялъ меня!

Черезъ присоединеніе Публичной бібліотеки къ составу министер-

ства императорскаго двора, я имѣлъ случай болѣе сблизиться съ начальникомъ этого министерства, княземъ Петромъ Михайловичемъ Волконскимъ, котораго до тѣхъ поръ зналъ болѣе, только по его прежнимъ служебнымъ подвигамъ и по обществу, и весьма мало по дѣловымъ сношеніямъ. Этотъ примѣчательный, историческій старецъ, котораго современная публика не очень жаловала за брюзгливость и еще болѣе за скупость, забывая, что онъ скупится не на свои, а на царскія деньги, тотчасъ приковалъ къ себѣ все мое вниманіе, все глубокое уваженіе. Несмотря на жестокую болѣзнь, выдержанную имъ въ 1845-мъ и 1846-мъ годахъ, и которую всѣ врачи признавали въ то время безусловно смертельною, онъ до такой степени оправился и ожилъ, что въ 1850-мъ нельзя было замѣтить слѣдовъ этой болѣзни ни въ физическомъ, ни въ моральномъ отношеніи. Онъ былъ бодръ тѣломъ и духомъ до невѣроятности, и чудесную, часто удивлявшую меня память, сохранилъ до самой своей кончины. Пріѣзжая къ нему часовъ въ 10 утра и ранѣе, я всегда заставлялъ его уже не только одѣтымъ, но даже въ мундирѣ, и всегда за бумагами. Взглядъ его на предметы, изощренный многолѣтнею опытностью и проходившею черезъ его руки массою важнѣйшихъ и разнообразнѣйшихъ дѣлъ, былъ необыкновенно ясенъ; онъ понималъ и обнималъ все съ перваго слова, почти прежде, нежели это слово было вполне выговорено; между тѣмъ давалъ докладывающему высказаться, внимательно выслушивалъ, рассуждалъ, не перебивая и не смѣшивая предметовъ, и хотя обыкновенно начиналъ съ отказа, особливо когда дѣло шло о новой издержкѣ, но потомъ склонялся на убѣжденія, или побѣдно отвѣчалъ на нихъ самыми логическими возраженіями; словомъ, работать съ нимъ было истиннымъ наслажденіемъ. Врагъ, и въ себѣ и въ другихъ, всякаго пустословія, всякаго фразерства, жеманства, всего напыщеннаго, привыкнувъ при множествѣ его занятій дорожить временемъ, онъ прямо шелъ къ корню, къ основѣ дѣла, и бумаги его отличались такимъ лаконизмомъ, которому, при нашей бюрократической плодовитости, не встрѣчалось примѣра ни въ какомъ другомъ вѣдомствѣ. Рѣдкая изъ нихъ переходила на вторую страницу. Но, потому же самому, ненавидя всякое шарлатанство и все не относившееся прямо къ дѣлу, онъ требовалъ такой же сжатости и отъ другихъ. Лоскъ и блески редакціи не производили на него никакого дѣйствія: чѣмъ короче и проще, тѣмъ лучше, хотя бы являлся одинъ сухой скелетъ. Человѣкъ дѣла и практики, Волконскій былъ далекъ отъ всякой идеологіи; но, впрочемъ, въ то время, когда я ближе узналъ его, и отъ всякаго энтузіазма. Здраваго ума, логики, рассудительности, всего этого было въ немъ пропасть, но жестоко ошибся бы тотъ, кто сталъ бы искать или старался бы возбудить въ немъ огонь, воодушевленіе, поэзію мысли: онъ былъ холоденъ, какъ воплощенный

опытъ. При краткости и сжатости формъ изложенія, распространявшейся у него равно и на бумаги, и на изустную работу, князь успѣлъ отправленіе дѣлъ по своему министерству довести до изумительной степени быстроты, хотя почти по каждому изъ нихъ требовался предварительный докладъ государю, и хотя каждую бумагу, была ли она изъ Государственнаго Совѣта, или отъ простаго мужика, онъ непременно самъ прочитывалъ всю, отъ начала до конца. Едва проходилъ одинъ день, много два, отъ представленія или вопроса, и уже являлся отвѣтъ, съ изысченіемъ испрошенной имъ высочайшей воли. Наконецъ, что касается до внѣшняго обращенія князя, то оно было очень просто, также безъ фразъ, нѣсколько даже холодно, но вообще вѣжливо. На то, что называется представительностію, онъ, несмотря на длинную, безконечную опытность, и, казалось бы, привычку, не былъ сроденъ и даже нѣсколько затруднялся при появленіи передъ большимъ числомъ людей.

Какъ Сперанскій любилъ цвѣты, какъ Васильчиковъ былъ страстный любитель охоты и лошадей, какъ Голицынъ окружалъ себя миллиономъ табакерокъ, такъ и Волконскій имѣлъ свою страсть—часы, карманные, столовые, стѣнные и пр. При немъ самомъ всегда находилось ихъ трое: одни въ перстнѣ на рукѣ, или иногда въ мундирной пуговицѣ, и по однимъ въ каждомъ жилетномъ карманѣ; а утромъ, вставъ, первымъ дѣломъ его было собственноручно завести часы, всѣхъ видовъ и размѣровъ, разбѣянные по его комнатамъ, числомъ около тридцати. Припомнивъ, однако, что цѣлая жизнь старика была всегда поглощена службою, и что даже и тогда еще, несмотря на свои 76 лѣтъ ¹⁾, онъ продолжалъ работать какъ поденщикъ, легко можно было помириться съ этою невинною странностію.

Одинъ важный упрекъ, который останется на памяти Волконскаго, состоитъ въ томъ, что онъ не велъ своихъ записокъ, или не заставлялъ, по крайней мѣрѣ, другихъ записывать о всемъ, происходившемъ передъ его глазами, или проходившемъ черезъ его руки. Проведя всю жизнь при дворѣ и почти неотлучно при лицѣ двухъ монарховъ, сложившихъ исторію цѣлаго полувѣка; начальникъ Главнаго штаба въ 1812-мъ году; спутникъ Александра во всѣхъ его побѣдныхъ шествіяхъ и мирныхъ поѣздкахъ; свидѣтель его кончины; 25-тъ лѣтъ министръ Николаева двора. Какая полная, обильная событіями и предметами для наблюденій жизнь; сколько воспоминаній, сколько анекдотовъ! И между тѣмъ, все это исчезло со смертію дѣйствителя, не оставивъ никакого слѣда для исторіи ¹⁾.

¹⁾ Князь скончался въ 1852-мъ году 77-ми лѣтъ.

²⁾ Здѣсь надо, впрочемъ, сказать, что князь каждый день записывалъ

6-го декабря 1850 года доблестный нашъ старецъ достигъ высшей цѣли давнишнихъ своихъ стремленій, осуществленія мечты, тревожности которой онъ не скрывалъ отъ приближенныхъ. Князь былъ пожалованъ въ генераль-фельдмаршалы. Императоръ Николай снисходительно принялъ къ послѣднему желанію вѣрнаго своего слуги и, накануне своего тезоименитства, самъ принесъ ему фельдмаршальскій жезлъ. 8-го числа новому фельдмаршалу представлялся, въ Гербовой залѣ Зимняго дворца, весь гвардейскій корпусъ, подъ начальствомъ наслѣдника цесаревича и съ прочими великими князьями въ своихъ рядахъ. Все это безмѣрно радовало Петра Михайловича, переносившагося тутъ въ старину, когда, въ званіи начальника главнаго штаба, онъ находился во главѣ арміи. Вскорѣ затѣмъ, по всему придворному вѣдомству предписано было, въ рапортахъ, представленіяхъ и пр., его свѣтлости вмѣсто прежняго заголовка: господину министру императорскаго двора, писать впредь: господину генераль-фельдмаршалу, министру императорскаго двора....

Въ апрѣлѣ 1851 года, въ самый день тезоименитства императрицы, Волконскому, по случаю одного новаго назначенія ко двору, показалось, что государь хочетъ поставить его на очную ставку съ однимъ изъ его подчиненныхъ. Онъ глубоко симъ оскорбился и, въ первомъ волненіи, на другой день рано отправилъ слѣдующее письмо, котораго содержаніе осталось тайною для всѣхъ, кромѣ самого государя и лица, изложившаго, со словъ князя, это письмо, послѣ въпрочемъ собственноручно имъ переписанное.

«Прослуживъ 57 лѣтъ, въ томъ числѣ 25 при лицѣ вашего императорскаго величества, съ чистымъ усердіемъ и, благодаря Бога, съ неукоризненною совѣстію, я, во все продолженіе многолѣтней моей службы, руководствовался однимъ чувствомъ—безпредѣльною преданностію къ моимъ государямъ и ревностнымъ исполненіемъ возлагаемыхъ ими на меня обязанностей. Воля вашего величества всегда была для меня священнѣйшимъ закономъ, второю моею религіею. Чуждый всякаго лицепріятія, я слѣдовалъ ей неуклонно, и смѣю сказать, съ самоотверженіемъ, и былъ столько счастливъ, что вы, всемилостивѣйшій государь, постоянно удостоивали меня высочайшаго вашего благоволенія. Осыпанный милостями вашими, я былъ наконецъ возведенъ на высшую степень государственныхъ званій. Мнѣ оставалось только усугубить послѣднія, при преклонныхъ лѣтахъ моихъ, силы, чтобы заслужить вполне эту великую монаршую милость и скончать остатокъ дней моихъ у

что-то въ памятную книжку, которую тотчасъ пряталъ въ столъ, когда кто-нибудь входилъ въ комнату; но это что-то, какъ одному приближенному удалось раза два подмѣтить, относилось главнѣйше и едва-ли не исключительно до службы.

подножія вашего престола. Но внезапный гнѣвъ вашего величества, въ которомъ, къ жестокому прискорбію, выразилась для меня и потеря довѣренности вашей, каковою столько лѣтъ имѣлъ я счастье пользоваться, глубоко потрясъ мою душу. Лишаясь этого драгоцѣннаго достоинства со вредомъ для самой службы, я нахожусь вынужденнымъ всеподданнѣйше просить ваше императорское величество объ увольненіи меня отъ управленія высочайше ввѣреннымъ мнѣ министерствомъ».

Что же сдѣлалъ государь? Онъ въ ту же минуту самъ поспѣшилъ къ князю, объяснилъ причины и истинный смыслъ своего дѣйствія, расцѣловалъ его и, объявивъ, что только смерть можетъ ихъ разлучить, тутъ же разорвалъ принесенное съ собою письмо Волконскаго. Старикъ, увлеченный только первою вспышкой, разумѣется, не могъ остаться холоднымъ къ такимъ изъясненіямъ милости и—все было забыто!

Жена оберъ-штабмейстера, статсъ-дама баронесса Цецилія Владиславовна Фредериксъ, жестоко прохворала весь апрѣль, и внутренній ракъ, или какой-то подобный тому недугъ подвергнувъ ее всѣмъ пыткамъ соединеннаго петербургскаго факультета, даже и самымъ мучительнымъ операціямъ. Внимательность государя и императрицы окружала ее всѣми возможными попеченіями и ласками, и ничто не помогло! Государь, передъ самымъ отъѣздомъ своимъ въ Варшаву ¹⁾ успѣлъ еще заѣхать проститься съ нею. Спустя нѣсколько часовъ, страданія ея окончились на вѣки.

Баронесса Фредериксъ, урожденная графиня Гуровская, сестра извѣстнаго политическаго писателя, поляка и католичка ²⁾, принявшая позже православную вѣру, принадлежала къ современной исторіи нашего двора. Воспитанная вмѣстѣ съ императрицею, будучи старше ея только нѣсколькими годами, она была ближайшимъ ея другомъ до того, что въ своемъ кругу онѣ называли себя «ты» и «ты». Женщина добрая, со всѣми вѣжливая, всѣмъ доступная, не отказывавшая по возможности никому въ помощи, особенно же не дѣлавшая никому преднамѣренна зла,—свойство столь важное въ приближенныхъ ко двору,—она пользовалась общею любовію и потому уже, что была отраженіемъ боготворимой нашей императрицы. Мужъ ея, нѣкогда командиръ лейб-гвардіи Московскаго полка и едва-ли не умерщвленный бунтовщиками 14-го декабря 1825 года, былъ тоже человѣкъ добрый, но котораго жена всю жизнь влекла, съ ступени на ступень, за торжественною своею колесницею. Анекдотовъ о немъ ходило по городу множество.

¹⁾ Государь уѣхалъ въ Варшаву въ ночь съ 28-го на 29-е апрѣля, вслѣдъ за императрицею, которой такъ понравилось пребываніе тамъ въ предшешую осень, что она рѣшилась повторить снова свою поѣздку весной 1851 г.

²⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: „протестантка“.

Встрѣясь со мною, за нѣсколько дней до кончины своей жены, онъ просилъ меня, какъ опытнаго заграничнаго туриста, составить ему смѣту для поѣздки въ Киссингенъ, «comme il avait l'intention d'y aller dès la mort de sa femme» ¹⁾. Вслѣдъ за этимъ, я свидѣлся гдѣ-то съ оберъ-гофмаршаломъ графомъ Шуваловымъ и не утерпѣлъ, чтобы не передать ему этой черты супружеской нѣжности.

— Eh bien—отвѣчалъ графъ—cela ne m'étonne guère, parce qu'hier encore j'ai reçu de sa part une lettre sinon officielle, du moins officieuse, ou il me demande s'il peut espérer qu'après la mort de sa femme on lui conservera l'appartement de la cour, qu'ils avaient occupé ensemble a Tsarskoé Selo ²⁾!

Лѣтніе мѣсяцы 1851 года я провелъ, для здоровья моей жены, за границую, и потому все, происходившее на родинѣ, становилось мнѣ извѣстнымъ только изъ писемъ моихъ корреспондентовъ. Вотъ перечень главныхъ фактовъ, совершившихся во время моего отсутствія изъ столицы.

Съ княземъ Чернышевымъ сдѣлался ударъ, уже не первый въ его жизни, но сильнѣйшій прежнихъ. При одномъ изъ личныхъ докладовъ его государю, у него отнялся языкъ. Немедленное кровопусканіе спасло ему жизнь, но не могло вполне возстановить силъ, и его отвезли лѣчиться въ Киссингенъ.

1-е іюля было праздновано въ Петергофѣ разными воинскими торжествами минованіе 25 лѣтъ отъ назначенія императрицы шефомъ Кавалергардскаго полка.

Къ этому дню, весь корпусъ офицеровъ, прежнихъ и находившихся еще въ полку; поднесъ ей великолѣннѣйшій альбомъ, съ разными живописными изображеніями, относящимися до исторіи полка и пр., въ серебряномъ ковчегѣ и переплетѣ, за которые извѣстному нашему художнику Сазикову заплачено 15.000 р. сер. Но награда по полку не было никакихъ и причину такой невзгоды приписывали дуэли, бывшей, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, между двумя молоденькими офицерами, почти мальчиками, графомъ Гендриковымъ и барономъ Розеномъ. Послѣ обѣда, они повздорили между собою, и ссора кончилась тѣмъ, что Розенъ

¹⁾ Такъ какъ онъ имѣлъ намѣреніе туда ѣхать послѣ смерти своей жены.

²⁾ Итакъ—отвѣчалъ графъ.—Это меня не удивляетъ, потому, что вчера я еще получилъ отъ него письмо, если не официальное, то по крайней мѣрѣ услужливое, гдѣ онъ спрашиваетъ меня, можетъ ли онъ надѣяться, что послѣ смерти своей жены, ему оставятъ помѣщеніе во дворцѣ, которое они вмѣстѣ занимали въ Царскомъ Селѣ.

всадилъ Гендрикову пулю въ голову,—рана, отъ которой послѣдній умеръ, спустя нѣсколько дней, въ жестокихъ страданіяхъ.

Въ Владимірѣ, при крестномъ ходѣ, провалился только-что оконченный новый мостъ и въ паденіи своемъ увлекъ множество людей, слѣдовавшихъ за процессіею. Изъ числа ихъ до 150 человекъ погибло на мѣстѣ и еще болѣе значительное число было изувѣчено.

Въ московской комиссаріатской комиссіи обнаружилия какіе-то безпорядки и недостатокъ суммъ, вслѣдствіе чего начальникъ ея, генералъ-маіоръ Поливановъ, былъ отданъ подъ судъ. Прикосновенность подсудимаго къ дѣлу оказалась, однако жъ, неважною, и государь простилъ его; но пока курьеръ везъ извѣстіе о томъ въ Москву, Поливановъ, не дождавшись его, застрѣлился ¹⁾.

Для развлеченія офицеровъ въ Красносельскомъ лагерѣ, устроенъ былъ тамъ, по представленію наслѣдника цесаревича, временный театръ, на который пріѣзжали играть артисты императорскихъ театровъ. Эти спектакли, довольно часто повторявшіеся, открылись впервые «Бѣлоу Камеліею», прелестною пьескою, сочиненною братомъ жены моей, надѣлавшею въ предшесшую зиму настоящій fuгоге въ С.-Петербургѣ и Москвѣ и въ особенности очень понравившеюся при дворѣ.

Красносельскими маневрами командовалъ въ это лѣто, съ одной стороны, графъ Ридигеръ, знаменитый покоритель Гергея. Государь былъ въ совершенномъ восхищеніи отъ искусныхъ его распоряженій и эволюцій и тѣмъ опять поднялъ старика, который, отъ малаго знанія дѣла и языка, погибалъ совершенно безмолвнымъ членомъ въ Государственномъ Совѣтѣ, не успѣвъ при томъ стяжать благоволенія къ себѣ князя Чернышева, постоянно обходившагося съ нимъ почти какъ съ мальчикомъ.

Въ теченіе лѣта, всемогущая смерть не коснулась ни одного изъ государственныхъ нашихъ сановниковъ, но унесла много людей, пользовавшихся извѣстностію въ другихъ отношеніяхъ. Умерли, между прочимъ, въ глубокой старости, два труженика науки: знаменитый ориенталистъ Френтъ, слава нашей Академіи наукъ и одинъ изъ самыхъ ревностныхъ ея дѣателей, и тайный совѣтникъ Полѣновъ, много писавшій и еще болѣе работавшій про себя надъ собираніемъ матеріаловъ для нашей исторіи XVIII вѣка. Въ послѣднее время, онъ управлялъ всѣми архивами министерства иностранныхъ дѣлъ, и, сверхъ того, послѣ назначенія князя Шихматова министромъ, былъ назначенъ на его мѣсто предсѣдателемъ русскаго отдѣленія Академіи наукъ. Сверхъ того, умерли: живописецъ Егоровъ, одна изъ первыхъ артистическихъ нашихъ знаменитостей, особенно по живописи образовъ; президентъ медико-

¹⁾ Императоръ Александръ II замѣтилъ: „Выдумка, онъ и доселѣ живъ“.

хирургической академіи Шлегель и архитекторъ Ефимовъ, составившій планъ для учрежденнаго въ то время въ Петербургѣ Ново-Воскресенскаго женскаго монастыря и погребенный подъ основаніями возникавшаго его произведенія.

Но важнѣйшимъ событіемъ этого періода времени было открытіе С.-Петербургско-Московской желѣзной дороги, на первый разъ для императорской фамилии. Разумѣется, что по всему ея протяженію сперва нѣсколько разъ проѣхали: графъ Клейнмихель и, частію, даже обер-гофмаршалъ графъ Шуваловъ и лейбъ-медикъ Мандтъ, чтобы удостовѣриться, каждому по своей части, будетъ ли покоенъ проѣздъ для императрицы. 18-го августа, вечеромъ, она прибыла на Петербургскую станцію и провела ночь въ предназначенномъ для нея вагонѣ, состоявшемъ изъ трехъ изящно убранныхъ комнатъ, съ каминомъ, съ кухнею, погребомъ и ледникомъ. Поѣздъ, въ которомъ находились также государь, цесаревичъ съ супругою и двумя старшими своими сыновьями и оба младшіе великіе князя ¹⁾, тронулся 19-го числа въ 4-мъ часу утра, сначала очень медленно, чтобы не потревожить сна императрицы. Въ движеніи своемъ этотъ поѣздъ былъ неоднократно останавливаемъ государемъ для обозрѣнія разныхъ работъ желѣзной дороги и, сверхъ того, подвергся задержкѣ отъ нелѣпости одного изъ строителей, которому вздумалось, для украшенія какого-то моста, выкрасить идущіе по немъ рельсы масляною краскою ²⁾, отъ чего, несмотря на все напряженіе паровъ, колеса вертѣлись безплодно, нисколько не подвигая локомотива, пока успѣхи отскоблить краску... Во многихъ пунктахъ дороги все окрестное населеніе стекалось къ ней, чтобы полюбоваться на царскую фамилію, впервые катящуюся по желѣзнымъ колеямъ изъ одной своей столицы въ другую. Но въ самой Москвѣ, отъ поздняго прихода поѣзда, родилась страшная сумятица. Неизвѣстно почему, рассчитали, что путешественники должны пріѣхать непременно въ 7 часовъ вечера, и съ этого часа весь городъ ждалъ у станціи. Но прошло уже 8 и 9, а ихъ все еще нѣтъ; беспокойство и нетерпѣливость перешли въ волненіе. Толпа вообразила себѣ, что случилось какое-нибудь несчастіе. Стали кричать: «нѣтъ государя; уходили его злодѣи!» Шумъ все возрасталъ и принималъ почти размѣры бунта, какъ наконецъ въ 11 часовъ появился поѣздъ. Тогда не было предѣла восторгу. Выйдя изъ вагона, государь, въ виду всѣхъ перекрестясь и обнявъ Клейнмихеля, направился прямо къ часовнѣ Иверской Божіей Матери и пріѣхалъ въ Кремлевскій дворецъ уже въ первомъ часу ночи.

¹⁾ Императоръ Александръ II къ этому прибавилъ, что здѣсь же находились: „Великая княгиня Ольга Николаевна съ своимъ супругомъ и герцогъ Веймарскій, сынъ великой княгини Маріи Павловны съ своей супругой“.

²⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: „посыпать рельсы пескомъ“.

Двадцатипятилѣтіе короновація, 22-го августа, подобно двадцатипятилѣтію царствованія, не отличалось ничѣмъ особеннымъ при дворѣ. Государь еще прежде объявилъ, что ѣдетъ въ Москву молиться и благодарить Бога, а не веселиться, чѣмъ и объяснялось отсутствіе наградъ и всякихъ придворныхъ празднествъ. Вообще, во все это пребываніе въ Москвѣ императорскаго дома, было только два бала: у князя Сергія Михайловича Голицына и у военнаго генералъ-губернатора, графа Запрудскаго.

Молебствіе, совершенное 22-го августа въ Успенскомъ соборѣ, рѣчь митрополита Филарета и пр., какъ описанное въ газетахъ, не можетъ имѣть здѣсь мѣста; но о чемъ умолчали газеты, это о несчастіи, случившемся на желѣзной дорогѣ, на самыхъ первыхъ порахъ. Пока государь оставался въ Москвѣ, происходило по этой дорогѣ постоянное движеніе фельдъегерей; но, за неокончаніемъ еще вполнѣ втораго ряда рельсовъ, петербургскій имѣлъ приказаніе отправляться въ путь каждый разъ не прежде прибытія московскаго. Это правило было, однакожь, нарушено, и около Клина два поѣзда въ туманную погоду столкнулись на всемъ ходу, такъ что нѣсколько человекъ машинистовъ и кочегаровъ легло на мѣстѣ. Вину въ этомъ одно вѣдомство слагало на другое. Дѣло, впрочемъ, осталось безъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Въ началѣ сентября, государь уѣхалъ изъ Москвы, для обозрѣнія войскъ, въ Луцкъ, Елисаветградъ и Кіевъ, а императрица, съ остальными членами своего дома, возвратилась въ Царское Село, снова тѣмъ же путемъ.

Открытіе желѣзной дороги для публики ¹⁾, за тѣмъ же неокончаніемъ еще втораго ряда рельсовъ, равно какъ нѣкоторыхъ станціонныхъ домовъ и пр. могло послѣдовать не прежде 1-го ноября. Много ли будетъ охотниковъ прокатиться по новой дорогѣ? спрашивали въ городѣ въ ожиданіи этого событія, и вездѣ почти слышался одинъ отрицательный отвѣтъ ²⁾. Съ одной стороны, пугали всѣхъ не собственно желѣзная дорога, а образъ ея устройства и движенія по ней въ Россіи, гдѣ столь многое предоставляется любимому нашему авось. Съ другой стороны, въ изданномъ тогда же Положеніи, являлись разныя стѣсненія, не только противныя порядку, заведенному вездѣ въ Европѣ, но и мало соотвѣтственныя свойству и назначенію желѣзныхъ дорогъ вообще. Отъ каждаго пассажира требовались и формальный паспортъ и свидѣтельство полиціи на безпрепятственный выѣздъ; всѣмъ надле-

¹⁾ Но еще не для товарныхъ поѣздовъ, которые стали отправляться лишь съ 11-го числа.

²⁾ Возвратясь изъ-за границы еще въ началѣ сентября, я въ это время давно уже былъ въ Петербургѣ.

жало быть на станціи за часъ до отправленія поѣзда, а пожитки свои привозить туда за два часа; запрещалось курить не только въ ваго-нахъ, но и на остановочныхъ пунктахъ и пр.

— Прибавьте къ этому—толковали въ городѣ—поспѣшность, съ ко-торою устроена дорога, неопытность кондукторовъ и прочей прислуги. всю вѣроятность ихъ пьянства и всякихъ отъ нихъ грубостей, и согла-ситесь, что, въ первое по крайней мѣрѣ время, мало кто отважится на такую головоломную и окруженную столь многими непріятностями поѣздки!

По городу разнесся даже анекдотъ, разумѣется вымышленный, буд-то бы два министра, которыхъ взаимная ненависть была всѣмъ извѣ-стна, находя, что обоимъ вмѣстѣ нельзя долѣе жить на свѣтѣ, но счи-тая, однакоже, неприличнымъ ихъ званію и лѣтамъ кончить дѣло по-единкомъ на животъ или на смерть, рѣшились бросить узелокъ, кому изъ нихъ трижды прокатиться по новой дорогѣ между столицами.

Несмотря на все это, та же публика, накануне первой поѣздки, утверждала, что за требованіемъ билетовъ явилось до полутора тысячи человѣкъ, но что самой большей части было отказано, такъ какъ поѣздъ беретъ съ собою, въ одинъ разъ, не болѣе трехсотъ пассажировъ. И это все были одни празднословные вымыслы.

Первый поѣздъ долженъ былъ отправиться изъ С.-Петербурга и изъ Москвы одновременно, въ 11-ть часовъ. Ненастное и темное, почти какъ ночь, утро не помѣшало огромнымъ массамъ народа столпиться къ этому времени на станціи и вокругъ нея. То же самое происходило и въ Москвѣ, гдѣ любопытство возбуждено было еще въ высшей степени, ибо у насъ, по опыту сообщенія съ Царскимъ Селомъ и Павловскомъ, по крайней мѣрѣ звали уже давно, что такое желѣзная дорога, а тамъ она представлялась совершенною новизною. Публика ждала мо-лебствія или освященія новаго пути, но ихъ не было, за совершеніемъ уже этого обряда передъ царскою поѣздкою.

— Да и зачѣмъ служить молебень?—говорили остряки,—скорѣе при-дется отслужить въ Москвѣ панихиду!

Наконецъ, вмѣсто 11-ти часовъ, поѣздъ, подъ предлогомъ но-вости дѣла, тронулся въ 20 минутъ 12-го и достигъ мѣста назначе-нія совершенно благополучно, но тоже, вмѣсто 5-ти часовъ утра, какъ слѣдовало по положенію, только въ 9-ть ¹⁾. Московскій поѣздъ, съ своей стороны, двинулся тоже въ 12-мъ часу и прибылъ сюда въ поло-винѣ 10-го. Пассажировъ на этотъ разъ было, по соразмѣрности, ко-нечно, немного и съ обѣихъ сторонъ почти равное число. Изъ Петер-

¹⁾ Напечатанное Положеніе пазначало для переѣзда 18-ть часовъ; но этотъ срокъ, съ перваго же дня, увеличенъ до 22-хъ.

бурга выѣхало: въ первыхъ мѣстахъ 17, на вторыхъ 63 и на третьихъ 112, всего 192; изъ Москвы же пріѣхало всѣхъ 134. Въ противность предсказаніямъ скептиковъ, все оказалось прекраснымъ: и вагоны, и станціонные дома, и прислуга. Цѣны были опредѣлены съ перваго дня слѣдующія: за первое мѣсто 19, за второе 13, за третье 7 руб. сер.

Такимъ образомъ, въ теченіе мѣня года, совершились два огромныя событія, одно многознаменательное для Сѣверной столицы, другое и для нея, и для Москвы, и для цѣлой Россіи: открытіе Благовѣщенскаго моста, откинувшее всѣ ужасы весеннихъ и осеннихъ сообщеній черезъ Неву въ область преданій, и открытіе С.-Петербургско-Московской желѣзной дороги, перенесшее, какъ нѣкогда, при первой мысли о томъ, выразился императоръ Николай, Москву въ Кронштадтъ и обратно.

Послѣ всѣхъ исполненныхъ подвиговъ славнаго царствованія, это былъ достойный вѣнецъ его двадцатипятилѣтія!

По возвращеніи моемъ изъ-за границы, я 23-го сентября былъ приглашенъ императрицею къ обѣду въ Царское Село. Государь, какъ я уже писалъ, въ началѣ этого мѣсяца поѣхалъ въ Луцкъ, Елисаветградъ и Кіевъ, и по маршруту ожидали его возвращенія только черезъ день, т. е. 25-го числа. За столомъ, сверхъ императрицы, цесаревича и его супруги, находились: министръ двора князь Волконскій, генералъ-адъютантъ графъ Паленъ, прусскій министръ Роховъ и я, всего семь человѣкъ; но оставался еще пустымъ восьмой приборъ, поставленный для великаго князя Константина Николаевича, который только передъ самымъ обѣдомъ прислалъ сказать, изъ Павловска, что почему-то не можетъ быть. Итакъ мы сѣли, кончили устерсы и супъ и уже принимались за говядину, какъ вдругъ тихо отворялась задняя дверь во внутреннія комнаты и изъ нея выглянулъ—государь, котораго, хотя онъ обыкновенно предупреждалъ маршрутные сроки, въ эту именно минуту никто не ожидалъ. Императрица вспорхнула, какъ птичка, съ своего мѣста, и всѣ мы, разумѣется, тоже тотчасъ вскочили изъ-за стола. Пошли семейныя объятія, разспросы, точно въ частномъ быту; приближали немедленно и дѣти цесаревича и повисли на шеѣ у дорогаго дѣдушки.. Впервые еще случилось мнѣ быть свидѣтелемъ такой фамильной сцены въ царственномъ домѣ, и передъ величественною простотою этой картины я едва могъ удержаться отъ слезъ. Рохова, проводшаго лѣто на франкфуртскомъ сеймѣ, государь также обнялъ, а намъ, остальнымъ, ласково поклонился, назвавъ каждого поименно. Потомъ сѣли опять за столъ, накрытый, какъ я уже сказалъ, будто нарочно на восьмерыхъ. Хозяинъ, какъ былъ, въ дорожномъ сюртукѣ, помѣстился возлѣ хозяйки, мы спустились каждый ниже на одинъ при-

боръ, п обѣдъ начался съизнова. Государь казался чрезвычайно утомленнымъ и прямо въ томъ сознавался, рассказывая, что всего только четверо сутокъ съ четырьмя часами какъ выѣхалъ изъ Елисаветграда, да и изъ этого времени одѣ сутки провелъ еще въ Кіевѣ.

— Гдѣ не было шоссе и по пескамъ—говорилъ онъ,—мы (т. е. онъ съ графомъ Орловымъ) никакъ не успѣвали сдѣлать въ сутки болѣе 340 верстъ; но на шоссе, какъ посмотрѣли сегодня при утреннемъ чаѣ сколько проѣхали отъ вчерашняго, т. е. въ 24 часа, вышло 480 верстъ.

Боже мой! подумалъ я, какая непрерывная нить опасностей для этой дорогой жизни! И когда каждый изъ насъ, послѣ такого полета и столькихъ безсонныхъ ночей, тотчасъ залегъ бы спать, этотъ человѣкъ, составлявшій во всемъ изытіе, едва сѣвъ за столъ, послалъ фельдгегера въ Павловскъ сказать Константину Николаевичу, чтобы отнюдь не пріѣзжалъ самъ, а ждалъ бы его.

— Quand nous nous leverons de table—прибавилъ онъ—et que je me serai décrassé et rasé, j'irai embrasser la nouvelle-née (родившуюся въ его отсутствіи великую княжну Ольгу Константиновну) et la maman.

Разговоръ за столомъ носилъ на себѣ, однакожъ, явные слѣды усталости новопріѣзжаго. Государь коротко спрашивалъ о Царскосельскомъ и Павловскомъ обществѣ того сезона, о тамошнихъ увеселеніяхъ, о томъ, гдѣ Паленъ и я провели лѣто за границею, о здоровьи князя Чернышева и фельдмаршала князя Варшавскаго, котораго въ Луцкѣ, при смотрѣ, ушибла лошадь; но не входило самъ ни въ какіе подробные рассказы и не предлагалъ также тѣхъ плодотворныхъ вопросовъ, которыми такъ всегда умѣлъ поддерживать бесѣду. Замѣтно было, впрочемъ, изъ его словъ, что онъ въ эту поездку остался чрезвычайно доволенъ тремя вещами: 1) осмотрѣнными имъ войсками; 2) новымъ Московско-Бобруйскимъ шоссе, которому, какъ онъ тутъ же отозвался, «никогда подобнаго не видывалъ, а лучшаго, конечно, никогда и не увидитъ», 3) весьма уже далеко подвинувшимся въ то время постояннымъ мостомъ черезъ Днѣпръ у Кіева. Обѣдъ шелъ чрезвычайно скоро; государь кушалъ очень мало, а за нимъ спѣшили или отказывались и другіе; послѣ же стола тотчасъ подали кофе, а за нимъ, почти въ ту же минуту, безъ всякихъ дальѣйшихъ разговоровъ, послѣдовалъ и прощальный поклонъ.

Поездка эта, какъ я слышалъ послѣ отъ имѣвшихъ случай часто видѣть государя, если и утомила его болѣе обыкновеннаго тѣлесно, то чрезвычайно оживила его духъ, въ которомъ, въ послѣднее передъ нею время, замѣчали какую-то особенную мрачность, или, что называется, *mauvaise humeur*. Проявленіе этого дурнаго расположенія духа преимущественно обнаруживалось всегда, когда шло дѣло о заграничныхъ отпускахъ, въ разрѣшеніи которыхъ, кромѣ значительнаго возвышенія

цѣнъ за паспорта (250 р. для здоровыхъ и 100 р. для больныхъ), онъ снова сдѣлался въ это время строже и разборчивѣе, чѣмъ когда-либо. Одному богатому, неслужащему курляндцу, съ родни мнѣ, который просился къ водамъ съ больною семьею, было объявлено, что онъ, вмѣсто чужихъ краевъ, можетъ ѣхать къ отечественнымъ водамъ. Такіе примѣры, какъ и простые отказы, повторялись безпрестанно. Но яи надъ кѣмъ дѣло не разразилось такъ плачевно, какъ надъ сыномъ бывшаго нѣкогда оберъ-шталмейстера князя Долгорукова, служившимъ въ Государственной канцеляріи и просившимся за границу на годъ, по здоровью, не только разстроенному, но и совершенно разрушенному. На представленіи о томъ, государь, къ испугу высшаго петербургскаго общества, написалъ: «Уволить отъ службы».

Восхищеніе государя отъ Брестъ-Литовскаго шоссе, изъясненіямъ котораго я былъ свидѣтелемъ, не осталось безъ послѣдствій, можно сказать совершенно необычайныхъ и безпримѣрныхъ. Это шоссе, со всѣми къ нему принадлежностями, строилъ, по подряду, отставной поручикъ Вонялярскій, человекъ очень хорошій, очень умный и гениальный спекуляторъ, въ совершенствѣ исполнившій въ этомъ случаѣ свою контрактную обязанность, но взявшійся за дѣло, какъ и всякій подрядчикъ, все же имѣя въ виду извлечь для себя выгоды. Вдругъ, приказомъ 25-го сентября, онъ «за примѣрно-превосходное и совѣстное исполненіе взятой на себя обязанности, былъ пожалованъ изъ отставныхъ поручиковъ—прямо въ статскіе совѣтники, съ назначеніемъ состоять при 1-мъ отдѣленіи собственной его величества канцеляріи для особыхъ порученій!

12-го октября, совершилось пятидесятилѣтіе службы нашего министра финансовъ. Это число пришлось въ пятницу, всегдашній день его личнаго доклада; но государь, въ нѣжной предупредительности, велѣлъ ему на этотъ разъ явиться къ себѣ, вмѣсто пятницы, въ четвергъ. Едва Вронченко вошелъ въ кабинетъ, какъ государь, взявъ со стола приготовленные заранѣе знаки Андреевскаго ордена, самъ ихъ на него возложилъ и потомъ прочелъ ему написанный собственноручно проектъ грамоты на эту милость. Вронченко, почти въ безпамятствѣ отъ такого счастья, припалъ къ его ногамъ и умолялъ отдать ему этотъ черновой проектъ, какъ драгоценнѣйшую для него награду; но государь не согласился, говоря, что проектъ отошлется въ 1-е отдѣленіе собственной канцеляріи, для заготовленія по немъ настоящей грамоты. Въ городѣ нельзя было обратиться толковъ и пересудовъ о новомъ андреевскомъ кавалерѣ; но едва-ли они имѣли основаніе. Важнѣйшее, неожиданнѣйшее, невѣроятнѣйшее, такъ сказать рѣшительнѣйшее въ карьерѣ Вронченко было—назначеніе его управлять министерствомъ фи-

нансовъ; все же прочее, какъ скоро труды и личность его были угодны государю, должноствовало слѣдовать за этимъ само-собою.

Еще зимою съ 1850 на 1851 годъ учрежденъ былъ особый Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ наслѣдника цесаревича, для разсмотрѣнія вопроса: быть или не быть желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Варшаву. Этотъ Комитетъ рѣшилъ дѣло, преимущественно основавшись на мнѣніи графа Гурьева, тѣмъ, чтобы окончательное разсмотрѣніе его отложить на годъ со времени открытія Московской дороги, дабы удостовѣриться изъ опыта, какіе доходы будетъ приносить сія послѣдняя. Но, въ пребываніе свое въ Москвѣ осенью 1851 года, государь перевершилъ этотъ вопросъ, велѣвъ приступить къ построенію Варшавской дороги немедленно и въ возможной скорости, не столько для тѣхъ цѣлей, для которыхъ обыкновенно сооружаются желѣзныя дороги, сколько изъ видовъ стратегическихъ.

— Въ случаѣ внезапной войны, — говорилъ онъ, — при теперешней общей сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ, Варшава, а отсюда и весь нашъ западъ могутъ быть наводнены непріятельскими войсками прежде, чѣмъ наши успѣютъ дойти изъ Петербурга до Луги.

Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было новую дорогу строить на счетъ казны, посредствомъ займа. Прямого публичнаго извѣщенія о семъ, впрочемъ, въ то время, не послѣдовало, но явилось, нѣкоторымъ образомъ, косвенное, въ приказѣ 8-го октября, которымъ объявлялось особенное монаршее благоволеніе товарищу главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, генералу Герстфельду, за «отличное и вполнѣ удовлетворительное исполненіе возложеннаго на него порученія по изысканіямъ къ сооруженію С.-Петербургско-Варшавской желѣзной дороги».

Смерть короля Ганноверскаго, этого энергическаго до упорства старичка, который одинъ, въ минувшіе страшные годы, умѣлъ отстоять монархизмъ въ Германіи, не осталась у насъ безъ нѣкотораго сочувствія, хотя, впрочемъ, по его лѣтамъ, она не могла быть неожиданною. Извѣстіе о ней пришло сюда въ одну изъ ноябрьскихъ субботъ, когда на воскресенье уже былъ назначенъ спектакль въ Царскомъ Селѣ, гдѣ имѣлъ еще свое пребываніе императорскій домъ. Вслѣдствіе того спектакль отмѣнили, но только въ половину, т. е. вмѣсто представленія въ постоянномъ театрѣ, устроенномъ въ одной изъ залъ стараго дворца, актеры играли въ Александровскомъ, гдѣ, вмѣсто декорацій, были поставлены простыя ширмы. Въ этотъ день давалась новая, неигранная еще тогда на петербургскихъ театрахъ, русская пьеска, въ родѣ французскихъ «Провербовъ», подъ заглавіемъ: «Чему быть, тому не миновать». Эта умная, милая болтовня принадлежала также перу сочинителя

«Бѣлой Камелии», т. е. брату моей жены. Государь чрезвычайно остался ею доволенъ и нѣсколько разъ принимался хвалить (впрочемъ заочно) своего редактора «Инвалида», должность, которую занималъ въ то время мой шуринъ.

Большія собранія въ петербургскомъ высшемъ обществѣ, въ теченіе зимы 1851 года, были чрезвычайно рѣдки. При всѣхъ препонахъ, полагавшихся заграничнымъ поѣздкамъ, главная часть нашего большого свѣта находилась тогда въ Парижѣ, и вмѣсто того, чтобы принимать здѣсь, распредѣлила между собою вечера тамъ. Посреди политическаго шума, борьбы партій и ожидавшихся безпокойствъ, графъ Воронцовъ-Дашковъ, графиня Разумовская, князь Радзивиллъ, Рибопьеръ и другіе учредили свои пріемныя дни въ запрещенномъ Парижѣ, какъ бы у себя дома, въ нашемъ мирномъ Петербургѣ!

26-го ноября, въ Георгіевъ день, ровно черезъ четыре года послѣ присяги великаго князя Константина Николаевича, принесъ такую же съ тѣмъ же торжествомъ и по тому же церемоніалу, великій князь Николай Николаевичъ. Случилось только двѣ разницы въ окружавшихъ обстоятельствахъ: во 1-хъ, Константинъ Николаевичъ во время своей присяги былъ уже женихомъ и даже сама невѣста его уже находилась въ Петербургѣ, а для Николая Николаевича будущее его въ семъ отношеніи оставалось еще покрытымъ совершенною неизвѣстностью; во 2-хъ я тогда уже болѣе мѣсяца преподавалъ Константину Николаевичу законовѣдѣніе, а братъ его еще не приступалъ ни къ какимъ занятіямъ по этой части. Наканунѣ этого дня, пришли сюда первыя телеграфическія вѣсти о новомъ переворотѣ въ Парижѣ, приблизившемъ Наполеона «le petit», какъ его тогда у насъ называли, къ роли Наполеона «le grand».

Разныя преобразованія, предпринятые въ Публичной библіотекѣ со времени вступленія моего въ управленіе ею, повели за собою, между прочимъ, и составленіе, для ея посѣтителей, новыхъ правилъ. Проектъ ихъ я отвезъ, въ началѣ декабря, къ князю Волконскому. Бѣдный старичекъ въ то время уже около мѣсяца имѣлъ ноготѣду на ногѣ и не выѣзжалъ, даже не могъ ходить, сколько отъ боли, столько и отъ невозможности обуваться. Эти страданія не мѣшали ему, однакожъ, работать и оканчивать дѣла съ обыкновенною дѣятельностью и быстротою, и вся разница состояла въ томъ, что государь, вмѣсто пріема его и выслушиванія его докладовъ у себя, самъ къ нему приходилъ ¹⁾. При та-

¹⁾ Князь жилъ во дворцѣ, близъ стараго Эрмитажа, и особый подъѣздъ, съ котораго вела къ нему лѣстница, назывался, частно и официально, подъѣздомъ „князя Волконскаго“.

комъ докладѣ, врученъ былъ Волконскимъ и мой проектъ. На другой день, государь встрѣтилъ меня съ моимъ сыномъ въ Большой Морской.

— Здорово, Корфъ, — сказалъ онъ, остановясь указывая на моего мальчика, — что, который номеръ? А все ли у тебя благополучно? Читалъ я твое Положеніе для посѣтителей; все очень хорошо, только не надо пускать въ Библіотеку кадетъ. Что имъ тамъ читать при элементарномъ ихъ образованіи? Нужныя по степени ихъ книги есть и въ собственныхъ корпусныхъ библіотекахъ. Нижнимъ чинамъ тѣмъ болѣе нечего тамъ дѣлать. Студенты — дѣло другое: это прямая ихъ обязанность и назначеніе. Передѣлай же, пожалуйста, статью въ этомъ смыслѣ.

Подъ конецъ царствованія императора Николая, частью отъ болѣзненнаго состоянія императрицы, частью же отъ увеличившагося въ немъ самомъ, съ лѣтами, нерасположенія къ представительности, то, что называется при нашемъ дворѣ большими выходами, т. е. церемоніальныя шествія въ придворный соборъ, бывавшія въ прежнее время разъ двѣнадцать и болѣе въ году, становились постепенно все рѣже и назначались, напослѣдокъ, кромѣ какихъ-нибудь особенныхъ придворныхъ церемоній (крестинъ, бракосочетаній и проч.) уже только въ Пасху, въ Рождество и въ праздникъ Богоявленія. Такъ и 6-го декабря 1851 г., въ день тезоименитства государя, все ограничилось однимъ лишь выходомъ въ малую Дворцовую церковь, въ которую приглашалась всегда военная свита, а изъ числа прочихъ особъ являлись, безъ зова, только нѣкоторые изъ членовъ Государственнаго Совѣта и изъ другихъ приближенныхъ. Послѣ обѣдни, государь, сказавъ нѣсколько словъ старшимъ членамъ Совѣта, обошелъ быстро остальныхъ и, остановясь передо мною, стоявшимъ однимъ изъ послѣднихъ, протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— А я къ тебѣ опять съ челобитною: за двухъ послѣднихъ, понимаешь? Надѣюсь, что ты, изъ дружбы ко мнѣ, и въ этотъ разъ не откажешь. — И онъ пошелъ такъ скоро далѣе, что я могъ только поклониться, не успѣвъ ничего выговорить.

Между тѣмъ, мнѣ не трудно было понять, къ чему относились эти мимолетныя слова, такъ какъ еще наканунѣ управлявшій воспитаніемъ великихъ князей Николай и Михаилъ Николаевичей генералъ-адъютантъ Философовъ предварилъ меня объ отъѣздѣ государя, что и имъ уже пора бы начать свои занятія по законовѣднію и что онъ самъ меня о томъ попросить. Вслѣдствіе того, возвратясь домой, я написалъ записку, въ которой, изъявивъ благоговѣйную готовность сдѣлаться, по силамъ, достойнымъ вновь явленнаго мнѣ знака монаршаго довѣрія, испрашивалъ разрѣшеніе, должны ли занятія съ великими князьями имѣть то же содержаніе и тотъ же объемъ, какіе предначертаны были его величествомъ для бесѣдъ моихъ съ старшимъ ихъ братомъ?

Записка эта возвратилась съ слѣдующею надписью: «Душевно благодарю; желаю, чтобъ занятія ваши были совершенно на подобіе бывшихъ съ Константиномъ Николаевичемъ, хотя предвѣряю, что младшіе братья не столь еще приготовлены, какъ былъ онъ».

Великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи были воспитаны и ведены, какъ и всѣ дѣти императора Николая, въ самой патриархальной простотѣ. Половина ихъ, въ Зимнемъ дворцѣ, въ концѣ извѣстнаго большаго корридора, возлѣ самой ротонды, передъ малою Дворцовою церковью, состояла, кромѣ самой маленькой передней, всего изъ трехъ комнатъ: залы, которая была вмѣстѣ бильярдною, гостиною и даже столовою (для завтраковъ, потому что обѣдали великіе князья вмѣстѣ съ августѣйшими своими родителями); спальня, гдѣ стояли, почти рядомъ, имѣя какую-нибудь сажень между собою, головами къ стѣнѣ, двѣ низенькія и узенькія походныя кровати, и гдѣ, на диванѣ, постоянно спалъ при нихъ многіе годы помощникъ Философова, дальній мой родственникъ, теперь генералъ-адъютантъ, баронъ Корфъ; наконецъ учебной, гдѣ вдоль всѣхъ стѣнъ размѣщена была библіотека. Большою залою, примыкавшею къ учебной и посреди которой стояла огромная модель корабля ¹⁾, они располагали только въ случаѣ чрезвычайныхъ и болѣе многочисленныхъ пріемовъ. Когда начались мои занятія съ ними, я, при одной изъ нашихъ бесѣдъ, чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ и жаловался на лихорадочный ознобъ.

— Совѣтую вамъ,—сказалъ Михаилъ Николаевичъ,—напитаться на ночь горячаго чаю и хорошенько укрыться шинелью.

Этотъ совѣтъ укрыться шинелью содержалъ въ себѣ цѣлую исторію ихъ спартанскаго воспитанія!

22-го декабря, за столомъ у государя присутствовали, сверхъ цесаревича и его супруги и двухъ младшихъ братьевъ, генералъ-адъютантъ графъ Паленъ, оберъ-шенкъ графъ Віельгорскій и я.

— Ну—сказалъ государь, подойдя передъ обѣдомъ ко мнѣ первому—я, кажется, испытываю твое терпѣніе до конца (намекъ на новыхъ моихъ учениковъ); но за то, уже впередъ, огромное тебѣ спасибо.

За нѣсколько дней передъ симъ, цесаревичъ и супруга его осчастливили своимъ посѣщеніемъ обновленную мною Публичную библіотеку и остались всѣмъ очень довольны. Какъ только сѣли за столъ, государь сказалъ:

¹⁾ Въ этой залѣ прежде, при императорѣ Александрѣ I-мъ и въ первые годы царствованія его преемника, собирался Государственный Совѣтъ, переведенный, впоследствии, въ Эрмитажъ.

— Я слышу отъ дѣтей, что ты сдѣлалъ изъ библіотеки просто чудеса, и кругомъ виновать, что еще не побывалъ у тебя; но если бѣ ты зналъ, какъ въ концѣ года я заведенъ... постараюсь, впрочемъ, скоро исправить свою вину ¹⁾. Виновать еще и въ томъ, что отнялъ у тебя твои хорошенькія рукописи, съ которыми свидѣлся, впрочемъ, въ Эрмитажѣ, какъ съ старыми знакомыми: представь, что онѣ мнѣ памятни, почти совѣстно сказать, еще съ 1805 года, когда ихъ привезъ Дубровский! Правда, что, въ тогдашнія мои лѣта, онѣ не много доставляли мнѣ удовольствія... За то, я велѣлъ передать тебѣ изъ Эрмитажа разныя другія рукописи и пропасть книгъ. Надо жѣ намъ, наконецъ, согласиться въ цѣли. Эрмитажная библіотека есть, въ моемъ понятіи, семейная, и потому въ ней должно быть то, что можетъ понадобиться мнѣ или моему семьѣ; все прочее, вся латынь, все ученое, слѣдуетъ въ Публичную библіотеку, гдѣ будетъ гораздо полезнѣе. При томъ оба заведенія состоятъ теперь въ одномъ главномъ вѣдомствѣ и все нужное Эрмитажу можно будетъ тотчасъ получать изъ библіотеки.

Далѣе, государь говорилъ еще о торфяномъ ея отопленіи и прибавилъ, что запахъ отъ него заносится даже въ Караванную; хвалилъ мысль мою имѣть во внутреннихъ лѣстницахъ деревянныя ступени, потому что, въ случаѣ пожара, ихъ можно тотчасъ отломать, а желѣзныя такъ накаляются, что становятся хуже деревянныхъ; рассуждалъ, тоже съ похвалою, о произведенномъ нами перемѣщеніи всѣхъ печей въ подвалы, о вновь устроенныхъ вертящихся витринахъ и пр.; словомъ, изъяснялся обо всѣхъ сдѣланныхъ у насъ улучшеніяхъ, какъ бы самъ ихъ осматривалъ, очевидно по рассказамъ его сыновей. Но когда я упомянулъ, что во всемъ этомъ гораздо болѣе заслуги со стороны моего помощника князя Одоевскаго съ архитекторомъ Соболевскимъ, которыми все главное сдѣлано во время заграничной моей поѣздки, то онъ замаялъ мои слова и, какъ бы не разслышавъ ихъ, перемѣнилъ предметъ разговора. Было также говорено объ извѣстной московской коллекціи старопечатныхъ книгъ Карабанова, именно около этого времени перешедшей, послѣ смерти ея владѣльца, въ руки правительства, и объ еще болѣе извѣстномъ московскомъ же «Древлехранилищѣ» Погодина, о которомъ въ особенности цесаревна отзывалась съ чрезвычайнымъ уваженіемъ.

— Уполномочиваю тебя—сказать мнѣ государь—если Погодинъ расположится продать свое собраніе, при жизни или послѣ смерти, войти съ нимъ въ условія для его приобрѣтенія въ казну. Всегда желатель-

¹⁾ Государь, дѣйствительно, удостоилъ библіотеку своимъ посѣщеніемъ 13-го декабря 1852 года.

нѣе, для самаго сбереженія такихъ коллекцій, чтобы онѣ оставались въ рукахъ правительства, а не частныхъ людей¹⁾.

— Et pourtant,—замѣтила цесаревна—si ici un particulier n'avait pas songé à recueillir et à ramasser ces curiosités elles auraient été perdues pour la science.

— C'est vrai,—отвѣчалъ государь—mais quel est le sort ordinaire de ces collections? Après la mort de celui qui les a amassées à grands frais, des héritiers ignorants ou cupides cherchent à s'en défaire à tout prix et elles finissent par se difféminer, s'il n'arrive pas encore pire, comme avec la célèbre collection du Comte Pouchkine, brulée en 1812²⁾. Я благодарилъ за великолѣпный портретъ императрицы Екатерины II, работы современнаго ей художника Левицкаго, присланный библіотекѣ въ подарокъ отъ государя, и сказалъ, что онъ поставленъ въ Ларинской залѣ, гдѣ производитъ безподобный эффектъ, составляя, однакожъ, маленькій анахронизмъ, потому что и Ларинская зала и вся эта часть библіотеки построена при нынѣшнемъ государѣ, котораго портретъ находится въ отдѣленіи рукописей.

— Этому легко пособить,—возразилъ усмѣхнувшись государь—мою рожу выкинуть, а на ея мѣсто поставить портретъ Екатерины.

— Позвольте протестовать противъ этого, государь—отвѣчалъ я—вашъ портретъ стоитъ между знаменитыми трофеями вашихъ побѣдъ: рукописями Ахалцхскими, Ардебильскими и пр. и не можетъ тутъ никому уступить своего мѣста!

Изъ числа разговоровъ, не относившихся до библіотеки, интереснѣйшіе за этимъ обѣдомъ были слѣдующіе:

1) Государь спросилъ у императрицы:

— As-tu déjà lu la lettre de Fritz (такъ онъ называлъ всегда, въ домашнемъ кругу, прусскаго короля)? Il va jusqu'à dire qu'avant la fin de l'année prochaine Louis Napoléon deviendra notre collègue. Je me permets d'en douter. Qu'il devienne tout ce qu'il voudra, grand-Muphti même, s'il lui plaît; mais quant au titre d'Empereur ou de Roi, je ne crois pas qu'il soit assez imprudent pour y viser... J'ai encore remarqué

¹⁾ Послѣ многихъ переговоровъ, собраніе Погодина было куплено, осенью 1852 года, за 150 тыс. руб. сер.

²⁾ — И однако,—замѣтила цесаревна,—если бы здѣсь частный человѣкъ не подумалъ собрать и подобрать эти рѣдкости, онѣ были бы потеряны для науки.

— Это вѣрно,—отвѣчалъ государь,—но какова обыкновенно участь этихъ коллекцій? Послѣ смерти того, кто собралъ ихъ съ большими расходами, невѣжественные или алчные наслѣдники стараются во что бы то ни стало отъ нихъ отдѣлаться и кончаютъ тѣмъ, что коллекція умалется, если худшее не случается, какъ со знаменитою коллекціею графа Пушкина, сгорѣвшей въ 1812 г.

une chose dans la lettre de Fritz: il prétend que Louis Napoléon a été, par sa conduite, cause de la mort de sa mère; mais jamais je n'en ai entendu parler ¹⁾, и государь обратился съ вопросомъ о томъ къ графу Палену, какъ долго находившемуся нашимъ посланникомъ въ Парижѣ; но и тотъ отвѣчалъ, что никогда ничего подобнаго не слыхивалъ ²⁾.

2) Была рѣчь о замѣнѣ въ Англіи министерства Пальмерстона министерствомъ Гренвилля; но государь, несмотря на извѣстное его нерасположеніе къ первому, не выразилъ тутъ никакого мнѣнія и сдѣлалъ только Палену нѣсколько вопросовъ о прежней карьерѣ Гренвилля.

3) Спросивъ меня, видѣлъ ли я новую драму Кукольника: «Денщикъ», государь очень ее хвалилъ. Когда же цесаревичъ замѣтилъ, что въ ней есть хорошіе стихи, но, какъ драматическое дѣло, она лишена жизни, длинна и скучна (что было я общимъ мнѣніемъ публики), государь согласился, что пьеса слишкомъ растанута.

4) На вопросъ императрицы, поѣдетъ ли государь въ тотъ вечеръ въ театръ, онъ отвѣчалъ, что еще не знаетъ, удосужится ли, потому что долженъ писать фельдмаршалу (князю Варшавскому).

— Бѣдный фельдмаршалъ,—продолжалъ государь—мало того, что онъ самъ все хвораетъ и хвораютъ также и умираютъ его дѣти; вотъ теперь сгорѣлъ еще его Гомель (имѣніе князя въ Могилевской губерніи) со всѣмъ, что было у него тамъ собрано.

¹⁾ Государь спросилъ у императрицы:

— Прочла ты уже письмо Фрица? Онъ дошелъ до того, что говорить, будто до конца будущаго года Людовикъ Наполеонъ сдѣлается нашимъ товарищемъ. Я позволяю себѣ сомнѣваться въ этомъ. Пусть онъ сдѣлается чѣмъ онъ хочетъ, самымъ великимъ Муфтіомъ, если это ему нравится, но что касается до титула императора или короля, я не думаю, чтобы онъ былъ настолько неостороженъ, чтобы посягать на него... Я еще замѣтилъ одну вещь въ письмѣ Фрица: онъ утверждаетъ, что Людовикъ Наполеонъ, чрезъ свое поведеніе, былъ причиною смерти своей матери; но я никогда не слышалъ объ этомъ.

²⁾ Здѣсь—одна очень примѣчательная вещь. На другой день, встрѣтясь съ графомъ Бенкендорфомъ (племянникомъ шефа жандармовъ и наслѣдникомъ его графскаго титула), прїѣхавшимъ сюда изъ Берлина, гдѣ онъ состоялъ въ то время военнымъ нашимъ агентомъ и, вмѣстѣ, домашнимъ, такъ сказать, посредникомъ между обоими царственными домами, я рассказывалъ ему объ этомъ разговорѣ. „Comment—возразилъ онъ—personne n'a-t-il donc remarqué que le Roi de Prusse dans sa lettre ne songeait nullement à la véritable mère de Louis Napoléon et qu'il s'exprimait simplement au figuré, en voulant dire que le président de la république avait violé et abrogé la constitution, dont lui-même était le produit et le fils“. (Какъ,—сказалъ онъ,—никто не замѣтилъ, что король прусскій въ своемъ письмѣ нисколько не думалъ о настоящей матери Луи Наполеона и что онъ выражался иносказательно, желая сказать, что президентъ республики, будучи ея сыномъ, нарушилъ и ограничилъ конституцію).—Дѣйствительно, это никому не пришло на мысль.

5) Вслѣдствіе какого-то à parte съ сидѣвшею возлѣ государя цесаревною, котораго я не разслышалъ, онъ перечислилъ всѣхъ женъ преступниковъ 14-го декабря, которыхъ, при ссылкѣ ихъ мужей въ Сибирь, добровольно за ними послѣдовали, и прибавилъ, что, во всякомъ случаѣ, «с'était un trait de dévouement digne de respect, d'autant plus qu'on voyait si souvent le contraire» ¹⁾).

Во время стола прибѣжали дѣти цесаревича и съ ними маленькій Николай Константиновичъ, котораго, вмѣстѣ съ его сестрою, перевезли на время отсутствія ихъ родителей (они проводили ту зиму въ Венеціи), въ Зимній дворецъ, подъ крылышко къ доброй бабушкѣ, и помѣстили тамъ въ комнатахъ, бывшихъ великой княгини Ольги Николаевны.

За обѣдомъ у императрицы сдѣлался обыкновенный ея припадокъ біенія сердца, и она принуждена была удалиться, что, однакожъ, не помѣшало ей принять насъ послѣ стола, лежа на диванѣ, у котораго сѣли государь и всѣ мы.

— Allez vous aujourd'hui chez les enfants?—спросила она меня—je veux dire chez les grands enfants: Nicolas et Michel ²⁾)?

— Я отвѣчалъ, что это не мой день и что буду у нихъ завтра.

— Tâchez donc d'en faire non des juristes, mais des hommes connaissant les véritables intérêts de leur patrie»—сказала императрица ³⁾).

¹⁾ Это былъ знакъ преданности, достойный уваженія, тѣмъ болѣе, что такъ часто видимъ противное.

²⁾ Идете вы сегодня къ дѣтямъ? спросила она меня.—Я хочу сказать къ большимъ дѣтямъ: Николаю и Михаилу?

³⁾ Постарайтесь сдѣлать изъ нихъ не юристъ-консультовъ, но людей знающихъ настоящіе интересы ихъ отечества,—сказала императрица.